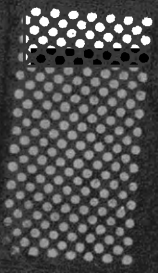
63.3(2)
И-90



ИСТОРИЯ РОССИИ

ИСТОРИЯ СИБИРИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ПЯТИ ТОМАХ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1968

63.3(4)
И-90

9
4-

ИСТОРИЯ СИБИРИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ДРЕВНЯЯ СИБИРЬ

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
НИЖНЕВАРТОВСКАЯ
ЦБС
ИНВ № 57414 93-1 КО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1968

От Редакции

История Сибири, прошлое огромной территории на востоке Советского Союза, простирающейся от Урала до Тихого океана и от границы с Монголией до Ледовитого океана, издавна привлекает внимание исследователей. Главной причиной интереса к историческому прошлому Сибири, выразившегося в их трудах, было стремление осветить грандиозные масштабы процесса освоения территории и природных богатств Сибири, развития ее производительных сил. Интерес к Сибири в русской исторической литературе возникает вслед за первыми походами русских за Урал и особенно после Ермака. Уже в XVII в. по свежим следам этих событий появляются первые сибирские летописи, «Описание новые земли Сибирского государства», послужившее, по словам С. В. Бахрушина, первой сводкой «всего доступного исторического, географического и этнографического материала по этому краю».[1] С. У. Ремезов по указу Петра I создает в конце XVII в. свой монументальный труд — первый географический атлас сибирских земель — «Чертежную книгу Сибири» и параллельно с ним свою «Сибирскую историю», основанную на летописях и других источниках.[2] Одновременно обнаруживается столь же живой интерес к Сибири, ее этнографии, историческому прошлому и археологическим памятникам за рубежом, на Западе. Свидетельство тому — огромный компилятивный труд Н. Витзена «Северная и Восточная Татария».[3] В следующем XVIII в. выражением возраставшего внимания к истории Сибири был фундаментальный труд Г. Ф. Миллера, составивший эпоху в историографии Сибири и явившийся выдающимся событием в русской и мировой исторической науке того времени.[4] На протяжении XIX—начала XX в. идет дальнейшая разработка проблем истории Сибири. Появляются как многочисленные исследовательские работы по отдельным вопросам сибирской археологии, истории, этнографии, так и сводные обобщающие обзоры: «Историческое обозрение Сибири» П. А. Словцова,[5] «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг.» И. В. Щеглова,[6] пятитомный «Исто-

---

[1] С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 6.

[2] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. XVII век. М.—Л., 1960, стр. 116—117.

[3] N. Witsen. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam (первое издание — 1692, второе — 1705, третье — 1785 г.).

[4] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937; т. II, М.—Л., 1941.

[5] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири. Книга первая с 1585 по 1742 г. СПб., 1886; книга вторая с 1742 по 1823 г. СПб., 1888.

[6] И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1884.

рический очерк Сибири» В. К. Андриевича.[7] С самого начала в этих исследованиях обнаруживаются определенные социально-политические мотивы, различные классовые точки зрения, два противоположных лагеря. Еще в XVII—XVIII вв. одна группа историков, начиная с Г. Ф. Миллера, рассматривала прошлое Сибири с точки зрения господствующих классов старой царской России. Для них Сибирь была «золотым дном», исключительные природные ресурсы которой должны были стать экономической опорой крепостнического русского государства. История же Сибири была для них прежде всего историей завоеваний русских царей, побед, одержанных их оружием на востоке, правительственных мероприятий. Такая оценка прошлого народов Сибири неразрывно связана и с более широкими общеисторическими концепциями, со взглядом на всемирную историю как историю немногих «избранных» народов и рас.

Наряду с европоцентризмом этот взгляд находит свое конкретное выражение и в «азиацентризме», когда непомерно преувеличивается роль какого-либо одного народа или культурного центра в Азии, создается фикция его исключительности, культурной, политической и экономической гегемонии в жизни других азиатских народов. Еще А. Шлецер делил народы мира на две категории, на «исторические» и «неисторические», «избранные» и «неизбранные». В число последних, разумеется, входили народы Севера, поскольку они не произвели ни одного завоевателя, не имеют своей писаной истории, а вся их история, по словам Шлецера, «погребена в истории их победителей». С другой стороны, прогрессивно мыслящие люди, такие как С. П. Крашенинников, М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, видели в истории Сибири прежде всего выражение творческой активности народа, направленной на освоение естественных богатств и развитие производительных сил этих обширных областей.

В наше советское время эта история безмерно расширилась и приобрела значение, которого никогда не имела раньше. Советские археологи и историки открыли многовековую историю дорусской Сибири. По-новому, в свете марксистско-ленинской методологии, раскрылись и судьбы Сибири в эпоху феодализма, в процессе становления и развития капиталистических отношений. Перед историками нашего времени встали и совершенно новые задачи: показать, как вместе со всем советским народом народы Сибири приняли участие в величайшей из революций — Великой Октябрьской социалистической революции, в строительстве социализма и на наших глазах приступили к созданию основ коммунистического общества.

Изучение Сибири приобрело новый мощный стимул в той важной роли, которую она играет как база строительства коммунизма на востоке нашей страны. Чтобы составить представление о перспективах дальнейшего развития Сибири и Дальнего Востока, следует вспомнить, что Сибири (с Тюменской и Курганской областями) принадлежит 40% пространства величайшего из материков нашей планеты — Азии (12 836.9 тыс. кв. км), на 38% больше, чем территория Соединенных Штатов Америки. Здесь могло бы разместиться 23 таких государства, как Франция. Это больше половины — 56% — территории всего Советского Союза. На ней находится более трех четвертей природных ресурсов нашей страны, в том числе (вместе с Дальним Востоком) свыше 90% угольных и 60% гидроэнергетических запасов, 70% леса, богатые месторождения нефти и газа, золота, алмазов, цветных и редких металлов, не говоря уже о традиционном богатстве Севера — пушнине. Богатства Сибири известны всему миру. «Мы увидели безбрежные лесные просторы, каких не знают ни Канада, ни США, и лежащую среди них Братскую ГЭС, равной которой нет в мире. Это сочетание природных богатств и индустриальной мощи явилось самым глу-

[7] В. К. Андриевич. Исторический очерк Сибири, чч. I—II. СПб., 1889.

боким из первых впечатлений о Советском Союзе», — сказал один из крупных промышленников Японии, президент компании Кобэ Сэйтацу — Асада после посещения Братска.[8] Чем дальше, тем большее значение будут иметь колоссальные ресурсы Сибири, тем значительнее будет ее доля в экономике нашей страны, в строительстве нового коммунистического общества. «Могущество России Сибирью прирастать будет», — пророчески сказал М. В. Ломоносов. «Сибирь — страна будущего», — писал Джордж Кеннан. Эти старые слова приобретают теперь новый, несравненно более глубокий, чем прежде, смысл.

Изучение истории Сибири представляет большой интерес не только с точки зрения развития производительных сил, но и в ином аспекте, в свете ленинской национальной политики. Сибирь — многонациональный край. По переписи 1959 г., в Сибири проживает (включая Тюменскую и Курганскую области, а также Дальний Восток) 23 558 тыс. чел. Из них русских — 19 607 тыс., украинцев — 1221.5 тыс. чел. и коренных народностей — около 1223.6 тыс. чел. Последние делятся на тюркоязычные, тунгусо-маньчжурские, монголоязычные, самодийские и угорские, а также палеоазиатские группы. Тюркоязычная группа населения насчитывает 859.0 тыс. чел. К ней относятся якуты (232.2 тыс. чел.), тувинцы (99.8 тыс.), хакасы (56 тыс.), алтайцы (44.6 тыс.), шорцы (14.9 тыс.), долганы (3.9 тыс.), тофалары (0.5 тыс.), татары (407.1 тыс.). Тунгусо-маньчжурская группа насчитывает 45.7 тыс. чел. К ней относятся эвенки (тунгусы) — 24.5 тыс. чел., эвены (ламуты) — 9 тыс., нанайцы (гольды) — 8 тыс., ульчи — 2 тыс., удэгэйцы — 1.3 тыс., ороки, орочи и другие мелкие группы. К монголоязычной группе относятся буряты (251.5 тыс. чел.). В группу самодийских языков входят ненцы (22.8 тыс. чел.), селькупы (3.7 тыс.), нганасаны и энцы, в угорскую — ханты (19.2 тыс.) и манси (6.3 тыс.). В палеоазиатскую группу условно объединены такие народности, которые не входят ни в одну из перечисленных выше групп: на северо-востоке Азии — чукчи, коряки, юкагиры, ительмены, алеуты; на Енисее — кеты, на Амуре — нивхи (гиляки), общим числом около 25.7 тыс. чел.

Коренные народы Сибири, отсталые в прошлом, жестоко эксплуатируемые правящими классами царской России, за 300 лет общения с русским народом усвоили прогрессивные трудовые навыки, передовую русскую культуру, новые формы хозяйства, в том числе земледелие. По сравнению с XVII в. общая численность их выросла в четыре раза. Решающий перелом в их жизни произошел при помощи русского народа после Великой Октябрьской социалистической революции. Это был переход на некапиталистический путь развития к социализму, на путь коренного преобразования экономики, строительства новой культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме. У бесписьменных прежде народов Сибири возникает собственная письменность и литература, в школах ведется преподавание на родном языке. Свидетельством усиливающегося в результате успехов социалистического и коммунистического строительства на востоке нашей страны интереса к истории Сибири служат многочисленные исследования, как посвященные отдельным историческим проблемам, так и обобщающие работы, в том числе по истории отдельных народностей — бурят, якутов, алтайцев, шорцев, тувинцев, хакасов, чукчей, городов, областей и национальных республик. Таковы, например, «Народы Сибири»,[9] «История Якутской АССР» (в трех томах),[10] «История Бурят-

---

[8] «Правда», 28 октября 1965 г.
[9] Народы Сибири. М.—Л., 1956.
[10] История Якутской АССР, т. 1. М.—Л., 1955; т. 2, М., 1957; т. 3, М., 1963.

ской АССР» (в двух томах),[11] «История Тувы» (в двух томах) [12] и другие работы сибирских историков. Обширный материал по прошлому Сибири содержится в трех томах «Сибирской советской энциклопедии», изданной в Новосибирске в 1929—1932 гг.

Следует отметить также, что значительное внимание история, этнография и археология Сибири привлекают за рубежом. В США и других странах систематически рецензируются и переводятся работы советских ученых, в том числе «Народы Сибири» (из серии «Народы мира»).[13] Кроме того, особо изданы в США глава из этого тома «Древнее население Сибири и его культура» А. П. Окладникова, монографии М. Г. Левина, С. И. Руденко и А. П. Окладникова, сборники избранных работ археологов и этнографов Сибири.[14] Общий обзор прошлого народов Сибири на материалах русских дореволюционных и советских ученых дан в книгах Э. Ленгиеля и Э. Леснера.[15] В Японии издана книга Като Кюдзо «История Сибири», где последняя рассматривается на всем протяжении — с древнейших времен и до наших дней. Характерно, что Като Кюдзо правдиво описывает ход исторических событий в Сибири, высоко оценивает творческую энергию, стойкость и мужество советского народа в борьбе за дальнейшее освоение, экономическое и культурное развитие Сибири. Он отмечает, что Советская власть обеспечила политический, материальный и культурный подъем коренных народов Сибири, освободив их от гнета и эксплуатации, имевших место при царизме. Его книга содействует укреплению дружественных отношений между японским и советским народами.[16]

При всем том, несмотря на значительные успехи, достигнутые после Октября в изучении прошлого народов Сибири, до сих пор в литературе, как мы видели, имелись лишь труды по истории отдельных народов или исследования, посвященные тем или иным периодам и сторонам сибирской жизни. После перечисленных больших сводных трудов авторов XVIII и XIX вв. сибирская историография не знала сколько-нибудь удачных опытов создания общей истории Сибири. Во всяком случае этой цели не могла соответствовать последняя серьезная работа В. И. Огородникова, поскольку она осталась незаконченной и он ограничился, по его собственному признанию, лишь «Введением» к истории Сибири.[17] И, само собой разумеется, до революции не было попыток создать общую историю Сибири на основе марксизма.

Тем острее сказывалось отсутствие обобщающего марксистского обзора прошлого Сибири и населяющих ее народов с древнейших времен до наших дней. Исторические исследования в этой области науки явно отста-

---

[11] История Бурятской АССР, тт. 1—2. Улан-Удэ, 1959.

[12] История Тувы, т. 1. М., 1964.

[13] M. G. Levin and L. P. Potapov (editors). The Peoples of Siberia. Chicago, 1964.

[14] A. P. Okladnikov. Ancient Population of Siberia and its Culture. Chicago, 1964; M. G. Levin. Ethnic Origins of the Peoples of Northeastern Asia. Arctic Institute of North America. «Anthropology of the North: Translations from Russian Sources», № 3, Toronto, 1963; S. I. Rudenko. The Ancient Cultures of the Bering Sea and the Eskimo Problem. «Anthropology of the North: Translations from Russian Sources», Toronto, 1962; H. N. Michael (editor). The Archaeology and Geomorphology of Northern Asia: Selected Works. Arctic Institute of North America. «Anthropology of Toronto press», 1964; A. P. Okladnikov. The Soviet Far East in Antiquity. An Archaeological and Historical Study of the Maritime Region of the USSR. Arctic Institute of North America. «Anthropology of the North: Translations from Russian Sources», № 6, Toronto. 1965.

[15] Emil Lengyel. Siberia. New York, 1943; Ervin Lessner. Gradle of Conquerors of Siberia. New York, 1955. — Характерно, что в книге Ленгиеля, изданной в 1943 г., отдается должное успехам советского народа в строительстве новой Сибири, тогда как книга Леснера выдержана в тонах «холодной войны».

[16] Като Кюдзо. История Сибири. Токио, 1963. 212 стр. (на яп. яз.).

[17] В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX в., ч. I. Иркутск, 1920.

вали от бурного развития нашей страны в целом и такого важного в ее жизни района, каким является Сибирь, от культурных и политических потребностей нашего народа.

Учитывая все это, Президиум Академии наук СССР, Сибирское отделение АН СССР приняли решение о создании обобщающего коллективного труда по истории Сибири, в котором впервые должно быть рассмотрено прошлое народов Сибири, включая Дальний Восток и северо-восток Азии, на марксистско-ленинской основе. В создании этого труда приняли участие историки, археологи, этнографы, экономисты, языковеды и антропологи Москвы, Ленинграда, а также большинства сибирских городов: Новосибирска, Томска, Иркутска, Улан-Удэ, Якутска, Владивостока, Благовещенска, Омска, Кемерово и др. Начиная это нелегкое научное предприятие, его инициаторы и участники ясно представляли себе трудности, которые ожидали их на этом пути, и прежде всего неравномерное развитие науки о прошлом Сибири, недостаточную разработанность ряда общих методологически важных проблем, а также документальной основы — наличие зияющих провалов в источниковедческой базе.

Авторский коллектив пятитомной «Истории Сибири», сознавая важность поставленной цели, идя порой по необходимости неразработанными путями, вскрывая целинные пласты исторических событий и явлений, стремился освоить и обобщить материалы предшествующих исследований, подвести итог новейшим достижениям советского сибиреведения.

«История Сибири» строится следующим образом.

Первый том посвящен народам Сибири до присоединения к России.

Во втором томе освещается процесс включения Сибири в состав Российского государства, освоение русским народом громадных территорий от Урала до Тихого океана, тесные культурные и экономические взаимоотношения русского народа и коренных народов Сибири. В томе рассматриваются первые географические открытия на северо-востоке Азии, организация управления Сибирью, колониальная политика царизма, социально-экономические процессы, классовая борьба, своеобразие культурной жизни и другие важные вопросы сибирской истории.

Третий том посвящен истории Сибири периода капитализма (1861—1917 гг.). В нем рассматриваются дальнейшее развитие экономики и культуры как русского населения, так и коренных народностей Сибири, их общественно-политическая жизнь, борьба рабочих и крестьян против гнета и эксплуатации, революционная деятельность большевиков и национально-освободительная борьба народов Сибири. Показаны революционные события в Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг. и победа народа в Февральской буржуазно-демократической революции.

Четвертый том охватывает период с 1917 по 1937 г. В этом томе на основе обобщения многочисленных исследований и материалов освещаются победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в Сибири, героическая борьба трудящихся и Красной Армии в период гражданской войны и иностранной военной итервенции. В томе большое место занимает история коллективизации сельского хозяйства и развитие промышленности и культуры в период индустриализации СССР. Раскрываются основные особенности строительства социализма в Сибири, переход ранее отсталых народов к социализму, минуя этап капиталистического развития.

Пятый том посвящен современному этапу развития Сибири (1937—1965 гг.). В томе рассказывается об участии сибиряков в Великой Отечественной войне Советского Союза, о героическом подвиге трудящихся Сибири в тылу и о их помощи фронту. В нем рассматриваются исторические события послевоенного периода — полная и окончательная победа

социализма, прослеживается дальнейший рост значения Сибири в укреплении экономической мощи и в развитии науки и культуры социалистического государства, в строительстве основ коммунизма в нашей стране.

* * *

В настоящем, первом, томе охвачено, как сказано выше, по крайней мере 25 тысячелетий сибирской истории, начиная с наиболее древних, известных в настоящее время, палеолитических культур каменного века и кончая периодом, непосредственно предшествующим приходу русских за Урал. В нем в основном на новом археологическом материале с привлечением данных этнографии, языкознания, а также антропологии и четвертичной геологии освещен исторический путь многочисленных народов Сибири. Показаны своеобразие их исторического развития и самобытный вклад в общечеловеческую мировую культуру, культурно-этнические связи и взаимодействие народов Сибири с соседними странами и народами.

Основной хронологической гранью, которая разделяет этот том с последующим вторым томом, являются события в Западной Сибири конца XVI в., связанные с походом Ермака. Но поскольку остальные территории Сибири были присоединены позже, в последней главе тома речь идет о событиях, происходивших в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и на северо-востоке Азии непосредственно перед вхождением этих областей в состав России. Эта глава, рисующая положение народностей Восточной Сибири и Дальнего Востока к моменту контакта с русскими, таким образом, в известной мере «перекликается» с соответствующими разделами и главами второго тома. Остальные главы тома посвящены историографии дорусского прошлого народов Сибири и событиям, происходившим здесь в эпоху палеолита, неолита, в бронзовом, а также в железном веках.

В ходе изложения освещаются последовательные перемены в хозяйстве, бытовом укладе, в общественных отношениях и духовной культуре, искусстве и верованиях. При этом, естественно, обнаруживается несовпадение темпов общественного развития. У ряда народов, оказавшихся в более благоприятных условиях, например у гуннов и хагясов, еще на рубеже нашей эры или даже ранее возникают зачатки государственной организации и классовых отношений. У других же, а к их числу относится большинство народностей Сибири, до соприкосновения с русскими устойчиво сохранялись элементы первобытнообщинного строя и древней культуры. Следует иметь в виду также, что по ряду важных проблем среди исследователей существуют разногласия. Это, например, касается трактовки вопроса о происхождении карасукской культуры, об уровне развития феодальных отношений у кочевых тюркских народностей Южной Сибири второй половины I тыс. н. э., о социальном строе якутов и бурят в XVI—начале XVIII в. Такие же споры ведутся в области этногенеза, например об этнической принадлежности носителей андроновской культуры или о связи древних глазковцев Прибайкалья с позднейшими тунгусами или палеоазиатами. В таких случаях редколлегия первого тома принимала наиболее аргументированные и признанные большинством исследователей взгляды. Индивидуальные точки зрения некоторых исследователей нашли отражение в опубликованном ранее макете (например, в главах о карасукской и тагарской культурах).[18]

Первая историографическая глава тома написана А. И. Мартыновым (археология) и Н. Н. Степановым (история, этнография). Вторая глава

[18] Древняя Сибирь. (Макет первого тома «История Сибири»). Подготовлен к изданию членами редколлегии I тома чл.-корр. АН СССР А. П. Окладниковым (редактор), кандидатом исторических наук В. Е. Ларичевым (секретарь). Улан-Удэ, 1964.

написана А. П. Окладниковым (использованы также материалы Э. А. Вангенгейм, Э. И. Равского, З. А. Абрамовой, Г. И. Медведева, М. П. Аксенова, Г. Н. Матюшина).

В третьей главе параграф «Неолит Западной Сибири» написан Г. А. Максименковым и А. П. Окладниковым, «Неолит Восточной Сибири» — В. Е. Ларичевым (неолит Енисея — Г. А. Максименковым), «Неолитические племена Якутии» — В. Е. Ларичевым и С. А. Федосеевой, «Неолит Дальнего Востока» — А. П. Окладниковым (раздел, посвященный неолиту Среднего Амура, написан А. П. Деревянко). Параграф о неолитических племенах северо-востока Сибири принадлежит Н. Н. Дикову (Чукотка и Камчатка), Р. С. Васильевскому (Охотское побережье), Р. В. Козыревой (Сахалин), Р. В. Козыревой и А. П. Окладникову (Курилы).

В главе четвертой параграф «Афанасьевская культура» написан М. П. Грязновым и Э. Б. Вадецкой; параграфы «Окуневская культура и ее соседи на Оби», «Андроновское время в Южной Сибири» написаны Г. А. Максименковым с участием А. И. Мартынова (использованы материалы В. И. Матющенко), параграф «Карасукская культура» принадлежит М. П. Грязнову, Б. Г. Пяткину и Г. А. Максименкову, «Тагарская культура» — М. П. Грязнову, «Племена восточносибирской тайги в бронзовом веке» и «Бронзовый век Якутии» — В. Е. Ларичеву, «Бронзовый век Забайкалья» — М. И. Рижскому, «Дальний Восток в эпоху бронзы» — А. П. Окладникову, Н. Н. Дикову, Р. В. Козыревой.

В главе пятой параграф «Алтай и Тува в скифское время» написан А. Д. Грачем, «Племена лесостепной и лесной полосы Западной Сибири в I тыс. до н. э.» — В. И. Мошинской, «Гунны в Забайкалье» — М. И. Рижским, «Племена Тувы во II в. до н. э.—V в. н. э.» — С. И. Вайнштейном, «Таштыкская культура» — А. И. Мартыновым, «Дальний Восток в раннем железном веке» — Ж. В. Андреевой и Г. И. Прониной.

В главе шестой параграф «Тюркские народы Южной Сибири» написан Л. П. Потаповым, «Уйгуры» — Л. Р. Кызласовым с использованием материалов С. И. Вайнштейна, «Курыканы» — Е. Ф. Седякиной, «Кыргызы» — Н. А. Мальцевой, «Лесные племена Прииртышья и Нижнего Приобья в I—начале II тыс. н. э.» — Г. М. Могильниковым.

В главе седьмой параграф «Мохэские племена до образования государства Бохай» написали Э. В. Шавкунов и А. П. Деревянко, параграф «Государство Бохай» написан Э. В. Шавкуновым, «Золотая империя (чжурчжени)» — В. Е. Ларичевым, «Племена северо-востока» — Н. Н. Диковым, Р. С. Васильевским, Д. А. Сергеевым.

В главе восьмой параграф «Западная Сибирь в XIII—XVI вв.» написан З. Я. Бояршиновой и Н. Н. Степановым, «Тува» — Л. Р. Кызласовым, «Енисейские кыргызы» — Л. П. Потаповым, «Буряты» — Г. Н. Румянцевым и Л. Л. Викторовой, «Тунгусы» — Г. М. Василевич, «Якуты» — З. В. Гоголевым, «Дальний Восток в XIII—XVI вв.» — Е. И. Кычановым и Э. В. Шавкуновым, «Народы северо-востока» — И. С. Гурвичем (юкагиры), И. С. Вдовиным (коряки и чукчи), Е. П. Орловой (ительмены, алеуты).

Заключение написано А. П. Окладниковым. Макет тома обсуждался в институтах археологии и этнографии АН СССР. Всем ученым, принимавшим участие в обсуждении макета, редколлегия тома приносит глубокую благодарность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

История изучения древнейшего прошлого Сибири

Еще до вхождения Сибири в состав Русского государства русские люди интересовались Сибирью, ее народами, их историей и древностями. Уже в «Повести временных лет» под 1096 г. содержится рассказ Гюряты Роговича о народе югра, живущем в Уральских горах и нуждающемся в железе. По домыслам русского книжника, это был народ, который еще Александром Македонским был загнан «на полунощные страны в горы высокие».[1]

В позднейших летописных данных, в разрядных книгах о походах за Урал в XV в. содержатся отдельные отрывочные сведения о народах Сибири. Древнейшим литературным памятником о народах Сибири явилось новгородское сказание конца XV в. «О человецех незнаемых в восточной стране». В сказании наряду с фантастическими сведениями сообщался целый ряд достоверных данных о самодийских и угорских племенах.

Поход Ермака 1581 г. и походы московских воевод в конце XVI—начале XVII в. послужили сюжетом первых «сибирских летописей» (Есиповской и Строгановской). В них дан краткий очерк дорусской Сибири, сообщаются сведения о самодийских и угорских племенах, о татарах и истории Сибирского татарского царства.[2]

Большой материал о расселении народов Сибири, их занятиях, социальных отношениях и культуре содержится в различных документах «землепроходцев» — первооткрывателей XVII в. («скаски», «распросные речи», «росписи» и т. д.). Все эти документы воссоздают картину дорусской Сибири — Сибири перед появлением здесь русских людей.

На XVII в. падают и первые разведки археологических памятников. Русские рудознатцы познакомились с древними рудниками в Приуралье, на Алтае, а позже в Забайкалье. Внимание к археологическим памятникам обнаруживается и в литературных трудах. Так, в хронографе первой половины XVII в. содержатся сведения о писаницах на р. Томи. В «Путешествии» Н. Спафария (1675 г.) дано описание писаниц на Енисее, а также древних городищ на Иртыше и остатков древних укреплений на Байкале.[3]

В XVI—XVII вв. появился ряд сочинений о Сибири и в Западной Европе. Многие из них давали материал и о дорусской Сибири.[4] Наи-

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. «Летопись занятий археографической комиссии за 1916 год», вып. 29. СПб., 1916, стр. 293—295.

[2] Сибирские летописи. СПб., 1907.

[3] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая... в 1675 году. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. 10, вып. 1, СПб., 1882.

[4] Обзор и ряд текстов даны в труде акад. М. П. Алексеева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» (изд. 2-е, Иркутск, 1941).

большее значение из них имел труд Н. Витзена «Noord en Oost Tartarey» (1692 г.), своего рода энциклопедия Сибири. Витзен сообщал в нем сведения по этнографии, истории и археологии Сибири, в частности о сибирских курганах.

Важным этапом в изучении дорусской Сибири были труды С. У. Ремезова в конце XVII—начале XVIII в. В «Описании о сибирских народах», в главах «О начале Сибирской земли» и «О начале происшествия народов Сибири», Ремезов дал исторический очерк дорусской Сибири, основанный главным образом на татарских легендах. В главе «О обычаях сибирских народов» он дал этнографическое описание народов Сибири. Материал в этом труде дан только о народах Западной Сибири. Другой работой Ремезова была «История Сибирская», в начале которой автор изложил историю дорусской Сибири, историю Сибирского татарского царства.[5] Ремезов также систематически собирал материалы о древних «чудских» и более поздних татарских жилищах, мольбищах, крепостях и курганах. На его картах в «Чертежной книге Сибири» имеются указания на древние городища. В 1703 г. Ремезов обнаружил писаницы в Кунгурской пещере и сделал с них четыре чертежа. Эта была первая в России фиксация наскальных изображений.[6]

В 1716 г. Г. Новицкий подготовил «Краткое описание о народе остяцком», в котором было дано описание древней культуры и верований хантов и высказан ряд соображений об этнических связях «чуди», коми и хантов.[7]

В XVIII в. изучение истории дорусской Сибири принимает планомерный и систематический характер.

В 1720—1727 гг. состоялась экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь. Он проехал от Урала до Северной Маньчжурии и от Саянских гор до Нижней Оби. Итогом этой экспедиции явились многочисленные дневники[8] и обширная коллекция древних предметов. Материалы Мессершмидта имеют важное значение для древней истории и исторической этнографии Сибири. Мессершмидт провел и первые научные раскопки в Сибири с чертежами раскопок (раскопки древних курганов на левом берегу р. Абакана), а также зарисовал писаницы на Енисее и Томи. Ему принадлежит также первенство в исследовании тюркской письменности, которую он назвал «рунической» по сходству с рунами Скандинавии. Спутником Мессершмидта в 1721—1722 гг. был шведский пленный офицер Страленберг, собравший также значительный материал о древностях и истории Сибири, в том числе о писаницах и шлифованных каменных орудиях. Он высказал ряд гипотез о древнем населении Сибири и его культуре. Собранные материалы и свои гипотезы Страленберг изложил в труде «Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia» (Stockholm, 1730).

Большое внимание вопросам истории, этнографии и археологии Сибири уделял первый русский историк В. Н. Татищев. В составленной им анкете «Предложение о сочинении истории и географии российской» (первая редакция — 1734 г., вторая — 1737 г.) были специальные вопросы, касав-

---

[5] «Описанне о сибирских народах» Ремезова дошло до нас только в составе Черепановской летописи. Об этом см.: А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. I. М.—Л., 1960, стр. 186—190. — «История Сибирская» опубликована в издании «Сибирские летописи» (СПб., 1907).

[6] Чертежная книга Сибири. СПб., 1882.

[7] Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. Издано под редакцией Л. Н. Майкова. СПб., 1884.

[8] Материалы Мессершмидта издаются с 1962 г. в ГДР в фундаментальном издании «D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727», являющемся совместным изданием Академии наук ГДР и Академии наук СССР. Издание рассчитано на 10 томов. Вышло уже 2 тома.

шиеся древней истории и археологических памятников. Анкета была разослана по Сибири, и в итоге сбора данных по анкете составился обширный фонд описаний городов и уездов Западной и Восточной Сибири, не опубликованный и почти не использованный исследователями до настоящего времени. В этих материалах есть данные, относящиеся и к дорусской Сибири.[9]

Блестящие страницы в изучение древней истории, исторической этнографии и археологии Сибири вписала академическая экспедиция 1733—1743 гг., особенно такие ее участники, как Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников, Я. Линденау и Г. В. Стеллер.

Г. Ф. Миллер собрал большое количество актов XVI—XVII вв. и ряд ценнейших рукописей — русских (в том числе Ремезовскую летопись), монгольских, тангутских и др. Им же были собраны устные предания многих сибирских народов, описаны обряды и обычаи народов, зарисованы древние сооружения, наскальные изображения и надписи, обследованы древние городища и могильники, собрана коллекция из могильников.

В трудах Миллера, особенно в «Истории Сибири», были поставлены многие вопросы истории дорусской Сибири. Так, первая глава излагала «события древнейших времен до русского владычества». В ней освещались древняя история монгольских и тюркских племен, история Сибирского татарского царства, сообщались материалы по исторической этнографии тунгусов, угров, кетов, якутов и других сибирских племен и народов. Миллер высказал ряд соображений о происхождении и этнических связях народов Сибири (южное происхождение тунгусов, якутов и т. д.). По археологии Сибири Миллером были написаны специальные статьи: «О памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов», «О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском», «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных», «О сибирских писаных камнях» и др.[10]

Большой материал по исторической этнографии и археологии был опубликован И. Г. Гмелиным в труде «Reise durch Sibirien» (тт. 1—4, Göttingen, 1751—1752).

Значительные материалы по исторической этнографии северо-востока Сибири собрал Я. Линденау. Им были написаны этнографические очерки якутов, тунгусов, ламутов, юкагиров, коряков. В них ярко воссоздана материальная культура и быт этих народов в период прихода на северо-восток русских.[11]

Исключительное значение имеет труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (тт. I—II, СПб., 1755). Крашенинников на Камчатке еще застал самобытную культуру ительменов и дал подробнейшее ее описание. Это была культура каменного века. Подробно описывает Крашенинников и социальные отношения ительменов, которые предстают как переходные от материнского рода к отцовскому. Материалы Крашенинникова были дополнены Г. Стеллером в его труде «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» (Leipzig, 1774).

В 1768—1774 гг. состоялась большая экспедиция акад. П. С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь. Паллас путешествовал по Западной Сибири, был на Алтае, в Восточной Сибири и Забайкалье. Он собрал большие материалы по исторической этнографии, археологии и языкам народов Сибири. Материалы Палласа были опубликованы в трудах «Пу-

---

[9] Об анкетных материалах В. Н. Татищева см.: А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. II. М.—Л., 1965, стр. 311—328.

[10] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937. — Здесь же опубликованы и указанные археологические материалы.

[11] Материалы Линденау не опубликованы до настоящего времени.

тешествие по разным провинциям Российской империи (чч. 1—3, СПб., 1773—1788) и «Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolische Völkerschaften» (тт. I—II, St.-Petersbourg, 1776—1806). Паллас дал описание курганов по рекам Чулыму и Июсу в Минусинской котловине и их классификацию. Он первым дал классификацию тагарских курганов. Интересны наблюдения Палласа над горными выработками Алтая, в связи с чем он высказал мысль о том, что прародина финнов и венгров находится на Алтае.

Для разработки проблем этногенеза народов Сибири имел значение и другой труд Палласа — «Сравнительные словари всех языков и наречий» (тт. I—II, СПб., 1787—1789). В этот словарь вошли материалы по языкам народов Сибири, полученные в ответ на разосланные Академией наук вопросы.

В 1776—1778 гг. в Петербурге вышел первый сводный труд Георги по этнографии России — «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» (чч. 1—3). Большое место в нем было уделено народам Сибири. Георги ставил в своем труде проблемы исторической этнографии Сибири, выдвигая различные гипотезы о происхождении народов Сибири, а также давал материалы о древней культуре этих народов. Георги дал классификацию народов Сибири, основанную на лингвистических данных.

К концу XVIII в. относятся первые раскопки на севере Сибири, осуществленные выдающимся русским мореплавателем Г. А. Сарычевым. В 1792 г. он раскопал остатки древних жилищ к востоку от устья р. Колымы на Барановом мысу. Об этих материалах он рассказал в своем труде «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану...» (чч. 1—2, СПб., 1802).

Другой участник экспедиции Биллингсгаузена—Сарычева Мерк написал первую серьезную работу о чукчах «Beschreibung der Tschuctschee», где дал описание самобытной культуры этого народа.[12]

Таким образом, в XVIII в. в результате работы ряда академических экспедиций, а также многих историков и этнографов были заложены основы изучения дорусской Сибири, поставлены проблемы классификации народов Сибири, их происхождения и истории, стали систематически изучаться древние культуры. Своеобразным научно-художественным обобщением материалов XVIII в. явился труд А. Н. Радищева «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». Опираясь на материалы Миллера, Радищев дал краткий очерк дорусской Сибири. Интересны соображения Радищева о последовательности в Сибири каменного века, времени применения медных и бронзовых орудий и эпохи «монгольцев» Чингисхана, употреблявших железные орудия труда.[13] Эта смелая догадка на целую четверть века опередила выводы Томсена о трех периодах в развитии первобытной культуры.

В первой половине XIX в. в Сибири не было научных предприятий такого масштаба, как в XVIII в. Однако изучение древней истории Сибири не ослабевает. В нем участвуют местные научные центры (Иркутский музей, возникший в 1782 г., и др.) и Академия наук. Наконец, в 40-х годах возникает Русское географическое общество, его отдел создается и в Сибири (в 1851 г.).

Исследованием археологических памятников в Восточной Сибири и на северо-востоке занимался М. Геденштром. Он первый отметил два

---

[12] Работа К. Мерка не опубликована до настоящего времени.

[13] А. Н. Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири. «Полное собрание сочинений», т. 2, М.—Л., 1941.

замечательных местонахождения культур каменного века около Иркутска — Верхоленскую гору и Тункинские стоянки. В результате поездки на Чукотку Геденштром установил, что каменные орудия здесь очень похожи на те, которые находились «в земле в полуденной части Иркутской губернии».[14]

В первой половине XIX в. сбором археологических материалов и данных о «чудских копях» занимался Э. И. Эйхвальд. Он подробно описал курганы, рудники и каменные изваяния на Алтае, Кузнецком Алатау, по берегам Оби и Томи. Все эти памятники материальной культуры он рассматривал как «чудские», и «чудь», по его взглядам, являлась тем древним народом, от которого произошли современные черемисы, чуваши, вогулы, остяки, вотяки, а также венгры, финны и эстляндцы.[15]

Г. И. Спасский занимался изучением наскальных изображений Западной Сибири и сравнивал их с карельскими петроглифами. Он обследовал древние рудники Алтая и собрал там ценную коллекцию древностей.[16] В журнале «Сибирский вестник», издававшемся Г. И. Спасским, был постоянный отдел «Сибирские древности».

В 1841—1844 и 1845—1849 гг. состоялись экспедиции А. М. Кастрена по Сибири, организованные Академией наук. Путешествия Кастрена охватили громадную территорию, от обдорского и тобольского севера до Алтая на юг и Забайкалья на восток. Кастрен собрал громадный лингвистический и этнографический материал, опубликованный после его смерти.[17] Материалы и исследования Кастрена имели выдающееся значение для изучения вопросов этногенеза и древнейшей истории народов Сибири. Кастрен установил родство самодийских, финноугорских, монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков и выдвинул теорию, согласно которой формирование языков и народов этих групп происходило на территории Алтая и Саянского нагорья. Особенное значение работы Кастрена имели для древнейшей истории самодийских племен. Кастрену удалось доказать родство современных ему северных самодийских племен с самоедоязычными племенами Алтая, ассимилированными в XVIII—XIX вв. тюркскими народами (койбалы, маторы, камасинцы и др.).

Крайнему северо-востоку Сибири была посвящена работа И. Е. Вениаминова «Записки об островах Уналашкинского отдела» (тт. 1—3, СПб., 1848). Труд Вениаминова после исследования Крашенинникова — наиболее выдающаяся этнографическая монография о народах северо-востока Сибири. В отличие от Крашенинникова, фиксировавшего на Камчатке в 30-х годах XVIII в. быт и культуру, характерные еще для дорусского времени, Вениаминов имел дело с обществом, уже претерпевшим значительные изменения в результате политики русского правительства и экономических и культурных связей с русским народом. И тем не менее труд Вениаминова насыщен материалом о хозяйстве и социальных отношениях алеутов в древние времена. Вениаминов использует данные антропологии, языка, этнографии, археологии, фольклора и искусно реконструирует уже исчезнувшие отношения.

В 1851 г. появился труд И. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (чч. 1—3, СПб.). Содер-

[14] М. Геденштром. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, стр. 12.

[15] Э. И. Эйхвальд. Чудские копи, могилы и надгробные статуи. «Записки Археологического общества», т. 19, СПб., 1857.

[16] Г. И. Спасский. О чудских копях в Сибири. «Сибирский вестник», ч. 7, 1819.

[17] M. Alexander Castren's Nordische Reisen und Forschungen, Herausgegeben von A. Schiefner. St.-Petersbourg, 1853—1858 (tt. 1—12).

жание текстов, переведенных И. Бичуриным с китайского языка, было исключительно разнообразно и богато и давало ценнейший материал о древней истории Сибири. Здесь были сведения по истории таких народов, как кидани и сяньби, гунны, туба, хакасы и многие другие народы древней, дорусской, Сибири.

Вторая половина XIX—начало XX в. — время новых успехов в изучении древней Сибири. Почти вся территория Сибири в это время подверглась археологическому изучению (не затронутыми остались северные районы Сибири и Дальнего Востока). Этнографические исследования в Сибири включали в свою программу не только быт и культуру народов Сибири XIX в., но и вопросы исторической этнографии. Историческое прошлое народов Сибири включается в широкие исторические схемы в трудах историков России, историков Востока.

Широко и разносторонне проводится археологическая работа в Западной Сибири. В 60—70-х годах занимается изучением памятников каменного века И. С. Поляков. Он явился первооткрывателем важных памятников каменного века в Сибири. Особенно интересны его исследования в низовьях р. Оби, где он первым обратил внимание на связь памятников археологии с современной культурой обских племен. В 70-х годах раскопками в таежной полосе Западной Сибири занимался Н. С. Знаменский. В 1887 г. А. В. Адрианов нашел замечательный Томский могильник, который раскапывался затем С. К. Кузнецовым. В нем были открыты разновременные погребения, начиная от эпохи неолита и до раннего железного века. В 1890 г. П. А. Латкин издал каталог археологических коллекций Тобольского музея, куда включил около тысячи предметов. В 1891 г. Ф. Мартин произвел раскопки могильника близ Барсова городища в Тобольске. В 1896 г. Г. О. Оссовский обследовал огромную территорию степной части Мариинского округа, раскопал здесь ряд курганов и впервые установил их близость к минусинским «коллективным могилам». На Оби и Иртыше в то же время Чугунов раскопал большое количество курганов, относящихся к тюркскому времени. Важнейшим событием в археологии Западной Сибири явилось открытие в 1896 г. палеолитической стоянки в г. Томске Н. Ф. Кащенко. Большое значение имели раскопки А. В. Адрианова и И. Т. Савенкова к востоку от Оби, на Енисее. А. В. Адрианов занимался исследованием памятников бронзового и раннего железного веков. В 1883 г. против Минусинска на Тагарском острове он вел раскопки замечательного могильника тагарской и таштыкской эпох. Эти раскопки и положили начало широкому изучению курганов Хакасско-Минусинской котловины.[18]

В 1884 г. И. Т. Савенков открыл знаменитое палеолитическое местонахождение на Афонтовой горе в Красноярске. На дюнах около Базаихи у Красноярска он исследовал 6 неолитических погребений, а несколько позже неолитический культурный слой был обнаружен в пещере на р. Бирюсе. Большим событием явился его обобщающий труд о писаницах на Енисее.[19]

В 80—90-х годах в Хакасско-Минусинской котловине исследовал археологические памятники ссыльный народоволец, крупный ученый, археолог и этнограф Д. А. Клеменц. В 1886 г. он выпустил труд «Древности Минусинского музея». В 1889—1890 гг. он проводил раскопки кур-

---

[18] А. В. Адрианов. 1) Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 года. «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», кн. 8, вып. 2, Омск, 1886; 2) Доисторические могилы в окрестностях Минусинска. «Известия Русского географического общества», вып. 3, СПб., 1883.

[19] И. Т. Савенков. Памятники изобразительного искусства на Енисее. М., 1910.

ганов в степи по р. Уйбату.[20] Летом 1898 г. Д. Клеменц раскопал на р. Чулыме около с. Назарово большие курганы, которые позже были определены как тагарские курганы.

Особое место в изучении древностей Западной Сибири во второй половине XIX в. принадлежало В. В. Радлову. Он сочетал в себе обширные знания ученого — лингвиста, археолога и этнографа. Радлов производил археологические раскопки в Юго-Западной Сибири, на территории Абаканской, Киргизской и Барабинской степей, а также на Алтае. Радлов выявил многие памятники медного и железного веков и раскопал ряд курганов пазырыкского типа.

На основании своих археологических исследований с 1862 по 1902 г. Радлов выделил четыре культурно-исторических этапа в Западной Сибири: 1) бронзовый и медный период (медные рудники, художественное литье), 2) древний железный период (каменные курганы, погребение коня со сбруей, кочевники-тюрки), 3) новейший железный период (малые каменные курганы, узкогорлые сосуды, обилие железа, тюрки-охотники, менее воинственные, чем их предшественники), 4) позднейший железный период (малые курганы, земледельцы, упадок культуры). Он также сделал попытку собрать воедино и опубликовать источники по археологии Сибири. Результатом явилась монументальная публикация материалов по археологии Сибири — «Сибирские древности» (вып. I—III, СПб., 1888—1894). Археологические и этнографические материалы Радлов опубликовал также в издании «Aus Sibirien» (tt. 1—2, СПб., 1884).

Большое значение для изучения древней истории тюрков имели труды Радлова по языкам и фольклору тюркских племен.[21]

Для исследования древней истории тюркских и угорских племен Западной Сибири очень важны были не только археологические исследования, но и работы, основанные на данных языка, фольклора, а также на исторических документах. В работе Н. Я. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и наречий» («Живая старина», 1896, вып. III—IV) изучались родовые названия и освещались вопросы исторической этнографии тюрков. Исследования В. В. Вельяминова-Зернова и Н. Ф. Катанова рассматривали вопросы ранней истории сибирских татар и истории Сибирского татарского царства.[22]

Истории центра Сибирского татарского царства — Искера — и его раскопкам посвящена работа В. Пигнатти «Искер» («Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. 25, 1915).

Глубокое и интересное исследование о «Сказании о человецех незнаемых в восточной стране...», ярко вскрывшее многие историко-этнографические факты из прошлого угорских и самодийских племен, было дано Д. Н. Анучиным (К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. «Древности. Труды Московского археологического общества», т. XIV, М., 1890).

Большой интерес в русской исторической науке во второй половине XIX в., а также и ранее вызывал вопрос о югре, об истории угорских племен до вхождения их в состав Русского государства. В ряде исследо-

---

[20] Д. А. Клеменц. Рукописный отчет о раскопках в Уйбатской степи в 1889 и 1890 гг. (Архив ЛОИА, д. 23, 1888).

[21] «Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи» (чч. 1—10, СПб., 1866—1906); «Сравнительная грамматика северных тюркских языков» (1882); «Опыт словаря тюркских наречий» (тт. 1—4, 1888—1911); «Образцы народной литературы северных тюркских племен» (чч. 1—6, 1866—1886).

[22] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, чч. 1—4. СПб., 1865—1889; Н. Ф. Катанов. 1) Предание тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в гор. Искер. «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. 7, 1897; 2) О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири. Там же.

ваний изучались территория югры, культура и торговые связи югры с русскими, волжскими болгарами и др.[23]

Ценная публикация хантыйского эпоса была помещена С. К. Паткановым в издании «Die Irtysch—Ostjaken und ihre Volkspoesie» (tt. I—II, St.-Petersbourg, 1897—1900). Реконструкция древнейшего прошлого хантов на основании этих материалов была дана им же в исследовании «Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям» («Живая старина», 1891, вып. III—IV).

Крупные открытия в области археологии были сделаны во второй половине XIX и в начале XX в. в Восточной Сибири. В 1871 г. И. Черский и А. Л. Чекановский открыли первое в Сибири и первое в России палеолитическое поселение у Военного госпиталя в Иркутске. Позже, в 80-х годах, участник польского восстания Н. И. Витковский раскопал неолитический могильник на Ангаре, в устье р. Китоя. Его труды о неолитических погребениях на р. Китое до сих пор сохраняют значение фундаментального вклада в сибирскую археологию. В 1887 г. Витковский обнаружил другой неолитический памятник — Глазковский могильник.[24] В 1882 г. Витковский осуществил археологическую поездку в долину Ангары от Иркутска до устья Тасеевой. Во время этой поездки был открыт ряд археологических памятников, в том числе петроглифы на Каменных островах. Витковский первый обратил внимание на находки медных и бронзовых изделий в таежной полосе Сибири и высказал мысль о том, что в Прибайкалье был самостоятельный центр бронзолитейного производства, независимый от Минусинской котловины. В 80—90-х годах большие разведывательные работы провел на Ангаре М. П. Овчинников.

Важнейшую страницу в истории изучения древностей Восточной Сибири составляет открытие Н. М. Ядринцевым в 1889 г. в долине р. Орхона, в окрестностях древних городов Каракорума и Хара-Балгасуна, надписей в честь тюркских владетелей Бильге-хана и Кюль-Тегина.

В 1891 г. эти надписи изучала экспедиция Академии наук под руководством В. В. Радлова. В 1892—1896 гг. были опубликованы «Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии». Надписи были расшифрованы датским ученым В. Томсеном в 1893 г. и одновременно с ним В. В. Радловым, издавшим исследование «Die alttürkische Inschriften der Mongolei. I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül-Tegin». Позже уточнения в расшифровку внес П. М. Мелиоранский в работе «Памятник в честь Кюль-Тегина» («Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XII, вып. 2—3, СПб., 1899).

В Забайкалье первое место в археологическом исследовании принадлежит Ю. Д. Талько-Грынцевичу. Проведенные им около Кяхты массовые раскопки (было раскопано 500 могил) позволили создать первую классификацию памятников Забайкалья. Ю. Д. Талько-Грынцевич открыл и обследовал ряд гуннских памятников: Ильмовая падь, Дерестуйский, Култук и др. Он впервые до открытий П. К. Козлова в горах Ноин-Ула установил их принадлежность гуннам. В 90-х годах систематическое изучение археологических памятников Забайкалья вел А. К. Кузнецов. Им на Ононе и Ингоде были обнаружены 23 стоянки каменного века, давшие разнообразный и богатый материал. Он произвел первые рас-

---

[23] A. Lehrberg. Untersuchungen zur Erlauterung der älteren Geschichte Russlands. St.-Petersbourg, 1816; А. Бушен. Опыт исследования о древней Югре. «Вестник Русского географического общества», ч. XIV, 1855; А. А. Дмитриев. Пермская старина, вып. I—VIII. Пермь, 1889—1900. — Труд А. В. Оксенова «Сношения русских с обитателями Северо-Западной Азии до эпохи Ермака» печатался отдельными главами в «Томских губернских ведомостях» в 1887—1889 гг.

[24] Н. И. Витковский. Следы каменного века в долине р. Ангары. «Известия Восточносибирского отдела Русского географического общества», т. 20, вып. I, 1889.

копки на Кондуйском городище. В начале XX в., в 1912—1913 гг., Б. Э. Петри произвел раскопки многослойного поселения Улан-Хада на Байкале, что явилось важным шагом вперед в области изучения неолита Сибири. Им были тогда же впервые изучены поселения «курумчинских кузнецов» — курыканов.

Вопросы древней истории народов Восточной Сибири, главным образом монголов и бурят, ставились и в исторических, и в этнографических исследованиях. Первое место в этом отношении занимают исследования Г. Н. Потанина. По поручению Русского географического общества Г. Н. Потанин в 1876—1877, 1879—1880 гг. совершил экспедиции в Северо-Западную Монголию, в 1884—1886, 1892—1893 гг. — в Северный Китай, Восточный Тибет и Центральную Монголию, а в 1889 г. — на Большой Хинган. Потанин изучал мало исследованные районы Центральной Азии. Им был собран обширный этнографический и фольклорный материал о многих тюркских и монгольских племенах. Свои материалы Потанин опубликовал в ряде трудов, из которых особенно важными являются «Очерки Северо-Западной Монголии» (вып. 1—4, СПб., 1881—1883). Материалы Потанина имели большое значение для изучения истории древней Сибири, в частности для изучения вопросов этногенеза и ранних передвижений тюркских и монгольских племен.

Среди других этнографических и исторических работ, рассматривавших вопросы древней истории народов Восточной Сибири, следует отметить работу А. М. Позднеева «Монголия и монголы» (тт. I—II, СПб., 1896—1898), в которой содержался богатый историко-этнографический материал, в частности по древним верованиям монголов, работы Д. А. Клеменца, М. Н. Хангалова по исторической этнографии бурят,[25] работу М. Н. Богданова по ранней истории бурят.[26] В работе Н. М. Ядринцева «Начало оседлости» (СПб., 1888) была дана широкая картина смены культур в Сибири главным образом на материале истории народов Восточной Сибири.

Значительных успехов достигло археологическое исследование Приморья во второй половине XIX и начале XX в. В 1880 г. М. И. Янковский производит раскопки раковинных куч. Эти исследования, так же как и последующие раскопки В. П. Маргаритова близ устья р. Сидеми, показали, что история местного коренного населения уходит в глубокую древность.

Систематическое исследование археологических памятников Приморья начинается с организации во Владивостоке Общества изучения Амурского края, во главе которого стал Ф. Ф. Буссе. Под его руководством производились раскопки ряда важных памятников, которым грозило уничтожение, а также изучение большого количества остатков древностей в бассейне Суйфуна и в верховьях Уссури и Сучана. С 1865 по 1893 г. Ф. Ф. Буссе изучал средневековые памятники в районе Уссурийска, производил раскопки могильных курганов. В статьях Буссе сделана первая попытка выделить в истории Приморья несколько этапов.

В 1908 г. результаты многолетних наблюдений и раскопок, организованных Обществом изучения Амурского края, были сведены Л. А. Кропоткиным и Ф. Ф. Буссе в работе «Остатки древностей в Амурском крае». В этой работе учтено 96 памятников, а к тексту описания прилс-

---

[25] Д. А. Клеменц и М. Н. Хангалов. Общественные охоты у северных бурят. «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1909; М. Н. Хангалов. 1) Зэгэтэ-аба, облава на зверей у древних бурят. «Известия Восточносибирского отдела Русского географического общества», Иркутск, 1888, т. XIX, № 3; 2) Юридические обычаи у бурят. «Этнографическое обозрение», 1894, № 2.

[26] М. Н. Богданов. Из истории бурят. «Записки Западносибирского отдела Русского географического общества», т. XXXVIII, Омск, 1916.

жена археологическая карта южной и юго-западной части Приморья, первая карта древних памятников в азиатской части России.

В 90-х годах начинается краеведческая деятельность В. К. Арсеньева. В дневниках Арсеньева имеются описания древних городищ и других археологических памятников. Им проводились и этнографические исследования в Приморье. В 1921 г. он произвел раскопки землянок на п-ове Песчаный и отнес их к позднему неолиту.

В 1913—1916 гг. А. З. Федоров описал и нанес на план остатки древних крепостных сооружений в районе Уссурийска, собрал сведения о находках в черте города и его окрестностях и произвел систематические раскопки древних городищ.

Большой вклад в изучение ранней истории Приморья внесли историки и этнографы. В 1854—1856 гг. Л. Шренк возглавил экспедицию Академии наук на Амур и Сахалин. Собранные им материалы были опубликованы в труде «Об инородцах Амурского края» (тт. 1—3, СПб., 1883—1903). В этой работе Шренк дал первое в литературе подробное описание этнического состава населения Амурского края, его культуры и быта. Большое внимание Шренк уделил вопросам этногенеза народов Дальнего Востока. Им была высказана гипотеза о палеоазиатах как древнейших насельниках Сибири.

Блестящую страницу в изучение Приморья, в частности древностей края, вписали исследования Л. Я. Штернберга. Л. Я. Штернберг, будучи политическим ссыльным, изучал языки, фольклор, быт и культуру народов Сахалина и Амурского края в 1889—1897 гг. Исследования Л. Я. Штернберга были посвящены тунгусо-маньчжурским народностям (тунгусы, гольды, орочи, ороки, ольчи, негидальцы), а также гилякам и айнам. Важнейшими работами Штернберга явились «Турано-ганованская система и народы Северо-Восточной Азии», «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора», «Сахалинские гиляки», «Гиляки», «Айнская проблема», «Культ инау у племен айну» и др. Исследования Штернберга пролили свет на историю ранних этапов общественного развития народов Приморья и на их этнические связи.

Вопросы этнических связей народов Амура исследовал в начале XX в. П. П. Шмидт. Работы Шмидта имели значение для изучения этногенеза тунгусских племен. Родину тунгусо-маньчжурских племен Шмидт усматривал в районе бассейна Селенги, откуда тунгусские племена продвинулись на север и восток. Обоснование этому П. П. Шмидт находил в топонимике.[27]

Большой вклад в изучение ранней истории Приморья внесли востоковеды. В работах этих ученых нашла отражение история древнейших насельников края — сушеней, илоу, мохэ, бохайцев, чжурчженей.

П. Кафаров в своих работах широко использовал как археологические и этнографические материалы, так и письменные источники. Он устанавливал местонахождение древних укреплений и городов, выяснял их названия, определял этническую принадлежность населения отдельных районов Приморья.[28]

Большое значение для изучения истории Приморья имели исследования В. П. Васильева по истории маньчжур и древностей Дальнего Востока,[29]

---

[27] П. П. Шмидт. Этнография Дальнего Востока. Сб. «Vivat Academia», Владивосток, 1915.

[28] П. Кафаров. Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии. «Записки Русского географического общества по отделению географии», т. 8, вып. 2, СПб., 1879.

[29] В. П. Васильев. 1) История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857; 2) Сведения о маньчжурах во время династии Юань и Мин. СПб., 1863.

А. В. Гребенщикова,[30] В. Горского,[31] В. А. Панова[32] и П. Попова[33] по этим же вопросам.

Во второй половине XIX—начале XX в. много нового было внесено и в изучение ранней истории народов северо-востока Сибири. Здесь преобладали исследования, основанные на данных этнографии, языка, фольклора. Археологические исследования были единичны. Из числа последних наиболее важными были работы В. И. Иохельсона, проведенные им как участником Камчатской экспедиции 1908—1911 гг., организованной Ф. П. Рябушинским. Возглавляя этнологический отряд, В. И. Иохельсон произвел раскопки на Алеутских островах в 1910 г. и на Камчатке в 1910—1911 гг.[34] Вообще основную роль в этнографическом изучении Сибири конца XIX—начала XX в. играли политические ссыльные.

Большое научное значение в изучении вопросов истории и этнографии языка и фольклора народов северо-востока Сибири имели три экспедиции — сибиряковская 1894—1896 гг., экспедиция Джезупа 1900—1902 гг. и экспедиция Рябушинского 1908—1911 гг.

Участниками сибиряковской экспедиции 1894—1896 гг., организованной при активном содействии Восточносибирского отдела Русского географического общества, были политические ссыльные, внесшие своей работой в экспедиции крупнейший вклад в изучение прошлого быта и культуры народов северо-востока. В их числе были Д. А. Клеменц (руководитель экспедиции), И. И. Майнов, Н. А. Виташевский, В. М. Ионов, С. В. Ястремский, Э. К. Пекарский, Л. Г. Леванталь, В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз, Ф. Я. Кон и др. Участниками экспедиций Джезупа и Рябушинского были В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон.

В итоге экспедиционных работ появился ряд исследований и сборников по языку, фольклору и этнографии народов северо-востока Сибири (якуты, юкагиры, эвенки, эвены, чукчи, коряки, ительмены, алеуты, эскимосы и др.), в которых содержались обширные сведения по материальной культуре и социальным отношениям, верованиям и творчеству народов северо-востока в период до вхождения их в состав Русского государства. Многие из этих исследований и трудов появились в XIX в.,[35] некоторые — позже, в советское время.[36]

---

[30] А. В. Гребенщиков. 1) К изучению истории Амурского края по данным археологии. «Юбилейный сборник Общества изучения Амурского края», Владивосток, 1916; 2) Маньчжуры, их язык и письменность. «Известия Восточного института», т. XX, вып. I, Владивосток, 1912.

[31] В. Горский. Начало и первые дела Маньчжурского дома. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. I, 1852.

[32] В. Панов. 1) Материалы по древней истории Амурского края. «Дальний Восток», 1893, №№ 97—98; 2) Тырские памятники. Там же, 1895, №№ 6—7.

[33] П. Попов. О тырских памятниках. «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», т. XVI, СПб., 1906.

[34] W. Jochelson. 1) Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Washington, 1925; 2) Archaeological Investigations in Kamtschatka. Washington, 1928. — Вторая работа была переведена на русск. яз. — «Археологические исследования на Камчатке» («Известия Русского географического общества», вып. 3—4, 1930).

[35] Э. Пекарский и Г. Осмоловский. Якутский род до и после прихода русских. «Памятная книжка Якутской губернии на 1896 год», СПб., 1898; В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, ч. I. СПб., 1900; В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. СПб., 1900; W. Bogoras. The Chukchee, vol. 1—4. Leiden—New York, 1904—1909; W. Jochelson. The Koryak, vol. 1—2. Leiden—New York, 1905—1908; Образцы народной литературы якутов. Под ред. Э. К. Пекарского, тт. I— III. СПб., 1907—1916.

[36] С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов. Л., 1925; Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский и Л. Г. Леванталь. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1925; W. Jochelson. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus, vol. 1—3. Leiden—New York, 1920—1924; Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. II. М., 1934.

Ряд работ и публикаций по якутскому фольклору и этнографии, содержащий материалы по древней истории якутов, появился и вне связи с этими экспедициями.[37]

Коренные изменения в изучении древнейшей истории Сибири произошли после Великой Октябрьской социалистической революции.

Уже в первые годы Советской власти идет значительное накопление новых сведений о древней истории народов Сибири. Это объясняется невиданным ранее развитием краеведения, приобщением широких народных масс к охране, выявлению и изучению археологических памятников Сибири.

Еще важнее было то, что в изучении древней истории Сибири и в подходе к истории ее народов все более сказывалось теперь влияние марксизма-ленинизма и ленинской национальной политики. Неразрывно с этим связано и то, что в новых исследованиях наряду с изучением отдельных археологических культур, этнографических явлений и исторических фактов все больше применялся комплексный метод исследования всех возможных видов источников (археологических, этнографических, фольклорных, языковых и т. д.). Исследователи старались раскрыть закономерности истории народов в древние времена, детально изучить историю народов дорусской Сибири.

В 20—30-х годах значительно вырос объем археологических исследований во всех областях Сибири. В изучении древностей Западной Сибири большое значение имело создание схемы классификации древних культур Минусинского края. Созданная С. А. Теплоуховым периодизация памятников Хакасско-Минусинской котловины в основе своей остается верной до сих пор.

В 1924—1926 гг. С. А. Теплоухов подверг детальному исследованию археологические памятники у с. Батени и им же была окончательно выделена андроновская культура (по имени могильника около с. Андроново), характерная для целой группы археологических памятников на огромном пространстве от Минусинской котловины на востоке до Приуралья на западе и Средней Азии на юге.[38] В 1925—1926 гг. Г. П. Сосновский исследовал близ улуса Орак в Хакассии три могильника, содержавшие 44 погребения андроновского типа.

В 1920—1925 гг. С. А. Теплоухов раскопал 25 могил под Афанасьевой горой около с. Батени. Такие же могильники были исследованы позже С. В. Киселевым около сел Сыды, Теси и Малые Копёны.[39] Материалы могильников показали, что эти памятники относятся к иной, более архаичной, чем андроновская, культуре. С. А. Теплоухов назвал эту культуру афанасьевской. Наконец, тот же С. А. Теплоухов, раскопавший большой могильник на р. Карасуке в Хакасско-Минусинской котловине, выделил особую культуру с характерными для нее могилами, обозначенными поставленными на ребро каменными плитами, определив ее как карасукскую.

Исследовались в Хакасско-Минусинской котловине и так называемые «коллективные могилы» — памятники I тыс. до н. э. и первых веков нашей эры. В 1924—1926 гг. С. А. Теплоухов изучил «коллективные могилы» около оз. Горькое и около с. Подгорного. В эти же годы С. В. Киселев раскопал такие же могилы около с. Кривинского. Продол-

---

[37] В. Серошевский. Якуты, СПб., 1896; «Верхоянский сборник», Иркутск, 1896 (публикация якутских олонхо), и др.

[38] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», т. 4, вып. 2, Л., 1929.

[39] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край 1928 г. Минусинск, 1929.

жались раскопки на оз. Тагарское, начатые еще в конце прошлого века Адриановым у сел Усть-Теси, Кочергино, Сыды.

Эти раскопки позволили С. А. Теплоухову тогда же выделить в Минусинской котловине большое количество ярких и своеобразных памятников послекарасукского времени, которые он объединил в так называемую минусинскую курганную культуру. Позже С. В. Киселев по названию одного из могильников этой же культуры, исследованных на оз. Тагарское, назвал ее тагарской.[40]

Изучалось также много погребений, относящихся к послетагарскому времени (последние века до нашей эры и I тыс. н. э.). Ряд таких погребений раскопан около с. Батени в 1920—1928 гг. экспедицией С. А. Теплоухова. Кроме могил около Батени, Теплоухов раскопал скелеты с погребальными масками и трупосожжениями у дер. Сарагаш, у оз. Горькое, на р. Таштыке. В 1928 г. он исследовал склепы в Уйбатском чаатасе, на р. Бее. Большое количество таких погребений изучалось начиная с 1927 г. Саяно-Алтайской археологической экспедицией под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой.

В изучении памятников Хакасско-Минусинской котловины много было сделано экспедицией Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова под руководством В. П. Левашовой и сотрудником Красноярского музея В. Г. Карповым.[41] Эти исследования позволили выделить в истории Хакасско-Минусинской котловины таштыкскую культуру, следующую за тагарской культурой.

Большие работы в 20—30-х годах были проведены в области изучения древнейших этапов истории Сибири — палеолита и неолита. Уже с начала 20-х годов развернулись раскопки замечательных палеолитических памятников на Афонтовой горе под Красноярском. В 1923—1925 гг. Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский продолжали здесь исследования, начатые ранее И. Т. Савенковым.

На обском севере проводили археологические исследования Д. Н. Редриков (низовье Оби, стоянки Салехард I и Салехард II) и В. Н. Чернецов (Северная Сосьва и Конда). В это же время на Средней Оби и по Иртышу вел археологические работы П. Л. Драверт, открывший много памятников эпохи бронзы и раннего железного века и описавший писаницу на оз. Джасыбай. Крупные археологические исследования в 20—30-х годах были проведены в Восточной Сибири, главным образом в Прибайкалье (Б. Э. Петри, П. П. Хороших, Г. П. Сосновский, Я. Н. Ходукин, Г. Ф. Дебец, М. М. Герасимов, А. П. Окладников, Л. Н. Иваньев и др.). Здесь успешно продолжались исследования неолитических поселений и могильников, а также памятников эпохи палеолита.

В 1928—1934 гг. проводились раскопки палеолитической стоянки в Мальте. Открытие в Мальте (М. М. Герасимов), а затем в Бурети (А. П. Окладников) поселений древних охотников дало первоклассный материал по истории древней культуры Прибайкалья.

Характерной чертой археологических исследований 1917—1941 гг. было значительное расширение их территориальных масштабов в сравнении с дореволюционным периодом. Вместе с тем ставились проблемы локального своеобразия древних культур, а также их связей с современными, этнографическими культурами.

Еще более важным было то, что советские археологи, последовательно переходя на позиции марксистской методологии, выступили с критикой

[40] С. В. Киселев. Тагарская культура. «Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук», т. 4, М., 1929.

[41] В. П. Левашова. Варианты таштыкских погребений в Минусинском районе и в Хакасской автономной области. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 25, М.—Л., 1949.

идей эволюционизма в области археологии, в изучении ранних этапов истории Сибири. Сибирские археологи и этнографы XIX—начала XX в. в большинстве стояли на позициях эволюционизма. Взгляды эволюционистов складывались под влиянием таких прогрессивных ученых, как Л. Г. Морган, Э. Тэйлор, Л. Я. Штернберг. Яркое выражение эволюционная концепция получила в периодизации каменного века Сибири, построенной Б. Э. Петри на материалах многослойной стоянки Улан-Хада и Верхоленской горы. Для своего времени эволюционизм был прогрессивным учением. Эволюционисты проявляли интерес к большим культурно-историческим темам, к широкой постановке исторических проблем. Вместе с тем коренным недостатком эволюционистских построений являлось то, что развитие культуры они рассматривали как развитие, имеющее единообразный характер. Поэтому эволюционисты автоматически переносили на Сибирь те черты, которые наблюдались в Европе.

В 20-х годах критика эволюционизма развернулась с разных позиций. Первым ее начал Г. Мерхарт, австрийский ученый, с позиций «культурно-исторической школы». Г. Мерхарт в противоположность эволюционистам, искавшим в Сибири сходные с Западом ряды культурных элементов, выявлял локальные культуры и «культурные круги». Он дал схему механического взаимодействия локальных и генетических, чуждых друг другу, культур, «переслаивавших, поглощавших или вытеснявших друг друга». Критика Мерхарта била по слабым местам эволюционистской схемы, но сама по себе не открывала новых путей.

Иной была критика советских археологов (Н. К. Ауэрбах, В. И. Громов, Г. П. Сосновский и др.). Они тоже выступили против датировки местных сибирских памятников в соответствии с хронологическим делением западноевропейской схемы. Но их возражения имели иную методологическую основу. В построениях советских ученых уже намечается переход к марксистско-ленинскому методу исследования, к анализу сибирских археологических культур с учетом как общих черт, роднящих их с культурами Западной Европы, так и своеобразных признаков, обусловленных самобытным путем развития народов Сибири.

Большое значение для изучения древней истории Сибири имели этнографические исследования 20—30-х годов, посвященные различным вопросам исторической этнографии народов Сибири.

В. Г. Богораз в ряде работ поставил проблемы древнейших переселений на северо-востоке Азии и ранней истории палеоазиатских племен. Он выдвинул гипотезу об алтайско-саянской прародине палеоазиатов (он их называл «протоазиатами»), обосновал также теорию об азиатско-американской цепи племен, существовавших в эпоху Берингова перешейка, но после разделения материков рассеченной надвое эскимосским клином, вышедшим с севера. Изучая передвижения эскимосов, Богораз доказывал, что азиатская ветвь эскимосов — наиболее древняя и что все переселения эскимосов шли в одном направлении — с запада на восток.[42]

Исследования Л. Я. Штернберга в советское время касались вопросов древних верований народов Сибири и этнической истории айнов — народа, долгое время остававшегося загадочным.

В этнографических работах 20—30-х годов (работы А. Ф. Анисимова, Г. Д. Вербова, Д. К. Зеленина, А. М. Золотарева, А. А. Попова, Л. П. Потапова, Е. М. Рычкова, С. А. Токарева, В. Н. Чернецова и др.)

---

[42] В. Г. Богораз. 1) Древние переселения народов в Северной Европе и в Америке. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. VI, Л., 1927; 2) Новые данные к вопросу о протоазиатах. «Известия Ленинградского государственного университета», вып. I, 1925; W. Bogoras. Early Migrations of the Eskimo between Asia and America. «Congress international des Americanistes», Goteborg, 1925.

ставились многие проблемы ранней истории народов Сибири (этногенез, родовой строй, этнические связи, религиозные верования и т. д.).[43] Во многих из этих работ авторы, исходя из марксистско-ленинского учения о первобытном обществе, стараются раскрыть этапы этнической и социальной истории народов Сибири.

Одной из центральных проблем ранней истории Сибири становится проблема этногенеза народов Сибири. Исследователи стараются разрешить ее, используя все виды источников (язык, фольклор, археологические и этнографические данные, письменные источники). В 1940 г. была проведена специальная сессия по этногенезу народов Севера с докладами Г. Ф. Дебеца, А. П. Окладникова, С. А. Токарева, В. Н. Чернецова и др. Новый материал в разрешение проблемы этногенеза был внесен антропологами. Особенно значительны в этом отношении были работы Г. Ф. Дебеца.[44]

В 20—30-е годы проявился особый интерес к публикации фольклора народов Сибири. Видное место в этих публикациях занимали героические сказания, исторические предания и легенды, дававшие значительный материал по истории дорусской Сибири. В числе этих публикаций были публикации якутского, долганского, нганасанского, шорского, эвенкийского, монгольского фольклора и др.[45]

Фольклорный материал явился основой для специальных исследований по истории народов Сибири в дорусский период.[46]

В трудах востоковедов В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцева, Г. Е. Грум-Гржимайло, Н. В. Кюнера, З. Н. Матвеева и др. были поставлены вопросы истории тюркских и монгольских народов Южной Сибири.[47] Большое методологическое значение имел труд Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934), в котором автор принципиально поставил вопросы феодальных отношений у монгольских народов. Этим же проблемам была посвя-

---

[43] А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936; Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев. «Советская этнография», № 2, 1939; Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936; А. М. Золотарев. 1) Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934; 2) Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939; А. А. Попов. Материалы по родовому строю долган. «Советская этнография», № 6, 1934; Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.—Л., 1935; К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. «Землеведение», 1917, кн. 1—2; 1922, кн. 1—4; С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.—Л., 1936; В. Н. Чернецов. Фратриальное устройство обско-угорского общества. «Советская этнография», № 2, 1939.

[44] Г. Ф. Дебец. 1) Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита. «Русский антропологический журнал», 1930, т. 19, вып. 1—2; 2) Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. «Антропологический журнал», 1932, № 2.

[45] Якутский фольклор. Текст и перевод А. А. Попова. Л., 1936; Долганский фольклор. Вступительная статья, текст и перевод А. А. Попова. М.—Л., 1937; Легенды и сказки нганасанов. Тексты и предисловие Б. О. Долгих. Красноярск, 1938; Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой. М.—Л., 1940; Алтайский эпос. Когутэй. М.—Л., 1935; Н. У. Улагашев. Алтай-Бучэй. Ойротский народный эпос. Новосибирск, 1941; Г. М. Василевич. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936; Монголо-ойратский героический эпос. Перевод, вступительная статья и примечания Б. Я. Владимирцева. Пгр.—М., 1923; Гесериада. Перевод, вступительная статья и комментарии С. А. Козина. М.—Л., 1935, и др.

[46] В. Г. Тан-Богораз. Чукотский общественный строй по данным фольклора. «Советский Север», 1930, № 6; Г. В. Ксеиофонтов. Ураангхай-Сахалар. Очерки по древней истории якутов, т. I. Иркутск, 1937.

[47] В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927; Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, тт. I—III. Л., 1924—1926; З. Н. Матвеева. 1) Бохай. «Труды Дальневосточного государственного университета», серия 6, вып. 3, Владивосток, 1929; 2) История Дальневосточного края. «Записки Владивостокского отдела Русского географического общества», т. 3, вып. 2, 1929.

щена и работа Н. Н. Козьмина.[48] Крупнейшее значение имела публикация выдающегося памятника монгольской литературы «Сокровенное сказание», подготовленного С. А. Козиным.[49]

Ранние западноевропейские источники по истории народов Сибири (XIII—XVII вв.) были заново переведены и прокомментированы М. П. Алексеевым.[50]

С работами С. В. Бахрушина связано новое направление в изучении истории Сибири — разработка архивных материалов XVII в. В них освещалась история колонизации Сибири и история коренных народностей Сибири в XVII в., вместе с тем эти работы давали значительный материал и по истории дорусской Сибири, характеризуя хозяйство и общественные отношения народов Сибири в период их включения в состав Русского государства.[51] По тематике к работам С. В. Бахрушина примыкают работы В. И. Огородникова, основанные, однако, только на одном печатном материале.[52]

В 20—30-е годы наряду с общими трудами по истории Сибири[53] появляются и общие труды по истории отдельных народов.[54] Количество работ, посвященных истории тех или иных народов, особенно увеличилось во второй половине 30-х годов, после решений партии и правительства, поставивших одной из важнейших задач создание трудов по истории народов Советского Союза.[55]

Во всех этих общих трудах одним из разделов являлся раздел о древней истории народов.

В послевоенное время в изучении древней истории Сибири были достигнуты новые крупные успехи. Им в значительной мере содействовало возникновение в Сибири новых научных центров (Сибирское отделение Академии наук СССР, филиалы АН СССР в Якутии, Бурятии и во Владивостоке). Эти новые центры, так же как и прежние (Институты археологии и этнографии АН СССР), развертывают большую работу по изучению истории Сибири. Начинаются грандиозные археологические изыскания на новостройках Сибири: на Ангаре, где строятся Иркутская и Братская ГЭС, на Байкале, на Вилюе, на Енисее — в зоне Красноярской и Саянской ГЭС. Энергично продолжается освоение археологами не обследованных ранее областей Тувы, Якутии, Чукотки, Камчатки, Сахалина, Курильских островов. На материале этих изысканий создаются крупные труды по древней истории Сибири. Появляется также большое количество исследований, основанных на этнографических и исторических материалах, на данных языка и фольклора.

---

[48] Н. Н. Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934.

[49] С. А. Козин. «Сокровенное сказание». М.—Л., 1941.

[50] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, чч. 1—2. Иркутск, 1932—1936.

[51] С. В. Бахрушин. 1) Самоеды в XVII веке. «Северная Азия», 1925, № 5—6; 2) Исторические судьбы Якутии. Сб. «Якутия», Л., 1927; 3) Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935.

[52] В. И. Огородников. 1) Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922; 2) Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927.

[53] В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до конца XIX в., ч. I. Иркутск, 1920.

[54] Г. А. Попов. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924; М. Н. Богданов. Очерк истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926; Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925.

[55] А. П. Окладников. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л., 1937; В. Г. Карцов. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937; Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936; Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа. М.—Л., 1940; С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа. М., 1940.

Новый район почти совершенно неизвестных археологических памятников открылся на берегах Верхней Оби в результате работ Новосибирской археологической экспедиции. В 1946—1949 гг. на небольшой площади около Ближних Елбан М. П. Грязнову удалось проследить последовательную смену археологических культур и эпох в течение длительного периода, начиная от эпохи развитой бронзы (андроновская культура) и до начала II тыс. н. э.

Колоссальный по объему и исключительно ценный по значению материал получен в результате руководимых М. П. Грязновым работ на Енисее. Результатом исследований на Оби, у Новосибирска, явилась написанная М. П. Грязновым «История древних племен Верхней Оби» (М., 1956).

Крупными обобщениями завершились и многолетние работы, проводившиеся в лесной части Нижнего Приобья В. Н. Чернецовым и другими исследователями. В «Древней истории Нижнего Приобья» на основании археологических источников с широким привлечением этнографического материала дается картина многовекового исторического развития народов Нижнего Приобья, начиная с неолита и до конца I тыс. до н. э.[56]

Ранней истории народов Западной Сибири были посвящены и исследования этнографов, историков и лингвистов. Так, в работах А. П. Дульзона освещались вопросы древней культуры угров, этногенеза народов Западной Сибири и их передвижений.[57] В. Н. Чернецов исследовал развитие родового строя у обских угров.[58]

Работы Г. Д. Вербова раскрыли раннюю историю ненецких племен.[59] Публикация исторического фольклора ненцев была подготовлена З. Н. Куприяновой.[60]

Территория Хакасско-Минусинской котловины и Алтая была изучена в ряде археологических исследований. В 1948 г. вышла капитальная работа С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» (М.). Заслугой автора этого труда является обобщение в широком историческом плане всего известного археологического материала, происходящего из Минусинской котловины.

Продолжением труда С. В. Киселева служит монография Л. Р. Кызласова о таштыкской культуре.[61] В ней автор дает периодизацию памятников таштыкской эпохи, поднимает вопросы происхождения культуры, этнической принадлежности и исторической роли таштыкской культуры и ее населения в формировании современных народов Сибири.

Не менее интересная и важная работа проделана А. Н. Липским. В результате его исследований уточнены многие вопросы древней истории

---

[56] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. — Следует также отметить предшествовавшие работы В. Н. Чернецова — «Очерк этногенеза обских угров» («Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. IX, М., 1941), «Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э.» (там же, вып. XIII, М.—Л., 1946).

[57] А. П. Дульзон. 1) Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. «Ученые записки Томского педагогического института», т. 6, 1950; 2) Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. Там же, т. 10, 1953; 3) Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби. Там же, т. 13, 1955.

[58] В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров. «Советская этнография», № 6—7, М., 1947.

[59] Г. Д. Вербов. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен. «Известия Всесоюзного географического общества», № 5, 1945.

[60] Эпические песни ненцев. Составитель, автор вступительной статьи и комментария З. Н. Куприянова. М., 1965.

[61] Л. Р. Кызласов. Таштыкская культура в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.

народов Хакасско-Минусинской котловины, особенно в части, относящейся к афанасьевской культуре и карасуку.[62]

В 40—50-х годах С. И. Руденко возобновил исследования уникальных курганов с каменной наброской в Горном Алтае, начатые почти 100 лет назад В. В. Радловым. В 1953 г. вышла в свет книга С. И. Руденко «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (М.—Л.), посвященная описанию пазырыкской группы курганов Восточного Алтая.

В 1950—1954 гг. С. И. Руденко производил раскопки в бассейне р. Урсула около аила Куроты и у с. Туэкты. В результате этих исследований в 1960 г. появилась книга С. И. Руденко «Культура населения Центрального Алтая в скифское время», в которой подробно описываются башадарские и туэктинские курганы. С. И. Руденко всесторонне исследовал культуру древнего населения Алтая, выявил его культурные связи с соседними странами. Вместе с тем автор стремился воссоздать на археолого-этнографическом материале, привлекая при этом известия античных писателей, конкретную историческую картину расселения народов так называемого скифского мира. На Алтае С. И. Руденко помещает «стерегущих золото грифов». Это был самый далекий из всех народов скифского мира.

Истории алтайских племен до включения их в состав Русского государства посвящена значительная часть труда Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев» (М.—Л., 1958). Проблема происхождения хакасов и их культуры в период вхождения их в Русское государство рассматривается в другой работе Л. П. Потапова «Происхождение и формирование хакасской народности (Абакан, 1957). Систематический очерк ранней истории хакасов дан С. В. Киселевым в «Кратком очерке древнейшей истории хакасов» (Абакан, 1951).

Общий очерк истории народов Западной Сибири и Алтая до вхождения их в состав Русского государства написан З. Я. Бояршиновой (Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960). Систематические исследования археологических памятников Тувы начались вскоре после вступления Тувы в состав СССР (1944 г.). Многолетние археологические исследования в Туве, давшие ценные материалы, велись С. И. Вайнштейном (1951—1963 гг.) и Л. Р. Кызласовым (1955—1961 гг.). Им же принадлежат первые периодизации археологических культур Тувы. Благодаря работам экспедиции Института этнографии АН СССР, возглавлявшейся Л. П. Потаповым, были получены новые ценные материалы, показывающие связи современных тувинцев с древним населением Тувы (см.: «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. I, М.—Л., 1960; т. II, М.—Л., 1966). Вопросы этногенеза тувинцев и их культурной истории разрабатывались С. И. Вайнштейном (Тувинцы—тоджинцы. М., 1961 и др.).

Обширные археологические исследования на Енисее начались в связи со строительством гигантских гидроэлектростанций — Красноярской и Саянской. Экспедициями под руководством М. П. Грязнова (Красноярская) и А. Д. Грача (Саяно-Тувинская) получен большой материал.

Новый размах в послевоенный период получили археологические работы и в Восточной Сибири. Еще до войны, в 1939 г., начала работу Ленская историко-археологическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова и продолжала ее вплоть до 1946 г. В итоге был

---

[62] А. Н. Липский. 1) Новые данные по афанасьевской культуре. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961; 2) Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск, 1963.

собран материал по истории древних культур на территории Якутской автономной республики. Сводка его была дана в труде А. П. Окладникова «Ленские древности» (вып. 1—3, Якутск, Л.—М., 1946—1950). В соединении с материалами этнографии и истории новые археологические источники позволили воссоздать древнюю историю народов Якутии. В труде А. П. Окладникова «Якутия до присоединения к Русскому государству» (М.—Л., 1955) последовательно изучены культура народов Якутии в эпоху палеолита и неолита, в эпоху бронзы и железа, а также ранняя история якутского народа (этногенез, хозяйство, общественный строй, культура).

С 1951 г. развернула широкие исследования Ангарская археологическая экспедиция (А. П. Окладников, З. А. Абрамова, Е. Ф. Седякина, Н. Н. Диков, В. Е. Ларичев). Эта экспедиция на протяжении многих лет исследовала археологические памятники сначала в зоне строительства Иркутской, а затем Братской ГЭС. Полностью были раскопаны такие важные памятники прошлого Прибайкалья, как Серовский, Семеновский, Усть-Удинский могильники, неолитические поселения в деревнях Нижнее Середкино, Казачья, Семеновка, в устье падей Калашниковой, Частые, Ленковки, около Заярска и Братска. Экспедиция исследовала малоизвестные курыканские поселения в устье Унги и в районе Балаганска.

В результате послевоенных исследований в Прибайкалье накоплен обширный материал. Это дало возможность создать обобщающий труд по древней истории прибайкальских племен в эпоху неолита и бронзы — «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» (тт. 1—2, М.—Л., 1950—1955). В нем дана детальная картина развития неолитических культур Сибири и конкретное археолого-этнографическое освещение древней истории населения Восточной Сибири в эпоху неолита и бронзы. Впервые исследованы и опубликованы замечательные ленские писаницы, скопированы и описаны наскальные изображения на Каменных островах и у г. Свирска.[63]

В Иркутске университетом и краеведческим музеем была возобновлена работа по изучению неолита и палеолита Прибайкалья. Старейший сибирский археолог П. П. Хороших энергично исследовал неолитические поселения и могильники на Ангаре и Байкале. Им раскопан, в частности, богатейший могильник китойского времени в местности «Цикломдром», или «Локомотив», в г. Иркутске, произведены разведки на Байкале, Илиме, по Ангаре и Белой. Г. И. Медведев, М. П. Аксенов и В. В. Свинин продолжили изучение поселения на Верхоленской горе, а также в устье р. Белой. Их раскопки показали в новом свете процесс перехода прибайкальских племен от палеолита к неолиту.

За Байкалом продолжались исследования палеолитических и неолитических поселений и могильников (А. П. Окладников, З. А. Абрамова, Е. А. Хамзина, В. Е. Ларичев), раскапывалось гуннское городище и могильник на р. Иволге вблизи Улан-Удэ (А. В. Давыдова).

Значительная работа по изучению древней истории народов Восточной Сибири проводилась также историками, этнографами и лингвистами.

Проблему этногенеза нганасанов — одной из самых загадочных в этом отношении самодийских народностей — изучал Б. О. Долгих.[64] Автор вскрыл сложный характер этногенеза нганасанов, показал роль палеоазиатских, тунгусских и самодийских элементов в формировании этой

---

[63] А. П. Окладников. 1) Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959; 2) Петроглифы Ангары. М., 1966.

[64] Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. «Сибирский этнографический сборник», I, М.—Л., 1952.

народности. Им же были опубликованы исторические предания энцев.[65] Вопросы этногенеза и древней культуры кетов изучал С. И. Вайнштейн.[66]

Этногенез различных тунгусских групп по материалам языка, фольклора и историческим данным исследовали Г. М. Василевич и Е. М. Залкинд.[67] Изучением хозяйства и социального строя тунгусских племен перед русской колонизацией занимался Н. Н. Степанов.[68]

Ценную публикацию фольклорных материалов, раскрывающих ранние этапы истории якутского народа, осуществил Г. У. Эргис.[69] Хозяйство, общественный строй и культура якутов перед русской колонизацией были изучены С. А. Токаревым.[70]

В исследованиях Г. Н. Румянцева затрагивались различные вопросы этногенеза бурят. В монографии Е. М. Залкинда «Присоединение Бурятии к России» (Улан-Удэ, 1958) была раскрыта картина хозяйственного и социального строя бурят перед русской колонизацией.

Культура и история тюркских племен освещались в ценных исследованиях и публикациях А. Н. Бернштама и С. Е. Малова. С. Е. Малов заново дал тексты древнетюркской письменности на Енисее и в Монголии, прокомментировав их.[71] А. Н. Бернштам изучал историю орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. и особенности их социально-политического строя.[72] Истории гуннов посвящена специальная монография А. Н. Бернштама.[73]

В послевоенное время большие археологические работы были произведены на Дальнем Востоке. В 1945 г. С. И. Руденко обследовал побережье Чукотского полуострова от пос. Уэлена на севере до пос. Сиреники на юге. Итогом разработки полученного материала явился труд «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема» (М.—Л., 1947). С. И. Руденко удалось определить наличие всех стадий развития культуры, названной в литературе эскимосской и установленной исследованиями американских и датских ученых на островах севера Берингова моря и на Аляске.

В 1953 г. начались археологические работы в Приамурье и Приморье. Они проводились в 50-х и 60-х годах в районе Владивостока, на островах зал. Петра Великого, на п-ове Песчаный, на побережье в бухте Тетюхе и около г. Уссурийска. Результатом этих исследований явилось создание общей картины малоизвестных в прошлом археологических культур, установление последовательности их развития.

Работы на Амуре и в Приморье позволили выделить здесь в эпоху неолита и бронзы три этнокультурных мира: мир таежных охотников и рыболовов, мир древнейших земледельцев и мир морских рыболовов и

---

[65] Мифологические сказки и исторические предания энцев. М., 1961.

[66] С. И. Вайнштейн. К вопросу этногенеза кетов. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XIII, М.—Л., 1951.

[67] Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1945; Е. М. Залкинд. К этногенезу эвенков. «Ученые записки Бурят-монгольского педагогического института», вып. I, 1947.

[68] Н. Н. Степанов. 1) Тунгусы в XVII в. Сб. «Якутия в XVII в.», Якутск, 1953; 2) Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII веке. «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена», вып. 222, Л., 1961.

[69] Исторические предания и рассказы якутов, ч. I—II. М.—Л., 1960.

[70] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945.

[71] С. Е. Малов. 1) Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. Л.—М., 1952; 2) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

[72] А. Н. Бернштам. Социально-политический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946.

[73] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. М., 1951.

зверобоев побережья Тихого океана. В Приморье и Приамурье скрещивались судьбы различных по своему происхождению народов. Проблемы этих сложных взаимоотношений освещены А. П. Окладниковым в монографии «Далекое прошлое Приморья» (Владивосток, 1959). В другой монографии «Поселение на полуострове Песчаном» (М.—Л., 1963) он дал исчерпывающее описание одного из наиболее ярких археологических памятников Приморья.

Культуры раннего железного века в Приморье исследовали также Ж. В. и Г. И. Андреевы. Ж. В. Андреевой предложена схема периодизации этих культур, основанная на ее раскопках. Существенным вкладом в историю древнего населения Дальнего Востока являются исследования памятников каменного века и эпохи металла на Среднем Амуре, произведенные в 1954—1966 гг. под руководством А. П. Окладникова. Таковы раскопки на о. Урильский, у с. Новопетровки и в районе с. Кукелево Ленинского района (начаты они Н. Н. Забелиной, продолжены А. П. Деревянко и Б. С. Сапуновым). Памятники бохайского времени в Приморье исследовал Э. В. Шавкунов, памятники чжурчженьской культуры изучали В. Е. Ларичев и М. В. Воробьев.

В 50-х—60-х годах археологические исследования на Чукотке проводят С. А. Арутюнов, Н. Н. Диков и Д. А. Сергеев, на Охотском побережье — Р. С. Васильевский, на Сахалине — Р. В. Козырева, на Вилюе — С. А. Федосеева, на Алдане — Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева, на Курильских островах — Р. В. Козырева, В. А. Голубев и Ю. С. Желубовский. Эти работы, частично нашедшие отражение в настоящем томе, показали в новом свете прошлое и древние культуры населения северо-востока Азии.

Ценный вклад в изучение проблем древней истории народов Дальнего Востока внесли труды антропологов Г. Ф. Дебеца (Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951) и М. Г. Левина (Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958). В этих работах был детально изучен палеоантропологический материал Дальнего Востока, начиная от Камчатки и кончая Приморьем и Сахалином, и на его основе в увязке с данными других наук была поставлена проблема происхождения народов Дальнего Востока.

Интересные данные, проливающие свет на древнюю историю эскимосов, дает публикация Е. С. Рубцовой «Материалы по языку и фольклору эскимосов» (М.—Л., 1954).

Ряд исследований по ранней истории народов Дальнего Востока был опубликован историками и этнографами. Так, в работе «Очерки истории и этнографии чукчей» (М.—Л., 1965) И. С. Вдовин обобщил сведения о материальном производстве и общественных отношениях чукчей перед русской колонизацией. В труде «Этническая история северо-востока Сибири» (М., 1966) И. С. Гурвич исследовал этнические процессы на северо-востоке Сибири — ассимиляцию одних этнических групп другими, «размывание» некоторых групп и т. д.

Особо следует выделить две работы, охватывающие по материалу все районы Сибири и Дальнего Востока. В обобщающей монографии «Палеоантропология СССР» (М.—Л., 1948) Г. Ф. Дебец дал характеристику палеоантропологического материала, полученного со всей территории Сибири и Дальнего Востока, увязав эту характеристику с проблемами этногенеза народов Сибири. В монографии Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» (Л., 1960) дан анализ материалов XVII—XVIII вв. по этой проблеме. Материалы первых русских ясачных книг, проанализированные в исследовании, дают много и для уяснения таких вопросов, как расселение народов Сибири перед русской колонизацией, их численность, социальные отношения.

Таким образом, в последние два десятилетия появились большие монографические исследования по древней истории Сибири, основанные на применении марксистко-ленинской методологии. В них обобщены достижения советской археологии и этнографии, лингвистики и антропологии, использованы все достижения советской исторической науки, а также и большой опыт дореволюционных исследований. Только благодаря этим достижениям, благодаря тому, что наши знания о древних народах и дорусской истории Сибири стали более полными, появилась возможность освещения древней истории Сибири в таких трудах, как «Всемирная история», «Народы мира» (том «Народы Сибири»), «История СССР».

Все это подготовило создание многотомной «Истории Сибири», в частности первого тома, где освещается дорусская история народов Сибири начиная с древнейших времен.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЭПОХА ПЕРВОБЫТНОЙ ОБЩИНЫ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сибирь в древнекаменном веке
Эпоха палеолита

1. ПРИРОДА СИБИРИ В ЛЕДНИКОВОЕ ВРЕМЯ И ПУТИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЕЕ ЧЕЛОВЕКОМ

Древнейшая история человека протекает на фоне крупных изменений в природе, и вся жизнь наших древнейших предков была так или иначе связана с этими изменениями; она как бы «вписана» в их рамки. Время, когда происходит становление человека на земле, носит название антропогена.

Антропоген делится на три этапа. Первый этап, наиболее древний, эоплейстоценовый (заря плейстоцена), длился от начала антропогена до сильного похолодания, вызвавшего развитие первого покровного оледенения, известного в Сибири под названием максимального, или самаровского. Второй этап, плейстоценовый, охватывает время оледенений и разделяющих их межледниковий. Третий этап, голоценовый, еще продолжающийся в наше время, связан со становлением современной физико-географической обстановки в послеледниковое время. Начальные этапы прошлого сибирских племен, насколько мы можем проследить их по известным в настоящее время археологическим памятникам эпохи палеолита, протекали на фоне грандиозных событий ледниковой эпохи, плейстоцена (см. таблицу). Следует поэтому сказать несколько слов о ледниковом периоде. Ко времени первого покровного оледенения Сибири, как полагают исследователи ледников, гляциологи, около половины нынешней Европы оказалось покрытой сплошным покровом, массивным «щитом». Этот ледяной щит простирался от Британских островов до Урала и занимал площадь около 5 млн м^2. Толщина его достигала 2 км.

Рядом с европейским ледяным щитом лежал второй, таймырский, мощностью до 800 м, простиравшийся на 4 млн м^2. Мертвая ледяная пустыня, расстилавшаяся в то время на сотни и тысячи квадратных километров там, где сейчас находятся богатые и густонаселенные страны Европы, была страшнее самых ужасных жарких пустынь нашего времени — азиатских и африканских.

Так выглядит сейчас Гренландия, о которой один из ее исследователей пишет: «Гренландия — полярная Сахара, в сравнении с которой Сахара африканская совсем стушевывается. В этой морозной пустыне нет ни малейших признаков животной или растительной жизни, ни обломков скал, ни зерна песку. Путешественник, который, подобно мне, неделями здесь странствует, видит, кроме себя и своих спутников, только бесконечный простор снежной равнины, бесконечный купол синего холодного неба и более холодное солнце».

Однако по окраинам великого ледника ключом била своеобразная жизнь приледниковых областей. У самой кромки льда начиналась бес-

крайняя тундра, страна болот и бесконечных озер, блестевших, как звезды в небе, среди мхов и редких перелесков, состоявших из низких чахлых кустов полярной ивы, карликовой березы, а далее на восток — даурской лиственницы. Дальше шли такие же бескрайние степи. И, наконец, на далеком юге в степях и пустынях Средней и Центральной Азии, где ныне высятся груды барханного песка, ледниковым периодам соответствовали плювиальные периоды, времена повышенной влажности и несравненно более мягкого, чем теперь, климата. Здесь повсюду, чаще чем теперь, шли дожди, текли многочисленные речки, а в низинах располагались цепи озер, от которых ныне сохранились только жалкие остатки, соленые водоемы или сухие бессточные впадины.

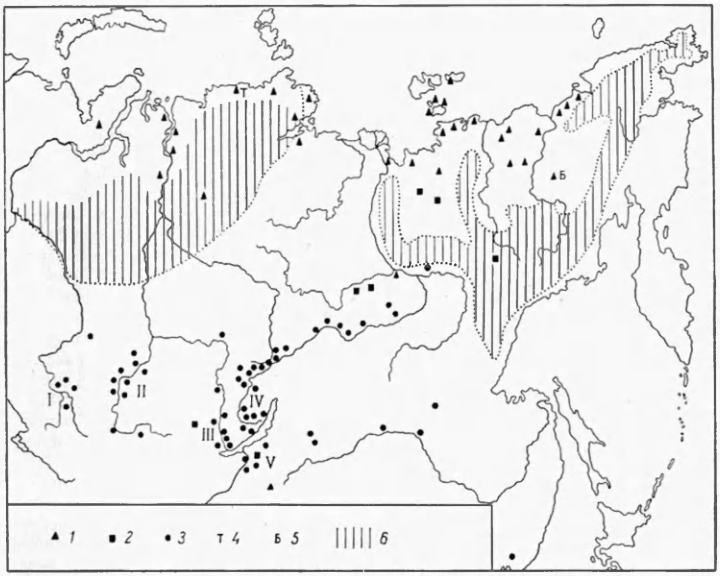
В лесотундре и тундре приледниковой области находили обильную пищу водоплавающие птицы и табуны копытных зверей. Уже по самой кромке льда бродили группами мускусные быки, вся жизнь которых проходила на ледяном массиве. Уходя от гнуса, в летнее время шли навстречу ледяным обрывам, от которых струился спасительный холод, тысячные стада северных оленей. Настоящий охотничий рай, подлинное эльдорадо для первобытного охотника простиралось далее к югу, от края ледника, где оформился своеобразный, никогда более не повторявшийся «мамонтовый» фаунистический комплекс. На первом месте в этом «удивительно выдержанном», по словам зоологов, комплексе животных, существовавшем от Северного Китая до Испании, от моря Лаптевых до Монголии, находились два гигантских вымерших зверя — мамонт и носорог.

Из современных слонов мамонт был всего ближе к индийскому слону, но имел более неуклюжее тело, массивную голову, крутой горб над передними лопатками и огромные, нередко спирально загнутые верхушками вверх и внутрь бивни, т. е. резцы. Туловище мамонта было сплошь покрыто густой шерстью черно-бурого или рыжевато-бурого цвета, особенно пышной по бокам, внизу туловища, где она имела вид сплошной оторочки из длинных волос. Древние сибирские слоны — мамонты были превосходно приспособлены к условиям арктической природы того времени. Густая шерсть защищала их от мороза.[1] На заливных лугах они находили обильную пищу в виде сочной зеленой травы; по подсчетам В. И. Громова, в день один мамонт поглощал до 100 кг растительной пищи. Зимой, как полагают зоологи, они могли добывать корм из-под снега, разгребая его бивнями подобно гигантской лопате. Современником мамонта и «вечным его спутником» был волосатый или шерстистый носорог. На носу его возвышался в виде чудовищной сабли кривой плоский рог длиной около метра. Второй рог, поменьше, сидел на лбу. Вооруженный этим оружием, волосатый носорог был поистине страшен из-за своего яростного нрава. О том, как выглядел третий член этого ископаемого сообщества зверей, до сих пор идут споры. Его сначала назвали «пещерным львом», но это название недостаточно точно, так как он вовсе не жил в пещерах. Этот зверь не имел, по-видимому, и характерной для тигра полосатой расцветки, так как она зависит от приспособления к жизни в камышах, а он жил в условиях открытых степных пространств. Такая форма мимикрии была бы даже вредна, так как обнаруживала бы близость хищ-

[1] В. Е. Гарутт. Ископаемые слоны Сибири. «Антропогеновый период в Арктике и Субарктике (Труды Научно-исследовательского института геологии Арктики)», т. 143, М., 1965. — Сибирские мамонты датированы радиоуглеродным анализом: Березовский — 31 750 ± 2500 и 44 000 ± 3500 (вторая дата); Таймырский — 11 450 ± 250; Санга-Юряхский — 29 500 ± 3000, 44 000 ± 3500; Быковский («мамонт Адамса») — 34 450 ± 2500, 35 800 ± 1200. Отсюда следует, что существование ранних мамонтов в пределах 29—40 тыс. лет падает на каргинское межледниковье и конец зырянского оледенения. Поздний мамонт, Таймырский, жил в конце плейстоцена, в период интерстадиала внутри сартанского оледенения, синхронного аллёреду на западе Европы и ту-крику в Америке.

ника его жертвам. Тем не менее эта огромная вымершая кошка ледниковой эпохи, должно быть, совмещала в своем строении признаки льва и тигра, а вместе с тем и все качества этих хищников, делавшие ее подлинным бичом всего живого: ярость и силу льва, ловкость, хитрость и кровожадность тигра. Это был подлинный царь зверей того времени, владыка исчезнувшего животного мира ледниковой эпохи.

Рядом с мамонтами и носорогами в степях и тундрах мирно паслись не только табуны северных оленей, но и стада диких лошадей и диких



Распространение трупов ископаемых животных и палеолитические местонахождения.

1 — остатки мамонта с мягкими тканями; *2* — остатки носорога; *3* — палеолитические стоянки (I — алтайская группа, II — енисейская, III — ангарская, IV — ленская, V — селенгинская); *4* — Таймырский мамонт; *5* — Березовский мамонт; *6* — границы ледников максимального оледенения.

быков. Вместе с ними в причудливом смешении встречались животные глубокой Арктики и центральноазиатских пустынь, горных областей и степных пространств: песец и антилопа-сайга, снежный баран и благородный олень-марал. При этом чем дальше от ледника, тем сильнее сказывались ландшафтные условия, складывавшиеся в зоне сухих степей, полупустынь и пустынь Внутренней Азии. За Байкалом фауна верхнего плейстоцена отличалась, например, изобилием таких животных, как антилопа-сайга, дикие ослы-куланы, или джигетаи. Здесь дольше жил, по-видимому, носорог.

Было бы удивительно, если бы в этой стране, которую природа так щедро наделила животными, не появился издавна и человек. Но как давно и как широко расселились люди в Сибири, пока неизвестно: для этого не хватает еще необходимых фактических данных. Ясно одно: засе-

ление Сибири человеком было длительным и очень сложным процессом, оно должно было происходить из различных областей Азии и Европы, где давно уже проходила эволюция человека и его культуры. Древнейшие предки человека, те древние антропоморфные обезьяны, к которым восходит наша родословная, не могли жить в странах, где росли леса с опадающей на зиму листвой, т. е. в Сибири, Средней и Центральной Азии. Процесс распространения древнейших людей и освоения ими новых районов с суровым климатом тоже потребовал, очевидно, значительного времени, измеряемого если не сотнями, то десятками тысяч лет. Он должен был иметь предпосылкой активное приспособление человека к новым условиям существования.

Но раз начавшись, расселение древних людей на север и на восток Азии уже не могло остановиться и должно было происходить с неудержимой силой. Продвижение первобытных охотников, разумеется, имело в основе прямую жизненную необходимость: сам способ производства толкал их на путь смелых поисков. Оставаясь охотниками и собирателями, они нуждались для своего существования в обширных по масштабу площадях земли, и потому рост населения неизбежно выталкивал его избыток из густонаселенных районов в области с более суровым климатом, но богатые дичью. Этот процесс ускорялся образом жизни и условиями охоты, создавшими особую психологию бродячих охотничьих племен.

На пути расселявшихся палеолитических людей было множество препятствий. Но даже в разгаре ледниковой эпохи существовали пути, по которым могли расселяться древние люди из старых, давно обжитых областей в глубь сибирских пространств.

Первый такой путь пролегал из Средней Азии вдоль горных цепей Памира и Тянь-Шаня. В Средней Азии рано сложились благоприятные условия для жизни древнейших людей. Поэтому именно здесь, в Прикаспийской низменности, у подножия Копет-Дага и Иранского плато, в бассейне Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, были издавна широко распространены группы неандертальцев, пользовавшихся характерными мустьерско-левалluазскими приемами расщепления кремня.

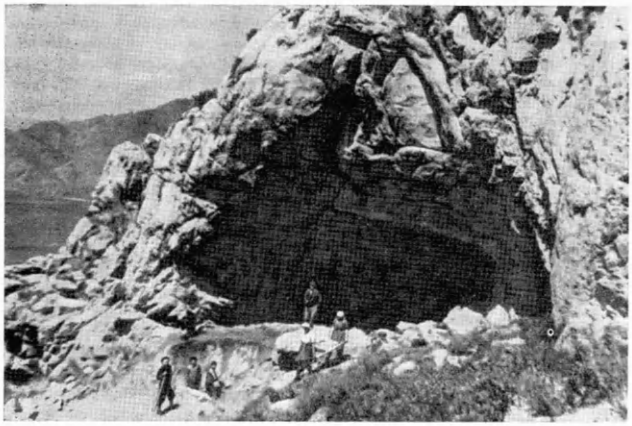
Широкая дорога на север Азии была открыта и с юга, из монгольских степей. За ними находилась Восточная и Юго-Восточная Азия — родина питекантропа и синантропа. Из Монголии, Гоби и Монгольского Алтая открывалась дорога на Тибетское нагорье, к снежным вершинам Гималаев, за которыми лежала Северная Индия, страна одной из древнейших культур человека — загадочного соана с его грубыми гальками — чопперами. Не удивительно поэтому, что на памятниках культуры древнейших, верхнепалеолитических, обитателей Сибири, известных нам в настоящее время, лежит от начала и до конца отпечаток связей с востоком и югом Азии. Таковы здесь прежде всего расколотые и оббитые по краю гальки-чопперы, встречающиеся от Читы и Улан-Удэ на востоке до Горноалтайска на западе. Не менее определенно о связи с южными областями Азии, конкретно со Средней Азией, а через нее с Ближним Востоком и Средиземноморьем свидетельствуют и другие элементы позднепалеолитической культуры Сибири, особенно на Алтае и Енисее.

Даже в самых поздних палеолитических поселениях Алтая встречаются, например, нуклеусы леваллуазских форм и соответствующие им длинные пластины, сходные с найденными в Кайрак-Кумах на р. Сыр-Дарье у Ленинабада и в Ходжикентской пещере вблизи Ташкента. Очень рано, во всяком случае к началу четвертичного европейского оледенения, сложились условия, благоприятные для проникновения палеолитического человека в Сибирь и с запада, из областей Западного Приуралья и Русской равнины. Об этом свидетельствуют замечательные открытия палеолитической живописи в Каповой пещере около Уфы,

с одной стороны, находки в Мальте и в Бурети, вблизи Иркутска, на Ангаре — с другой.

Отсюда следует, что заселение Сибири палеолитическими людьми происходило не из одного центра и не в одном направлении, а по крайней мере из трех центров, по трем направлениям: из Центральной и Юго-Восточной Азии, из Восточной Европы и Средней Азии.

Когда именно появились первые люди в Сибири, еще неизвестно. В отличие от соседней Средней Азии, Монголии и Китая на территории Сибири пока еще не обнаружено бесспорных следов пребывания человека нижнего и среднего палеолита, или, говоря языком четвертичной геологии, нижнего и среднего плейстоцена. Сейчас могут быть отмечены лишь четыре местонахождения, которые заслуживают в этом отношении внимания. Первое такое местонахождение — падь Малый Кот в долине р. Куды, где найден зуб трогонтериевого слона, предшественника мамонта, и одно грубое каменное изделие в виде расколотой гальки, обработанной вдоль края сколами, т. е. типичный чоппер. Однако культурного слоя в настоящем смысле этого слова там не было, и кости животных, и чоппер найдены не в первоначальном залегании, а в выбросе из котлована. Второе —Усть-Канская пещера на Алтае. Здесь вместе с остатками винторогой антилопы обнаружены остроконечники и дисковидные нуклеусы мустьерского типа. Однако датировать мустьерским временем находки в Усть-Канской пещере преждевременно, так как вещи мустьерских форм «живут» в каменном веке Сибири очень долго, на Енисее — до начала неолита. Винторогая антилопа тоже существовала здесь местами и в верхнем плейстоцене. Интересны по характеру каменных изделий и условиям их залегания два других местонахождения: одно — в г. Горноалтайске, на р. Улалинке, другое — к востоку от Алтая, в долине р. Зеи, у с. Филимошки. В Горноалтайске на крутом яру, подмытом речкой Улалинкой, обнаружен замечательный разрез четвертичных отложений, вверху которого находился слой с верхнепалеолитическими орудиями, а еще глубже залегает толща перемытых моренных галечников. С этим последним слоем



Усть-Канская палеолитическая пещера во время раскопок.

связаны камни, обработанные человеком, но столь необычные, столь архаические по своему облику, что между ними и орудиями верхнего культурного слоя явно простираются десятки тысячелетий. Эти орудия нижнего слоя Улалинского разреза представляют собою овальные плоские гальки желтого кварцита, грубо оббитые вдоль одного края. По форме рабочего края они напоминают собой обычные для палеолита Сибири большие овальные скребла, но отличаются от них своей подчеркнутой примитивностью, выраженной первобытностью техники изготовления и формы. Древний человек использовал в них исходную гальку в готовом, почти непреобразованном виде. Единственное, в чем он проявил себя и свою творческую волю, — оббитое лезвие, выпуклость очертания которого соответствует естественной форме гальки. Но оббивка эта в корне отлична от той, которая характерна для верхнепалеолитических скребел сибирского палеолита. Она имеет своеобразный ступенчатый вид, причем над линией лезвия нависает сверху карниз необработанного камня: обработку гальки явно производила столь же мощная, как и неискусная рука — лапа. При всем бесспорном своеобразии такой формы мы не знаем более нигде таких примитивных галечных скребел. Эти странные вещи по скупости оббивки и общей примитивности формы выглядят как родные братья древнейших орудий — чопперов из Пенджаба и «галечных орудий» Африки. Тем интереснее геологическая обстановка, в которой они обнаружены: под мощной толщей лессовидных отложений, в слое перемытого и переотложенного моренного материала какого-то древнего ледника. Переотложенными во вторичном залегании обнаруживаются, как правило, древнейшие орудия человека и в других странах. Если эта древняя горноалтайская морена может быть датирована эпохой максимального оледенения, то найденные в моренном галечнике изделия улалинского человека следует отнести ко времени, предшествующему мустьерской, а может быть ашельской культуре, т. е. к нижнему палеолиту. Можно предполагать, таким образом, что в Горноалтайске имеются древнейшие, известные в настоящее время на территории Сибири следы человека, которые так или иначе уходят в своем истоке в те счастливые страны земного шара, где наш предок проходил свое подлинное детство, делал первые шаги от зверя к человеку.



Каменное изделие (скребло) из Улалушки.

Последняя находка таких же, а может быть, еще более примитивных изделий древнего человека зарегистрирована на противоположном конце Сибири, на Дальнем Востоке, в бассейне Амура. Место, где сделаны эти находки, расположено там, где, пожалуй, менее всего можно было ожидать открытия следов деятельности древнейшего человека: в суровой и негостеприимной в настоящее время части зейской долины, неподалеку от знаменитого в этих местах гольца Бекдегеуль, на вершине которого сохранились ледниковые кары и абразионные уступы. Необычны для сибирского палеолита и геологические условия, при которых найдены были

эти изделия. Так же, как и каменные изделия на р. Улалинке, они оказались в слое древнего галечника, возможно, оставшегося от ледниковой морены, перемытой каким-то древним потоком. Галечник залегал непосредственно на коренных породах юрского возраста, а сверху над ним залегала мощная толща рыхлых отложений.

Все это наглядно свидетельствует о глубоком возрасте находок из нижнего галечного горизонта. Они состоят из вещей трех категорий. В первую входят гальки, обработанные с предельной экономией усилий на их оформление. У них имеется всего лишь одна боковая выемка, образованная одним или максимум двумя ударами камня-отбойника. Удары наносились только с одной стороны гальки и без каких-либо попыток подготовить ударную площадку, прямо по гладкой галечной поверхности камня. У галек второй группы налицо следы более усердной и целеустремленной работы, с затратой больших усилий на оформление орудий. На них имеются не одна, а две выемки, между которыми иногда выступает своеобразное массивное острие в виде клюва или носика. Эти вещи, следовательно, приближаются по форме к своего рода грубейшим остроконечникам или рубилам, несравненно более грубым, чем самые грубые двусторонние рубила шелльского типа в Африке, Южной Азии и Европе. Третья группа обработанных камней из Филимошек — столь же своеобразные галечные нуклеусы. Это просто-напросто гальки, от которых вертикальными ударами откалывались один за другим отщепы и осколки. Удары наносились обычно с двух противоположных концов камня до тех пор, пока дальнейшее отщепление отщепов уже становилось затруднительным или вообще невозможным. Такого рода гальки-нуклеусы тоже несравненно грубее и первобытнее самых примитивных нижнепалеолитических нуклеусов, известных в Африке, Азии и Европе.

Но тем интереснее, что загадочные каменные изделия из долины р. Зеи напоминают по своей форме и способу обработки галечные орудия Африки, в которых многие исследователи видят древнейшие орудия человека, предшествующие рубилам и сопровождающим их изделиям нижнего палеолита. Еще ближе к каменным изделиям, найденным на Зее, вещи из района Вены и других мест в Центральной Европе, которые А. Руст и другие исследователи обнаружили в отложениях нижнечетвертичного времени, содержавших также и знаменитую гейдельбергскую челюсть, принадлежавшую существу, стоявшему на уровне питекантропа, если не ниже. Среди них оказались как гальки с одной боковой выемкой, так и орудия с двумя выемками и носиком между ними.

В ряде случаев такие вещи оказались в моренных отложениях северного оледенения, в том числе в основной морене вюрмского ледника. А. Руст объясняет это тем, что они попали в вюрмскую морену в процессе разрушения вюрмским ледником более древних отложений того времени, когда в Европе обитал человек нижнего палеолита, гейдельбержец, живший на 200—300 тыс. лет раньше древнейшего в Восточной Азии человека, синантропа.

К сожалению, в нашем распоряжении еще нет геологических данных, которые позволили бы точнее определить возраст находок из галечника пос. Филимошки, но очень вероятно, что они и на самом деле относятся к столь отдаленному времени, к той изначальной эпохе нашей истории, когда происходило становление человека и общества, когда человек делал свои первые шаги на пути к преодолению зависимости от природы и к отрыву от мира животных.

Как ни интересны отмеченные выше находки, остается фактом, что все остальные надежно датированные остатки человеческой деятельности в Сибири, связанные с ископаемой фауной и определенными геоморфологическими условиями — с отложениями рек и древними речными терра-

сами, являются относительно молодыми, верхнепалеолитическими по возрасту.

Самые ранние верхнепалеолитические поселения Сибири целиком относятся уже к значительно более поздней поре — к верхнему плейстоцену — второй половине ледниковой эпохи, к эпохе четвертого, или вюрмского, оледенения по западноевропейской геологической схеме. В это время весь облик Сибири, ее ландшафты и природа изменились коренным образом. Ледяной ригский барьер давно стаял и воды внутреннего моря схлынули в Мировой океан. По проложенным ими руслам потекли на север Обь, Енисей и Ангара; на их берегах образовались последовательные уступы врезания, речные террасы. С речными террасами сибирских рек и связаны остатки культуры палеолитического человека: остатки его охотничьих лагерей, стоянок или стойбищ.[2] Палеолитические поселения распространены неравномерно: скоплениями или своего рода «гнездами». Наиболее многочисленны стоянки на Ангаре между Иркутском и Балаганском: здесь находятся Мальта, Буреть, Военный госпиталь, Ушканка, Переселенческий пункт, Верхоленская гора, Бадай, Черемушник, Федяево, Красный Яр. Столь же обильны палеолитические поселения на Енисее, где они концентрируются двумя группами в районе Красноярска и на юге, в Минусинской котловине. Самая известная группа енисейских стоянок расположена в Красноярске, на Афонтовой горе. Третья большая область распространения палеолита в Сибири находится на Алтае, в бассейне р. Катуни: Сростки, Фоминская, Бектемировская, Урожайная, Усть-Семинская стоянки, Усть-Канская пещера; четвертая — на Лене, между селами Бирюльским и Мархачаном; пятая — за Байкалом, в бассейне р. Селенги, от низовьев этой реки и до границы с Монгольской Народной Республикой, в том числе на притоках Селенги, Чикое и Уде.[3]

2. МАЛЬТА И БУРЕТЬ

На Ангаре самыми ранними по их геологическому возрасту являются поселения Мальта (у деревни того же названия, на левом берегу р. Белой) и Буреть (на правом берегу р. Ангары, у с. Нижней Бурети), расположенные в ближайшем соседстве друг с другом — их разделяют всего лишь 7—8 км по прямой линии. Поселения эти связаны не только соседством, но и поистине близнечным единством культуры. Общность культуры обитателей этих поселений выражается во всех ее сторонах, начиная с устройства и планировки жилищ и кончая стилем художественных изделий, художественным мировоззрением и идеологией.[4]

Так же как верхнепалеолитические охотники всей приледниковой зоны Европы и Азии, древние обитатели Ангары жили своеобразным полуоседлым бытовым укладом, совсем не похожим на обычные представления

---

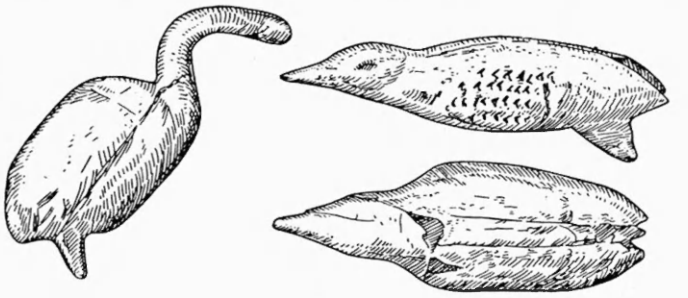
[2] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). «Труды Института геологии», геологическая серия, вып. 64, № 17, 1948, стр. 295—296.

[3] Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 81, М.—Л., 1960; Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. «Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы», вып. 5, Л.—М., 1934, стр. 246—306.

[4] М. М. Герасимов. 1) Мальта — палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931; 2) Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. Предварительный отчет о работах 1928—1932 гг. «Палеолит СССР. Материалы по истории дородового общества», М.—Л., 1935; А. П. Окладников. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Бурятии 1936—1939 гг.). «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 5, 1940, стр. 59—62.

о бродячей беспокойной жизни «диких охотников» каменного века. Они строили для зимнего времени целые поселки, состоявшие из ряда прочных, рассчитанных на длительное использование жилищ. В Бурети найдены, например, остатки четырех таких жилищ.

В Мальте и Бурети древние жилища размещались рядом друг с другом вдоль берега реки, в первом случае — вдоль р. Белой, во втором — вдоль Ангары. Одинаковым в принципе было и устройство жилищ. Самая характерная и вместе с тем неожиданная особеность этой палеолитической архитектуры — широкое и постоянное применение в качестве строительного материала костей животных, в первую очередь мамонта и носорога, а также рогов северного оленя. Так устроено было, например, одно из жилищ Бурети, сохранившееся под слоем лессовидного суглинка лучше и полнее всех остальных. Оно имело углубленное в землю и несомненно специально для этого выкопанное, прямоугольное в плане осно-



Скульптурки птиц из Мальты.

вание. Наружу вел узкий коридор, выходивший к реке. По краям углубления первоначально были в строгом порядке симметрично расставлены бедренные кости мамонта, вкопанные в землю нижними концами и прочно закрепленные внизу для устойчивости плитами известняка. Это были своего рода «столбы» древнего жилища, или споры для них, та конструктивная основа, на которую опирались его стены и крыша. Таких «столбов» в жилище имелось около двенадцати. В том числе одним из таких «столбов»-упоров служил бивень, а другим — череп мамонта.

Вместе со «столбами» уцелели и остатки каркаса, на который опиралась крыша палеолитического жилища. Внутри дома, на самом его полу, оказалось множество рогов северного оленя, несомненно специально собранных и отсортированных. В ряде случаев рога лежали, перекрещиваясь друг с другом под прямым углом, с определенными промежутками между стержнями и их отростками, образуя как бы сетку. Отсюда следует, что крыша палеолитического жилища в Бурети должна была иметь основу в виде ажурной сетки из рогов оленя, перекрещенных и взаимно сплетенных друг с другом не только обмоткой, но и своими переплетающимися отростками.

Причина, почему жители древней Бурети строили свои дома не только из дерева, но и из костей, почему они использовали кости мамонта для устройства таких частей жилища, для которых в наше время применяется именно дерево, объясняется, видимо, своеобразными климатическими и ландшафтными условиями того времени. Вокруг Бурети простирался,

нужно думать, безлесный район, лежали степи и тундры. По необходимости приходилось для сооружения домов пользоваться тем материалом, который так щедро поставляла охота — основной источник существования палеолитических людей, — костями мамонта и рогами северного оленя.

Примерно так же поступали недавно и арктические племена северо-востока Азии, обитавшие вдоль берегов Берингова пролива и занимавшиеся преимущественно охотой на морского зверя — на китов, моржей и тюленей. Эскимосы и прибрежные оседлые чукчи, жившие на безлесном берегу Чукотки, еще в XIX—XX вв. строили свои зимние жилища таким образом, что, кроме выброшенного морем дерева — плавника, в их конструкции решающее место принадлежало ребрам кита, китовым позвонкам и в особенности большим китовым челюстям или даже черепам. Жилища их так и назывались — «валькар», т. е. буквально «дом из челюстей кита». Да и сами эти дома были удивительно сходны не только по конструкции, но, очевидно, и по форме с жилищами палеолитических обитателей Бурети. Они точно так же имели в своей основе более или менее глубокий котлован, вырытый в земле. Из жилища вел в сторону моря узкий туннелеобразный выход. Крыша эскимосского зимнего жилища слегка выступала над землей в виде расплывчатого куполообразного холма или бугра, над которым в зимнее время проносились тучи снега.[5]

Превосходно сохранившиеся в Мальте остатки жилища иного рода, надземного, были исследованы М. М. Герасимовым. Оно было обозначено кольцом из массивных плит известняка, диаметр его был равен 4.5 м. Некоторые из плит ограждения жилища стояли в момент раскопок на ребре, как и 25 тыс. лет тому назад. В полу жилища, почти строго в центре, выкопано было очажное углубление в виде чаши, дно которой было выстлано тонкими плитками известняка. С одной стороны очага лежали обломки расщепленного нефрита, ножевидные пластинки, костяные острия, тонкие стружки бивня мамонта — остатки работы палеолитического скульптора, а выше, над слоем без находок, оказались изображения гагары и лебедя. С другой стороны очага сохранились бусы из бивня мамонта, подвески из кальцита, «пуговицы», орнаментированные резными зигзагами, иглы, шилья, скребки и ножи. Над тонким слоем без находок здесь лежала обычная женская статуэтка. Найдены были в Мальте и своеобразные жилища, одна сторона которых, окаймленная плитками с костями животных, была врыта в толщу отложений террасы, а вторая выходила к реке.[6]

В отличие от эскимосских домов жилища Мальты и Бурети отапливались и освещались не жировыми лампами. Внутри жилищ Мальты и Бурети, нередко в самой их середине, горели костры, от которых сохранились остатки очагов, небольшие скопления золы и мелких древесных угольков. Очаг был центром жилища, вокруг него сосредоточена была вся жизнь его обитателей. На кострах очагов готовили пищу. Около них выделывали каменные орудия и оружие из кости и рога, а также удивительные художественные произведения, в том числе не только простые украшения, но и вещи, поражающие мастерством и реалистической правдой образов, созданных художниками ледникового времени.

Среди художественных вещей в Мальте и Бурети имеются уникальные скульптурные изображения одетых в меховую одежду женщин. Эти скульптуры представляют собою еще один и, пожалуй, наиболее выразительный штрих той необычной картины жизни первобытных арктиче-

[5] А. П. Окладников. Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936—1940 гг.). «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 10, 1941, стр. 16—31.

[6] М. М. Герасимов. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.). «Советская этнография», 1958, № 3.

ских охотников на берегах Ангары, о которой рассказывают развалины их жилищ. На скульптурах мы видим древнейшее в мире изображение шитой одежды.

«Одетые» статуэтки из долины Ангары — единственные в своем роде среди всех других женских изображений верхнепалеолитического времени; в Европе на них имеются только отдельные элементы одежды в виде перевязей, браслетов и поясков. На сибирских же статуэтках видна шитая одежда типа мехового комбинезона, шерстью наружу, плотно облегающая тело с головы до ног. Яснее всего этот костюм показан на статуэтке, найденной в 1936 г. в Бурети. Мех, из которого был сшит костюм, обозначен здесь полукруглыми ямками и насечками, расположенными в определенном ритмическом порядке, правильными рядами сверху вниз по поверхности всей фигурки. Этих ямок нет только на лице, единственной части тела, которая оставалась обнаженной. Мех резко отделен от выпуклого лица статуэтки глубокими узкими желобками, образующими выпуклые края — валики. Этим приемом мастер передал густую пушистую кайму капора. Широкий и плоский сзади, он заостряется и суживается кверху.

Сравнивая костюм на статуэтке из Бурети с одеждами современных народов, нетрудно обнаружить в них близкое сходство. Арктические охотники на морского зверя и северного оленя, а также оленеводы тундры до сих пор носят такую глухую одежду типа комбинезона. Меховой капюшон — непременная принадлежность современного арктического костюма. Две такие же, как в Бурети, «одетые» статуэтки, только схематичнее трактованные, оказались в Мальте.[7] Изображенная на «одетых» статуэтках глухая меховая одежда вместе с углубленными в землю жилищами обусловлена была климатическими особенностями ледниковой эпохи. Без нее жизнь человека в тундре невозможна. Зимой, когда в открытых степях и тундрах, простирающихся от Ледовитого океана до Атлантики, дули пронзительные и холодные ветры, палеолитические люди подобно современным арктическим народам по необходимости должны были закутываться в одежды из меха. Плотно облегая тело, такая одежда вместе с тем не стесняет движений и сохраняет внутри тепло. Она оставляет открытыми только лицо и руки. Все остальное надежно скрыто под пушистым меховым покровом. Если «одетые» женские статуэтки показывают палеолитического человека вне дома, в океане снега, на пронизывающем до костей холодном ветру, лицом к лицу со снежными бурями и метелями, то обнаженные статуэтки показывают его жизнь с другой, домашней, стороны — внутри палеолитического жилища в искусственно созданном мире: за плотной стеной из костей, земли и, вероятно, шкур. Европейских путешественников часто неприятно поражало и шокировало обыкновение чукчей, коряков и эскимосов сидеть внутри своих жилищ без всякой одежды, совершенно голыми, а в лучшем случае с одним только небольшим передником, или «поясом стыдливости». Достаточно, однако, представить внутренность чукотской или эскимосской землянки в зимнее время, чтобы понять целесообразность и необходимость такого обычая. Теснота жилища, лишенного вентиляции, густо заполнена людьми, воздух насыщен испарениями их тел и чадом жировой лампы. Пот непрерывно струится по телу обитателей жилища. Сидеть здесь в одежде из шкур невозможно не только из-за тепла, но еще и потому, что стоит человеку выйти потом из дому, как одетая на нем, про-

[7] А. П. Окладников. 1) Палеолитическая статуэтка из Бурети. (Раскопки 1936 г.). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 2, 1941; 2) Палеолит и неолит СССР. Л., 1941, стр. 104—109; В. И. Громов. О внешнем виде пещерного льва в связи с некоторыми археологическими находками. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 1—2, 1935, стр. 166—167.

питанная влажными парами одежда замерзает, затвердевает подобно древесной коре, перестает гнуться и согревать тело. В таком виде обычно и изображали своих женщин мастера палеолитического времени: с одним только узким поясом, игравшим скорее роль украшения, чем одежды, или абсолютно голыми, но зато с роскошной, заботливо сохраняемой прической, немногим уступавшей, по-видимому, современным образцам этого рода. Волосы женщин из Мальты и Бурети то падают на плечи сплошной массивной грудой, то уложены параллельными друг другу горизонтальными рядами; в других случаях они лежат зигзагообразными уступами.

По богатым материалам Мальты и Бурети можно восстановить не только общие черты хозяйства, техники и быта, но и многое другое, в том числе основные черты духовной культуры и мировоззрения жителей Сибири того времени.

Уже первое палеолитическое поселение, открытое в 1871 г. в Иркутске, у Военного госпиталя, поразило ученых художественными изделиями, неожиданными для ледниковой эпохи и времени грубых, нешлифованных, а только оббитых каменных орудий палеолитического человека. Особенно неожиданны были эти удивительные находки в глубине далекой и суровой Сибири, вдали от всеми признанных центров художественного развития. В снегах Сибири труднее всего было ожидать столь раннего и по тем отдаленным временам высокого развития художественного творчества, в данном случае — скульптуры и орнамента. Тем не менее еще А. С. Уваров, автор первого и классического в XIX в. сводного труда по каменному веку России, определенно отметил выдающееся значение этих находок для истории эстетических представлений и начального искусства человечества. Он писал тогда по поводу иркутских находок: «В пещере Мамонта, как мы видели, найдены были только просверленные звериные зубы, а в иркутской находке, кроме восьми просверленных клыков изюбра, встречаются еще и другие предметы, изготовленные из мамонтовой кости. Тут же не довольствуются одною продолговатою бусиной из гипса или костью от голенастой птицы, а приготовляют особые бусы в виде столбиков, покрытых полосками, шаров с полосками и особые еще украшения, столь же тщательно отделанные. Не только в этих предметах сделаны сверлины, но даже и поверхность их с таким старанием выглажена, что, по замечанию И. Д. Черского, они напоминают токарную работу. Сверх того полоски, украшающие эти предметы, хотя проведены не совсем удачно, однако расположены симметрическими и параллельными группами из одинакового числа полосок. Таким образом, украшения, которые вначале состояли из простых просверленных зубов, быстро развиваются в настоящие узоры в симметрическом порядке и вообще получают правильные, как бы точеные формы. Такое быстрое развитие и в особенности такая трата времени на тщательное изготовление предметов роскоши, излишних при суровом быте человека палеолитической эпохи, в высшей степени любопытна как проявление особой духовной потребности».[8] Такой духовной потребностью, по его словам, было эстетическое чувство.[9]

Ко времени открытия Мальты и Бурети коллекция художественно обработанной кости из поселения у Военного госпиталя уже не существовала: она вместе со всеми остальными находками 1871 г. погибла в огне иркутского пожара 1879 г. Это способствовало тому, что о ней забыли надолго и прочно. Но тем большее впечатление произвели в мире исследователей палеолита и палеолитического искусства новые находки в Мальте, этой удивительной сокровищнице первобытного искусства, занимающей одно из первых мест в мире по богатству и разнообразию образцов худо-

[8] А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I. М., 1881, стр. 243.
[9] Там же, стр. 244.

жественной резьбы по кости и мелкой скульптуры каменного века. За мальтинскими находками вскоре стали известны находки в Бурети, пронизанные тем же художественным мировоззрением и выполненные в том же духе.[10]

Чтобы в полной мере оценить впечатление, произведенное на ученых вновь открытыми в глубине Сибири художественными сокровищами людей ледникового времени, достаточно сказать, что Мальта и Буреть дали 20 женских статуэток — почти половину «мирового запаса» этих изделий палеолитических скульпторов. Теперь стало ясно, что в Сибири того времени, на берегах Ангары и Байкала, существовал мощный очаг первоначальной художественной культуры. Культура эта находилась на том же уровне, что и одновременные центры палеолитического искусства в Западной Европе. Впечатление от новых находок, а вместе с тем и их сходство с европейскими были настолько сильными, что снова встал вопрос о происхождении палеолитического искусства, а вместе с ним и самого «разумного человека» из глубины Азии.

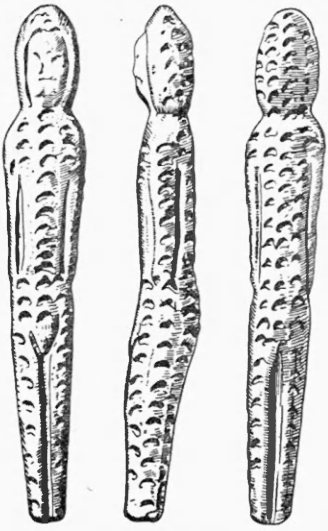
Искусство палеолитического населения Сибири, судя по его образцам, найденным в Мальте и Бурети, было в основе реалистическим, наполненным отзвуками реальной жизни. Богатство, с которым оно представлено в археологических находках, тоже имеет свои основания в условиях реальной жизни людей того времени. Так же как эскимосы, оседлые чукчи и коряки недавнего прошлого, древние обитатели Мальты и Бурети, жившие в условиях арктической природы, имели, очевидно, достаточно досуга зимой, чтобы тратить его на художественную резьбу. В зимнее время, когда кругом бушевала пурга и лежали горы снега, эта работа могла служить им развлечением и отдыхом. Кроме того, в их распоряжении в изобилии был первоклассный материал для резьбы: бивни мамонтов и кости животных, а также мягкий камень, который сам «просился» в руки мастеров. Видимо, именно поэтому здесь так пышно развилась пластика, так многочисленны антропоморфные изображения — женские статуэтки и изображения животных и птиц.

Женские статуэтки Мальты и Бурети входят в круг широко известных «палеолитических Венер» Западной и Восточной Европы. Они представляют собою самый восточный цикл этих изображений, характеризуемых в целом удивительным общим единством стиля и формы. Повсюду, начиная с Италии и Южной Франции и кончая Ангарой, в этих фигурках из оленьего рога, бивня мамонта и реже камня передан один и тот же устойчивый и постоянный, почти канонический в своей законченности образ обнаженной женщины, изображенной чаще всего в одной и той же позе — стоящей во весь рост со сложенными на груди руками. Обнаженное женское тело почти всегда бывает изображено правдиво и точно, иногда с несколько утрированными деталями, характеризующими зрелую женщину-мать, с пышными, массивными бедрами, большим отвислым животом и подчеркнутым признаком ее пола.

Палеолитические женские статуэтки из Мальты и Бурети подразделяются на две большие группы. В первую из них входят статуэтки удлиненных пропорций, с узким и длинным туловищем, «худощавые», «астенической конституции», во вторую — статуэтки массивных пропорций, с коротким туловищем, с намеренно утрированной поясницей и бедрами, «пикнической конституции». Особенно интересны в ряде «пикнических» статуэток утрированная передача форм седалищной части, а также характерный изгиб женского тела в пояснице. При взгляде на такие статуэтки сбоку кажется, что женщины как бы находятся в полусидячей позе. У некоторых из них, кроме того, седалищная часть поднята необычно

[10] З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство Сибири. Иркутск, 1960.

высоко, почти в два раз выше, чем этого требуют нормальные пропорции человеческого тела. Возможно, что две группы статуэток — «толстых» и «тонких» — соответствуют не двум конституционным типам женских фигур, а двум возрастным группам, т. е. передают типы женщин зрелого и молодого возраста. Такое расчленение женских статуэток по возрастам или конституции находится в соответствии с основной реалистической тенденцией палеолитического искусства. Оно выражает стремление древних мастеров к наиболее точной передаче характерных черт изображаемой натуры. Та же основная направленность палеолитического искусства Сибири в сторону возможно более живой и точной реалистической передачи форм человеческого тела нашла особенно сильное выражение в манере изображения той части тела, где всего сильнее сказывается индивидуальность и психика человека, — лица. В то время как в Европе преобладают безликие статуэтки, в Мальте и Бурети лица всех фигурок моделированы объемно, пластически. Особенной жизненностью передачи лица выделяется уже упоминавшаяся «одетая» статуэтка из Бурети, найденная в 1936 г. Ее продолговатая и овальная голова сужена кверху. Лоб маленький и выпуклый, щеки и скулы очерчены вполне определенно, они выступают вперед. Подбородок округлый, нежно моделированный. Рот не обозначен, но он «угадывается», и отсутствие его не бросается в глаза. Несколько расплывшийся, мягко очерченный нос резко отграничен уступом снизу. Глаза узкие и раскосые, переданы в виде миндалевидных углублений. Впечатление от них такое, что они сразу же вызывают в памяти черты лица определенной расы — монгольской.



Статуэтка женщины из Бурети.

В иной манере, значительно грубее и проще, в резких отчетливых контурах, передано лицо на одной из статуэток, найденных в Мальте. Но и в нем видны те же расовые черты. Лицо это плоское и широкое, с широким и плоским носом. По типу своему оно напоминает монголоидные, широкие и скуластые лица на бурятских и тунгусских резных деревянных скульптурах, исполненных в XIX в.

С такой же заботливостью и тщательностью мастера эпохи палеолита, изготовлявшие статуэтки, передают женские головные уборы и прическу, а также одежду.

На полу жилищ в Мальте и Бурети, в том числе непосредственно около очагов, вместе с женскими статуэтками лежали вырезанные из бивня мамонта фигурки летящих водоплавающих птиц — уток или гагар. Фигуры эти поражают стереотипным единообразием формы, своего рода устоявшейся, канонически неизменной манерой, в которой они выполнены. Это совершенно одинаковые, стандартные изображения: у всех короткое и массивное туловище, четко моделированная маленькая головка на длинной, напряженно вытянутой вперед шее, крылышки всегда маленькие и

округлые. Весь облик фигурок показывает, что птицы изображены в движении, в стремительном полете.

В коллекции вещей из Мальты есть еще три фигурки птиц, не похожих на все остальные. Первые две фигурки изображают водоплавающих птиц — утку и гуся. Утка показана как бы плывущей по воде. Гусь стоит на одной ноге, слегка вытянув вперед голову и склонив ее вниз. Третья фигурка птицы изображает скорее всего снежную куропатку, обитательницу тундры и лесотундры. У нее широкое уплощенное туловище, большая типично куриная голова с острым клювом. Крылья и оперение обозначены условно — характерно мальтинским приемом — рядами полулунных ямок.

На двух бляхах из бивня мамонта, найденных в Мальте и служивших, очевидно, амулетами-оберегами (одна из них обнаружена в погребении на скелете младенца), имеются выгравированные изображения змей. На одной из таких блях змеиные фигуры показаны особенно отчетливо, хотя и не без утрировок: у них волнообразно извивающиеся тела и большие преувеличенно раздутые стилизованные головы, похожие на головы кобр в угрожающем положении. Но ясно, что это не кобры, а всего-навсего своеобразный прием стилизации, подчеркивающий самое характерное в этом отвратительном и опасном животном, его ядовитую голову. Замечательной особенностью этой композиции является то, что здесь виден процесс перехода от реальной фигуры змеи к «чистому» орнаменту — спирали. Если на одной стороне бляхи тела змей переданы в виде волнистых линий, то на другой змеи не имеют головок и скручиваются в спирали-клубки. Подлинным украшением мальтинской коллекции служит тонко выгравированное на пластинке из бивня мамонта изображение этого зверя. В рисунке несколько упрощенно, но все же правдоподобно передан своеобразный облик ископаемого мохнатого слона. Древний художник изобразил здесь все самое существенное и характерное для мамонта: грузное туловище, основная масса которого приходится на переднюю часть, крупную шишковидную голову, отделенную седловидной впадиной от крутого горба над передними лопатками, и падающую в задней части, как бы обрубленную линию спины.

Следующую большую область художественного творчества древних мальтинцев и их современников в Бурети составляют украшения и орнамент. Украшения вообще занимали важное место в жизни палеолитических людей, им уделялось много внимания и времени. На головах палеолитических людей, кроме пышной прически и шапок, были головные обручи, похожие на царские диадемы античного мира. Такая диадема найдена на лбу младенца, погребенного под полом одного из мальтинских жилищ.

На шее того же младенца висело когда-то богатое ожерелье из узорчатых бус, вырезанных из бивня мамонта. Ожерелье заканчивалось как драгоценным кулоном фигуркой в виде искусно стилизованной летящей птички. На тех же поселениях в долине Ангары встречены и более простые украшения: диски с отверстиями, бусы — пронизки из кости, украшения из зубов животных. Из зубов животных самыми популярными были клыки марала, явно привлекавшие людей каменного века своим блестящим белым цветом, и клыки хищников, которые, нужно думать, связаны были с определенными магическими представлениями.

В числе материалов, которые человек употреблял для изготовления украшений и на добычу которых он тратил немало усилий, были и разные цветные камни. В Мальте и Бурети из белого кальцита, до сих пор сохранившего свой блеск и прозрачность, делались бусы-пуговицы в виде брусков с желобком посередине для привязывания. Для той же цели шел в дело благородный змеевик. В Бурети уцелела настоящая мастерская,

где подвергался обработке этот приятный по цвету и вязкий камень-самоцвет. В мастерской найден даже миниатюрный диск с отверстием посередине из еще более редкого и ценного камня — зеленого саянского нефрита. Это первый, древнейший в мире образец ценного минерала, использованный человеком как украшение.

По тонкости работы и богатству орнаментации выше всего стоят палеолитические браслеты. Это подлинные шедевры костерезного искусства, тем более удивительные, что выполнены они были простыми каменными орудиями без токарного станка, без металлических сверл и резцов. Такие браслеты найдены и в Сибири, в Мальте.

Орнаментика палеолитических обитателей Сибири, как и в Европе, имела в основном прямолинейно-геометрический характер. Это преимущественно прямые короткие полоски-насечки, ямки, иногда полулунные углубления. При помощи таких простых средств превращались в настоящие произведения высокого искусства самые обыденные вещи вроде игл, шильев или головных булавок. Они оформлялись нередко с тонким художественным вкусом и изяществом. Так, у некоторых из них головка оформлена скульптурно, в виде шляпки, у других стержень имеет вид спирали.

Одежда, нужно думать, не только дополнялась бусами и браслетами, но несомненно и сама по себе в значительной мере представляла произведение искусства. Костюм людей эпохи палеолита, по-видимому так же, как у современных арктических племен, украшался аппликацией из кусочков разного меха; с него, вероятно, свисали меховые жгуты — хвосты и причудливая бахрома.

Особой, хотя и целиком исчезнувшей областью орнаментики была татуировка, которой древний человек покрывал обнаженное тело. О том, что татуировка действительно существовала, можно догадываться по узорам на некоторых палеолитических статуэтках, которые вызывают в памяти татуировку различных народов недавнего прошлого.

В произведениях искусства палеолитического человека отражается, таким образом, сложный и большой мир эстетических понятий, а вместе с тем и множество идей, составлявших его мировоззрение, идей, которые мы можем представить лишь отчасти, с большей или меньшей долей правдоподобия. Основным средством для этого служат, разумеется, сравнительные этнографические данные, аналогии их жизни отсталых племен нашего времени, в первую очередь тех, которые живут в сходных естественно-географических условиях, например арктических оленеводов и охотников на северного оленя или сибирского зверя: эскимосов, сидячих чукчей и коряков, алеутов.

Реконструкция мировоззрения народов глубокой древности по материалам этнографии не может быть абсолютно точной, так как современное человечество не застало в живых ни одного народа, находящегося на уровне развития палеолитического человека. Но все же такая реконструкция — это единственная возможность представить себе особенности быта и культуры людей первобытного общества.

В религиозных верованиях арктических народов вплоть до XIX в. пережиточно сохранилось многое такое, что помогает понять мировоззрение палеолитического человека.

В эскимосских поселениях часто встречались женские фигурки, вырезанные из дерева и кости, поражающие своим сходством с палеолитическими. На о. Пунук обнаружена была, например, статуэтка из бивня моржа, которая так же, как и палеолитические фигурки, реалистически передает облик обнаженной пожилой женщины с пышными формами тела. Массивные груди ее тяжело падают вниз. Руки покоятся на животе в том же положении, в каком они изображались в палеолите. Если бы

эту статуэтку нашли в каком-либо знаменитом поселении палеолитического времени, никто бы не удивился: настолько прочно входит она по всем своим признакам в круг женских статуэток верхнего палеолита. Кроме того, образ жизни, а также искусство эскимосов настолько близки к укладу быта палеолитических обитателей Европы и Северной Азии, что еще сто лет тому назад возникла теория о происхождении эскимосов и их культуры от мадленских племен Франции. Тем интереснее знать, какое значение имеют подобные статуэтки для эскимосов, какие с ними связаны идеи и в чем их смысл.

По исследованиям этнографов известно, что человеческие фигурки эскимосов нередко изображали конкретных людей, находящихся в длительном отсутствии. Им приписывали свойства и способности этих людей, а также магическую силу привлекать животных к охотнику. Эскимосские женщины при длительной отлучке мужа изготовляли изображающую его фигурку, которую они затем кормили, одевали и раздевали, укладывали спать и всячески заботились о ней, как о живом существе. Скульптурное изображение, кукла, как бы замещало самого человека.

Антропоморфные изображения изготовлялись и в случае смерти человека. Чтобы вселить в них душу умершего, в таких фигурках делались углубления, куда вкладывались его волосы, являвшиеся, по представлениям эскимосов, вместилищем души. Часто изображениями умерших были и куклы, которыми играли эскимосские девочки. Куклы эти назывались именами тех умерших, души которых хотели особенно почитать или удержать близ себя. Кукла являлась как бы вместилищем души и представителем покойного среди живых сородичей. Куклы были не только игрушками, они имели и значение амулетов, переходивших от матери к дочери как залог ее плодородия. Заключенная в кукле душа покойного сородича, по понятиям эскимосов, переходила в тело женщины и возрождалась затем к новой жизни. Она считалась, таким образом, одновременно и душой умершего родственника, и душой будущего ребенка.

Характерно, что подобно палеолитическим статуэткам эскимосские куклы в подавляющем большинстве изображали лиц женского пола, однако заключенная в кукле душа не обязательно должна была вернуться в мир живых в виде женщины. По представлениям эскимосов, женщина могла иногда возродиться мужчиной, а мужчина — женщиной.

Эскимосские представления, связанные с «куклами», изображающими женщин, отличаются большой архаичностью. Здесь нет еще ни настоящих идолов, ни даже подлинного культа и почитания мертвых. Можно уверенно предположить поэтому, что палеолитические женские фигурки имели в глазах людей того времени тот же смысл и значение, что и женские скульптурки у эскимосов, — они также были изображениями умерших женщин, служившими магическим средством, фетишем для продолжения рода.

О том, что в основе идей, вызывавших к жизни палеолитические изображения женщин, были представления о женщине-прародительнице, связанные с культом плодородия и материнского начала, можно судить и по общему облику этих фигурок. В большинстве своем они передают один и тот же тип много рожавшей женщины-матери с полными зрелыми формами, с вздутым большим животом и тяжело свисающими на него грудями. Идея чадородия, материнства выражена здесь с такой силой, что образ женщины, созданный палеолитическим художником, можно в полной мере назвать «сосудом плодородия». Эта идея, этот образ с предельной лаконичностью передается и в так называемых «медальонах», т. е. кусках мергеля, на которых вырезан примитивный, но совершенно ясный знак женского начала, органа плодородия. Такие «медальоны» встречены как в Костенках I, так и в некоторых палеолитиче-

ских поселениях Франции. В них нет никакой болезненной эротики, никакой «делювиальной порнографии», в них рельефно выступает прямое выражение древнейшего культа плодородия, забота о продолжении рода, о росте и процветании первобытной общины.

Вместе с тем исконный культ женщины-матери находился в неразрывной связи с охотничьим культом. Эти культы взаимно переплетались и проникали друг в друга. Как показывают наблюдения этнографов, первобытные охотники верили в своего рода магическое «разделение труда» между мужчинами, убивающими зверей, и женщинами, которые своим колдовством «привлекают» животных под удары копий охотников.

О том, в чем заключалась основа волшебной силы, которая, по мнению первобытных охотников, влекла зверей навстречу гибели, рассказывают легенды и мифы, сохранившиеся у охотничьих племен в XIX в. Согласно этим мифам, звери и люди могли вступать в сексуальное общение друг с другом, и именно поэтому женщины и привлекали к себе животных-самцов, а мужчины могли привлечь самок. На этой же основе вырабатывались и более сложные представления о женщине-звере, владычице и матери зверей. Вступая в связь с ней, охотник получал в награду охотничье счастье — удачу и возможность убить зверя.

На этой же основе складываются тотемические мифы о браке женщины и зверя, в результате которого рождается герой-полубог, а вместе с ним и предок рода. Из этих мифов в свою очередь развивается мировой фольклорный сюжет о невинно гонимых божественных героях-беглецах. Рождающийся сначала полубог-животное становится затем антропоморфным страдающим божеством.

Было бы однако неправильно ограничивать представления палеолитических людей о женщине и женском начале только этими идеями. У тех же эскимосов существовал древний культ стихий природы и божеств, олицетворявших наиболее важные, с их точки зрения, силы природы в образы могущественных духов женского пола — «владычиц». Морская стихия, с которой главным образом было связано благосостояние эскимосов, живших охотой на моржей и тюленей, была олицетворена в образе безобразной старой женщины-моржихи — Седны, хозяйки моря и всех его обитателей. От воли Седны зависела жизнь и смерть всякого эскимосского племени. Землей столь же полновластно распоряжалась Пинга, хозяйка оленей и всех четвероногих обитателей суши. В воздухе властвовали Халла и Ассияк — властительницы ветра, грома и молнии.[11]

По аналогии с этим можно думать, что весь окружавший первобытного человека внешний мир и его материальные блага, все источники его существования также находились во власти созданных его же собственной фантазией мифических женских существ.

Что касается изображений животных эпохи палеолита, то несомненно, что они так или иначе связаны в своем происхождении с магическими действиями первобытных охотников. Убить зверя и съесть его — было основной заботой и мечтой палеолитического человека, почти всегда голодного, так как редкие моменты изобилия пищи чередовались у него с долгими днями, неделями, а иногда и месяцами голодной жизни.

Магические обряды, однако, вовсе не ограничивались только одной целью околдовать, привлечь зверя и убить его. Как бы ни был еще беспомощен и наивен палеолитический человек, он, как и мы, думал не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне, стремился заглянуть вперед, в будущее.

---

[11] В. Г. Тан-Богораз. Социальный строй американских эскимосов. «Труды Института антропологии и этнографии АН СССР», т. 4, М.—Л., 1936, стр. 249.

Своеобразным выражением этой заботы являются вещественные следы культа плодородия. На скалах у дер. Шишкино в верховьях р. Лены уцелели выполненные красной охрой рисунки животных с признаками глубокой древности. Это явно самые ранние из более чем тысячи рисунков на Шишкинских скалах. На одной из них видна фигура дикого быка — бизона, на двух других — фигуры диких лошадей. Одна из лошадиных фигур поражает своими огромными размерами — длина ее достигает почти



Рисунки животных на Шишкинских скалах (бык и олень, лошадь). Верхняя Лена.

2 м. Этот гигантский рисунок изображает жеребца, возбужденного страстью. Под брюхом весьма наглядно изображен знак женского начала и при этом рядом с детородным органом жеребца. Отсюда ясно, что уже в верхнем палеолите возник культ плодородия, в первую очередь животных, отразившийся и в памятниках древнейшего искусства.[12]

В 1932 г. в Мальте было обнаружено также четырнадцать небольших углублений — лунок, перекрытых культурным слоем поселения. В них встречались кости песца, находившиеся в анатомически правильном положении, иногда — целыми скелетами. Таких целых скелетов оказалось четыре, причем у них отсутствовали лапки. Очевидно, мальтинский человек снимал с песцов шкурки, а затем хоронил их тушки в специально вырытых

[12] А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у дер. Шишкино. М.—Л., 1959, стр. 86—90.

ямках иногда вместе с костями других животных, кремневыми пластинками и орудиями. Этот обряд древних мальтинцев напоминает о широко распространенном у охотничьих племен Сибири обычае хоронить кости добытых животных, чтобы они затем «воскресли» и снова стали добычей охотников. Такие представления сложились, видимо, уже в палеолитическое время.[13]

Для полноты картины следует иметь в виду, что с изображениями зверей могли быть связаны не только магические воззрения и обряды, но и богатый цикл тотемических легенд, в основе которых находятся идеи о родстве человеческих общин с животными, о животных-предках и родоначальниках. Такие мифы о животных-предках, дружественных взаимоотношениях между зверями и людьми, так называемый «звериный эпос», переносят на мир животных отношения, складывавшиеся в родовой общине, и являются их фантастическим отражением.

Отдельной темой в искусстве палеолита являются образы птиц и зверей, которые вряд ли можно отнести к циклу представлений, вытекающих из древней охотничьей магии. И те и другие неразрывно связаны в современном шаманстве всех без исключения сибирских народов с представлениями о двух мирах вселенной — о небе и преисподней. Они являются могучими сверхъестественными существами, то благодетельными, то враждебными человеку, духами — помощниками и посредниками в сношениях человека с другими мирами. Так было, нужно думать, и в далеком палеолитическом прошлом, когда складывались истоки тех верований, из которых выросло затем сибирское шаманство и шаманистическая идеология — шаманские мифы и культ.

В Мальте оказалось и единственное пока в Сибири палеолитическое захоронение ребенка. Судя по описанию условий, в которых оно было обнаружено, над захоронением залегал ненарушенный культурный слой, представлявший собой заполнение древнего жилища. Вместе с каменными изделиями над могилой мальтинского младенца лежали остатки конструкции крыши жилища — рога северного оленя. Могильная яма, овальная в плане, была обставлена в головной части плитами известняка. Еще одна, самая крупная, плита камня лежала плашмя над скелетом. В целом это сооружение напоминало каменный ящик или стол-дольмен. Труп ребенка лежал под прикрытием плиты на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и ногами, слегка согнутыми в коленях. Тело младенца было осыпано красной охрой, следы которой заметны на костях, а череп покоился на прослойке из толченого жженого кровавика — красной охры. Головой костяк был ориентирован на северо-восток, так же как и многие из позднейших неолитических костяков в долине Ангары. Около черепа лежали куски диадемы-обруча, вырезанного из бивня мамонта. На шее — великолепное, даже по современным понятиям, ожерелье, на пояснице — бляха с орнаментом в виде резных зигзагов — «змей». На груди — птичка в позе полета. На правой руке у плеча был одет браслет из бивня мамонта. Поблизости был положен ориньякского типа нож с боковыми выемками. У ног младенца лежал большой превосходно изготовленный наконечник копья, а вместе с ним мелкие каменные изделия: проколка, пластинка и острие.

Мальтинское погребение, так же как и одновременные ему верхнепалеолитические захоронения Запада, рисует картину уже вполне определенных, сложившихся анимистических представлений и культа мертвых. В это время, несомненно, возникло уже представление о коренном различии между жизнью и смертью, между земным существованием и загробной жизнью. Мертвые должны были вести в потустороннем, загробном, мире

[13] М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. Предварительный отчет о работах 1928—1932 гг., стр. 93—100.

такую же жизнь, как и на земле: охотиться на диких животных, строить дома, делать орудия из камня и кости. Чтобы придать им жизненную силу, уходящую из тела, как это часто наблюдали охотники, вместе с кровью, сородичи умерших посыпали их тела краской — кровавиком, заменявшей в мире мертвых кровь живых людей. Замечательно, что младенец получил для путешествия в загробный мир оружие и другие вещи, употреблявшиеся взрослыми людьми. Очевидно, существовала вера в то, что он должен был вырасти в стране предков и стать там взрослым человеком.

Интересно также, что ребенок, захороненный в Мальте, отличался резко выраженной патологической особенностью — у него, кроме обычного, был еще второй ряд зубов. Как известно, уроды у отсталых народов пользуются особым почитанием. Их появление на свет связывается с деятельностью духов, и в них самих видят носителей таинственной «нездешней» силы. Может быть, именно поэтому мальтинский необыкновенный младенец был погребен так роскошно и вдобавок в самом жилище, духом-покровителем которого он должен был стать после смерти.

Искусство древнейших обитателей Сибири, как мы видели, своими образами и сюжетами неразрывно было связано с первобытной магией и верованиями палеолитического человека. Но было бы грубейшей ошибкой выводить существо и специфику этого искусства из магии или первобытной религии, отождествлять их полностью и целиком.

В то время как религиозная фантазия была пустоцветом на вечном и могучем древе познания, художественная фантазия была творческой силой, питавшейся соками реального мира, живой ветвью этого древа познания добра и зла. В этом основное внутреннее противоречие первобытного искусства, источник его силы, а вместе с тем и слабости, обусловленной историческими условиями того отдаленного времени, когда человек проходил лишь первые этапы своего развития вне мира животных и в царстве новых, не биологических, а социальных законов.

Разумеется, в оценке истинного значения древнейшего искусства в истории мышления и культуры человечества решающее слово принадлежит не отрицательному, а положительному началу, не магическим целям и религиозным идеям, а эстетическому содержанию и чисто художественным достижениям наших далеких предков.

Искусство палеолитических обитателей Мальты и Бурети занимает видное место в истории мирового искусства: ими, этими людьми ледниковой эпохи, на берегах Ангары созданы были бесспорные и крупные художественные ценности мирового значения. Созданная ими художественная школа по праву занимает место среди передовых очагов начального искусства человечества.

Последнее, о чем здесь следует сказать, — это о возрасте и месте среди других палеолитических культур Евразии, а также о происхождении той удивительной культуры древнекаменного века, следы которой уцелели в Бурети и Мальте на берегах Ангары.

По данным В. И. Громова, детально изучившего геологические условия залегания остатков основного культурного слоя Мальты, они залегают на 15—18-метровой террасе р. Белой в основании маломощного делювиального шлейфа 50-метровой террасы и связаны, по-видимому, с погребенной почвой, разделяющей эти делювиальные образования на два горизонта. Человек появился здесь, по его мнению, в момент, когда завершалось формирование аллювия на цоколе 15-метровой террасы и начинал на возвышенных участках формироваться почвенный покров. В фауне Мальты на первом месте находятся остатки северного оленя, затем песца, носорога. Есть также кости снежного барана, бизона, росомахи, мамонта, пещерного льва, волка, лошади. Из птиц имеются гусь и чайка. Геоморфологические

наблюдения показывают, что человек жил тогда на берегу Ангары, так как древнее устье р. Белой помещалось западнее и Ангара протекала вдоль склона 50-метровой террасы почти с запада на восток. По геологическим условиям Мальта, как полагает В. И. Громов, несколько древнее старшей из стоянок Афонтовой группы на Енисее — Афонтовон II. Погребенная почва, отмеченная им в Мальте, сопоставляется некоторыми геологами с каргинским межледниковьем, а последнее, по новейшим данным на основе радиокарбонового анализа кусков дерева из каргинских отложений вблизи Игарки, датируется временем не позже, чем 24 500 лет тому назад. Отсюда делают вывод, что каргинское время в Сибири соответствует паудорфскому межстадиалу в Европе, а последующее сартанское оледенение совпадает с вюрмом.

Если так, то можно сделать вывод, что Мальта совпадает по времени с позднеориньякскими и перигордьенскими памятниками в Западной Европе.

В связи с этим требуют пересмотра и археологические материалы Мальтинского палеолитического поселения. П. П. Ефименко в свое время обратил внимание на «выраженно западный» облик каменного инвентаря Мальты и в особенности на совпадения в нем с каменными изделиями из Мезинской палеолитической стоянки, отнесенной им к раннемадленскому времени. Таковы в первую очередь острия-проколки, известные в двух вариантах — с одним клювовидным изогнутым острием и с двумя остриями на одном и том же конце пластинчатого отщепа. За мадленский возраст Мальтинского комплекса свидетельствовало, казалось, высокоразвитое искусство и наличие таких костяных предметов, как «жезл начальника», найденный в Бурети. Вместе с тем с самого начала в инвентаре Мальты отмечались определенные ориньякские, по западноевропейским масштабам, признаки и формы. Сюда относятся высокие нуклевидные скребки, иногда довольно крупные, а также пластины с боковыми выемками, одна из таких пластин, особенно тщательно обработанная, крупная по размеру, найдена была в захоронении мальтинского младенца. Очень архаичны нуклеусы Мальты — часто дисковидные и приближающиеся к ним. Есть в числе многочисленных пластинчатых острий из Мальты и такие, которые ближайшим образом напоминают острия типа шательперрон: у них один край почти прямой, необработанный ретушью, в то время как противоположный край дугообразно изогнут, выпуклый и оформлен мелкой сплошной ретушью.

К ориньяку и перигордьену, по современным представлениям, относится, как известно, и большинство верхнепалеолитических женских статуэток классического типа.

Следовательно, есть ряд оснований, позволяющих сближать Мальту скорее всего с ориньякскими памятниками Запада. Этот факт оставляет в силе и подкрепляет давно уже высказанную мысль о том, что культура древних обитателей Мальты, а следовательно и Бурети, генетически связана с палеолитом Европы. Эта связь обнаруживается не только в каменном инвентаре, но и во всех других областях жизни и культуры. Верхнепалеолитические жители Европы вплоть до Франции и Чехословакии вели тот же охотничий образ жизни, строили такие же, как в Мальте и Бурети, дома, в конструкции которых необычное, с нашей точки зрения, место занимали кости ископаемых животных-гигантов. У них существовало столь же богатое искусство резьбы по кости и также первостепенное место в этом искусстве принадлежало скульптурным изображениям женщины и зверя. Такое сходство можно было бы объяснить закономерным влиянием одинаковой природной среды конца ледниковой эпохи и выросшего в этих условиях одинакового образа жизни и хозяйства. Не случайно так много общего было у эскимосов XVII—XIX вв. с палеолитиче-

скими племенами Европы и Сибири не только в строительной технике и характере их полуподземных жилищ, но и в развитой резьбе по кости и, очевидно, даже в верованиях. Женские статуэтки эскимосов представляют, например, почти точную копию «палеолитических Венер». Но вряд ли можно объяснить конвергенцией сходство сибирских и европейских каменных изделий как в формах, так и в технике изготовления. При всем его частном своеобразии богатое искусство верхнего палеолита Сибири тоже является прямым ответвлением своеобразной художественной культуры палеолитических охотников Европы не только по сюжетам, но и по его мелким специфическим деталям. Такова прежде всего характерная трактовка и поза женских изображений. Что же касается некоторых существенных отличий, то их отрицать нельзя. Но они не столь уж важны. Нужно только вспомнить, что искусство мезинской палеолитической «школы» совсем другое, чем в Костенках I, а на Ангаре резчики Мальты и Буреть мыслили противоположно художникам поселения у Военного госпиталя. Все это отличия этнографического, как сказали бы мы теперь, порядка, тогда как общее сходство перекрывает все эти частные особенности.

Вполне допустимо, следовательно, предположение, что древнейшие обитатели Сибири проникли к берегам Байкала из Восточной Европы в разгар ледникового времени около 24—25 тыс. лет тому назад, принеся сюда и свою культуру арктических охотников верхнего палеолита.

Вместе с тем в культуре палеолитических племен на берегах Ангары естественным образом обнаруживается и много своеобразного, неевропейского. Первым таким азиатским элементом являются крупные, массивные и тяжелые орудия, изготовленные из целых речных галек, расколотых пополам или попросту затесанных с одного края рядом сильных поперечных ударов. Сохраняя всегда, как у ручных рубил шелльского типа, галечную корку на конце, противоположном лезвию, эти вещи напоминают сечку, почему их и называют часто чопперами, т. е. сечками. Такие орудия на очень ранних этапах истории палеолитического человека появляются на юге Азии, в том числе у синантропа. Они долго держатся в Азии и в последующее время. Настоящий расцвет их наблюдается в верхнем палеолите Монголии, в бассейне Орхона и Толы.

Отсюда следует, что верхнепалеолитические охотники Запада шли к Байкалу не сквозь абсолютно пустое пространство. Они несомненно встретили на востоке другие племена, с иной культурой, и взаимно ассимилировали друг друга. Только так можно объяснить подобное смешение культур. Мальта и Буреть — эти два замечательных близнечных памятника сибирского палеолита, на материалах которых раскрывается такая выразительная и полнокровная, единственная в своем роде картина жизни древнейших обитателей Сибири, — остаются пока изолированными. Нигде более в Сибири не найдено еще третьего такого поселения. Ход дальнейших событий в Сибири остается поэтому еще очень слабо выясненным и полным загадок, но тем интереснее те немногочисленные памятники, которые так или иначе могут занять место в общей хронологической лестнице палеолита Северной Азии вслед за Мальтой и Буретью.

3. ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ СИБИРИ

На Ангаре особый интерес представляет первая по времени открытия палеолитическая находка 1871 г. — поселение у Военного госпиталя в Иркутске. Вместе с изделиями человека здесь были обнаружены И. Д. Черским и А. Л. Чекановским остатки типично палеолитической фауны: ископаемого быка-бизона, лошади, северного оленя, благородного

оленя-марала. Среди каменных изделий, судя по описанию находок, была «разбитая галька» кварцита с «полукружнообитым краем», в которой исследователи видели отбойник. Но скорее всего это было галечное орудие типа чоппера. Характерной особенностью стоянки у Военного госпиталя являются «кремневые отбивные наконечники», резко отличавшиеся, по словам Чекановского и Черского, от неолитических тункинских своими крупными размерами и грубостью отделки. Третья особенность Иркутской находки 1871 г. — замечательная коллекция резной кости: шар из бивня мамонта, слегка приплюснутый, тупой наконечник из того же материала, а также кольца различных диаметров, которые «делались путем соответственного обрезывания или отпиливания основной части мамонтовых бивней». Некоторые из колец найдены вложенными друг в друга. Там же оказались несколько суживающихся к середине цилиндрических столбиков с отверстиями, украшенными поперечными линиями-нарезками, пластинки с пробуравленными отверстиями, «цилиндрические, слегка выпуклые сверху головки», вероятно, соединявшиеся тонкими шейками, а также загадочные изделия из обожженной глины. Среди украшений были клыки марала с отверстиями для подвешивания. По обилию художественных изделий, а следовательно, и по силе художественного творчества и его значению в жизни палеолитического человека Военный госпиталь сближается с Мальтой и Буретью. Во всяком случае на Ангаре и вообще в Сибири нигде больше такого богатства резной кости нет. Но по своему характеру, стилю и формам резная художественная кость Военного госпиталя не имеет ничего общего с мальтинской. В отличие от Мальты и Бурети здесь нет реалистических воспроизведений форм человека и животных, в корне отличен и орнамент. Он тоже несравненно проще, абстрактнее мальтинского.

Изделиями из Военного госпиталя, следовательно, представлена какая-то совершенно иная, новая художественная струя, иной художественный мир. Не менее важно и наличие здесь листовидных, двусторонне обработанных клинков, напоминающих солютрейские наконечники или ножи Запада, в том числе из Костенок. Не исключено, что ими представлена новая волна переселенцев с запада — «солютрейцев». Столь же вероятно, что отсюда происходит и та позднепалеолитическая культура листовидных наконечников солютрейского облика, которая обнаружена раскопками Б. Э. Петри на Верхоленской горе и Я. Н. Ходукина в пади Ушканке вблизи Иркутска.

Второе поселение на Ангаре, которое занимает место во времени где-то вслед за Мальтой и Буретью, — Красный Яр, на правом берегу Ангары (вблизи Балаганска).

В инвентаре его много мелких пластин и имеются хорошо выраженные нуклеусы призматического типа, в том числе миниатюрные проколки и мелкие острия. Последним отголоском древних верований и древнего искусства является необычная, предельно стилизованная статуэтка, изображающая женщину в полусидячей позе, может быть далекая правнучка таких же статуэток Бурети и Мальты с утрированной поясницей. Здесь широко распространены скребки с овальным рабочим краем, а также нуклеусы-скребки. Поселок в целом приобретает иной, чем прежде, облик: нет ни долговременных жилищ, построенных из костей мамонта и носорога, ни такого, как в Мальте и Бурети, скопления домов в одном месте. На месте, где жили эти люди, остались только следы двенадцати кострищ, вокруг которых были рассеяны изделия из камня, а также кости убитых и съеденных животных, главным образом диких лошадей и северных оленей.

Следы весьма ранних поселений последней ледниковой, сартанской, эпохи встречаются и в других местах Сибири. На западе Сибири сюда

относится, по-видимому, единственный в своем роде лагерь бродячих охотников в г. Томске, исследованный проф. Кащенко в 1896 г. Здесь найдены кости почти целого, но одного-единственного скелета мамонта, убитого и съеденного на этом месте, где пировала орда палеолитических охотников, пока с тушей гигантского зверя не было покончено полностью. На месте их охотничьего торжества остались только кострища да рассеянные между костей отбросы от изготовления каменных орудий — отщепы и пластины, а также несколько мелких призматических нуклеусов. Лишь немногие из отщепов и пластин имеют следы ретуши. Все ценное охотники унесли с собой, вероятно, еще и потому, что хороший кремень в этих местах представляет большую редкость. Не случайно вместе с кремневыми отщепами в Томске оказались осколки костей мамонта, обработанные ретушью, как кремень: кость по необходимости явилась здесь своего рода заменителем кремня.

В то же самое или близкое время, когда на Ангаре жили древние мальтинцы, на Лене, ниже Киренска, существовало поселение у нынешней деревни Частинской, а на р. Уде, притоке Селенги, находилась стоянка у Санного мыса, вблизи Хоринска (нижний слой). Об одновременности их с Мальтой и Буретью свидетельствуют остатки шерстистого носорога — животного, которое вымерло раньше мамонта. Однако найденные на этих поселениях изделия древнего человека существенно отличны от инвентаря Мальты и Бурети: здесь нет вещей выраженных европейских форм, не найдено и богатого искусства. Отличен был здесь, по-видимому, и образ жизни.

Стоянка Частинская представляла собой, судя по сохранившейся ее площади, охотничий лагерь. Вместе с очажными камнями — булыжниками в темном углистом слое лежали мелкие обломки костей животных, отщепы и кусочки красящего вещества — красной охры. Из орудий найдены скребла, материалом для которого послужили сколотые с кварцитовых галек отщепы, еще сохранившие часть галечной гладкой поверхности. Ретушь, которой обработаны лезвия этих орудий, имеет специфический характер. Она только зазубривает край орудия, но не распространяется на всю его поверхность. Столь же грубы очертания этих скребел, они не имеют правильной завершенной и устойчивой формы. Очертания их по существу случайны. Вместе с ними в Частинской встречено изделие в виде диска, обработанное широкими сколами, сходящимися к центру изделия, — такое же, как в Мальте.

На многослойном поселении Санный мыс за Байкалом вместе с костями носорога в самом основании толщи культурных слоев этого поселения, содержавших вверху типичные для позднего палеолита Сибири скребла, оказались правильные ножевидные пластины, в том числе миниатюрные. Эта неожиданная и пока трудно объяснимая особенность находок на Санном мысу вызывает в памяти палеолитические находки далеко к востоку от Байкала, на поселении Шуйдунгоу, в Ордосе, где тоже оказались аналогичные мелкие орудия из кремня. И совершенно такие же вещи вместе с костяным веретенообразным острием из кости найдены были на 126-м километре по дороге из Улан-Батора на Кяхту. В развитии палеолитических культур Востока было, очевидно, много общего и вместе с тем своеобразного, отличного от того, что происходило к западу от Байкала.

Хронологическая последовательность поздних палеолитических памятников полнее всего прослежена на Енисее, где в связи с археологическими раскопками В. И. Громовым велись тщательные геологические исследования. Ему принадлежит первая хронологическая классификация енисейского палеолита, основанная на геологических и геоморфологических данных. Последующими работами (Э. И. Равский, Э. А. Вангенгейм, С. М. Цейтлин) эти выводы были дополнены и развиты дальше.

вер, вплоть до глубокого Заполярья, проникало и такое характерное для степей животное, как антилопа-сайга. Голые скалы в горах оживляла стройная фигура горного козла — тэкэ и горного барана; а там, где горные склоны были покрыты древесно-кустарниковой растительностью, с течением времени можно было все чаще и чаще встречать росомаху, косулю и марала. За стадами травоядных, как тень, следовал вплоть до нынешних Новосибирских островов их постоянный преследователь — пещерный лев или тигр, который, однако, впервые встретил теперь грозного соперника в лице охотника древнекаменного века.

Нечто подобное такому необычному смешению степных, лесных и глубоко арктических животных, как мы видели, по указанию А. Я. Тугаринова, можно найти и сейчас на высоких и пустынных нагорьях Центральной Азии. Там же, в центральноазиатских высоких степях, наблюдал Пржевальский такое обилие травоядных диких животных, которое может дать представление об этом исчезнувшем рае для охотника, каким являлись окружавшие палеолитического человека ландшафты конца ледниковой эпохи.

В отличие от современной центральноазиатской вся эта богатая фауна возглавлялась вдобавок еще и могучими фигурами вымерших гигантов — мамонта и носорога. Людей же в Сибири того времени было, разумеется, еще меньше, чем в самых пустынных скотоводческих областях нынешней Монголии и Тибета.

Вполне естественно поэтому, что палеолитический человек на Енисее был прежде всего охотником, хотя в его пищевом рационе летом должны были видное место занимать также и дикорастущие съедобные растения. Зверей, несомненно, добывали во время перекочевок и в том числе на плаву, при переходе через реки. В таких местах, надо думать, возникали и наиболее постоянные охотничьи лагеря — стойбища, вроде лагерей Афонтовой горы.[14] Остатков жилищ и костров в основном слое на Афонтовой III не встречено, найдены лишь отдельные углубления, заполненные обломками костей и каменными изделиями. Однако на других стоянках, например в Кокорево, встречались тщательно сложенные из камней в виде колец очаги. Каменный инвентарь Афонтовой III огромен: каменных орудий найдено более тысячи, костяных — триста. Исходным материалом для изготовления орудий служили нуклеусы в виде галек, расколотых пополам. Есть также нуклеусы дисковидного типа, близкие к нуклеусам леваллуазских форм. Особое место занимают нуклеусы-скребки сибирского типа. Подавляющая масса каменных орудий состоит из массивных больших скребел с овальным, редко — с прямым рабочим краем. Своеобразной вариацией таких скребел являются орудия с двумя сходящимися в острие лезвиями, их можно назвать скреблами-остроконечниками. Есть скребланожи и овальные орудия двусторонней обработки, очевидно, тоже служившие режущими инструментами, а также мелкие скребки с выпуклым лезвием. Из кости выделывались наконечники копий, ножи с пазами для каменных вкладных лезвий, шилья, иглы, лощила. Найдена также ступка из бивня мамонта со следами красной краски и обломок «жезла начальника». Украшения исчерпываются костяными бусами в виде птиц, подвесками из зубов песца и диском из жировика — агальматолита. На последнем вырезаны радиальные линии, напоминающие солнечные лучи. Именно так, в виде круга с лучами, постоянно изображалось солнце у народов различных времен и стран земного шара. Солнце — доброе небесное существо, источник тепла и света, очевидно, и на самом деле почиталось древними обитателями Афонтовой так же, как и всеми без исклю-

[14] Н. К. Ауэрбах. Палеолитическая стоянка Афонтова III. «Труды Общества изучения Сибири и ее производительных сил», вып. 7, Новосибирск, 1930.

чения народами Сибири, какие известны истории, в том числе и современными племенами — охотниками Арктики. Этот древний культ солнца имел тогда, несомненно, прочные основания в суровых климатических условиях приледниковой зоны. Следует добавить и один любопытный штрих, на этот раз относящийся к поселению Афонтовой II. В культурном слое вместе с остатками животных оказались кости человека: обломки плечевой, локтевой, лучевой костей, фаланги правой руки взрослого и зуб подростка. Найдены здесь также и фрагменты детского черепа. Как полагают антропологи, эти люди стали жертвой каннибализма.

О событиях последующего времени и культуре обитателей Среднего Енисея в этот период наиболее полное представление дают раскопки на кокоревской стоянке. На стоянке Забочка-Кокорево I, где вскрыто раскопками 400 м^2, прослежено четыре культурных слоя, залегающих на глубине 2.60—4.30 м от поверхности почвы. Во всех этих слоях оказались очаги, сложенные из плиток в виде колец диаметром около метра. Здесь находились, видимо, легкие наземные жилища. Около очагов были рассеяны многочисленные орудия и отщепы из камня, а также нуклеусы и пластины. Среди каменных орудий имеются многочисленные скребла различных форм и размеров; остроконечники, изготовленные из крупных отщепов с односторонней обработкой; острия из тонких пластинчатых отщепов с заостренным концом; скребки, разнообразные по форме и степени обработки; проколки и резцы, менее многочисленные, но достаточно выразительные. Из костяных орудий наиболее полно представлены наконечники копий с пазами и без них, иглы, изделия из рога северного оленя с отверстиями, «жезлы начальников».

Фауна стоянки замечательна тем, что в ней отсутствует уже мамонт. Он исчез к этому времени на Среднем Енисее окончательно. Век мамонта закончился, и началась новая эпоха в истории животного мира. Исчез также песец. Наступило время абсолютного господства северного оленя. Кости этого животного, столь характерного для современной тундры, в культурных слоях Кокоревской I стоянки самые многочисленные. Вместе с ними встречены кости лошади, зубра, благородного оленя, архара, мелкого волка и зайца.

При раскопках Кокоревской стоянки обнаружен замечательный вещественный документ первобытной охотничьей жизни — лопатка первобытного быка-зубра с застрявшим в ней обломком наконечника метательного дротика, изготовленного из рога. Такие наконечники в изобилии встречаются как на Кокоревской, так и на многих других позднепалеолитических стоянках Сибири. Рана была не смертельной, но, судя по рентгеновскому снимку кости зубра, она не зажила, и, следовательно, животное вскоре стало жертвой охотников. Положение застрявшего в лопатке обломка наконечника показывает, что копье, поразившее животное, было брошено в него не сверху, а сзади, на высоте около полутора метров от земли. Это позволяет восстановить способ охоты на диких быков, применявшийся позднепалеолитическими племенами Среднего Енисея, а также, очевидно, и их современниками в других областях Сибири. Они преследовали стада первобытных быков так же, как это делали в XVIII—XIX вв., по словам Кэтлина, североамериканские индейцы в прериях, охотясь на бизонов. Завидев добычу, охотники подкрадывались к ней возможно ближе, может быть, накинув на себя для маскировки звериные шкуры. Затем шли в ход копья с острыми наконечниками из кости или рога, причем охотники стремились поразить зверя не в сердце, а именно в лопатку. На бегу острие копья вонзалось все глубже в тело раненого зверя, перерезая сухожилия, а измученное животное погибало от невыносимой боли и потери крови.

Такой же в общем характер сохранят все остальные поселения, в том числе более поздние палеолитические поселения на Енисее, вплоть до голоцена, до самого начала новой, неолитической, эпохи. Неизменными в основе остаются прежде всего бытовой уклад, образ жизни и хозяйства, а вместе с ними каменный и костяной инвентарь, сложившийся уже, как мы видели, еще в то время, когда на Афонтову гору явились ее первые жители.

На Ангаре за поселениями типа Мальты и Бурети и Военным госпиталем следуют памятники позднего палеолита, разделяющиеся на две группы: с листовидными двусторонне обработанными клинками (Верхоленская гора, Ушканка) и без таких клинков (Бадай, Черемушник на р. Белой, а также ряд стоянок на берегах Ангары, ниже устья р. Белой). Общей для них бытовой чертой является наличие таких же, как на Енисее, очагов, сложенных из камней, и в каменном инвентаре — скребел с выпуклым рабочим краем. Аналогичная картина прослеживается на Верхней Лене (стоянка у деревень Шишкино и Макарово).

За Байкалом древнейшие палеолитические находки обнаружены, как уже отмечалось, в основании свиты культурных слоев Санного мыса.

Следующий по времени памятник забайкальского палеолита — Ошурковская стоянка. В нижнем ее горизонте обнаружены остатки больших очагов, сложенных из булыжников, и своего рода мастерская, где производилась обработка камня. Если на Алтае и Енисее в дело шли преимущественно гальки зеленокаменной породы и кварцита, в районе р. Белой — местный темно-серый кремень из известняковых кембрийских толщ, на Верхоленской горе — желтый аргилит, то в долине Селенги таким преимуществом пользовался черный камень — лидит. Лидитовые гальки служили нуклеусами простейшей формы. Из лидитовых галек выделывались нуклеусы характерной формы — эпилеваллуазского типа, одно- и двуплощадочные, со скошенными площадками и нетронутой галечной коркой на одной стороне, тогда как с другой снимались отщепы. Второй вид нуклеусов в Ошурково представляют нуклеусы-скребки сибирского типа.[15] Среди орудий на первом месте стоят гальки-чопперы и скребла с выпуклым лезвием, часто тоже изготовленные из целых плоских галек. Есть мелкие скребки из отщепов. Древние обитатели долины Селенги пользовались также костяными орудиями в виде вкладышевых ножей и наконечников, а также иглами с ушками. У них были и костяные плоские гарпуны с попеременно расположенными с обеих сторон зубцами. Наличие гарпунов, несомненно, связано с обилием рыбьей чешуи в очажном слое: рыба составляла важную часть пищи жителей стоянки. Охотились они на благородного оленя, бизона, лося, северного оленя, кабана, зайца. Искусство ошурковцев находилось на том же уровне, что и искусство обитателей Афонтовой горы и Верхоленской горы, — оно представлено одной дисковидной подвеской из камня и орнаментальными линиями в виде зигзага на вкладышевом ноже.

Рассматривая в целом описанные выше послемальтинские палеолитические памяти Сибири, такие как Афонтова гора на Енисее, Верхоленская гора у Иркутска на Ангаре, Няньги и Усть-Кяхта на Селенге, Макарово, Шишкино, Нюя, Мархачан и другие поселения на Лене, предшествующие голоцену, а также отчасти и те, которые принадлежат голоценовой эпохе, можно наглядно видеть глубокие различия между этими

[15] Название «нуклеус-скребок» предложено Б. Э. Петри, который впервые выделил эту группу каменных изделий. Иногда их называют вслед за М. З. Паничкиной «клиновидными нуклеусами», или «клиновидными нуклеусами сибирского типа». Один из вариантов таких нуклеусов (о нем см. ниже) называется нами «сибийским нуклеусом».

памятниками, с одной стороны, и Мальтой и Буретью — с другой. Эти различия свидетельствуют о том, что за какое-то сравнительно непродолжительное время, отделяющее те и другие памятники, в жизни и культуре древнейшего населения Сибири, а также, очевидно, и в его составе происходят еще более глубокие перемены. Перемены эти были настолько серьезны, что можно было бы с первого взгляда признать их результатом какой-то исторической катастрофы, если бы этому не противоречили факты, все же доказывающие преемственность культуры позднего палеолита Сибири от более ранней, времен Мальты и Бурети. Новые явления пронизывают всю жизнь древнего человека, и это прежде всего касается его численности. Первое, что следует отметить для позднего палеолита, это значительное расширение области, освоенной человеком, и повышение плотности населения. Если для предшествующего времени известно всего лишь два поселения на Ангаре и, по-видимому, столько же во всей остальной Сибири (Частинская на Лене и нижний слой Санного мыса), то теперь число стоянок насчитывается десятками. Люди заселяют долины важнейших сибирских рек в их южной части — Амура, Селенги, Енисея, Ангары и Лены; широко расселяются они и в предгорьях Алтая. На Селенге и Алтае эти поселения смыкаются с палеолитом Монголии и распространяются далее на восток и юг, в глубину степей и пустынных ныне нагорий Центральной Азии. Но еще более важные перемены происходят во внутренних областях жизни палеолитических насельников Сибири, в их культуре и бытовом укладе. Неожиданно исчезают прежние поселения, состоявшие из ряда прочных долговременных жилищ. Поселения имеют теперь характер временных охотничьих лагерей, состоявших из немногих надземных жилищ, скорее всего в виде шатров-чумов. Никаких других следов, позволяющих восстановить их форму и устройство, кроме очагов в виде кольцевидных выкладок из булыжников или плит, поставленных на ребро, от этих жилищ не сохранилось.

Любопытной чертой быта позднепалеолитических поселений являются своеобразные клады — хранилища ценных вещей, обнаруживаемые без определенной связи с поселениями или жилищами. В одном случае на Енисее, в долине Абакана, у Соленого озера (Харлоне-кель), А. Н. Липский обнаружил каменные плиты, а под ними — темное пятно древнего углубления, вырытого в почве. Темное пятно оказалось заполнением ямки, в которой лежали три целых орудия из оленьего рога и пять частично поврежденных, а также заготовки для орудий из метакарпальных костей лошади. На самом дне ямки находились типичные для позднего палеолита скребловидные инструменты в количестве десяти штук. Роговые орудия представляют собой характерные для палеолита наконечники веретенообразной формы. Некоторые из них украшены продольными желобками-нарезками. По-видимому, в данном случае сохранилась яма-кладовочка палеолитического мастера, спрятавшего в ней свои орудия, изделия, а также сырье для будущих своих работ. Найденные в той же ямке каменные орудия, очевидно, служили инструментами этого древнего костереза. Уходя от своего имущества, этот человек заботливо прикрыл его каменными плитами, но по какой-то причине не смог вернуться, и сокровища, спрятанные в земле, навсегда остались забытыми.

Второй захороненный палеолитическим мастером клад его изделий и сырья (но на этот раз не из кости, а из камня) обнаружен в Горной Шории, у с. Кузедеево на р. Кондоме. На высоком террасовидном склоне у маленькой деревушки Аил, откуда открывается прекрасный вид на долину реки, в приметном и издали видном живописном месте, в борту промоины примерно на глубине метра от поверхности почвы оказались каменные изделия позднепалеолитического облика. Вещи эти сложены были плотно друг к другу и в определенном строгом порядке. Это были в боль-

шинстве только лишь первоначальные заготовки — полуфабрикаты из галек, расщепленных характерным точно нацеленным ударом сбоку. Тут же лежал булыжник из плотной кремнистой породы, не тронутый еще обработкой. Среди заготовок лежали два великолепно обработанных, типологически выразительных предмета, совершенно законченных, но, по-видимому, еще не бывших в деле: остроконечник «мустьерского типа» и такое же классическое по форме скребло, овальное по очертаниям рабочего края. И здесь, на Алтае, мастер каменного века, спрятавший свой клад в надежном месте, не вернулся за ним обратно.

Такие склады являются еще одним, в высшей степени своеобразным свидетельством подвижной жизни верхнепалеолитических людей в Сибири: должно быть, им часто приходилось покидать насиженные места и при этом не всегда удавалось вернуться обратно.

Столь значительные перемены в характере жилищ и в общем укладе жизни, конечно, должны были иметь определенные причины и глубокие основания. Перемены в характере жилищ могли быть объяснены изменением природных условий. В результате потепления климата и вследствие исчезновения прежних арктических ландшафтов отпала былая необходимость в сооружении глубоких и прочных полуподземных жилищ-землянок, сходных с палеоазиатскими жилищами нашего времени. Но еще более вероятно, что переход от старого уклада жизни, а вместе с тем от древних жилищ к новым обусловлен был переменами в животном мире — исчезновением мамонтов и носорогов и связанными с этим событием переменами в жизни палеолитических охотников.

Когда эти люди утратили мамонта, с ними произошло то же самое, что должно было случиться с приморскими охотниками на морского зверя, эскимосами и сидячими чукчами, если бы у них исчезли или резко сократились почти неограниченные прежде запасы мясной пищи. Причиной этому были, вероятно, не только перемены в природных условиях, но и рост населения, способствовавший усиленной охоте, истреблению животных, особенно молодняка. Истребив таких крупных зверей, как мамонт или носорог, люди по необходимости должны были перейти к более подвижной жизни в погоне за стадами небольших сравнительно животных и соответственно часто менять места своих стойбищ.

И, конечно, теперь уже не было возможности строить рассчитанные надолго прочные зимние жилища; прежние обширные поселки вымерли и запустели. Сама жизненная необходимость подталкивала людей к поискам новых форм хозяйства, к выявлению новых жизненных ресурсов. Такой новой отраслью хозяйства явилось (судя по находкам гарпунов и рыбьих костей в Ошурково и тех же гарпунов в других, видимо более поздних, стоянках, например в Ленковке и Верхоленской горе) рыболовство, до того неизвестное или почти неизвестное. Перемена образа жизни и гибель мамонтов должна была найти отражение и в духовной культуре палеолитических обитателей Сибири.

Исчезновение мамонта лишило палеолитического человека и свежих бивней, этого идеального сырья для резчиков и скульпторов каменного века. Вместе с тем неизбежно пришло в упадок и древнее искусство резьбы по кости, ее лишь отчасти могла заменить резьба по рогу или дереву, недолговечные образцы которой вдобавок и не могли сохраниться до нашего времени.

Труднее объяснить перемены в общем характере орудий труда и вообще каменного и костяного инвентаря. Облик каменных орудий теперь резко меняется. Вместо изящных проколок с кривыми или прямыми тонкими остриями, миниатюрных скребочков, тонко ретушированных пластинчатых лезвий и резцов различных форм повсюду — на Алтае, Енисее, Лене, Ангаре, Селенге, Ингоде — распространяются крупные, массивные

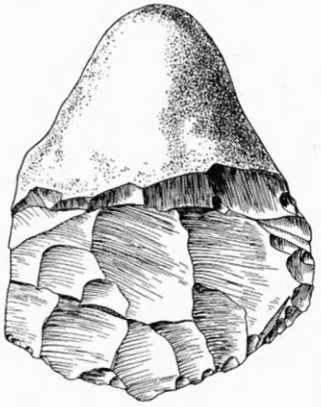
и тяжелые вещи, грубые на первый взгляд и единообразные по типу, изготовленные преимущественно из речных галек: чопперы и скребла. Принципиальное различие между мальтинско-буретьской культурой, с одной стороны, и афонтовско-ошурковской — с другой, обнаруживается не только в размерах и форме изделий, но и в самом существенном и исходном пункте — в основных, начальных приемах обработки камнями и прежде всего в отношении к исходному сырью — гальке. Камень-сырье в Мальте и Бурети полностью и целиком подвергался изменению. Исходной базой для всей каменной индустрии Мальты и Бурети служили не гальки как таковые, а специально подготовленные дисковидные или близкие к призматическим нуклеусы и снятые с них тонкие отщепы и пластины. Обработка камня велась здесь таким образом, что от формы первоначальной гальки или желвака кремня ничего не оставалось. Изделия с уцелевшей хотя бы отчасти валунной коркой, в том числе даже мелкие из отщепов, практически отсутствуют.

В Ошурково и на Афонтовой горе все не только начинается, но по сути и кончается простой галькой, которая так или иначе от начала и до конца сохраняет если не целиком свою форму, то большую или меньшую часть своей исходной гладкой поверхности. Задача мастера как бы сводится к тому, чтобы использовать гальку с наименьшей затратой усилий на ее переоформление. Сами по себе приемы обработки галек отличаются *такой же простотой* и устойчивостью. *Всюду* и везде мы видели *гальки, как бы* рассеченные поперек *одним* сильным и ловким ударом. Разумеется, гальки не всегда рассекались так просто и прямолинейно посередине. Чаще сначала отбивался один конец, а затем в том же порядке *уже последовательно снимался кусок за куском, пока, наконец,* от исходной гальки не оставалась ее половина, а то и третья часть. Но результат был всегда один и тот же. Один конец такой гальки оставался нетронутым и заменял рукоять. Его легко и удобно было держать зажатым прямо в ладони, как когда-то держали свои рубила люди шелльского времени в Африке и Европе. Другой конец камня подвергался обработке. Последняя варьировала в зависимости от ранее поставленной цели. В одном случае мастер хотел получить отщепы и пластины с острым режущим лезвием. Тогда он использовал гладкую галечную поверхность как площадку нуклеуса и, нанося по ней один удар за другим, снимал с гальки необходимые ему изделия. Такую работу можно сравнить по характеру с отщеплением лучин от полена. В таком случае галька представляла собой чопперовидный нуклеус. В другом случае имелось в виду получить не отщепы, а орудие с массивным рубящим или скоблящим краем. Тогда лезвие, образовавшееся в результате раскалывания гальки и отщепления от нее кусков камня, подправлялось дополнительной ретушью. В данном случае получался уже настоящий чоппер со скребловидным или тесловидным лезвием, чаще всего выпуклым, иногда прямым или даже вогнутым. От скребел чопперы в собственном смысле этого слова отличаются, однако, тем, что у них иные пропорции. Различно отношение ширины лезвия к уцелевшей части гальки — длине изделия. Скребла шире, они имеют отношение длины изделия к ширине лезвия примерно, как 1 : 2, чопперы соответственно уже, их длина относится к ширине лезвия в среднем, как 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1 и т. п. Оба вида таких галечных изделий, чопперовидные нуклеусы и собственно чопперы, однако, настолько близки друг к другу и так плавно переходят из одного типа в другой через ряд промежуточных вариантов, что не всегда легко отделить их друг от друга. Эти необычные с точки зрения исследователей палеолита Европы, Африки орудия несомненно отвечали определенным хозяйственным потребностям. В основном это были, надо полагать, орудия для обработки дерева — предшественники топоров, тесел, скобелей, ножей, а также инструменты для разделывания

охотничьей добычи. Специфическая галечная традиция обработки камня лежит в основе изготовления и столь характерных для позднего палеолита Сибири скребел. О значении их в жизни населения Сибири в конце палеолита свидетельствует обилие таких орудий, составляющих подавляющую массу среди всех вообще каменных изделий на позднепалеолитических поселениях. По подсчетам Г. П. Сосновского и Н. К. Ауэрбаха, скребла такого рода составляют, например, на Афонтовой II половину общего количества найденных там каменных орудий (45% и 51.5% «орудия типа ручного рубила», т. е. те же скребла, только лишь с обработкой нижней стороны ретушью). Рабочий край скребел чаще всего выпуклый, реже прямой или вогнутый, но почти всегда крутой, обработанный характерной ступенчатой ретушью, похожей на мустьерскую. Иногда скребла имеют два параллельных лезвия, сходящихся вместе и образующих в таком случае прочное массивное острие — вид остроконечника. Скребла выделывались обычно из крупных и массивных отщепов, снятых с галек-нуклеуса, на верхней стороне которых часто сохраняется нетронутая валунная корка. Но не менее характерен и другой прием изготовления таких орудий, когда подбиралась плоская галька овальных очертаний и ее раскалывали не поперек, а вдоль, расщепляя камень на две плоских, овальных по форме половинки. Оставалось только обработать один ее выпуклый край крутой ретушью, чтобы получить скребло. В этом случае основная тенденция галечной техники — сохранить гальку в наибольшей целости — выражена еще ярче и непосредственнее. Специфическая галечная традиция обработки камня, которая так выразительно выступает в материалах позднепалеолитических поселений Сибири, а также Монголии и господствует здесь, обнаруживается и в иных формах — в виде своеобразных нуклеусов, приближающихся к леваллуазским нуклеусам Запада. Эти нуклеусы тоже изготовлялись из целых, обычно овальных галек и у них также сохранялась нетронутой половина исходной галечной поверхности. Но у них от концов отбивались куски камня — так получались одна или две (на противоположных концах гальки) отбивных площадки, как правило, скошенных по отношению к направлению удара, которым снимались пластины. Пластины снимались только с одной стороны, другая же сторона гальки сохраняла, как сказано, нетронутую корку. Все эти галечные изделия постоянно сопровождались нуклеусами-скребками с боковой ретушированной и заостренной на конце лопастью-рукоятью, тогда как с их массивного торца снимались пластины. Эти загадочные изделия в ряде случаев настолько малы и тонки, а фасетки их столь узкие, что снятые с них пластины явно были непригодны для употребления, в том числе даже и в качестве вкладышей. Они служили, очевидно, скобелями или соответствуют полиэдрическим резцам, одинаково употреблявшимся для обработки дерева, кости и рога. Наряду с этими орудиями иногда встречаются пластинчатые односторонние клинки с краевой ретушью, напоминающие мустьерские остроконечники. Изредка есть и нуклеусы, близкие к мустьерским дисковидным. Важный элемент инвентаря позднего палеолита Сибири — костяные изделия. На первом месте среди них стоят неизвестные ранее костяные клинки копий и ножей с вкладными лезвиями из кремневых пластинок и плоские гарпуны «азильского» облика.

Таким образом, в конце ледникового времени и в начале послеледниковой эпохи, около 15—10 тыс. лет тому назад, к востоку от Урала на всей территории Северной Азии, простирающейся от Алтая и до Амура, от Центральной Якутии до Монголии, существовал один и тот же уклад жизни бродячих или полубродячих охотничьих племен. Повсюду люди жили в легких надземных жилищах типа шалаша или чума. Везде на этих необозримых просторах распространилась удивительно единообразная в ее самых общих чертах культура позднепалеолитических племен. Куль-

тура эта была, как мы видели, резко отличной от двух главных культур этого времени в Старом Свете, европейской и африканско-средиземноморской. Основная черта этой культуры заключается в том, что ее носители, древнесибирские племена, выделывали свои крупные орудия одними и теми же стандартными для Сибири и Центральной Азии приемами из расколотых поперечными ударами и затесанных сколами вдоль края речных галек. Одинаковы в основе и формы этих орудий: чопперовидные нуклеусы-гальки, чопперы и скребла с выпуклым или овальным рабочим краем. Кое-где к ним примешиваются остроконечники «мустьерских» форм и диски-нуклеусы, а также нуклеусы леваллуазских форм. Везде эти орудия сопровождаются также и вещами верхнепалеолитических типов, изготовленными из отщепов и пластин, а также очень простыми подделками из кости.



Рубящее орудие (чоппер). Усть-Семинская стоянка, Алтай.

Более того, повсюду позднепалеолитические обитатели Сибири изготовляли крупные каменные изделия из одних и тех же видов каменного сырья, преимущественно из галек зеленокаменных яшмовидных пород и кварцитов на Енисее, Ангаре, и Лене или из тех же галек зеленых яшм, кварцита и черного лидита на Селенге и в монгольских степях. Единство культуры, возможно, связано было и со становлением единого в расовом и этническом отношении населения. При вероятном наличии древних европеоидов, бесспорная примесь которых обнаруживается в более поздних обитателях Сибири к западу от Енисея, в позднем палеолите здесь окончательно складывается и преобладает, по-видимому, тот физический тип населения Сибири, который господствует в ней на протяжении всей последующей истории, — монголоидный. Указанием на это могут служить фрагмент черепа, найденный в 1937 г. на Афонтовой горе, и явно монголоидные черты «одетой» статуэтки из Бурети.

Своеобразие сибирского палеолита нас уже не поражает так, как поразило оно ученых XIX в., сторонников эволюционизма. Теперь ясно, что рядом с палеолитическим миром Запада существовали другие, равноправные по тому времени культурно-исторические миры. В каждом из них человек по-своему осваивал своеобразные природные условия, создавал собственные изобретения и делал различные открытия, строил свою культуру. Сложные, далеко не выясненные отношения этих этнографических миров — культур древнекаменного века — еще более усложняют жизнь палеолитического человека, еще более обогащают всю эту калейдоскопическую картину, столь непохожую на единообразную панораму всемирной истории каменного века, которая развертывалась перед глазами эволюционистов XIX в. Но все-таки где следует искать корни позднепалеолитической культуры Сибири, где истоки того, что составляет ее специфику, — галечных орудий и галечной техники?

Исходя из имеющихся сейчас данных, можно полагать, что население Сибири того времени не было чуждо тем племенам древнекаменного века.

которые оставили свои следы в Мальте и Бурети: об этом свидетельствуют в первую очередь костяные наконечники копий, а также немногочисленные мелкие кремневые изделия в виде проколок и скребков, близкие к мальтинским. В Бурети и Мальте, как мы видели, имеются и первые чопперы — оббитые рубящие орудия из галек. Есть здесь и отдельные крупные скребла, изготовленные из отщепов, хотя нет еще массивных тяжелых скребел позднепалеолитических форм. Кое-что связывает эти культуры и в области художественной деятельности, например диски-подвески с просверленными в центре отверстиями вроде найденных на Афонтовой горе или в Ошурково.

Но в целом галечный инвентарь позднепалеолитических поселений вызывает в памяти иные, не западные, а южные и восточные аналогии. Через монгольские степи и пустыни Центральной и Средней Азии протягиваются какие-то невидимые нити к высоким нагорьям Тибета и Гималаям, вплоть до Северо-Западной Индии, где уже в раннем палеолите, во время третьего оледенения, возникает раннесоанская культура оббитых галек — чопперов. Традиции ее устойчиво продолжаются здесь в каменном инвентаре и до позднейшего времени — не только до мезолита, но и неолита. На формировании этой новой культуры явно отразились глубокие исторические связи и с палеолитической Средней Азией: оттуда идут черты леваллуазской техники, а также и «мустьерские» элементы в каменном инвентаре. Именно в Средней Азии так рано и с таким блеском развивается в конце мустьерской эпохи леваллуазская техника расщепления кремня. В сибирском же палеолите эти изделия раньше всего и обильнее обнаруживаются на западе — на Алтае (в Усть-Канской пещере) и в Северном Казахстане, а также на юге Енисейского края и в Туве. Как давно начинаются эти связи, можно судить по тому, что одним из самых характерных для Мальты и Бурети каменных изделий являются полудисковидные орудия, напоминающие одновременно нуклеусы и скребла «высокой формы». Они удивительным образом похожи по своей форме на палеолитические изделия из Центрального Казахстана, в которых выражена своеобразная местная техническая традиция, зародившаяся, по-видимому, очень рано и продолжавшая, как показали находки Х. Алпысбаева, непрерывно существовать там вплоть до верхнего палеолита, а может быть, и еще позже. Новым указанием на это могут служить палеолитические находки в Ачинске, где вместе с костями мамонта, песца и дикой лошади имеются вещи, характерные для среднеазиатских и переднеазиатских культур каменного века: серии пластин с четко оформленными боковыми выемками, нуклевидные орудия в виде скоблей и скребков «высоких форм», резцы, острия со скошенным концом и поперечно-лезвийные пластины, напоминающие мальтинские. Там же оказались и типично сибирские скребла. Культурная и этническая история древнейшей Сибири, следовательно, с самого начала шла не в изоляции, а в живом взаимодействии с другими странами. В нее внесли свой вклад племена Запада, Юга и Востока, а сама она. нужно думать, тоже оказывала влияние на соседей, как близких, так и далеких. С этой стороны замечательно отмеченное З. А. Абрамовой совпадение в каменном инвентаре стоянки Красный Яр на р. Ангаре и палеолитического поселения Талицкого на р. Чусовой. Стоянки Талицкого и Красный Яр оказываются как бы промежуточными станциями древнейшего пути между Прибайкальем и Уралом.

Расставаясь с палеолитом Сибири и его людьми, следует бросить последний взгляд на эту отдаленную эпоху в целом, на место ее в истории Северной Азии. Мы видели, что уже в отдаленнейшем прошлом, не менее 20—25 тыс. лет тому назад, Сибирь от Урала и до Тихого океана, от моря Лаптевых и до монгольской границы не была безлюдной, как прежде, пустыней. Палеолитические поселения показывают, как в ходе тысячелетий

первобытные племена постепенно осваивали эти огромные пространства, в том числе на севере, двигаясь все ближе к Ледовитому океану, откуда в обратном направлении навстречу им давно уже стремился мощный поток арктических животных, завоевавших на протяжении ледникового периода почти всю Азию и Европу.

Расселение древних людей в то время, конечно, было длительным и медленным процессом, совершалось в чисто геологических еще по своей медленности масштабах. Нужно было много времени, чтобы, выйдя из южных областей земного шара, первобытные люди достигли Урала, Енисея. Лены, Селенги и Ангары.

Потребовалось, конечно, еще больше времени для того, чтобы они проникли так далеко на северо-восток, как это видно из распространения древнейших палеолитических поселений на Верхней и Средней Лене. Очень долго здесь остро сказывалась, должно быть, еще общая малочисленность палеолитических племен в обжитых ими местах. Да и сами заселенные бродячими охотниками районы, которым соответствуют отдельные гнезда их стоянок, долго были изолированными островками, терявшимися среди дикой и враждебной человеку природы севера. Они всюду чередовались еще с огромными пустынными пространствами.

Историческая заслуга первых обитателей Сибири при всем том очень велика. Именно они, настоящие пионеры севера, в погоне за мамонтами, стадами северных оленей, лошадей и быков открыли эту совершенно новую для человека страну.

Им не удалось еще полностью освоить ее колоссальные пространства. Но уже 25 тысячелетий тому назад, во время существования поселения в Мальте и Бурети, Частинской и Санного мыса, а может быть, и еще раньше, были проложены первые тропы, которые вели людей в глубину Сибири. На ее девственной почве были созданы совершенно новые культурные очаги. Была заложена прочная основа для развития человеческой культуры на севере и дальнейшего завоевания его необозримых территорий.

4. ДРЕВНЕЙШИЕ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Мы видели, как в конце ледниковой эпохи между Уралом и Байкалом тысячелетиями развертывался процесс развития культуры палеолитических охотников на мамонта, носорога, северных оленей и диких лошадей. В то же самое время далеко к востоку от Байкала, в долине Амура и в нынешнем Приморском крае жизнь древнейших обитателей этих областей шла своим, во многом особенным путем. Резко своеобразной, непохожей на сибирскую, была уже та природная среда, в которой жили обитатели нашего Дальнего Востока. Отличие природы Дальнего Востока от природных условий соседней Сибири сразу же бросается в глаза и в наше время каждому, кто впервые попадает сюда.

После однообразных лесистых склонов гор и узких речных долин Средне-Сибирского плоскогорья и верховьев Амура необычное впечатление производят уже обширные степи и болотные луга Среднего Приамурья и долины Сунгари.

Не менее сильное впечатление остается и от амурских лесов, столь непохожих на сибирскую тайгу. В южной части Приамурья господствует не хвойная, а широколиственная древесная растительность, которая по своему систематическому составу входит уже в область китайско-японской флоры.

Тот же южный отпечаток лежит и на фауне Дальнего Востока. Кроме обычных в тайге животных, на Дальнем Востоке встречается огромный тигр, не уступающий по величине и кровожадности бенгальскому. Вместе с ним к числу характерных для приамурского края жи-

вотных относятся енотовидная собака, дикая амурская кошка, крупная куница-харза, пятнистый олень, «кудрявая» антилопа-горал, из птиц же — китайская иволга, японский ворон, маньчжурский фазан, мандаринская утка и китайский гусь, розоватый японский ибис.

Все это животные, чуждые северным областям Азии, родина которых на юге, в теплых странах Юго-Восточной Азии, в Китае, Корее и Японии. В реках Дальнего Востока после сибирского перерыва вновь появляются речные раки, сазаны, сомы, вьюн и белуга, а в лесах — древесная лягушка. Все они, как показал академик Л. С. Берг, пересидели в дальневосточных убежищах грозное для их сородичей на Западе время, когда там нарастали ледники и складывались приледниковые ландшафты. Они уцелели и дожили до той новой эпохи, когда сложилась современная нам климатическая обстановка, оформились современные ландшафтные зоны.

Отсюда не следует, конечно, что грозные явления ледниковой эпохи вовсе не коснулись нашего Дальнего Востока. Установлено, что здесь имели место по крайней мере два похолодания. Наблюдаются и следы деятельности ледников в горах. В пещере «Географического общества» на Сучане у бухты Находка оказались кости мамонта, дикой лошади и других представителей холодолюбивого мамонтового комплекса животных плейстоценового времени.

Но все же здесь были существенно иные, более мягкие климатические условия, чем в Сибири и на соседнем северо-востоке Азии.

Эти своеобразные природные условия, существовавшие тысячелетиями, не могли не наложить определенный отпечаток и на образ жизни древнейших обитателей Дальнего Востока, на всю их культуру. Древнейшая культура Дальнего Востока должна была с самого начала иметь какие-то своеобразные черты и прежде всего резко отличаться от арктической приледниковой культуры соседней Сибири. И действительно, наиболее ранние, известные сейчас остатки деятельности человека на Дальнем Востоке настолько резко отличны от палеолита Сибири, что их трудно сопоставить с какой-либо из известных нам сибирских палеолитических культур, в том числе с палеолитом Забайкалья.

Первая и самая замечательная такая находка встречена была в континентальной части Приморья, в районе г. Уссурийска, около с. Осиновки. На склоне возвышенности правого берега были обнаружены последовательно залегавшие один над другим горизонты культурных остатков различного времени. Вверху, в дерновом слое, здесь залегают остатки культуры железного века — мохэского времени, глубже — неолитические изделия и керамика, еще глубже — мезолит. И, наконец, в самом низу лежит еще один культурный горизонт, четвертый сверху. Он связан с красноцветными отложениями. Как полагают геологи, слой этот образовался в условиях влажного и относительно теплого климата. Затем последовало время более холодного климата, с которым связано морозное выветривание горных пород. В это время на Осиновском холме появились люди с мезолитической культурой. Неолитический слой соответствует, по данным геологов, лесному умеренному климату и лесным ландшафтам, сходным с современными.

Таким образом, этот уникальный геологический разрез представляет собой летопись не только геологических событий, но и прошлого древнейшего населения Приморья начиная с весьма отдаленного, по-видимому межледникового, времени. Тем интереснее для нас древнейшие остатки человеческой деятельности на Осиновском холме в четвертом слое, самые древние из известных в настоящее время в Приморье.

Они располагались характерным образом, на одном и том же уровне, по отдельным скоплениям, своего рода «гнездами». Одно такое «гнездо» находок было связано с остатками древней мастерской, где обрабаты-

вался камень и изготовлялись каменные орудия. В стенке карьера здесь оказалась каменная наковальня в виде прочной кварцитовой гальки с выбоинами от длительного употребления. Рядом находились характерные для нижнего горизонта Осиновки крупные массивные изделия из речных галек и сколотые с них отщепы. Это было, следовательно, место, где работал древний мастер, его мастерская. Другие скопления находок нижнего горизонта тоже представляют собою остатки таких же мастерских или «рабочих площадок».

Среди предметов из нижнего слоя Осиновки первое место по обилию и выразительности формы принадлежит крупным изделиям, изготовленным из целой речной гальки, иногда расколотой вдоль или поперек одним сильным ударом, а чаще более или менее симметрично оббитой. У них один конец иногда сохраняет остатки гладкой валунной корки исходного валуна и представляет своего рода рукоять. Противоположный же конец всегда бывает тщательно затесан и превращен в широкое, обычно овально-выпуклое лезвие, реже прямое или даже слегка вогнутое. Лезвие иногда по краю обработано бывает еще и мелкой вторичной ретушью. Одна сторона этих изделий обыкновенно бывает более выпуклой, чем противоположная, причем выпуклая сторона всегда почти оформлена сравнительно узкими и длинными фасетками продольных сколов. Эти сколы, расположенные параллельно друг другу, вызывают в памяти нуклеусы. Сходство с нуклеусами усиливается и тем, что противоположная плоская сторона изделий такого рода напоминает специально подготовленные для снятия пластин площадки нуклеусов. Но общая миндалевидная или овальная форма их в ряде случаев сходна с формой древнейших каменных орудий нижнего палеолита, ручных рубил и в особенности тех примитивных рубящих орудий Восточной и Юго-Восточной Азии, которые получили наименование «чопперов». В одном слое с этими крупными орудиями оказались изделия типа ножей из широких пластин и скребловидные инструменты, а также многочисленные отщепы. Все они изготовлены из одного и того же материала — зеленого вулканического туфа, породы вязкой, а вместе с тем и твердой, легко поддающейся обработке ретушью.

Такие же, как в нижнем слое Осиновского холма, каменные изделия обнаружены в г. Уссурийске на Ильюшкиной сопке, у с. Горные хутора в районе Черниговки, у дер. Майхэ на реке того же названия, вблизи устья р. Мо, около оз. Ханка. Совершенно неожиданно аналогичные изделия из такого же материала, из гальки вулканического туфа, оказались на Среднем Амуре, у с. Бибиково, где их нашел Б. С. Сапунов.

Судя по геологическим данным и стратиграфии культурных слоев Осиновского холма, эта культура принадлежит эпохе палеолита. Вместе с тем она резко отличается от хорошо известного нам палеолита Сибири.

Уже тогда, в это далекое время, культурно-историческое развитие дальневосточных племен шло, следовательно, самобытным путем. Здесь существовал особый центр культуры первобытных охотничьих племен, на всем протяжении доступного нашему взору исторического пути в полной мере сохранивший свое собственное лицо, свой оригинальный в основе индивидуальный облик.

Но, разумеется, древние племена Дальнего Востока жили и развивались не в каком-то идеальном пустом пространстве; они должны были так или иначе вступать в разнообразные связи и взаимоотношения с другими племенами, с населением других территорий и стран, связи то мирные и дружественные в одних случаях, то враждебные — в других, но всегда так или иначе отражавшиеся на их судьбах и культуре. При всем их своеобразии каменные изделия из Осиновки имеют, несомненно, больше общего не с арктическими культурами приледниковой зоны Евразии, а с культурами более южных областей Азии, вплоть до Вьетнама.

Таиланда и отчасти Индонезии, где развитие хозяйства и культуры шло издавна иначе, чем в арктических областях, в Сибири и Северной Монголии.

Вместо охоты на крупных толстокожих и на северного оленя основным занятием здесь были скорее охота на мелких животных и собирательство. Так, например, вместе с костями мелких животных уже в верхнем гроте Чжоукоудяна оказались и довольно многочисленные раковины.

Соответственно этому на юго-востоке Азии не существовало и того своеобразного вооружения, той специфической материальной культуры, которая была характерна для палеолитических охотников севера и вместе с тем так похожа на культуру современных охотников арктического побережья.

Для сбора съедобных растений, выкапывания корней, ловли мелких животных было вполне достаточно и простой деревянной палки. Употребляемая в качестве охотничьего оружия, она была только заострена на огне или припомощи грубого каменного осколка.

Не было у древних племен Восточной и Юго-Восточной Азии и постоянных поселений с прочными полуподземными жилищами, построенными из костей животных и земли. В них не нуждались, так как не было и арктических холодов. Бродячие охотники и собиратели довольствовались временными жилищами, скалистыми навесами и пещерами.

Некоторые черты этой древней культуры пережиточно уцелели до недавнего времени у наиболее отсталых племен, обитателей изолированных островов южных морей вроде Цейлона или жителей непроходимых тропических джунглей Южной Азии.

Племена эти состояли из небольших групп людей, которые жили собирательством, охотой, ловлей рыбы и вели бродячий образ жизни, останавливаясь на короткое время в подходящих местах, нередко — в пещерах и гротах, представлявших для них готовое надежное убежище во время тропических дождей и зноя.

Так, очевидно, должны были жить и первые обитатели Осиновского холма, после которых там не осталось никаких сколько-нибудь заметных следов сооружений, приспособленных для жилья; жилищем им служили, надо полагать, простые шалаши или навесы, сооружавшиеся из древесных ветвей и травы на короткое время.

Можно, следовательно, сделать вывод, что оригинальная осиновская культура представляла собою как бы крайнее на севере звено целой цепи культур, принадлежавших племенам собирателей и бродячих охотников Юго-Восточной Азии, обитавших здесь в позднем палеолите и мезолите. Это была, следовательно, не северная, а южная по ее характеру культура, хотя и находившаяся в каких-то связях с соседними северными племенами Монголии и Восточной Сибири.

Мы застаем эту культуру уже достаточно развитой. Но нужно думать, что характерные для нее черты быта и технические традиции, наиболее отчетливо выраженные в своеобразных формах крупных рубящих орудий, изготовленных из целых галек, уходят глубоко в прошлое населения Юго-Восточной Азии, в их исконную и древнейшую культуру. По крайней мере именно так, из целых галек, изготовляли свои чопперы люди нижнего палеолита Бирмы и Индокитая. Из целых галек делали свои грубо оббитые рубящие орудия и синантропы в Чжоукоудяне.

Рано появившись, эти технические традиции продолжали, несомненно, жить и позже, вплоть до неолита. Так было в Индокитае, где на протяжении тысячелетий устойчиво существовали одни и те же в основе приемы обработки камня, употреблялись сходные рубящие и скребловидные инструменты. То же самое должно было иметь место и у нас на Дальнем Востоке.

5. ПЕРЕХОД ОТ ПАЛЕОЛИТА К НЕОЛИТУ

В истории древнейшего населения Сибири огромное значение имело становление той естественной среды, которая возникла на его глазах в VII—VI тыс. до н. э., т. е. 8—9 тыс. лет тому назад, — с началом голоцена.

Великий ледниковый период, на фоне которого протекала история верхнепалеолитического человека в Западной и Восточной Европе, а также и в Северной Азии, заканчивается. В Европе глетчерный массив последней ледниковой эпохи около 14—15 тыс. лет тому назад начинает постепенно сокращаться в размерах. Он тает и медленно отступает к северу, освобождая все новые и новые пространства, погребенные прежде под мощным ледяным покровом. В Сибири последнее сартанское оледенение приходит к концу. Исчезают материковые льды, кроме «ископаемых льдов» Арктики. Оттаивает вечная мерзлота, особенно глубокая там, где не было ледяных покровов. Климат увлажняется и становится теплее. Леса выходят из своих прежних убежищ в долинах рек и горных ущельях, из укрытых от холодных северных ветров котловин; широким фронтом наступают они на тундры и степи. Складываются современные ландшафтные условия Северной Азии. Возникла и сплошным широтным поясом от Тихого океана до Балтики протянулась лесная зона, зашумело зеленое таежное море. Вдоль берегов Ледовитого океана вырастает полоса тундры и лесотундры, а по ту сторону лесных массивов — пояс степей, пустынь и полупустынь Центральной Азии. История растительности в голоцене хорошо прослеживается по материалам пыльцовых анализов в Прибайкалье, где выделено четыре ее фазы. В первую фазу, отмечающую начало голоцена, в Прибайкалье еще господствовали безлесные ландшафты со сфагновыми болотами, злаково-разнотравными ассоциациями и сохранившейся кое-где кустарниковой березкой. Наряду с ними имелись островные березовые леса с ольхой и небольшой примесью ели. Во вторую фазу резко увеличивается облесенность территории. В Прибайкалье существовали пихтово-кедровые леса с елью и березой. Пихта была одной из главных лесообразующих пород. На склонах гор резко увеличились участки сосны. В третью фазу пихтово-кедровые леса сменялись березовыми и сосновыми с примесью широколиственных пород — вяза и дуба. Горные склоны по-прежнему были залесены сосной с примесью сибирского кедра и лиственницы.

Это послеледниковое смягчение климата, которое принято называть послеледниковым или голоценовым климатическим оптимумом, датируется временем от 8 до 4 тыс. лет тому назад. Оно прослеживается повсеместно, в том числе в низовьях Лены и Енисея, где проходит резкое продвижение леса на север, а также возникают мощные торфяники, в которых обнаруживаются стволы деревьев, ели и лиственницы. В Прибалтике в это время существует теплое анциловое море, средняя годовая температура на 2.5° выше современной, а в растительности преобладают теплолюбивые породы: дуб, клен, липа, ясень.

В голоцене происходят и столь же крупные перемены в животном мире. Вымерли мамонты и носороги. В лесах складываются новые, лесные, биоценозы. Сухолюбивые виды лошади, куланы, сайга обособились в центре Азии; песцы, северные олени локализовались на Крайнем Севере.

Правда, нельзя не отметить, что в Якутии, например, в силу общего северного положения и близости к Ледовитому океану дольше и упорнее, чем на западе, сохранялись следы природных условий ледниковой эпохи.

«Страна эта, — писал, например, А. А. Григорьев, — и сейчас находится в стадии, отвечающей последним этапам оледенения, которые ев-

ропейский север пережил, хотя и в несколько иной форме, уже много тысяч лет тому назад».

Выразительными остатками минувшей холодной ледниковой эпохи, кроме трупов мамонта и носорога, а также вечной мерзлоты, являются, например, ископаемые льды, толщина которых достигает двух—трех десятков метров в Якутско-Вилюйской котловине, а на Полярном побережье — 70—80 м.

Столь же наглядными следами господства иных, чем теперь, природных условий в Центральной Якутии остаются узкие полосы степной растительности, которые видны, например, вблизи г. Якутска на высоких сухих гривах «кырдалах» и по соседним безлесным склонам возвышенности левого коренного берега Лены: Чох-чур-Мурана. Здесь до сих пор можно видеть растения, характерные для далеких степей Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии, или их ближайших родичей. Таковы пустынный овес, типчак, ковыль-тырса, вострец восточный. Там же растет гребенчатый пырей, найденный среди других трав в желудке березовского мамонта.

Вместе с этими древними растениями уцелели и некоторые представители старого мира, современники людей ледниковой эпохи, в том числе степной орел-беркут, суслики (овражки), полевки, сурки (тарбаганы). Но все это даже в такой суровой стране, как Северная Якутия, — только единичные, разрозненные следы прошлого, отдельные реликты былой ледниковой природы и климата.

Таким образом, сложилась новая природа Сибири, изменилось ее лицо: ландшафты, весь растительный и животный мир стали иными, чем прежде. Тем интереснее знать, какие перемены произошли в это время в жизни человека, что сталось с ним при переходе от плейстоцена к голоцену. Ответ на этот вопрос дают археологические памятники переходного периода от позднего палеолита к новой исторической эпохе — новокаменному периоду, или иначе — неолиту.

Этот период в археологической литературе носит название эпипалеолита, или мезолита. В мезолитическое время повсюду закладываются основы новой культуры, нового бытового уклада, неолитического. Но повсюду этот процесс протекал по-своему, в особенных формах. На огромных пространствах Африки, Южной Азии и Европы процесс становления новой культуры обнаруживается в археологических памятниках прежде всего в том, что в корне меняется техника обработки камня. Начинается микролитизация каменных изделий. Сущность этого процесса заключается не только в том, что орудия становятся меньше размером, а в том, что теперь складывается новое отношение к камню: устанавливаются новые приемы изготовления орудий труда, распространяются нуклеусы нового типа, призматические в настоящем смысле этого слова, пластины с них снимались ударами, нацеленными строго вдоль их длинной оси, отбивная же площадка была не скошенной, а перпендикулярной удару. Еще важнее, что пластины, снятые с таких нуклеусов, служили полуфабрикатами. Их расчленяли на части, и эти более мелкие пластины и отщепы кремня превращались в готовые изделия. Последние приобретали теперь новые, небывалые ранее формы: распространялись миниатюрные пластинчатые вещи геометрических очертаний в виде сегментов, трапеций, асимметричных треугольников, даже прямоугольников.

Микролитическая культура создала и свою собственную технику обработки камня ретушью. Ретушь, которой оформлены изделия геометрических очертаний, а также и сопровождающие их другие изделия, например ретушированные пластины-ножи, разные острия и скребки, нельзя спутать ни с какой другой. Она крутая и четкая, часто с характерным за-

нозистым краем. Микролитические мастера создали, таким образом, в этой области техники свой собственный «почерк», свой оригинальный творческий стиль обработки камня.

В ряде стран появление микролитической техники и мелких кремневых изделий геометрических очертаний сопровождается не менее существенными переменами в хозяйственной жизни древних племен. Развитое собирательство дикорастущих съедобных растений перерастает в уход за ними, а затем и в культивирование, возникает земледелие. Так закладываются основы того события, которое получило в археологической литературе последних десятилетий название «неолитической революции».

Развитие материальной культуры по линии микролитизации каменных изделий охватывает также южные области Советского Союза и отчасти северные. Таковы, например, ранние мезолитические и неолитические культуры Средней Азии, Украины, Белоруссии, Литвы. Для истории древнейшего населения Сибири, особенно западной, существенно, что влияние микролитической техники обнаруживается и на юге Урала, по обе стороны Уральского хребта, а также и в горных районах Урала.

Здесь в ряде мест встречены многочисленные изделия из ножевидных пластин, вкладыши, микрорезцы, а также настоящие геометрические микролиты в виде трапеций, сегментов, асимметричных треугольников. Все эти вещи особенно близко напоминают такие же изделия со стоянок с микролитами в Средней Азии, в Таджикистане и Туркмении. Оттуда, очевидно, и проникает в Приуралье влияние микролитической техники. Но дальше на север и на восток от Урала, начиная с Алтая, это влияние микролитической культуры не прослеживается.

На Алтае не обнаружено пока никаких следов микролитической техники, как нет там и мелких орудий геометрических очертаний. Вместо них здесь в это время по-прежнему, как и в палеолите, встречаются большие массивные изделия из расколотых речных галек: чопперы, галечные скребла, а вместе с ними дисковидные и леваллуазские нуклеусы. Встречены здесь и скребла с овальными выпуклыми лезвиями, а также массивные, тяжелые остроконечники, напоминающие мустьерские.

Таково, например, поселение на невысокой сопке у совхоза Урожайного; с ее вершины открывается широкий вид на окрестную равнину, среди которой вдали виднеются вершины таких же невысоких холмов — останцов, покрытых кое-где галечником древних аллювиальных отложений. Заняв эту выгодную стратиграфическую высоту, откуда можно было с успехом следить за передвижениями в долине Катуни стад диких животных, а может быть, и чужеплеменников, древние обитатели холма имели у себя под ногами неистощимые россыпи необходимого для изготовлений орудий труда и вооружения каменного материала. Это был точно такой же, как на Афонтовой горе или на Кокоревской стоянке, белый полупрозрачный кварцит, а вместе с ним и темные зеленокаменные кремнистые породы. Разбивая гальки пополам одними и теми же, раз навсегда установившимися приемами, древние мастера-каменотесы выделывали из них свои нуклеусы-диски с тщательно подправленным краем-площадкой, по которой наносились удары. Тут же были обнаружены гальки-чопперы, скребла и остроконечники, поражающие исследователей архаичностью формы и техники.

Время как бы остановилось и замерло неподвижно у этого холма: так близки все эти грубые вещи к изделиям тех людей, которые когда-то несколько тысяч лет бродили по несбозримым пространствам Сибири в погоне за стадами диких лошадей, быков, выслеживали мамонтов и северных оленей в конце ледникового периода.

Но признаки нового все же пробивают себе дорогу и через эти тысячелетние традиции прошлого сибирских племен: новое представлено

здесь незначительными по размеру, но чрезвычайно важными с исторической точки зрения предметами — кремневыми наконечниками стрел. Правда, такие наконечники обнаружены не на Урожайной стоянке, а выше по р. Катуни, где в диком скалистом ущелье в нее впадает вся в брызгах и пене вторая такая же горная речка — Сема. Но в остальном находки на Урожайной стоянке и в устье Семы совершенно одинаковы. Они одинаково принадлежат началу голоценового времени. И в них одинаково устойчиво и непрерывно живут традиции древней галечной культуры позднего палеолита.

Еще более удивительная картина наблюдается далее на востоке от Алтая, на Среднем Енисее, в ближайшем соседстве с Афонтовой горой, у Красноярска. При впадении таежной речки Бирюсы в Енисей, под прикрытием живописных известняковых утесов, в которых имеются многочисленные ниши и пещеры, издавна служившие убежищем древнему человеку, веками существовали на одном и том же месте, на уютной площадке у самой воды поселки каменного века.

Это место было настолько привлекательно для человека всех времен, что остатки древних поселений расположены здесь одно над другим.

Самые ранние пришельцы явились в этот счастливый уголок на берегу Енисея и Бирюсы еще в позднем палеолите, когда в этих местах бродили табуны северных оленей и диких лошадей. Они оставили после себя два культурных слоя. В них встречены маленькие скребочки, нуклеусы и резцы вместе с костями крупного дикого быка и того же северного оленя. Вместе с маленькими скребками и ножевидными пластинами здесь же найдены и грубые, типично палеолитические скребла. На самом верху культурной толщи Бирюсинской стоянки залегали отложения неолитического времени: остатки очагов из пережженных булыжников, а может быть, камней, служивших для кипячения воды в деревянных или берестяных сосудах, неолитическая керамика и различные каменные орудия того же времени.

Во многом близкая картина наблюдается и в долине р. Ангары. На Ангаре лучше всего изучены два поселения начального этапа голоценового времени, расположенные примерно так же, как когда-то Мальта и Буреть, и даже в еще более близком соседстве — одно на р. Белой, в ее устье, другое— на правом берегу, ниже Бурети, в пади Ленковке. Поселение в пади Ленковке по своему характеру и по составу изделий из камня почти ничем не отличается от позднепалеолитических поселений. Однако обитатели Ленковки, в хозяйстве которых важнейшее место занимала охота на северного оленя и лошадь, поселились уже на площадке современной первой надпойменной террасы Ангары, в то время только что освободившейся от воды. В инвентаре Ленковки особо видное место принадлежит гарпунам. Гарпуны Ленковки и одновременных других памятников Прибайкалья имели один или два ряда зубцов, были различной величины, у них был одинаково плоский широкий насад с одним или двумя выступами для привязки линя. Наличие гарпунов в Ленковке объясняет, почему ее обитатели спустились сюда. Это связано, должно быть, с началом рыболовства. Селившийся раньше на открытых местах высоких террас человек теперь все чаще начинает спускаться в поймы рек. Он изменил вековой охотничьей традиции, и это свидетельство того, что рыболовство становится важной отраслью хозяйства.

Поселение в устье р. Белой замечательно тем, что здесь в силу особых геологических условий длительное обитание древних рыболовов-охотников в эпоху перехода от палеолита к неолиту отражено в 14 культурных горизонтах, раскрывающих перед нами в динамике историю

жизни поселения на большом отрезке времени вплоть до появления неолитической культуры. С самого начала это было уже обширное, долгообитаемое поселение рыболовов-охотников, живущих целиком в эпоху геологической современности, окруженных массивами дремучей тайги. У них сформировалась своеобразная культура, характеризующаяся более высоким по сравнению с предшествующим этапом развитием производительных сил.[16]

Впервые люди поселились в Усть-Белой в то время, когда современная первая надпойменная терраса р. Белой еще только сформировалась как пойма и представляла собой обширную песчаную отмель. Как и в Ленковке, они разбили поселение у самой воды на участке высокого берега, не заливаемого паводками, но повседневная деятельность их в значительной степени протекала на береговой отмели. Здесь жгли костры, изготовляли и чинили охотничью и рыболовную снасть, после удачной охоты или лова устраивали обильную трапезу.

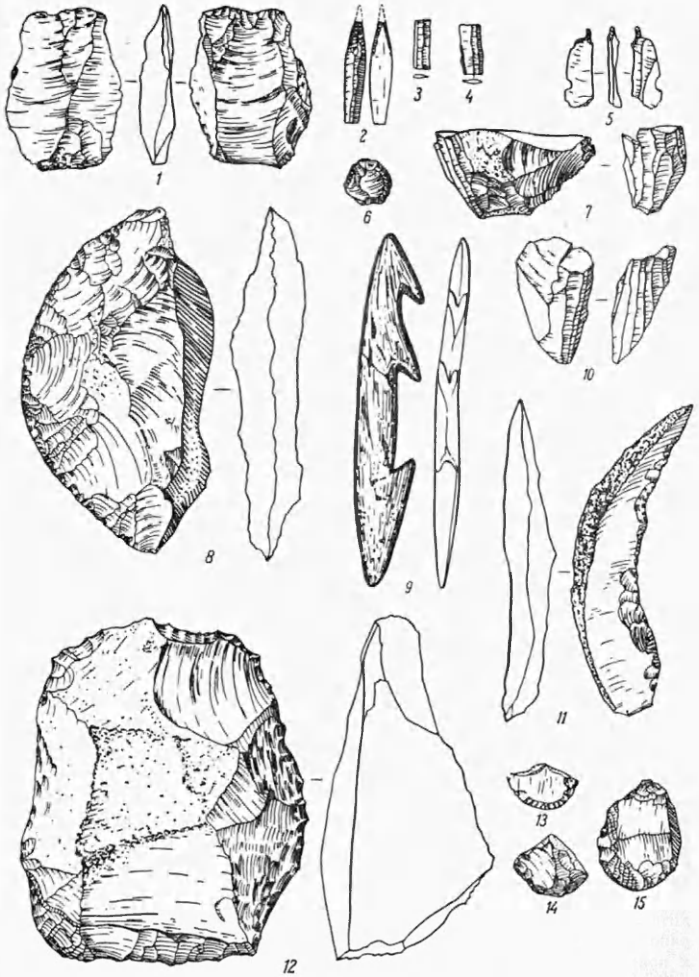
Периодические паводки заносили костры на отмели песком и илом, но вода отступала, и на берегу широкого плеса вновь вспыхивали яркие огни. Люди не покидали Усть-Белую, а, наоборот, по мере того как расширялось не заливаемое водой пространство, двигались вслед за отступающей рекой до тех пор, пока вся терраса не освободилась окончательно от воды и поселение не охватило всю ее площадь полностью. Легкие переносные чумы ставились уже на территории бывшей отмели, и здесь же выкапывались хозяйственные ямы для хранения съестных запасов. В настоящее время вскрыто всего 10% площади древнейшего поселения в Усть-Белой, но и на этом небольшом пространстве обнаружено свыше 40 кострищ и тысячи предметов — остатков материальной жизни людей. Полная картина поселения была, конечно, более внушительной. Таким образом, перед нами образец не временной стоянки бродячих охотников, а место длительного обитания, прерываемого, может быть, лишь периодическими, но кратковременными откочевками в глубинные районы тайги для охоты на зверя.

Каменный и костяной инвентарь обитателей Усть-Белой многочислен и разнообразен. Он значительно разнообразнее, чем инвентарь других поселений Сибири, одновременных Усть-Бельскому поселению на Ангаре. В инвентаре обитателей поселений этого времени на Ангаре по-прежнему продолжают устойчиво существовать древние галечные орудия, в том числе и чопперы, и скребловидные инструменты, хотя здесь они с течением времени становятся не столь многочисленными, как прежде и как в одновременных Усть-Бельской стоянке голоценовых поселках Алтая или Енисея. Они составляют от общего числа изделий (включая ножевидные пластины и отщепы) не более 1—2%. Однако если взять в расчет размеры этих орудий и отсутствие настоящих рубящих и режущих инструментов из камня, вроде шпальтеров Северной Европы, которые могли бы их заменить, значение таких галечных изделий остается, очевидно, весьма существенным. Среди скребловидных типично сибирских инструментов наряду с настоящими скреблами обнаруживаются, судя по наблюдениям под бинокулярной лупой, также и каменные ножи типа эскимосских «уло» с острым овальным лезвием, оформленным двусторонней ретушью.

Одновременно высокого развития достигла техника отделения правильных призматических пластинок от нуклеусов. По своему количеству

---

[16] По раскопкам в Усть-Белой использованы материалы Г. И. Медведева и М. П. Аксенова. См.: Г. И. Медведев. Место культуры Верхоленской горы в археологической периодизации Прибайкалья. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961.



Каменные изделия и гарпун эпохи мезолита.
1—8, 10—15 — Черемушник; *9* — Ленковка.

пластинки преобладают над остальными видами изделий, причем размеры их разнообразны, порой совершенно миниатюрные. Что это не просто отброс производства, свидетельствуют многочисленные нуклеусы, найденные в Усть-Белой и на Верхоленской горе. В связи с потребностью получения узких коротких пластинок, должно быть, развивается и характерный для Северной, Центральной и Восточной Азии тип нуклеуса-скребка. Одновременно развиваются разновидности призматических и конических нуклеусов, появляются характерные в дальнейшем для неолита нуклеусы-дрили.

Призматические пластинки, как наиболее важная группа кремневого инвентаря, обслуживали все основные стороны производства, но в первую очередь шли на оснащение вкладышевых орудий. Из них выделывались и наконечники стрел. Техника изготовления этих наконечников такая же в принципе, как и техника изготовления мезолитических наконечников Европы, а также других стран: это были пластины правильной формы, у которых лишь слегка обрабатывались ретушью лезвия, а то и всего-навсего один кончик или насад. Такие наконечники оказались и в двух погребениях на Ангаре, одновременных Усть-Бельскому раннему поселению, в падях Частые и Хиньской. Последние замечательны тем, что подобно наконечникам мезолитического времени из Средней Азии (пещера Джебел, а также раннекельтеминарские поселения) имеют в основании боковые выемки. Та же черта характеризует и некоторые древнейшие, по-видимому, кремневые наконечники даурских типов из Забайкалья. Но древним охотникам Прибайкалья были известны и двусторонне обработанные наконечники стрел и дротиков из кремня, отсутствующие в это время в Европе.

В довершение картины развития техники изготовления каменных орудий следует упомянуть здесь еще об одном важном завоевании, сделанном таежными охотниками-рыболовами, — появлении шлифованных орудий. Их известно несколько. В хиньских погребениях были найдены шлифованные острия из сланца. Затем подобное орудие было обнаружено в основном мезолитическом горизонте Усть-Белой. В первом горизонте Усть-Белой найдено несколько осколков орудий из шлифованного сланца. В коллекции с Верхоленской горы имеются галька с пришлифованным концом, отдаленно напоминающим рубящее лезвие, пластинка сланца с пришлифованной гранью и несколько пластин шиферного сланца, подготовленных для шлифования. Но самым важным и интересным фактором является наличие в одной из хозяйственных ям в Усть-Белой среди типично мезолитических вещей и в стратиграфических четких условиях залегания шлифованного тесла из нефрита, нескольких нефритовых обломков со следами шлифовки и пиления и двух шлифованных изделий из шиферного сланца. Нефритовое тесло, изготовленное из продолговатой нефритовой гальки, оббито. Пришлифовано у него только лезвие. Характерно, что у тесла, как у большинства мезолитических рубящих орудий из галек, обушок массивный, округлой формы и сохраняет галечную поверхность.

Появление шлифованных орудий, в том числе нефритовых, в мезолите Прибайкалья не является неожиданным. Охотники Прибайкалья, рано столкнувшиеся с массивами тайги, вынуждены были обратиться к поискам наиболее эффективного материала для изготовления рубящих орудий. Эти поиски и должны были привести их к использованию нефрита как одной из наиболее твердых пород.

Большое значение имела в это время обработка кости и оленьего рога. В Усть-Белой обнаружены превосходные образцы костяных наконечников дротиков, ножей и других сложных орудий с пазами для кремневых лезвий. Все они обладают четко выраженной формой, хорошо уплощены

и снабжены ровными, глубокими пропилами. Ближе всего они напоминают аналогичные вещи из позднепалеолитических стоянок Забайкалья — Ошурково и Зарубино. Все это были предметы охотничьего вооружения. Этот охотничий инвентарь мог вполне обеспечить продуктивную охоту на различных таежных животных. Что так на самом деле и было, подтверждает обычное для стоянок этого времени обилие костей косули, благородного оленя, лося и кабана. Несомненно, что для охоты, помимо самого орудия, человек использовал еще и целый ряд различных ловчих приспособлений и прирученную собаку. В целом весь комплекс средств охоты указывает на ее ведущее место в экономике населения Прибайкалья. О том, что собака уже была в распоряжении охотника, свидетельствуют ее кости в Верхоленской горе и в Усть-Белой и многочисленные копролиты в хозяйственных ямах.

Большую роль в хозяйстве наряду с охотой теперь приобрело и рыболовство. Само являясь порождением охоты, оно дало человеку пусть далеко не основной, но зато доступный и постоянный продукт питания. Первым специальным орудием рыболовства явились гарпуны; как уже отмечалось, они найдены в Ленковке, а также на Верхоленской горе. Наряду с гарпунами со временем появляются первые остроги и первая крючковая снасть, найденные в Усть-Белой. Само появление остроги в мезолите очень интересно, так как обычно ее считают очень поздним изобретением. Древние рыболовы изготовляли это эффектное орудие из двух или трех длинных и острых, плавно изогнутых костяных зубьев, прочно укрепленных в древке. В других одновременных памятниках Сибири и Европы таких орудий пока не обнаружено, и усть-бельская острога остается свидетельством большой изобретательности ее обладателей.

Костяные рыболовные крючки вырезались из трубчатых костей благородного оленя и лося. Они имеют форму современного стального крючка, только без жальца на острие, но последнее точно так же слегка отогнуто от оси крючка. Насад их снабжен зарубками или валикообразным выступом для привязки. При этом правильная, четкая и даже изящная форма предмета, выполненная с большой смелостью, говорит о высоком мастерстве усть-бельских рыболовов и их богатом навыке в изготовлении вещей подобного рода. Кроме Усть-Белой, крючки в мезолите Сибири больше нигде не обнаружены. Самые близкие по типу аналогии имеются лишь в мезолитических комплексах Северной Европы, где рыболовство также играло большую роль. В неолите рыболовные крючки из кости распространены значительно шире. В частности, с усть-бельскими крючками можно сопоставить экземпляры из раннего неолита Японии и, конечно, серовские крючки Прибайкалья, которые являются результатом дальнейшего развития крючков типа усть-бельских. Характерно, что усть-бельские крючки сильно варьируют по размерам, свидетельствуя о существовании специальных серий этих орудий, предназначенных для различных видов рыб.

Ловля рыбы такими крючками с берега, конечно, исключалась, они могли применяться или в перемете, или при помощи короткого удилища. Наличие лодок достоверно не установлено, но присутствие в каменном инвентаре специализированных теслообразных инструментов из галек и крупных кусков кремня позволяет думать, что охотникам-рыболовам Прибайкалья с Усть-Белой были уже известны и лодки.

Описанными орудиями рыболовный инвентарь, конечно, не может быть исчерпан полностью. В арсенале древнейших рыболовов Сибири, несомненно, были различные ловушки типа верш, «заездков». Таким образом, первобытный охотник отчасти приспособил сообразно своим потребностям еще одну кладовую природы — рыбные богатства рек, поло-

жив начало комбинированному типу экономики, предполагающему полуоседлый образ жизни на ограниченной территории с сезонным ритмом ведения хозяйства.

Замечательной особенностью усть-бельских находок является наличие разнообразных украшений. Таковы в первую очередь подвески из агальматолита, которые имитируют зубы марала. Ожерелья из зубов животных широко известны как в палеолите, так и в неолите. Эти украшения в Усть-Белой являются своеобразным отражением переживаний и верований таежных охотников. По-своему столь же выразительны для характеристики духовной жизни жителей Усть-Белой и ее связи с их экономикой украшения иного рода: в ассортименте украшений здесь имеются плоские шлифованные бусы из перламутра. В нижних слоях Усть-Белой найдены целые экземпляры их, обломки и заготовки из створок раковины-перловицы, размером от 10 мм в диаметре до 3 мм. Характерно, что даже из агальматолита делали бусины, имитирующие плоские перламутровые. В культурных комплексах более ранних памятников подобных вещей нет. Все известные в палеолите типы украшений, включая и необычные плоские бусы из эмали зуба животного в Красном Яру, отражают систему представлений человека, обусловленную спецификой охотничьего хозяйства.

Теперь, должно быть, представления первобытного охотника об окружающем мире значительно расширяются. Его ум обогащается новыми понятиями, связанными с практикой рыболовства. Отражением этого и являются дары реки — украшения из перламутра. Об этом свидетельствуют неолитические аналогии, когда рыболовство было распространено очень широко и прочно вошло в жизнь общества. Перламутровые бусы становятся обычным явлением и особенно часто встречаются в погребениях серовского времени, а затем и у глазковцев.

Духовная жизнь населения Прибайкалья во время перехода от палеолита к неолиту известна мало. Можно отметить лишь замечательные погребения, найденные в падях Хиньской и Частые, неподалеку от Усть-Белой. Погребение в пади Частые оказалось разрушенным, но в нем сохранился специфический инвентарь: плоские длинные острия из шифера, пластинчатые наконечники стрел мезолитического облика, в том числе один с боковой выемкой у насада. Эти наконечники обработаны характерной краевой ретушью и только частично наиболее тщательно — у кончика острия. Найден там же и резец бобра, типичного лесного животного, характерного для голоцена. Над могилой была сооружена каменная кладка, такая же как на неолитических погребениях. Второе погребение (в пади Хиньской) сохранилось нетронутым. Оно так же, как и могила в Частых, сопровождалось каменной кладкой. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на север, с легким уклоном к востоку. При нем найдены такое же, как в Частых, острие из шифера, костяной наконечник, три мезолитических пластинчатых наконечника, в том числе снова один с боковой выемкой у насада. Там же обнаружен и один двусторонне ретушированный кремневый наконечник очень тонкой и тщательной работы. Способ захоронения — обыкновение класть покойников на спине, в вытянутом положении, головой на север или северо-восток, наличие вещей при них, наконец, такая важная черта погребального ритуала, как каменная кладка над погребением, — все это сближает оба погребения — в падях Частые и Хиньской — с неолитическими захоронениями. В этот период, следовательно, уже складывается тот круг представлений древних охотничьих племен Прибайкалья о душе в загробной жизни, те погребальные обычаи, которые нашли такое яркое выражение в неолитических могильниках на Ангаре и Лене, а также в низовьях Селенги в исаковско-серовское время.

Как мы видим, Сибирь не осталась в стороне от тех событий, которые во время перехода от палеолита к неолиту охватили огромные пространства земного шара,— от микролитического перелома в технике изготовления каменных орудий. Перелом этот был прелюдией к «неолитической революции» и к связанным с ней новым формам хозяйства и быта. Но прямое влияние микролитической техники в собственном и точном смысле, как мы видели, не вышло за пределы Западной Сибири или, точнее, Восточного Приуралья. К востоку от Урала наблюдаются отдельные черты этой микролитической техники, да и то в относительно позднее время. Самым ранним признаком такого влияния могут служить наконечники из падей Хиньской и Частые. В остальном, по-видимому, наблюдаются лишь признаки каких-то слабых связей сибирских племен со среднеазиатскими в то время, когда в степях Приуралья развивается кельтеминарская культура неолитического типа. В целом же никакого решительного перелома, никакой революции в материальной культуре, в хозяйстве сибирских племен при переходе от палеолита к неолиту не происходит. В отличие от Запада развитие хозяйства и культуры идет здесь без резких скачков и переломов. Новая неолитическая культура зарождается в недрах предшествующей, позднепалеолитической, и развивается далее на выработанном ранее основании. Это яснее всего видно в длительном и непрерывном переживании старой восточной техники изготовления галечных орудий. Алтай и Енисей дают, как мы видели, удивительные по наглядности примеры такого переживания.

В палеолите Афонтовой горы и других поселений зародилась и столь характерная для сибирского неолита техника изготовления вкладышевых орудий из костяной или деревянной основы вкладных кремневых лезвий. В палеолите возникают те формы жилищ, которые проходят затем неизменно через всю историю жилищ лесных племен Сибири в виде шатров или чумов с выложенными из камня круглыми в плане очагами. И что несравненно важнее, в конце палеолита оформляется и новый уклад таежной жизни, в основе которого находится охота на мясных копытных зверей, сочетаемая с рыболовством.

Все это вместе взятое возвращает нас к вопросу об оценке исторического значения и места позднего палеолита Сибири среди других палеолитических культур земного шара. Такая оценка должна исходить, разумеется, не из каких-то отдельных признаков, а из целого — из анализа общих закономерностей исторического процесса. Как бы ни расценивались события, происходившие в жизни древнейшего населения Европы и Азии в ледниковое время, остается бесспорным факт, что общий ход этих событий к концу четвертичного, или вюрмского, оледенения завершился весьма сложной и трудной для палеолитического человека ситуацией, своего рода кризисом. Об этом кризисе полнее и ярче всего свидетельствуют сами поселения эпохи палеолита. Исчезает повсеместно старый уклад жизни: большие жилища, многолюдные поселки, жизнерадостное богатое искусство. Само собой, без глубоких к тому причин это не могло бы случиться. Вряд ли можно оспаривать и тот факт, что перелом в жизни и культуре палеолитического человека скорее всего объясняется исчезновением крупных животных в виде мамонта и вообще поворотов в природе, когда человеку пришлось переходить от охоты на животных, группирующихся в большие стада, к охоте на более мелких зверей, которые водятся небольшими группами. Создавшийся кризис разные племена преодолевали по-разному.

По-своему начинали новую жизнь еще на фоне продолжавшегося ледникового периода и племена Востока. Оставив старый образ полуоседлой жизни, они создали новый тип переносного жилища из коры и шкур, который дожил в тайге, тундре и лесотундре до настоящего вре-

мени. Резко улучшилось охотничье вооружение изобретением вкладышевой техники. Изобретение вкладышевых орудий означало принципиально новый этап в технике палеолитического человека и в истории охотничьего вооружения. Новая техника позволила преодолеть ограниченность камня и кости как материала. Она остроумно сочетала в одном инструменте, в одном и том же орудии, свойства этих двух материалов. Эластичность, гибкость и упругость кости дополнялись здесь твердостью и остролезвийностью кремня. История первобытной техники до открытия искусства обработки металла не знала еще столь прочных, гибких и упругих, а вместе с тем острых орудий и предметов вооружения. Под конец сибирские племена приручили волка и сделали из него собаку — своего верного помощника в охоте. Со временем они научились использовать богатства водного мира, стали колоть гарпунами и ловить сетями рыбу. Это был подлинно прогрессивный путь развития, отвечавший конкретным жизненным условиям их страны. Именно с этой исторической точки зрения и следует расценивать поздний палеолит Сибири как крупное явление на фоне всемирной истории человечества того далекого времени.

Исходя из всего сказанного, правильнее было бы далее называть здесь переходный от палеолита к неолиту период, который совпадает с голоценом в истории природы, не мезолитом, а эпипалеолитом, поскольку содержанием его является не решительный переход к новой жизни, а последовательное и непрерывное развитие заложенных ранее начал. Однако, имея все это в виду, можно все-таки назвать мезолитическим этапом в специфической сибирской его форме то очень непродолжительное, по-видимому, время в начале голоценовой эпохи, когда на фоне широкого распространения новых таежных ландшафтов один за другим появляются новые элементы культуры, из которых затем окончательно складываются неолитические культуры Сибири.

Первый такой элемент — лук и стрелы. Древнейшие наконечники стрел из мезолитических захоронений в падях Частые и Хиньской, как мы видели, целиком помещаются по своим формам и технике обработки в пределах наиболее ранних в мире пластинчатых наконечников стрел. Появление их предполагает наличие лука — того орудия охоты, которому Ф. Энгельс совершенно справедливо придавал решающее значение в становлении охотничьего хозяйства на высшей его ступени в условиях каменного века. Возможно, что лук и стрелы не были изобретены сибирскими племенами самостоятельно и что они заимствовали их у своих степных соседей, обитавших в Средней и Центральной Азии, а затем передали племенам, живущим еще далее на востоке, в Забайкалье, Монголии и на Амуре. Но это не меняет сути дела. Появление лука и стрел действительно положило первую и решающую грань между старым, палеолитическим, и новым, неолитическим, укладом быта.

Второй новый элемент — шлифование камня и изготовление способом шлифования каменных орудий труда и предметов вооружения. Первые опыты этой работы мы видим еще в инвентаре погребений из падей Частые и Хиньской, а также из соответствующих им слоев поселения в устье р. Белой. Развитие шлифования камня в Прибайкалье следует, видимо, связывать с большим значением в технике местных племен вязкой зеленокаменной породы — нефрита, первые доказательства обработки которого способом шлифования, с применением абразивов, обнаруживаются уже в Мальте и Бурети при изготовлении украшений. Во всяком случае не было никакого другого способа, который мог бы подчинить человеку этот необычный, а вместе с тем и заманчивый благородный материал, который в изобилии встречался в галечнике рек, вытекавших из Саян. Научившись шлифовать камень, человек мог получить в свое распоряжение совершенно новые возможности для облегчения труда и улуч-

шения жизни в тайге — каменные топоры и тесла с острым лезвием, действие которых по эффективности несравнимо с действием всех ранее известных грубых рубящих и режущих орудий, изготовленных палеолитическими способами.

Третий новый элемент — орудия, неразрывно связанные с новой отраслью производственной жизни, с новым видом хозяйственной деятельности древнейшего человека. Это были, как мы видели, сначала гарпуны мадленского и азильского по масштабам Западной Европы уровня, затем крючковая рыболовная снасть и, конечно, невода и сети, разного рода рыболовные ловушки в виде изгородей и верш. Последним, завершающим, вкладом в материальную культуру нового времени явилась, должно быть, керамика, изобретенная неолитическими племенами Прибайкалья совершенно самостоятельно, без заимствования, без всякой подсказки со стороны.

Таким образом, возникновение новой, неолитической, культуры для сибирских племен было медленным, длительным и непрерывным процессом, истоки которого уходят в глубину последнего, сартанского, ледникового периода за 15—11 тыс. лет тому назад. Затем в раннем голоцене, около 6—8 тыс. лет тому назад, появляются один за другим новые элементы техники и культуры, на основе которых возникает зрелая неолитическая культура со шлифованными теслами, керамикой, двусторонне ретушированными наконечниками стрел, представленная замечательной исаковской стадией прибайкальского неолита. Начинается новая жизнь неолитических племен.

Следующие по времени за Осиновским поселением археологические памятники Приморья, известные в настоящее время, относятся уже к переходному времени от палеолита к неолиту. Их можно назвать мезолитическими. Но мезолит Приморья столь же необычен и своеобразен, так же не похож на соседние сибирские культуры того времени, как и предшествующая ему осиновская культура — на сибирский палеолит. Наиболее богатое культурными остатками местонахождение такого рода обнаружено в 1959 г. геологом В. Ф. Петрунь.[17] Оно расположено вблизи берегов Японского моря на р. Тадуши. Река Тадуши берет свое начало на восточном склоне хребта Сихотэ-Алинь. Несмотря на свою небольшую длину, всего 70 км, она течет в широкой хорошо разработанной долине с целой серией разновозрастных террас.[18]

Древние каменные изделия были обнаружены в 30 км от морского побережья, ниже дер. Устиновки, на левом берегу реки между двумя ключами, Кривым и Безымянным, на сохранившемся обрывке 10—12-метровой террасы. Терраса сложена вверху желто-бурыми делювиальными суглинками небольшой мощности (до 0.5 м), глубже идет ее скальное основание. Над террасой вблизи ручья выступает покрытая лесом невысокая мысообразная гривка с уплощенной террасовидной вершиной, которая возвышается над уровнем реки на 27—28 м и сложена андезито-базальтовыми туфами. С этими вулканическими отложениями связаны и найденные здесь каменные изделия древнего человека.

Материалами для изготовления изделий служили окремнелый туф и вулканическое стекло.

Лишь изредка употреблялись также халцедон, кремнистый сланец или свежий смоляно-черный обсидиан. Предпочтение, которое перед всеми

---

[17] В. Ф. Петрунь. К вопросу о возрасте речных террас Южного Приморья (находки каменных орудий на побережье Японского моря). «Материалы по геологии и полезным ископаемым Восточной Сибири и Дальнего Востока», М., 1956, стр. 58—73.

[18] А. П. Окладников. Древнее поселение на р. Тадуши у деревни Устиновки и проблема дальневосточного мезолита (в связи с раскопками 1964 г.). «Четвертичный период Сибири», М., 1966, стр. 352—372.

другими материалами оказывалось вулканическому туфу, объясняется не столько его качеством как материала для изготовления орудий, сколько тем, что именно этот камень в изобилии залегал на этом самом месте. Природа щедро наградила первобытных обитателей Приморья этим превосходным по тому времени материалом для изготовления орудий труда. Целые жилы такого туфа, пригодного для обработки, выступали на вершине и склонах гривки. Это было, следовательно, не поселение в собственном смысле, а скорее каменоломня и своеобразная мастерская, где шла добыча и массовая обработка каменного сырья. Разумеется, эта работа велась не в одно какое-то время, а много десятков сотен лет. Поколения людей одно за другим приходили сюда, чтобы унести с собой тяжелую ношу обработанного камня. Все лучшее они, конечно, унесли с собой. Но в желтом суглинке уцелело множество отбросов от их работы в виде отщепов и пластин, а также грубо оббитых кусков породы, лишь вчерне оформленных оббивкой. Эти вещи раскрывают характерную картину технических приемов, которыми велась работа. Основной продукцией древних мастеров были нуклеусы специфических форм: крупные, с характерно скошенными площадками, иногда не одноплощадочные, а двуплощадочные. Все нуклеусы без исключения односторонние, т. е. пластины снимались только с одной стороны. Среди них выделяются нуклеусы оригинальной формы, напоминающие лошадиное копыто. Совершенно одинаковые по типу копытовидные нуклеусы обнаружены и на другом мезолитическом поселении Приморья, у с. Раздольного на левом берегу р. Суйфуна, в 95 км от Владивостока.[19] Некоторые нуклеусы такого рода приближаются по форме, размерам и технике обработки к найденным в Осиновке рубящим орудиям. Одна сторона их плоская, оформленная широкими длинными сколами, другая выпуклая, тоже отесанная такими сколами, направленными вдоль длинной оси предмета. Общая форма этих изделий сбоку напоминает клин. Лезвия их острые и выпуклые, с одной стороны иногда выщербленные, по-видимому от употребления. Снятые с таких нуклеусов, несравненно более архаичных по типу, чем обычные призматические нуклеусы поздних форм, широкие большие пластины обладали прочным и острым режущим лезвием. Они могли и без дополнительной подправки выполнять функцию ножей или скобелей. Из таких же пластин выделывались превосходные концевые скребки, длинные края которых тоже дополнительно отделывались изящной и умелой ретушью. Кроме того, многие из отщепов и грубых пластин имеют выщербленные от употребления края, это доказывает, что они были не просто отбросами производства, а служили грубыми режущими и скоблящими инструментами. Там же найден один целый наконечник правильных лавролистных очертаний и обломок второго, такого же. Оба наконечника обработаны очень тщательно с обеих сторон широкими сколами. Они напоминают с одной стороны лавролистные наконечники с позднепалеолитических поселений Прибайкалья и Забайкалья, например с широкоизвестной в литературе стоянки на Верхоленской горе, около Иркутска, на р. Ангаре, и из пади Ушканки, вблизи той же Верхоленской горы. Большой серией представлены в инвентаре поселения на р. Тадуши и своеобразные заготовки в виде обработанных ретушью массивных трехгранных стержней с острой зубчато-волнистой спинкой. Назначение этих загадочных поделок легко раскрывается на ряде образцов: у них один конец оформлен, как на нуклеусах — скребках сибирского палеолита, — параллельными узкими фасетками. Перед нами не что иное, как заготовки гобийских нуклеусов, столь широко распространенных не только

[19] А. П. Окладников. Мезолитические находки у села Раздольного в Приморье (1953—1963). «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 62—65.

в Монголии, но и на Амуре. Гобийский нуклеус интересен уже тем, что это изделие не простое, а комбинированного характера. В нем объединены как бы две особых вещи, орудия различного типа. С одного края он представляет собою нечто вроде нуклеуса, так как край этот затесан рядом параллельных узких сколов, таких же, какие характерны для призматических нуклеусов. Сколы, однако, слишком узки, чтобы можно было объяснить их как фасетки от снятых с изделия ножевидных пластин; такие узкие мельчайшие пластинки вряд ли можно было использовать в дело из-за их незначительного размера. Кроме того, они явно оформляют узкий и высокий «носик» инструмента. Такой именно характер имеют сколы и рабочие концы хорошо известных в палеолитических культурах Европы, особенно в ориньяке, нуклевидных многогранных (полиэдрических) резцов.

Противоположный конец изделия. однако, по своему оформлению резко отличается от обычных палеолитических резцов полиэдрического типа. Он тщательно обработан тонкой отжимной ретушью и имеет вид широкого овального лезвия. Может быть, что одним концом таких орудий пользовались как резцом или скобелем. Другой же, обработанный ретушью, мог употребляться в качестве своеобразного ножа, но не исключено, что такое его оформление служило еще какой-то другой цели. Таким образом, любое из тех названий, под которыми их описывают обычно в литературе, является условным. Независимо от назначения этих орудий труда ясно, что они представляют собой очень своеобразную и характерную форму нуклевидных изделий.

Совершенно такие же по форме вещи обычно часто встречаются в Монгольской Народной Республике, в Гоби, в Синьцзяне (Турфанский оазис) и в Маньчжурии.[20] Их нашел здесь китайский ученый Ян Чжун-цзян и работавший с ним известный исследователь четвертичной геологии и каменного века Китая и Монголии Тейяр де Шарден.[20а] В 1954—1964 гг. эти изделия встречены на Верхнем Амуре, выше Благовещенска, а также в низовьях Амура, в Кондоне у Комсомольска.

Описывая такие предметы из монгольских находок, Н. Нельсон первый обратил внимание на тот интересный факт, что эти полиэдрические резцы встречались в древнейших поселениях каменного века Аляски на поселениях в г. Фербенксе, где они сочетаются с тонкими и узкими ножевидными пластинками, концевыми скребками и другими вещами, напомнившими Нельсону сходные изделия, обнаруженные в Гоби. Нельсон высказал в связи с этим мысль, что находки у Фербенкса являются свидетельством о первичном заселении человеком каменного века Северной Америки.[21] Он пришел к выводу, что эти предметы доказывают переселение первобытного человека из Центральной Азии, из пустынной ныне Гоби, через Берингов пролив сначала в Аляску, а затем и далее, в глубь американского континента.

В то время, однако, между г. Фербенксом и Гоби лежало огромное пространство, откуда не было известно ни одного такого изделия; сме-

---

[20] По современному административному делению Китая территория бывшей Маньчжурии называется Дунбэй (Северо-Восточный Китай).

[20а] N. C. Nelson. Prehistoric Archaeology of the Gobi Desert «American Museum Novitates», № 22, New York, 1926; J. Maringer. Contribution to the prehistory of Mongolia. «Reports from the scientific expedition to the North-western Provmces of China», Publ. 39, Stokholm, 1950; P. Teilhard de Chardin and C. C. Yong. On some neolitic possibly paleolithic finds in Mongolia, Smkiang and West China. «Bulletm of the Geological Society of China», vol. XII, 1932, pp. 83—104; V. V. Ponosov. Stone Implements from Kuhsiangtun. «Bulletin of Institute of Scientific Research», vol. 1, № 3, Harbin, 1937, pp. 7—11.

[21] N. C. Nelson. Notes on cultural relations between Asia and America. «American Antiquity», vol. 2, 1937.

лая идея Нельсона поэтому повисла в воздухе и оставалась чистой догадкой. Первым прямым доказательством этой смелой мысли могут служить находки полиэдрических резцов как раз там, где их не хватало, — в местах, промежуточных между Беринговым проливом и Гоби, в районах Азии, в Приморье и на Амуре.

Кроме того, не было уверенности, что нуклеусы гобийского типа на нашем Дальнем Востоке старше эпохи неолита. Открытие их в мезолите Приморья подтверждает, что и на Дальнем Востоке эти вещи появились очень рано, еще в мезолите. Теперь можно увереннее высказать мысль, что еще в позднем палеолите или в мезолите, судя по находке на р. Тадуше и в Кусянтуне, какие-то культурные влияния, исходившие из Центральной Азии, достигают по долине Амура Приморья и берегов зал. Петра Великого. Очень может быть, что сюда проникли и определенные представители центральноазиатских племен, которые принесли в эти районы привычные для них технические приемы, свой каменный инвентарь, свои орудия труда.

В то же самое время эти технические приемы и черты культуры должны были распространяться скорее всего через низовья Амура далеко на север, вплоть до Берингова пролива и еще дальше через пролив на Аляску. Для истории культурных связей и древнейших этнических отношений на Дальнем Востоке не менее любопытно и то, что не только близкие, но и прямо тождественные с находками на р. Тадуши вещи встречены в мезолитических поселениях Японских островов. Сюда относятся нуклеусы близких форм, широкие и длинные пластины, в том числе оформленные ретушью как ножи, скребки или острия. Здесь же широко распространены и аналогичные материковым гобийские нуклеусы. Для более поздней стадии каменного века Северной Японии также характерны острия даурских форм из частично оформленных ретушью пластин. В Японии обнаружена уже обширная серия таких поселений, предшествующих развитой культуре неолита — дземон с керамикой. Такова, например, группа мезолитических поселений на юго-западной оконечности о. Хоккайдо, наиболее яркими из них являются местонахождения Тарукиси и Тойода, культурные остатки которых залегают в отложениях теплого времени, предшествующего холодному, когда на Хоккайдо существовал мамонт (второй ледниковый этап Тоттабецу, по терминологии японских геологов). Возраст их не менее 7 тыс. лет тому назад, поскольку радиокарбоновым анализом наиболее ранние памятники неолита дземон датированы временем в пределах VII тыс. до н. э.[22] Столь же сходны с находками на р. Тадуше вещи из поселения Сиратаки, расположенного еще ближе к Приморью, на севере Хоккайдо: большие пластины — ножи и острия, концевые скребки, заготовки гобийских нуклеусов.[23] До открытия в Приморье мезолитических поселений типа Тадуши и Раздольного создалось странное и парадоксальное положение: в то время как на материке отсутствовали поселения мезолитического облика, на островах они встречены были в неожиданно большом количестве. Отсюда напрашивался вывод, что островной мир в мезолите был заселен раньше материка Азии и что именно там развертывался основной исторический процесс заселения соседних стран, в том числе и американского континента.

Мезолитические находки в Приморье ставят все на место — с головы на ноги. Именно отсюда, а не в обратном направлении естественно вести

[22] M. Minato. On the stratigraphical position of the stone implements of Pre-Jomon Culture newly found at Tarukishi and vicinity, Southwestern Hokkaido. «Journal of the Faculty of Science, Hokkaido University Series», vol. 4, № 3, Sapporo, 1956, pp. 319—335.

[23] Ch. Serizawa and F. Ikawa. The oldest archaeological materials from Japan. «Asian Perspektives», vol. 2, № 2 (1958), Hong Kong, 1960.

первых насельников островного мира Восточной и Юго-Восточной Азии, Японских островов, Курильской островной гряды, Алеутской цепи островов и, наконец, самого материка Северной Америки. Передвигаясь от берегов Тихого океана на север, в глубь материка, мы обнаруживаем весьма архаические памятники каменного века. Они есть на оз. Ханка у дер. Астраханки, на Уссури у с. Венюкова, на Амуре у Хабаровска.

В долине Амура, в районе Хабаровска, такие древние стоянки располагаются цепью вдоль высокого левого берега Амура, начиная от старой дер. Осиновки и корейского выселка Сун, где находится железнодорожный мост через Амур. В таком же желтом суглинке, как и на р. Тадуши, здесь встречаются очаги, сложенные из пережжённых речных камней, потерянные или брошенные людьми каменные изделия. Иногда обнаруживаются и своего рода «рабочие площадки» или «мастерские», т. е. места, где производилась обработка камня и выделывались каменные орудия. В таких местах отщепы, оббитые камни и пластины залегают целыми скоплениями, десятками и сотнями. Остатков глиняной древней посуды около таких очагов и мастерских не встречается: ее еще не умели выделывать да и не нуждались в этом, так как, судя по всему, обитатели таких стоянок передвигались по берегам Амура в поисках пищи, не задерживаясь долго на одном и том же месте.

Они не умели также и шлифовать камень. Все оставленные в их мастерских орудия изготовлены только путем оббивки, теми же техническими приемами, которые характерны для палеолитической эпохи.

На всех этих стоянках рассеяны одни и те же, поразительно сходные в основе каменные орудия. Таковы в первую очередь листовидные клинки миндалевидной формы, обе поверхности которых с изумительным искусством сплошь выровнены «солютрейской» ретушью. Некоторые из них могли служить превосходными боевыми кинжалами и охотничьими ножами для разделывания добычи. Ими легко можно было вспороть шкуру зверя и расчленить эту тушу на части. Другие клинки такого рода, но более массивные были бы вполне пригодны в качестве наконечников копий. Самые маленькие из них, тонкие и узкие, могли служить наконечниками легких метательных дротиков.

Вместе с подобными клинками найдены загадочные топоровидные орудия, по форме слегка напоминающие ручные рубила европейского палеолита, но только лишь слегка и на первый взгляд.

В то время как у ручных рубил рабочая часть была на его остром конце, здесь она находилась на противоположном конце изделия. Особенно характерна для таких амурских орудий желобчатая выемка на лезвии, показывающая, что ими обрабатывали дерево, пользуясь так же, как теслами последующего, неолитического, времени.

Замечательная черта этих орудий, как и листовидных наконечников, заключается в том, что они представлены в самых различных размерах — от крупных до миниатюрных, но всегда в одном и том же виде, с теми же характерными особенностями формы.

В распоряжении обитателей этих поселений были и различные другие орудия, в том числе скребки, изготовленные из отщепов и пластин кремнистого сланца, пластинчатые ножи, подправленные ретушью вдоль краев, небольшие острия, гобийские нуклеусы.

Специфической составной частью инвентаря этих поселений являются миниатюрные изделия из целых плоских галек, у которых тщательной стелющейся ретушью обработан, нередко с двух сторон, только один край, тогда как другой конец оставлен нетронутым вместе с первоначальной гладкой галечной коркой. У жителей этих не столь уже, по-видимому, древних поселков каменного века по-прежнему, следовательно, существовала тяга к давно уже забытым в других местах приемам первобытной

галечной техники, устойчиво жила своего рода техническая инерция, истоки которой теряются в нижнем и среднем палеолите Азии. Но ближе всего такие галечные орудия с характерной для них односторонней обработкой к мезолиту Хоабина во Вьетнаме.

В целом эти поселения, несмотря на обилие находок, дают удивительно единообразную и даже монотонную картину: перед нами всюду одни и те же немногие серии орудий, отличающихся только размерами; одни и те же очажки из камней и ничего более. Здесь нет ни жилищ сложной конструкции, ни скоплений костей, ни других бытовых деталей, на которых мог бы задержаться глаз; ничего, что дало бы пищу воображению и раскрыло какие-то более сложные черты быта.

Но значение этих однообразных, невыразительных на первый взгляд культурных остатков тем не менее очень велико. Находки у Хабаровска показывают, что население Приамурья уже довольно далеко шагнуло вперед по сравнению с палеолитическим человеком, с людьми настоящего древнекаменного века. О переменах в его жизни свидетельствует уже появление новых изделий из камня. В распоряжении местных племен были теперь копья с каменными наконечниками лавролистной формы, отделанные тонкой ретушью с большим мастерством и тщательностью. Правда, луки и стрелы оставались еще неизвестными, но все же охота была оснащена значительно основательнее, чем прежде.

Самое же главное новшество и основные технические достижения заключались даже не в этом. В грудах обработанного камня, среди отщепов и незаконченных орудий в мастерских теперь уже довольно часто встречаются превосходно обработанные ретушью массивные топорики правильной формы, с овальным лезвием и острым обушком. Им еще не хватает, правда, шлифовки, но такими оббитыми топорами можно было уже обрабатывать дерево. Пользуясь своими каменными топорами, древние обитатели больших речных долин Восточной Азии могли, таким образом, гораздо шире использовать богатства лесов и вод, успешнее строить не только убежища от дождя или холода, но и различные охотничьи приспособления, а также ловушки для рыбы в виде заколов, верш. Появление каменного топора должно было иметь и другие, не менее важные для истории Восточной Азии последствия.

Приморские окраины Азиатского материка в это время были, по-видимому, населены уже достаточно широко. Можно предполагать, что с переходом от простого собирательства съедобных моллюсков и водорослей, выбрасываемых океаном, к рыболовству в открытом море население приморских окраин гораздо полнее, чем прежде, осваивает теперь морские просторы. Прибрежные рыбаки и охотники на изготовленных каменными топорами неуклюжих лодках передвигаются от бухты к бухте, от одного залива к другому, а затем проникают и на соседние острова, многие из которых, вероятно, еще не видели человека. Начинается новая большая полоса в жизни прибрежных племен — океанический период их истории.

Таким образом, уже в это раннеолитическое время наметился переход к новому хозяйственно-бытовому укладу, определилась перспектива последующего развития. Конечно, население этих областей Азии в раннем неолите было крайне редким, а отдельные пункты, занятые людьми, чередовались с огромными незаселенными областями. Человек был подавлен буйной девственной природой юга. Его маленькие поселки — стойбища — терялись в сплошных зарослях лесов. Но дальнейшие перемены во всех областях жизни не заставили себя ждать.

Общая картина событий, происходивших на севере Азии во время перехода от палеолита к неолиту, была бы неполной, если бы мы оставили в стороне крайний северо-восток. Хотя исследования древнейших

памятников человеческой культуры северо-востока Азии там еще только начинаются, однако на Камчатке уже получены новые интересные данные, которые позволяют проникнуть взору исследователей на десять и, быть может, более тысячелетий раньше того времени, когда там появились первые русские путешественники, а вместе с ними началась писаная история этого края.

На берегу Ушковского озера, соединяющегося с р. Камчаткой широкой протокой, Н. Н. Диковым раскопана четырехслойная стоянка древних рыболовов, стратиграфия которой явилась основой периодизации древних культур Камчатки, начиная от мезолита и кончая поздним неолитом. Прослойки вулканического пепла четко разделяют культурные слои Ушковской стоянки.

К самому раннему, мезолитическому, этапу относится четвертый (самый нижний) слой Ушковской стоянки. В нем иногда попадаются каменные отщепы и очень редко готовые изделия: кремневые нуклеусы-скребки и сколотые с них тончайшие ножевидные пластиночки, концевые скребки для выделки шкур, обработанные отжимной ретушью небольшие тонкие наконечники стрел иволистной формы. Слой этот характеризуется также наличием отдельных мелких угольков, изредка встречающихся по всей его толще. Сохранились и остатки костра. В целом это обычная для открытого, недолговременного стойбища охотников картина. Судя по данным пыльцевого анализа, климат в это время в районе Ушковской стоянки был влажным и холодным. Там, где теперь тайга, простиралась кустарниково-моховая тундра. Именно это обстоятельство, а также небольшая глубина залегания культурного слоя позволяют относить этот период к раннему голоцену, чему не противоречит весь комплекс вещественных находок и, в частности, наличие в нем кремневых, уже знакомых нам по Приморью нуклеусов-скребков, которые иногда называют также «гобийскими», или клиновидными, нуклеусами.

Таким образом, находки на Камчатке подтверждают, что распространение однотипных изделий в Центральной Азии, в Японии, на Камчатке и Аляске свидетельствует о расселении отдельных групп древнего человечества из Азии в Америку в мезолитическое время, в послеледниковый период. Именно тогда при относительно благоприятных климатических условиях должно было происходить интенсивное освоение Камчатки, Чукотки и, возможно, всего азиатского Крайнего Севера. Это был, конечно, весьма медленный и длительный процесс. Само по себе расселение людей из центральных, а ранее, вероятно, даже из юго-восточных областей Азии по огромным пространствам тайги и тундры происходило, разумеется, не в результате каких-то больших организованных походов или переселений на дальние расстояния, а путем естественного и непрестанного отпочкования небольших групп и освоения ими соседних нетронутых угодий. Охотнику все равно было куда двигаться, лишь бы не оказалось на пути непреодолимых природных препятствий и был бы зверь для охоты.

Переход к последовательному потеплению, к так называемому климатическому оптимуму, совпадает на Камчатке с распространением там раннеенеолитической охотничье-рыболовческой культуры. Для этой поры раннего, по-видимому еще безкерамического, неолита характерны прежде всего ножевидные, порой очень длинные и всегда правильные пластины, призматические нуклеусы, резцы из пластинок и частично ретушированные наконечники стрел, изготовленные из черного стекловидного камня обсидиана или кремнистых пород техникой тонкой оббивки и отжима.

Общий характер культуры на Камчатке, судя по всему, в это время был почти такой же, как в период докерамического неолита в Японии, на Аляске и, по-видимому, на Чукотке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сибирь в новокаменном веке
Эпоха неолита

Вслед за мезолитом около 6—5 тыс. лет тому назад начинается новое неолитическое время.

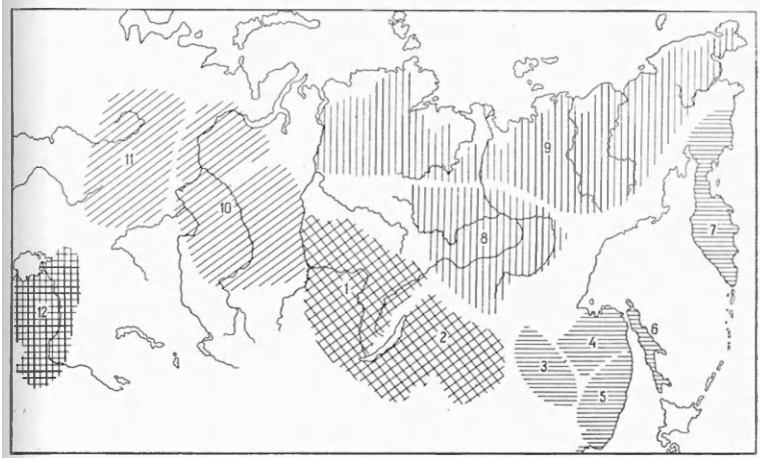
Предшественники и предки неолитических людей — племена эпипалеолита и мезолита, как мы видели, жили уже в условиях новой геологической эпохи — голоцена, когда складываются основные черты современной нам природы. В неолитическое время эта природа полностью приобрела знакомый нам облик. Вдоль берегов Ледовитого океана расстилались тундры. Южнее лежала полоса лесотундры, которая языками лесов вторгалась вдоль речных долин на север. Сплошным широтным поясом протянулась теперь от Тихого океана и до Балтики лесная зона. Настоящий зеленый сибирский океан шумел на тысячи километров в глубине азиатского материка. На Дальнем Востоке мрачная темнохвойная тайга переходила в пышные леса Амура и Приморья, где сложился и свой собственный животный мир.

Новое неолитическое время отличается от предыдущего уже тем, что теперь освоение большей части территории Северной Азии человеком в основном заканчивается. Разумеется, население Сибири тогда было еще очень редким. Отдельные племена были разделены необитаемыми пограничными пространствами. Это в полной мере соответствовало хозяйству и образу жизни лесных охотников, для существования которых требуются большие пространства тайги и тундры, способные прокормить их рыбой и мясом. Но по сравнению с эпохой палеолита успехи неолитических людей в заселении пустынных ранее пространств были огромными: неолитические поселения насчитываются не единицами и даже не десятками, а сотнями. Следы весьма древних поселений человека, владевшего луком и стрелами, шлифованным топором, умевшего изготовлять глиняную посуду, обнаруживаются по всей Северной Азии, в том числе вдоль арктических берегов Сибири: на Колыме, Индигирке, в Центральной Чукотке (стоянка на р. Якитикивееме), на реках Попигае и Хатанге — у самого Таймырского полуострова, в Большеземельской тундре. Всего гуще следы неолитических поселений рассеяны в тайге вдоль Ангары и Лены, вокруг Байкала, в районе Читы, в бассейне Амура и в Приморье.

Еще важнее, что в новых естественногеографических условиях постепенно наступает конец и былому единообразию хозяйственного уклада, образа жизни и всей культуры древнейшего населения Сибири. Если бы мы могли пролететь 5 тыс. лет тому назад на «машине времени» Уэллса по маршруту ТУ-104 от Ленинграда до Владивостока, то мы увидели бы, как внизу, начиная с Урала, одна за другой сменяются по крайней мере шесть больших хозяйственно-культурных областей неолитической Сибири. Восточнее Урала и до Енисея жили тогда полуоседлые рыболовы и охотники Западной Сибири, причем в долине Оби и к западу от нее роль рыболовства, вероятно, поднималась до уровня ведущего занятия, определяя нали-

чие почти такого же оседлого уклада, как и на Амуре. На Енисее, у Красноярска, они соприкасались с лесными охотниками и рыболовами Прибайкалья, в жизни которых охота на лесных животных имела решающий перевес.

В тундре и лесотундре Восточной Сибири, на Таймыре, в бассейнах Оленека и Лены за Полярным кругом и еще далее к востоку, вплоть до Берингова пролива, кочевали бродячие охотники на северного оленя и озерные рыболовы Арктики. Вдоль Лены, Вилюя и Алдана жили полуоседлые рыболовы — охотники Центральной и Северо-Западной Якутии.



Неолитические культуры Сибири.

Байкальский ареал: *1* — ангарская, *2* — ошурковская; **дальневосточный ареал:** *3* — среднеамурская, *4* — нижнеамурская, *5* — приморская, *6* — сахалинская, *7* — камчатская; **якутский ареал:** *8* — среднеленская, *9* — северо-восточная; **урало-обский ареал:** *10* — обская, *11* — шигирская; **среднеазиатский ареал:** *12* — кельтеминарская.

В культуре населения всех этих областей, помимо особенностей, вызванных различиями ландшафтной обстановки, в хозяйстве и образе жизни, обнаруживаются и более мелкие, но еще более важные в этнографическом плане специфические особенности, не зависящие прямо и непосредственно от образа жизни и хозяйства.

В свое время наш выдающийся этнограф В. Г. Богораз метко сказал, что на севере одним из надежных способов определения этнической принадлежности среди многих других являются обыкновенные стельки. Каждый народ, оказывается, имеет здесь свои собственные стельки и по-своему их употребляет. В археологическом материале мы имеет то немногое, что могло уцелеть от разрушительного действия времени. Но от этого значение уцелевших элементов, конечно, не уменьшается, а возрастает. Таковы главным образом орнаментика глиняных сосудов, а также особенности и детали одежды, которую можно восстановить по сохранившимся украшениям.

Можно, следовательно, полагать, что каждой из шести больших областей, отмеченных выше, соответствовала и определенная группа племен, имевшая собственное этническое лицо. В ряде случаев удается в какой-то

мере проследить даже связи этих древних культур с последующими — вплоть до этнографических культур. Так, уже в каменном веке прослеживаются глубокие корни культуры некоторых современных племен и народов Сибири, обнаруживаются их отдаленные предки. Ознакомление с этими группами древних племен и их культурами удобнее начать с запада, от Уральского хребта, а окончить его на востоке, у берегов Тихого океана. Первой такой областью древних культур Сибири является Западно-Сибирская.

1. НЕОЛИТ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Вдоль рек, в том числе в бассейне р. Оби, и по берегам многочисленных озер Западной Сибири издавна обитали различные неолитические племена, имевшие много общего в своей культуре.[1]

Наиболее ранние по типу находки обнаружены на стоянке у Андреевского озера вблизи Тюмени (первая Андреевская стоянка, или Андреевское озеро). Здесь на глубине около 2 м над толщей донного песка, несколько глубже современного уровня Андреевского озера было обнаружено большое количество ножевидных пластин. Из ножевидных пластин изготовлены были и каменные орудия — вкладные лезвия для вкладышевых орудий, ножи, скребки, а также наконечники. Изделия эти имеют в целом выдержанный архаический облик. Скребки концевого типа широко распространены в культурах эпипалеолитического времени. Среди вкладышей нет типично неолитических, сплошь ретушированных с обеих сторон, у них обработаны только края, оформленные мелкой зазубривающей ретушью. Особенно архаичны наконечники. Все они изготовлены из более или менее широких пластин, только отчасти обработанных ретушью и при этом характерным образом: вдоль краев и на кончиках. Несколько наконечников имеют вдоль одной длинной стороны специфическую боковую выемку, образующую черешок. Такие наконечники характерны для позднемезолитических и ранненеолитических культур соседних степных областей Средней Азии. Они известны там начиная с пещерных поселений Юго-Западной Туркмении (IV слой пещеры Джебел) и кончая несколько более поздними (IV—III тыс. до н. э.) поселениями кельтеминарского типа в низовьях Аму-Дарьи. Такие же наконечники известны и из самых ранних неолитических погребений Прибайкалья хиньской стадии.

В целом весь этот наиболее ранний здесь комплекс находок свидетельствует о наличии у древнего населения Восточного Приуралья весьма древних традиций, уходящих в микролитическую культуру степного мезолита Средней Азии и Восточной Европы.

Эпоха развитого неолита в собственном смысле этого слова представлена богатыми находками на том же Андреевском озере, на стоянках Козлова перейма и «VIII пункт». Для этих двух стоянок характерны глиняные сосуды с округлым и острым дном, полуяйцевидные и параболлоидные в вертикальном сечении. Сосуды украшались довольно богатым орнаментом, выполненным острием палочки — стека или гребенчатым штампом. Часто применялся полулунно-гребенчатый штамп, которым выполнялись узоры в виде криволинейных зигзагов. Важное место в орнаментации керамики принадлежало струйчато-волнистым линиям с характерными ритмическими нажимами. Композиция узора была в ряде случаев зональной, орнаментальные элементы располагались горизонтальными рядами параллельно венчику. Иногда же орнаментальное поле не только расчленялось вертикальными «лесенками» на широкие горизонтальные по-

[1] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 35, М., 1953.

лосы, но и дополнительно разбивалось на особые участки, преимущественно треугольные или трапециевидные. Острое дно сосудов в свою очередь украшалось радиальными, расположенными от центра в стороны узкими полосами узора. Вместе с обломками таких сосудов встречены различные мелкие изделия из камня — скребки, ножевидные пластины, вкладные лезвия, наконечники стрел, а также шлифованные орудия.

К этому времени относится могильник около дер. Усть-Куренга на р. Шаж, правом притоке Иртыша. При неолитическом костяке здесь оказались шлифованное тесло, трапециевидное в поперечном сечении, костяные острия, украшения из расщепленных клыков кабана, украшенные волнисто-зубчатыми выемками вдоль края, а также две подвески или штампы с зубчатыми краями, может быть, служившие для нанесения на сосуды гребенчатого узора. Кроме того, имеются две схематически трактованные головки животных, вырезанные из тонких пластинок мягкого сланца.

К несколько более позднему времени, примерно к половине III тыс. до н. э., как полагают исследователи, относятся неолитические поселения в низовьях р. Оби, в северной части его бассейна. Таковы, например, поселения на мысе Чэстый-яг на р. Ляпине, Сортынья и Хулюм-Сунт на Северной Сосьве. Эти поселения расположены на мысах и ярках, в болотистых приозерных местах и потому не имеют следов укреплений. В них нет ни рвов, ни валов. Достаточной защитой им служила окружавшая их дикая природа. Обитатели таких поселений жили зимой в постоянных жилищах типа землянок. Землянки квадратные в плане, очень велики по размерам. Площадь наиболее крупных землянок достигает 600 м^2 и более, глубина их равна 3—4 м. Они располагались при этом группами, иногда рядами. Подобные постройки должны были сооружаться соединенными усилиями целого коллектива и несомненно служили общинно-родовыми жилищами. Землянки, хотя и значительно меньших размеров, продолжали здесь существовать в качестве основного вида жилища спустя 3—4 тыс. лет. Они были на Оби еще в XVIII—XIX вв. под названием «мыс-хат», т. е. «земляной дом».

В неолите жители Приобья жили не столько охотой, сколько рыболовством. Огромная река с ее многочисленными старицами, протоками и озерами доставляла людям значительно более верный источник существования, чем охота. Рыболовство определило не только относительную оседлость, тип жилищ — землянок, но и другие черты быта, в том числе и одежду из рыбьих шкур, характерную для приобских племен как в глубоком прошлом, так и вплоть до самого недавнего времени, до XIX в. «Одежда их, — писал в начале XVIII в. Гр. Новицкий о жителях Приобья, хантах, — обще из кожей рыб, наипаче с налима, иже подобан сому, тот де осетра и стерлядей одерше кожу только трудами своими умягчает, яко могут все одеяния себе из них сошиты, обще же из налимей кожи — кожаны, с иных же чулки, сапоги утворяют». Такую одежду, должно быть, носили и обитатели неолитических землянок. Внутри землянок и вообще на поселениях оседлых рыболовов и охотников Нижнего Приобья сохранились многочисленные предметы их домашнего обихода, позволяющие восстановить не только общие черты быта, но и ценные детали, характеризующие место приобских племен среди их современников в Европе и Азии. На поселениях найдены шлифованные и оббитые орудия из камня, в том числе долота, ножи, скребки, дисковидные наконечники палиц, наконечники стрел, вместе с обломками тонкостенных горшков яйцевидной формы. Горшки обыкновенно украшены были гребенчатым, а реже ямочным по технике исполнения узором, расположенным горизонтальными зонами и покрывающим сосуд сплошь, от венчика до днища. Орнаментальные зоны состоят, как правило, из чередующихся горизон-

тальных полос зигзага, то узких, то широких, и разделяющих их полос вертикальных вдавлений. Изредка встречаются волнистые прочерченные линии, опоясывающие сосуд. Со временем орнамент усложняется. Распространяется узор в виде широкоячеистой сетки, образованной гребенчатыми полосами, а также широких криволинейных полос и расположенных под углом друг к другу более или менее коротких линий. Усложняется и техника орнаментации. Гребенчатый штамп становится разнообразнее. Так, например, теперь появляются овальные гребенчатые оттиски («гусеничные»), «гребенчатая качалка». Наряду с круглыми распространяются и овальные ямки. Каменные тесла из наиболее ранних землянок — трапециевидные и овальные в поперечном сечении, иногда с желобчато-выпуклым лезвием. Позже появляются топоры с сечением, близким к прямоугольному, но с выпуклыми широкими поверхностями. Одним словом, это была уже вполне зрелая неолитическая культура, во многом близкая тем культурам лесных рыболовов и охотников, которые сложились на Урале и к западу от него.

На Верхней Оби, в районе Томска, наиболее значительным памятником неолита является могильник на Старом мусульманском кладбище у Лагерного сада в г. Томске. Он содержит 30 могил, в которых было найдено большое количество каменных тесел и топоров, наконечников стрел и копий, ножей, скребел, стерженьков для рыболовного крючка, выпрямителей древков стрел, скребков и замечательное изображение медведя. Во многих могилах оказались целые или разбитые горшки.[2]

Другой памятник, Томский могильник, находится в Лагерном саду г. Томска. Восемь могил этого могильника датируются неолитическим временем. В них содержался обычный для неолитических памятников материал, такой же как на мусульманском кладбище.[3]

Кроме могильников, известны поселения большей частью с разновременным материалом, в которых, однако, типологическим методом удается выделить и ранние чисто неолитические комплексы: поселения на месте могильника Самусь I, остатки поселения и могила у с. Могильники, примерно в 150 км к западу от Томска, и Новокусковская стоянка.

Люди, оставившие эти памятники, лепили глиняные сосуды в виде плоскодонных горшков с раздутыми боками и небольшим донцем, часто неровным или же сделанным не параллельно венчику. Делали они горшки двух разновидностей: часть из них усеченно яйцевидной формы, у таких устье сосуда несколько заужено; другие же — баночные, с открытым верхом. Горшки украшали незатейливым орнаментом, нанесенным закругленным концом относительно тонкой палочки, оттиски которой образуют горизонтальные линии, иногда сдвоенные или строенные. Между этими полосами расположены пустые пояса. Иногда линии орнамента короткие, образующие как бы шахматный узор на поверхности сосуда. Встречаются сосуды, целиком покрытые такими оттисками. Иногда орнамент из оттисков имеет вид взаимно проникающих треугольных зон. Во всех этих случаях оттиски стоят поперек или под углом к линии орнамента. Но часто они следуют один за другим и тогда образуют линии отступающей палочки. Некоторые сосуды дополнительно украшены одним или двумя рядами ямок, расположенных под венчиком.

Наиболее многочисленными и разнообразными изделиями, найденными в могилах этого времени, являются тесла. Их делали из подходящих галек, которым путем сколов придавали нужную форму. В зависимости

[2] А. П. Дульзон. Томский неолитический могильник. «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. XVII. 1957.

[3] М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 24, 1952, стр. 17—50.

от назначения тесла изготовляли с разным рабочим краем. Наиболее многочисленны тесла со скошенным со стороны брюшка рабочим краем. Они разнообразны как по величине, так и по поперечному сечению. Другие тесла имеют плоскую и сильно выпуклую спинку, в сечении они часто трехгранны. Довольно много также тесел с асимметричным рабочим краем, у них и спинка, и брюшко выпуклые, но все же брюшко несколько более плоское. Встречаются тесла с желобчатым рабочим краем. Нуждаясь в острых режущих орудиях, люди эпохи неолита в районе Томска изготовляли ножи двух видов. К первому относятся большие асимметричные ножи из ромбических в сечении пластин с сильно выпуклым рабочим краем. Второй вид ножей неправильно миндалевидной формы изготовляли из отщепов. Они значительно меньших размеров и сделаны более небрежно. Для охоты на зверей и птиц в это время использовали лук со стрелами и копья. Найдено много наконечников стрел трех видов: больших лавролистных с закругленным основанием, узких иволистных с прямым основанием и небольших миндалевидных с выпуклыми боками и прямым основанием. Вместе с ними находятся и наконечники копий, иногда лавролистной формы, из тонких хорошо отретушированных пластин. Ассортимент орудий, которыми пользовались люди эпохи неолита, был довольно широк. Для разных работ применяли неправильно миндалевидные скребла, скребки, которые обычно делали на концах пластин, простые отщепы и пссчаниковые плитки. Встречаются в инвентаре могил и «выпрямители древков стрел», а также каменные стерженьки с насечками по концам, которые служили частью составных рыболовных крючков. В одной из могил на Старом мусульманском кладбище найдена каменная фигурка бегущего медведя с раскрытой пастью и высунутым языком.

В это время люди хоронили своих сородичей на кладбищах, расположенных в непосредственной близости от реки, в простых грунтовых ямах, обычно не очень глубоких. Первоначально ямы имели, видимо, деревянные перекрытия, которые сгнили и осели внутрь. После похорон иногда на месте погребения устраивалась тризна и зажигался огонь, а остатки костра потом сваливали в могилу или на нее. Огонь, таким образом, играл существенную роль в обряде погребения.

По составу инвентаря могилы Старого мусульманского кладбища резко делятся на две группы. Для одной из них характерны горшки, их бывает обычно по два в одной могиле. Иногда вместе с сосудами лежит топор и обязательно нож, встречаются отщепы. В другой группе могил посуды нет, но зато всегда присутствуют предметы вооружения: наконечники стрел и копий, несколько тесел, ножи. Наблюдается и различная ориентировка для каждой группы могил. Возможно, это мужские и женские могилы; судя по ним, обязанности мужчин и женщин в процессе производства были резко разграничены. На долю мужчины приходилась охота и рыбная ловля, продукты которых являлись основным источником питания людей эпохи неолита. Женщины же преимущественно занимались домашним хозяйством, изготовляли посуду и, видимо, собирали различные съедобные растения.

Характерной особенностью керамики из Томского могильника в отличие от той, которая известна на Нижней Оби, является плоскодонность сосудов. Эта черта свойственна многим сосудам и из тех поселений, которые известны на Верхней Оби. Это стоянки Киприно, Верхние Чемы, Ирмень I, Мереть I и II.[4]

---

[4] М. Н. Комарова. Неолит Верхнего Приобья. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 64, 1956, стр. 93.

Неолитическая культура, характерная для района Томска в конце III тыс., сменяется новой культурой. Видимо, это связано с приходом сюда новых людей, которые оставили могильник № I у с. Самусь.[5]

Могильник Самусь I находится на высоком берегу в устье речки Самуськи. Всего здесь оказалось 16 могил, в которых были найдены каменные топоры, тесла, ножи, наконечники стрел и несколько сосудов. Эти люди в противоположность своим предшественникам не делали сосудов с плоским дном. У них были только круглодонные и остродонные горшки. Остродонные сосуды имели выпуклые посередине бока и несколько отогнутый венчик. Круглодонные горшки по своей форме приближались к параболоидным. Из семи найденных в могилах горшков не было ни одного плоскодонного. Изменяется и способ украшения посуды. Исчезают орнаменты, выполненные отступающей палочкой. Стенки некоторых сосудов покрыты сплошными рядами мелких оттисков отступающего гребенчатого штампа.

В могилы по-прежнему кладут вещи производственного назначения и чаще других тесла, значительно реже топоры. Тесла представлены двумя видами: с плоским брюшком и выпуклой спинкой, у которых поперечное сечение имеет вид трапеции, и тесла со скошенным рабочим краем. В отличие от памятников более раннего времени большинство рубящих орудий изготовлялось из толстых пластин.

Как и раньше, в могилах часто лежат целые и ломаные ножи, но теперь редко встречаются большие асимметричные ножи с выпуклым рабочим краем. Зато больше становится неправильно миндалевидных, сделанных из отщепов. Вместе с тем появляются и хорошо отшлифованные ножи с вогнутым лезвием.

Происходят и некоторые изменения в форме наконечников стрел: все они книзу сужаются и имеют либо прямое, либо острое основание. Всего несколько экземпляров найдено с расширенным закругленным основанием. Наряду со старыми наконечниками копий лавролистной формы появляются и новые узкие наконечники, ромбические в сечении. Кроме того, в могилах найдены абразивы и уникальная фигурка стоящего на задних лапах медведя.

Изменяется и обряд погребения: появляются необычные захоронения одних черепов, что ни разу в других местных могильниках не встречено.

Из верхнеобских стоянок ближе всего к самусьскому могильнику по форме сосудов и использованию для их орнаментации зубчатых штампов стоянки Ирба, Кротово II и Ордынское. Время могильника Самусь I определяется тем, что более ранние памятники здесь сближаются со стоянкой на Андрееевском озере, а сам этот могильник близок к Екатерининской стоянке, датируемой В. Н. Чернецовым III тыс. до н. э. К этому же или даже несколько более раннему времени следует относить известный Кузнецкий могильник,[6] погребальный ритуал которого и инвентарь, однако, во многом отличны от того, что известно по могильникам в районе Томска.

Характеристика неолита Верхней Оби была бы неполной, если не упомянуть первоклассные памятники искусства, найденные как в могилах, так и высеченные на знаменитой скале у дер. Писаной. Глубокое знание мира зверей и мастерство обнаруживается в таких вещах, как скульптура медведя из Самусьского могильника на Старом татарском кладбище у г. Томска. Столь же искусно изображена летящая птица, костяная скульптура которой найдена в Яйском могильнике. По художественной

---

[5] В. И. Матющенко. Самусьский могильник. «Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева», т. 150, серия историческая, стр. 46.

[6] Н. А. Черныше в. Кузнецкий неолитический могильник. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 39, 1953, стр. 336.

силе и выразительности первое место занимает фигура медведя из неолитического могильника Самуськи. Медведь изображен в спокойной позе, с передними лапами, по-человечески подобранными и сложенными на груди. У зверя огромная лобастая голова с длинной, типично медвежьей мордой. На голове животного рельефно моделированы круглые плоские уши, ямками обозначены маленькие глазки, тщательно прорезан длинный рот. От всей фигуры веет умиротворенностью и спокойствием.

Скульптуры неолитического времени передавали изображаемое животное не только в состоянии покоя, но и в стремительном движении. Медведь бежит в панике, он полон движения, все его тело напряжено. В таком же стремительном движении изображена и летящая птица. Это скорее всего гагара или утка. Она летит, вытянув шею, вся устремленная вперед. Вместе с тем животные изображены без мелких деталей: у медведя ноги только намечены, у птицы нет крыльев. Выразительный материал для характеристики искусства населения этих районов дают также замечательные писаницы на р. Томи, у дер. Писаной. О рисунках на р. Томи знали еще авторы XVIII в., которых вместе с коренным населением этих мест поразило множество звериных и человеческих фигур, с необыкновенным терпением и тщательностью выбитых на скале, о подножие которой бьются волны быстрой горной реки, а вершина увенчана густыми зарослями леса.



Медведь. Скульптура из Самусек.

Томская писаница «двуслойная». Большинство изображений, наиболее ранних по возрасту, выбито на ней в камне характерной мелкой выбивкой, «точечной ретушью». Часть рисунков вырезана и вышлифована, а некоторые фигурки, первоначально выбитые, были затем «освежены» и усилены резными линиями. Но во всех этих рисунках нет никакого отображения скотоводства, являвшегося основным занятием и главным источником существования людей бронзового и раннего железного века. Среди древнейших, выбитых точечной выбивкой изображений выделяются фигуры людей с широко расставленными и согнутыми в коленях ногами. Эти человечки как бы приседают в позе танца. Руки их распростерты в стороны и тоже изогнуты. На писанице отчетливо видно, что два человека схватились руками и крепко держат друг друга. Головы у них округлые, широкие.

В другом месте среди лосей видна фигура человека с туловищем, изображенным в фас в виде треугольника, и головой, как будто повернутой вбок, как на египетских фресках. На голове видны широко выгнутые дугообразные рога. Одна рука человечка плавно изогнута и опущена вниз,

другая тоже согнута в локте, но поднята кверху. Ноги фигурки тоже слегка изогнуты. Человечек как будто обращается к кому-то с речью или с вопросом.

Наряду с рисунками людей видны рядом две схематически изображенные человеческие ступни. Есть также условные знаки в виде двух концентрических овалов, вписанных друг в друга. Они, возможно, представляют собой элементарные знаки женского плодородия.

Но больше всего на Томской писанице фигур животных: звери на ней решительно преобладают. Вся писаница представляет собою как бы окаменевший обломок древнего звериного эпоса, целую поэму о зверях. Под двумя отмеченными выше человечками видна фигура животного с выпуклой горбатой спиной и склоненной вниз ушастой головой, напоминающей медведя. Одна фигура животного изображена в движении, в скачке, в галопе. У него пара острых ушей и длинный кривой хвост. Это скорее всего лиса или волк. Одна из лучших по ее реалистической живописи фигур Томской писаницы изображает журавля или цаплю. Птица стоит на длинных кривых ногах; у нее змееобразно изогнутая шея и длинный острый клюв, опущенный книзу. Две фигуры изображают, по-видимому, филина или сову. Обе они трактованы различным образом и выполнены в различной технике. У одной фигуры, по-видимому более древней, видна широкая голова, напоминающая бубновый туз; посередине ее вырезан клюв, по бокам намечены глаза. Туловище птицы, широкое и округлое, сплошь усеяно точками, очевидно, изображающими оперение.

Среди рисунков Томской писаницы видна и еще одна фигура птицы, выбитая наиболее глубоко и четко. Это явно водоплавающая птица — утка, изображенная в характерной для нее позе. Она как будто привстала на воде и, вытянув шею с длинной массивной головкой, отряхивает крылья.

Главное место среди рисунков Томской писаницы занимает образ лося. Лоси идут целыми рядами, одни лоси следуют друг за другом, другие шагают им навстречу. Лоси изображены в одной и той же специфической манере. У них короткое массивное туловище с мощным горбом над лопатками и узкий сухой круп. На груди и шее многих фигур глубоко врезаны дугообразные полосы. Морды животных очерчены лаконично и вместе с тем очень живо, с пластической глубиной рельефа. На них нарочито выделено утолщение тяжело нависающей верхней губы, заботливо отмечена расщелина рта и миндалевидный узкий глаз. Ни на одной фигуре не видно характерных лосиных рогов в виде лопаты с зубцами. Но зато на всех вырезаны поднятые кверху уши. Это все, должно быть, не лоси-самцы, а самки-лосихи. Ноги зверей сухие и длинные, широко раскинутые в стороны, на них показаны раздвоенные оленьи копыта.

Стремление рассказать в рисунке о звере как можно больше, полнее, нашло неожиданное выражение и в одной любопытной детали. На одном изображении лося в области груди имеется стреловидная фигура: это несомненно сердце и аорта зверя. Такой по-детски наивный прием, повествовательный рассказ о внутренностях зверя, об источнике его жизненной силы, встречается у западносибирских народов и много позже. Он известен также и в искусстве других народов этого же уровня развития, например у североамериканских индейцев.

Многочисленные фигуры лосей на Томской писаной скале не представляют собой какой-то единой, однажды задуманной и затем сразу осуществленной композиции. Они несомненно рисовались различными мастерами и в разное время. Однако все они или по крайней мере большинство их объединены, во-первых, единством стиля и творческой манеры древних мастеров. Главная черта этого стиля и художественного мироощущения того времени — динамизм.

Вся эта масса лосей захвачена одним динамическим порывом. Лоси быстро шагают, бегут и скачут, вытянув головы вперед. Их фигуры напряжены до предела и наполнены неукротимой энергией. Среди них нет ни одной фигуры, недвижно застывшей на месте.

Стремясь подчеркнуть этот динамизм и экспрессию лосиных фигур, древний мастер использовал простой и эффективный прием. Он расположил их не горизонтально, а слегка наклонно, приподняв верхнюю половину тела лося и соответственно опустив нижнюю. Такое расположение лосиных фигур становится еще более выразительным на фоне косых глубоких трещин, рассекающих гладкую поверхность писаной скалы. Могучие сильные звери как бы неудержимо стремятся кверху, карабкаются и перепрыгивают через трещины, упрямо преодолевая все препятствия на пути к цели.

Томская писаница с большой силой и наглядностью раскрывает мысли и чаяния, связанные с охотничьей жизнью, с заботой о благополучии первобытных охотников. Нет сомнений в том, что в основе этих изображений первобытная охотничья магия, стремление завладеть зверем.

В свою очередь скульптурные изображения из неолитических погребений могут многое рассказать о вере в духов-хранителей и предков, а также о космогонических мифах древних племен Западной Сибири. В них представлены, как мы видели, два основных сюжета, два центральных образа: медведь и птица.

Рассматривая эти памятники искусства каменного века западносибирских племен эпохи неолита, следует иметь в виду, что по общему облику их культуры и искусства они были настолько близки к своим западным соседям, обитателям Урала, что трудно сомневаться в их этническом родстве, в принадлежности тех и других к одной большой этнографической группе каменного века, или иначе к уральской, угорской. Последняя в свою очередь была близка к жителям лесных пространств между Балтийским морем и Уралом, т. е. тех областей, где писаная история застает уже во времена Геродота и Плиния финно-угорские народы и племена.

Не удивительно поэтому, что именно в их фольклоре и мифологии обнаруживаются такие элементы, которые позволяют понять идейное содержание памятников древнего искусства, оставленных неолитическими людьми.

Медведь издавна занимал особое, видное положение в мировоззрении и верованиях финно-угорских племен; он находился в ранге божества и пользовался в их религии самыми почетными правами.

Не случайно, что в искусстве неолита Западной Сибири такое видное место принадлежит водоплавающим птицам, в первую очередь уткам. Оно, вероятно, объясняется особой ролью этих птиц в мифологии и космогонических воззрениях финно-угров. Мир, как рассказывает эпос финских племен, возник из яйца, снесенного в море гигантской уткой. Не случайно, должно быть, на неолитических сосудах их яйцевидная форма сочетается с образом птиц и воды. Может, сосуд означает яйцо, из которого возник мир; волнистые линии — воду первичного океана — бездны, а утки, «плывущие» по его волнам, напоминали древним людям миф о той птице, которая создала Вселенную.

В целом неолитические и непосредственно следующие за ними памятники ранней бронзы Западной Сибири отражают сложную историю местного населения в IV—III тыс. до н. э. Племена, обитавшие на границе тайги и степи, издавна находились в связи с потомками мезолитических обитателей степей и пустынь Средней Азии, оставивших после себя поселения с микролитическими изделиями геометрических форм. В зрелой неолитической культуре этих племен по-прежнему много общего со Средней Азией, конкретно — с кельтеминарской культурой Приаралья. Вместе

с тем эти общие с кельтеминарской культурой черты являются столь же характерными для неолита Урала. Можно поэтому, что и делают некоторые исследователи, говорить о какой-то определенной культурно-этнической общности, о большой группе родственных племен, обитавших в III—IV тыс. до н. э. в Приаралье, на Урале и в южных районах Западной Сибири. Очень вероятно, что это были предки угорских племен, граничившие на западе с предками финских племен Восточной Европы, а на юге — с древними индоевропейскими (ираноязычными) племенами Средней Азии. Позднее, в эпоху бронзы, на основе этой древней культурно-этнической общности вырастает, по-видимому, афанасьевская культура ранней бронзы.

Вторая группа племен, заселявших северные и восточные лесные районы Приобья, по своей культуре во многом была ближе к лесным племенам европейской части РСФСР, к неолитическому населению Волго-Окского района и Карелии, оставившему поселения с ямочно-гребенчатой керамикой. Об этом особенно наглядно свидетельствуют характерные остродонные сосуды с зональной гребенчатой орнаментацией строго выдержанного зонального прямолинейно-геометрического стиля.

В то же время как северные, так отчасти и южные племена Западной Сибири находились в связи с населением других областей, расположенных далее на восток, по направлению к Енисею и Ангаре. Оттуда в Западную Сибирь, на Урал и даже в Карелию проникали специфические для таежного Приангарья «топоры с ушками», известные на Ангаре с китойского времени. Есть общие черты с инвентарем прибайкальских могильников того же китойского времени и в инвентаре Усть-Куренгского погребения (расщепленные клыки кабана, орнаментация краев этих клыков волнисто-зубчатыми выемками), а также могильника в Кузнецке. Неизвестно, были ли здесь этнические контакты и прямое родство древних племен Западной и Восточной Сибири или сказывалось только опосредствованное культурное влияние, проникавшее через неродственные друг другу племена. Но во всяком случае такое культурное взаимодействие существовало и накладывало определенный отпечаток на всю культуру этих племен.

2. НЕОЛИТ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В IV—III тыс. до н. э. на берегах Ангары и Лены, а также в низовьях Селенги были расселены племена, создавшие своеобразную байкальскую неолитическую культуру. Многочисленные археологические памятники прибайкальского неолита и раннего бронзового века (глазковской культуры) — могильники, поселения, наскальные рисунки позволяют полнее, чем где-либо в других местах Сибири, проследить историю развития культуры этих племен, а также ее характерные черты и особенности, тесно связанные с природным окружением, с сибирской тайгой, в которой эти племена жили с начала голоцена.[7]

Жизнь в суровой тайге Прибайкалья определила прежде всего основное направление и содержание хозяйственной деятельности обитавших в этом районе племен. Земледелие здесь в условиях того времени на уровне неолита исключено. Человек должен был продолжать ту жизнь, которую вели его ближайшие и более далекие предшественники, заниматься собирательством в той или иной мере, рыбной ловлей, а более всего охотой на крупных таежных животных: лосей, оленей, медведей и кабанов. Подсобное значение имела охота на лесных водоплавающих птиц,

[7] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 18, 1950.

а также на мелких пушных зверей, шкурки которых, как и ныне, вероятно, шли на отделку одежды.

Потребности охотничьего промысла в таежных условиях определили пути дальнейшего технического развития прежде всего по линии усовершенствования охотничьего оружия и снаряжения. Это ясно видно на материалах из могильников наиболее раннего исаковского этапа прибайкальского неолита. В инвентаре этих могильников особо видное место занимают предметы охотничьего вооружения, в том числе наконечники стрел, свидетельствующие о дальнейшем развитии лука как главного оружия лесных охотников. Наконечники стрел исаковского времени отличаются большими размерами и сравнительно большим весом. Чтобы стрела с таким тяжелым наконечником пролетела на достаточно большое расстояние и поразила животное, нужны были луки иного размера и иной баллистической силы, чем луки мезолита. Вероятно, луки исаковцев достигали в длину человеческого роста. Концы деревянного стержня стягивала тугая тетива. Стрела, пущенная из такого лука, летела на значительно большее расстояние, а убойная сила ее была несравнима с действием тонких и хрупких стрел мезолитического времени. Охотники исаковского времени, совершенствуя технику обработки орудий с помощью ретуши и оббивки, научились изготовлять несколько типов наконечников стрел. Теперь они изготовлялись не из ножевидных пластин, а из массивных сколов. Мастера по обработке камня не ограничивались только частичной подтеской острия и основания наконечника. Он обрабатывался сплошь с обеих сторон. Уже одно это увеличивало убойную силу стрел.

Вместе с тем люди пытаются теперь найти и наиболее рациональные формы для наконечника. Вероятно, поэтому в исаковское время в Прибайкалье впервые появляются в большом количестве двусторонне обработанные наконечники стрел нескольких типов. Наиболее распространенными среди них являются удлиненнотреугольные наконечники с асимметричным основанием. Одно из двух жалец наконечника оттянуто вниз, больше другого, вследствие чего основание его напоминает хвост ласточки. Такая особенность наконечника свидетельствует о преемственности традиций, которые появились в палеолитическое и развились затем в мезолитическое время, когда возникли древние наконечники с боковой выемкой. Реже встречаются крупные и массивные наконечники стрел с черешками.

Лук и стрелы не были, однако, единственным оружием неолитического охотника. Они позволяли поражать добычу на большем расстоянии, чем прежде, но, преследуя раненое животное, охотники пускали в ход орудия ближнего боя — копья с длинными и массивными наконечниками, изготовленными из кремня и кремнистого сланца. Наконечники копий, так же как стрелы, разнообразны. По крайней мере три из найденных в исаковских погребениях наконечника отличаются друг от друга. Один из них узкий, длинный, второй — миндалевидный в плане, а третий — с расширенной средней частью и прямым основанием. Не исключено, что такие вариации форм наконечников связаны с поисками наиболее рациональных и эффективных для охоты вариантов метательных орудий. Обработка этих важных охотничьих орудий отличается большой тщательностью. Обе широкие плоскости наконечников выстругивались уплощающими сколами и дополнительно подправлялись ретушью по краям. В руках опытного охотника такие копья с каменными наконечниками были грозным оружием нападения и защиты.

На вооружении охотника имелись не только копья с каменными наконечниками, но также унаследованные от палеолитического времени вкладышевые наконечники. Они повторяют в основном вкладышевые орудия Верхоленской горы на Ангаре, Афонтовой горы на Енисее, Ошурковской

стоянки на Селенге. Сходство заключается прежде всего в общем виде костяного острия — основы, в которую вставлялись каменные вкладыши. Они длинные, массивные, не уплощенные, а округлые в сечении, самый заостренный — верхний конец и широкий уплощенный — нижний конец-насад. В пазы основы наконечников копий, так же как в палеолитических изделиях такого рода, часто вставлялись не сплошь обработанные прямоугольные вкладыши, а простые ножевидные пластинки, сколотые с призматических нуклеусов. У других наконечников края пластинок выщерблены так, что они образуют зубчатое лезвие, иногда с разводом, как зубья у пилы. Встречаются также пластинки, которые выстругани со спинки, а с брюшка выщерблены. Мастер, явно следуя выработанной ранее, еще в палеолите, традиции, затрачивал минимум усилий при обработке ножевидных пластин. В результате получалось лезвие с зубчатым краем, рабочий эффект которого был выше, чем у необработанных пластин. Рана от копья с таким лезвием получалась рваная, животное вследствие этого погибало быстрее.

Среди немногочисленных по типу шлифованных орудий наиболее характерными являются тесла. Они имеют архаические черты, свидетельствующие о том, что техника шлифования только недавно стала широко применяться для изготовления крупных тесловидных и рубящих орудий из камня. На тщательно отшлифованных широких плоскостях тесел видны раковистые углубления сколов, следы предварительной обработки заготовок орудий. Боковые грани тесел, а также обушок их часто оставались неотшлифованными. Первые шлифованные прибайкальские тесла отличаются асимметричностью, их верхняя часть, как правило, сильно выпуклая, с острым ребром посередине, а нижняя, напротив, плоская или чаще желобчато-вогнутая. Лезвия тесел односторонне скошенные, чаще трапециевидные, с более узкой или даже приостренной обушковой частью.

Изучение следов работы, сохранившихся на верхней части лезвия, показывает, что эти крупные орудия использовались для изготовления больших деревянных изделий. Ими можно было выдалбливать из целых стволов деревьев большие лодки. В могилах найдены, кроме того, плоские, небольшого размера орудия, трапециевидные, а не треугольные, которыми, очевидно, производилась окончательная обработка лодок и деревянных изделий. Желобчатость лезвий у них выражена слабее, иногда едва заметна. В могилах тесла обоих типов встречаются обычно попарно. Они, очевидно, дополняли друг друга в работе. Лодки, изготовленные такими инструментами, исаковцы могли использовать прежде всего для рыбной ловли. С лодок можно было охотиться с помощью копий и луков.

В могилах исаковского времени обнаружены, кроме того, ножи характерной асимметрично-треугольной формы, с острым клювовидным выступом. Ножи такого типа можно было использовать при разделывании рыбы, а также туши животного. Они употреблялись закрепленными в деревянной или костяной рукоятке.

Кроме охоты и рыболовства, большое значение у исаковцев имело также собирательство. В тайге летом и осенью заготовляли впрок на зиму ягоды, орехи, дикий лук, съедобные коренья растений. В одной из могил на Братском Камне найдена кирка, изготовленная из рога оленя. Она является одним из многочисленных, но не дошедших до нас орудий собирательства, которые изготовлялись, по-видимому, в большинстве случаев из дерева. Такие инструменты употреблялись также для различных хозяйственных нужд на территории временного становища. Ими выкапывали ямы для очагов в чуме, а также хозяйственные ямы, в которых хранили запасы мяса, рыбы, съедобных кореньев и луковиц.

В могильниках исаковского этапа обнаружены также и первые прибайкальские глиняные сосуды. Они имеют не плоское, а заостренное дно. В вертикальном разрезе сосуды эти параболоидные, часто с легкой асимметрией и сдавленностью с боков, что показывает несовершенство техники их изготовления. Сосуды не имеют венчиков и ясно выраженной шейки.

Наиболее характерной чертой этой керамики являются отпечатки сеткиплетенки на внешней поверхности сосудов. Они сплошь покрыты отчетливыми следами — отпечатками толстых нитей, крупных узлов, квадратными или ромбическими ячейками. Отпечатки сетки на внешней поверхности сосудов явно не играли орнаментальной роли. Они свидетельствуют о том, что первые гончары в Прибайкалье использовали сетку при изготовлении керамики как прокладку между формой, с помощью которой лепили сосуд, и слоями глины. Простейшей формой могла служить коническая ямка, вырытая в земле.

После того как сосуд был изготовлен, оставалось только вынуть его вместе с сеткой из ямы и обжечь на костре. До обжига около прямого венчика сосуда мастер иногда наносил скупой и незамысловатый орнамент. Он состоит обычно из ряда конических ямок, расположенных на равном расстоянии друг от друга. Они наносились костяной или деревянной палочкой с коническим концом. Ямки не прошивали насквозь сравнительно тонкие стенки сосуда, но на противоположной, внутренней, его поверхности ямкам соответствуют выпуклины-горошины. Иногда ямки наносились сверху на срезе венчика. Кроме ямок, сосуды украшались рядом вдавлений в виде запятой или косых насечек. У одного сосуда такие косые насечки нанесены не на внешней поверхности, а на внутренней. Размеры исаковских сосудов невелики. Высота их составляет 18—23 см при диаметре горла не больше 20 см.

Таким образом, исаковская керамика как по примитивной технике изготовления, так и по форме, по предельно скупому орнаменту является исходной керамикой в неолите Сибири. Не исключено, что первые остродонные глиняные сосуды в Прибайкалье являются копией плетеных сумок, которые, возможно, имели люди палеолитического времени. Они свидетельствуют о первых и при этом самостоятельных шагах в гончарном искусстве неолитических обитателей Сибири.

Предметы искусства и украшения в могилах исаковского времени редки и примитивны. К ним относятся целые или расколотые вдоль клыки кабана с нарезками на концах или просверленным отверстием около основания. Клыки кабана, судя по их расположению в могиле, украшали головной убор, соединяясь острыми концами. В качестве украшений употреблялись также клыки марала грушевидной формы. Игольники украшались одной или двумя параллельными кольцевидными нарезками.

Население в долине Ангары в исаковское время было немногочисленным. Об этом свидетельствует небольшое количество погребений, обнаруженных в могильниках. Охотничьи коллективы состояли из людей, связанных кровным родством. После смерти членов рода хоронили на одном могильнике, иногда рядом друг с другом. Могильная яма, так же как и в предшествовавшую эпоху, заполнялась плитами и камнями. Умерших клали головой в сторону восходящего или, напротив, заходящего солнца.

Таким образом, ранний этап неолита в Прибайкалье характеризуется выраженными архаическими чертами в культуре. Древние, восходящие к палеолиту традиции отчетливо прослеживаются как в технике обработки орудий, так и в их типологии. Вместе с тем в исаковское время наблюдается резкий сдвиг в культуре и экономике, характеризующийся появлением лука и стрел, керамики, а в изготовлении орудий труда — принципиально новым способом их обработки — шлифованием.

Полный расцвет неолитической культуры лесных охотников Прибайкалья наблюдается на следующем этапе, который носит название серовского. Серовский этап хронологически относится к первой половине III тыс. до н. э. Он характеризуется значительно большим количеством памятников, чем предшествующие этапы. К тому времени относятся многочисленные поселения и наскальные изображения. Вместе взятые, эти памятники позволяют полнее представить культуру, экономику, общественный строй и мировоззрение обитателей Прибайкалья в период расцвета культуры неолита.

Основой экономики на серовском этапе по-прежнему продолжает оставаться охота. Поэтому не удивительно, что усилия таежного охотника, как и раньше, направлены на максимальное усовершенствование охотничьего вооружения, в первую очередь лука и стрел.

Люди серовского времени, стремясь повысить дальнобойность и убойную силу лука, впервые в мире, насколько об этом можно судить по имеющимся сейчас археологическим данным, изобрели лук принципиально иного, чем прежде, устройства. При раскопках могил охотников серовского вермени около костяков сбоку часто находили длинные пластины, вырезанные из рога лося. Пока такие пластины встречались отдельными разрозненными экземплярами, назначение их оставалось загадочным. Однако после того как в ряде погребений было обнаружено, что пластины располагаются от головы до ног погребенного, тесно примыкают друг к другу и образуют сплошную дугообразную полосу, стало ясно, что они являются обкладками истлевшей деревянной основы лука, во много раз усиливавшими при стрельбе его силу.

Такие луки, основа которых составляется из нескольких разнородных материалов, отличающихся друг от друга степенью эластичности, принадлежат к лукам составного или усиленного типа и представляют вторую ступень в истории развития лука вообще, следующую за более древними простыми луками, сделанными из одного цельного куска дерева. Размеры серовских луков, судя по сохранившимся костяным пластинам, составляли 1—1.6 м. В некоторых случаях луки равнялись росту охотника. Дальнобойность такого лука, его мощность и вероятность поражения цели были несравненно большими по сравнению с простыми луками исаковского времени. Древние охотники украшали свое любимое и самое надежное оружие связками бус, изготовленных из клыков марала. Они прикреплялись на противоположных концах лука в местах соединения их с тетивой.

Вместе с луками в могилах около ног или локтя погребенного встречаются скопления наконечников стрел, лежащих обычно группами, включающими несколько десятков экземпляров. Судя по этому, стрелы находились в специальном колчане, сшитом из бересты или кожи.

Усовершенствованы были в серовское время не только луки, но также и наконечники стрел, которые стали более изящными, что несомненно увеличивало точность стрельбы. Наряду с наконечниками старых типов, с асимметричным основанием, появляются наконечники с симметричной выемкой в основании. Особенно широко применяются теперь наконечники с черешками, появившиеся впервые еще в исаковское время. Кроме каменных наконечников, в серовское время впервые появляются специализированные тупые наконечники, изготовленные из кости. Такие наконечники употреблялись при охоте на соболей или белок, а также на птиц. Тупые наконечники из кости были удобны тем, что не портили шкурок пушного зверя.

В качестве оружия ближнего боя продолжают употребляться кинжалы и наконечники копий. Изготовлению их придается особое значение, так как от совершенства такого оружия зависит зачастую успешное заверше-

ние охоты, а в ряде случаев и жизнь самого охотника. Наконечники копий и ножи серовцев из кремнистых пород являются поэтому превосходными образцами высокого мастерства обработки камня. Типологически они частично близки исаковским наконечникам копий, но вариации форм их разнообразнее, а техника изготовления по тем временам предельно совершенна. Особенно превосходно обработаны длинные наконечники с прямым основанием и треугольной формой. Длинные, строго параллельные друг другу фасетки ретуши пересекают насквозь обе широкие плоскости наконечников. Края их дополнительно обрабатывались мелкой ретушью. Другие клинки обрабатывались с обеих сторон крупными и широкими пластинчатыми сколами, направленными от краев к середине широких плоскостей. Края их также приострены мелкими фасетками ретуши.

Кроме наконечников копий, клинков и ножей с прямыми основаниями, имеются такие же изделия миндалевидной и вытянутоовальной формы с приостренной нижней частью (рукоятка) и более широкой верхней.

Как и в исаковское время, охотник отправлялся в тайгу на промысел с вкладышевыми копьями, унаследованными от времен палеолита. Вкладышевые копья, однако, также претерпели изменения. Основа их теперь не столь массивная, как прежде. Она в поперечном сечении не округлая, а плоская. Широкие грани основы тщательно отполированы и параллельны друг другу. Тонкие и хрупкие ножевидные пластины заменяются теперь значительно более надежными вкладышами, изготовленными из массивных, сплошь обработанных с двух сторон ретушью пластин кремня или реже халцедона. Вкладыши имеют теперь прямоугольные очертания и тщательно подгоняются друг к другу, образуя сплошное прочное лезвие.

В походных сумках охотников среди массы мелких орудий, необходимых для жизни в лесу, по-прежнему встречаются инструменты, с помощью которых можно было, так же как в исаковское время, разделать тушу убитого животного. Ряд таких изделий серовцы унаследовали от предшествующей эпохи. К ним относятся прямые костяные ножи с массивными и широкими прямоугольными вкладышами, обработанными двусторонней ретушью. Они лишь более плоские, чем вкладышевые ножи такого же типа из могил исаковского времени. Иногда такие вкладыши, покрытые параллельными струйчатыми фасетками ретуши, пересекающими наискось во всю ширину плоскость, встречаются в могилах и без костяной основы. Они, очевидно, вставлялись в деревянную оправу, которая не сохранилась.

От исаковского времени в инвентаре серовцев сохранились также плоские двусторонне ретушированные ножи асимметрично-треугольной формы. В отличие от исаковских ножей они обработаны более тщательно, а их форма более совершенная.

Успех охоты обеспечен был еще и тем, что в серовское время в Прибайкалье спутником охотника была собака. Она помогала выискивать зверя, преследовала его, участвовала в облавах. Собака играла настолько важную роль в хозяйственной деятельности серовцев, что они заботились о ней как ни о каком другом животном. На поселениях около г. Свирска на дне больших хозяйственных ям были обнаружены специальные захоронения собак. С ними связаны были какие-то ритуальные действия, вероятнее всего обеспечивающие удачную охоту. Одна из собак захоронена с намеренно положенными около черепа длинными ножевидными пластинами.

Серовцы не ограничивались, однако, только усовершенствованием охотничьего вооружения и охотничьего хозяйства. Прибайкальские племена развивают дальше и вторую отрасль своего хозяйства — рыболовство. Рыбу ловили разнообразной снастью, которая свидетельствует о различ-

ных способах ее добычи. Ее ловили прежде всего рыболовными крючками, изготовленными из кости и дерева. В одной из могил серовского времени обнаружен рыболовный крючок простейшего типа. Он целиком вырезан из кости, имеет прямой, лишенный каких-либо нарезок стерженек, который переходит в плавно закругленную нижнюю часть с острым зубчиком-жальцем, таким же как на современных крючках из металла. На более позднем этапе серовской культуры появляются рыболовные крючки иного типа, составные. Они состоят из шиферных или альгаматолитовых стержней, к которым привязывалось костяное или деревянное жальце-острие.

Рыбу добывали также гарпунами, вырезанными из кости. По краям широкой костяной пластинки мастер вырезал с одной или двух сторон кривые зубья. Гарпуны прикреплялись к дереву с помощью отверстия в основании, выемок или уступов-плечиков у насада. Гарпунами можно было добывать рыбу ночью на лодке. На ее носу разводился в жаровне огонь, который освещал на большую глубину прозрачную ангарскую воду. Один из рыболовов стоял здесь же, поджидая крупную рыбу, а второй управлял лодкой, медленно сплавляя ее по течению.

С гарпунным ловом рыбы связаны и многочисленные скульптурные изображения рыбки-приманки из камня или кости. Среди них имеются фигурки бычков-широколобок, налима, окуня, сига, ленка. Кроме обычных, встречаются также янусовидные изображения рыбы с двумя головами, обращенными в разные стороны.

Такие рыбы-приманки, вырезанные из кости, широко известны по этнографическим материалам, собранным у народов севера Сибири, и способ их применения в серовское время не отличался, очевидно, от современного. Об этом свидетельствуют отверстия на каменных скульптурах. Отверстие на спине обычно строго центрировано и использовалось для прикрепления шнура — линя, на котором фигурка рыбы-приманки опускалась в воду. Отверстия около хвоста и жабер служили для прикрепления ярких предметов, изображавших плавники рыбы. Такие рыбки-приманки применялись на севере в XVIII—XIX вв. при подледном лове рыбы. В специально сооруженном над прорубью шалаше сидел рыбак. С помощью шнура он поворачивал приманку в воде, подражая движениям живой рыбы. Как только рыба набрасывалась на приманку, рыболов пронзал ее гарпуном и извлекал на поверхность.

Кроме рыболовных крючков и гарпунов, серовцами применялась также рыболовная сеть. Об этом свидетельствуют каменные грузила, которые встречаются на поселениях в слоях, относящихся к серовскому времени. Грузила изготовлялись обычно из простых плоских галек, с двух сторон которых делались выбоины для прикрепления к сети. На поселениях около Свирска встречены, кроме того, большие и тяжелые гиревидные грузила, изготовленные из глыб известняка. В верхней, более узкой, части их с двух сторон просверливалось широкое круглое отверстие. Не исключено, что такого рода грузила употреблялись не только с сетями или неводами, но также в качестве якорей к плетенным из прутьев рыболовным снастям. Рыбная ловля сетями, а также гарпунами велась, по-видимому, с лодок, выдолбленных из целых деревьев.

Таким образом, в серовское время наряду с совершенствованием традиционного для лесных сибирских племен охотничьего хозяйства каменного века, которое достигает в это время подлинного расцвета в связи с предельным усовершенствованием старого, доставшегося от исаковского времени охотничьего инвентаря, расцветает новая отрасль хозяйства — рыболовство.

Источники пищевых запасов расширились вдвое. Появился новый, более надежный источник существования. В связи с этим увеличивается

количество населения, а вместе с тем растет сила и влияние серовских племен. На берегах Ангары появляются обширные поселки, остатки которых занимают сотни квадратных метров. Поселения серовского времени не являются кратковременными стоянками небольших коллективов кочующих с места на место лесных охотников и рыболовов. Они представляют собой долговременные, по крайней мере сезонные резиденции значительных коллективов. Слой поселений насыщен большим количеством культурных остатков — обломками керамики, каменными изделиями, отщепами, костями животных и рыб. На территории поселений располагаются иногда десятки очагов, сложенных из камней. Среди других долговременных хозяйственных сооружений особо следует отметить появление больших ям для запасов, а также для копчения мяса и квашения рыбы. На краю таких ям, достигающих в диаметре около 2 м и глубины до 1.5 м, сооружались очаги из плит. Иногда очаги располагались на дне ям. С помощью костров, вероятно, коптили мясо и рыбу.

Как охота, так и рыбная ловля велись коллективно, при участии всех членов рода. Несмотря на значительные достижения в хозяйстве и совершенствовании технического вооружения, человек в одиночку не мог бы добиться успеха в борьбе с природой. Общими усилиями изготовлялись и трудоемкие охотничьи и рыболовные сооружения. Коллективное первобытнообщинное производство серовского времени, естественно, вело и к коллективному потреблению.

О равенстве членов родового коллектива серовцев свидетельствуют их погребения: почти в каждом погребении имеется один и тот же стандартный набор орудий — лук со стрелами, глиняный сосуд, шлифованные тесла, шлифованный нож, большой двусторонне ретушированный нож. Само по себе сопровождение умерших набором орудий, которыми он пользовался при жизни, свидетельствует о заботе коллектива живых об умершем, «ушедшем в другой мир».

Женщина в коллективе серовцев занимала равноправное положение. Вместе с нею в могилу клали те же орудия, которые обычно сопровождают мужчин. Это значит, что женщина участвовала в охоте и рыбной ловле и несла ту же нагрузку, что и мужчина. Серовское время в Прибайкалье является временем расцвета родового строя, основанного на материнском праве.

Серовское время характеризуется общим подъемом всей культуры неолитических племен Прибайкалья. Это отчетливо видно прежде всего в технике изготовления орудий труда. В массовых масштабах производится обработка камня оббивкой и отжимным способом. На поселениях, раскопанных в районе Свирска, Рютино, Братска, около многочисленных очагов, относящихся к серовскому времени, сохранилось огромное количество отщепов, грубых сколов, ножевидных пластин, сработанных до предела нуклеусов, а также заготовок. Отщепы и пластины залегают часто плотными скоплениями, образующими настоящие рабочие площадки. Техника отделения ножевидных пластин достигла совершенства. В серовское время широко использовались цилиндрические и конические нуклеусы, с которых скалывались правильные ножевидные пластины разной длины и ширины. Особенно длинные и широкие пластины скалывались с больших плоских плитчатых нуклеусов.

Широкое распространение техники отделения ножевидных пластин и общий прогресс в технике обработки каменных орудий связаны с усовершенствованием орудий вторичной обработки изделий. Кроме примитивных и грубых отбойников, изготовленных из кусков камней, галек или сработанных нуклеусов, в серовское время появляется целый набор костяных и роговых инструментов, с помощью которых обработка камня достигает «ювелирного» по тем временам совершенства.

Для этих целей служили встреченные в могилах длинные тонкие стержни, овальные или плоскоовальные в сечении. Концы их слегка приострены и смяты. Такими тонкими отжимниками производилась окончательная отделка наконечников стрел, копий, ножей и скребков. Имеются также отжимники иного типа. Они изготовлены из массивных отростков рога. Такие отжимники употреблялись, очевидно, для более грубой, первичной обработки изделий и служили в качестве своего рода пунсонов, по которым ударяли тяжелыми каменными или деревянными молотками. Это были посредники между обрабатываемым орудием и отбойником. С помощью их можно было скалывать широкие и длинные ножевидные пластины с нуклеусов большого размера.

Все шире применяется шлифование камня при изготовлении тяжелых рубящих орудий типа тесел и топоров. Тесла теперь изготовляются не только из серого кремнистого сланца, наиболее удобного для обработки, но также из вязкого зеленого и прочного нефрита. По типу серовские тесла отличаются от тесел предшествующего времени. Они представляют собой правильные прямоугольные бруски со строго параллельными широкими плоскостями и боковыми гранями. Обушок их не приострен, а тупой или прямоугольный. Серовские тесла напоминают так называемые толстообушные топоры Северной Европы, которые датируются приблизительно тем же временем. Кроме тесел, способом шлифования продолжают изготовляться ножи с вогнутым лезвием.

Появляются иные, чем прежде, формы сосудов, новая орнаментация, иначе отделывается поверхность сосудов. Полностью исчезают сосуды параболоидной формы. Вместо них появляются сосуды с округлым внизу туловом, суженным горлом, с широким шаровидным дном. Они меньше, чем исаковские, по размерам, но устойчивее их. Основная масса налитой жидкости приходится в серовских сосудах на нижнюю их половину.

Кроме обычных сосудов, в которых на кострах приготовляли пищу, серовцы пользовались специальными сосудами типа походных фляг, а также переносными дымокурами, которые спасали летом охотника и рыболова от гнуса. На таких сосудах имеются специальные налепные ушки.

Кроме по-прежнему широко распространенной керамики с сеткой-плетенкой, появляются новые сосуды с тонкими гладкими снаружи стенками. На смену старой технике изготовления керамики с помощью сетки приходит, должно быть, новая, более прогрессивная — выколачивание сосуда специальной колотушкой из куска глины.

Одновременно с обогащением форм керамики и совершенствованием техники ее изготовления появляются новые, более разнообразные способы ее украшения. На сосуды наносились специальными штампами с зубчиками гребенчатые оттиски в виде овальных гусеничных вдавлений, прямых насечек или параллельных гребенчатых линий. Встречаются также линейный резной узор и отпечатки лопаточки-штампа.

Продолжал существовать и старый тип орнамента исаковского времени: венчики сосудов по-прежнему украшались круглыми правильными вдавлениями. Такие вдавления делали не только с внешней, но и с внутренней стороны. В результате снаружи сосуда появлялись выпуклины.

В этих орнаментальных приемах обнаруживается уже определенный художественный вкус. Еще нагляднее в этом отношении сохранившиеся в могилах украшения, скульптуры и наскальные рисунки. Они дают целостное впечатление о духовном мире людей серовского времени, их верованиях, мифологии, эстетических представлениях. Среди украшений, которые несомненно являлись амулетами, обеспечивавшими удачную охоту, имеются грушевидные бусы из клыков оленя, а также резцы лося и реже — клыки кабана. Появляются впервые бусы, изготовленные из

плоских тонких кружков, выточенных из морских раковин. Бусы имеют биконическое отверстие, они нашивались рядами на головной убор или на меховую обувь.

Так же как и в исаковское время, простыми прямыми насечками или косыми крестиками украшались некоторые костяные изделия. В серовское время появились скульптурные изображения рыб, лосей, а также антропоморфные фигуры человека. Особенно замечательны наскальные изображения лосей на р. Лене около деревень Шишкино и Воробьево, в долине Ангары на Каменных островах. Они поражают зрелым мастерством художников каменного века, реализмом.

Наскальные изображения серовского времени позволяют раскрыть миропонимание людей каменного века, их представления об окружающей природе, о животных, на которых они охотились, а также о самом человеке.

Привлекая этнографические данные, удается раскрыть сложный мир идей, связанных с культом лося, одного из основных объектов охоты серовцев. Человек, привыкший мыслить конкретно, не мог представить себе мир иначе, чем в образе могущественного, огромного лося. В образе лося мыслится также земля, на которой живет охотник, верхний мир — небо, звезды, солнце — и подземный мир теней и мертвых. Даже такие явления, как восход и заход солнца, осмысливались как результат непрерывно повторяющихся циклов охоты мифического охотника за «божественным небесным» лосем, во время которой лось погибает, а затем вновь рождается и появляется в верхнем мире в образе солнца.

Кроме космической темы, с образом лося первобытный человек связывал также культ родовых предков. Серовцы недаром рисовали красной охрой лося на особо выделявшихся необычным видом камнях и скалах. Такие скалы представлялись им «живыми образами» прародителя — лося, местом его обитания. Они превращались в своеобразные родовые храмы-святилища. Около них совершались культовые праздники, которые должны были обеспечить благополучие роду, удачную охоту, размножение зверей и, следовательно, их изобилие.

Погребальный обряд в серовское время остается в основе таким же, как в предшествующее, исаковское, время. Погребенные ориентируются головой на восток или северо-восток. Могильная яма тщательно выкладывается плитами камня, а после погребения заполняется камнями и засыпается землей. Умершие сопровождаются предметами охотничьего снаряжения. По представлениям серовцев, умершие должны были в «потустороннем мире» вести ту же жизнь, которую они вели на земле.

Важную роль в погребальном обряде серовского времени играл огонь, о чем свидетельствует наличие угольков в могиле, а в некоторых случаях наблюдалось трупосожжение. Огонь должен был «очистить» умерших и уберечь их от врагов при путешествии на тот свет, помогать им в новой жизни. Огонь, кроме того, должен был помочь душе умершего снова вернуться на землю. В связи с этим ориентировка погребенных на восток не является случайной. Огонь земной помогал душе умершего приобщиться к «огню небесному», к солнцу, и по совершении обычного круговорота вновь вернуться из преисподней. Ориентировка погребенных связывается обычно с представлениями о местонахождении «страны мертвых». У серовцев она располагалась, очевидно, на востоке.

Все эти сложные космогонические представления, культ животных, сложная погребальная обрядность и связанные с ними представления существовали у прибайкальских неолитических племен еще в исаковское время, а может быть, в более раннее, палеолитическое, время.

Следующий этап неолитической культуры в Прибайкалье носит название китойского. Он датируется второй половиной III тыс. до н. э.—началом II тыс. до н. э. В китойское время закрепляются успехи, достигнутые в се-

ровское время, и создаются предпосылки к появлению в Прибайкалье качественно новой культуры, в которой наряду с каменными орудиями появляются сначала медные, а затем бронзовые.

Экономический уклад населения Прибайкалья в китойское время в своих основных чертах остается таким же, что у их предшественников — исаковцев и серовцев. Его основу составляют охота и рыболовство. Однако соотношение между ними и удельный вес в хозяйстве начинает заметно изменяться. Это видно уже из того, что исчезает прежний лук усиленного типа; его место, должно быть, снова занимает простой лук.

Китойский охотник больше не изготовлял также крупных наконечников копий и ножей, которые были наряду с луками усиленного типа непременной принадлежностью инвентаря могил серовского и исаковского времени.

Можно было подумать, что их исчезновение и обеднение охотничьего снаряжения связано с общим упадком техники обработки камня в китойское время по сравнению с предшествующими эпохами. Однако при внимательном рассмотрении изделий из камня, встречающихся в могилах и на поселениях китойского времени, выясняется, что ни о каком общем упадке технического мастерства в обработке камня говорить не приходится.

Техника отщепления ножевидных пластин с конических и призматических нуклеусов продолжает оставаться на высоком уровне. По-прежнему встречаются покрытые тончайшей ювелирной ретушью наконечники стрел, изящные мелкие скребки, ножи и вкладыши. Китойцы приспосабливают свое мастерство к обработке камня, к новым материалам и породам камня, которые или не применялись вовсе, или использовались в ограниченном масштабе в предшествующее время. К ним относятся плитки светло-коричневого аргиллита, который начинает встречаться в культурных слоях поселений. Обрабатывая крутой ретушью только края таких широких плиток, мастера научились изготовлять специфические ножи и острия, которые характерны только для китойского времени. Широкие, ровные плоскости таких инструментов оставлялись без дополнительной обработки.

Но особенно значительны достижения китойцев в разработке приемов употребления другого материала. В китойское время в Прибайкалье вместо серого кремнистого сланца для изготовления орудий начинает в массовых масштабах применяться зеленый нефрит. Этот прочный и вязкий материал не поддается обычным способам обработки камня. Его почти невозможно раскалывать. Поэтому китойцы усовершенствовали применявшийся и ранее метод распилки нефрита. Для распиливания желвака нефрита применялись специальные пилы, изготовленные из плоских и широких пластин серого песчаника.

Из нефрита изготовлялись тесла, плоскоовальные в поперечном сечении, а также ножи с вогнутым лезвием и характерные китойские ножи с треугольным острием на конце. Освоение техники обработки нефрита и широкое распространение в хозяйстве инструментов, изготовленных из него, было крупным шагом вперед, поскольку надежность и рабочий эффект их несравним с орудиями из других материалов.

Появляются и новые приемы обработки дерева. В китойское время широко распространяются характерные полуцилиндрические бруски из песчаника с проточенными вдоль желобками. Они встречаются в захоронениях парами. Эти бруски служили выпрямителями древков стрел. Бруски разогревались на костре, а затем между ними по желобку несколько раз пропускалось древко для стрелы до тех пор, пока оно не становилось совершенно прямым.

Существенно, что впервые в истории неолитических племен Прибайкалья в качестве главного занятия выдвигается рыбная ловля. Если в погребениях серовского времени преобладают орудия охоты — лук, наконечники копий, то в захоронениях китойцев основными являются орудия

рыбной ловли. Это погребения типичных рыболовов, основная часть жизни которых связана с рекой. Особенно многочисленны находки в могилах, а также на поселениях своеобразных китойских крючков сложного типа. Они встречаются иногда целым набором, варьируя по размерам от миниатюрных до крупных. Но для всех них характерен круглый снаружи и плоский с внутренней стороны стерженек на концах. Верхний выступ служил для прикрепления лесы, а нижний, более широкий, — для закрепления острия, которое изготовлялось отдельно. Стерженьки крючков вытачивались из мягкого сланца или жировика, а острия вырезались из кости или дерева. В отдельных случаях в качестве острий применялись готовые острия, которые почти не требовали дополнительной обработки, — когти или зубы хищных птиц.

В рыболовном промысле по-прежнему широко применялись гарпуны. Для китойского времени особенно характерен гарпун с треугольным выступом у основания, в котором просверливалось отверстие для прикрепления линя. Таким образом, гарпун соскакивающего типа, с линем, становится основным орудием рыбной ловли. Гарпуны, как и в серовское время, применялись для ночной ловли рыбы с огнем, а также для зимнего промысла с помощью рыбок-приманок. По крайней мере по находкам в могильнике «Циклодром» (Иркутск) установлено точно, что китойцы употребляли для этой цели вырезанные из кости изображения рыб.

Вместе со значительным усилением роли рыболовства продолжает увеличиваться значение собирательства. В погребениях китойского времени впервые начинают встречаться в большом количестве орудия, пригодные для раскапывания земли, — кирки из рога и заступы из лопаток лося.

Что касается искусства и верований, то в китойское время продолжает существовать тот же культ лося, который развился в серовскую эпоху. Об этом свидетельствуют находки в могилах скульптурных (из лосиного рога или кости) изображений лося. Часть изображений лосей на скалах тоже следует датировать китойским временем. Новым является особое отношение китойцев к кабанам, о чем свидетельствуют частые находки в погребениях их клыков. Они являлись амулетами, показателями мужества и отваги охотников. Кабаньи клыки, расколотые пополам и с просверленными отверстиями на концах, нашивались на головной убор или носились прямо на лбу в виде диадемы. В других случаях три или четыре клыка располагались на шее и являлись нагрудными украшениями.

Наиболее ярким признаком китойских погребений является широкое употребление охры, которой сплошь засыпали умершего. Красная охра символизировала собой кровь мертвых.

Об изменениях в общественных отношениях китойского времени свидетельствует появление погребений, которые выделяются среди других захоронений особенно богатым и разнообразным погребальным инвентарем. Вместе с тем в могильниках встречаются бедные захоронения, иногда даже лишенные какого-либо инвентаря. В могилах с богатым инвентарем хоронили, по-видимому, или выдающихся охотников, или вождей и шаманов. Интересно, что такие захоронения оказываются иногда парными. Вместе с умершим мужчиной в могилу клали его жену, наложницу или раба, а иногда ребенка. В бедных могилах хоронили рядовых членов рода. Примечательно, что один из погребенных, который был положен в могилу без инвентаря, оказался даже за пределами родового могильника.

Таким образом, в китойское время начинает выделяться группа людей, которая занимает особое место в родовом коллективе. Усиливается власть вождя рода и племени. Появляются признаки начала разложения родовых отношений, свойственных времени материнского рода. В полную силу эти новые общественно-экономические отношения развиваются в следующую, глазковскую, эпоху, когда в Прибайкалье широко распространяется металл.

Уже в серовское время Прибайкалье превращается в один из влиятельных центров культуры в Северной и Восточной Азии. Влияние серовской культуры распространяется далеко на север — в Якутию, на запад — в бассейн Среднего Енисея, а также на восток — в Забайкалье. Оно отмечено не только для районов тайги, но в определенное время выходит за ее границы и вторгается в степные районы.

Речь идет не о простом влиянии одного из первых в Сибири центров культуры эпохи неолита, но и о прямом расселении серовских племен за пределами таежного Прибайкалья. Особенно интересно с этой точки зрения появление типичной серовской керамики далеко на юге — в степях и пустынях Центральной Азии, а также Внутренней Монголии. Вместе с керамикой в тех же местах появляется специфический серовский набор каменных орудий — наконечники стрел, тесла, вкладыши и ножи. Не исключено, что в конце серовского времени часть прибайкальских племен переселилась на юг — в степи Монголии и дошла вплоть до Ордоса, где найден крайний юго-восточный форпост серовской культуры.

Одновременно неолитические племена Прибайкалья вступают на территории Забайкалья в тесные контакты с аборигенным населением Якутии и Приамурья. В результате возникает одна из самых любопытных «гибридных культур» эпохи неолита в Сибири, представленная находками в Шилкинской пещере. Пещера эта расположена в окрестностях пос. Шилкинский завод, на крутом обрывистом берегу р. Шилки. Уже издали на сером фоне обрывистого берега заметен темный провал пещеры, которая была домом и погребальной камерой неолитических охотников и рыболовов Шилки. Она предохраняла их от холодных ветров и дождей, а огонь очага, разведенный у входа в камеру, поддерживал достаточно высокую температуру в сухом помещении.

Люди, населявшие пещеру, а затем похоронившие здесь же своего умершего сородича, широко использовали в хозяйстве правильные ножевидные пластины, сколотые с конических нуклеусов. Среди изготовленных из них изделий выделяются своеобразные наконечники стрел «даурского типа». Это правильные двух- или трехгранные ножевидные пластины, острый конец которых ретуширован тонкой изящной ретушью с брюшка и в редких случаях частично и вдоль одной из сторон — со спинки. Длинные боковые стороны пластин, а также основания, как правило, не ретушировались. Этот простейший вид наконечников стрел и в то же время наиболее древний из известных до сих пор видов изготовлялся с предельно минимальными затратами энергии и времени мастера.

Эти наконечники и вкладыши одинаковы с найденными в наиболее ранних неолитических поселениях Среднего Приамурья новопетровской культуры. С Приамурьем связывает их также такой специфический для Дальнего Востока инструмент, как нож «мустьерского» типа, и обилие собачьих костей. Собака была здесь, вероятно, таким же средством передвижения и источником мясной пищи, как у позднейших ихтиофагов Амура, гиляков (нивхов). С Якутией сближается керамика и такое специфическое орудие, как плечиковое тесло вилюйского типа. Но больше всего здесь чисто прибайкальских вещей — от вкладышевых копий и ножей серовских форм до нефритовых колец и костяных наконечников стрел с расщепом, датируемых глазковским временем.

Во многом сходный с прибайкальскими племенами путь развития проходили те неолитические племена Сибири, которые были соседями прибайкальских племен в долине Енисея.

Неолитические памятники на юге Енисейского края, где расцветала впоследствии классическая для Сибири культура бронзового века, изучены слабо. Кроме немногих подъемных находок, здесь обнаружено лишь одно, да и то случайно найденное, неолитическое захоронение. Оно найдено

в с. Батени в яме, выкопанной для устройства погреба.[8] Вместе с костями человека здесь оказалось несколько костяных орудий своеобразной формы — два кинжаловидных острия, роговой фигурный стерженек, роговые пластинки и каменное орудие, изготовленное из отщепа, сколотого с речного валуна. Материалом для костяных орудий служили кости и рога лося. В могиле оказалось также 12 астрагалов, 4 из которых принадлежали косуле и 8 барану. Вещи в этом погребении ближе всего к серовским и китойским на р. Ангаре.

Как отмечает М. П. Грязнов, в обществе, где основой хозяйства является скотоводство, орудия труда изготавливаются в первую очередь из костей домашних животных. Здесь же все вещи сделаны из костей и рогов лося, что указывает на охоту как на основу хозяйственной деятельности человека. Это тоже сближает древних обитателей Верхнего Енисея с их современниками в Прибайкалье.

При всем этом находка в с. Батени показывает, что здесь были и существенные отличия от Прибайкалья. Астрагалы барана, более мелкие, чем у современного дикого барана, свидетельствуют о том, что они могли принадлежать если не домашнему животному, то находившемуся в процессе одомашнивания. Это позволяет предполагать, что скотоводство на Верхнем Енисее зарождается даже не в афанасьевскую эпоху, а в значительно более раннее, неолитическое, время. По своему физическому типу человек, погребенный в неолитической могиле в с. Батени, существенно отличается от представителей более позднего, афанасьевского, населения. Особенно интересно, что в строении черепа обнаружены «южные», негроидные, признаки.[9] Таким образом, в неолите на Верхнем Енисее существовала своеобразная культура, носители которой занимались преимущественно охотой, но уже начали предпринимать первые попытки одомашнивания животных.

Несравненно богаче представлены памятники неолита на Среднем Енисее, в лесостепном районе выше и ниже г. Красноярска. Сюда относятся прежде всего многочисленные поселения по берегам р. Енисея и его притоков. Чтобы полнее представить условия, в которых жило неолитическое население Среднего Енисея, нужно учесть ландшафт этого края. Край делится на два больших района. Первый представляет собою лесостепную холмистую котловину, ограниченную с юга покрытыми густой тайгой отрогами Восточных Саян, а с севера — Енисейским кряжем.

Непосредственно с юга к лесостепи примыкает другой район — «Труба». Здесь Енисей прорезает отроги Восточных Саян. Удобные для заселения места использовались в течение всего исторического времени, а сама «Труба» являлась как бы коридором, связывающим Минусинскую котловину и лесостепь. Большая часть стоянок в лесостепном районе располагалась на правом берегу Енисея на местах, где в настоящее время находятся новые районы г. Красноярска. Здесь, особенно в двух пунктах, у бывш. с. Ладейки и у р. Базаихи, на развеянных песках прибрежных дюн были собраны большие коллекции вещей. Широкой известностью пользуется также поселение в устье речки Собакиной, на левом берегу р. Енисея, у г. Красноярска. Среди поселений наиболее интересна стоянка под Ермолаевским городищем, давшая несмешанные находки одной энеолитической эпохи.

На Среднем Енисее найдены также хотя и немногочисленные, но богатые вещами могилы неолитического и энеолитического времени.

---

[8] М. П. Грязнов. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 39, 1953, стр. 332.

[9] В. П. Алексеев. Антропологические типы Южной Сибири (Саяно-Алтайское нагорье) в эпоху неолита и бронзы. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 337.

Судя по материалам этих поселений и могильников, культура неолитических племен Среднего Енисея не только была родственна культуре их соседей в Прибайкалье, но и развивалась примерно по тому же руслу, проходила одинаковые в основе хронологические этапы.

Собственно неолитическим памятникам Прибайкалья предшествуют погребения хипьского типа. На Енисее памятники этого времени не обнаружены, но среди вещей из лесостепи имеется наконечник стрелы с боковой выемкой, найденный на Базаихе, по типу соответствующий наконечникам из падей Хиньской и Частые. Такие наконечники, как считают исследователи, наиболее характерны для кельтеминарской культуры. Они встречаются как в Приуралье и Западной Сибири, так и дальше на восток. Их распространение указывает, видимо, на существование связей в неолитическое время между лесными и лесостепными районами Восточной Сибири и южными культурами.[10]

К следующему, исаковско-серовскому, времени на Среднем Енисее относится несколько замечательных погребений, обнаруженных И. Т. Савенковым в Базаихе, в том числе богатое захоронение, в инвентаре которого имеются скульптурные изображения лосей, человеческая фигурка, костяной кинжал, различные костяные орудия, видимо, для обработки посуды, части составных рыболовных крючков, каменный топор, скребок и отщепы. В 1955 г. в пригороде Красноярска у дач гороно случайно была обнаружена могила, в которой погребенный лежал на спине ногами к реке. Скелет сопровождали различные каменные вещи: топор, скребла, костяной игольник, различные бусы.[11] Подобные же разрушенные могилы были раскопаны в г. Канске, где погребенные лежали на спине ногами к реке. Вместе с ними найдены шилья из грифельной кости лося, подвески из клыков марала, кремневый отщеп и кусок охры. Кроме того, здесь же оказалось тесло из светло-серого сланца. У него с двух сторон зашлифовано лезвие, в то время как остальная часть осталась необработанной. Такие тесла являются принадлежностью серовских погребений в Прибайкалье и в более позднее время не встречаются.[12]Игольник из трубчатой кости птицы с нарезками на концах, обнаруженный в Канском могильнике, также характерен только для серовского этапа.

Как в инвентаре могильника у дач, так и среди случайных находок встречаются скребки из отщепов с крутой ретушью с одной стороны. Такие скребки также относятся к серовскому времени неолита. Особенно характерно сочетание их в одной могиле с орудиями неправильно-миндалевидной формы с одним более выпуклым краем. Украшения, которыми богато погребение у дач, также находят себе аналогии только в памятниках исаковского и серовского времени: это бусы, вырезанные из речных раковин, клыки и резцы кабана, бусы, вырезанные из кости. Значительная серия вещей этого времени представлена случайными находками, в том числе типичными для Прибайкалья каменными скульптурными изображениями рыб.

К этому же периоду относится и большое количество фрагментов сосудов с сетчатым орнаментом, соответствующих сосудам второго снизу слоя стоянки Улан-Хады. Это наиболее ранний вид керамики, который затем сменился другим, — сосудами с прямыми стенками, украшенными ямками по венчику и горизонтальными полосками зубчатого штампа.

---

[10] А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. «Советская археология», 1957, № 1, стр. 26.

[11] З. К. Глусская. Женщина негроидного типа в неолите под Красноярском. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск, 1963.

[12] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 78, 201, 203.

Сходство культуры серовского времени Среднего Енисея и Прибайкалья, доходящее до тождества в некоторых случаях, позволило А. П. Окладникову прийти к выводу о тесной культурной этнической общности этих двух районов.[13] В ее основе лежит распространение в это время на запад и далее вверх по Енисею па юг представителей определенных групп племен, родина которых находилась восточнее, в низовьях Ангары — от нынешнего г. Братска, выше ангарских порогов, и до с. Стрелки. Такая близость неолитических культур Среднего Енисея и Прибайкалья имеет свою основу, видимо, и в их общем происхождении, и в параллельности развития. Она в значительной степени поддерживалась и близкими условиями существования, которые не могли не сказаться на их хозяйстве и быте. Находки украшений из костей и зубов диких животных свидетельствуют о том, что основой существования неолитических племен Енисея являлись охота и, видимо, рыбная ловля. Такая же картина наблюдается и в Прибайкалье.

На следующем за серовским китойском этапе сходство неолитических культур Енисея и Прибайкалья продолжает сохраняться. Такое сходство наблюдается прежде всего в керамике, характеризуемой тем, что у сосудов по краю венчика с внешней стороны расположен своеобразный карниз, украшенный зубчатым штампом; часто на карнизе имеются вдавления. Стенки таких сосудов сплошь покрыты горизонтально расположенными рядами оттисков отступающей палочки. Такие сосуды, найденные во многих местах лесостепи, принято считать по времени китойскими. В подъемном материале имеются и стерженьки от составных крючков, являющиеся наиболее выразительными предметами китойского времени в Прибайкалье. К этому времени нужно отнести и «топоры с ушками», родиной которых считается Восточная Сибирь. Этот вид топоров из района Красноярска был известен только среди случайных находок. Разведками в «Трубе» открыто поселение в устье р. Малой Дербиной, где среди других вещей было найдено несколько экземпляров «топоров с ушками», представленных не только готовыми экземплярами, но, что особенно важно, и их заготовками. Это указывает на местное их изготовление.

3. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ЯКУТИИ

К северу от неолитических племен Прибайкалья в бассейне р. Лены, на территории современной Якутии, обитали племена с близкой к прибайкальской, но отличной в ряде признаков культурой. Общность культуры неолитических племен Якутии и Прибайкалья сказывается прежде всего в том, что на наиболее ранних неолитических поселениях Средней Лены и Вилюя распространена керамика, аналогичная исаковской и серовской. Как прибайкальские, так и алданские, вилюйские, среднеленские гончары выделывали горшки одинаковой параболоидной формы, покрытые снаружи оттисками сетки-плетенки с прямоугольными ячейками и резко отпечатанными в мягкой глине узелками переплетающихся нитей. У этих сосудов, как и у прибайкальских, снаружи под венчиком имеются пояски из ямок.[14] Со временем, по-видимому, как показали раскопки неолитиче-

---

[13] А. П. Окладников. Неолитические погребения на Афонтовой горе. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXV, 1949, стр. 7.

[14] Ю. А. Мочанов. Ранний неолит Алдана. «Советская археология», 1966, № 2, стр. 132—143; С. А. Федосеева. 1) Результаты первой археологической разведки на Вилюе. «Материалы 1-й научной конференции молодых специалистов», серия гуманитарных наук, Якутск, 1962, стр. 8—14; 2) Древние культуры Верхнего Вилюя. Автореферат диссертации. Новосибирск, 1964.

ских многослойных поселений, например стоянки Белькачи, распространяются новые приемы оформления и изготовления сосудов. Наружная поверхность таких сосудов сплошь покрыта оттисками крученого шнура, расположенными вертикально от венчика к днищу. Очевидно, при изготовлении их употребляли колотушку, обмотанную нитями, которой и выколачивали горшок из комка глины. Так поступали североамериканские индейцы при изготовлении глиняной посуды.

В отличие от прибайкальских неолитических сосудов многие горшки из неолитических поселений Якутии украшены налепными валиками. Такие валики орнаментированы косыми насечками, напоминающими оттиски круто свитого шнура. Валики напоминают шнурок, как бы опоясывающий верхнюю часть сосуда. Острое дно сосудов иногда имеет внизу небольшой сосковидный выступ. Дно их часто орнаментировано радиальными нарезками, расходящимися от центра и соединенными поперечными резными линиями, параллельными друг другу. На неолитических сосудах Якутии никогда не встречается характерный для Прибайкалья штамповый орнамент и в особенности нет сплошных желобчато-углубленных параллельных полос, образованных вдавливаниями отступающей лопаточки-штампа. Венчик в большинстве случаев утолщен налепом извне и имеет вид массивной широкой полосы, выступающей карнизом над стенками сосуда. Орнаментальная полоса всегда одна, вдоль венчика. Она состоит из ряда параллельных горизонтальных линий, иногда рассеченных косыми поперечными линиями или зигзагами. От нее в некоторых случаях опусаются вниз вертикальные резные линии, расположенные парами, между которыми вырезаны косые кресты.

Общее представление о жизни неолитических племен Якутии дали раскопки среднеленских стоянок Мунку — около Олекминска и Куллаты, между Якутском и Покровским. Мунку — типичная стоянка таежных охотников и рыболовов. Они удачно выбрали для нее участок, защищенный от холодных северных ветров, в глубине долины, под прикрытием края древней террасы. Основной густо насыщенный слой стоянки относится к каменному веку. Так же как охотники Ангары, жители стоянки Мунку достигли большого по тем временам совершенства в обработке камня всеми известными неолитическому человеку способами: обычной отжимной ретушью, точечной оббивкой, сверлением, шлифовкой. В их распоряжении был превосходный материал: черный кремнистый сланец, молочно-белый, красный и других оттенков известковый кремень, различные разновидности кристаллических пород. Они выделывали свои вещи и из полудрагоценного камня — нефрита.

На первом месте по значению в хозяйстве стояла охота: на каждый квадратный метр раскопанной площади приходится по одному или более наконечнику стрелы. Наконечники эти знакомых прибайкальских форм.[15] У них имеются характерная асимметричная выемка в основании и жальца неровной длины — одно длиннее другого. В культурном слое обнаружены кости животных, которых добывали неолитические обитатели Якутии. Они охотились на косулю, северного оленя, лося и зайцев. Найдены также кости бурого медведя, волка и водяной крысы.

Рыбу ловили, видимо, вырезанными из кости гарпунами. На вооружении ленских рыболовов находились сети, которые плелись из растительного волокна или ивовой коры. В культурном слое стоянки Мунку найдены каменные грузила, которые прикреплялись к сетям. Грузила изготовлялись

---

[15] Таким наконечникам на Алдане и Средней Лене, видимо, предшествуют более архаичные, пластинчатые наконечники мезолитической техники (например, Юдеинская стоянка на Средней Лене).

из плоских галек, по сторонам которых выбиты углубления для прикрепления к сети.

Отличительной особенностью южноякутских неолитических стоянок является широкое употребление их обитателями высокоэффективных орудий для обработки кости, дерева и рога — резцов, известных в двух видах: обычных резцов на углу сломанной пластины и полиэдрических, многогранных, имевших специально ретушированную рукоять в виде массивного трехгранного острия. Обилие резцов свидетельствует не только о своеобразии технических традиций мастеров Мунку, но также и о широком распространении обработки кости. Действительно, в культурном слое стоянки найдены тонко орнаментированный игольник, острия и оправа для вкладышевого ножа с прорезным желобком для вкладывания лезвий, а также обломки костяных гарпунов.

Для стоянки характерны и скребки, изготовленные из ножевидных пластин. В качестве рабочего края оформлялся конец пластины. Скребки такого типа крайне редко встречаются на поселениях Прибайкалья. Часто встречаются также сплошь обработанные со спинки скребки своеобразной треугольной формы и скребки с округлым рабочим краем, изготовленные из небольших, но массивных отщепов и сколов.

Среди рубящих орудий — топоров и тесел, кроме байкальских типов, имеются собственные, оригинальной формы. К ним относятся топоры весловидной формы и тесла с уступками-плечиками на обушке, не известные на остальном пространстве Северной Азии, но отчасти напоминающие такие же орудия Юго-Восточной Азии и американского континента.

Нефритовые изделия — ножи, топоры и тесла — нередко выделывались на Средней Лене не из темно-зеленого, а из белого нефрита.

Кроме орудий труда, жители стоянки Мунку, так же как в Прибайкалье, изготовляли из нефрита украшения. Две треугольные подвески с боковыми ушками найдены около с. Гельгяй и на р. Турукте. Они изготовлены тоже из белого нефрита. Изделия такого типа из Прибайкалья неизвестны.

Поселение того же времени, очень близкое по характеру культурных остатков к стоянке Мунку, раскопано вблизи г. Якутска, в устье небольшой речки Куллаты-Юрях (верхний горизонт). Отдельные культурные комплексы, обнаруженные на стоянке, помогают раскрыть бытовые и хозяйственные детали жизни среднеленских неолитических племен.

На стоянке имелись большие хозяйственные ямы, которые использовались для хранения мяса и в особенности часто рыбы. Для таких хранилищ выкапывалось углубление цилиндрической формы, дно и стенки которого затем обкладывались полосами бересты. В одной из таких ям найдено большое количество хорошо сохранившихся костей рыб, в том числе довольно значительных размеров. В другом месте на краю стоянки в специальном углублении обнаружен толстый слой рыбьей чешуи, которая, очевидно, выбрасывалась сюда после чистки. Вообще в культурном слое стоянки значительно чаще, чем на Мунку, встречались остатки щуки, карася, стерляди, осетра. По-видимому, рыболовство у населения пос. Куллаты играло более важную роль, чем охота.

Кроме хозяйственных ям, на стоянке найдено углубление, которое отличается особенно большими размерами и иным назначением. В нем найдены кости медвежьей лапы и вместе с ними костяная трубочка с отверстием — флейта, изготовленная из кости лебедя. Это, должно быть, остатки от какого-то ритуального обряда, связанного с медвежьим культом.

К последующему этапу неолита в Якутии относится ряд стоянок, среди которых выделяется как наиболее полно изученное поселение у оз. Ымыяхтаах в Соттинском наслеге Усть-Алданского района ЯАССР,

в 60 км к северо-востоку от г. Якутска.[16] Это было поселение озерных рыболовов, куда они периодически приходили в течение длительного времени, на протяжении которого здесь образовался культурный слой мощностью до 60—70 см. В культурном слое стоянки изобиловали кости рыб (щуки, стерляди, карася), вместе с которыми оказались кости лося и человека, тоже обожженные и разбитые, возможно, свидетельствующие о каннибализме. Культурные остатки гуще всего группировались около очагов, представлявших скопления золы. Этнографические аналогии помогают восстановить облик жилищ, с которыми связаны такие очаги. Основа жилища сооружалась из наклонно воткнутых в землю деревянных жердей, которые сверху покрывали шкурами или корой. Зимой для утепления они дополнительно обкладывались мхом и снегом. Пол жилища устилался еловыми лапами, поверх клали шкуры медведя, оленя или сохатого. В центре оставляли специальное место, где прямо на земле горел очаг. По мере очищения очага от золы и угля образовывалась очажная яма.

Важное место на поселениях занимают рабочие площадки — места, где производилась первичная обработка каменных орудий. Как правило, они располагались не в самом жилище, а рядом с ним. Здесь чаще всего находятся каменные наковальни, отбойники, расколотые гальки и желваки кремня, кварцита, сланца, диабаза, заготовки нуклеусов, отщепы, пластины и незаконченные орудия. Керамика по сравнению с находками на стоянках Мунку и Куллаты представлена немногочисленными и однообразными образцами: господствует гладкая или шахматно-шашечная ложнотекстильная керамика. Внешняя сторона сосудов имеет отпечатки в виде сетки с квадратными, прямоугольными или ромбическими ячейками. Такие отпечатки (иногда их называют «вафельными») получились в процессе изготовления глиняных сосудов способом выколачивания при помощи специальной лопаточки, на одной из сторон которой была вырезана негативная сетка. Выступающие ячейки этой сетки разделялись неглубокими прорезными желобками. Когда лопаточкой ударяли по сырой глине, на ней отпечатывалось обратное изображение сетки. Ячейки ее получались вдавленными, а над ними выступали узкие разделяющие их полоски. Горшки, как и раньше, были круглодонными. Единичными экземплярами представлены чашевидные сосуды, обнаруженные в III культурном слое стоянки Белькачи I. Их по-прежнему украшали вдоль бортика венчика горизонтальным рядом сквозные округлые или овальные дырочки. На многих сосудах вниз от дырочек отходят одинарные или сдвоенные косые прочерченные или резные линии, образующие сплошной или прерывистый зигзаг. Иногда косые линии образуют наклонные кресты или решетку. В глиняное тесто теперь начинают примешивать шерсть пушного зверя. В каменном инвентаре выделяются наконечники стрел с прямым и овальным насадом, а также нуклевидные полиэдрические резцы.

В целом каменный инвентарь стоянки Ымыяхтаах более грубый и примитивный, чем изделия из Мунку и Куллаты. Быть может, это находит себе объяснение в том, что во II тыс. до н. э. от южных соседей ымыяхтаахских племен, знакомых с бронзовой металлургией, бронзовые изделия спорадически проникали и в Якутию. Хотя собственной бронзовой металлургии у ымыяхтаахцев еще не было, привозные вещи из металла, безусловно, определенным образом должны были повлиять на ассортимент каменных изделий.

---

[16] Стоянки этого времени находятся и в других местах на Средней и Нижней Лене (Хоро-Юрэгэ, Кыларса I, Старый Сиктях, Уолба — верхний слой, Племхоз и др.), по всей долине Алдана (Томмот, Усть-Тимптон — II слой, Суманнгин I—VIII—VI слои, Белькачи I — III слой, Билир — II слой, Усть-Мая, Ноху).

Неолитические поселения Центральной и Южной Якутии смыкаются на западе с поселениями древних обитателей долины Вилюя, одного из крупнейших притоков Лены, которые в свою очередь представляют переходную культурную область к неолиту Нижней Ангары и Средней, или Подкаменной, Тунгуски. На общих условиях жизни человека в долине Вилюя и его расселения сказывались своеобразные природные условия этой таежной области, расположенной с запада на восток между двумя великими водными артериями Восточной Сибири — Енисеем и Леной, а с севера на юг — между арктической полярной тундрой и Прибайкальем. Средняя температура в течение 2—4 зимних месяцев не превышает здесь —30°, нередко она падает до —50°. Кругом царит непроходимая тайга. во многих местах лежат засасывающие всякое живое существо моховые болота.

Реки изобилуют опасными для переправы порогами. Но вместе с тем здесь было и немало такого, что издавна влекло в эти гиблые места древнего человека и давало ему надежные источники существования. Леса на Вилюе по-своему разнообразны и богаты видами. Они состоят обычно из даурской лиственницы, которую на песках замещает сосна, заболонь сосны до недавнего времени шла в пищу и была «хлебом» лесных племен. На низменных берегах рек встречается ель. На приозерных болотах растет береза. Среди кустарников подлеска особенно обширны ивы, карликовая береза, красная смородина, рябина и шиповник. В местах более влажных подлесков развит моховой покров, растут грибы, голубика, брусника. Все это тоже шло в пищу человеку — и грибы, и ягоды. Еще важнее были для людей богатства рек рыбой и тайги животными. Млекопитающие представлены лосем, северным оленем, медведем, росомахой, волком, соболем, горностаем, белкой, зайцем. На север Якутии здесь проникает больше южных животных, чем где-либо в другом ее месте. На Вилюе гнездится более 80 видов птиц. Это объясняется своеобразным климатическим режимом: Вилюй получает больше тепла за более короткие сроки, чем соседние с ним районы Якутии, а также Нижней и Средней Тунгуски.[17]

Природные условия, способствовавшие распространению на север южных видов животных, по-видимому, в равной степени влияли и на заселение этой территории человеком, шедшим вслед за животными.

Не удивительно поэтому, что на Вилюе имеются довольно многочисленные следы пребывания древних охотников эпохи неолита. Своеобразная природа Вилюя предопределила и характер первоначального расселения человека, топографию древнейших поселений. Огромные участки внлюйской тайги заняты марями и болотами, которые зачастую покрывают площади II, III и IV надпойменных террас Вилюя. Древние стоянки могли располагаться поэтому вдоль высокого края I и II надпойменных террас, на наиболее сухих их участках. Но таких участков по Верхнему Вилюю немного. Это способствовало их концентрации в немногих местах и тому, что стоянки являлись местами обитания человека продолжительное время и относятся не к одной, а к различным историческим эпохам.

Таковы, например, самые богатые находками поселения в устье рек Чоны и Чиркуо, а также на возвышенности Туой-Хая. Самым ранним на Вилюе является сейчас неолитический комплекс, относящийся к зрелой неолитической культуре и датирующийся примерно IV—III тыс. до н. э. Для него характерны прежде всего каменные шлифованные тесла архаической формы, обнаруженные на поселении Туой-Хая и стоянке по левому берегу устья р. Чоны. Они сделаны из кремнистого или роговикова сланца, односторонне выпуклые. Широкие поверхности тесел чаще ча-

[17] А. Я. Тугаринов. Общий обзор фауны Якутии. Сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 225.

стично пришлифованы, но иногда только лишь отретушированы. Наиболее близкие по типу тесла характерны для исаковского времени в Прибайкалье.

Сюда же относятся треугольные ретушированные ножи, подпрямоугольные сланцевые шлифованные ножи, треугольные наконечники стрел с асимметричным жальцем. К этому же древнейшему пласту, возможно, относятся и своеобразные наконечники стрел из ножевидных пластин с частичной подретушировкой острия и реже основания, нуклеусы-скребки, несколько напоминающие «гобийские» нуклеусы, микропластинки-вкладыши, мелкие округлые скребки, боковые резцы из пластин и отщепов.



Тесло с ушками. Устье Чоны, Якутия.

К тому же комплексу на поселении Туой-Хая и в устье Чоны относится и керамика с отпечатками сетки-плетенки.

Судя по тому, что никаких следов построек не сохранилось, местное население жило в наземных жилищах, скорее всего в виде шалаша или чума.

Следующий этап характеризуется появлением новых орудий труда. Это топоры с ушками, клиновидные тесла, подпрямоугольные тесла серовского типа, почти полностью отшлифованные со всех сторон, многофасеточные полиэдрические резцы, плоские двусторонне ретушированные, удлиненно-треугольные наконечники стрел в виде напильника, скребки с ушками по краям лезвия, костяные наконечники копий с вкладышами.

Керамика украшалась ложно-текстильным орнаментом. К этому этапу относится наиболее многочисленная из исследованных группа памятников — поселение Туой-Хая и одноименный могильник. Этот этап вилюйского неолита может быть датирован III тыс. до н. э.

Как и раньше, охота была основным занятием вилюйских племен. Замечательно в связи с этим специальное культовое захоронение собаки на неолитическом могильнике Туой-Хая. Туловище собаки было сожжено в ритуальном костре, а череп погребен отдельно, причем его сопровождала красная охра, символ жизни у всех первобытных народов. С собакой положили и каменные наконечники стрел. Собака погребена с соблюдением тех же обрядных церемоний, которые практиковались при захоронении человека. Так же поступали и современники неолитических жителей долины Вилюя, обитавших далеко к западу от них, по Ангаре между Иркутском и Братском.

Духовную культуру, верования и мировоззрение неолитического населения Якутии раскрывают наскальные рисунки. Особенно популярным сюжетом являлись изображения лосей. Они отличаются нередко реализмом.

Наиболее ранними на Средней Лене являются изображения лосей на скале у дер. Чуру и близкие им по стилю другие такие же изображения, отличающиеся реалистическим мастерством, динамичностью и жизненностью в передаче форм тела животных. В дальнейшем, однако, наблю-

дается преобладание схематических изображений и утрата реалистических признаков. Замечательно в связи с этим, что на одном из вилюйских неолитических поселений (Туой-Хая) найдено изображение лося из кремневого отщепа, аналогичное более поздним, уже схематизированным фигурам лосей на наскальных рисунках Средней Лены и Ангары.

Наиболее богатыми по сюжетам являются многочисленные рисунки, выполненные красной краской на скале Суруктах Хая, в долине небольшой речки Мархи, впадающей в Лену ниже Олекминска. Писаницы Суруктах Хая датируются находками из обнаруженного там жертвенного места. Вверху лежали наконечники стрел железного века, ниже — предметы бронзового века, а еще глубже — поздненеолитические наконечники стрел и копий, скребки, резец, проколки, отщепы, перламутровые бусы, фрагменты игольников, орнаментированных прямыми резными линиями, односторонне зубчатый костяной гарпун. Начало культового почитания скалы Суруктах Хая падает, таким образом, на поздненеолитическое время. Эти находки свидетельствуют о почитании самой скалы, а также нарисованных на ней изображений лосей и схематических фигур людей, взявшихся за руки. Наскальные рисунки Лены раскрывают обряды и праздники, которые существовали в эпоху неолита и бронзы в Якутии. Они связаны с производственным культом охотников, призваны были содействовать удаче в охоте и размножению зверей.

Верования, связанные с представлением о душе и загробной жизни, выражены в неолитических погребениях, найденных на Лене около Олекминска и на Вилюе. Таков, например, родовой могильник на горе Туой-Хая и на Вилюе. Во всех вскрытых здесь погребениях рядом с покойником находились кремневые наконечники стрел и костяные наконечники копий с вставленными в них кремневыми вкладышами. В большинстве случаев покойники лежали в грунтовых ямах на спине ногами к реке. Все костяки обсыпаны охрой. Над некоторыми из них разводились ритуальные кострища, где сжигались жертвенные животные и птицы. В одном случае наблюдался обряд частичного трупосожжения с отдельным захоронением головы. Это погребение также было засыпано охрой. В том же могильнике была специально захоронена и собака. При этом были соблюдены те же самые обрядовые нормы, что и при погребении людей. Преднамеренно отделенную от туловища голову собаки положили в специально вырытую в скалистом грунте овальную яму, обсыпали ее охрой, а сверху покрыли тонким слоем суглинка. Затем над погребенной головой развели ритуальный костер и сожгли в нем туловище собаки. Обгорелые кости животного были собраны кучкой в центре кострища и рядом с ними положено три кремневых наконечника стрел — непременный инвентарь всех охотничьих погребений. После этого погребальная яма окончательно была засыпана землей.

Многочисленные неолитические роды и племена оставили следы своего пребывания и на крайнем севере Якутии, за Полярным кругом. Это уже была не безлюдная пустыня. Здесь всюду шла своя, во многом своеобразная жизнь. По-своему здесь протекала и смена хронологических стадий неолита.

На оз. Уолба и соседних с ним озерах в районе Жиганска обследована группа неолитических поселений, характеризующих специфический уклад озерных рыболовов (балыксытов) на протяжении двух этапов неолита. Самыми ранними являются могильник и поселение на кырдале (бугре) между озерами Уолба и Жиркова. Могилы не имели внешних признаков. Костяки лежали в грунтовых ямах, осыпанные красной охрой подобно костякам Китойского могильника на Ангаре и могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера в Карелии. При одном костяке были найдены крупные каменные наконечники стрел архаического типа. Поселе-

ние занимало всю площадь бугра, причем культурные остатки содержались в двух слоях. В нижнем слое найдены такие же по типу наконечники стрел, как в могильниках, а вместе с ними наконечники особого рода — в виде напильников, трехгранные в поперечнике, сплошь ретушированные.

Найденные на Уолбинском кырдале остатки жилища имели вид овального углубления с почти отвесными стенками, заполненного мешаной супесью с значительной примесью красной охры и каменными изделиями. Последние представлены были большим количеством крупных ножевидных пластин правильной огранки, изготовленных из черного кремнистого сланца. Верхний слой Уолбинского кырдала дал находки иного рода. Появляется ложнотекстильная керамика. Наконечники стрел приобретают обычный неолитический облик: они небольшие, двусторонне ретушированные, снабжены отчетливо выделенным черешком. В широком распространении теперь находятся резцы нового типа: многогранные, с отчетливо выделенной рукоятью, изготовленные из обработанных нуклеусов, тогда как раньше употреблялись архаические резцы на углу сломанных пластин или специально сделанные из кремневых отщепов резцы бокового типа с ретушью на верхнем конце.

Поблизости от Уолбинского кырдала оказались и другие поселения, одновременные образованию верхнего слоя кырдала. Следов жилищ в виде землянок на них не встречено, но зарегистрированы очажные ямы с зольными выбросами при них. Такие очаги могли сопровождать летние жилища с каркасом из ивовых прутьев, известные на Амуре под названием «хоморан», а у ленских якутов называющиеся «отуу».

На данном этапе, а может быть и раньше, неолитические племена достигают и более северных областей Якутии, они доходят вплоть до берегов Ледовитого океана. По берегам Лены, между Жиганском и Чекуровкой, выявлены остатки культуры бродячих охотников тундры и лесотундры. Это были следы временных стойбищ, где помещалось одно или несколько легких переносных жилищ типа чума. На месте жилищ обнаруживаются немногочисленные, но выдержанные по ассортименту находки: несколько мелких отщепов и ножевидных пластин, один или два мужских ретушированных ножа, напоминающих по форме наконечники копий, один-два наконечника стрел, реже — скребки. Керамика была известна, но образцы ее на стоянках встречаются крайне редко.

Кроме таких стоянок, в тех же районах найдены памятники другого рода. На высоких скалистых мысах, со всех сторон обдуваемых ветром, избавителем от гнуса, обнаруживаются тысячи каменных отщепов, сконцентрированных обыкновенно на очень ограниченном участке, площадью не более 15—20 м^2. Вместе с отщепами лежат и орудия, служившие для обработки камня: овальные или цилиндрические гальки с выбоинами на концах (отбойники). Обычных по типу заготовок в виде скребков, наконечников, ножей здесь мало. Зато много полуфабрикатов, которые могли быть употреблены впоследствии для изготовления любого изделия. Древние мастера, таким образом, ставили своей целью только лишь «вчерне» заготовить камень, освободить его от ненужной тяжести в виде корки, трещиноватых участков и подготовить для переносов в другие места, где нет такого поделочного камня.

Такие своеобразные нижнеленские мастерские соответствуют по своему характеру временным стойбищам бродячих охотников лесотундры, непрерывно менявших свое местопребывание, смотря по сезону и в зависимости от перекочевки табунов северного оленя. Точно такие же неолитические памятники известны и далеко к востоку от Лены, в долине Колымы.

Неолитическая культура Якутии формировалась в тесном контакте с остальными культурами Северной Азии и Европы. Особенно близко

сходство неолита Якутии с прибайкальскими культурами. Оно прослеживается начиная с древнейших этапов. Об этом свидетельствует прежде всего керамика. Почти на всем протяжении Лены вплоть до Жиганска, а может быть, и севернее распространяется характерная для Прибайкалья круглодонная керамика, покрытая отпечатками сетки-плетенки и украшенная по краю венчика круглыми вдавлениями. Облик поселений также находит ближайшие аналогии в таежном Прибайкалье и резко отличен от поселений бассейна Амура и Приморья.

Якутские неолитические племена связывают с районами Центральной и Восточной Азии шахматно-шашечная керамика и ступенчатые тесла южноазиатских типов. О другом направлении культурных связей, на этот раз с далеким западом, северными областями Европы, рассказывают уолбинские наконечники стрел. Замечательно, что аналогичные уолбинским по форме и технике изготовления пластинчатые наконечники имеются в инвентаре погребений неолитического могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера, в Скандинавии и в соседних странах Западной Европы. Наконечники такого типа относятся в Европе к раннему времени, ко времени могил с ходами, около 2800—1500 гг. до н. э., а может быть, и ранее. Есть в Европе исходные с уолбинскими трехгранные наконечники стрел в виде напильника. Они появляются на севере Европы в памятниках типа одиночных захоронений в каменных ящиках, датируемых временем около 1500 г. до н. э.

Такое совпадение резко локальных для Северной Азии наконечников стрел с наконечниками из Северной Европы не является случайностью или результатом независимого, конвергентного развития. Здесь нужно видеть следы древнейших культурных связей племен европейского Севера с арктическими племенами Якутии и соседних с ней областей азиатской Арктики. В пользу такого предположения свидетельствует сходство погребального обряда уолбинских захоронений с олеиеостровскими (красная охра), а также наличие на якутских поселениях изделий, похожих на североевропейские (полулунные ножи, отбойники из цилиндрических галек).

Несмотря на свою отдаленность от других племен эпохи неолита, обитатели крайнего севера Якутии не были, следовательно, от них целиком изолированы.

4. НЕОЛИТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Около 5000 лет тому назад на территории Дальнего Востока повсеместно складывается зрелая неолитическая культура со всеми ее тремя характерными признаками — с хорошо развитой керамикой, луком и стрелами, шлифованными орудиями из камня.

В настоящее время в различных районах Приморья и Приамурья выявлены десятки памятников, дающих представление о ряде локальных и хронологических вариантов неолитических культур Дальнего Востока, о сложном и длительном историческом процессе, протекавшем здесь в эпоху неолита на протяжении по крайней мере двух, а может быть, и трех тысячелетий.[18]

Обобщая по необходимости все эти многочисленные факты в сжатом изложении, нужно прежде всего иметь в виду, что в неолитическое время история древних обитателей советского Дальнего Востока и их культуры продолжала развиваться по их собственным, во многом резко своеобраз-

---

[18] А. П. Окладников. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии. «Вопросы истории», 1964, № 1.

ным путям. В основе этого своеобразия лежали особенности хозяйственной жизни, зависевшие в первую очередь от природных условий.

Знакомство с этими древними культурами удобнее начать с Нижнего Амура, где ярче всего выражено их своеобразие и производились наиболее ранние и самые широкие по масштабам исследования.

В определенное время года на Дальнем Востоке начинается массовый ход рыбы из океана в реки. И без того богатые рыбой реки теперь буквально переполняются ею через край. «Все устья рек и протоки озер, — пишет один наблюдатель, — кишат несметными массами чевычи, зеленовато-стальное тело которой блестит в воде при лучах солнца; еще издали заметно, что море покрывается небольшой рябью, пенится; стада чаек с отчаянными криками кружатся над стадами рыбы, побуждаемой инстинктом идти в реки для метания икры. Войдя в узкий проток, эти баснословные массы рыбы переполняют всю реку; тысячи—десятки тысяч скученными стадами стремятся вперед, преодолевая мели, водоворот и быстрины; сотни выпрыгивают из воды, чтобы обогнать своих товарищей и проложить себе дорогу; другие, теснимые к берегу, выбрасываются на сушу, чтобы потом снова добраться до воды и двинуться вперед. При таком ходе, как бы ни была быстра река, она как бы кипит, покрывается рябью; шлюпка с трудом пробирается через эти места, занятые сплошными массами рыбы».[19]

Так бывает на Камчатке, в долине Амура, на Сахалине, в многочисленных реках и речках всего Приморского края, куда рыба заходит во время нереста. Не удивительно поэтому, что у всех местных племен рыболовство издавна являлось важнейшим занятием, вся их жизнь была немыслима без рыбы.

У жителей Нижнего Амура, например, в середине XIX в. вяленая рыба составляла главную их пищу. Кроме того, они питались, конечно, и свежей рыбой. Хозяйственный год этих классических ихтиофагов определялся рыболовными промыслами. Это видно уже из календаря по названиям месяцев. Название мая, когда впервые появляется тенги, связанс именно с этой рыбой. Июнь называется по горбуше, ибо в это время ее количество в реках достигает максимума. В августе происходит самый большой ход рыбы, и он поэтому называется «великий рыбный месяц» или короче — «великий месяц». Июль в отличие от августа беден проходной рыбой, и он поэтому называется «малый рыбный месяц». В календаре гиляков Восточного Сахалина месяцы меняются названиями, но смысл этих названий остается таким же. «Великим рыбным месяцем» у них называется не август, а сентябрь, и, наоборот, название «малого рыбного месяца» присваивается августу. И это вполне естественно, так как здесь ход рыбы совершается в иные сроки, чем на Амуре, а самый большой улов падает вместо августа на сентябрь.

Исключительно важное значение рыболовства сказывается и на всей материальной культуре дальневосточных племен, не исключая одежды, которая изготовлялась из рыбьей шкуры. Ведущая роль рыболовства находит свое отражение и в мифах, например в легендах о сыне рыбы, и многих других образцах фольклорного творчества, не менее специфических для мира ихтиофагов, все помыслы и желания которых вращаются в кругу представлений, связанных с добычей рыбы. Черты такого жизненного уклада обнаруживаются на Амуре с очень раннего времени — с самого начала неолита.[20] Рыба становится здесь теперь основной пи-

---

[19] Н. Слюнин. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. СПб., 1895, стр. 67, 71.

[20] А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сб. «По следам древних культур», М., 1954.

щей, а рыболовство — главным занятием и основным источником существования для местного населения, в особенности вблизи моря и вдоль крупных рек.

Среди крупных каменных изделий на Амуре часто встречаются просверленные круглые камни, палицы или кастеты из вулканических пород камня. Они предназначались, по разъяснению стариков ульчей и гиляков, для умерщвления раненных ударом гарпуна, пойманных в сеть или на крючок громадных рыб — осетров или калуг. С ними рыбак иначе и не мог справиться в своей хрупкой лодке. Не только мелкая, но и крупная рыба здесь уже в самом начале развитого неолита была обычной добычей. Не менее характерны для амурского неолита крупные грузила с желобком или с отверстием на одном конце. Такие большие гиревидные грузила должны были употребляться для оснащения не только сети, но и тяжелого невода на крупных реках с быстрым течением.

Изобилие рубящих орудий, в том числе великолепно отшлифованных, предназначенных для обработки дерева, тоже не случайно — дерево служило несомненно не только для постройки жилищ, но и для изготовления разнообразных ловушек, заколов и езов, а также для постройки долбленых лодок. В сел. Кондоне, кроме того, найдены многочисленные узкие и длинные овальные гальки с просмоленными до сплошной густой черноты концами. Такими гальками могли проваривать березовым варом швы шитых легких лодок-берестянок.

Особенно важно, что все это были коллективные способы лова рыбы, в которых участвовали десятки людей, а может быть, и вся община. Само собой разумеется в таком случае, что массовый коллективный лов рыбы, особенно проходной, во время сезонной рыболовной страды должен был быть несравнимо продуктивнее, чем индивидуальная добыча рыбы в мелких таежных речках и реках Сибири при помощи удочки и гарпуна. Общественные способы добычи рыбы вместе с тем вовсе не исключали и индивидуального промысла единичными рыбаками при помощи гарпунов или удочек. Рыболовы неолитического времени на Амуре изобрели при этом и свои собственные орудия индивидуальной рыбной ловли, свои приемы такого рыболовства. В Кондоне найдена желобчатая пластинка из нефрита, один конец которой закруглен, а на другом имеется сквозное просверленное отверстие. Изделие необычно не только по своему редкому и особенно ценному в те времена материалу, а также по особой тщательной шлифовке и необычности формы. Простое испытание в воде показало, что этот предмет служил рыбакам каменного века не чем иным, как блесной.

О первостепенном значении рыболовства свидетельствует сама по себе топография неолитических поселений. Они располагаются преимущественно в устьях рек, около больших заливов, богатых морской проходной и речной водой. Здесь находятся самые богатые находками и крупные по размерам занимаемой ими площади поселения. Развитие рыболовства, а также связанного с ним собирательства и морского зверобойного промысла в корне изменило теперь жизнь обитателей Приамурья и других соседних с ним областей, от Камчатки на севере до Кореи и о. Рюкю на юге.

Население, значительно лучше, чем прежде, обеспеченное пищей, сильно размножилось и увеличилось в числе. Одновременно коренным образом изменился и характер поселений. Рыбакам и морским зверобоям уже не нужно было бродить по лесам. Они оставались в тех местах, где находились лучшие рыболовные тони. Заготовленные в таких местах запасы сушеной и квашеной рыбы давали им возможность проводить здесь зиму без особых дальнейших забот о пропитании. Нужно было только суметь, как следует, воспользоваться боевыми днями во время

нереста, напряженно, организованно и с умом провести свою рыбачью «страду». Вместо маленьких стойбищ поэтому выросли крупные поселки, появились настоящие деревни каменного века, где жили десятки и сотни людей, может быть, даже не роды, а целые племена. Временные легкие постройки вроде шалашей или навесов с небольшими очагами сменились солидными полуподземными помещениями — убежищами на зимнее время. Зимние дома — полуземлянки — сопровождались различными надземными сооружениями в виде амбаров, сушил для рыбы, а также и летними жилищами — домиками на сваях.

Раскопками в Кондоне на р. Девятке вблизи оз. Эворон в 1961—1963 гг. была вскрыта редкая по наглядности картина жизни одного из древнейших в этом месте поселков — целой деревни каменного века, существовавшей около 5 тыс. лет тому назад.

Неолитическое поселение находилось, как обычно, при впадении в мутную от озерного ила Девятку, небольшого ручья с холодной как лед, чистой и прозрачной водой, из него жители поселка брали воду для питья. Как и многие другие такие поселки на Амуре и в Приморье, древний поселок в Кондоне состоял из целой группы жилищ, имевших углубленное в землю основание. В плане основания этих жилищ имели вид овалов или окружностей. Котлованы жилищ ограничены были более или менее резкими, иногда вертикальными уступами — «плечиками». Внутреннее пространство жилищ заполнено было темной, явно мешанной, иногда слоистой массой земли с примесью черепков сосудов, углистых частиц, а также каменных изделий. В расположении жилищ не наблюдалось какого-либо определенного, видимого на глаз порядка. Они не группировались в ряды — улицы, а составляли плотное скопление ям, края которых — «плечики» — нередко соприкасались, а иногда плавно переходили друг в друга. Вдоль внешнего периметра котлованов жилищ прослеживались небольшие ямы для столбов, окаймлявших их когда-то снаружи и разделенных интервалами в 1—1.5 м. В ряде жилищ имелся и второй, внутренний, ряд таких ям от столбов у самого края уступов — «плечиков». Жилища имели, следовательно, сложную конструкцию из двух концентрических рядов столбов, внутреннего и внешнего. Возможно, что внешний ряд столбов служил для укрепления стены жилища. Внутренний же ряд столбов, возможно, поддерживал нары или служил второй дополнительной стенкой дома. Замечательной чертой внутреннего устройства дома в Кондоне были очаги и ямы бытового назначения. Очаги в Кондоне имели необычное устройство. Они представляли собой после расчистки неглубокие ямки в виде длинных прямоугольников длиной до 1.5 м при ширине около 0.5 м. Геометрическая правильность их очертаний не оставляет сомнений в том, что при устройстве очага сначала сооружалась прочная деревянная рама, которая и служила его основанием. Хозяйственно-бытовые ямы имели различные размеры и глубину. Они, как правило, окаймляли уступы «плечиков» с внутренней стороны котлованов, а иногда располагались и снаружи между жилищами.

Как в заполнении котлованов, так и на полу жилищ, в особенности на дне ям и около «плечиков», рассеяны были многочисленные каменные изделия и обломки сосудов. Костей животных и костяных изделий не было, за исключением мелких пережженных обломков. Кость в неолите Амура из-за влажности и рыхлости песчаного грунта вообще нигде не сохранилась. Зато здесь богато представлена керамика, в том числе совершенно целые или раздавленные землей, но еще сохранившие свое первоначальное положение глиняные сосуды. Одни из них лежат на боку другие стоят вертикально, третьи перевернуты кверху дном. В одном из жилищ оказалось даже три сосуда, вставленных друг в друга.

В распределении каменных изделий также наблюдается определенная закономерность. Кремневые отщепы лежат иногда целыми скоплениями на месте, где производилась выделка каменных орудий, в своего рода «мастерских». На «плечиках» одного из кондонских жилищ уцелела также и кучка пластинчатых наконечников стрел из кремня, плотно сложенных вместе и обращенных остриями в одном направлении. Стрелы лежали, должно быть, связкой или в колчане. Древки их сгнили, а наконечники сохранили свое первоначальное расположение.

О древности таких жилищ на Амуре свидетельствует уже то обстоятельство, что они совершенно заплыли землей и сравнялись с ее поверхностью. Поэтому они не всегда могут быть легко обнаружены. К несколько более позднему времени на о. Сучу относятся обширные деревни из огромных и тесно сплоченных, как пчелиные соты, землянок. Отдельные землянки достигают гигантских размеров и имеют вид воронок глубиной до 4 м при окружности около 90 м.

Древние полуподземные жилища подобного рода устойчиво и неизменно сохранились на Амуре и в соседних областях вплоть до недавнего времени.

В языке гиляков, по словам Л. Я. Штернберга, понятие «войти в дом» передается словом «спуститься», а «выйти» — словом «подняться» (буквально «нырнуть» и «вынырнуть»). В дни медвежьего праздника, «когда сживают из тьмы тысячелетий отдаленнейшие отголоски глубочайшей древности, когда с благоговейной строгостью соблюдается ритуал, не изменившийся в течение десятков веков, снова возрождается и воспоминание о дымовом отверстии, заменявшем дверь. Именно через это отверстие по специально вставленному шесту спускаются в юрту со шкурой и мясом убитого медведя. И тем же путем выносят из юрты все ритуальные принадлежности, а также кости медведя для похорон в медвежьем срубе».[21] Хотя у гиляков давно исчезло обыкновение пользоваться дымовым отверстием в крыше вместо двери, их древнейшие по типу зимние жилища, т. е. «тары», до недавнего времени сохраняли такую же структуру и тот же облик, что и жилища каменного века.

Для сооружения их вырывали в земле обширную яму и плотно утрамбовывали ее стены. Иногда стены обшивали даже деревом. Над котлованом воздвигали пирамидальную, со всех сторон одинаково покатую крышу из тонких, плотно прилегавших друг к другу бревен. Крыша покоилась на четырех поперечных перекладинах, которые в свою очередь поддерживались четырьмя столбами внутри юрты. Снаружи крышу для большей плотности покрывали еще сухой травой, затем землей. На самой верхушке ее оставляли отверстие для выхода дыма. С той стороны, которая была больше всего защищена от ветров, устраивали вход в виде туннеля, покатого внутрь жилища. Осенью и зимой сплошь засыпанная снегом земляная юрта гиляков походила на снежный холм с верхушкой, слегка почерневшей от проходящего сквозь нее дыма.[22]

Одинаковое в принципе устройство имели полуподземные зимние жилища других приморских племен северо-востока Азии и островов Восточной Азии, в том числе коряков,[23] айнов и камчадалов XVII—XVIII вв. Камчадальские жилища того времени описаны С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером.[24] Для сооружения всех этих жилищ выкапывалась яма в земле, в ней устраивались стены, а сверху — пирамидаль-

[21] Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 17.

[22] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, стр. 12.

[23] W. Jochelson. The Koryak. «Memoir of the American Museum of Natural History», № 1, 1908, pp. 455—461.

[24] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., 1949, стр. 374.

ная крыша, засыпанная землей. У большинства этих жилищ было два выхода, зимний — сверху, летний — в виде туннелеобразного коридора. Сверху эти жилища походили на куполообразный холм, зимой покрытый снегом.[25] Так же должны были выглядеть и неолитические жилища Дальнего Востока 4—5 тыс. лет тому назад.

Оседлый образ жизни неолитических рыболовов Амура нашел свое отражение и во многих мелких, но очень характерных деталях быта. Так, например, неолитические сосуды из Приамурья, Приморья и других соседних с ними районов были приспособлены к ровному земляному полу, а может быть, и к полкам землянок. Они имели по этой причине только плоское, а не круглое и тем более не острое дно, как сосуды, которыми пользовались хотя бы их ближайшие соседи — лесные охотники Сибири. Вместе с тем они бывают часто велики по размеру и несравненно вместительнее, чем круглодонные сибирские горшки. Некоторые сосуды из амурских и приморских землянок достигают 40—50 см высоту, а на Японских островах находили глиняные сосуды высотою до метра. Это были, наверное, уже не горшки для варки пищи, а настоящие чаны — хранилища для пищевых запасов. Кроме того, наряду с плотными грубыми черепками горшков, употреблявшихся для варки пищи и покрытых нагаром, на Ангаре нередко можно встретить обломки сосудов, обладавших легкими пористыми стенками и покрытых особо тщательным, даже расписным узором.

Не менее характерно, что в отличие от лесных охотников, изготовлявших свою одежду и домашнюю утварь из шкур и бересты, речные и морские рыболовы неолитического времени широко использовали растительные волокна. Еще недавно у ряда племен Дальнего Востока сохранялась древняя примитивная техника плетения и даже тканья, чуждая тунгусам и другим охотничьим племенам тайги. Гольды (нанайцы) и другие их соседи на Амуре — ульчи, гиляки (нивхи) — в прошлом усердно заготовляли дикую крапиву, которая в изобилии росла около их поселков, и выделывали из ее волокон сети, а еще раньше и одежду. На Камчатке еще во времена Крашенинникова растительные волокна употреблялись ительменами для плетения и ткачества.[26] Из крапивы чаще всего делали сети. Корзины и циновки делались у ительменов из другой травы. Крашенинников сообщает: «Есть при морских берегах высокая трава, беловатая видом, пшенице подобная... Из сей травы плетут они рогожи, которые и вместо ковров, и вместо занавесов употребляют. Лучшие ковры бывают с шахматами или с другими фигурами, которые китовыми мелко разделанными усами выплетаются. Из сей же травы плетут они епанчи, во всем подобные нашим старинным буркам, ибо оные с исподи гладки, а сверху мохнаты, чтоб по мохрам оным дождю катиться можно было».[27]

В Приморье и на Амуре о широком развитии ткачества в неолите свидетельствуют, кроме того, многочисленные маховички, или напрясла для веретен, в виде глиняных кружков, иногда вырезанных из черепков сломанных сосудов. Некоторые из таких кружков могли служить также и частями ткацкого станка — грузиками.

Отпечаток своеобразия лежит и на многих других сторонах материальной культуры амурских неолитических племен, в том числе на ка-

[25] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, стр. 11—42; В. И. Иохельсон. Древние и современные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. «Ежегодник Русского антропологического общества», вып. II, СПб., 1905—1907, стр. 16—56.

[26] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, стр. 93; И. А. Лопатин. Гольды Амурские. Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования. «Записки Общества изучения Амурского края», т. XVII, Владивосток, 1922, стр. 146.

[27] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 237.

менных орудиях, например на топорах и теслах, где, казалось бы, больше всего должно было проявиться единообразие техники обработки камня и форм изделий, обусловленных простыми и одинаковыми потребностями: рубить, резать, колоть, строгать, кроить, пилить. И действительно, в таких изделиях много общего с инвентарем неолитических лесных охотников, живших от Амура до Балтики и на всем земном шаре в эпоху неолита. Тем не менее и на этом общем глобальном фоне выступают отдельные самобытные черты. Неолитические обитатели Кондона и Сучу в самом начале, как и древнейшие неолитические племена Прибайкалья, выделывали односторонне выпуклые в сечении шлифованные каменные топоры. Но у них рано появились топоры и тесла овальные или даже круглые в поперечнике. Именно такие рубящие орудия найдены, например, в Сучу. В Кондоне найдены вместе с обычными двухстороиие ретушированными наконечниками стрел с выемкой в основании другие наконечники, сделанные из тонких ножевидных пластин, у которых внизу имеется отделанный тончайший ретушью заостренный черешок. Вместо общих для Восточной Сибири кремневых острий на Амуре и в Приморье употреблялись широкие плоские ножи, иногда со слегка искривленным концом, по очертаниям напоминающие общеизвестные мустьерские острия с краевой ретушью, почти такие же по форме, как, например, найденные в Тешик-Таше. Вероятно, эти специфические для Дальнего Востока инструменты служили рыболовам Амура и Приморья для разделывания их добычи, для приготовления юколы и для снятия с больших рыб шкур, из которых они подобно позднейшим нанайцам или ульчам шили свою одежду и обувь.

Чисто дальневосточной особенностью являются на Амуре и загадочные, так называемые «огневые камни», на которых имеются многочисленные углубления — лунки, возможно, и на самом деле предназначенные для добывания огня трением. Может быть, это были своеобразные наковальни — упоры для оббивки камня при изготовлении ретушированных изделий — острий, скребков, наконечников, ножей.

Прочная оседлость содействовала и упрочению общественных связей. При обширных размерах неолитических жилищ уже само по себе сооружение их было делом рук большого и хорошо сплоченного коллектива. Старинные зимние жилища полуподземного типа айны тоже строили коллективно, силами всех сородичей, а исчезновение их в конце XIX в. было следствием распада древних общинно-родовых связей, так как сооружение земляной юрты требовало много сил и больших расходов, непосильных для одной семьи. Но зато такие обширные жилища, построенные силами коллектива, принадлежали не отдельным семьям, а общине. В айнской юрте постоянно жило несколько семейств, причем каждое из них имело свой очаг. В неолитических землянках на о. Сахалин, раскопанных Л. Я. Штернбергом, как и в землянках на Японских островах, всегда находилось несколько очагов, очевидно, также принадлежавших отдельным родственным семьям.

Такая связь сородичей, основанная прежде всего на кровном родстве, на происхождении от общих предков, находит свое отражение и в планировке поселка, причем особенно наглядно там, где жилища десятками расположены на одном месте. Они плотно примыкают друг к другу, как пчелиные соты и улья, и действительно представляют собою как бы «одну семью», по выражению японского писателя Р. Окамото, один большой организм из множества клеток. Этим организмом в неолитическое время и был материнский род.

Единство родовой общины было не только кровным по происхождению, но и материальным, хозяйственным. Яркий свет на эту сторону жизни древних обитателей Нижнего Амура бросает внутренняя плани-

ровка таких неолитических поселков, как в Кондоне, у Почты. Беспорядочная на первый взгляд, она на самом деле имеет свой внутренний смысл и порядок, неразрывно связанный с четко организованными отношениями людей внутри общинного коллектива, который вел общее хозяйство, сообща добывал пищу и потреблял ее на коллективных началах.

Раскопанные в Кондоне неолитические дома несомненно имели различное назначение. В одних из них, где имеются очаги, должно быть, люди жили зимой. Это самые обширные и вместе с тем наименее богатые находками жилища. В других постройках хранили запасы пищи и утварь. Таково, например, одно сооружение, наиболее богатое керамикой. Очага в нем не было, но вдоль стен стояли глиняные сосуды. Здесь же оказалось и замечательное скульптурное изображение женщины. Это было, видимо, не обычное жилище, а скорее хранилище для запасов, может быть, находившееся под защитой духа — родоначальницы, хранительницы родовой общины.

Пережитки материнского рода с полной отчетливостью прослеживаются в этнографическом материале. Тем более интересны для понимания жизни неолитического населения археологические факты, косвенно указывающие на высокое положение женщины и на ее важную роль в жизни родовой общины. По всей территории Японских островов и особенно часто на северо-востоке встречаются оригинальные антропоморфные фигурки из глины, вероятно изображения мифических «владычиц» и «родоначальниц» эпохи материнского рода. Аналогичный культ женщин-прародительниц существовал, по-видимому, в неолите и на нашем Дальнем Востоке.

Одна каменная антропоморфная фигурка, изготовленная из белого полупрозрачного кремния, оказалась среди каменных изделий, найденных в устье р. Тетюхе. Такие же ретушированные статуэтки, схематично, но вполне отчетливо передающие облик стоящей человеческой фигуры, имеются в наиболее древнем неолитическом поселении Камчатки, в бухте Тарья около Петропавловска. И, наконец, великолепное по его реализму глиняное изображение женщины обнаружено, как уже говорилось выше, в Кондоне, на Нижнем Амуре.

В связи с почитанием женщины-прародительницы и культом плодородия всегда находились обряды, отмечавшие рождение человека или его переход от детства к состоянию взрослого члена рода. Такие обряды несомненно существовали и у дальневосточных неолитических племен. На соседних Японских островах при мужских костяках в неолитических могильниках нередко находили в области таза привески в виде фаллосов. В неолитических поселениях Японии обычны фаллические палицы «секибо», свидетельствующие о развитом культе плодородия. В Приморье тоже найдено реалистически сделанное скульптурное изделие фаллоса, свидетельствующее о распространении фаллического культа у местных племен, о почитании ими творческой силы природы и мужского производящего начала. На Амуре, ниже нынешнего Хабаровска, неподалеку от г. Комсомольска, на небольшом скалистом островке посреди богатого рыбой и огромного оз. Болонь-Оджаль, существовало до недавнего времени настоящее святилище древнейшего культа плодородия, где из камня были высечены пластические знаки мужского и женского начала.

Амурские неолитические племена создали свое собственное и богатое искусство. Своеобразие его становится наиболее отчетливым при сравнении с искусством ближайших соседей амурских племен того времени — неолитических жителей Восточной Сибири. Еще в XIX в. известный путешественник и исследователь народов Сибири А. Ф. Миддендорф увидел, как на Амуре встречаются два совершенно различных культурно-этнографических мира. Оказавшись на Амуре среди тунгусоязычных не-

гидальцев, усвоивших материальную культуру оседлых племен Приамурья, Миддендорф, несмотря на прежний, хорошо знакомый ему тунгусский язык, сразу же почувствовал себя так, как будто находился среди «нового народа». Форма и покрой одежды, характер вышитых на ней узоров и металлических украшений одинаково свидетельствовали, что все это «исходило из другого модного центра», зависело от других обычаев и вкусов.[28]

Это коренное различие в эстетических вкусах и нормах таежных охотников Сибири, с одной стороны, и амурских рыболовов — с другой, сразу же заметил выдающийся исследователь народов Амура в первой половине XIX в. Л. И. Шренк, автор первой и классической монографии о племенах Амура. Вместо однообразных и простых геометрических узоров в виде кругов, треугольников или четырехугольников он обнаружил в орнаментике гиляков (нивхов) и других рыболовческих племен Амура «широкий размах разнообразно переплетающихся линий, искусные хитросплетения арабесок и роскошные завитки».[29] Л. И. Шренк привел также веские доводы, свидетельствующие о самобытности этого искусства амурских племен. Он показал, что их своеобразная орнаментика «достигает своего высшего развития у гиляков, населяющих самую отдаленную часть страны».[30]

Археологические раскопки показали, что этот стиль почти в неизменном виде существовал на Амуре и тысячелетиями раньше, в неолитическое время. Мы уже видели, что в неолитической землянке на о. Сучу, а также в Кондоне найдены глиняные сосуды, украшенные богатым и тонким по выполнению узором. Чаще всего поверхность крупных сосудов бывает покрыта чеканными зигзагами, поверх них, как по фону, свободно располагаются плавные и широкие, глубоко врезанные кривые линии больших спиралей, в промежутках между которыми расположены треугольники. В Сучу на некоторых сосудах сложные спиральные узоры и «арабески», как выразился бы Миддендорф, выполнены не только резьбой, но и росписью. По блестящему малиново-красному фону таких сосудов проходят углубленные полосы ленточного узора, заполненные краской глубокого черного цвета. Совершенно такие же в основе цветные спирали придавали сказочно богатый вид старинным архитектурным сооружениям, например амбарам или погребальным домикам близнецов в земле гиляков (нивхов), сохранившимся местами до недавнего времени. Наряду с различными вариантами спирального орнамента высокого развития у амурских племен достигли узоры в виде прихотливо и стройно переплетающихся, более или менее широких лент, образующих в целом нечто вроде сетки с ромбическими ячейками. Одинаковые в основе узоры, иногда упрощенные, а иногда не менее сложные, встречаются, как мы видели, и в неолитической керамике Приморья. Имеются, кроме того, и другие черты сходства между древней и современной орнаментикой на Амуре и в Приморье.

Как и теперь, следовательно, на Амуре в неолитическое время, 5 тыс. лет тому назад, соприкасались два особых мира с резко различными художественными традициями. С одной стороны, это был мир восточно-сибирских охотничьих племен эпохи неолита — мир прямолинейно-геометрических узоров. С другой стороны, в стране тигров и дикого винограда находился мир дальневосточных рыболовов, а также и земледельцев с их криволинейными, фантастически богатыми узорами.

---

[28] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, часть II, отд. 6. СПб., 1878.
[29] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, стр. 89.
[30] Там же, стр. 90.

По-своему столь же самобытны, как амурская орнаментика, петроглифы Амура и Уссури, которые составляют вторую, не менее важную и богатую, составную часть древнейшей художественной культуры Амура.[31]

Наскальные изображения Амура и Уссури совершенно не похожи по содержанию и стилю на все известные сейчас писаницы Сибири, а также Северной Европы и Центральной Азии. По особенностям стиля и сюжетам они могут быть с полным правом выделены в особую локальную провинцию. Область их распространения оконтуривается с полной ясностью. Они встречаются в определенных, строго ограниченных пределах: ни-



Наскальное изображение — «личина». Сакачи-Алян.

зовья Амура (ниже Хабаровска, Сакачи-Алян, стоянка Май), бассейн Уссури (с. Шереметьево, р. Хор, р. Суйфун вблизи г. Уссурийска, ущелье «Медвежьи щеки»). Провинцию эту можно назвать поэтому Уссурийско-Амурской. Изображения на скалах Амура и Уссури выполнены в большинстве одной и той же устойчиво повторяющейся техникой. Они выбиты на скалах довольно глубокими желобками. Желобки эти часто сливаются друг с другом и не разделены гладким пространством; иногда же такое разделение имеет место.

По содержанию среди таких изображений на первом месте выделяются антропоморфные рисунки совершенно своеобразного облика. Это изображения в виде голов каких-то мифических существ, духов или чудовищ, а может быть, маски вроде танцевальных масок племен южных морей, тибетского культового театра или японского театра, изображающие духов. Вторая группа изображений на скалах Амура и Уссури — рисунки лосей

[31] А. П. Окладников. 1) Олень Золотые Рога. Изд. «Искусство», Л., 1965, стр. 131—161; 2) Петроглифы Сакачи-Аляна. «Вопросы истории советского Дальнего Востока». Тезисы докладов на пленарном заседании IV Дальневосточной научной конференции по вопросам истории, археологии, этнографии и антропологии. Вып. 1. Владивосток, 1965, стр. 15—21.

и оленей, третья — изображения змей, четвертая — рисунки птиц. Имеются также стилизованные условные изображения лодок с плывущими в них людьми.

Замечательно при этом, что по своим характерным стилевым чертам петроглифы Амура и Уссури отчетливо «перекликаются» с неолитическим искусством Амура, с орнаментикой на глиняных сосудах того времени из Сучу и Кондона. Спираль, этот главный элемент неолитического орнамента, играет и здесь видную роль. Спирали и спиралевидные завитки заполняют, например, пустое пространство внутри самой большой фигуры оленя в Сакачи-Аляне. Иногда же, как в орнаментике неолита, спирали принадлежит основная, формообразующая роль. В ряде случаев на петроглифах весь рисунок состоит из концентрических кругов или спиралей. Такова, например, одна из личин на скале около с. Шереметьево, которая представляет собою как бы непрерывно развертывающуюся спиралевидную полосу. Полоса эта начинается от правого глаза личины, окружает его и концентрическими окружностями сплошь заполняет всю личину внутри.

Столь же отчетлива и даже еще более наглядна связь петроглифов с современным искусством, с традиционным художественным миром амурских племен. Таковы, например, антропоморфные изображения, личины или маски. Рассматривая образцы современного орнамента амурских племен, можно увидеть в нем если не точно такие же, то во всяком случае очень сходные, хотя и сильно стилизованные обезьяноподобные личины — маски. При этом следует отметить, что личины были использованы в амурской орнаментике таким же образом, как и другие фигуры, например фигуры рыб или птиц. Они послужили своего рода «строительным материалом» как детали сложных орнаментных композиций.

Рядом с антропоморфными личинами-масками на петроглифах Уссури и Амура обычно встречаются изображения оленей с характерными прямыми полосами поперек туловища. В орнаментике амурских племен, по словам Б. Лауфера, олень тоже играет наиболее важную роль после петуха и дракона. Среди изданных Б. Лауфером образцов орнаментики амурских племен имеются фигуры оленей с такими же точно поперечными полосами, как и на петроглифах.

Фигуры змей на петроглифах передавались обычно в виде спиралей, а иногда в виде волнистой полосы. Они явно соответствуют драконам («мудур») позднейшей нанайской орнаментики, которые изображались точно таким же образом в виде спирали и волнистой линии.[32] Интересно в связи с этим отметить, что нанайцы в Сакачи-Аляне интерпретировали изображение змей на одной из скал, как привычную для них фигуру дракона «мудур». Что касается изображений птиц, то среди них в современной нанайской орнаментике преобладает петух. Тем не менее, внимательно приглядываясь к образцам орнамента, изданным Лауфером, можно обнаружить изображения водоплавающих птиц — гусей, уток или лебедей, такие же, как на петроглифах. Сюда относятся, например, рисунки птиц на бумажной вырезке, где мы видим полное сходство с миниатюрными фигурами водоплавающих птиц на петроглифах у с. Шереметьево. Основные сюжеты наскальных изображений на петроглифах, таким образом, снова повторяются и в современной орнаментике. Это обезьяноподобные и спиралевидные маски-личины, изображения оленей с поперечными полосами на туловищах, водоплавающие птицы, змеи.

Все это вместе с широким применением спирали как основного элемента и главного формообразующего приема связывает древние наскаль-

---

[32] А. П. Окладников. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья. «Советская этнография», 1959, № 2.

ные изображения с современным орнаментальным искусством амурских народностей и, следовательно, свидетельствует о наличии определенной художественной традиции, не прерывающейся на протяжении многих веков, а может быть, и тысячелетий.

Третья часть художественных сокровищ Амура — скульптура — представлена пока единственным, но зато уникальным и совершенным в своем виде образцом — изображением женщины. Материалом для него послужила глина: законченная скульптура была тщательно залощена и обожжена. Она обнаруживает не только опытную руку и наблюдательный глаз настоящего мастера-скульптора, но и определенную творческую школу. В ней как бы аккумулирован опыт многих поколений ваятелей, устойчивые и своеобразные традиции, создававшиеся веками. Неолитический скульптор с чувством реальности и искренней теплоты передал в глине черты определенного человеческого лица.

Столь же неожиданной и эффектной явилась новая находка в неолитическом поселении вблизи устья р. Хунгари у с. Вознесенского. Это были остатки раздавленного землей неолитического сосуда. Поверхность сосуда сначала была покрыта тонким слоем красной минеральной краски, а затем залощена. По яркости и блеску она напоминает краснолаковые сосуды Древней Греции. Затем, очевидно, сосуд был подвергнут дальнейшей художественной обработке иными средствами: резьбой и скульптурными приемами. Широкой сплошной полосой в верхней половине этого уникального сосуда на красном лощеном фоне располагались изображения фантастических антропоморфных существ. У них глубоко врезанными линиями очерчены лица-личины: огромные широко раскрытые глаза и большой скульптурно оформленный нос с ямками ноздрей. Узкой поперечной щелью внизу намечен рот личины. По бокам личины видны воздетые кверху руки. Кроме рук, видны как будто и ноги. Этот неолитический сосуд замечателен не только тем, что раскрывает перед нами новые и неизвестные ранее стороны искусства древнейшего населения Амура, но и тем, что изображенные на нем загадочные личины обнаруживают связь с такими же личинами, выбитыми на базальтовых валунах в Сакачи-Аляне. Это обломки одного и того же своеобразного художественного мира, одной культуры, единого мировоззрения. И этот мир настолько своеобразен, необычен, полон такой художественной силы, что теперь уже совершенно ясно, что он занимал в мировой истории культуры каменного века не только особое, но и важное место рядом с другими сильными и крупными по значению культурно-историческими очагами детства человечества.

Исходное, коренное различие культур Сибири и Дальнего Востока прослеживается также в фольклоре, легендах и преданиях, заменяющих этим народам письменные исторические свидетельства. Нельзя пройти мимо того, например, что в фольклоре дальневосточных племен до сих пор звучат мотивы, совершенно необычные для Севера, для окружающей долину Амура природы. Когда гольдов (нанайцев) спрашивали о происхождении замечательных изображений на береговых камнях по Амуру, у с. Сакачи-Аляна вблизи Хабаровска, они отвечали, что эти рисунки были нанесены в то далекое время, когда на небе существовало не одно, а три солнца. Вследствие этого стояла такая жара, что камни плавились, как воск, и на них можно было рисовать без всякого труда. По другому варианту, сакачи-алянские изображения не были нарисованы и являются отпечатками различных существ на мягких от жары камнях.[33] По рассказам шаманов, в то время «земля кипела, горы были, как Амур, Амур, как

[33] Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, стр. 455.

гора». Существование для всего живого было почти невозможным от зноя, умирали от жары даже рыбы.

Так продолжалось до тех пор, пока первый шаман не догадался, что нужно убить два лишних солнца. После того как он убил два крайних солнца, «одно среднее осталось... Вода кипела — горой стояла. Гора кипела — рекой стояла. После этого жить стало хорошо, народ хорошо родиться начал». В качестве же вечного памятника о том времени и великих делах первого шамана остались застывшие отпечатки мифических существ седой древности на гранитных валунах из Сакачи-Аляна.

Трудно представить, как могла такая легенда возникнуть на далеком севере, где солнце является не врагом, а другом. Такие же легенды о стрелке, поразившем солнце, чтобы, охромев, оно не бегало слишком быстро, записаны в Полинезии у маори и у многих других народов.

Сходство мифологии амурских племен с полинезийской тем интереснее, что в Полинезии у тех же маори пышно расцвела одинаковая криволинейная орнаментика, также составляющая основное содержание их орнаментального искусства. В Полинезии обнаружены, наконец, и очень близкие к амурским из Сакачи-Аляна и уссурийским из с. Шереметьево петроглифы со странными антропоморфными масками-личинами. На юг, в страны, где издавна плелись высокие, плоскодонные, цилиндрической формы корзины с естественно образовавшимся орнаментом из параллельных рядов вертикального зигзага, ведут нас и одинаковые с ними по форме и узору плоскодонные сосуды амурского неолита. Южные связи прослеживаются и в таких деталях материальной культуры амурского неолита, как шиферные наконечники стрел. Чуждые таежным культурам Сибири, они связаны в истоке с древней бамбуковой культурой юга Азии, где такие шиферные острия и наконечники, в том числе наконечники гарпунов, появились вместе с такими же изделиями из расщепленного бамбука и взамен их.

Но вместе с тем в неолитической культуре Нижнего Амура столь же отчетливо видны и черты северного происхождения. Сюда в первую очередь относится исходная основа всей техники неолитического времени — способ расщепления кремня. Техника эта здесь — общая для Европы, Сибири и Америки. В основе ее находится употребление нуклеуса призматического типа, у которого ударная площадка перпендикулярна направлению удара, а пластины снимались по всей окружности ядрища. Именно такие призматические нуклеусы представлены классическими по форме образцами в Кондоне. Жители этих поселений выделывали из кремня и других кремнистых пород такие же, как в Сибири — на Амуре и Лене, двусторонне ретушированные наконечники стрел с асимметричной выемкой в основании, одинаковые скребки из отщепов с выпуклым рабочим краем, такие же проколки и другие мелкие кремневые орудия.

Со временем в Кондоне, на поселении Сарголь, появляется новая неолитическая культура, носители которой принесли с собой небывалую ранее керамику, в корне чуждую всему, что мы до сих пор знали на Дальнем Востоке. У них были в употреблении уже не традиционные для амурского неолита плоскодонные, а круглодонные сосуды. Стенки этих сосудов тонкие. Орнамент на них тоже не имеет никаких точек соприкосновения с орнаментикой неолитического поселения в Кондоне, у Почты и в Сучу. Новые пришельцы, явившиеся на р. Девятку, украшали свои сосуды не амурской плетенкой и не спиралями, а простым сочетанием прямых полос, длинных горизонтальных, со свисающими от них короткими вертикальными полосками. Такой прямолинейно-геометрический узор и эта простая орнаментальная композиция контрастно противостоят пышной криволинейной орнаментике Сучу и Кондона, а вместе с тем совпадают с орнаментикой неолитических племен Прибайкалья, существовавшей у них в се-

ровское и позднее в китойское и глазковское время. Полностью повторяется здесь и техническая основа орнаментики, способ выполнения узора. Рисунок наносится здесь уже не зубчатым колесиком и не вырезается палочкой на мягкой глине, а отпечатывается вдавлениями специального штампа — лопаточки.

Вторжение северян, культура которых носила четкий отпечаток генетической связи с прибайкальским неолитом, было несомненно не единственным и не последним в районе оз. Эворон, которое, как и Верхнее Приамурье, и много позже было местом встречи племен севера с племенами юга.

Столь же важен для истории культурных и этнических взаимоотношений на Дальнем Востоке тот факт, что своеобразная культура нижнеамурского неолита оказывала свое влияние далеко за пределами своего основного ареала. На севере Японии, например в Хоккайдо, обнаружены неолитические сосуды, форма и спиральный узор которых повторяют форму нижнеамурских сосудов и их специфический узор. Еще важнее факты, которые рисуют в новом свете отношения культуры нижнеамурского неолита, с одной стороны, и неолита Яншао в долине р. Желтой — с другой. В расписной керамике культуры Яншао давно уже обращали внимание исследователей роскошно орнаментированные черным по красному фону сосуды, на которых изображены такие же, как на Амуре, спирали. Однако на Хуанхэ спиральный узор стоит одиноко среди подавляющей массы других орнаментальных сюжетов. Еще важнее, что остальные сюжеты росписи неолитической керамики Северного Китая в отличие от спирали имеют определенную конкретно-образную основу и реальный смысл, которые вместе с тем так или иначе могут быть поставлены в конкретную связь с мифологией и мировоззрением древних земледельцев этой страны. Так, например, рисунок тыквы мог означать изобилие и плодородие. Лягушка, рыба и змея явно стоят в связи с идеологией земледельцев, в сельскохозяйственном производстве которых вода играла решающую роль.

Но зато именно на Амуре спираль имела свою собственную смысловую нагрузку, свое конкретное содержание, связанное с идеологией и религией рыболовов Дальнего Востока. Спираль здесь означала не что иное, как солнечного змея, а одновременно и властителя вод, дракона («мудура»). На Амуре этот орнаментальный мотив змеи, спираль, дожил, как и в Индии, до наших дней не только в мифе, но и в обрядах, которые часто бывают устойчивее мифов. Так, например, нанайцы в Сакачи-Аляне объясняли, что орнаментальные узоры на камнях, петроглифы, аналогичны рисункам на традиционных лепешках из черемуховой муки. Среди таких узоров на лепешках есть спирали, один конец которых реалистически изображает хвост, а другой — расширенную головку змеи. Таким образом, можно думать, что орнаментальная спираль амурского типа, не имеющая корней в Северном Китае, проникла туда, всего вероятнее, с Амура и во всяком случае именно на Амуре она имела свое начальное развитие.

Из всего сказаннного выше следует и другой, более широкий и общий вывод. В те отдаленные времена, когда на Амуре существовали большие поселки неолитических рыболовов и охотников, обитатели этих поселков в силу определенных природных условий их страны еще оставались за порогом производящего хозяйства. Они не умели возделывать культурные растения, не имели других домашних животных, кроме собаки и, быть может, полуодомашненной свиньи. Но у них были достаточно развитое по тем временам хозяйство, сложная общественная организация и богатая культура, в том числе замечательное искусство, в особенности орнаментальное. Племена эти состояли также в разнообразных культурных связях с жителями других областей.

Вместе с тем у ряда неолитических племен нашего Дальнего Востока уже в это далекое время, около 5—4 тыс. лет тому назад, зародились и зачатки новой экономики, производящего хозяйства, произошел переход от охоты и собирательства готовых продуктов природы к земледелию. Это были племена, жившие к югу и востоку от Нижнего Амура, обитатели современного Приморья.

История неолитических племен Приморья имела много общего с историей их современников на Амуре. Но вместе с тем у них было много своеобразного в хозяйстве и культуре, было свое своеобразное этническое лицо.[34] Поэтому на неолите Приморья следует остановиться отдельно. Неолитические поселения найдены теперь в Приморье повсюду — на юге Приморья, вдоль побережья, по направлению к Корее, и в его континентальной части у г. Уссурийска и оз. Ханка, а также далеко на севере, в долине р. Тетюхе, по направлению к низовьям Амура.

Одно из наиболее замечательных неолитических поселений Приморья находится на скалистом мысу в устье р. Тетюхе, в 600 км к северу от Владивостока, в суровой, но живописной местности у берега бурного Японского моря. На Тетюхинском холме отчетливо видны остатки 20 жилищ, в том числе больших, площадью до 100 м^2 каждое.

Первое из раскопанных на Тетюхинском холме жилищ было, очевидно, местом, где протекала хозяйственная жизнь. Здесь находились ямы запасов и здесь же готовилась пища на специально сооруженных с этой целью очагах.

Второй, соседний, дом служил для иных целей. Судя по этнографическим аналогиям, вокруг центрального и единственного в доме очага возвышались широкие ступени — нары. На нарах сидели и работали обитатели жилища. Здесь изготовлялись каменные орудия, в том числе каменные наконечники дротиков или гарпунов, причем мастер, выделывавший эти наконечники, обосновывался в определенном месте, к востоку от очага. На нарах находились также целые когда-то глиняные сосуды. В целом этот дом больше всего напоминал, по-видимому, так называемые мужские дома или дома для собраний, хорошо изученные этнографами у различных отсталых племен Северной Азии и Америки в XVIII—XIX вв. (кажимы — у эскимосов, валькары — у чукчей).

Важное место в жизни обитателей этого поселка занимали рыболовство и охота. О существенной роли охоты свидетельствует обилие клинков-копий или охотничьих ножей. Такие ножи и наконечники копий отличаются одной характерной чертой — плечиками, отделяющими суженный насад от собственно клинка. Большим разнообразием отличаются кремневые ретушированные наконечники стрел.

С потребностями древних охотников и рыболовов связан был набор различных мелких каменных орудий из кремнистых пород — разнообразные режущие и скоблящие инструменты. Заготовками для них служили исключительно одни только отщепы, часто длинные, пластинчатые.

При всей их важности охота и рыболовство, однако, вовсе не были здесь единственными занятиями. Хотя племена эти, одно из которых имело свое местопребывание на Тетюхинском мысу, по-прежнему еще не знали металла и оставались людьми каменного века, у них все же появились первые признаки нового, принципиально иного, прогрессивного хозяйства. Об этом свидетельствуют терочники — куранты, одинаковые с найденными на позднеолитических стоянках Монголии, в южной части Гоби около Сайн-Шанда и на р. Шара-мурэне. Куранты эти, как и гобийские, отличаются своей характерной сегментовидной формой.

[34] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959.

Они имеют дугообразную выпуклую спинку и специфически скошенную на одну сторону широкую рабочую грань.

Найденная в Тетюхе зернотерка имела вид широкой плоской тарелки со слегка вогнутой рабочей поверхностью и выпуклой противоположной стороной. На этой выпуклой стороне находилась тщательно выполненная выбитыми желобками орнаментальная кайма сложной формы и с лабиринтообразными фигурами по углам. На зернотерках, конечно, могли растирать каменными курантами съедобные коренья, орехи и ягоды. В одной землянке на очаге сохранились обугленные орехи дальневосточного кедра, более крупные, чем сибирские кедровые орехи.

Следует добавить в связи с этим, что одно из самых замечательных поселений первых земледельцев Приморья, а вместе с тем и прямые доказательства наличия разведения культурных растений были обнаружены еще Ф. Ф. Буссе в дер. Ивановке, где находилось обширное поселение из жилищ типа землянок.

Раскапывая одну из землянок, он наткнулся в ней на очаг или «огневище», состоящее из трех камней, приспособленных под котел. Там же находились большие горшки, раздавленные камнями, в которых уцелели остатки «обугленного содержания». Как сообщается в отчете о раскопках Буссе, опубликованном в 1893 г., это «обугленное содержание» сосудов представляло собою «хлебные зерна». В той же яме, в северной ее части, оказались «скребки из обсидиана».

Жилище, основанием которого служила эта яма, по словам Буссе, погибло в результате пожара, о чем свидетельствовал обожженный докрасна пласт глины, уничтоженные огнем стойки и стропила. Зерна сохранились в обугленном состоянии благодаря пожару. В больших ямах поблизости были найдены остатки очага, каменные наконечники копий, обсидиановые скребки и черепки глиняной посуды.

Обугленные зерна культурных растений проса оказались впоследствии и в остатках жилищ несколько более позднего, по-видимому, времени у пос. Кировского вблизи Артемгрэса и у с. Екатерининского на р. Сучане. Просо является, таким образом, древнейшей известной нам земледельческой культурой в Приморье.

В связи с разведением и использованием растений находилось, вероятно, и ткачество. О последнем свидетельствуют ролики для веретен, как биконические, так и в виде дисков с трубчатой шейкой на одной стороне, а также оттиски хорошо изготовленной ткани. Интересно также, что на днищах некоторых сосудов видны нарезки, имитирующие отпечатки древесного листа.[35] Нигде более, кроме Японских островов, Кореи и нашего Приморья, такие оттиски листьев или разные рисунки, имитирующие жилки древесного листа, неизвестны.

На другом конце Приморского края, в районе Владивостока, около Уссурийска и еще далее к югу, вблизи р. Туманган, выявлен ряд неолитических поселений, которые по времени и культуре так или иначе сближаются с ранним неолитом Северного Приморья и даже Нижнего Амура. Памятники эти очень разнообразны, но в целом их можно отнести к III тыс. до н. э., а, может быть, некоторые из них и более ранние по возрасту. Сюда относится, например, неолитическое поселение на том же Осиновском холме, где под слоем эпохи неолита залегали остатки палеолитической мастерской.

Жившие на Осиновском холме в неолите люди пользовались такими же плоскодонными сосудами, как и их современники на р. Тетюхе. Они украшали свои горшки одинаковым в основе узором в виде плетенки, выделывали из мягких, но плотных зеленокаменных пород ка-

[35] N. I. Munro. Prehistoric Japan. Jokohama, 1911, p. 269.

менные топоры, однако не односторонне выпуклые, а овальные в поперечнике.

На важную роль охоты указывают каменные наконечники стрел и копий, а вместе с ними каменные клинки ножей, сделанные так заботливо и так умело.

И, конечно, жители неолитического поселка в Осиновке должны были обрабатывать землю и сеять хлебные растения. По крайней мере на расположенном неподалеку от Уссурийска в долине Суйфуна неолитическом поселении Сенькина Шапка вместе с плоскодонными ведрообразными сосудами, украшенными вертикальными зигзагами, оказались типичные каменные куранты.

Остатки неолитических поселений такого рода встречены также вблизи устья р. Майхэ — около Оленесовхоза, а также в ряде мест вблизи р. Тумангана.

Таким образом, в IV—III тыс. до н. э. на юге Приморья обитали, как и на севере, неолитические племена, которые вели оседлый образ жизни. Они жили целыми деревнями в больших полуподземных домах, имели одинаковую глиняную посуду в виде горшков усеченно-конической формы, пользовались двусторонне ретушированными наконечниками стрел одинаковых форм и односторонне выпуклыми в поперечнике рубящими орудиями типа тесел. В их орнаментальном искусстве тоже было много общего: они одинаково украшали свои горшки узорами в виде амурской плетенки или вертикальных зигзагов, прокатанных по мягкой глине зубчатым колесиком или вдавленных гребенчатым штампом. И всем им был чужд спиральный узор, так характерный для их нижнеамурских современников.

Спустя тысячу лет, однако, во II тыс. до н. э., на юге Приморья происходят большие перемены. Лучше всего о них можно судить по одному неолитическму поселению, которое во II тыс. до н. э. выросло невдалеке от границ Кореи, в устье р. Гладкой, вблизи пос. Зайсановки. Оно интересно вдвойне. Во-первых, тем, что этим поселением представлена культура каких-то других, чем тетюхинцы, иных по происхождению племен. Во-вторых, поселение принадлежит и к другой, более поздней стадии неолитической культуры Приморья. Не менее интересна и своеобразна картина жизни обитателей этого поселка, их техники и культуры.

В этом месте р. Гладкая протекает в очень широкой и низменной долине. Правый берег ее поднимается над руслом реки на высоту около 15 м и имеет вид сравнительно узкого гребня, сложенного в основании сланцами и отчасти перекрытого рыхлыми отложениями четвертичного времени. От находившегося здесь в древности поселения сохранились, по-видимому, только незначительные остатки, так как все остальное было уничтожено карьером.

Раскопками выявлены скопления разбитых глиняных сосудов, а вместе с ними и довольно многочисленные изделия из камня. Это своего рода мусорные свалки древних жителей поселка. Об этом свидетельствует как беспорядок, в котором находятся обломки сосудов, так и крутизна склона, на котором не могли жить люди. Возможно, что они жили и не на земле, а в жилищах на сваях, напоминающих птичьи гнезда, откуда и выбрасывали вниз различные хозяйственные отбросы, в том числе битые горшки. Но на более ровных участках поселения оказались все же отдельные скопления крупных камней, образующие в плане овал или окружность, которые могли служить очагами. Очаги эти отчасти напоминают отмеченный выше очаг, найденный в Осиновке. С такими очагами могли быть связаны какие-то жилые сооружения типа шалашей или вообще легких надземных построек, в которых и жили обитатели поселения, во всяком случае в летнее время.

Жители этого неолитического поселка выделывали свои мелкие орудия не из желтого или белого вулканического туфа, как обитатели Тетюхинского поселения, а из совершенно иного материала — из великолепного по качеству черного полупрозрачного вулканического стекла — обсидиана. Из обсидиана изготовлялись каменные ножи и наконечники стрел. Ножи выделывались из широких пластинчатых отщепов, у которых один край или оба обрабатывались ретушью обычно со спинки, но иногда и с брюшка. Некоторые ножи имеют треугольные контуры и напоминают по очертаниям мустьерские остроконечники.

Керамика поселений на р. Гладкой представлена многочисленными сосудами, которые могут быть разделены на три основные группы. В первую входят высокие и узкие сосуды «баночной» формы, с прямыми стенками, плавно расширяющимися от дна к венчику. Такие сосуды украшались простым геометрическим узором. Чаще всего это вертикальные резные зигзаги, затем горизонтальные резные линии, параллельные друг другу, а также такие же полосы, выполненные ямочными вдавлениями. Вторая группа сосудов представлена низкими широкими чашами, иногда с легким расширением донышка по краю. Чаши эти больше всего напоминают современную кесу или пиалу Средней Азии. Венчик их обычно прямой, иногда же слегка загнутый внутрь. Орнаментальный пояс состоит из полосы чередующихся косо заштрихованных треугольников и из широких вертикальных зигзагов, параллельных друг другу, из расположенных горизонтальными рядами косых вдавлений. Третья группа сосудов отличается от всех остальных наибольшей сложностью своего профиля. Они имеют узкое дно, сильно выпуклое в середине брюшко и суженную шейку. Венчик их всегда слегка выгнут наружу. Усложненной форме соответствуют старательная отделка поверхности этих сосудов лощением и более богатая орнаментика. В отличие от скупого прямолинейно-геометрического узора прочих сосудов они украшены меандром. Широкая меандровая полоса охватывает их посередине, придает им особенно нарядный вид. Богатство узора усиливается тем, что обычно более или менее широкая полоса меандра сплошь заполнена внутри еще косыми гребенчатыми оттисками. Такое заполнение меандровых полос находится в резком контрасте с гладким лощеным фоном и еще более усиливает впечатление нарочито торжественной пышности оформления сосуда.

В хозяйственной жизни обитателей этого поселения несомненно важное место занимали охота и рыбная ловля. Но, так же как и у обитателей Тетюхинского поселения, здесь существовало земледелие: среди крупных каменных изделий этого поселения имеется одна, вполне типичная по ее ладьевидной форме зернотерка с характерной шероховатой рабочей поверхностью.

Так же как и северяне, люди тетюхинской культуры, южные племена Приморья, оставившие поселения типа стоянок Гладкая I (Зайсановка), находились в связях с жителями других областей Азии, в том числе Кореи и Японских островов. Об этом свидетельствуют как формы, так и орнаментика глянцевых сосудов.

В керамике поселения на р. Гладкой может быть прослежено сосуществование сосудов различных форм, которые в истоке восходят к имеющейся здесь наиболее простой и явно первоначальной форме — к сосудам простейшего вида, узким или широким вазам, напоминающим конус со срезанной вершиной. Основным и исходным элементом этих усеченно-конических сосудов является орнаментация вертикальными зигзагами, образующими в целом по горизонтали нечто вроде бесконечно повторяющего «елочного» узора. Оба этих исходных элемента (форма и орнамент) могут быть легко обнаружены на обширных пространствах нашего Дальнего Востока и в соседней Восточной Азии, но при этом преимущественно

в приморской полосе, вдоль побережья Тихого океана и в островном мире Восточной Азии. Таковы, например, так называемые «цилиндрические сосуды» (entodoki японских авторов).

Эти глиняные сосуды приморских областей Японии, Кореи, а также советского Дальнего Востока по размерам, форме и орнаменту поразительно близки к цилиндрическим плетеным корзинам — сосудам Малайского архипелага и Японии. Очевидно, они и на самом деле происходят от подобных плетеных вместилищ, а поэтому и сохранили свойственную для них форму и их чисто технический по истокам орнамент.[36] Последний имеет ближайшую связь с техникой плетения этих корзин и передает в форме вертикальных зигзагов характерную поверхность плетеных корзин.

Сходство неолитической керамики южной части Приморья с неолитической керамикой Кореи и Японских островов подкрепляется также и общими чертами в каменном инвентаре и даже в материале, из которого выделывались каменные орудия.

Южная по ее происхождению неолитическая культура, которая представлена находками в устье р. Гладкой, не распространялась в чистом виде сколько-нибудь далеко на север. Но близкие к ней какие-то иные культуры прослеживаются в районе Уссурийска, на р. Чапигоу, а также и дальше вдоль морского побережья до устья р. Сучана и, по-видимому, еще далее. Эти находки свидетельствуют о распространении на север новых культурных веяний, а может быть, и новых племен — южан.

Одним из важных в культурно-историческом отношении районов Дальнего Востока было Среднее Приамурье.[37] Исторический путь населения этого района в неолите был во многом резко своеобразен; в нем возникали и развивались тогда свои местные культуры, находившиеся в сложных взаимоотношениях с соседними культурами Монголии и Маньчжурии, Забайкалья, Нижнего Амура и Приморья. К числу наиболее ранних памятников неолитического времени относятся здесь почти полностью раскопанные поселения каменного века у дер. Новопетровки. Как показали раскопки, древний поселок был построен его обитателями на высоком живописном мысу, который круто обрывается к сильно заболоченной в настоящее время долине речки Дунайки.[38]

В те времена, когда здесь еще горели костры древних обитателей долины речки Дунайки, эти террасы были, очевидно, берегами большой и многоводной реки, какой мы видим ее сейчас в дни больших летних паводков. Люди каменного века не случайно выбрали именно этот высокий мыс в 2—3 км от русла Амура: ему не грозит разрушительная сила амурских паводков, сильные и частые ветры одувают мыс и уносят от него полчища гнуса и комаров, этого грозного бича «амурских прерий». Одной из важных причин, заставивших неолитического человека обосноваться на этом месте, был характер отложений, из которых состоит эта терраса. В рыхлом песке легко было выкопать простыми деревянными, каменными или костяными орудиями котлованы для жилищ, здесь не застаивалась дождевая или снеговая вода: ее сразу же без остатка поглощала песчаная почва.

---

[36] А. П. Окладников. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 20.

[37] А. П. Окладников. 1) Основные проблемы древней истории Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений Третьей дальневосточной конференции по истории, археологии и этнографии. Комсомольск-на-Амуре, 1962, стр. 96; 2) Археология долины реки Зеи и Среднего Амура. «Советская археология», 1966, № 1, стр. 32—41; А. П. Деревянко. Новые данные по археологии Среднего Амура. «Известия Сибирского отделения АН СССР», серия общественных наук, № 9, 1964.

[38] А. П. Деревянко. Новопетровская культура (культура пластин на Среднем Амуре). «Советская археология», 1965, № 3, стр. 119—123.

Не удивительно поэтому, что поселения и жилища людей неолитического времени тянулись вдоль края новопетровской высокой террасы на протяжении почти 3 км.

Они делятся на два поселка — Новопетровка I и II. В обоих существовали дома полуподземного типа. В Новопетровке II дома располагались вплотную друг к другу, причем некоторые жилища были ориентированы с севера на юг под углом к реке. Другие жилища ориентированы были с запада на восток и примыкали к первым так, что расстояние между котлованами жилищ не превышало полуметра.

Жилища имели один ряд столбов вдоль стенок. Вторая группа ямок от столбов сосредоточена была в середине жилища. Это был как бы второй концентрический ряд столбов, оконтуривавших внутреннее пространство дома. В середине некоторых жилищ помещались очажные площадки, следы от обогревавших их некогда кострищ. Кроме очагов, в жилищах сохранились хозяйственные ямы. Так, например, в одном жилище (№ 9), в его середине, находилась большая хозяйственная яма диаметром до 2 м, в ее заполнении встречались фрагменты керамики и каменные изделия. Почти во всех жилищах их обитатели оставили следы своей трудной деятельности в виде специальных ямок — хранилищ нуклеусов в различных стадиях оформления. Нуклеусы прятались в ямки для того, чтобы кремень сохранял свежесть и лучше обрабатывался. В одном из таких тайников вместе с нуклеусами лежали целые груды галечек-грузил в количестве 32 штук. Может быть, здесь была свернута целая сеть. Не менее характерной бытовой деталью в устройстве некоторых новопетровских жилищ были специально оставленные при рытье котлованов узкие уступы материка — нары. На них, как и в позднейших жилищах такого типа у сибирских племен, могли спать и работать их древние обитатели.

Трудовая жизнь в поселке не ограничивалась, однако, внутренним пространством самого жилища. Рядом с домами обнаружены две большие ямы, круглые в плане, диаметром 3—3.5 м. В середине каждой ямы горел когда-то костер: от него сохранились линзы глубоко прожженного песка с примесью золы и мельчайших древесных угольков. Над кострищами в ямах находились, вероятно, крыши-шатры. Это были, должно быть, небольшие летние помещения для работы на свежем воздухе, вне душных и темных землянок. В одном из них обнаружена каменная плита-наковальня для обработки камня. Не пустовало и остальное пространство по соседству и между жилищами. По всей площади поселка были рассеяны ножевидные пластины, отщепы и даже скопления нуклеусов вместе с наковальнями-плитами. Отсюда следует, что в летние месяцы основная трудовая деятельность людей протекала вне дома.

Большая протяженность поселка, обширные размеры жилищ, их скученность свидетельствуют о том, что здесь жила крепко спаянная экономическими и родственными узами группа людей — род или племя.

Эта племенная группа, существовавшая здесь на протяжении многих поколений, характеризовалась и определенным устойчивым единством своей культуры, в первую очередь определенными традициями в области обработки камня, основы всей производственной жизни того времени. Исходным элементом, первоосновой техники обработки камня здесь, как и всюду в каменном веке, были ядрища-нуклеусы. Нуклеусы Новопетровки имеют четко выраженные специфические особенности, в которых отражены традиции, уходящие в отдаленное палеолитическое или мезолитическое прошлое. Чаще всего встречаются и особенно выразительны с этой точки зрения нуклеусы клиновидной формы.

Вторая характерная черта техники обращения с камнем у древних новопетровцев неразрывно связана с первой и еще оригинальнее, еще неожиданнее. Она заключается в том, что основная, подавляющая масса

изделий из камня представлена здесь пластинами и вещами, материалом для которых служили не желваки и гальки, а именно пластины, как крупные, массовые, так и маленькие, в полном смысле этого слова миниатюрные.

Много пластин не обрабатывалось ретушью, и они шли в дело как бы в «сыром» первоначальном виде, такими, как их снял с нуклеуса мастер. В остальных же случаях мастер ограничивался самыми минимальными затратами времени и энергии. Так выделывались своеобразные пластинчатые наконечники иволистной формы. У них, как и у широко известных в литературе «даурских наконечников», ретушь ограничена была только верхним кончиком и при этом почти преимущественно с брюшка пластины. И только в редких случаях, когда требовалось снять особенно массивный ударный бугорок внизу, мастер стесывал его отжимной ретушью. Столь же редко он считал возможным подправить кончик острия со спинки пластины.

Ножевидные пластины превращались специфическим приемом — резцовым сколом — в резцы, иногда двуконечные. Двуконечные резцы — столь же специфический элемент каменного инвентаря этого поселения, как и пластинчатые наконечники. Они также определенно указывают на древность технических традиций, которыми питалась техника новопетровцев: во всех культурах каменного века резцовая техника так или иначе восходит к приемам палеолитических мастеров.

Скребки тоже выделывались из ножевидных пластин, они частью широкие, а частью узкие, почти клювовидные. Такие скребки граничат с проколками и проколовидными остриями, тоже составляющими очень выразительную и типологически важную часть каменного инвентаря Новопетровки.

Если бы в нашем распоряжении были только эти изделия из пластин, новопетровское поселение нужно было бы отнести к начальным временам верхнепалеолитической обработки кремня или по крайней мере к мезолиту. Тем не менее среди находок есть несколько образцов шлифованных орудий из камня — небольшие тесловидные орудия и нож. Значит жителям древней Новопетровки были известны все основные приемы неолитической техники, но они не имели желания пользоваться ими и предпочитали употреблять старые, тысячелетние приемы.

Они умели изготовлять и керамику, хотя в отличие от неолитического населения Нижнего Амура очень редко пользовались глиняной посудой. Керамика здесь — редкое явление. Таков, например, единственный во всем поселении раздавленный целый сосуд. Мало того, что это единственный целый сосуд, он и оформлен как бы нарочито грубо и небрежно. У него плоское дно, слегка отогнутый венчик и орнамент в виде поясков из налепных рассеченных валиков.

Как видно из описания поселка и каменного инвентаря его обитателей, они не знали, по-видимому, ни земледелия, ни скотоводства. Правда, в одном из жилищ уцелело орудие из мелкозернистого камня, похожее на мотыжку. Все же остальное свидетельствует о простой жизни древних охотников и рыболовов.

Каменные грузила от сетей — свидетельство рыболовства, этого древнейшего и исконного занятия обитателей Амура. Сети, для которых служили эти грузила, могли, всего вероятнее, выделываться из крапивы. Так плели их в XIX в. нанайцы и гиляки (нивхи) на Амуре.

Полнее документирован охотничий промысел: о нем свидетельствуют не только многочисленные наконечники стрел, дротики, но и такие предметы, как мужские охотничьи ножи, которыми разделывали туши и шкуры убитых животных. Обилие пластин, в том числе ретушированных вдоль лезвий вкладышей, дает право предполагать, что в широком употребле-

нии находились вкладышевые ножи, кинжалы и наконечники — грозное боевое оружие охотников каменного века.

Находки у Новопетровки ставят перед исследователями еще одну проблему — проблему происхождения и дальнейшей истории всей этой своеобразной культуры, культурных и этнических связей ее носителей с другими странами.

Здесь рельефнее, чем где-либо в другом месте, выступает коренное местное начало, из которого со временем вырастает все разнообразие дальневосточных неолитических культур. Новопетровская культура ближе всего к этому первоначальному источнику, которым в данном случае является местный дальневосточный мезолит. Не случайно наиболее близкие параллели у нее с находками на таких древних памятниках нашего Дальнего Востока, каким является замечательное поселение-мастерская на р. Тадуши у дер. Устиновки.

Плодородные пространства Среднего Амура служили местом встречи носителей разных культур и в более позднее время. Одна за другой сменялись культурно-этнические общности, памятниками жизни которых служат мертвые поселки, а вместе с тем развертывался процесс прогрессивного развития техники, а также, очевидно, и хозяйства местного населения, шла непрерывная эволюция культуры.

Примерно в тот же период или несколько позже времени расцвета новопетровской культуры на берегу Амура, у нынешней деревни Сергеевки, в 60 км от Благовещенска, на высоких песчаных грядах-холмах у древних стариц существовало еще одно поселение каменного века. На одной из таких гряд под мощным слоем навеянного дюнного песка обнаружился черный слой илистого песка — погребенный почвенный слой отдаленного прошлого. В нем найдены были многочисленные каменные изделия столь же необычного облика, как и в Новопетровке, но вместе с тем и в корне отличные от них. Таковы прежде всего тесловидные и скребловидные инструменты, сделанные из речных галек. С одной стороны они были оббиты сплошь или по самому краю. Другая же сторона этих галек оставалась совершенно необработанной. Точно такие же крупные «макролитоидные» изделия из обработанных только с одной стороны галек были встречены за три года до этого на р. Зее, вблизи устья речки Громатухи.

Вторым составным элементом этого комплекса являются призматические пластины, нуклеусы и характерные пластинчатые наконечники, обработанные «даурской ретушью», такие же как в Новопетровке.

Отсюда следует, что культура жителей Сергеевского поселения сложилась по крайней мере из двух источников. Одним из них была новопетровская техническая традиция, другим — загадочный мезолитический источник с крупными галечными орудиями, обработанными с одной стороны.

Очень вероятно, что жители древнейшего поселка в Сергеевке в отличие от их соседей в Новопетровке занимались не столько рыбной ловлей, сколько охотой. Во всяком случае здесь не найдено ни одного грузила и вообще не встречено никаких свидетельств рыболовства. Не случайно, должно быть, здесь, как и в Громатухе, не обнаружено остатков прочных полуподземных жилищ такого рода, как в Новопетровке. Жители Сергеевки и Громатухи обходились простыми каменными очагами из речных галек, над которыми стояли конические шалаши-чумы или навесы. Они, следовательно, жили так же, как их северные и западные соседи в Прибайкалье, Якутии и в монгольских степях, — маленькими группами, в легких временных жилищах, которые так же легко было построить, как и бросить при перекочевке на новое место в погоне за дикими животными.

Дальнейший ход исторических событий на Среднем Амуре нашел отра-

жение в находке на том же поселении у дер. Сергеевки, но уже не в черном слое погребенной почвы, а в том слое эолового песка, который ее перекрывает. Должно быть, за это время произошли какие-то перемены в природной обстановке, иначе не образовалась бы эоловая толща — свидетельство увеличения сухости воздуха. Не менее существенные перемены произошли в материальной культуре среднеамурских племен. Исчезли прежние односторонне обработанные гальки, придававшие такой необычный архаический облик изделиям жителей поселения нижнего слоя Сергеевки. Вместе с ними исчезли и пластинчатые наконечники стрел. На смену им появились правильные ножевидные пластины и призматические нуклеусы, а также наконечники стрел обычного неолитического облика, треугольные, обработанные тонкой отжимной ретушью с обеих сторон.

Такой же ход событий обнаруживается и в том районе, где жили когда-то новопетровцы. Всего лишь в каких-нибудь 3—4 км от новопетровского мыса лежит Осиновое озеро, одна из многочисленных древних стариц, по которым блуждала в свое время речка Дунайка. На небольшом песчаном останце у озера располагалось древнее поселение, жители которого не случайно устроились в этом царстве кровожадных комаров: озеро имело для них большую притягательную силу. Они построили здесь свои жилища с углубленным в землю основанием. Все эти дома имели в плане округлые, а не четырехугольные, как в Новопетровке, очертания. Диаметр их равен был в среднем 8—9 м. В середине каждого дома горел очажный огонь. На полу жилищ двумя концентрическими кругами располагались ямки от столбов. Одно такое кольцо столбов окаймляло стену котлована жилища. Второе оконтуривало внутреннее пространство, устланное берестой, обрывки которой уцелели в заполнении котлована жилища. Внутри каждого жилища его строители выкапывали ямы для запасов и других хозяйственных надобностей. Кроме обломков сосудов, в ямах лежали кости рыб, иногда очень крупных. Рыболовство было, таким образом, если не главным, то во всяком случае очень важным занятием жителей поселка, о чем свидетельствует и костяной гарпун неолитического типа, оказавшийся в одном из жилищ. В других жилищах найдены были грузила из плоских галек, а также тонкие кремневые пластиночки, которые могли употребляться как жальца для составных крючков. Жители поселка, следовательно, располагали уже всей массой рыболовных принадлежностей неолитического времени. Они полностью использовали рыболовные ресурсы своего Осинового озера, в котором и сейчас водится различная озерная рыба: сом, щука, карась, угорь. Могла заходить по речке Дунайке из Амура для икрометания и кета. Об охоте непосредственно и прямо напоминает единственный предмет — рог благородного оленя. Но о том, что охота (в первую очередь, должно быть, на водную дичь — гусей, лебедей, уток) не утратила важного значения, свидетельствуют также и наконечники стрел из камня.

Принципиально новым в жизни среднеамурских племен было появление земледелия. В ряде жилищ найдены каменные крупные орудия, которые могли служить для обработки земли. Так, в одном жилище (№ 2) на «плечике» его лежала крупорушка. Она имела вид каменной массивной плиты размером 35 × 40 см. В середине ее есть углубление в виде плоской чаши. Концентрические царапины на ней свидетельствуют, что работа по растиранию зерна производилась песком, вкруговую. Пест лежал в «рабочем положении» тут же, на самой крупорушке!

Охота, рыболовство и первобытное земледелие — все это вместе взятое свидетельствует, что теперь неолитические обитатели Среднего Амура сделали новый большой шаг в развитии производительных сил и экономики. От потребляющего хозяйства первобытных охотников, собирателей и рыболовов они перешли к производству пищи, вырвались далеко вперед

по сравнению с их предшественниками, жившими когда-то на Новопетровском мысу.

В связи с этим встает вопрос о том, кто были новые обитатели речки Дунайки, в каком отношении находились они к их предшественникам. С первого взгляда может показаться, что имело место появление нового народа с принципиально новой культурой. Помимо изменений в хозяйстве, на это могут указать и перемены в технике обработки камня и даже в самом материале, из которого выделывались орудия труда. Если новопетровцы в основном использовали в качестве материала вулканический туф, то теперь широко применяется белый, желтый и особенно часто красный халцедон. В корне меняется набор каменных орудий. Вместо изящных пластинчатых проколок, «даурских» наконечников старых форм появляются двусторонне ретушированные наконечники стрел треугольных очертаний, мелкие скребочки, двусторонне ретушированные вкладные лезвия для составных ножей и копий.

Однако против мысли о разрыве культурных традиций, т. е. в конечном счете о приходе какого-то нового населения извне, свидетельствует керамика. Как это не удивительно, но на фоне общих перемен в жизни среднеамурских племен особенно резко выступает неизменность керамики. Глиняные сосуды жителей поселка на Осиновом озере совершенно такие же по форме и орнаменту, как и в Новопетровке. Керамика, как это признается большинством исследователей, является наиболее чутким индикатором культурных отношений. И на этот раз она совершенно определенно говорит своим собственным языком о непрерывности исторического процесса на Среднем Амуре, о преемственности населения и культуры.

Между поселениями у дер. Новопетровки на Осиновом озере археологическими разведками обнаружено еще одно неолитическое местонахождение. На поле здесь были рассеяны многочисленные крупные орудия из камня: песты, отбойники, даже шлифованные топоры. Но всего интереснее найденные здесь каменные куранты сегментовидной формы, такие же как в Приморье. Обнаружены здесь и такие же, как на Нижнем Амуре, ретушированные каменные ножи и двусторонне обработанные наконечники стрел. В ряде мест на Среднем Амуре найдена и керамика, близкая к нижнеамурской, украшенная характерным узором в виде «амурской плетенки», а также вертикальными гребенчато-пунктирными зигзагами. На одном из таких местонахождений в районе с. Новопокровского вместе с керамикой нижнеамурского типа обнаружены две великолепно отшлифованные блесны нижнеамурского типа, такие же как в Кондоне у Комсомольска-на-Амуре. Материалом для них послужил беловато-зеленый нефрит.

Заполнение одного из жилищ у Осинового озера было прорезано ямой, на дне которой уцелели остатки человеческого костяка, а при нем лежали фрагменты глиняного сосуда, украшенного вертикальным пунктирным зигзагом. Это был, очевидно, один из тех переселенцев, которые явились в конце неолитического времени с Нижнего Амура или с Уссури на Средний Амур. Он пришел сюда, должно быть, уже после того как жители поселка на Осиновом озере оставили эти места и их жилища поросли дикой травой и кустарником.

Такова в общих чертах сложная и насыщенная событиями история Среднего Амура в неолитическое время, о которой рассказывают археологические памятники этого района.

5. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

Северо-восток Азии был страной, где издавна происходило смешение различных по происхождению племен и культур, дальневосточных и сибирских. Здесь же должна была пролегать и дорога из Старого Света —

Азии в Новый — в Америку, путь племен, переносивших с собой на Американский континент новые культуры, как например культурный комплекс лыжной охоты, выделенный Г. Хэттом. На северо-востоке Азии и противоположном берегу Америки сложилась в свое время и единая в основе культура «ледовой охоты» морских зверобоев — эскимосов.

Одним словом, здесь происходили сложные культурно-исторические и этногенетические процессы, оставившие свои следы в сложном, поистине мозаичном накоплении вещественных археологических памятников, еще слабо исследованных. Но и то, что известно в настоящее время, представляет большой интерес для древней истории Сибири.

Во многом родственные племенам Нижней Лены группы неолитических племен бродячих охотников на северного оленя в III—II тыс. до н. э. распространялись на восток от Лены — в долине р. Колымы и еще дальше, на Чукотке, вплоть до Берингова пролива. Остатки их поселений встречены, например, на Колыме, в районе Нижнеколымска и в местности Лабуя. Как и на Нижней Лене, они делятся на две хронологические группы: для ранней типична керамика с оттисками колотушки, обмотанной нитями; для поздней — керамика с ложнотекстильными оттисками. Весьма раннему времени принадлежат, должно быть, и некоторые находки в глубине Чукотки. Так, на вершине сопки Усть-Белой, при впадении р. Белой в Анадырь, были обнаружены тонкие заостренные с двух концов, обработанные изящной уплощенной ретушью наконечники.

Некоторое сходство с этими наконечниками имеют и предметы в расщелине скалы на горе возле оз. Эльгыгытхын, на пути сезонных передвижений диких оленей.[39] Под большой каменной глыбой здесь оказался тайник, в который древний мастер спрятал от чужих глаз все свое богатство — груду заготовок и законченных кремневых клинков, ножей или наконечников, обработанных тщательной отжимной ретушью с обеих сторон. Неподалеку, на самом берегу озера, оказалась и стоянка тех людей, которым принадлежал тайник. Хотя здесь и не было обычного для поселений каменного века «культурного слоя», а вещи находились в беспорядке в мелкой гальке, все же отходы от производства кремневых изделий и немногочисленные орудия из кремня показывают, что люди неоднократно останавливались во время своих охотничьих и рыболовных экспедиций в этом отдаленном месте.

Интересно в связи с этим, что наконечники с р. Белой имеют сходство с кремневыми наконечниками из нижнего мезолитического слоя стоянки на мысе Денби и из одновременного ему третьего слоя на мысе Крузенштерна на Аляске.

Некоторое общее сходство у них есть и с каменными изделиями доэскимосской культуры саркак в Аляске и Гренландии. Возможно, что и на Чукотке около IV—III тыс. до н. э. существовали древние охотники, еще не знавшие употребления глиняной посуды. В технике обработки камня у них многое было еще от мезолита, и прежде всего умение скалывать тонкие и мелкие ножевидные пластинки. Стрелы, ножи и скребки — вот наиболее типичное оружие и орудия труда того времени. Близкие по общему облику находки могут быть отмечены и на Охотском побережье, где древнейшими являются стоянки на о. Ольском и о. Недоразумения. Они характеризуются наличием ретушированных изделий из кремнистых пород и отсутствием керамики. О. Недоразумения, где найдена самая богатая из этих стоянок, расположен близ материка. Возвышенности острова почти совершенно закрывают пролив от северо-восточных и восточных ветров и зыби с моря, что делает возможным укрываться от

[39] А. П. Окладников, И. А. Некрасов. Новые следы континентальной культуры на Чукотке. «Советская археология», 1957, № 2.

шторма и даже передвигаться по проливу во время 5—6-балльных ветров. На острове имеется ручей с хорошей ключевой водой. В районе северной косы острова находится большое лежбище ластоногих. В период нереста к острову подходят большие косяки кеты и горбуши.

Уже при первом взгляде на коллекцию вещей, собранных на о. Недоразумения, обращает внимание изобилие мелких ретушированных изделий — наконечников стрел, шильев, проколок, скребков, — превосходно выполненных. Вдобавок все эти изделия изготовлены из высококачественных пород камня: горного хрусталя, халцедона, различных оттенков яшмы.

Наконечники стрел в большинстве миниатюрные, размером 1.6—2.3 см, обработанные тончайшей отжимной ретушью. По форме они разделяются на треугольные (с прямым и симметрично вогнутым основанием, с асимметрично-вогнутым и выпукло-овальным основанием), ромбические и черешковые. Наконечники копий имеют в основном те же формы, что и наконечники стрел, следует только отметить значительную группу наконечников копий с фигурным основанием.

Скребки в большинстве случаев изготовлены из коротких отщепов с тщательно обработанными ретушью рабочими лезвиями, встречаются также скребки на удлиненных отщепах, дисковидные скребки, миниатюрные округлые скребочки размером 2—2.5 см. Шилья, как и скребки, изготовлены из отщепов, имеют характерное выступающее рабочее лезвие, обработанное ретушью. Встречаются шилья с двумя рабочими лезвиями; есть орудия, выполнявшие двойные функции: они использовались и как скребки, и как шилья или даже сверло. Найдено и несколько сегментовидных орудий, по широкому краю подправленных тонкой ретушью. Они служили, очевидно, вкладными лезвиями для ножей и наконечников.

Широко представлены на стоянке ножи. Их несколько видов. Есть двусторонне ретушированные ножи, тоже являвшиеся, по-видимому, клинками-вкладышами, вставляющимися в деревянную или костяную оправу. У них асимметричные очертания. Некоторые ножи имеют отчетливо выделенную рукоять, которая намечается по резкому сужению сразу же от рабочего края. Есть ножи на пластинчатых отщепах. Один из них имеет подчетырехугольную форму, длинные его стороны со спинки отретушированы.

Население, оставившее стоянку, не только в совершенстве ретушировало камень, но также успешно владело техникой пиления и шлифовки камня. Это показывают многочисленные находки шлифованных топоров, находка пилы из кремнистого сланца с зубчатым лезвием. Для стоянки характерны сравнительно тонкие топоры удлиненно-миндалевидных очертаний с линзовидным в поперечнике сечением. Рабочий край у них широкий и очень острый, обушок несколько уже лезвия, но также заострен и зашлифован. Встречается два варианта таких топоров: оббитые, с подшлифованными краями и полностью шлифованные.

Украшениями или амулетами служили округлые, тщательно отполированные пластинки с небольшими сверлёными дырочками в верхней части. Две такие пластинки изготовлены из желтоватого камня. Третья сделана из камня светло-коричневого цвета. На ее поверхности врезанными линиями изображено человеческое лицо.

Найдено всего три костяных предмета: односторонне-зубчатый наконечник гарпуна, наконечник стрелы с прорезом для кремниевого вкладыша и наконечник гарпуна поворотного типа с заостренным верхним концом, с двумя симметрично расположенными бородками, с двумя небольшими шпорами.

В целом материал из поселения на о. Недоразумения показывает, что здесь, как и на о. Ольском, существовало относительно постоянное посе-

ление, жители которого стояли на довольно ранней ступени развитого неолита. Об этом свидетельствуют разнообразие форм каменных орудий и высокая техника их изготовления с применением пиления и шлифования камня. Неолитический возраст стоянки определяется также сходством находок с предметами неолитических поселений Приморья. Таковы каменные топоры миндалевидной формы. Там же, в Приморье (поселение Тетюхе), находятся аналогии найденным на о. Недоразумения ножам с узкой рукояткой и выпуклым рабочим краем.

Близкие по форме и технике треугольные наконечники стрел с асимметричным вогнутым основанием и черешком известны в Прибайкалье (серовский, китойский этапы).[40] Сходны с прибайкальскими неолитическими и некоторые наконечники копий. Отсюда следует, что неолитическая культура северной части Охотского побережья формировалась под влиянием двух культурных течений: одно из них шло с севера — из Якутии, другое — с юго-запада — с низовьев Амура и из Приморья.

Судя по найденному на о. Недоразумения инвентарю (наконечники стрел, копий, ножи), население, оставившее стоянку, жило охотой и рыболовством, дополняя источники пищи развитым собирательством съедобных моллюсков и растений. Возможно, что древние собиратели острова изредка охотились на ластоногих, но морской промысел не был еще главным, определяющим в их хозяйстве. Становление такого хозяйства морских зверобоев было делом будущего.

Культура развитого неолита оставила наиболее богатые следы на соседней Камчатке. Таковы, например, давно известные в литературе погребенные под полуметровой толщей земли руины землянок на берегу бухты Тарья, недалеко от Петропавловска-Камчатского, исследованные В. И. Иохельсоном и Н. А. Гурьевым. К этому времени можно отнести также второй слой Ушковской стоянки на Каменном мысу и большую землянку в Култуке, тоже на берегу обильного рыбой Ушковского озера.

В Култуке, в углу Ушковского озера, где заросший лесом берег возвышается до 5—7 м, раскопана большая (до 80 см глубиной и более 10 м в поперечнике) округлая в плане яма, оставшаяся от древней землянки. Развалины этого жилища оказались погребенными под несколькими слоями пепла, благодаря чему уцелели бревна и жерди рухнувшего во время пожара перекрытия этой землянки. В землянке найден центральный очаг, а вокруг него кольцом располагались еще шесть малых очажковых кострищ. Своими конструктивными особенностями култукская землянка напоминает подземные жилища ительменов XVIII—XIX вв. Мы видим в них те же опорные столбы, поддерживающие крышу, и такое же дымовое отверстие вверху, служившее входом. Общей же своей четырехугольной формой (с закругленными углами) эта землянка скорее сближается с древними округлыми в плане землянками алеутов, а не с прямоугольными жилищами ительменов. Среди вещей, обнаруженных в землянке, оказалось шесть скребков, два обломка тесел, нож, три больших киркообразных орудия, нуклеус, наконечник стрелы, ножевидные пластинки и отщепы. В восточном углу жилища лежали остатки большого корытовидного деревянного сосуда, насквозь обуглившиеся.

Находки в Култуке, Тарье и на Каменном мысу показывают, что в это время, около II тыс. до н. э., на Камчатке появляются первые глиняные сосуды, шлифованные топоры и разнообразный ассортимент тонко обработанных сплошной ретушью различных каменных изделий: скребков, наконечников стрел, копий. Широко распространяются различного рода

---

[40] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 363.

фигурные ножи, скребки и даже каменные, выполненные техникой ретуширования кремневые фигурки в виде человечков и животных. Эти вещи, а также остроообушковые шлифованные тесла широко входят в быт на Камчатке и, вероятно, оттуда распространяются на Алеутские острова. На это же направление культурных, а также этнических связей указывает распространенный в то время на Камчатке обычай украшать губы своеобразными каменными пробками, так называемыми лабретками. Позднее этот обычай широко войдет в быт у алеутов и эскимосов с той только разницей, что у них лабретки станут выделываться преимущественно из кости и моржевого клыка.

Обилие костей рыб и находки каменных стрел указывают на рыболовство и охоту как на основные направления хозяйства.

По материалам раскопок в Култуке можно составить представление и о характере общественных отношений. Большая величина култукской землянки (около 100 м^2) показывает, что в этом жилище обитал большой родовой коллектив, состоявший из нескольких парных семей.

Очень рано проник человек каменного века и на соседний с Камчаткой Сахалин. Этот огромный остров несомненно сыграл важную роль в истории заселения человеком и соседних с ним областей, он является мостом от азиатского материка к островному миру Тихого океана. Курильские острова продолжают этот мост и соединяют среднюю и северную части Тихого океана. Их можно принять вместе с Алеутскими островами за цепь звеньев, соединяющих Азию и Америку.

Важное значение для истории заселения Сахалина человеком и развития его культур имели своеобразные природные условия. Перед нами на одном и том же острове как бы два мира, две страны. Северная часть Сахалина омывается холодным Охотским морем. Там господствуют ветры из Северной Азии, поэтому климат суровый, мало смягченный морем. Средняя температура января —17.7—21.5°. Растительность на севере имеет тундровый характер, чуть южнее растут кедровый стланик, каменная береза, ель и даурская лиственица. Южная часть Сахалина и южная группа Курильских островов омываются теплым Японским морем и Курильским течением. Здесь значительно теплее, чем на севере, и выпадает больше осадков. Здесь растут курильский бамбук, монгольский дуб, маньчжурский ясень, бархат, клены, лимонник, сахалинская пихта.

Жизнь и культура обитателей северной части Сахалина полнее всего восстанавливаются по материалам раскопок на поселении Ноглики I на правом берегу р. Тыми, в 40 км от впадения ее в Охотское море. Вблизи р. Ноглики, при впадении ее в Тымь, неолитический человек поселился здесь на мысу, который и сейчас порос чахлым северным лесом — лиственницей, кедровым стлаником, березой.

На поверхности стоянки все еще видны углубления округло-четырехугольных очертаний, идущие неправильными рядами. Это следы древних землянок. Размеры их 7—9 × 9—10 м, глубина 0.65—1.0 м. Всего здесь 20 землянок. Расположены они неправильными рядами в 3—7 м друг от друга.

Внутри круглых в плане жилищ обнаружены очаги, заполненные пережженным песком. Выходы из жилищ были обращены на юг. Над плоским полом жилищ прослеживались невысокие уступы, до 50 см высотой, это, должно быть, были нары. Внутри жилища остатки глиняной посуды располагались характерным образом — на дне землянки, на уступах и нишах в левой от входа половине землянки. Здесь же находилась большая часть каменных ножей. Следовательно, левая половина землянки предназначалась для кухонных нужд. У стенки одной землянки найден очаг четырехугольной формы размером 96×93 см. Внутри очага и около него найдено много каменных орудий, которые располагались группами, по

5—7 предметов в каждой. Это была как бы кладовая готовых каменных изделий.

Керамика представлена сосудами с плоским дном, с простыми или слегка отогнутыми венчиками, большей частью баночной или горшковидной формы Сосуды тонкостенные, темно-желтого или кирпичного цвета. Некоторые сосуды, особенно небольшого размера, не орнаментированы. Другие орнаментированы узкой полосой примитивных рисунков или налепной узкой полосой с рядом гребенчатых вдавлений на ней. Исключение составляет гребенчатый орнамент, который обычно покрывает всю орнаментальную поверхность сосуда. Чаще всего это характерный вертикальный зигзаг, напоминающий «шагающую гребенку» с острыми углами.

Каменные орудия сделаны из кремня вишневого цвета и кремнистого сланца. Набор их разнообразен: нуклеусы, тщательно отшлифованные каменные топоры и долота, обработанные тонкой двусторонней ретушью наконечники стрел и копий, ножи, скребки и многочисленные ретушированные пластинки. Шлифованных топоров найдено 32. Большинство их имеет удлиненные формы с линзовидным и в единичных случаях трапециевидным сечением в поперечнике. Встречаются также топоры трапециевидных очертаний с уплощенно-овальным сечением, стамескообразные долота, отшлифованные иногда лишь по рабочему краю, а также долотовидные орудия, удлиненные и многоугольные в сечении. Встречаются наконечники стрел листовидной или треугольной формы, с прямым или вогнутым основанием. Единичные экземпляры имеют хорошо выраженный черешок. Наконечники копий — листовидные. Ножи удлиненно-овальной формы, но встречаются также округло-овальные, близкие к треугольным. Много найдено скребков. Они сделаны из отщепов и, судя по форме рабочего края и самого скребка, имели различное назначение. Ретушированные пластины, в том числе с выемками, могли служить ножами или скребками.

Своего рода эталоном для южной культуры на Сахалине может служить второе и очень большое по размерам поселение на этом острове — стоянка Стародубское II. На всей поверхности ее видно 58 овальных углублений, расположенных правильными рядами. Размеры углублений варьируют в пределах 9—20 × 7—14 м, глубина их 0.5—0.75 м. Они являются следами древних обвалившихся и покрытых новым почвенным покровом землянок. Одна из раскопанных землянок выделялась огромными размерами: ее наружные контуры имели вид овала с диаметром 20 и 14 м. При детальном исследовании выяснилось, что землянка — четырехугольная по форме. Глубина ее в центре достигала 80 см от современного уровня почвы. Со стороны, обращенной в глубь материка и защищенной от морских ветров, имелся очень крутой выход. По полу проходила узкая канавка, которая подобно камчадальским тоннелям в землянках служила дымоходом. Она располагалась вблизи очагов и шла ниже уровня пола. Перекрытие землянки покоилось на четырех больших столбах, расположенных в центре. По стенам шла вспомогательная система столбов. В землянке жило, очевидно, несколько семей. По левой стороне у входа рядом со стенкой располагалось пять небольших очагов. Рядом с ними находились хозяйственные ямы. Здесь найдено много целых сосудов, а также ножи и скребки. Вероятно, эта половина жилища предназначалась для кухонных нужд. Правую сторону, видимо, занимали нары. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие ям и неровностей.

Керамический материал состоит из обломков сосудов грязно-желтого или темно-серого цвета. Большая часть их имела форму, близкую к полуяйцевидной, с круглым или острым дном. Верхние края сосудов были прямые или имели чуть суженную шейку с отогнутым венчиком. Орнаментальные полосы составлены из отпечатков штампов: гребенчатого, веревочного и фигурного.

Стоянка изобилует каменными топорами. Только в слое, заполнявшем землянку, найдено около 30 топоров. Все они сделаны из кремнистого сланца. Наиболее часто встречаются четырехугольные в поперечном сечении топоры-клинья, толщина их превосходит ширину, обушок прямой.

Среди наконечников стрел преобладают листовидные, треугольные, с прямым основанием и с выемкой в основании, с листовидным лезвием и широким прямым или суживающимся черенком. Такие же формы имеют наконечники копий. Тщательной двусторонней ретушью покрыты каменные ножи. Среди них имеются ножи треугольной формы, с широким овальным лезвием и суживающейся рукояткой и лезвием, удлиненным и выпуклым с одной стороны.

В землянке найдено много шлифовальных камней, отбойников, пестов, а также терочных камней-курантов продолговато-цилиндрической или круглой формы. Есть также небольшая трубочка, украшенная резным орнаментом в виде меандра, стерженьки длиной 6.5—8 см, круглые или овальные в сечении, суживающиеся к обеим концам, с желобком в середине одного из них. Они представляют штампы для орнаментации керамики. Обнаружены также шлифованные кольца из нефрита и мрамора.

Жители стоянки занимались рыболовством и охотой, а также собирательством. О рыболовстве свидетельствуют расположение стоянки, а также позвонки рыб, об охоте — наконечники стрел и копий.

Судя по данным Л. И. Шренка, который писал, что в нивхских землянках, примерно таких же по размеру, как жилища на Стародубском поселении, в среднем жило по 8 человек, общая численность обитателей этого поселения составляла около 400 человек. Это был несомненно крупнейший на острове населенный центр, место, где жило, может быть, несколько родов.

Сравнивая материалы Ногликов и Стародубского, нетрудно увидеть, что они принадлежали во многом родственным, но вполне самостоятельным этническим группам, особым племенам.

Форма долот на севере другая, чем на юге. На севере распространены наконечники стрел с выемкой, которых нет на юге. На юге нет и такого множества нуклеусов и ретушированных пластин, которые характерны для севера. На юге нет типичного для севера орнамента в виде вертикальных зигзагов или «распавшейся елочки». На севере отсутствуют остродонные и круглодонные сосуды.

По-иному, чем на юге, на севере выглядели и жилища: для поселения Стародубского II характерны большие подчетырехугольные жилища с несколькими очагами, на стоянках Ноглики I жилища были среднего размера, круглые, с «лежанками».

Особенности южных и северных памятников Сахалина указывают на происхождение оставивших их племен. Северные племена явно генетически связаны с низовьями Амура. Культурно-этнические связи южан ведут скорее в сторону Приморья.

Особый и резко своеобразный мирок в неолитическое время представляли обитатели Курильских островов, протянувшихся широкой дугой от Камчатки к самому северному из Японских островов — Хоккайдо. Природа словно нарочито создала эту удивительную скалистую груду маленьких островов, брошенных в море, как гигантское ожерелье, чтобы поразить наше воображение. Прямо из морских волн вздымаются конические громады вулканов. В трещинах на их склонах лежат летом пятна снегов, а внизу зеленеет непролазная, в полном смысле девственная растительность. Кто хотя бы раз пытался подняться на один из вулканов Курильской гряды, навсегда запомнит здешний «бамбучник» — сплошные, как веник, стебли карликового бамбука. Издали они привлекают своей свежей зеленью. С самолета можно принять их за приятную травяную лужайку.

Однако стоит вам сделать первый шаг в глубь этой лужайки, как вы увидите, что единственный, кто может проложить по ней свои тропы, — гималайский или камчатский медведь!

Не удивительно поэтому, что человек издавна жался здесь к морскому берегу, несмотря на грозные валы цунами, которые, как и извержения вулканов, вероятно, не раз угрожали ему гибелью, если он спускался ниже определенного уровня. Но даже и у моря он устраивался в определенных, немногих местах, там, где была пресная вода. С вулканов по глубоким ущельям с шумом катятся потоки прозрачной воды. Но чистота ее обманчива: это чаще всего абсолютно непригодная для питья вода, сернистая или железистая. И дело не только в воде. Человек селился в устьях ручьев или речек, вытекавших из пресных озер. Озера сами по себе богаты рыбой. В определенное же время года, когда происходит нерест кеты или горбуши, рыба сплошь заполняет эти речки. Не удивительно поэтому, что в устьях таких речек расположены остатки не только больших, но, можно сказать, огромных неолитических поселений.

Жизнь обитателей этих поселков шла в общем так же, как и жизнь их современников на Нижнем Амуре или в Приморье. Это были родовые коллективы, связанные единством крови и общинного хозяйства.

Но культура, обычаи и привычки были здесь, разумеется, во многом существенно иными. Представление об их культуре можно получить по находкам на обширном, но почти совершенно уничтоженном ветрами дюнном поселении у пос. Касатки на о. Итуруп. Когда-то здесь стояли большие полуподземные жилища с глубокими, вырытыми в чистом морском песке основаниями — котлованами. Превосходные разрезы таких жилищ видны на берегу речки в современном поселке Курильске. Кое-где на Курильских островах заметны на поверхности целые скопления углублений — остатки поселков каменного века. В Касатке еще недавно можно было видеть сложенные из гладких морских валунов каменные очаги, находившиеся внутри развеянных жестокими бурями неолитических домов. Около очагов и по всему пространству дюнных котловин рассеяно множество каменных изделий и особенно черепков глиняной посуды, изготовленной древними гончарами.

Обитатели Касаткинского побережья выделывали свои орудия из местного материала, который в изобилии доставляли им скалы и прибрежные валунные отмели их острова, а также и соседних островов Курильской гряды: это базальты, траппы, плотные лавы, обсидиан, кремень различного цвета — голубоватый, серый, светло-малиновый. Но одна подвеска выточена была даже из нефрита — камня редкого и драгоценного. Она доставлена была на о. Итуруп издалека, с материка.

Мастера поселка умели шлифовать камень и выделывать каменные топоры. Один из них найден на стоянке, тяжелый, прямоугольный в поперечнике. Он употреблялся как колун для раскалывания дерева. Больше всего было тесел или долот. Самое крупное из них выделяется тем, что имеет два рабочих конца. Оно удлиненное, подчетырехугольной формы, обработано крупными и грубыми сколами. Несколько долот подчетырехугольные, с неправильно линзовидным уплощенным сечением. Третий тип долот — плоские, обычно прямоугольные, удлиненной формы. У них шлифовкой обработаны только лезвия рабочего края. Ножи представлены двумя обломками. Наконечники копий разнообразны по форме.

Особенно много наконечников стрел. Самая распространенная форма наконечников — треугольная. Это в основном мелкие наконечники. У большинства их в основании имеется небольшая овальная выемка, которая образует по краям два шипа. Следующую группу составляют черешковые наконечники. Обилие черешковых наконечников — характерная особенность неолита Курильских островов, его броская этнографическая черта.

На другой стоянке каменного века на том же о. Итуруп (Куйбышевск, бывшее Рубецу) в комплексе наиболее ранних находок обнаружены столь же специфичные, неизвестные в других областях неолитических культур крупные листовидные клинки. Они отличаются от всех других своеобразной направленностью сторон лезвий, которая придает им пропеллеровидный характер. Такими ножами можно было, вероятно, виртуозно, легко и быстро разделывать рыбу, чтобы делать из нее юколу — «хлеб» древних рыболовов.

Отпечаток собственной творческой мысли, своих этнографических традиций, создававшихся тысячелетиями, естественно, лежит и на керамике, самом пластичном и выразительном в этом отношении материале. Это очень толстостенные и крупные сосуды, нередко с плоским дном. Они с первого взгляда поражают своеобразным, как бы манерным изяществом и грациозностью своих форм — так и хочется назвать их не горшками, а вазами. Узкие внизу, они плавно и вместе с тем круто расширяются кверху, как чаша диковинного цветка, широко раскрытого солнцу. Вся их наружная поверхность покрыта сплошными веревочными оттисками, еще более усиливающими декоративный эффект. В довершение всего вазы украшались наверху широким орнаментальным поясом из рельефных валиков. И уж совершенно неожиданными для нашего глаза, привыкшего к скупой простоте неолитической орнаментики Евразии, являются пышные пластические украшения венчиков таких сосудов: они превращают эти сосуды в настоящие скульптурные произведения, гончар становится ваятелем.

Эти черты неолитической керамики Курил сближают ее с керамикой соседних Японских островов, созданной далекими предшественниками их нынешних обитателей, скорее всего айнами. Много общего у неолитической курильской керамики с керамикой среднего и позднего дзёмона. Но в целом она отличается и своеобразными чертами: большей строгостью и сдержанностью стиля, мудрой простотой оформления.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сибирь в бронзовом веке

1. АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Во второй половине III тыс. до н. э. в жизни древних племен, населявших южные районы Сибири, Алтай и Минусинскую котловину, произошли большие прогрессивные перемены. Племена Саяно-Алтая впервые ввели в употребление металлические орудия и впервые сделали скотоводство постоянной отраслью своего хозяйства. В этом отношении они были передовыми по сравнению с их соседями, обитавшими в лесных областях Средней Сибири. В горной стране Саяно-Алтая, богатой легко обнаруживаемыми в естественных обнажениях месторождениями медных руд, древние племена раньше смогли прийти к открытию металла и развитию производства медных орудий. В степных же районах, всюду перемежающихся с лесами, им было легче перейти к хозяйственному освоению приручаемых животных, к постепенному развитию скотоводства. В свою очередь переход прежних охотников к разведению домашних животных и добыче металла был стимулом для сдвигов в их общественной жизни, в социальном строе.

Эти новые черты общественного развития отражены в самых древних в Южной Сибири памятниках эпохи металла, которые получили по первым находкам наименование афанасьевских, а период в истории древних племен Саяно-Алтая, к которому относятся эти находки, называется периодом афанасьевской культуры.[1]

Памятники афанасьевской культуры в минусинских степях несколько отличаются от памятников Алтая. Очевидно, эти две области были населены разными племенными группами с одинаковой в общих чертах культурой, но эти группы различались между собой некоторыми обычаями и другими этнографическими особенностями.

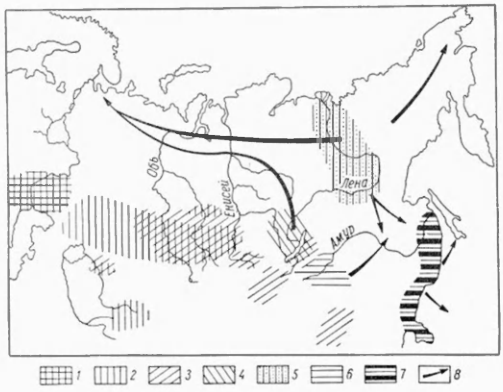
В минусинских степях афанасьевские могильники известны в 18 пунктах, и 14 из них раскопаны полностью или наполовину. В общей сложности раскопано более 200 могил. На Алтае же, где памятники афанасьевской культуры известны по раскопкам В. В. Радлова еще с 1865 г., до сих пор исследованы лишь три могильника из девяти известных.[2] Между афанасьевскими памятниками Алтая и Енисея много общего, а различия незначительны. Это позволяет имеющиеся в нашем распоряжении сведения о минусинских племенах данной культуры, лучше изученных, распространить и на алтайскую группу племен.

Еще недавно считалось, что афанасьевцы жили только по берегам крупных рек. Однако сейчас их кладбища обнаружены и в глубинных районах степей. Эти погребальные сооружения в настоящее время имеют

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Сб. Музея антропологии и этнографии, вып. II—III, 1927, стр. 62—77.

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1950, стр. 42—43.

вид либо небольших земляных курганов с выложенными на них каменными кольцами, либо круглых, сплошь выложенных камнями площадок, либо круглых оградок, иногда заметных на поверхности лишь по нескольким торчащим из земли камням. Но нынешний вид памятников — результат их разрушения в течение прошедших 4 тыс. лет. Раскопками устанавливается полное единообразие и в их устройстве. Первоначально все они представляли собой круглую ограду, стенки которой были сложены из плитняка или просто из дикого камня или врытых вертикально плит. Первоначальная высота оград доходила до 1 м. Ограды разного диаметра, от 5 до 16 м. В центре ограды находились обычно одна или две могилы,



Культуры эпохи бронзы Сибири.

1 — срубная; *2* — культуры андроновского времени; *3* — культуры карасукского времени; *4* — глазковская; *5* — якутская; *6* — культура плиточных могил (саянтуйская); *7* — сидеминская; *8* — направление культурных связей.

в редких случаях три, форма их была квадратной или близкой к квадрату, размеры — 2.5 × 5 или 3 × 3 м, ориентированы по направлению с юго-запада на северо-восток. По бортам могильных ям часто сохраняются остатки продольно положенных бревен. Могилы, следовательно, были покрыты бревенчатым накатом. Поверх этого наката устраивался небольшой земляной холм, поверхность которого иногда обкладывалась плитами. Помимо этих основных могил, в той же ограде помещались дополнительные могилы, иногда по нескольку в одной ограде. Их устраивали в узком промежутке между холмом основной могилы и стенкой ограды. Это были небольшие могилы, в которых погребено по одному человеку (преимущественно дети). Ориентировка таких могил различна, она зависела от того, в какой части ограды они помещались. Сами могилы представляли собой простую яму с земляными, ничем не укрепленными стенами. Только в некоторых очень редких случаях стенки ямы укреплялись вертикально поставленными плитами или бревенчатым срубом в один-три венца.

В основных квадратных могилах погребено обычно по нескольку человек — от трех до восьми. Погребенные лежат либо на спине с согнутыми в коленях ногами, либо на боку в скорченном положении. Это объясняется тем, что умерших на время похоронных обрядов усаживали на какое-то сиденье или прямо на землю на корточки. Окоченевших в таком положе-

нии покойников клали в могилу на бок, а иногда на спину. Погребенных укладывали в южной (точнее, в юго-восточной) половине могилы, а в северной половине помещались сопровождавшие их вещи. Как правило, хоронили умерших головой на юго-запад или запад, но если в могиле было погребено несколько человек, то часть из них приходилось укладывать и в других положениях. Также и в дополнительных могилах у стены ограды ориентировка погребенных была различна.

От положенных с умершими вещей сохранилось немногое. Это прежде всего посуда. Деревянная и глиняная посуда с пищей ставилась в ногах или в голове погребенного в индивидуальных могилах и в северной половине — в коллективных могилах. Деревянная посуда не сохранилась, но о ней можно судить по сохранившимся медным оковкам с остатками пищи. Около костей погребенных находятся костяные, каменные, медные и даже серебряные и золотые украшения. В могилах встречены каменные топоры, песты, терочки, колотушки. Среди костей человека найдены каменные наконечники стрел, оставшиеся, по-видимому, невынутыми из ран. Специально стрел в могилы не клали.

В отличие от минусинских памятников на Алтае в каждом кургане находится обычно только по одной могиле, а в ней по одному человеку. В редких случаях в кургане бывает две могилы, расположенные рядом. В четырех могилах было погребено по два человека. В могильнике Курота вокруг могил были сооружены каменные и деревянные ограды. Кости погребенных обычно сильно окрашены красной охрой.

Первым важным культурным приобретением афанасьевских племен было, как уже указывалось, овладение металлом. В их быту еще широко продолжают употребляться каменные орудия — топоры, песты, наконечники дротиков и стрел. У них еще нет металлических орудий, которые могли бы заменить собой каменные топоры и копья, и им неизвестна техника литья. Но металл уже используется для украшений (серег, браслетов), для оковок и починки деревянных сосудов, а также для игл, шильев и небольших ножичков. Причем металлические изделия изготовляются как из меди, так и из золота (Афанасьева гора), серебра (Моисенка, Карасук III) и даже из железа. На руке одной пожилой женщины в могильнике под Афанасьевой горой (1964 г.) оказались остатки браслета, сшитого из какого-то мягкого материала и окантованного железными обоймицами. Спектральный анализ показал, что состав железа близок к метеоритному. Эти находки доказывают принадлежность афанасьевской культуры к энеолиту, ко времени, когда человек знакомится сразу с несколькими металлами и добывает некоторые из них, очевидно в самородном виде. Человек еще не знает, возможно, полезных свойств металла, обрабатывает его преимущественно ковкой и использует не для изготовления основных орудий, а для украшений и бытовых нужд.

Вторым важнейшим культурным приобретением афанасьевцев был переход от охоты, рыболовства и собирательства к скотоводству и земледелию. Об этом свидетельствуют остатки мясной пищи, положенной в могилы рядом с посудой. Среди костей домашних животных здесь встречены кости барана (Афанасьева гора, Карасук III, Черновая VI, Усть-Куюм и др.), коровы (Тесь I, Подсуханика, Бельтыры и др.), лошади (Афанасьева гора). Значит, афанасьевцы уже разводили все основные виды домашнего скота. Однако в качестве пищи погребенным клали также часто и мясо диких животных: дикого быка, бурундука, лисицы (Афанасьева гора), зубра (Карасук III). Следовательно, охота у афанасьевцев имела такое же значение, как и скотоводство, которое еще не могло полностью удовлетворить потребности людей. Это был один из начальных этапов скотоводства.

О занятии афанасьевцев земледелием прямых данных нет. Однако его зачатки, вероятно, уже были, поскольку оно всегда развивается с ранней

формой скотоводства. Вполне возможно, что афанасьевские каменные пестыи колотушки служили для растирания злаков.

Таким образом, древние племена Южной Сибири в эпоху энеолита имели смешанное хозяйство, в котором наряду с его новыми формами, скотоводством и земледелием, продолжали сохраняться охота и рыболовство. О последнем говорят кости и чешуя рыбы.

Хорошо развито было у афанасьевцев и домашнее производство. Прежде всего гончарное. Посуда делалась из глины и дерева. О формах деревянной посуды мы судить не можем. Но судя по остаткам обоймочек и медных пластинок, идущих на ее починку, она широко бытовала наряду с глиняной.

Глиняная посуда разнообразна. Большая ее часть состоит из яйцевидных горшков, емкостью от 1.5 до 3 л. Она была рассчитана на небольшую семью. Ее форма не случайна. Горшки, по-видимому, зарывались в землю, и пища варилась жаром костра. Много и круглодонных сосудов, шарообразных или реповидных. Среди них встречаются очень крупные, емкостью до 200 л. Они поставлены в могилы людям старческого возраста. Бывают и очень маленькие остродонные сосудики, высотой 7—8 см. Последние всегда сопровождают детские погребения. Вряд ли можно предполагать у афанасьевцев наличие индивидуальной посуды. Эти сосудики, вероятно, изготовлялись специально для погребения. Среди всех форм посуды выделяются вазочки на поддоне. Их часто в литературе называют светильнями или курильницами. Однако их назначение пока неясно.

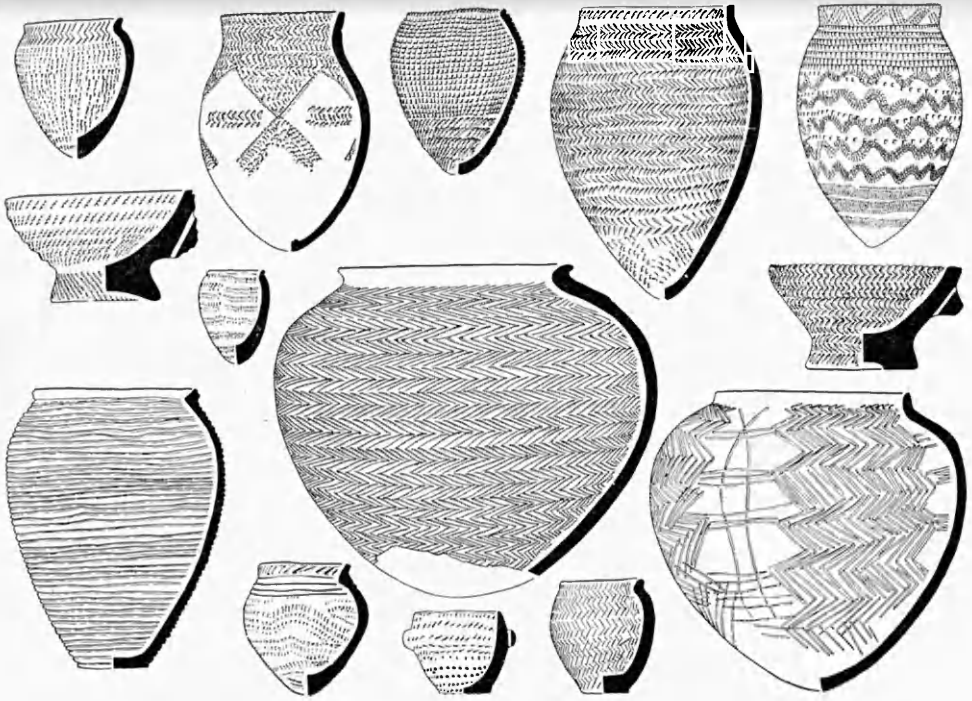
В целом вся посуда примитивна, тесто пористое, быстро крошится, в изломе черное, слабо обожженное. Лепили горшки следующим образом: раскатывали отдельные ленты — жгуты, их сушили, а затем скрепляли друг с другом. Окончательную форму придавали руками. Такое изготовление каждого сосуда занимало длительное время. Стенки сосудов заглаживали зубчатой пластинкой. Обжигали сосуды на костре, а перед обжигом покрывали орнаментом: остродонные — сплошь, круглодонные — как сплошь, так и до половины туловища. Гладкие сосуды встречаются редко. Орнамент простой: имитация плетенки, состоящей из черточек, гребенки, елочки. По-видимому, в сосудах варили овощи или мясо.

Керамика алтайского варианта афанасьевской культуры отличается более высокими и прямыми, чем на Енисее, шейками сосудов. Кроме того, на Алтае есть сосуды шаровидные, плоскодонные и один баночный.

Афанасьевцы имели и другие отрасли домашнего хозяйства. Существовали резьба по дереву и кости, прядение, выделка кожи. Все это подтверждается находками.

Жили афанасьевцы в небольших поселках, состоявших, судя по конструкции могил, из двух видов жилищ — землянок и срубов. Возможно, около поселков для посевных участков или скота они строили ограды, что нашло отражение в форме надмогильных сооружений.

О величине поселков можно судить по количеству погребенных на их кладбище людей. Все афанасьевские могильники невелики и содержат приблизительно одинаковое число умерших. В самых больших из них под Афанасьевой горой и на р. Карасуке похоронено: в первом — 67, во втором — 58 взрослых и детей. Если допустить, что кладбища были действующими в течение 100 лет, т. е. на протяжении трех поколений, то жителей в поселках было приблизительно 19 и 22 чел., что составляло 3—4 или 4—5 семей. Если кладбища были действующими в течение 50 лет, на протяжении полутора поколений, то жителей в поселках должно было быть примерно 38 и 44 чел., т. е. 6—10 и 8—11 семей. Такие небольшие поселки характерны для охотничьих и скотоводческих племен.



Глиняные сосуды из могильников афанасьевской культуры.

Об общественном строе афанасьевских племен можно судить также по их погребальным памятникам. В них нет никаких признаков имущественного неравенства или сколько-нибудь зависимого положения мужчин или женщин. Парные погребения встречаются реже, чем погребения индивидуальные или групповые. Причем парные погребения мужчины с женщиной редки; чаще встречаются могилы, где лежат две женщины, или двое мужчин, или два ребенка. Поэтому нет оснований говорить об обычае хоронить женщину с мужем и видеть в этом проявление патрилокального брака.

Равенство членов родового поселка отражено в больших коллективных могилах, встречающихся на каждом кладбище. В них похоронено до 8 чел. Среди погребенных нет людей, выделяющихся своим положением в могиле или богатством сопровождавшего их инвентаря. Наоборот, в ряде случаев, в этих могилах все скелеты лежат в южной половине, а вся посуда с пищей и прочие вещи стоят в ее северной части. Иными словами, пища ставилась для всех и одновременно. Значит, эти большие коллективные могилы нельзя считать усыпальницами каких-то особых лиц с несколькими сопровождающими их подчиненными или членами семьи. Это, по-видимому, могилы типа братских, куда хоронили одновременно несколько умерших. Интересно отметить, что в могилах под Афанасьевой горой похоронены либо одни женщины, либо одни мужчины. Однако на других кладбищах этого не наблюдается.

Одна из причин единовременного погребения большого числа людей стала ясна при раскопках могильника Карасука III. В одной из его групповых могил, помимо двух полных скелетов, лежали черепа и кости еще трех людей, сложенные отдельными кучками. У всех скелетов недоставало многих мелких костей, а на тазовых костях, лопатках и ребрах сохранились следы клыков собаки или волка. Для всех погребенных вдоль одной из стен могилы были поставлены сосуды. Надо полагать, что тела трех скелетов находились первоначально где-то в другом месте и, когда от них остались одни голые кости, положены в эту могилу. А это значит, что у афанасьевцев были могилы временные и постоянные, очевидно зимние и летние. В условиях зимы было трудно деревянными лопатами рыть глубокие просторные ямы. Умерших до весны где-то прятали. А весной хоронили всех вместе. В афанасьевских могильниках хотя и редко, но встречаются погребения в почвенном слое. Это, возможно, один из вариантов зимних захоронений, когда умершего хоронили на поверхности земли. Другая причина единовременных погребений может объясняться эпидемиями, периодически охватывавшими поселки и уносившими многих жителей.

Какие-то различия, но не имущественные, между жителями все же были. В частности, только в могилы, где захоронены пожилые и старые люди, положены большие глиняные корчаги, служившие, вероятно, для каких-то общих трапез.

В афанасьевское время, как, видимо, вообще в первобытном обществе, в связи с тяжелыми условиями жизни и плохим питанием была большая смертность детей. Судя по полностью раскопанным могильникам, количество умерших детей составляло половину всех погребенных (Черновая VI, Карасук III, Малые Копёны).

Детей хоронили так же, как взрослых, особого обряда для них не было. Хоронили со взрослыми или выкапывали им могилы внутри той же ограды, где лежали их родственники. В ряде могильников детей нет, и здесь нужно предполагать существование особых детских кладбищ.

Погребальные сооружения в виде круга и ориентировка погребенных головой на запад или юго-запад, очевидно, связаны с культом солнца. В могилах часто встречаются куски охры. Охра сохранилась на костях

многих скелетов. Она могла связываться с представлениями об огне, а также о крови, которая символизировала жизнь. Афанасьевцы могли также раскрашивать свое тело охрой, как это делали последующие окуневские племена, с какими-то магическими целями. Для растирания охры могли служить терочки и вазочки-курильницы (последние, может быть, применялись для ароматического окуривания и одурманивания). Следы охры есть на сосудах и почти всегда на этих вазочках. Может быть, краска должна была защищать посуду от порчи, а человека от болезни, дурного глаза и т. п. На существование магии указывают амулеты и другие украшения из просверленных клыков хищных животных и когтей медведя.

Что касается происхождения афанасьевской культуры и афанасьевских племен, то существенно, что к востоку от Саян на протяжении многих веков развивалась культура прибайкальского неолитического типа, во всем отличная от афанасьевской культуры. И в антропологическом отношении племена Восточной Сибири принадлежали другому расовому типу. Это были монголоиды.

Афанасьевское же население характеризовалось ярко выраженным европеоидным типом. Культура афанасьевских племен тоже не находит аналогии на востоке. На западе же можно видеть определенные черты сходства ее с ямной и частично катакомбной культурами степей Причерноморья и с заман-бабинской культурой Средней Азии. Афанасьевские племена на Енисее представляют собой, таким образом, крайнюю восточную ветвь европеоидных племен Евразии. Племена эти объединялись сходным хозяйством — зачатками скотоводства, земледелия и металлургии, а также, очевидно, происхождением, о чем свидетельствует и единство антропологического типа.

2. ОКУНЕВСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ СОСЕДИ НА ОБИ

В начале II тыс. культурный облик Минусинской котловины резко изменяется. На смену афанасьевской культуре приходит окуневская, получившая свое название по месту раскопок первого кургана у Окунева улуса на юге Хакассии.

Богатая и самобытная окуневская культура выявлена совсем недавно. Впервые памятники этого типа были выделены в особый окуневский этап М. Н. Комаровой, которая считала их раннеандроновскими.[3] Однако после раскопок могильника на речке Черновой стало совершенно ясно, что окуневские памятники принадлежат особой культуре. Она младше афанасьевской и старше андроновской культуры. Об этом свидетельствуют впускные окуневские могилы, обнаруженные в афанасьевских могильных оградах. Окуневские могилы перекрывают в некоторых случаях более древние афанасьевские.[4] Андроновские же памятники, представленные на Енисее федоровским этапом, датируются второй половиной II тыс. до н. э., так что для окуневской культуры, учитывая многочисленность ее памятников, необходимо отвести начало II тыс. до н. э.

Изменение культуры в минусинских степях произошло на этот раз не за счет внутренних процессов, свойственных каждой культуре, а в результате смены населения. Как свидетельствуют данные антропологии,

---

[3] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. «Советская археология». т. IX, 1947, стр. 47.

[4] Г. А. Максименков. Окуневская культура в Южной Сибири. Сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 168—174; Э. Б. Вадецкая. Изображения зверя — божества из Хакассии. Там же, стр. 174—176.

в минусинских степях появились новые люди, отличавшиеся от афанасьевцев существенными признаками.[5]

В строении их черепов ясно проступают монголоидные черты. Эти люди не могли произойти от афанасьевцев. Они пришли откуда-то из других мест. С их приходом в минусинских степях появились новые, отличавшиеся от афанасьевских своеобразные памятники. Конструкции могильных сооружений, обряд погребения и весь характер инвентаря не находят себе корней в предшествующей культуре.

Окуневцы оставили свои следы по всей территории минусинских степей. Известные в настоящее время их могильники располагаются по берегам рек, как больших, Енисея и Абакана, так и их притоков, Уйбату, Камыште, Черновой.

Для окуневской культуры характерны квадратные ограды, сделанные из поставленных вертикально аккуратных каменных плит или сложенные из больших бесформенных глыб гранита. Внутри ограды располагаются могилы. Они занимают только юго-западную и западную часть ограды независимо от ее величины, в то время как северная и восточная части совершенно пустые. Могилы — в большинстве случаев каменные ящики небольших размеров, относительно короткие. Дно часто бывает устлано плитами и имеет наклон в сторону ног. Под головой обычно сделана «подушка», это поставленная наклонно плита песчаника или врытая вертикально такая же плита со специально сделанной выбоиной для головы. Погребенные лежат только на спине, с согнутыми в коленях ногами. В могилах бывает разное количество погребенных, от одного до трех. Иногда вместе со взрослыми в одной могиле лежат и дети. В двух могилах с одним скелетом оказались похороненными несколько черепов. В других могилах встречаются иногда скелеты без черепов. В целом в погребальном обряде окуневского времени чувствуется какая-то неустойчивость. Она сказывается в том, что в одних могилах стоят горшки или находится несколько, а иногда и довольно много вещей, в других же вещей не обнаружено.

Живя по берегам больших и малых рек, окуневцы, естественно, не могли пройти мимо их природных богатств. О занятии рыбной ловлей свидетельствуют вырезанные из рога гарпуны и остроги, найденные в могильнике на речке Черновой. В том же могильнике был найден и небольшой рыболовный крючок, сделанный из тонкой медной проволоки с загнутым кончиком и петелькой на другом конце для привязывания лески. Видимо, к рыболовству имеют отношение и длинные кинжалообразные орудия, сделанные из кости, напоминающие иглы для вязания сетей. Эти орудия показывают, что окуневцы ловили рыбу несколькими способами: с помощью остроги, удили и ставили сети.

Вместе с тем находки птичьих клювов, а также трубчатых костей птиц, из которых изготовляли игольники, костяных орудий и каменных наконечников стрел говорят о том, что и охота играла в жизни окуневцев значительную роль.

Основой хозяйственной деятельности окуневцев было, однако, скотоводство. В некоторых могилах на той же речке Черновой, где лежали скелеты подростков, найдено значительное количество астрагалов барана. Это достаточно яркий показатель хозяйственной деятельности окуневцев. Он не позволяет, однако, судить о степени развития скотоводства и о составе стада, так как окуневцы в могилы мяса не клали.

---

[5] В. П. Алексеев. 1) Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. «Труды Института этнографии», новая серия, т. 59, 1961, стр. 207; 2) О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры. «Советская этнография», 1959, № 1, стр. 116.

Но есть косвенные свидетельства, что у окуневцев, кроме овец, был и крупный рогатый скот. На некоторых плитах, служивших стенками ящиков или их покрытиями, часто встречаются различные рисунки, нанесенные острым предметом. Среди них первое место принадлежит изображениям быков или коров. Кроме того, в окуневском искусстве широко распространенным является мотив бычьих рогов и ушей.

Так как скотоводство требовало времени и длительных отлучек из дома, то оно с самого начала явилось областью занятий мужчин, в то время как женщина оставалась привязанной к домашним делам. Кроме занятий по дому и воспитания маленьких детей, женщины окуневцев обрабатывали продукты скотоводства. При скелетах женщин лежат бронзовые, свернутые из раскованного листка металла игольники. Иногда вместо металлического игольника находится костяной, сделанный из птичьей кости. Внутри таких игольников помещалась тонкая кожаная полоска, в которую втыкались иглы, изготовленные из тонких косточек с отверстием в утолщенном конце. В одном случае в игольном ушке сохранилась тонкая шерстяная нить. Отсюда следует, что женщины занимались прядением шерсти, ткачеством и изготовлением одежды.

Другим занятием женщин было изготовление глиняной посуды. Горшки покрыты орнаментом по всей поверхности. Часто украшалось и дно сосуда. Орнамент наносился зубчатым или гладким штампом. Наиболее часто встречаются отступающая лопаточка или различной формы ямки. Орнамент либо однообразно покрывает всю поверхность сосуда, либо образует ряды штампа, либо, что значительно реже, имеет геометрические формы или расположен в виде шахматной доски.

Сосуды представлены двумя основными типами. Первый тип — это «банки» конической формы с относительно узким дном и широким устьем; сосуды разного размера, от небольших «стаканчиков» до довольно крупных горшков. Для этого вида посуды характерны наиболее простые орнаменты. Второй вид сосудов — горшковидный, с раздутой средней частью туловища. Обычно эти горшки имеют более сложный и нарядный орнамент. Кроме того, был найден один сосуд в виде шестигранника, украшенный волнистыми валиками с мелкими насечками.

Для окуневского времени характерны и своеобразные курильницы, особенностью которых является перегородка внутри резервуара, отделяющая небольшое пространство, и отсутствие ручки — налепа, характерной черты курильниц афанасьевского времени.

Окуневцы любили различные украшения. Очень часто в могилах встречаются остатки ожерелий из клыков и зубов медведя с просверленной коренной частью. Попадаются и зубы соболей, которые служили как бисер для вышивок. Засвидетельствовано использование коренных зубов соболя для украшения кожаной обуви. Остатки такой обуви были найдены в могиле на речке Карасук. Зубы соболя образовывали здесь прямоугольник на костях стопы погребенного. Наиболее распространенными являлись мелкие каменные бусы белого, красного и черного цветов. Они встречаются у кистей рук, на тазовых костях, а в детских могилах рассыпаны по всей ее площади. Эти бусы использовались для украшения края одежды, рукавов и, видимо, для вышивок на переднике.

Очень важное место в хозяйственной деятельности занимала обработка металла. В отличие от предшествующего времени в памятниках окуневской культуры медные или бронзовые предметы встречались довольно часто. Из металла делались рыболовные крючки, ножи, игольники, височные кольца. На плоских предметах хорошо видно, что они изготовлялись из раскованных пластинок металла. Но наряду с ковкой появляется и литье, засвидетельствованное находкой литого медного то-

пора в могильнике Тас-хаза, что указывает на довольно высокий уровень развития металлообработки.[6]

Формы медных изделий еще очень просты. Ножи плоские, небольшие, листовидной формы. Они вставлялись в деревянную или костяную рукоятку под углом к ней или в ее торец. Второй вид ножей — «пламевидный». На них не сохранилось следов рукоятки, но вполне возможно, что эти клинки служили не ножами в собственном смысле слова, а кинжалами, о чем могут свидетельствовать их необычная для большинства ножей форма и значительно большие размеры. Височные кольца изготовлялись из проволоки. Они имеют острые концы, несколько заходящие друг за друга. Эти кольца слегка похожи на более поздние карасукские, но у последних концы заходят значительно дальше, да и характер проволоки несколько иной.

Наиболее замечательными памятниками окуневского времени являются произведения искусства. Они были известны в науке очень давно, но считалось, что они принадлежат к более поздней карасукской культуре.[7] В 1950 г. М. П. Грязнов удревнил эти памятники и довольно правильно определил их время.[8] После же раскопок самого большого Окуневского могильника на речке Черновой окончательно была установлена их культурная принадлежность.

Образцы искусства представлены несколькими видами: каменными изваяниями с человеческими лицами, маленькими каменными головками и костяными пластинками с выгравированными на них женскими лицами, вырезанными из кости и камня изображениями птиц и зверей, фантастическими хищными зверями, выбитыми на плитах и изваяниях, и реалистически трактованными животными — быками или коровами, вырезанными тонкими штрихами на каменных плитах.

Простое перечисление сохранившихся образцов искусства показывает, насколько разнообразным оно было в это время. Особенно интересны миниатюрные каменные и костяные женские изображения. Все известные нам такие фигурки передают четко выраженный антропологический тип. Они сделаны как бы на одно лицо. И это не случайно: древние художники передавали облик людей своего племени, характерный для них антропологический тип. Тот же физический тип характерен и для скелетов из этих могил.

Другим примером такого же непосредственного восприятия действительности могут служить каменные изваяния. На многих из них по лицу изображения, по лбу, под глазами, по сторонам носа, по подбородку, идут какие-то странные полосы, придающие изображению устрашающий нереальный вид. Однако все это легко и просто объясняется. В могильнике на Черновой на ряде черепов наблюдались следы красной охры, которой некогда были раскрашены лица погребенных. Эти следы располагались в таком же направлении, в каком на каменных изваяниях идут выбитые полосы. За фантастическим обликом — личиной, который до недавнего времени был непонятен, скрывается человеческое лицо с татуировкой — раскраской.

Единственным исключением из общего реалистического стиля окуневского искусства является обобщенный образ хищного зверя. В нем в деталях все реалистично, но в то же время он фантастичен. В отдельных его

---

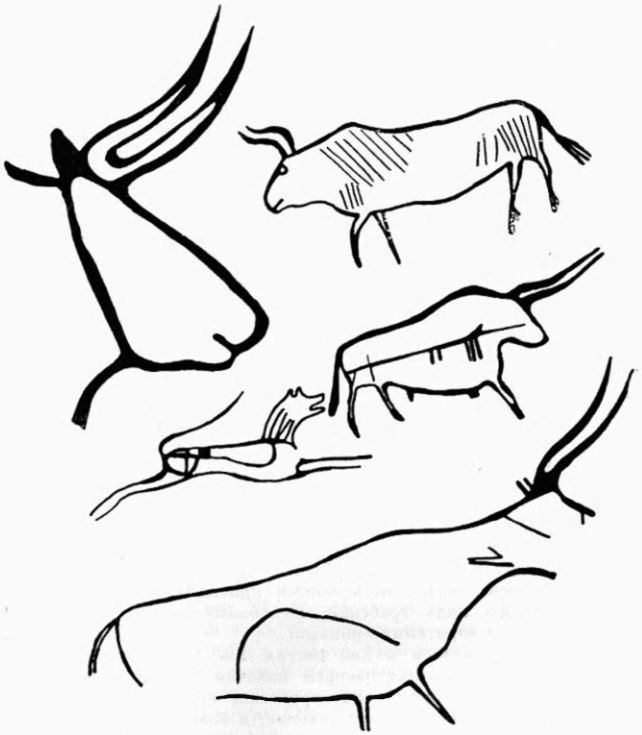
[6] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 269.

[7] М. П. Грязнов, Е. Шнейдер. Древние изваяния минусинских степей. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, 1929, стр. 63; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, 1951, стр. 164.

[8] М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. «Советская археология», т. XII, 1950, стр. 128.

частях можно узнать разных зверей, а в целом ни одного. Видимо, это собирательный, противопоставленный добрым духам образ злого хищного существа, врага человека.

Такой дуализм, проявлявшийся в искусстве, а следовательно, и в религии древних окуневцев, может в какой-то степени указывать на переживание в их верованиях старых традиций наряду с новыми, олицетворенными



Изображения животных на плитах из могильника окуневской культуры на р. Черновой.

в человеческих изображениях. О том, что эти последние связаны с новой формой хозяйства и быта, с появлением скотоводства, свидетельствуют головные уборы на каменных стенах, часто украшенные бычьими рогами и ушами. Хищные же звери и их изображения на плитах и в круглой костяной скульптуре скорее могут быть связаны с более древним охотничьим образом жизни. Судя по аналогиям в антропоморфных изображениях с севера (долина Енисея у Красноярска, Самусь IV на Верхней Оби), носители окуневской культуры вышли скорее всего из лесов севера, может быть откуда-то со Среднего Енисея.

Причины, заставившие носителей окуневской культуры появиться в степях, неясны. Можно лишь предполагать, что первой такой причиной

было развитие их хозяйства. Начатки скотоводства в Минусинской котловине, где для этого были наиболее благоприятные условия, засвидетельствованы еще в памятниках неолитического времени.[9] Его дальнейшее и широкое развитие обнаруживается в афанасьевской культуре. Соседствуя с афанасьевцами, предки окуневцев могли заимствовать от них начатки скотоводства. Но условия жизни окуневцев не позволяли скотоводству развиться в полной мере. Противоречия, возникшие между новой прогрессивной формой хозяйства и природными условиями, и заставили этих людей искать более подходящие для скотоводства места. Второй немаловажной причиной могло послужить развитие обработки металла. Минусинские степи, очень богатые медными рудами, являлись притягательным объектом для познакомившихся с новым материалом людей.

Окуневцы, однако, господствовали в Минусинской котловине относительно короткое время. Где-то в середине II тыс. на смену им с запада, из соседних с Минусинской котловиной районов, вторгаются новые племена, принесшие свою культуру, известную под именем андроновской. Новое население не уничтожило полностью окуневцев. Как сложилась судьба их в период проживания в степях андроновцев, неизвестно, но в значительно более позднее время, во второй половине II тыс., когда в степях распространяется карасукская культура, среди носителей последней встречаются представители окуневцев, которые явились одной из составных частей карасукского населения.[10]

В то время когда в Минусинской котловине жили окуневцы, к северо-западу от них в районе современного Томска обитали близкие окуневцам самусьские племена, оставившие поселения с характерной керамикой. Одно из таких поселений — Самусь IV.[11]

Материалы, аналогичные основному комплексу Самуси IV, найдены и при раскопках поселения Самуси III. Очень близки им стоянки Кротово VII и Морайка на Верхней Оби.[12]

Наиболее характерной чертой самусьской энеолитической культуры является ее керамика. Местные жители делали сосуды в принципе одной формы. Это большие «банки» с прямыми в верхней части стенками. Особенностью самусьской керамики являются многогранные сосуды. Большинство сосудов покрыто орнаментом сплошь, от венчика до дна. Орнамент выполнен обычно несколькими приемами: отпечатками отступающей различного вида гребенки, желобками отступающей палочки, ямочками и резными короткими линиями.

Орнаментом украшалось и дно сосуда. На дне встречаются узоры, выполненные желобками отступающей палочки или резными линиями. Чаще всего это спирали или концентрические круги. Иногда же это не круг, а шестиугольник или восьмиугольник, в зависимости от формы дна сосуда.

Яркой чертой керамики самусьской культуры является обыкновение украшать сосуды антропоморфными изображениями. Известны три вида

[9] М. П. Грязнов. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 39, 1953, стр. 332.

[10] В. П. Алексеев. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 377; А. Н. Липский. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск, 1963, стр. 57.

[11] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. «Советская археология», 1959, № 4, стр. 154. — Материал Самуси IV неодновременен, в нем можно различить по меньшей мере три разновременные группы керамики. Основной комплекс найденной здесь керамики, о которой идет речь дальше, относится к эпохе энеолита.

[12] М. Н. Комарова. Неолит Верхнего Приобья. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 64, 1956, стр. 93.

антропоморфных изображений. К первому относится схематическое изображение человека с круглой головой, очерченной двумя концентрическими окружностями. Ко второму — схематическое изображение фигуры человека без головы. Вместо головы здесь имеются две-три вертикальные линии. Между антропоморфными фигурами обычно сверху вниз прочерчено по три вертикальных резных линии. Третий вид представлен схематическим изображением фигуры человека с круглой головой или с усеченным горизонтальной чертой лбом, с тремя вертикальными линиями, стилизованно воспроизводящими как бы корону. В таких изображениях по обеим сторонам лица имеется по три-пять коротких горизонтальных черточек. Кроме того, в одном случае антропоморфное лицо есть на дне сосуда. Все эти изображения выполнены резными линиями, нанесенными тонкой палочкой. Особый вид таких изображений представляют личины, расположенные по три у самого края венчика. Они крайне схематичны и представляют собой только три ямочки, обозначающие глаза, рот и небольшую выпуклость вместо носа. В керамике сохранились многие композиционные элементы неолитического орнамента: сплошная орнаментация, шахматное расположение прямоугольников из отпечатков отступающей палочки, линии из ямочек и многие другие элементы. Устойчиво держатся и древние способы нанесения узора на сосуды: отступающая палочка, столь характерная для неолитической культуры, не потеряла своего значения и в эпоху бронзы. Отсюда видно, что керамика энеолитического времени продолжает традиции неолитической, найденной в могилах Самуси I, и является ее дальнейшим развитием.

Связь с предшествующей неолитической культурой хорошо прослеживается и в занятиях населения эпохи энеолита. Племена, оставившие самусьскую культуру, как и их предшественники в неолите, занимались охотой и рыбной ловлей.

Значение рыболовства в это время для томских племен, по-видимому, значительно увеличилось. Рыба добывалась сетями или какими-либо специальными устройствами на реках. На стоянках при изобилии каменных грузил и якорей, однако, нет остатков крючковой снасти. Грузила, собранные на стоянке Самуси IV, представляют собою валуны. Они просверлены или, что наблюдается значительно чаще, снабжены поперечным желобком для веревки. Каменные якоря для лодок, как правило, имеют сквозные отверстия. Их вес достигает 12—15 кг.

Охотники самусьской культуры имели на своем вооружении тот же лук и стрелы, что и в период неолита. Наконечники стрел выделывались, как и ранее, из камня (кремнистого сланца, диорита, кварцита) отжимной ретушью. Есть наконечники с прямым или вогнутым основанием, а также с коротким черешком. Обработка этих изделий по качеству уступает неолитической. Здесь нет уже таких изящных и тщательно обработанных наконечников, которые характерны для неолитического времени. Не менее важным охотничьим оружием являлись и каменные наконечники копий. Некоторые из каменных наконечников имеют короткий черешок.

Охотники также пользовались при обработке уже убитого зверя каменными ножами, которые представлены двумя типами: асимметричными, подобными неолитическим, и ножами, изготовленными из пластины кремнистого сланца. Вспомогательными орудиями являлись также скребла и скребки. По своим формам и размерам они не отличаются от неолитических изделий, но грубее по обработке и изготовлены почти все из диорита, кварцита или подобных пород камня.

В эпоху бронзы потребности в обработке дерева возросли. Постройка лодок, установка запоров и других сооружений на реках, устройство жилищ требовали все более и более эффективных орудий труда.

По-прежнему широко применялись каменные топоры и тесла. Формы и размеры их выработаны были еще в эпоху неолита. Но теперь эти орудия стали легче и тоньше, так как большая часть из них изготавливалась теперь не из цельного валуна, как в эпоху неолита, а из кусков и больших отщепов. Они использовались, как и в предшествующее время, для обработки дерева.

Материалы поселения Самуси IV показывают, что население низовьев Томи в эпоху энеолита вело полуоседлый образ жизни. Полуземлянки, очаги в них, высокая степень насыщенности культурного слоя находками — все это признаки длительного пребывания населения на одном месте.

Самусьская культура имеет много сходных черт с окуневской, особенно в форме и орнаментации сосудов. При раскопках в Самуси встречены черепки от сосудов, видимо импортных окуневских, украшенных рядами ямок или полулунными отпечатками. Совпадает и ряд каменных вещей, много полулунных каменных подвесок, аналогичных найденным в окуневских могилах. Есть в Самуси и каменные сверленые шары. Наконечники стрел, имеющие закругленное основание, также близки окуневским. Для самусьской и окуневской культур одинаково характерны антропоморфные изображения. Несмотря на то что в окуневской культуре они делались на специальных каменных столбах, а в Самуси на сосудах, их связывает одинаковый прием изображения лица в «короне», наличие на нем полос, которые на сосудах помещены не на самом лице, а рядом с ним, а также такие детали, как уголки у рта (личина, помещенная на дне сосуда из Самуси). Эти совпадения свидетельствуют о постоянных связях и влияниях племен Енисея и Оби в энеолите. Культура, представленная поселением Самусь, дожила на Оби примерно до конца первой половины II тыс., когда была вытеснена или уничтожена пришедшими сюда с запада андроновцами, но в районе Томска она не исчезла и продержалась там значительно дольше. Испытывая сильное воздействие своего нового южного соседа, эта культура в конце концов сильно изменилась. Впитав в себя андроновские влияния, она превратилась затем в новую культуру, синхронную андроновской культуре степей.

3. АНДРОНОВСКОЕ ВРЕМЯ В ЮЖНОЙ СИБИРИ

В середине II тыс. до н. э. культурный облик сибирских степей и лесостепей резко меняется. Связано это с появлением на территории Южной Сибири андроновской культуры. Первоначально показалось, что это местная енисейская культура, однако вскоре выяснилось, что основная область этой культуры — Приуралье и Казахстан, а Минусинский край составляет лишь ее восточную окраину.

Памятники андроновской культуры распространены по всей степной и отчасти лесостепной Южной Сибири. Наиболее южные из них находятся в предгорьях Алтая, самые северные располагаются по границе современной степи и лесостепи. На востоке они известны по всей Минусинской котловине как на левом берегу Енисея, так и на правом и не только по побережьям рек, но и в глубине степей и доходят до предгорий Саян. Имеются андроновские памятники и в лесостепном коридоре между Минусинской котловиной и степями по верхнему течению р. Оби.

Таким образом, в отличие от более раннего времени, когда в каждом районе существовали своеобразные культуры эпохи энеолита, теперь распространяется от Приуралья до Енисея единая культура.

Андроиовская культура характеризуется развитием прогрессивных форм хозяйства, которое началось еще в предшествующее неолитическое время. Прежде всего это касается скотоводства. Судя по составу костей

домашних животных, первое место в стаде занимал крупный рогатый скот. Это же подтверждается и характером погребального инвентаря. В могилах нет костей животных, которые могли быть остатками положенного в могилу мяса. В то же время уцелевшие повсеместно в могилах горшки свидетельствуют о том, что в могилу ставили какую-то жидкую пищу, очевидно молочную.

От крупного рогатого скота андроновцы могли получать молочные продукты и отчасти мясо выбракованных животных. Но это не могло полностью обеспечить потребность в мясной пище. Поэтому наряду с крупным рогатым скотом андроновцы разводили и овец, которые давали мясо и шерсть для изготовления одежды. Кроме овечьих костей, указывающих на то, что овцы шли в пищу, на поселениях находят в большом количестве орудия для трепания шерсти, называемые «тупиками». Они изготовлялись из челюстей коров. Из шерсти андроновские женщины изготовляли целый ряд необходимых для жизни вещей, в том числе и шапочки, засвидетельствованные находками в могилах. В ряде могил найдены обрывки шерстяной ткани, но от какой части одежды эти куски, установить трудно. Скорее всего андроновцы разводили тонкорунных овец, которые отличаются тем, что могут тебеневать, чего не способна делать грубошерстная овца. Овцы такой породы были наиболее приспособлены к условиям жизни андроновцев, их не нужно было зимой подкармливать, так как они сами находили пищу в степи.

Что же касается лошади, то, видимо, она в первую очередь являлась тягловым животным, а также мясным. Пока нет прямых свидетельств использования коня для верховой езды, хотя в несколько более позднее время они появляются.

Второй чертой хозяйства андроновцев является примитивное земледелие. Это земледелие могло базироваться только на хорошо орошаемых и легких для обработки почвах, которые находились в поймах рек, недалеко от поселков. Обрабатывать землю могли только вручную, каменными мотыгами. Естественно, что поля были небольшими и давали малый урожай. Уборка урожая производилась серпами, а зерна растирались на ручных зернотерках.

Наряду со скотоводством и земледелием андроновцы занимались охотой, но она имела чисто подсобное значение. С помощью охоты они пополняли свои запасы мяса и, видимо, добывали шкурки ценных пород животных, которые могли употреблять для украшения одежды.

Важным достижением андроновского времени было дальнейшее развитие бронзолитейного дела. Если все металлические орудия предшествующего энеолитического времени сделаны в основном из раскованного листа или проволоки, то орудия этого времени отливались уже в двусоставных формах, часто каменных, на которых «в негативе» вырезались узоры. С андроновским временем связано широкое распространение втульчатых топоров или так называемых кельтов и копий сейминско-турбинского типа. Являются ли эти орудия изобретением самих андроновцев, пока не установлено; тем не менее можно говорить с уверенностью, что именно благодаря расселению андроновских племен такие орудия широко распространились по всей Сибири и Казахстану. Одновременно с кельтами распространяются и вислообушные топоры. Отливка таких орудий требовала большого опыта и представляла собой уже высокую ступень развития металлургии.

Видимо, с этого же времени начинается широкая повсеместная добыча меди. Шахты были пока еще неглубокими. Добывались в основном окисленные руды из поверхностных слоев. Руда дробилась каменными молотками, а потом переплавлялась в специальных примитивных печах. Металл плавился затем в специальных тиглях, разливался в формы при помощи

льячек. После отливки орудие дополнительно обрабатывалось: рабочая часть орудий проковывалась и тем самым металл уплотнялся, а лезвия затачивались.

Наряду с медью андроновцы добывали и золото. Находки золотых украшений известны в андроновских могилах. Обработка золота по технике была близка к обработке меди.

Вся дальнейшая обработка металла и плавка производились на месте поселения, судя по тому, что на них постоянно встречаются остатки форм и льячки. Нужно думать, что к этому времени относится и выделение среди жителей поселка какого-то одного умельца, который специально изготовлял бронзовые орудия, так как металлургический процесс требовал определенных знаний и навыков. Являлось ли литье основным и единственным занятием таких людей, судить пока трудно, но скорее всего здесь уже произошло общественное разделение труда. Находки кладов с вещами этого времени являются показателем того, что появились то ли бродячие литейщики, то ли «купцы», которые производили обмен готовых вещей.

Образ жизни андроновских племен определялся их хозяйственным занятием. На нем сказывалось уже то обстоятельство, что в их стаде первое место принадлежало корове, животному малоподвижному. Это вызвало появление долговременных постоянных жилищ, расположенных вблизи воды, так как скоту нужны были удобные водопои.

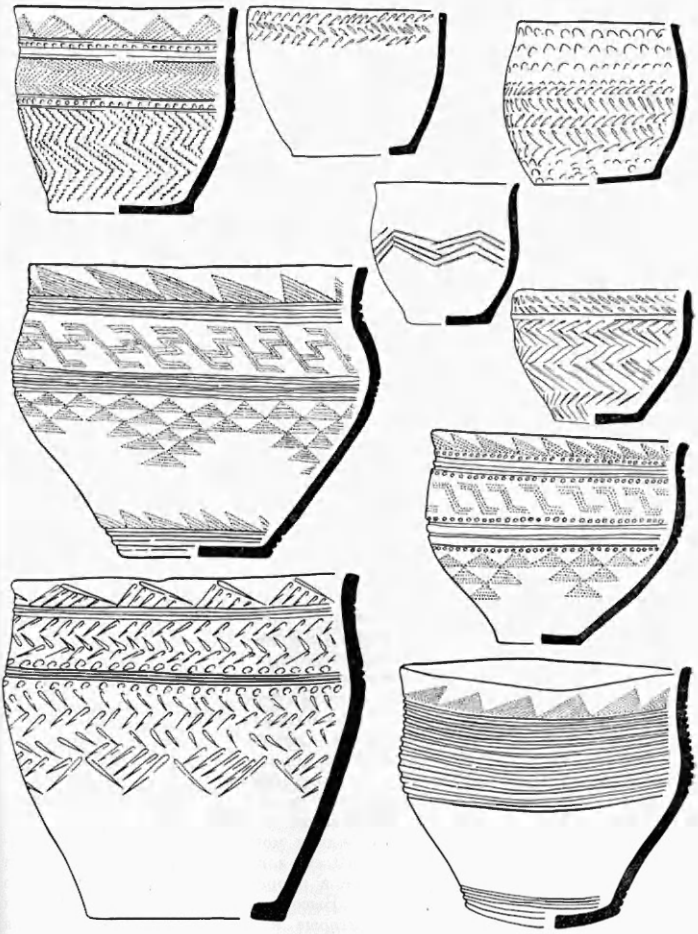
Кроме того, крупный рогатый скот в зимних условиях не может добывать себе пищу из-под снега. Ему на зиму необходимы корма. Заготовка кормов возможна опять-таки только при известной оседлости. Как зимний корм могли использоваться травы, в изобилии росшие по берегам рек, и побеги молодого кустарника.

К определенным местам андроновцев, естественно, привязывало их земледелие, поля в долинах рек. Жилища сибирских андроновцев пока не раскопаны, но все же можно говорить о том, что здесь, видимо, были и большие полуземлянки, и обширные наземные сооружения, стены которых сделаны из плит камня. Об этих андроновских жилищах можно судить по памятникам западных районов.[13] Поселки андроновцев состояли из долговременных углубленных в землю жилищ, значительных по площади (до 250 м^2). Вход в землянку делали чаще со стороны реки. В некоторых районах стены землянки укрепляли каменными плитами. Часто внутри жилища делали перегородку, видимо, отделявшую жилую часть от хозяйственной. В жилой части были устроены очаги. Обычно в жилище было несколько очагов, расположенных по его центру. Такие очаги использовались для обогрева жилища в зимнее время. На других очагах готовили пищу. Вдоль стен сооружались нары. От них сохранились либо ямки от столбов, либо канавка, в которой первоначально вкопаны были деревянные конструкции. Здесь же в самом жилище выкапывали колодцы, как это было в поселении Тасты-бутак, где протекавшая рядом с поселением речка летом пересыхала. Около очагов в ямки ставили горшки, в которых хранили запасы пищи или какие-то вещи. Но основные запасы хранились в хозяйственной части жилища, либо в специально вырытых ямах.

Зимой в жилищах оказывались не только люди, но и домашние животные, которых забирали в жилище, чтобы они не погибли от мороза. Но иногда рядом с землянкой делали специальные загоны, в которых держали скот.

---

[13] О. А. Кривцова-Грекова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды Государственного исторического музея», вып. XVII, 1948, стр. 59; В. С. Сорокин. Жилища поселения Тасты-Бутак. «Краткие сообщения Института материальной культуры», вып. 91, стр. 51.



Керамика андроновской культуры.

Самыми частыми находками как в жилищах, так и в могилах являются глиняные сосуды, которые наиболее ярко характеризуют андроновскую культуру. Андроновская керамика представлена двумя основными видами сосудов — горшками и «банками», между которыми размещается целая серия переходных форм, сочетающая в себе признаки одной и другой группы. Больше половины всех сосудов — горшки. Для них характерно плоское дно, диаметр которого почти всегда вдвое меньше, чем диаметр венчика. Высота сосуда примерно равна его диаметру. Бока выпуклые, округлые, наибольший диаметр находится в верхней трети сосуда. Линия профиля плавная, без уступа. «Банок» несколько меньше, примерно 40%. Они менее профилированы, хотя тулово имеет некоторую выпуклость. Стенки в верхней трети либо прямые, либо несколько загнуты внурь. Дно более широкое. В восточных районах есть своеобразные горшки и «банки», устье которых имеет четырехугольные очертания, они найдены и на Оби, и в Минусинской котловине.

Наиболее характерной чертой андроновской керамики является ее орнаментация. В этом андроновцы были очень изобретательны. «Банки» украшали простыми елочными узорами, часто покрывавшими две трети поверхности. Наносились узоры обычно крупнозубчатым штампом, реже гладким. Некоторые сосуды этой группы вообще не орнаментированы. Горшки украшены несравненно богаче. Здесь благодаря изогнутому профилю сосуда выделяется несколько кольцевых зон: по венчику, шейке, плечикам и у дна. Эти зоны обычно отделены одна от другой разными бороздками, нанесенными острой палочкой. Часто выше или ниже бороздок сделаны вдавления фигурной палочкой. Для каждой зоны используются особые орнаменты. На венчике чаще других расположены треугольники, косые или прямоугольные, реже елочка или зигзаг. На шейке — треугольники, обращенные вершинами друг к другу, бороздки, елочка, сложные меандровые фигуры, зигзагообразные полосы. На плечиках — пирамидки из треугольников или нарядные фестоны, с внешней стороны украшенные мелкими треугольниками, а внутри меандрами. У дна бывают бороздки, треугольники, елочка. Но сочетаются эти узоры по-разному. Если на плечиках имеется елочка, то почти всегда она есть и на шейке, и на венчике. Если же на плечиках видны фестоны или пирамидки из треугольников, то на шейке — чаще меандровые фигуры или треугольники, а на венчике — треугольники. Сосуды, украшенные по стенкам фестонами и пирамидками, наиболее нарядные.

Андроновцы не только пользовались глиняными горшками, но и делали сосуды из дерева и бересты. В с. Новоселове в одной могиле оказалась деревянная бадейка с резным орнаментом. Там же был и берестяной туес, расписанный краской. Остатки туесов обнаружены и в других могильниках.

Черты быта андроновских племен могут быть дополнены материалами могильников, которые дают представление о погребальной обрядности того времени, а также об одежде и в какой-то мере об общественных отношениях. Люди этого времени ограждали могилы круглой, реже прямоугольной оградой высотой не менее 70 см, а внутри ее над могилой возводили земляное сооружение, которое в процессе разрушения приводило к образованию курганной насыпи. Высота этого сооружения внутри ограды была разной, поэтому некоторые курганы в настоящее время имеют вид просто каменных колец без земляной насыпи. Но даже в этих случаях всегда камни ограды имеют развал или отклонены наружу, что могло получиться только при давлении земли изнутри сооружения. Иногда то ли с целью экономии материала, то ли желая подчеркнуть родственные отношения умерших, андроновцы создавали целые системы из нескольких пристроенных оград. Ограды строили двумя способами:

вырывали канавку, в которую вертикально ставили плиты, либо на поверхности земли складывали стенку из небольших плиток. В курганах с пристройками встречаются оба типа сооружений, что свидетельствует об их одновременности.

Внутри ограды после ее возведения выкапывали одну или значительно реже две-три могильные ямы глубиной от одного метра до трех. На Оби курганы с несколькими могильниками сооружались чаще, чем на Енисее. Обычно на дне могилы делали сруб из толстых бревен в один венец и после погребения перекрывали его накатом из поперечно положенных плах, а иногда поверх бревен покрывали еще и корой. На Енисее же сооружались каменные ящики из вертикально поставленных плит или гробницы, стены которых были выложены из мелких плиток. Иногда при строительстве могил сочетали оба приема. Каменные гробницы и ящики всегда перекрывали плитами. Зимой, когда было трудно копать промерзшую землю, на Енисее возводили гробницы прямо на поверхности почвы. Над ними обычно делали и более внушительное земляное сооружение — курган. Детей чаще всего хоронили отдельно от взрослых. И на Оби, и на Енисее имеются детские кладбища, которые расположены либо отдельно, либо среди могил взрослых. Несмотря на это, курганы и могилы для детей полностью соответствуют могилам для взрослых, но только они уменьшены в размерах.

У андроновцев существовало два обряда погребения: трупоположение и сожжение. Трупоположение в Южной Сибири наблюдалось чаще, хотя на Оби в некоторых могильниках преобладало сожжение. Характерно, что детей хоронили только по обряду трупоположения. Погребенных клали в могилу скорченно, на левый бок, с согнутыми руками и ногами. Но встречаются отдельные случаи, когда умершие лежат на правом боку в той же позе. На Енисее в парных погребениях женщину укладывали за спиной мужчины, в погребениях на западе их клали лицом друг к другу. Ориентировка погребенных довольно устойчива: головой на запад или юго-запад, но иногда бывает и противоположная ориентировка.

В отличие от своих предшественников андроновцы в могилы умерших клали мало вещей. Но зато их снабжали пищей, в могилах всегда стоят горшки, являющиеся основными находками андроновских могил. На Енисее горшок ставили у головы погребенного, чаще перед лицом. На Оби в могилах встречается до четырех горшков. Интересно отметить, что в тех случаях, когда в могиле похоронен пепел, горшки стоят у юго-западной стенки, как они стоят при трупоположении.

Нарядные горшки чаще всего ставили в могилу взрослым, а «банки» — детям. Однако нередко у взрослых стоят «банки», а у детей горшки.

Умерших хоронили в одежде и с теми украшениями, которые они носили при жизни. Чаще других украшений встречаются бронзовые бусы, сделанные либо из плоской бронзовой проволоки, либо из выпуклой пластинки, вследствие чего они имеют биконический вид. Такие бусы нашивались на верхнюю часть обуви или нанизывались на шнурок, которым обувь стягивалась вокруг лодыжки. У головы иногда находят височные кольца или серьги; в одном случае встречены серьги с раструбом, они широко распространены в западных районах андроновской культуры. Здесь же чаще встречаются обычные проволочные серьги или же серьги с несходящимися концами, сделанные на органической основе. Попадаются и бронзовые тонкие выпуклые бляшки. Они чаще всего круглые, но была найдена и одна четырехугольная. Обнаружены литые бляшки с петелькой на обороте, а в одном случае найдена и большая (до 5 см в диаметре) литая бляха. В женских могилах есть бронзовые кованые иглы с загнутым и приваренным к телу иглы верхним концом, образующим ушко. В одной мужской могиле оказалось тонкое бронзовое шило. Иногда находятся

деревянные и костяные вещи. В могильнике у с. Андроново была найдена деревянная ложечка, а в Усть-Ербе — обломки большой берцовой кости барана, которая служила блоком для перематывания пряжи.

Что касается общества андроновцев, то на основе развития скотоводства в нем происходят серьезные изменения. Теперь все основные виды деятельности оказываются в руках мужчин. Женщина же занимается домашними делами и, видимо, земледелием. Расселение андроновцев, освоение ими новых земель, которое вряд ли происходило мирным путем, также выдвигало мужчину на первое место в жизни этих людей. Происходит перестройка общественных отношений, в результате чего «власть» оказывается в руках мужчин. С этого времени, видимо, нужно говорить об эпохе патриархата. Этому способствовало и то, что стада перестали принадлежать общине и оказались в руках отдельных семей, во главе которых становится мужчина, желающий передать свои богатства детям. Эти новые отношения отразились в широком распространении парных погребений. Такие погребения свидетельствуют о том, что для андроновцев характерна была уже парная семья. В могилах с парными погребениями часто можно видеть последовательность захоронения. Туда, где уже лежал один из умерших супругов, хоронили и второго, снова соединяя их в супружескую пару.[14]

Для характеристики верований андроновцев интересно жертвенное место на Алексеевском поселении. Обряд жертвоприношения заключался в зарывании в почву горшков с молочной и растительной пищей. Горшки часто покрывались сверху крупными черепками. Всего на жертвенном месте найдено 59 таких горшков. Вдали от места, где ставились жертвенные горшки, было пять ям. В них лежали мелкие угольки, обугленные стебли и зерна пшеницы. У андроновцев, следовательно, сложилась принципиально новая земледельческая религия, не имеющая ничего общего со старыми охотничьими обрядами и древней охотничьей магией.

Андроновцы находились в разнообразных связях с другими племенами, которые во многих случаях испытывали прогрессивное влияние андроновских племен. Это влияние выражалось прежде всего в том, что обитатели сибирских лесостепей и лесов через них познакомились с новыми достижениями бронзолитейного дела и развили дальше скотоводство.

Памятники лесостепных районов этого времени лучше всего известны около Томска. Таковы могильник в Томске на Малом мысу,[15] а также поселение Самусь IV.

Особенностью погребений лесостепного района является положение погребенного не в скорченной позе, а на спине, головой на юг-юго-восток. Умершие положены в простые грунтовые ямы и только в одном случае в каменный ящик. В отличие от енисейских андроновцев здесь по старому, существовавшему еще с эпохи неолита обычаю с погребенным клали разные вещи, которые будут ему нужны в загробном мире. Вместе с вещами в могилу ставили горшки с какой-то жидкой пищей. В отличие от горшков энеолитической самусьской культуры, которая по времени соответствует окуневской культуре Енисея, здесь появляются в небольшом количестве горшки и «банки», если не полностью подобные андроновским, то очень близкие им.

Были распространены здесь, хотя и в небольшом количестве, характерные андроновские блюда с присущим им орнаментом. Все это свидетельствует о значительном андроновском влиянии на посуду томских пле-

[14] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 120. 1962. стр. 89

[15] М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 24. 1952, стр. 16.

мен. Но это влияние не изменило старых традиций, оно как бы наслоилось на них, в результате чего возникли некоторые особенности орнаментики этого времени на Томи.

С андроновским влиянием связано и усиленное развитие бронзолитейного дела. В одной из могил найден типично андроновский кинжал, в другой была серьга с раструбом. В нескольких могилах встречены тонкие круглые бляшки, небольшие зеркала, литые бляшки с петелькой на обороте, пуговицы, своеобразные бронзовые ножи. В материалах поселения значительное место занимают впервые в таком большом количестве найденные обломки литейных каменных и глиняных форм для отливки кельтов и копий. На обломках льячек, найденных на поселении, нанесен такой же орнамент, как на сосудах, они украшены оттисками крупнозубчатого штампа.

Племена района Томска не просто восприняли новые для них формы бронзовых вещей, а переработали их и приспособили к своим вкусам. Это сказывается в своеобразии кинжалов, ножей, но особенно кельтов. Судя по литейным формам, они в основе такие же, как сейминско-турбинские, но пропорции их иные и на них нет орнамента. Их украшают только выпуклые валики, втулки и такие же выпуклые вертикальные линии, опускающиеся вниз вдоль ребер орудия.[16] К этим кельтам близки кельты, найденные в районе Красноярска. Судя по сходству всех таких кельтов с сейминско-турбинскими, можно думать, что они возникли где-то на западе, а затем распространились по Сибири одновременно с андроновской культурой.

Несмотря на собственное производство бронзовых орудий, томские племена наряду с металлическими по-прежнему использовали и каменные орудия, например тесла и ножи старых энеолитических форм. Эти факты показывают, что собственно андроновские племена сюда, видимо, не проникали и связи с ними у племен, обитавших по Томи, ограничивались культурными контактами. Интересно и то, что следы андроновской культуры гораздо дальше уходят на юг, в Среднюю Азию, чем на север. Они обнаружены у Ташкента, в долине р. Чу и в Центральном Тянь-Шане (долина р. Аспы к югу от оз. Чатыр-Куль). Признаки контактов с андроновцами заметны и в бассейне Аму-Дарьи.

Андроновцы были людьми своеобразного европеоидного антропологического типа, который получил название андроновского. Эти люди появляются в Сибири только с андроновской культурой. Андроновская культура не имеет связи с предшествующими ей сибирскими культурами также в обряде погребения, в конструкции курганов и могил, в керамике и вообще в основных типах вещей. Единственное, что было заимствовано андроновцами от предшествующей культуры, — горшки с четырехугольным устьем и орнаментика отдельных сосудов, несколько отличная от собственно андроновской. Все это заставляет предполагать, что андроновцы вытеснили местное население и заняли их земли. Скорее всего они пришли в Южную Сибирь из Казахстана, где известны памятники как раннего (федоровского), так и позднего (алакульского) этапов андроновской культуры.[17] О времени, когда произошли эти события, можно судить по андроновской орнаментике Сибири: в ней наряду с элементами, характерными для федоровского этапа, много таких, которые характерны уже для алакульского этапа. В Сибири много баночных сосудов, типичных для алакульского этапа. Здесь преобладает и обряд трупосожжения, господство-

---

[16] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом литье в низовьях р. Томи. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 84, 1961, стр. 133.

[17] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 21, 1951, стр. 109.

вавший именно в алакульское время. Отсюда следует, что андроновцы распространились в Сибири в конце федоровского и в самом начале алакульского этапа, т. е. в XVI—XIV вв. до н. э.

4. КАРАСУКСКАЯ КУЛЬТУРА

Значительные изменения в жизни древних племен Южной Сибири происходят в конце II тыс. до н. э. Широко распространенная от Урала до Енисея андроновская культура сменяется новой, карасукской (XIII—X вв. до н. э.). Карасукская культура — это период расцвета в истории развития культур эпохи бронзы Южной Сибири, Казахстана и Монголии.

Оседлые пастушеско-земледельческие племена этих областей, развивая свое хозяйство, перешли к яйлажному скотоводству и связанному с ним полукочевому образу жизни. Каждой весной, засеяв поля, они переезжали со скотом на летние пастбища, а осенью возвращались обратно для сбора урожая и на зимовку. Зимние поселения они устраивали в районе зимних пастбищ, а летние — в районе летних. Такие перемены в хозяйстве и образе жизни вскоре же привели к значительным изменениям их быта, к некоторому перераспределению родовых и племенных пастбищ, возможно, к племенным перегруппировкам и переселениям на новые места. В результате всего этого в относительно короткий срок сформировалась новая культура, но не везде одинаковая. В андроновское время на обширных пространствах степей отдельные племена мало различались по своей культуре. Карасукские же племена, по-видимому, развивали свою культуру в какой-то мере обособленно друг от друга, что ярко отразилось в их археологических памятниках. Такие локальные группы памятников соответствуют, видимо, отдельным племенам или племенным союзам. Сейчас известно не менее 10 таких локальных групп.

Наиболее распространенными памятниками карасукского времени являются могильники. Могилы устраивали, как и в андроновское время, в виде каменного ящика из тонких плит. Сверху покрывали плитами и закладывали землей. Вокруг могилы сооружали квадратную ограду из вертикально поставленных плит или круглую, сложенную из мелкого плитняка или бутового камня. В отличие от андроновского времени теперь совершенно не встречается срубов в могилах, а круглая ограда сооружается редко. Могильные ограды часто пристраивали одну к другой. Там, где камня не было, обходились без него. На Оби, например, умерших хоронили в простых грунтовых ямах и сооружали над ними небольшие холмики. Умершего клали в могилу на спину, иногда на бок, головой на северо-восток. Хоронили его в одежде и с теми вещами, которые ему были необходимы на предстоящий путь в предполагаемый загробный мир. В головах ставили один или два горшка с жидкой пищей, а у ног — мясо. При похоронах каждый раз резали барана, реже быка или лошадь, устраивали погребальное пиршество и умершему давали четыре определенных куска мяса — всегда лопатку, кусок грудинки и два куска задней ноги.

Горшки в отличие от андроновских делались шаровидные, с выпуклым дном, иногда плоскодонные. Они часто украшались тисненым орнаментом. Преобладали узоры в виде зигзагов, ромбов, равнобедренных треугольников. Часто встречается богатый орнамент в виде шевронов и меандров, сохранивших черты орнамента андроновской культуры. Иногда орнамент заполняли белой пастой. Такие горшки, черные, блестящие, с белым рисунком, были очень эффектны.

Известно большое количество металлических изделий, найденных частью в могилах, частью в почве при распашке полей. Больше всего найдено бронзовых ножей своеобразной изогнутой формы. Отлитые в ка-

менных или глиняных формах, они имеют массивную рукоятку с навершием в виде кольца, часто усложненного тремя кнопками, грибовидной шляпки или иногда в виде головы зверя. В карасукскую эпоху отливались из бронзы также кинжалы и втульчатые топоры — кельты. Кинжалы не имеют перекрестья, у них сделаны небольшие выемки на месте перехода рукояти в клинок. Клинок ромбического сечения, иногда усилен жилкой. Рукоять оканчивается кольцом, бубенчиком или грибовидной шляпкой. Кельты этого времени массивные, шестигранные, украшенные поясковым орнаментом. Употреблялись также тесла с петелькой на обратной стороне и сквозной втулкой.

Довольно разнообразны украшения, большей частью отличные от андроновских. В могилах женщин и девочек часто находятся проволочные височные кольца, трубочки-пронизки, скобкообразные обоймы, которыми украшались богатые нагрудники; двойные или тройные выпуклые литые бляшки с петелькой или без нее на обороте, нашивавшиеся на одежду; гвоздевидные заклепки — украшения обуви. На запястьях нередко находят бронзовые браслеты из медной проволоки в полтора или два с половиной оборота. На пальцах рук иногда оказываются проволочные перстни, близкие андроновским. Карасукские женщины носили длинные волосы, заплетенные в косы, к которым подвешивались бронзовые украшения — лапчатые привески. Для расчесывания волос вырезались из кости гребни с длинными зубцами, украшенные незатейливым орнаментом, а зеркалом служили подобные андроновским бронзовые литые, хорошо заполированные диски. Наряду с бронзовыми у карасукцев были украшения из других материалов. Встречаются каменные имитации раковин и аргиллитовые цилиндрические бусы.

Памятники карасукской культуры в последние годы разделены на две хронологические группы. Соответственно этому и карасукская культура делится на два последовательных этапа — собственно карасукский и каменноложский. Все, что говорилось выше о памятниках карасукской культуры, относится к более раннему карасукскому этапу.

На протяжении каменноложского этапа сооружаются только прямоугольные ограды, преимущественно из вертикально поставленных плит. Почти полностью исчезает система пристроенных друг к другу оград. Нет и характерных для собственно карасукского этапа трапециевидных ящиков.

Умершего обычно клали в могилу на спину в вытянутом положении головой на северо-восток. В могилу ставили горшок с жидкой пищей, а у ног, как и прежде, — четыре определенных куска мяса и бронзовый нож. Значительно изменяется форма горшков. Хотя изредка и встречаются сосуды, близкие собственно карасукским, ведущими становятся круглодонные сосуды удлиненной высокой формы, иногда яйцевидные и сосуды на поддоне и чашки. Яйцевидная форма горшков заставила некоторых исследователей связывать их с энеолитической афанасьевской посудой.[18] Но нужно специально отметить, что, кроме внешнего сходства дна сосудов, между этими двумя культурами нет ничего общего. Каменноложские горшки открытые, с прямым венчиком, небрежно изготовленные, относительно толстостенны. Сосуды на поддоне отличаются лишь тем, что к их дну прилеплена как бы кольцевая подставка. Что касается чаш, то это те же горшки, но меньших размеров. Орнамент стал значительно беднее. Украшена только верхняя часть сосуда. Орнамент состоит из рядов косых насечек по венчику, небрежно прочерченных бороздок, вписанных друг в друга треугольников и рядов ромбов по тулову.

[18] М. Д. Хлобыстина. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Л., 1963.

Особенно сильные изменения претерпевают ножи. Каменноложцы изготовляли ножи коленчатой формы. В отличие от собственно карасукских, навершие которых украшалось по-разному, каменноложские ножи завершаются только грибовидной шляпкой. Под ней часто находится петелька. Рукоятки некоторых ножей украшены орнаментом в виде ромбов или насечек. Место перехода рукояти в клинок отмечено шипом. Характерно, что в могилах обычно находят не целый нож, а только его обломок — конец клинка. Обычно на таком обломке сохраняются следы укрепления его в деревянной рукоятке.

Набор женских украшений в основном остается прежним. Появляются треугольные нашивные бляшки с точечным орнаментом. Наряду со старыми появляются литые перстни с двумя характерными коническими выступами. Возникает новая форма браслетов: на смену тонким пластинчатым приходят массивные литые, богато украшенные орнаментом. Отсутствуют каменные украшения, характерные для собственно карасукского этапа. В это время появляется и новый вид боевого оружия — копье с длинной прорезью вместо втулки, найденное на поселении в Каменном Логу. В землянках Каменного Лога найдены также костяные псалии от узды, костяные ручки составных ножей, шилья, трепала и другие поделки из рога и кости, а также многочисленные обломки сосудов, полностью аналогичных посуде из могил.

Все необходимое для жизни люди карасукского времени получали от своего основного занятия — скотоводства. Стадо давало не только молоко и мясо, но также шерсть и кожу. Конечно, дополнительным источником жизни по-прежнему была охота на диких зверей, в первую очередь на марала и косулю. Они давали мясо, кожу и мех, а их рога использовались как хороший поделочный материал.

Но охота являлась только подсобным занятием. Основой хозяйства было разведение домашних животных, из которых на первом месте по количеству голов в стаде стоит крупный рогатый скот, затем овца и, наконец, лошадь.

В карасукское время лошадь начинает использоваться для верховой езды. В каменноложский период появляется первая, еще примитивная узда с костяными псалиями, но без жестких удил. Появление верхового коня создало предпосылки для большей подвижности отдельных групп населения. Однако карасукцы, как и их предшественники — андроновцы, имели долговременные постоянные поселения, в которых они жили, по-видимому, только зимой. О существовании таких поселков косвенно свидетельствуют даже могильники: они содержат многие десятки, иногда сотни (порой до 1000) могил. Представление о карасукском поселке можно получить по раскопкам в Каменном Логу на р. Карасуке. По этому памятнику каменноложский этап и получил свое название. Поселение состояло из восьми землянок (раскопано пять). Жилища представляли собой углубленный более чем на метр прямоугольный котлован площадью 150—160 м^2, в который вел наклонный ход, иногда обставленный по стенам каменными плитами. В середине землянки находилось несколько очагов, часто вытянутых в ряд. Некоторые из них, расположенные в центре, могли служить для приготовления пищи. Другие же, в которых обычно находят обожженные и растрескавшиеся камни, служили для обогрева жилища. Вдоль стен были устроены деревянные нары-лежанки. На полу вокруг центрального очага в ямках часто стоят горшки, служившие для хранения или приготовления пищи. В двух случаях землянки расположены попарно и соединены друг с другом проходом. Меньшее помещение не имело выхода, оно могло служить кладовой для запасов. Землянки представляли собой не только место, где отдыхали и готовили пищу, но, судя по многочисленным находкам костяных вещей, заготовок и не-

законченных поделок из рога, обломков литейных форм, их обитатели здесь же занимались и изготовлением необходимых предметов обихода.

Домашние занятия за все время существования карасукской культуры были одними и теми же. Областью женского труда, очевидно, прежде всего было изготовление одежды. В карасукских могилах встречены обрывки шерстяных тканей двух способов плетения, простого и диагонального, а в землянках часты находки костяных трепал — орудий для размягчения растительного волокна. Об использовании шерсти свидетельствуют находки гребней, которыми расчесывали шерсть. Одежда шилась также из меха и кожи. После выкраивания деталей одежды они по шву прокалывались костяными шильями и сшивались. О том, что кожа широко использовалась для одежды, свидетельствуют находки нагрудников на кожаной основе, а также бронзовые украшения, которые могут быть укреплены только на кожаной основе.

В обязанность женщин входило, видимо, изготовление посуды. Горшки лепили ленточным способом с последующим обколачиванием лопаткой и лощением наружной поверхности. Каждая семья изготовляла горшки для себя. Это видно из того, что в семейных комплексах могильных оград находится строго определенный набор сосудов. Заботой мужчин был уход за скотом, а также и производство металлических изделий. Изготовлением бронзовых орудий они занимались непосредственно в поселении, о чем свидетельствуют обломки литейных форм в землянках. Литейное дело в карасукское время достигло высокого уровня. Использовались двустворчатые литейные формы, сделанные из камня или глины. Широкое распространение получило фигурное литье в специальных усложненных формах. Эти сложные формы рисуют виртуозную технику карасукских литейщиков. Литник, как показывает металлографический анализ, был расположен сбоку. При заливании металла форма ставилась вертикально. После того как металл был залит, форму не раскрывали, давая предмету остыть. Очень часто карасукские металлурги применяли последующую обковку изделий. Анализы показывают, что литейщики этого времени широко использовали специальные присадки — мышьяк или олово, но изготовляли также вещи и из чистой меди.

По всей области распространения карасукской культуры известны многочисленные древние медные рудники, использование которых началось еще в энеолитическое время. Выработки обычно неглубокие. Древние металлурги выбирали поверхностный слой руды. О масштабах рудных разработок в эпоху меди и бронзы на юге Сибири и в Казахстане можно судить по подсчетам для Джезказгана. Там было добыто в промежутке между энеолитом и скифо-сакским временем около 1 млн т руды.

Высокий уровень мастерства карасукских литейщиков нашел наибольшее выражение в их художественных изделиях. Как уже отмечалось, карасукская культура делится на ряд локальных вариантов. Для каждого из них можно отметить некоторые особенности хозяйства, быта, своеобразие бронзовых изделий, формы и орнаментации посуды. При всем частном разнообразии культуры отдельных карасукских племенных групп у них есть общие черты. В керамике — это круглодонные сосуды, орнаментированные характерными геометрическими узорами. Так, например, в Дындыбае (Центральный Казахстан) и в Тагискене (Прираалье) некоторые сосуды невозможно отличить от карасукских на Енисее.[19] Особенно сходна с карасукской керамикой Енисея тагискенская керамика. Достаточно указать на прочерченный геометрический орнамент, заполненный белой пастой, или на орнаментацию сосудов налепными шишечками. Еще более поразительно распространение карасукских форм металлических

[19] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

изделий. Сходные с карасукскими ножи, кинжалы, украшения встречаются от Поволжья до Аньяна.[20] Такое сходство объясняется, очевидно, теми большими сдвигами в производстве, развитии металлургии и скотоводства, особенно же в освоении верхового коня, которые происходят в карасукское время на обширных пространствах евразийских степей. Это обусловило возросшую подвижность населения, широкий обмен культурными достижениями. Поэтому основные черты карасукской культуры в целом должны были сложиться не в одном небольшом районе, а на весьма значительной территории, где уже существовала до этого какая-то исходная культура, достигшая высокого уровня в своем развитии. В литературе давно уже сложилось мнение, что карасукская культура является пришлой в Минусинской котловине. Еще С. А. Теплоухов обратил внимание на сходство карасукских металлических изделий из Ордоса с минусинскими. С. В. Киселев, опираясь в основном на сходство некоторых карасукских вещей с найденными в районе Суйюани и Жехэ, предполагал миграцию населения и культуры с востока на запад, на Енисей.[21]

Связи с Дальним Востоком действительно имеются. Они выражаются в широком распространении одинаковых бронзовых изделий, которые имеют, однако, и свои местные особенности. Эти локальные особенности важны как для уточнения хронологии карасукской культуры, так и для разрешения вопроса о ее происхождении, который в свое время вызвал оживленные дискуссии в нашей и зарубежной литературе (С. В. Киселев, Б. Карлгрен, И. Андерсон, К. Йетмар, М. Лёр).

Однако дальневосточная бронза этого рода четко делится на две группы. Первая группа имеет признаки местного происхождения, резко отличные от сибирских. Это ножи, характерные для иньского времени в Аньяне, — массивные, с широким лезвием, прямой спинкой и слегка отогнутым концом. Место перехода рукояти в клинок оформлено отличными от карасукских приемами. У них нет шипа, а лезвие отделено резким уступом от рукояти, иногда они дополняются характерными орнаментальными деталями, совершенно несвойственными карасукским изделиям. Такова, например, целая процессия стилизованных хищников на спинке одного из ножей. Вторую группу составляют собственно карасукские вещи (ножи), почти совсем не отличимые от сибирских.

Есть и третья группа ножей, в которой сочетаются признаки первой и второй групп. Замечательно при этом, что ножи второй группы встречены в наиболее ранних погребениях иньского времени и они не имеют своих предшественников на Дальнем Востоке. Особенности, характерные для ножей первой группы (дальневосточной), по мере удаления от Аньяна встречаются реже. Даже в Монголии они известны только в южных районах. За Байкалом, на территории Бурятии, их нет совсем. Для Забайкалья характерны ножи с навершием в виде пары колечек.

Отсюда следует ряд важных выводов. Во-первых, учитывая, что раннеиньские памятники датируются XIII в. до н. э., мы можем примерно этим же временем датировать первое появление карасукских ножей, а следовательно, и начало сложения карасукской культуры. В связи с этим встает вопрос о той исходной культуре, на основе которой и выросла карасукская. Этот исходный культурно-этнический субстрат, очевидно, распространен столь же широко, как и карасукская культура, или во всяком случае на значительной части этой обширной территории. Исходная культура должна была иметь соответственно высокий уровень развития. Всем этим требованиям удовлетворяет андроновская культура.

---

[20] М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. «Советская археология», т. XVI, М.—Л., 1952.

[21] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, 1951.

Форма сосудов и орнаментация карасукской посуды генетически связаны с предшествующей андроновской. На Оби, Енисее и в других районах в могилах карасукской культуры встречаются сосуды баночной формы, имеющие аналогии с андроновской посудой этих районов. Некоторые виды украшений также ведут свое происхождение от андроновских: лапчатые привески, перстни, скобки, трубочки-пронизки. Зеркала полностью сохраняют форму андроновских. В погребальных сооружениях также повсеместно сохраняются прежние приемы строительства и формы могильных оград, они лишь развиваются и несколько видоизменяются. В отличие от андроновских могильные ограды теперь стали чаще сооружать прямоугольными и реже круглыми, стены оград начали воздвигать преимущественно из вертикально поставленных плит и в относительно редких случаях складывать из мелкого плитняка. Из трех видов внутримогильных сооружений сохраняется только один — каменный ящик. Цисты со стенами из плитняка встречаются редко, срубов почти совсем нет.

Сложившаяся на основе предшествовавшей ей андроновской культуры карасукская культура оказала существенное влияние на соседние с ней лесные культуры Западной Сибири. Но вместе с тем ее связи распространяются далеко на восток — в Забайкалье, Монголию, Ордос, Аньян.

Учитывая, что у ножей карасукского типа нет предшественников на Дальнем Востоке в доиньское время, мы можем предположить, что эти формы ножей зародились там же в Сибири, где распространены памятники карасукской культуры. Там же, на севере, и находился, следовательно, основной очаг формирования карасукской культуры, откуда и шли на восток некоторые карасукские культурные приобретения. Существенно, что к востоку от Енисея не распространяется керамика карасукского типа, нет там и характерных карасукских могильных сооружений. Отсюда можно сделать вывод — карасукская культура не могла быть принесена в Минусинскую котловину с востока, как предполагают некоторые исследователи. Этот вывод подтверждается и отсутствием на Енисее в карасукское время дальневосточных антропологических типов. В это время здесь встречаются черепа людей с андроновскими и окуневскими («южноафанасьевскими») расовыми признаками. Но еще чаще в карасукских могилах находят черепа людей памиро-ферганского типа, издревле населявших среднеазиатское междуречье от Сыр-Дарьи до Аму-Дарьи.

Южная Сибирь и соседние с ней районы Казахстана и Средней Азии были той территорией, где происходило формирование карасукской культуры и тех племен, которыми она была создана. За время своего существования она оказала сильное влияние и на культуры соседних с карасукцами племен, в первую очередь племен лесостепи и леса.

Первый такой район расположен на Среднем Енисее у Красноярска. Об этом свидетельствует замечательное погребение у с. Ладейки. В нем были найдены кельт своеобразной формы, коленчатые ножи, оригинальные большие шилья, бронзовый игольник с иглами.[22] Кроме того, из этих же районов известно большое количество случайно найденных бронзовых изделий карасукского типа, представленных кинжалами, ножами, кельтами, массивными литыми браслетами, проволочными кольцами и другими вещами.

Отдельные вещи карасукских форм (мечи и кельты) проникают на север вплоть до Якутска. Широкое распространение изделий карасукского типа на север происходит на позднем этапе карасукской культуры, представленном в Минусинской котловине памятниками каменноложского типа.

---

[22] Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 60, 1955, стр. 129—134.

Несколько особая группа племен с культурой карасукского типа расселилась по луговым долинам крупных рек — Оби, Томи и Чулыма. Она заняла частью те места, где раньше обитали пастушеские племена андроновцев (район Новосибирска), частью — земли, где раньше жили охотничьи племена (район Томска и севернее). Пришла ли она сюда из степей, сложившись в среде андроновских племен, что вероятнее всего, или лесные племена восприняли культуру степных пастушеских племен, нам пока неизвестно. Нам известен лишь тот факт, что ареал пастушеско-земледельческих племен в карасукское время раздвинулся далеко на север вдоль рек. Наиболее полно исследованы карасукские поселения к северу от Новосибирска — Ирмень, Красный Яр и Еловка. На поселении Ирмень раскопаны четыре большие землянки. Это прямоугольные жилища площадью в 100—200 м^2, углубленные на 100—150 см в землю. Так как разных хозяйственных отбросов больше всего находилось на кровле, впоследствии обвалившейся на пол землянки, надо полагать, что основным входом в жилище служило свето-дымовое отверстие наверху в центре кровли. Спускались в землянку по лестнице.

Хозяйство было близким к андроновскому. Основным источником существования были скот и возделанное поле. Разводили преимущественно крупный рогатый скот, а овец и лошадей было в несколько раз меньше в отличие от степных районов, где число овец в стаде немногим уступало крупному рогатому скоту. Охота не играла сколько-нибудь существенной роли. Кости диких животных в культурном слое составляют не более 3%, хотя поселения располагались в обильных дичью местах. Луговые земли использовались под пашню, о чем говорят находки больших ручных зернотерок. Огромное количество остатков глиняной посуды разных форм и назначения и среди них большого числа крупных по размерам корчаг емкостью в 10—15 л указывает на развитое домашнее хозяйство, в котором в большом количестве перерабатывались молочные и растительные продукты.

Обитатели землянок занимались изготовлением орудий, литых из бронзы и костяных, обработкой шерсти и растительного волокна, пряжей и ткачеством, на что указывают находки обломков литейных форм, костяных трепал, пряслиц, ткацких гребней и т. д. Зимой в землянках, видимо, содержали и скот.

Появление в обско-томских лесах культуры карасукского степного типа надолго прервало естественный ход развития лесных охотничьих племен в этих местах. По-видимому, на протяжении всего I тыс. до н. э. здесь обитали племена с хозяйством и культурой, близкими к культуре степных и лесостепных племен Саяно-Алтая.

Со временем карасукская культура на Енисее уступает место новой, более высокой, замечательной тагарской культуре, на Алтае и в приалтайских степях — блестящей культуре ранних кочевников, в лесостепях по рекам Оби и Томи — большереченской культуре. Культуры эти возникли несомненно в результате весьма сложного сочетания различных культур, и конкретный путь их сложения проследить трудно. Замечательно, что имеется бесспорная связь памятников каменноложского этапа на Енисее с памятниками баиновского этапа тагарской культуры. Эта связь прослеживается не только в характере надмогильных сооружений и устройстве могил, где имеются идентичные варианты могильных сооружений, но особенно ярко она видна в керамике и ножах. Многие сосуды баиновского этапа по характерной яйцевидной форме и по орнаментации полностью совпадают с каменноложскими. Встречаются и сосуды на поддоне. На баиновском этапе сохраняются также коленчатые ножи — наиболее характерная черта каменноложских ножей.[23]

[23] По вопросу о хронологии карасукской культуры и месте в ней каменноложского этапа существуют и другие точки зрения.

Отсюда следует, что уже в недрах карасукской культуры на заключительном каменноложском этапе возникают новые особенности, получившие свое полное развитие в тагарской культуре. И, следовательно, карасукские племена тоже внесли свой вклад в новую историческую эпоху.

5. ТАГАРСКАЯ КУЛЬТУРА

Переход пастушеско-земледельческих племен в степной полосе нашей страны к кочевому скотоводству, совершившийся в основном в VIII — VII вв. до н. э., привел к значительным перемещениям и перегруппировкам населения, к формированию новых племен и племенных союзов, к сложению ряда новых своеобразных самобытных культур. Но все вновь образовавшиеся этнические группы (племена и племенные союзы) на огромных пространствах степей Евразии при всем своем разнообразии выработали в общих чертах сходные, родственные культуры так называемых скифского, скифо-сарматского или скифо-сибирского типов.

Не составило исключения в этом отношении и население степей Среднего Енисея, хотя его история и слагалась в этот период несколько отличным от остальной массы степных племен путем. Природные условия края, ограниченная площадь степей, защищенная от соседних степных областей массивами горных хребтов и непроходимых лесов, позволили местному карасукскому населению остаться на своих прежних землях, не переходить к кочевому образу жизни, а развивать свое хозяйство и культуру, заимствуя все полезное от соседей, не ломая своих сложившихся веками традиций. Так в пределах Минусинской и Чулымо-Енисейской степных котловин сложилась своеобразная культура, известная в археологической литературе под названием тагарской.

В степях Среднего Енисея нет, кажется, такого места, где не было бы видно курганов тагарской культуры, совершенно необычных, своеобразных по своему внешнему виду. Это плоские разного размера насыпи, в основании которых стоят высокие каменные столбообразные плиты обычно из красного девонского песчаника. Их много. Они издалека видны. И их давно уже в большом количестве раскапывали. Первая в России научная раскопка древнего кургана — это раскопка кургана тагарской культуры близ с. Краснотуранска на правом берегу Енисея, произведенная в 1722 г. известным ученым Д. Г. Мессершмидтом. В 1884 г. В. В. Радлов выделил курганы тагарской культуры в особый исторический период, назвав его «бронзовый и медный период», дал характеристику памятников и представление о материальной культуре этого периода. Несмотря на множество ошибок и заблуждений, теперь для нас очевидных, Радлов правильно рассматривал носителей тагарской культуры как оседлые земледельческо-скотоводческие дотюркские племена.

Однако заслуга действительного открытия и первого правильного исторического освещения рассматриваемой эпохи принадлежит С. А. Теплоухову, который в начале 20-х годов нашего столетия детально изучил памятники и подразделил их на несколько хронологических групп. Эту эпоху он назвал минусинской курганной культурой и развитие ее рассматривал по четырем последовательным этапам. Периодизация С. А. Теплоухова сохранила в основном свое значение до наших дней, а данное им название культуры не удержалось. Позднее С. В. Киселев предложил более удобное наименование — тагарская культура, теперь общепринятое.

Тагарская культура охватывает длительный период в семь столетий. Наиболее распространено сейчас деление его на четыре этапа: баиновский — VII—VI вв., подгорновский — VI—V вв., сарагашенский — IV—III вв., тесинский — II — I вв.

Характерной особенностью курганов всех этапов тагарской культуры является наличие прямоугольной каменной ограды и столбообразных камней. Расположены в степи они группами. В основании их насыпи стоят высокие, иногда огромных размеров, камни, расположенные по углам и сторонам обычно невидимой на поверхности ограды. В редких случаях курганы достигают 10 и более метров высоты, а камни в их ограде — 3—4 м высоты. Ограда и столбообразные камни на них ориентированы обычно по направлению с юго-запада на северо-восток; причем камни подбирались и ставились так, чтобы все сооружение имело вид как бы устремленного по направлению на северо-восток, т. е. на летний восход солнца.

На могилах баиновского этапа ограды делались высокие (первоначальная высота 70—100 см). Как и в карасукское время, они были квадратными, небольшого размера (около 4—5 м, иногда до 10 м); для каждой могилы устраивалась обычно отдельная ограда, часто ограды пристраивались одна к другой. В отличие от карасукских у них по углам поставлены, хотя и не всегда, высокие массивные плиты. Могилы большей частью делались по-прежнему в виде каменного ящика из плит дикого камня, покрытого одной или несколькими толстыми плитами. Но довольно часто стали сооружать в могиле и сруб из тонких бревен. Погребенный в отличие от карасукского всегда положен на спину, вытянуто, головой преимущественно на юго-запад, но, как и раньше, в головах у него поставлен горшок с каким-то напитком, а в ногах — четыре куска мяса от зарезанного для погребальной тризны барана или быка, реже лошади.

Глиняная посуда баиновского этапа на первый взгляд резко отлична от карасукской, но она преемственно связана с ней. Часть сосудов сохраняет появившуюся еще в позднекарасукское время форму яйцевидных остродонных горшков и характерные для того времени орнаменты. Однако преобладают горшки баночные, отличающиеся от предыдущей формы лишь тем, что дно их приплюснуто, следовательно, не выпуклое, а плоское. И эта форма горшков господствует затем на протяжении всей тагарской культуры. Меняется со временем только орнаментация да прибавляются некоторые своеобразные формы сосудов разного назначения.

Изготовляются также и бронзовые орудия новых форм. Характерны ножи с кольцом на конце гладкой плоской рукояти и с полукольцом. Первые похожи на карасукские, но в таком варианте в памятниках карасукской культуры никогда не встречаются. Вторые свойственны только баиновскому этапу. То же можно сказать и о ножах с гладкой плоской рукоятью, которую обматывали по спирали ремешком или обкладывали с боков деревянными пластинками. Наконец, на этом же этапе стали изготовлять ножи с гладкой рукоятью и с дырочкой для ремешка на конце. Эти ножи в разных вариантах получили затем широкое распространение на всех последующих этапах тагарской культуры.

Если раньше, в карасукское время, ножи всегда клали в могилу вместе с мясной пищей, то теперь они находятся у пояса вместе с шилом и зеркалом, что характерно для всех последующих этапов. Бронзовое шило в отличие от карасукского имело гвоздевидную шляпку наверху. Появились новые виды оружия — чекан и боевой топорик. Кинжалы теперь стали делать с перекрестием в виде пары прямоугольных выступов, не отделенных рельефом от клинка и рукояти.

Памятники баиновского этапа говорят о тесной преемственной связи их с предшествующей карасукской культурой, и вместе с тем в них наблюдается появление и господство новых форм и видов различных изделий, которые в тех или иных вариантах своего дальнейшего развития характеризуют собой тагарскую культуру. Еще не так давно памятники баиновского этапа рассматривались как переходная группа памятников

от карасукской культуры к тагарской. Однако орудия, оружие, керамика и другие изделия этого этапа принадлежат ранним типам вещей тагарской культуры, следовательно, баиновским этапом начинается формирование и развитие этой культуры. Теперь стало совершенно ясно, что баиновский этап — это первый этап уже вполне сложившейся тагарской культуры.

Наиболее яркого выражения своих характерных особенностей тагарская культура достигла на втором этапе развития — подгорновском (VI—V вв.). Основная масса во множестве разбросанных по всей степи тагарских курганов принадлежит подгорновскому этапу. Внешне они имеют вид небольших плоских возвышений, холмиков, в основании которых находится четыре высоких камня. Очень часто земляное возвышение над могилой настолько незначительно, что наш глаз его не замечает и на ровной поверхности степи мы видим только четыре камня. Раскопками же вскрывается прямоугольная ограда с высокими камнями по углам. Иногда, при более значительных размерах ограды, высокие камни стоят еще и посередине всех сторон ограды, и тогда в основании кургана находится не четыре, а восемь камней. Часто к первой ограде пристраивают еще одну, две и больше оград. Тогда в основании длинной насыпи кургана стоит целая аллея высоких камней. Ограда низкая, ее стены из вертикально врытых плит возвышались в свое время над поверхностью земли не более чем на 15—20 см. В центре ограды находится обычно одна могила, просторная, в 2—2.5 м длиной и 1—1.5 м шириной, устроенная в виде каменного ящика из плит или бревенчатого сруба, покрытая сверху одной-двумя массивными плитами. В могиле, как правило, погребен один человек, он лежит на спине, головой ориентирован на юго-запад или в противоположном направлении. По-прежнему при нем у пояса лежат бронзовые нож, шило и зеркало, роговые гребешок и головной нож. В головах и ногах поставлены горшки с жидкой пищей, в ногах — по четыре куска мяса от одного или двух зарезанных для похоронной тризны животных. В мужских могилах часто можно обнаружить на уровне живота и бедер погребенного бронзовые кинжал, чекан, боевой топорик и несколько наконечников стрел — остатки лука со стрелами. Нередко одному погребенному кладут в могилу два и даже три вида разного оружия.

Все основные категории вещей из могил подгорновского этапа отличаются по деталям формы от вещей баиновского этапа. Глиняная посуда сохраняет прежнюю форму, только венчик сосуда имеет характерное утолщение по краю с резким ребром внизу, а орнамент состоит из одного или нескольких гладких, широких желобков. Такой тип сосудов распространен наиболее широко в степях Минусинской котловины, но не повсеместно. На правобережье Енисея, в районе р. Тубы, встречаются сосуды тех же форм, но они не имеют ни утолщения по венчику, ни желобков. Они украшены рядом «жемчужин», т. е. выдавленных изнутри бугорков, и часто несложными рисунками, оттиснутыми гребенкой и напоминающими орнаменты баиновской керамики.

Ножи преимущественно простой пластинчатой формы с дугообразно изогнутым обушком, с не отделяющейся от клинка рукоятью, равномерно широкой по всей длине, с каплевидным или круглым отверстием. Есть также ножи с рукоятью, сужающейся кверху, с маленьким круглым отверстием. Шилья в отличие от баиновских имеют круглую шейку между головкой и рабочей частью. У кинжалов наблюдается четко оформленное перекрестие с рельефно выделяющимися более или менее широкими гардами. Для боевого чекана характерен круглый или граненый ударный стержень, заостренный на четыре грани, он украшен иногда скульптурной фигурой зверя в обушковой части. Наконечники стрел костяные и бронзовые, разнообразны по форме. Бронзовые наконечники обычно втульчатые, с овальным или ромбическим пером, иногда с опущенным вниз

жальцем, подобны наконечникам большепереченского этапа на р. Оби и раннескифским в степях Причерноморья.

Так характеризуется основная масса памятников подгорновского этапа. Но есть и другие памятники. В Абаканской степи А. В. Адрианов раскопал большой курган, известный под названием Кара-Курган. Насыпь его высотой в 4 м была обставлена 14 камнями, возвышающимися до 3 м над поверхностью земли и поставленными по углам и сторонам ограды. В ограде две могилы площадью в 17 и 20 м². В них бревенчатые срубы, покрытые сверху девятиметровыми бревнами в несколько рядов. Могилы ограблены. В одной сохранились только кости мужчины (?) и бронзовый наконечник стрелы. В другой — кости женщины (?), золотые украшения (биконическая бусина и три бляшки), обломки бронзовых украшений и черепки глиняного сосуда. Монументальность сооружений и наличие в могилах даже после их расхищения золотых вещей позволяют предполагать, что это богатая могила представителя высшей племенной знати. В соседней с ним могиле, видимо, была погребена его жена.

В другом могильнике, неподалеку от Кара-Кургана, раскопан курган Узун-оба, несколько меньший по размерам. В его ограде также большая могила, в которой погребен старый мужчина. В этом могильнике, состоящем из шести курганов, было еще два кургана, значительно превышающих размеры обычных курганов подгорновского этапа. Судя по остаткам в могиле одного из них золотых украшений, эти курганы также принадлежат представителям племенной или родовой знати.

Курганы подгорновского этапа находятся в степи по всем долинам рек, в ложбинах, на увалах. Десятки, а может быть, и сотни тысяч курганов группируются, образуя то небольшие могильники, состоящие из одного-полутора десятков могил, то огромные могильные поля, насчитывающие более сотни курганов. Нередко рядом с могильником подгорновского этапа, а иногда и вплотную примыкая к нему, находится могильник следующего по времени, сарагашенского, этапа. Иногда курганы обоих этапов располагаются вперемежку, составляя как бы единый могильник.

Памятники сарагашенского этапа (IV—III вв.) менее многочисленны. Они также широко распространены, но могильники состоят обычно всего лишь из нескольких курганов, не более 20 в одной группе. Курганы значительно больше по размерам, каменные конструкции их монументальнее. Надмогильный холм всегда хорошо виден на поверхности земли. Высота его обычно около метра, часто бывает и больше. Каменная ограда площадью около 200—300 м² обставлена десятью, реже восьмью высокими камнями. Кроме четырех камней по углам, поставлено (в первом случае) еще по два камня вдоль длинных сторон ограды и по одному — вдоль коротких, а во втором случае — по одному камню посередине всех четырех сторон.

В ограде находится одна, чаще две или три большие могилы, расположенные в ряд по линии с юго-востока на северо-запад. Квадратные могилы площадью от 10—15 до 50 м² содержат внутри бревенчатый сруб с таким же потолком. Сверху над могилой воздвигалось сложное сооружение из земли и камня, точные размеры и форму которого установить не удается. В промежутке между этими могилами и стенами ограды помещалось обычно еще несколько небольших могил (до 10 в одной ограде), обычно детских. Большие могилы представляли собой погребальные склепы, родовые или фамильные, куда одного за другим в течение долгого времени хоронили многих умерших разного пола и возраста. В таких могилах иногда бывает погребено по 2—3 чел., но чаще по 10—20 чел., в одной могиле количество погребенных доходит до 100.

Более богаты инвентарем могилы, в которых погребено по 2—3 чел. В них содержится больше бронзовых изделий, часто встречаются и золо-

тые украшения. В коллективных могилах находится большое количество различных предметов, но по отношению к числу погребенных их очень мало. Непропорционально мало глиняной посуды, костей животных, бронзовых орудий и украшений.

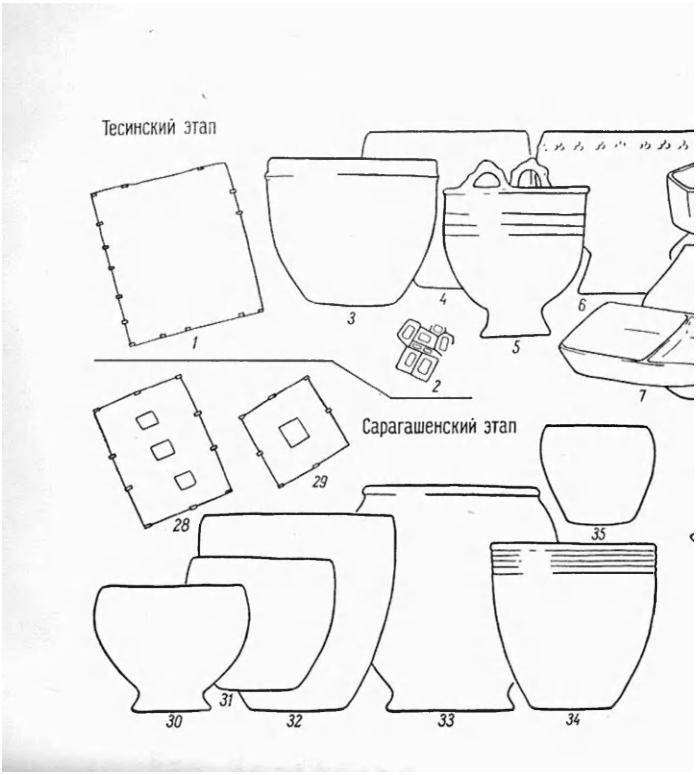
Значительно изменились состав и форма погребального инвентаря. Часто находятся сосуды в виде вазы или котла на коническом поддоне. Сосуды баночной формы, как правило, без орнамента, они отличаются от подобной посуды предыдущего этапа характерным прямым или косым срезом края венчика. Бронзовые ножи преимущественно с расширяющейся наверху рукоятью, имеющей вид высокого равнобедренного треугольника, опущенного вершиной вниз. Другими характерными формами изделий являются ножи с тонким остроребердным кольцом, с ажурными рукоятями и с рукоятями, заканчивающимися широкой петлей. Шилья с двух- или трехъярусной головкой на тонкой шейке. Кинжалы отличаются наличием гард в виде своеобразных узких рельефных усиков. Чеканы обычно легкие, уменьшенных размеров и упрощенной формы, но часто с пяткой, превращенной в фигурку козла или пары козлов. Встречаются и массивные чеканы, но они всегда с граненым уплощенным стержнем, более легкого, чем на предыдущем этапе, строения и со стилизованной головкой птицы под стержнем. Очень характерны часто находимые в могилах сарагашенского этапа бляшки в виде фигуры скачущего оленя и небольшие бронзовые коромыслообразные предметы неизвестного назначения со звериными головками на концах.

Так характеризуются могилы основной массы населения. Наряду с ними известны и могилы представителей высшей племенной знати, значительно отличающиеся от описанных. С. В. Киселев в 1954—1956 гг. раскопал самый большой курган минусинских степей, находившийся в урочище Салбык среди нескольких таких же больших курганов. Это огромный земляной холм высотой в 11 м с циклопической каменной оградой двухметровой высоты, сложенной из массивных плит. Особенно крупные плиты весом по 30—40 тонн каждая, возвышавшиеся на 4—5 м над поверхностью земли, поставлены по углам и через равные промежутки вдоль стен ограды. В центре ограды находится погребальная камера, срубленная из толстых бревен. Могила ограблена еще в древности, и о богатстве погребального инвентаря мы ничего не знаем, но несомненно, что эта могила, судя по монументальности сооружений, особо знатного лица, вождя племени или племенного союза.

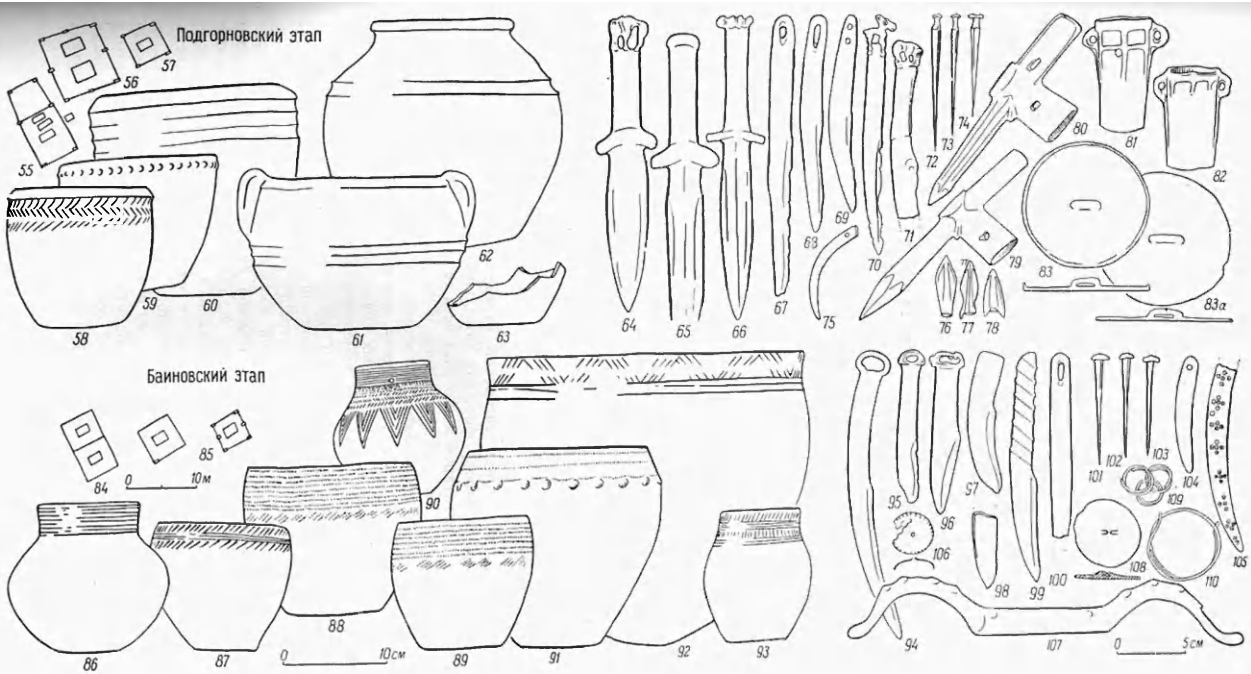
Последний этап тагарской культуры, тесинский (II—I вв.), известен нам по двум видам памятников. Прежде всего по огромным курганам, которые, подобно салбыкским, обставлены большим числом высоких каменных плит, но в отличие от них всегда расположены в степи не группами, а поодиночке.

В курганах по одной могиле. Это обширные камеры площадью в 30—50 м^2, построенные из бревен или горбылей, иногда в несколько рядов. Покрытие их, покоящееся на столбах, состоит из бревен и толстых слоев хвороста и бересты. Кости множества скелетов лежат на дне могилы сплошной массой, разобраться в которой трудно. В одной могиле было погребено более 100 чел., в другой удалось насчитать 109 черепов, в остальных число погребенных не определено. Это несомненно родовые склепы, которые по истечении какого-то срока были закрыты и затем преданы огню. Во всех могилах дерево и береста обуглились, частью сгорели. Сильно пострадали от огня и останки погребенных людей и вещей.

Другой вид памятников — это необычные для степей Енисея могильники, представляющие собой группы очень тесно расположенных могил (от 10 до 100 и более) на одном небольшом участке. Маленькие прямоугольные оградки длиной в 2—3 м, шириной в 1—2 м из вертикально


Тесинский этап
1
3
4
5
6
2
7
Сарагашенский этап
28
29
35
30
31
32
33
34


8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54



Типы могил и вещей четырех последовательных этапов тагарской культуры.

1, 2, 28, 29, 55—57, 84, 85 — могильные ограды; *3—10, 30—35, 58—63, 86—93* — глиняная посуда; *11—15, 17, 23—27* — железные изделия; *18—22, 75, 105* — изделия из кости; остальные — бронзовые.

поставленных плит пристроены друг к другу или отстоят одна от другой всего лишь на полметра. В каждой ограде сооружено по одной могиле в виде каменного ящика. Кроме того, многие могилы, особенно детские, втиснуты в тесные промежутки между оградами, или в простенок между могилой и стеной ограды, или, наконец, ящики меньших размеров опущены в более крупные ящики. В могилах часто погребено не по одному человеку, а по два, по три и до семи в одном ящике. Положение костяков в могиле и их ориентировка сильно варьируют.

Наличие на тесинском этапе двух различных по погребальному обряду типов кладбищ — могильников и больших курганов не находит пока своего объяснения. Принадлежат ли они разным социальным слоям общества, разным племенным или другим этническим образованиям или каким-то иным социальным категориям, сейчас решить трудно. Несомненно лишь то, что они одновременны, так как погребальный инвентарь их одинаков.

В отличие от сарагашенского этапа теперь бронзовых орудий уже нет. При погребенных находятся железные ножи, кинжалы, тесла и другие орудия. Железные изделия воспроизводят форму предшествовавших бронзовых. Ножи, как и бронзовые цельнометаллические (без деревянной рукояти), часто с кольцом на конце рукояти. Из железа изготовлялись пряжки, ложечковидные застежки, крюки для колчана и др.

Значительно отличается и глиняная посуда, хотя основная ее масса сохраняет прежнюю форму банки со слегка выпуклыми боками и плоским дном. Эти сосуды, как правило, не имеют орнамента. Много сосудов на коническом поддоне, имитирующих форму «скифского» бронзового котла. Они имеют часто, как у котла, ручки и шнуровой орнамент. Наконец, характерны маленькие сосудики разных форм, в том числе прямоугольные, кубические, в виде блюдца с перегородкой и др.

Новым в погребальном обряде явился обычай посмертной трепанации черепа. Видимо, часть погребенных была мумифицирована, в связи с чем и делалась трепанация (для удаления мозга из черепной коробки). Появился и обычай покрывать лицо умершего гипсовой маской. На некоторых масках сохранилась роспись их красками. В последующее время, в первые века нашей эры, этот обычай получил на Енисее широкое распространение.

Рассматривая памятники тагарской культуры, можно видеть удивительно тесную связь между формами могильных сооружений, погребальными обрядами и инвентарем в курганах всех ее четырех этапов. Они отражают процесс развития культуры одной и той же этнической группы на протяжении длинного ряда веков без резких изменений в хозяйственном, бытовом и социальном укладах населения, без внезапных внешних воздействий в виде переселения значительных групп населения или культурных заимствований, коренным образом изменяющих хозяйство или бытовой уклад. И вместе с тем за семь веков существования тагарской культуры в процессе постепенного ее развития произошли значительные изменения, главным образом во внешних формах бытового уклада.

Окруженные со всех сторон широкой полосой труднопроходимых горных хребтов или (с севера) беспредельной сибирской тайгой, древние племена енисейских степей находили все же пути к культурному общению с другими степными племенами и развивали свою культуру в сходных с ними формах. Так, например, оружие их, отличное по некоторым деталям от оружия других племен, в основном было сходно с оружием не только соседних племен Тувы и Алтая, но и далеких скифских и ананьинских племен Восточной Европы. Это в первую очередь кинжалы, стрелы и чеканы. Также сходны формы конской сбруи. Особенно ярко близость культуры енисейских племен к культуре других степных скотоводческих

племен выразилась в их художественном творчестве, в так называемом «скифо-сибирском зверином стиле».

Основой хозяйства тагарских племен, продолжавших традиции предшествовавшей карасукской культуры, было по-прежнему яйлажное скотоводство и мотыжное земледелие. Указанный выше обычай обязательной похоронной тризны, для которой резали одного или двух животных, мог практиковаться только в обществе, важнейшей основой которого было скотоводство. Обычай обрабатывать трупы умерших для длительного их хранения, возможно, появился вследствие яйлажной системы хозяйства. На сарагашенском этапе наблюдаются первые случаи этого явления, а на тесинском этапе систематически применяется своеобразный способ сохранения облика умершего. Череп его трепанируется, удаляются головной мозг и мягкие покровы лица, череп обмазывается глиной и поверх этого покрывается гипсовой маской, довольно реально передающей черты лица умершего. Так подготовленный труп мог сохраняться долгое время, до возвращения на зимние жилища, где устраивались кладбища.

Яйлажное скотоводство обычно сочетается и с земледелием, с возделыванием полей в районе зимних поселений. О значительной роли земледелия в тагарское время говорит большое количество бронзовых серпов, известных по случайным находкам. Весьма вероятно, что глиняная посуда, находимая в могилах пустой, наполнялась не только молочной, но и растительной пищей. Во всяком случае обряд погребения с обильной мясной и молочно-растительной пищей указывает на вполне развитое пастушеско-земледельческое хозяйство, обеспечивающее безбедное существование основных слоев общества.

Памятники тагарской культуры свидетельствуют о родовой организации общества, о родовой его сплоченности. На могиле каждого сородича на баиновском и подгорновском этапах воздвигалась каменная ограда, для сооружения которой доставлялись за несколько километров десятки массивных плит и четыре угловые плиты весом более тонны каждая. В устройстве таких могил принимал участие многолюдный коллектив. Родовые усыпальницы сарагашенского и тесинского этапов представляли собой еще более трудоемкие сооружения. Их возведение требовало сплоченного организованного труда многих десятков крепких мужских рук, четкой сработанности и слаженности коллектива. И эта сплоченность коллектива создавалась, конечно, не в процессе сооружения могил, а на повседневной хозяйственной практике — на работах, связанных с ведением скотоводческого и земледельческого хозяйства, с пастьбой скота, устройством оросительных систем.

Сплоченность родового общества требовала четкой его организации и наличия руководителей разных рангов.

На протяжении всех четырех этапов тагарской культуры наблюдается удивительное однообразие погребений основной массы населения, выразившееся как бы в стандартности их обряда и погребального инвентаря. Но наряду с этим выделяются и более богатые могилы с более грандиозными сооружениями. Одни из них принадлежат, по-видимому, представителям родовой знати. В таких курганах подгорновского этапа, как Кара-Курган и Узун-оба № 1, с их монументальными надмогильными сооружениями погребены, вероятно, вожди племени. Также наблюдаются богатые курганы с индивидуальными захоронениями на сарагашенском этапе (они принадлежат родовой знати) и отмеченная выше группа огромных Салбыкских курганов, которые следует рассматривать как усыпальницы вождей особо крупного племени или союза племен.

Мы видим, что наличие представителей родовой и племенной власти зафиксировано серией курганов подгорновского и сарагашенского этапов.

Можно предполагать, что на Енисее, как и на Алтае и в Скифии, уже с VII в. до н. э. установился военно-демократический строй родового общества и тагарские племена переживали его последнюю фазу.

6. ПЛЕМЕНА ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ ТАЙГИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

В то время как в степях Западной Сибири, на Алтае и в Минусинской котловине, а также за Байкалом в бронзовом веке развивались культуры скотоводческих и отчасти земледельческих племен, их соседи в таежных областях Сибири продолжали вести прежнюю жизнь охотников и рыболовов. Это не значит, что в их жизни не происходило изменений и их культура оставалась в одном и том же состоянии. Раскопки таежных поселков и могильников позволяют составить представление об эволюции культуры оставившего эти памятники древнего населения. Полнее всего изучены памятники начальной поры бронзового века в таежном Прибайкалье.

В начале II тыс. до н. э. в жизни прибайкальских племен происходят значительные изменения в общественной и культурной жизни, подготовленные всем ходом предшествующего развития. Об этих изменениях свидетельствуют памятники нового типа — погребения с медными и бронзовыми изделиями. Эта новая культура, открывающая собой эпоху металла в Прибайкалье, получила название глазковской. Она охватывает время начиная с XVIII по XIII в. до н. э.[24]

Несмотря на то что в глазковское время в Прибайкалье появляются изделия из металла, старые технические традиции, связанные с обработкой каменных орудий, продолжают развиваться. В этот период широко используется древняя техника обработки призматических нуклеусов и отделения от них правильных ножевидных пластин.

О том, что техника отделения ножевидных пластин и вторичной обработки изделий продолжает играть важную роль, свидетельствуют частые находки в погребениях глазковского времени специфических инструментов для обработки камня, отжимников, изготовленных из рога и реже из кости. В некоторых погребениях отжимники встречаются парами. Они отличаются друг от друга по длине и по форме. По-видимому, тонкие отжимники служили для окончательной отделки изделий, в то время как крупные и массивные снабжались дополнительными рукоятками и применялись для грубой черновой обработки или для работы, где требовались значительные усилия.

Продолжала по-прежнему применяться при изготовлении каменных орудий и украшений техника шлифования. В глазковское время еще более широко, чем в предшествующее, китойское, время, использовался зеленый и белый нефрит. Для распиливания нефрита применялись такие же, как и в китойское время, шиферные пластинчатые пилы.

Старые технические традиции сохранились и в способах обработки кости и рога. Трубчатые кости животных сначала распиливали, а затем с помощью отжимников ретушировали так же, как камень. Заготовки изделий из рога отделялись с помощью известного с неолитической эпохи приема — продольными нарезками. Такими же, как раньше, продольными срезами обрабатывались массивные изделия из рога типа кирок.

Однако не эти древние, унаследованные от неолита технические традиции, формы и типы орудий определяют характер и особенности новой культуры Прибайкалья. В глазковское время появляется большое количе-

---

[24] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 43, М.—Л., 1950.

ство новых элементов, которые свидетельствуют о существенных сдвигах в культуре, знаменующих собой наступление новой эпохи. В это время появляются новые типы кремневых каменных орудий, изготовленных отжимной техникой, которые не встречаются ранее. Для инвентаря глазковских погребений характерны, например, своеобразные четырехгранные шильяпровертыши, обработанные отжимной ретушью, а также скребки и наконечники стрел новых типов.

Но еще важнее появление рубящих орудий принципиально нового, иного, чем прежде, типа. Вместо широко распространенных в неолитическое время тесел в глазковское время преобладали изделия иного рода — топоры. Они не односторонне выпуклые в поперечном сечении, а овальные и линзовидные. Топоры эти в отличие от тесел закреплялись не поперек рукоятки, а параллельно ей. Такой инструмент был непригоден для выдалбливания дерева, так как удары им наносились не сверху вниз, а сбоку.

Появление вместо старых односторонне выпуклых тесел овального в поперечнике топора, по-видимому, объясняется дальнейшим развитием рыболовства и связанных с ним элементов материальной культуры, конкретно — лодок. Вместо тяжелых и неуклюжих посудин, долбленых из целых стволов, которые употреблялись рыболовами исаковского и серовского времени, появляются легкие быстроходные лодки, сделанные из бересты. В могилах глазковского времени найдены притупленные кинжаловидные острия, изготовленные из расколотых трубчатых костей лося. Судя по этнографическим параллелям, такие острия употреблялись для снятия коры с деревьев. Из бересты можно было значительно быстрее, легче, без большой затраты труда и времени, сделать лодку типа современных оморочек.

Вместе с тем среди каменных изделий глазковской культуры уже незаметно того изобилия совершенных с технической точки зрения орудий, которые характерны для неолитического времени. Каменные орудия изготовлялись без прежнего усердия. Материал, который употреблялся для производства орудий, не отличался высокими качествами. Это в особенности относится к крупным рубящим орудиям, которые в противоположность неолитическим изготовлялись часто наредкость грубо и небрежно.

Явный упадок техники обработки каменных орудий, очевидно, связан с появлением нового материала — металла. Распространение первых металлических изделий и являлось теперь самым важным нововведением в технике населения Прибайкалья, решающим событием в его истории. Количество металлических изделий в погребениях и на поселениях глазковского времени по сравнению с костяными и каменными орудиями крайне незначительно. Из металла изготовляли наиболее часто употреблявшиеся в хозяйстве изделия, а также украшения. Это были такие изделия, которые при изготовлении их из меди или бронзы приобретали новые качества, не проявившиеся в должной мере в изделиях из камня и кости. К ним относятся в первую очередь ножи, рыболовные крючки, иглы и шилья. Рабочий эффект этих изделий из металла по сравнению с каменными стал несравненно выше. В частности, употребление металлических ножей привело к значительному улучшению качества обработки костяных изделий и появлению новых, неизвестных ранее орудий.

Чаще всего в могилах встречаются изготовленные из меди широкие и крупные по размерам листовидные ножи. Они представляют собой тонкие, плоские в поперечном сечении пластины. Лезвия медных ножей закреплялись в рукоятке двумя способами, в одном случае под прямым или тупым углом, во втором — составляли продолжение рукоятки, так же как у ножей современного типа.

Из меди и бронзы изготовлялись также иглы. Они делались, по-видимому, способом проковки литого стерженька. Острые концы игл закруг-

лены, остальная часть овальная или прямоугольная в сечении. Особо тщательно обрабатывалось ушко с узким отверстием. В ряде случаев в могилах иглы находились в костяных орнаментированных игольниках. Известно также шило, изготовленное из четырехгранного прутика.

Более многочисленны рыболовные крючки. Они имеют массивный четырехгранный или значительно реже овальный стержень, слегка приостренный на верхнем конце. Нижний конец крючков изогнутый и менее массивный. Он заканчивается обычно двумя жальцами, внешним и внутренним.

Среди украшений наиболее распространены литые кольца с сомкнутыми или несомкнутыми концами. Одно из колец с несомкнутыми концами имеет характерные утолщения — раструбы на концах, напоминающие андроновские. Они служили украшениями для головного убора или передника. В качестве украшений или принадлежностей шаманского костюма употреблялись, кроме того, трубочки, изготовленные из тонких свернутых пластин.

Несмотря на то что появление металла в Прибайкалье знаменует собой новый, более высокий уровень культуры и экономики населения таежных областей Восточной Сибири, глазковская культура в целом имеет глубокий архаический отпечаток. Это прослеживается прежде всего в типологии бронзовых изделий. Мастера были еще настолько сильно скованы традициями каменного века, что полностью перенесли типы орудий и украшений с камня на новый материал. Широкие листовидные ножи восходят по типу к серовским клинкам. Медные иглы являются точной копией костяных, а кольца из прутиков копируют китойские нефритовые кольца. О том же свидетельствуют ножи с выгнутым лезвием, формы которых были выработаны еще в исаковское время. Даже способы прикрепления лески к рыболовным крючкам у глазковцев были такими же, как в серовское и китойское время.

Все это свидетельствует, во-первых, о значительной древности обнаруженных в глазковских могилах изделий из меди и бронзы, во-вторых, о живучести традиций, которые оказались непреодолимыми для мастеров, имевших дело с новым материалом, позволяющим смелее варьировать в типах изделий, и, наконец, в-третьих, о глубоких связях глазковской культуры с прибайкальской неолитической культурой, из которой она непосредственно выросла.

Основой хозяйства глазковских племен были охота, рыболовство и собирательство. Среди орудий охотничьего снаряжения имеются прежде всего многочисленные наконечники стрел. По форме они резко отличны от наконечников стрел предшествующего времени. Наиболее часто встречаются треугольные наконечники, широкие или узкие, с прямым и симметрично вогнутым основанием. Новые типы наконечников стрел из камня, а также их измельчание связаны, возможно, с употреблением легкого, менее мощного лука простого типа, а также с общим упадком удельного веса охоты в экономике глазковских племен.

Из двусторонне обработанных орудий к специфическим глазковским изделиям относятся асимметрично-миндалевидные ножи, служившие для разделывания рыбы и туш животных, а также для закройных работ. По форме они напоминают женские эскимосские ножи типа «уло».

Широкое распространение получают костяные наконечники стрел не встречающихся ранее типов. Среди них имеются короткие наконечники с ромбическим или овальным сечениями, острия со срезанным с двух сторон основанием, которое вставлялось в расщеп древка. Иным был принцип закрепления костяных наконечников с расщепом. В расщеп наконечника вставлялось специально оструганное древко стрел, а затем сверху оно обматывалось прочными нитками или тонкими ремешками.

Большой редкостью становятся вкладышевые кинжалы и ножи. Из глазковских погребений на Ангаре известен только один наконечник копья, снабженный двусторонне обработанными вкладными лезвиями. Не исключено, что большинство вкладышевых инструментов теперь изготовлялось из дерева, в качестве же вкладышей употреблялись не двусторонние ретушированные лезвия, а простые ножевидные пластины, которые являются обычной находкой в слоях глазковских поселений.

В качестве кинжалов и наконечников копий употреблялись изделия из кости и рога. Они массивные, овальные в сечении, заостренные на конце. Роговые наконечники копий использовались на охоте в качестве рогатин. Из кости и рога изготовлялись, кроме того, массивные острия и кайлы, которые обслуживали рыболовческое хозяйство. Кайла могла служить не только для рыхления земли при сооружении хозяйственных ям или очагов, но и в качестве пешни для долбления льда при подледном лове рыбы. Кайла и острия вместе с кирками из рога и заступами из лосиных лопаток употреблялись, вероятно, и при собирательстве, для выкапывания съедобных корней и луковиц сараны.

Если на инвентаре, связанном с охотой, лежит все же отпечаток упадка, то этого нельзя сказать об орудиях рыбной ловли. Появляются новые типы гарпунов. Крупные гарпуны с попеременно расположенными зубьями имеют у основания характерные выступы — крылышки и конический насад. В погребениях они встречаются парами и представляют собой, по-видимому, двузубую острогу. Малые глазковские гарпуны массивные, с округленным основанием и с одним или реже двумя зубьями. Малые гарпуны употреблялись в качестве составных частей остроги, закреплялись в ее основании намертво.

С гарпунной ловлей рыбы неразрывно связаны были и изготовленные из камня рыбки-приманки. Они менее многочисленны, чем в предшествующее время, но остается фактом, что старый неолитический способ ловли рыбы с искусственной рыбкой-приманкой существовал и в эпоху бронзы.

Глазковцы продолжали совершенствовать и искать новые формы рыболовных крючков. В погребениях появляются сначала плоско-выпуклые стерженьки из кости и камня с просверленным внизу отверстием для острия. В верхней части вместо полукруглых выступов, характерных для составных крючков китойского времени, делалось теперь несколько кольцевидных нарезок, которые служили для закрепления лесы. Вслед за тем стали появляться и своеобразные, присущие только глазковским памятникам каменные и костяные стерженьки составных крючков. Оригинальны бочковидные стерженьки, сделанные из камня и кости. Острия к ним изготовлялись из клыков кабарги, кости и оленьего рога. Простой по конструкции глазковский рыболовный крючок являлся шагом вперед в развитии рыболовной снасти. Стержень не только скреплял детали крючка, но одновременно служил грузиком и приманкой, так как напоминал по форме рыбку.

О наличии в глазковское время сетей свидетельствуют каменные грузила в виде простых галек с тщательно выточенными желобками. Сети изготовлялись, по-видимому, из крапивы или какой-то другой травы. В одном из погребений глазковского времени обнаружен костяной гребень с редко расставленными, короткими, но массивными зубьями. Такие гребни употреблялись народами севера Сибири для расчесывания волокон травы и сухожилий.

Керамика в глазковских погребениях малочисленна. Сосуды продолжают сохранять острое или закругленное дно. Общая форма сосудов полуяйцевидная. Поверхность сосудов или оставлялась гладкой, или украшалась оттисками отступающей лопаточки-штампа. В большинстве обломки керамики из глазковских слоев поселений покрыты отпечатками лопаточки-

колотушки, на широких плоскостях которой располагались беспорядочно нарезанные линии.

Для характеристики повседневной жизни охотников и рыболовов глазковского времени важное значение имеют разнообразные предметы домашней утвари и быта. Среди них имеются даже костяные ложки. Глазковские ложки из Прибайкалья являются древнейшими из известных ложек не только Сибири, но и Азии. Они свидетельствуют об усложнении быта и хозяйственного уклада.



Реконструкция костюма глазковского времени (выполнена В. Д. Запорожской).

В глазковское время появляются новые типы игольников. Они изготовляются не из костей водоплавающей птицы, а из трубчатых костей мелких хищников. Игольники украшались орнаментом в виде кольцевидных нарезок. Оба эпифиза кости обрезались, а иголки укреплялись на полосках кожи или ткани, продернутых сквозь костяную трубку. В массе иглы изготовлялись не из металла, а из кости, шилья — из продольно расколотых метакарпальных костей косули. В качестве рукоятки использовался конец с эпифизом. Нижний конец кости заострялся и пришлифовывался.

По материалам погребений можно представить и костюм древних обитателей Прибайкалья. Характерной и наиболее яркой деталью костюма глазковцев был передник, украшенный кольцами и кружками из нефрита или бусами. Если кольца и диски нашивались на передник по одному или нескольким экземплярам, то перламутровые бусы в некоторых, наиболее богатых погребениях встречаются сотнями. Прослеживая расположение украшений на груди погребенных, нетрудно восстановить характер передника или нагрудника глазковцев. Он находит ближайшие аналогии в такой же части костюма эвенков. На головной убор нашивались диски из нефрита и мрамора, а также кольца из того же материала и бронзы. В других случаях на головной убор прикреплялась полоса из перламутровых бус или клыков марала, которые сочетались иногда с кольцами и дисками.

Реконструированный по расположению украшений головной убор глазковцев близок к тунгусской шапочке.

Глазковское время в Прибайкалье характеризуется усилением связей его населения с рядом соседних и отдаленных на многие тысячи километров племен, укреплением обмена и торговых связей. Об этом свидетельствуют прежде всего украшения. Широко распространенные в глазковское время агальматолитовые и пирофиллитовые бусы доставлялись, по-видимому, с Дальнего Востока. С востока происходят, кроме того, массивные морские раковины, из которых изготовляли кольца, диски и бусины с отверстием в середине. В погребениях Фофановского могильника найдены морские раковины, которые были доставлены с побережья Восточной или Юго-Восточной Азии, из района Молуккских островов.

В свою очередь на Дальний Восток из Прибайкалья распространялся нефрит. Кроме дисков и колец, из него изготовляли также тесла, встречающиеся далеко к востоку от Ангары и Лены.

Коренные изменения затронули в эпоху бронзы не только сферу материального производства прибайкальских племен, но также их общественный строй, верования, культ и искусство. В могильниках глазковского времени чаще, чем в китойское время, начинают встречаться парные захоронения. Основные погребения мужчин сопровождаются в той же могильной яме погребениями женщины или второго мужчины. Однако для глазковского времени более характерны коллективные захоронения иного типа. Мужчина и женщина похоронены в них не в одной общей могильной яме, а в разных, перекрытых одной могильной кладкой.

Второй особенностью является строгое разграничение набора инвентаря, сопровождающего захоронения мужчин и женщин. В мужских погребениях мы находим, как правило, орудия рыбной ловли и охоты, в женских погребениях встречается инвентарь, связанный с обработкой выловленной рыбы или убитых на охоте животных, с собирательством, а также большое количество украшений. Такое распределение инвентаря свидетельствует о том, что в глазковское время прочно установилось строгое разграничение хозяйственных обязанностей между членами родового коллектива. Разделение хозяйственных обязанностей между мужчинами и женщинами в эпоху ранней бронзы Прибайкалья примечательно тем, что оно в отличие от разделения у других, не лесных, а степных сибирских племен происходит не на этапе коренного изменения характера хозяйства (смены охоты и рыболовства земледелием и скотоводством), а в условиях существования того же охотничье-рыболовного хозяйства.

Это не значит, однако, что уровень развития хозяйства и соотношение различных его частей были в глазковское время такими же, как в неолите. В Прибайкалье резко изменяется удельный вес рыболовства в экономике. Из отрасли, подчиненной охоте или по крайней мере равной ей, рыболовство становится ведущим. Именно с этими переменами в хозяйстве связаны захват мужчинами основной роли в экономике, выключение женщин из сферы непосредственного производства и ограничение их домашней работой.

С этим событием связано и заметное изменение положения женщины в родовом коллективе, она потеряла теперь часть общественных прав. Господство мужчин в основной сфере экономики глазковского времени определило подчиненное положение женщины в семье. Вместе с умершим мужчиной в могилу теперь клали насильственно умерщвленную женщину.

Новый погребальный ритуал свидетельствует о смене материнского рода отцовским, с подчиненным положением женщины, патриархальным рабством и первыми яркими признаками общественного неравенства. По-

следнее находит отражение в увеличении по сравнению с китойским временем количества «богатых» погребений и захоронений, почти полностью лишенных погребального инвентаря.

Изменения в сфере экономики и общественного строя прибайкальских племен закономерно привели к сдвигам в области искусства и идеологии. К предметам искусства глазковского времени относятся прежде всего украшения. Они встречаются теперь значительно чаще, а их удельный вес по сравнению с производственным инвентарем увеличивается во много раз. Начинают встречаться погребения, в которых находки ограничиваются только украшениями. Изменился сам материал, из которого они изготовлялись. Для украшения начали использовать бронзу, медь, нефрит, перламутр, пирофиллит, белый нефрит.

Значительно богаче, чем прежде, украшалась керамика. Наиболее популярными видами орнамента, который покрывал обычно весь сосуд от венчика до дна, стали отпечатки лопаточки-штампа, резные линии, ямки, вдавленные изнутри сосуда. В орнаментике начала господствовать горизонтальная композиция вместо прежнего сочетания прямых и наклонных линий. Таким же по построению орнаментом украшались костяные изделия: игольники, острия, рукоятки костяных ножей и подвески.

Глазковское время является эпохой, когда в Прибайкалье появляются первые признаки возникновения шаманизма. В некоторых погребениях, которые отличаются от остальных ориентировкой или положением в могиле, был обнаружен специфический и необычный набор инвентаря. В него входят схематические антропоморфные изображения из рога или мамонтовой кости, амулеты из челюстей щуки или клюва крупной птицы и даже колотушки из рога, которые применялись при обряде камлания. Впервые, таким образом, появляются атрибуты шаманского костюма, а также, видимо, бубен и колотушка.

Антропоморфные изображения из мамонтовой кости и рога свидетельствуют о зарождении наряду с шаманской магией культа предков. Такие изображения являлись вместилищами духа-прародителя или духа-покровителя семьи или рода, которые призваны были защищать человека от злых духов. Кольца и диски, изготовленные из белого нефрита, свидетельствуют, судя по мифологии сибирских народов, о существовании культа неба и солнца.

Как и в эпоху неолита, в глазковское время продолжал существовать культ животных. Главными его объектами у глазковцев были лось и медведь. Особое отношение было к кабанам, маралам и бобрам. Так же как в серовское время, существовало почитание собаки.

Во многом изменились по сравнению с неолитом погребальные обряды. Глазковские погребения ориентированы не по странам света, как раньше, а по течению реки, головой вниз по течению. Такое резкое изменение погребальных обычаев, связанное с ломкой наиболее консервативного элемента в жизни древнего человека, религиозных верований, объясняется крупными сдвигами в экономике и общественном строе. Ориентирование погребенных вниз по течению реки прямо свидетельствует об исключительной роли реки в жизни и культуре глазковцев. Река не только давала пищу, но она была, по представлениям глазковцев, дорогой, по которой после смерти уплывали вниз в неведомую страну мертвых умершие. Характерно, что некоторые из могильных кладок глазковского времени напоминают каменные лодки оморочки.

Изменилось также отношение к мертвым. Их стали бояться. Возвращение их не сулило ничего доброго. Поэтому в погребениях начали встречаться изделия, которые имеют следы намеренной порчи. У наконечников стрел сломаны концы, затуплены лезвия топоров и тесел, сломаны бронзовые изделия. Таким способом живые стремились обезопасить себя от

умерших сородичей. Вместо старых представлений о загробном мире как о стране благоденствия и рождения появился ужас перед страшными картинами загробного царства, откуда никто не возвращается, возник страх перед смертью и мертвыми.

В глазковское время продолжались старые связи племен Прибайкалья с долиной Енисея. К следующему историческому периоду, синхронному с глазковским временем, относятся могилы у Переселенческого пункта, на Узенькой улице в Красноярске, на Афонтовой горе, в Базаихе, стоянка под Ермолаевским городищем и большое количество вещей из раскопок на Усть-Собакинской стоянке.

В 30-е годы сначала А. Ф. Катковым, а потом А. П. Окладниковым на Афонтовой горе были исследованы разрушенные могилы. Кости погребенных лежали в беспорядке, но исследователям удалось установить, что первоначально погребенные были положены головой на восток. Енисей в районе г. Красноярска течет с запада на восток, и, таким образом, погребенные лежали параллельно течению реки. В могилах наблюдалась окрашенность заполнения могильных ям красной охрой. В них найдены небольшой горшок полуяйцевидной формы, скульптурное изображение человека и утки, подвески из зубов животных, плоские перламутровые бусы, бусы из кости, костяные острия, отщепы.

Сходные по инвентарю и обряду погребения могилы были раскопаны В. В. Передольским в Переселенческом пункте, на правом берегу Енисея. Погребенные лежали здесь в простых грунтовых ямах в вытянутой позе. Среди вещей найдены остатки костяных пластинчатых лат, перламутровые кружочки, наконечники стрел, одна из них застряла в тазовой кости. В Красноярске, на Узенькой улице, при прокладке траншеи в земле найден горшок, подобный горшку из могилы с Афонтовой горы, но значительно больших размеров. Вместе с горшком были найдены и два костяных острия. Под горшком же находились остатки сожженных костей. На стоянке под Ермолаевским городищем найден небольшой, но однородный материал, представленный обломками сосудов яйцевидной формы, украшенными горизонтальными рядами гусеничного штампа с ямочками под венчиком. На внутренней стороне сосудов видны следы вытертости. Вместе с этой керамикой найдены каменный наконечник стрелы лавролистной формы, костяной наконечник стрелы с расщепленной нижней частью, абразив со следами натачивания игл и обломок костяного гарпуна.[25]

Оба горшка из могил у Красноярска, несмотря на их различные размеры, имеют много общего. Им соответствуют керамика стоянки под Ермолаевским городищем, ряд фрагментов с Усть-Собакинской стоянки и из других мест. Все эти сосуды имеют полуяйцевидную форму с почти прямыми стенками и закругленным или заостренным дном. Венчик иногда несколько уплощен сверху, но чаще имеет скос внутрь или наружу. Орнамент начинается от самого края сосуда. В подавляющем большинстве случаев первая полоса орнамента оттиснута штампом, поставленным перпендикулярно стенке горшка. Все остальные полосы оттисков сделаны либо отступающим штампом, гладким или гусеничным, либо теми же штампами, поставленными перпендикулярно к стенке. Ряды оттисков образуют горизонтальную елочку. Всегда на уровне второго ряда оттисков имеются ямки, реже ниже их в шахматном порядке идет второй ряд ямок. В большинстве случаев цвет сосудов коричневый. В тесте примесь песка, иногда еще и слюды.

---

[25] В. Г. Карцов. Ладейское и Ермолаевское городища. «Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов», вып. IV, 1928, стр. 559.

К рассмотренной керамике близка группа фрагментов сосудов, у которых орнамент оттиснут отступающей лопаточкой, но не покрывает сосуд целиком, а расположен только в его верхней части. Тут нет плотных рядов орнамента, между ними находятся гладкие полосы. Штамп более узкий. Часто полосы не горизонтальные, а зигзагообразные, в одном случае они образуют треугольники. Под венчиком всегда имеются ряды ямок. Венчик тоньше. Край его почти всегда прямой или несколько закруглен.

Сравнение красноярской керамики с афанасьевской керамикой Минусинской котловины и прибайкальской из энеолитического слоя «В» стоянки Улан-Хада показывает, что для этих трех территорий ведущей формой посуды являются полуяйцевидные сосуды. Имеется сходство в характере орнамента и его расположении на сосуде.

Таким образом, описанная энеолитическая керамика Красноярской лесостепи, обладая общесибирскими чертами энеолитической керамики, не находит аналогий в памятниках того же времени к западу от Енисея, но зато во многом соответствует керамике ангаро-байкальской, что позволяет считать ее принадлежащей к восточносибирскому типу.

На территории лесостепи найдены сосуды и иного типа, в которых А. П. Окладников видит сходство с керамикой более западных областей — лесной полосы РСФСР. Один сосуд, хранящийся в Ленинграде, происходит из Базаихи. Фрагменты таких горшков найдены на стоянках в «Трубе».

Среди вещей в могилах с Базаихи был найден топор в виде удлиненной трапеции с относительно широким дугообразным лезвием и узким обушком. Форма, поперечное сечение топора и округлость граней делают его похожим на типичные топоры глазковского времени Прибайкалья. Подобные топоры представлены целой серией вещей, отличающихся размерами и материалами. Одновременно с топорами имеются и тесла той же формы, но иногда у них сделано желобчатое лезвие. Наряду с теслами глазковского типа в лесостепи известны и другие: у них нет желобка, брюшко их плоское, на спинке видны грани. По форме и сечению эти тесла напоминают подобные орудия Томского могильника.[26] В то же время эти тесла при общем сходстве с томскими представлены своеобразным вариантом. Их своеобразие заключается в том, что красноярские тесла более округлы и имеют не тупой, а приостренный обушок. Близки как прибайкальским, так и афанасьевским каменные песты, изготовленные точечной техникой, которые применялись для размягчения волокон растений.

Наконечники стрел многочисленны и разнообразны. Большинство из них находит себе аналогии в памятниках Прибайкалья: выемчатые треугольные, удлиненнотреугольные, треугольные с прямым основанием, треугольные с параллельными в нижней части гранями и прямым основанием, ромбовидные миниатюрные, заостренно-миндалевидные с закругленным основанием. Наряду с такими имеется ряд наконечников, характерных для более южных и западных по отношению к лесостепи районов: выемчатые треугольно-выпуклые, лавролистные, иволистные. Однако преобладают восточные типы. Сходство с Прибайкальем наблюдается и в способе изготовления наконечников. Во многих случаях пластина подвергалась обработке только со спинки, а брюшко стрелы почти не обрабатывалось, ретушь грубая, чешуйки короткие, длинной струйчатой ретуши почти нет. Близки к прибайкальским и большие лавролистные асимметричные ножи, ромбические в сечении. Они представлены несколькими случайно найденными экземплярами. У них острый рабочий и закругленный противоположный конец. Близкие по форме ножи были распространены в энеолите и на Томи.

---

[26] М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири, рис. 12.

Среди вещей, найденных при раскопках Усть-Собакинской стоянки, имеются скребки, лежавшие в двух случаях вместе с наконечниками стрел глазковского типа. Подобные скребки известны из сборов на различных стоянках. Все они имеют языковидную подтреугольную форму, высокий рабочий край, расположенный на толстом конце пластины, прямой или выпуклый и суживающийся черенок. По форме многие скребки напоминают языковидные глазковские. Наряду с каменными предметами к энеолитическому времени относится несколько вещей, изготовленных из кости, найденных в могилах. Таковы, например, шилья из расколотой трубчатой кости с нетронутой частью эпифиза и естественным желобком на одной стороне. Такие шилья ранее глазковского времени не встречаются.

«Шило» с человеческой головкой, найденное на Афонтовой горе, напоминает стеатитовые головки окуневского времени из Минусинской котловины. Среди украшений в могилах встречаются миниатюрные матово-белого цвета плоские бусинки и более крупные перламутровые бусы, подвески из зубов животных и вырезанные из кости.

Материалы могил показывают, что основой существования энеолитического населения лесостепи являлись охота и рыболовство. Об этом же свидетельствуют как расположение поселений, особенно в «Трубе», так и сами находки. Близость форм орудий охоты (наконечники стрел, кинжал) и рыболовства (составной крючок) к подобным вещам из Прибайкалья говорит об одинаковом уровне развития этих двух отраслей труда. Однако связи с западом и особенно с югом позволяют предполагать возможность первого знакомства и со скотоводством, которое к этому времени уже широко было распространено в Минусинских степях.

Для захоронений энеолитического времени лесостепи характерны грунтовые ямы без каменных сооружений, расположенные, судя по могилам Базаихи, в ряд. Погребенные в них лежат на спине вдоль реки. Иногда в могилах присутствует охра. Но есть случаи трупосожжения (Узенькая улица), как и в глазковское время в Прибайкалье.

В целом на развитии культуры и истории энеолитических племен Среднего Енисея отразилось их промежуточное положение между племенами запада и востока, а также юга. Наиболее глубокое родство в культуре существовало здесь с востоком — Прибайкальем.

Общие черты прослеживаются в одинаковых типах керамики, близких формах топоров, наконечников стрел, ножей, скребков, в сходных обрядах погребения. Такое сходство нельзя объяснить только обменом. Причину надо искать, очевидно, в общности происхождения, в этническом родстве.

Сходство сказывается также и в духовной культуре, доказательством чего служит обряд погребения, в котором выражены представления древних людей о потустороннем мире (речная ориентировка погребенных). Другим доказательством близости взглядов населения лесостепи и Прибайкалья является распространение и там и тут сходных антропоморфных скульптур, связанных с культом предков, а также изображений животных. Близость неолитического населения Прибайкалья к среднеенисейскому подтверждается и антропологическими материалами лесостепи.[27]

Но связи энеолитических племен среднего течения Енисея не ограничивались только Прибайкальем. Так, значительная серия орудий не находит себе аналогий на востоке, но близка к некоторым их видам, распространенным на запад от Енисея. Очевидно, имело место проникновение отдельных вещей, может быть вместе с их носителями, с запада в более восточные области.

---

[27] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 62.

Связи с югом, с Минусинской котловиной, проявляются в некоторых общих формах вещей, в одинаковом характере орнаментации сосудов.

Следовательно, в энеолитическое время, несмотря на своеобразие культуры лесостепного населения, нельзя говорить о его полной изолированности. Лесостепные племена развивались совместно со своими соседями, в постоянном контакте с ними, обусловленном возникающим регулярным обменом. А это имело в свое время важные и далеко идущие последствия для всего дальнейшего исторического развития соприкасавшихся друг с другом неолитических и энеолитических племен. Именно в это время создается предпосылка к первому великому разделению труда — выделению скотоводов из общей массы варварских племен, в результате чего начинается постоянный и регулярный обмен.

С неолитом Восточной Сибири и глазковскими памятниками связана одна из наиболее сложных проблем древней этнической истории Сибири — тунгусская проблема. Судя по исследованиям Г. М. Василевич, которая исходит из данных языка и этнографии, самым древним общим достоянием всех тунгусских племен, как она полагает, были такие специфические элементы их быта, как берестяная лодка, приспособленная к охоте с воды и к плаванию по горным речкам, берестяные и деревянные шитые колыбели и такая же посуда. Охотник был вооружен уже сложным луком. Зимой он ходил на простых лыжах. На спине у него находилась дощечка для переноски тяжестей — поняга, так как из-за отсутствия оленей все приходилось носить на себе.

В дальнейшем произошли перемены в быту и материальной культуре. Был разработан костюм, специально приспособленный для пешего передвижения. Он состоял из кафтана из цельной шкуры, полы его стягивались на груди вязками поверх узкого нагрудника, подвешенного к шее, из натазников, ноговиц и обуви — унтов. Усовершенствовались лыжи (гнутые с подъемом под ступней, широкие и короткие, с подклеенной меховой подволокой), приспособленные для ходьбы по горной местности. Этот этнографический комплекс дополнялся коническим чумом, крытым «тисками», сшитыми из выпаренной бересты и обшитыми берестяной каймой. Все эти предметы имеют единую терминологию во всех тунгусских языках.

К этому можно добавить магический охотничий обряд «добывания удачи», производившийся перед охотой, губной варган, плоские круги как украшение головного убора, костяную рыбку-приманку и горшки-дымокуры.

Вероятно, к концу этого этапа относится появление этнонима — эван (позже развившегося в эвэнки), ставшего характерным самоназванием всех охотников и скотоводов (солонов, онгкоров, бираров и манегров).

О времени окончательного формирования этого комплекса можно судить по археологическим находкам на территории расселения тунгусов. Распашной кафтан с нагрудником, плоские круги в украшении головного убора, изображения человека, подвешенные к нагруднику, горшки-дымокуры, сложный лук, рыбка-приманка, а также традиция ношения ножа на бедре датируются на Ангаре и Лене концом неолита и началом энеолита.

Местом формирования этого комплекса по ряду данных следует считать горно-таежные районы, примыкающие к южной половине Байкала, по-тунгусски «Ламу», верховья Лены, Ангары и Селенги. В низовьях Ангары предки тунгусов соприкасались с кетами — палеоазиатами, а позже и с самоедами. Вниз по Лене, к западу и востоку от нее, обитали, видимо, предки юкагиров, которые в свою очередь к востоку от Лены соприкасались с предками чукчей, коряков и ительменов.

7. БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЯКУТИИ

Распространение металла, первых изделий из меди, а затем и бронзы у лесных племен Северной Азии не ограничивалось Прибайкальем. Медь и бронза проникают со временем и далеко на север, вплоть до Берингова пролива и Ледовитого океана.

Среди памятников эпохи бронзы северных таежных областей Сибири особое место принадлежит поселениям, погребениям и отдельным случайным находкам и образцам наскальной живописи, открытым за последнее время на территории Якутской АССР.[28] Памятники эти расположены в основном вдоль р. Лены, начиная от ее истоков и вплоть до устья. Отдельные находки известны также с территории основных притоков Лены — Алдана и Вилюя. Культура эпохи бронзы, таким образом, охватывала по сути дела всю огромную территорию центральной части северных областей Сибири. Сам по себе факт наличия большой культурной области, своеобразного, второго после Прибайкалья, центра культуры эпохи бронзы у лесных и арктических племен Сибири свидетельствует о прогрессе в развитии культуры на севере, о достижениях таежных племен, которые вели тяжелую борьбу с природой собственными силами, вдали от передовых центров мировой цивилизации.

О том, что люди эпохи бронзы в Якутии умели плавить металл и изготовлять из него изделия, а не получали его только лишь от соседних, живущих южнее племен, свидетельствует литейная мастерская раннего бронзового века в местности Сиктээх, в низовьях Лены, около побережья Ледовитого океана.[29] Здесь были обнаружены очаги в виде темных углистых пятен и участков красного, пережженного вследствие сильного огня песка. Находки около очагов и внутри их, а также на других участках поселения свидетельствуют на первый взгляд о том, что здесь процветала культура каменного века. Из черного кремнистого сланца и беловатого известнякового кремня изготовлялись правильные ножевидные пластины, скребки, наконечники стрел, нуклеусы. О значительной древности памятника, казалось, свидетельствовали также концевой вкладыш и асимметрично-треугольный копьевидный нож со сплошь обработанными правильными фасетками широкими плоскостями. Вкладышевая техника, как известно, в редких случаях переживает время первого появления металла. В Прибайкалье по крайней мере вкладышевые орудия исчезают из глазковских погребений почти полностью.

В двух очагах оказались, однако, обломки льячиков, своеобразных миниатюрных сосудиков с носиком для слива и глиняной ручкой. Из льячиков расплавленный в горне металл разливался литейщиками в специально приготовленные из глины или камня литейные формы. Рядом с одним из льячиков оказался небольшой слиток меди или бронзы, выплавленный на соседнем горне.

Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что в Сиктээхе жили люди эпохи бронзы. Их культура уходила своими корнями в глубины каменного века и тесно связана с ним. Но вместе с тем она знаменовала наступление на севере Сибири принципиально новой эпохи, характеризующейся появлением орудий из металла и бронзолитейного производства.

Характер культуры в раннюю пору бронзового века в более южных районах Якутии раскрывают немногочисленные, но достаточно выразительные находки в верхнем слое поселения Куллаты вблизи г. Якутска. Камень по-прежнему служит основным материалом для изготовления ору-

---

[28] А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955.
[29] А. П. Окладников. Ленские древности, вып. II. Якутск, 1945, стр. 82—90.

дий труда. Кремневые наконечники стрел из верхнего горизонта Куллаты разделяются на несколько типов, среди которых имеются архаические.

Так же как в Прибайкалье, охотники и рыболовы Якутии изготовляли круглодонные, с отчетливой шейкой сосуды. Керамика бронзового века Якутии имеет характерную примесь. В глину они добавляли, как и их неолитические предшественники, шерсть пушного зверя. После обжига ворсинки шерсти выгорали и поэтому на поверхности черепков, а также в изломе заметны характерные тонкие и длинные, пересекающиеся друг с другом полоски. Серия поселений эпохи бронзы обнаружена не только в долине р. Лены, но и на Вилюе, где преобладает керамика с гребенчатыми оттисками и налепными валиками.

Дополнительный материал для характеристики культуры бронзового века Якутии дают погребения, в которых обнаружены бронзовые изделия вместе с каменными и костяными. Одно из них открыто на правом берегу Лены, в устье р. Бугачана. В нем уцелели многочисленные изделия из кости и камня, но также, благодаря близости вечной мерзлоты, остатки одежды и моток сухожильных ниток. Умершего, одетого в меховую одежду, положили головой на северо-восток. Как в глазковских погребениях, он ориентирован вдоль ближайшей реки Бугачана. С левой стороны около груди находился колчан со стрелами. Наконечники стрел оказались составными. Каменные, обработанные сплошной ретушью клинки с прямым основанием вставлялись в специальные костяные держатели с пропиленными пазами для них и древков стрел. Сверху на груди лежали два больших костяных острия, одно из которых было украшено орнаментом. Около пояса находились треугольный слегка асимметричный вкладышевый нож и игольник с полоской ровдуги, бронзовой иглой и длинной ниткой, изготовленной из сухожилий. Кроме того, найдены обломки бронзовых пластин, которые представляли собой остатки разрушенного браслета или бляшки, нашитые на одежду.

Второе погребение обнаружено у с. Покровского, выше Якутска. Умершего положили в яму, выстланную узкими сосновыми плахами, и ориентировали головой на юго-запад, вверх по течению реки. Сверху яма была также перекрыта тонкими сосновыми плахами. Затем деревянную погребальную камеру и покойника сожгли. Вместе с бронзовым шильцем при костяке оказались каменные и костяные наконечники, а также костяной кинжал с кремневыми лезвиями. Два других захоронения этого времени найдены были на р. Иччиляхе, у Сангар-Хая и в устье р. Куллаты. Во всех этих погребениях умершего клали на спину в вытянутом положении, иногда с подогнутыми вверх ногами. Руки вытягивались вдоль туловища. Так же как у глазковцев, умерший отправлялся по реке мертвых в загробный мир, где должен был продолжать такую же, как на земле, жизнь охотника и рыболова. Поэтому в могилу клали обильный охотничий инвентарь, который обслуживал нужды охотника на земле. Кроме простого трупоположения, существовал также обряд трупосожжения.

Датировка этих погребений, а также близких к ним по инвентарю поселений не представляет особых затруднений. Наконечники стрел из погребений имеют характерные формы типичных глазковских изделий. Костяные наконечники стрел с расщепом и срезами у основания также находят близкие аналогии в изделиях начальной поры бронзового века Прибайкалья. О том же свидетельствует вырезанный из кости идол, найденный на р. Куллаты.

О раннем времени погребений свидетельствуют не только сосуществование с изделиями из металла многочисленных и разнообразных орудий из камня, но также сами находки из бронзы и меди. Они немногочисленны и представляли, очевидно, для людей того времени величайшую редкость, а потому и ценность. Поэтому изделия из бронзы берегли и хранили.

Учитывая все это, можно уверенно датировать погребения и поселения ранней поры бронзового века серединой II тыс. до н. э.

Если погребения в местности Куллаты, в Покровском, на реках Бугачане и Иччиляхе содержат скорее всего импортные металлические и костяные вещи глазковского облика из Прибайкалья, то в ряде пунктов в Якутии обнаружены предметы из бронзы, которые должны относиться к более поздней стадии металлургического производства. Находки крупных вещей, изготовленных из бронзы — кельтов, наконечников копий, ножей, мечей и кинжалов, — которые по размерам, весу и качеству обработки не только не уступали лучшим образцам бронзолитейного производства из южных степных районов Сибири, но в отдельных случаях превосходили их, предполагают, естественно, достаточно обильную сырьевую базу, с одной стороны, и значительное по сравнению с предшествующим этапом совершенствование производства — с другой. С древних времен человек, очевидно, знал и использовал для своих нужд меднорудные залежи Усть-Кутского яруса в древнепалеозойских осадочных отложениях на Лене, в песчаниках у Олекминска, а также месторождения самородной меди в долинах рек Вилюя и Амги.

О том, что залежи медных руд разрабатывались, а из добытой руды на месте выплавлялись медь и бронза, свидетельствуют находки остатков бронзолитейных мастерских, которые по инвентарю датируются более поздним временем, чем описанная ранее мастерская в Сиктээхе. Одна из таких мастерских обнаружена в г. Якутске около областной больницы. Здесь найдены остатки небольшого плавильного горна. Дно горна располагалось прямо на песке, который от сильной температуры приобрел характерный ярко-красный цвет. Рядом лежали обломки глиняных литейных форм, которые применялись для изготовления бронзовых втульчатых топоров — кельтов. По фрагментам форм удалось установить, что литейщики поздней поры бронзового века в Якутии отливали шестигранные в поперечнике кельты, украшенные у края выпуклой полосой с тремя бугорками. Кроме кельтов, древний мастер отливал здесь наконечники копий. Об этом свидетельствуют глиняные стержни и сердечники, которые применялись для оформления втулок наконечников копий.

Разлив металла в литейные формы производился с помощью льячиков, также оказавшихся здесь. Во второй плавильной мастерской, найденной около с. Покровского, обнаружены такие же изготовленные из специальной огнеупорной глины льячики.

Не удивительны поэтому находки на территории Якутии ряда превосходных вещей, изготовленных из золотистой бронзы высокого качества. Таков найденный на Вилюе на дне оз. Сильгумджа бронзовый меч длиной около 72 см. Бронза его содержит высокий процент олова, а поверхность местами покрыта тонким слоем металлического олова. По типу он входит в группу изделий карасукских форм и датируется временем в пределах конца II тыс. до н. э.

Резко своеобразен бронзовый меч-кинжал, найденный в пос. Укулане в верховьях р. Алдана. Он также изготовлен из бронзы высокого качества и отлит мастерски, без каких-либо технических погрешностей. Особенностью этого изделия является то, что литейщик бронзового века Якутии как бы совместил в одном изделии сразу два орудия. Широкое листовидное перо с тонким черенком напоминает скорее копье, чем лезвие меча, в то же время оно совмещено с рукояткой, которая могла быть только у меча или кинжала.

Кельты, которые отливались в литейных формах, найденных около областной больницы, небольшого размера и по шестигранному сечению и рельефному пояску располагаются в серии кельтов карасукского времени. Но есть кельты иного типа: длинные и крупные по размеру, орнаменти-

рованные рельефным узором в виде горизонтальных полосок, свисающих от них вертикальных линий, вписанных друг в друга треугольников. Кроме того, они украшены иногда «глазками» — кружками с точками внутри. Наконечники копий, как и меч с Вилюя, отличаются от своих степных собратьев большими размерами и необычными пропорциями.

Однако пережитки предшествовавшей культуры каменного века и ранней поры бронзового века не были полностью изжиты. Несмотря на более широкое, чем прежде, распространение изделий из бронзы продолжали широко употребляться, так же как и в Прибайкалье, орудия из камня и кости.

Духовная жизнь и перемены в общественной жизни населения поздней поры бронзового века Якутии отражены в его искусстве и прежде всего в наскальных изображениях.

Звери изображались на скалах схематически, небрежнее, и вместе с тем изображения дополнялись фантастическими, иногда трудноо6ъяснимыми деталями. Появились новые персонажи — охотники с луками, стреляющие в зверей, и причудливые, фантастические, фигуры людей. Это человекоподобные божественные существа или колдуны-шаманы, которые призваны были своими заклинаниями обеспечить удачу в охоте и благополучие роду. В шаманских мистериях участвовали, судя по рисункам на скалах, три категории действующих лиц — звери, на которых шаман воздействовал своими заклинаниями, антропоморфные верховные божества, к которым были обращены призывы о благодеяниях, и, наконец, сами шаманы.

Древний культ зверей и звериных духов, связанный с материнским родом, сменился культом антропоморфных мужских божеств. В смене религиозных представлений людей заключительного этапа бронзовой эпохи Якутии в фантастическом и искаженном виде отразился, таким образом, переворот в первобытном обществе — смена материнского рода отцовским.

В процессе формирования культуры бронзы в Якутии сказались ее связи с передовыми центрами культур того же времени в степных областях Минусинского края, Центральной Азии и Забайкалья. При всем их своеобразии бронзовые изделия Якутии копируют типы вещей карасукского и тагарского времени. Это относится не только к наиболее распространенным в повседневной жизни орудиям типа кельтов, ножей, кинжалов и наконечников копий, но также к бронзовым котлам, украшениям, к отдельным сюжетам из наскальной живописи.

Притом, так же как на ранней стадии бронзового века, племена Якутии поддерживали прежде всего наиболее тесные связи с ближайшими к югу племенами, жившими по течению Ангары и в районе Байкала, а также с населением Забайкалья, где тогда существовала культура плиточных могил.

Имело место, нужно думать, продвижение людей бронзовой культуры Якутии в полностью еще не освоенные человеком области крайнего северо-востока и арктического побережья Сибири. Находки на Усть-Бельском могильнике в глубине Чукотки свидетельствуют о том, что бродячие рыболовы и охотники на дикого оленя проникали далеко на северо-восток, вплоть до тех мест арктического побережья, где потом возникла оседлая приморская культура морских охотников.

С самого начала бронзового века — с момента первоначального ознакомления племен Якутии с металлом они находились в связях и с культурами Севера европейской части РСФСР. В Оленеостровском могильнике Кольского залива открыты погребения, которые по обряду и инвентарю напоминают захоронения раннего бронзового века из Якутии.

Так же как в Якутии, здесь умершего клали в неглубокую ямку, присыпая сверху угольками. Вместе с умершими оказались такие же, как в Якутии, костяные кинжалы и игольники из трубчатых костей птиц,

украшенные сходным узором. Керамика из оленеостровских могил, украшенная «рогожным» орнаментом, очень близка к якутской с ее шахматно-шашечным узором. В глиняное тесто здесь, так же как в Якутии, примешивали шерсть пушного зверя.

Много общего также в наскальных изображениях Скандинавии и Якутии. Сходны объекты, изображенные на скалах, и манера выполнения, в которой реализм уживается со схематизмом и вычурной стилизацией. Сходны и идеи, вызвавшие эти изображения к жизни. Связи якутских писаниц и наскальных рисунков Северной Скандинавии настолько отчетливы, что их трудно объяснить одной только общностью природных и экономических условий. Они могли возникнуть только в результате контактов через промежуточные арктические племена, заселявшие северное арктическое побережье Ледовитого океана.

Таким образом, северные таежные племена Якутии, так же как и другие народы Сибири, заселявшие более благоприятные для контактов и развития экономики и культуры области, в рамках II—I тыс. до н. э. вступают в бронзовый век. У них развивается собственное производство металлических изделий, происходят важные прогрессивные сдвиги во всех областях жизни, в хозяйстве, материальной и духовной культуре. И вскоре они переходят на новую культурно-историческую ступень, к освоению железа.

8. БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЗАБАЙКАЛЬЯ

Забайкалье представляет собой как бы огромный коридор, который ведет из глубин Центральной Азии на север, в субарктическую тайгу Прибайкалья и Якутии. Через эти широко открытые ворота издавна происходил обмен населением и культурными ценностями. Из степей Монголии на север проникали южные степные племена и их культуры. С севера на юг шли в свою очередь лесные охотники и несли с собой свое культурное достояние. Отсюда вышли и достигли, например, в III—II тыс. до н. э. берегов р. Желтой таежные неолитические племена, носители исаковско-серовской культуры.

Эти связи не прекратились и в бронзовом веке, а, напротив, усилились. Бронзовый век повсюду был временем резкого расширения культурных и этнических связей между древними племенами и народностями. Так было и в Забайкалье, и в соседней с ним Монголии, и далее на запад, по направлению к Алтаю, Средней Азии и степям Восточной Европы.

Но теперь преобладающую роль в межплеменных связях, в древних культурно-этнических отношениях между населением Забайкалья, с одной стороны, и Монголии — с другой, играют уже не северяне, как это было прежде, а южные племена и южные, т. е. степные, культуры Центральной Азии, тесно связанные в свою очередь с западом — со Средней Азией и Восточной Европой, с теми странами, где обитали скифские и сакские племена.

За Байкалом бронзовый век начинается в то же время, что и в соседнем Прибайкалье: об этом свидетельствуют серия поселений глазковского типа по берегам Байкала и замечательный могильник у дер. Фофаново в нижнем течении р. Селенги. Как показали раскопки этого могильника, здесь обитали настоящие глазковцы. Они пользовались такими же нефритовыми топорами, овальными в поперечнике, одинаковыми ножами и наконечниками стрел, носили такую же одежду, щедро украшенную блестящими перламутровыми бусинами и кружками из белого нефрита, как и их соседи по ту сторону Байкала, на Лене и Ангаре. У них в ходу были совершенно такие же медные ножи в виде тонких пластинчатых клинков.

Но с течением времени в культуре людей, оставивших после себя этот могильник, появляются новые черты. В одном из погребений был обнаружен литой бронзовый кинжал с характерными шипами у рукоятки и продольной жилкой на клинке, сходный с карасукскими кинжалами архаического типа. Происходят крупные перемены и в керамике: вместо круглодонных глазковских сосудов, украшенных штамповым орнаментом в характерном глазковском духе, появляются плоскодонные сосуды ведрообразной формы, украшенные ложнотекстильным или шахматно-шашечным орнаментом, который выполнялся ударами лопаточки с вырезанным на ней узором. К тому же времени относятся за Байкалом вещи из бронзы, входящие в круг изделий карасукского типа, известные по случайным находкам. Таковы, например, великолепные по технике литья и художественной выразительности кинжалы, найденные на оз. Котокель вблизи Байкала. Оба они украшены характерно стилизованными скульптурными головками баранов. Третий такой предмет — крупный нож с головкой барана на рукояти — найден был в XIX в. около Нерчинска «в могиле, обложенной камнями». Особо следует упомянуть и о замечательном бронзовом мече, обнаруженном у дер. Боты, на Шилке, ниже Сретенска, и хранящемся в Сретенском музее. Этот меч достигает в длину 80 см (кончик у него отломлен), рукоять его также оформлена в виде стилизованной бараньей головы. За Байкалом нередки находки и ножей, у которых на рукояти имеется орнамент в виде параллельных или перекрещивающихся линий и рядов выпуклостей овальной, ромбической или треугольной формы, а иногда рукоять украшена стилизованными изображениями животных. Навершие такого ножа тоже иногда кончается изображением головы животного (чаще барана), либо кольцом или двумя кольцами, либо выпуклой шляпкой. Почти все эти формы имеют аналогию в карасукском материале Южной Сибири.

Изделия карасукских форм встречены и на поселениях бронзового века Забайкалья. Известна, например, стоянка на р. Нижней Березовке у впадения ее в Селенгу (в 8 км от Улан-Удэ). Нижние слои этой стоянки являются неолитическими, но верхний слой содержал обломки бронзовых ножей карасукского облика и некоторые другие изделия из бронзы. Другая стоянка эпохи бронзы была обнаружена у дер. Кункур, на левом берегу Онона. Здесь также были найдены бронзовый карасукский нож и бронзовые шаровидные пуговицы, игла и пронизка.

Однако за Байкалом нет ни характерной для Минусинского края круглодонной керамики, украшенной специфическим карасукским орнаментом, ни типичных для карасукской культуры могил с оградками. Здесь в это время явно существовало иное население с другой культурой, восходящей, очевидно, к местному позднему неолиту и к энеолиту. Об этой культуре и дают представление наиболее поздние погребения Фофановского могильника, следующие за глазковскими, а также отмеченные находки в верхних слоях поселения на р. Нижней Березовке и у дер. Кункур.

Значительно полнее сведения о жизни и культуре населения Забайкалья в последующее время, когда здесь развивается богатая и своеобразная культура, известная по наиболее многочисленным и характерным ее памятникам, получившая в литературе название «культура плиточных могил».[30]

Плиточные могилы Забайкалья различаются по своим размерам и внешнему виду. Есть могилы небольшой величины — 1.5 × 1.5 м, но есть и более крупные — 7 × 4 м. Некоторые могилы обставлены огромными плитами, достигающими в высоту 3 м (например, у с. Будулана на Ононе). В большинстве случаев плиты лишь незначительно возвышаются над зем-

[30] Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.

лей — от 0.5 до 1 м. По форме различают следующие могилы: 1) «фигурные могилы» с плоской каменной насыпью и оградкой с вогнутыми сторонами (в Восточном Забайкалье такие могилы не обнаружены, они встречаются только в Западном Забайкалье); 2) «могилы со двором», у которых, помимо основной оградки, имеется вторая низенькая с проходом (обычно на восток); 3) обычные могилы с одной оградкой прямоугольной формы, которые встречаются чаще всего.

Плиточные могилы ориентированы с востока на запад, иногда с небольшими отклонениями. У некоторых могил на небольшом расстоянии (10—20 м) от узкой стороны стоит одинокая плита, «сторожевой камень», или «маяк». Могилы часто располагаются целыми кладбищами в виде нескольких параллельных «цепочек».

Костяки лежат вдоль длинной оси могильного сооружения на спине в вытянутом положении, реже в скорченном и в большинстве случаев ориентированы на восток. При костяках находят различные предметы: орудия труда, керамику, кости животных, иногда угольки и золу.

Огромное большинство плиточных могил начисто ограблено. Многие совершенно пусты, в других обнаруживаются лишь ничтожные остатки могильного инвентаря.

Как показали находки в могилах, которые не были ограблены до конца, подавляющее большинство плиточных захоронений относится к эпохе бронзы и лишь небольшая часть их, наиболее поздняя, содержит наряду с бронзовыми и железные предметы, в частности пропеллеровидные псалии скифского типа. Помимо плиточных могил, к той же эпохе бронзы и раннего железа относятся и некоторые другие виды археологических памятников Забайкалья и соседних районов: остатки «чудских» копей и плавилен и наскальные изображения — писаницы.

Судя по этим памятникам, бронзовый век Забайкалья, как и в соседних степях Южной Сибири, связан с двумя крупными сдвигами в развитии производительных сил — с широким распространением изделий из бронзы и развитием скотоводства.

Первый признак культуры плиточных могил — развитая обработка меди и бронзы. Мастера-литейщики культуры плиточных могил опирались в искусстве обработки меди и бронзы на опыт своих предшественников, современников карасукских племен Минусинского края и других обитателей Западной Сибири. Есть основания считать, что еще в конце II тыс. до н. э. Забайкалье стало крупным центром бронзовой металлургии в Восточной Азии, оказавшим влияние на соседние области. В первую очередь это было связано несомненно с наличием открытых еще в древности залежей цветных металлов (меди, олова, свинца) по Онону, Аргуни и другим местам.[31] В этих местах изредка и в наши дни геологи обнаруживают древние полузасыпанные шурфы, остатки деревянных стоек, каменные кирки, клинья, молоты, колотушки для разбивания руды, остатки сложенных из камня плавильных печей и другие признаки древних горных работ. У Усть-Иля на р. Ононе обнаружены медные шлаки и каменное сооружение, которое, по-видимому, являлось печью для выплавки металла из медной руды.[32] Находки в Забайкалье каменных литейных форм свидетельствуют о местном производстве бронзовых изделий, а высокое качество этих изделий — о мастерстве тех, кто их изготовил. Такие литейные формы найдены в двух местах Забайкалья: в долине Селенги около улуса Хара-Бусун и около с. Беклемишево (в 60 км к западу

---

[31] Г. П. Сосновский. К истории развития добычи олова на востоке СССР. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9—10, 1933.

[32] Ю. С. Гришин. Поселения эпохи бронзы и раннего железа на Ононе. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 317—321.

от Читы). В них отливались бронзовые ножи. Формы изготовлены из мягкого талькового сланца. Одна из них хранится в Читинском музее, другая — в Кяхтинском.

Чаще всего из бронзовых изделий в Забайкалье встречаются ножи и кинжалы. По своим размерам бронзовые ножи и кинжалы очень сильно варьируют: от больших — в 50 см и более длиной — до совсем маленьких — длиной в 10—15 см. Встречаются кинжалы прямые, обоюдоострые, но большая часть их — изогнутые, дугообразнообушковые и вогнутообушковые. Рукоятки кинжалов имеют в сечении двояковогнутую, или овальную, или прямоугольную форму.

Бронзовые топоры-кельты (такие топоры насаживались на деревянные коленчатые рукоятки) встречаются двух видов: кельты-топоры и кельты-тесла. Последние насаживались таким образом, что лезвие их было перпендикулярно рукоятке. У большинства топоров втулки глухие, у некоторых — сквозные. В сечении втулки имеют подпрямоугольную форму, либо подтреугольную, либо округленную. У некоторых топоров с одной стороны есть петелька. Встречаются кельты, украшенные орнаментом из выпуклых треугольников. В верховьях р. Джиды был найден бронзовый литой чекан — боевой топор. Бронзовые наконечники стрел, обнаруженные в Забайкалье, имеют различные формы. Встречаются наконечники черешковые и втульчатые, с трехгранным или трехлопастным пером. Найден также один бронзовый наконечник копья — втульчатый, с листовидным пером.

Из других изделий следует назвать иглы, шилья, различных размеров и форм булавки. Некоторые крупные булавки с грибообразной шляпкой, может быть, применялись в качестве женских головных шпилек. Иногда встречаются рубчатые трубочки неизвестного назначения, полушаровидные пуговицы или бляшки диаметром от 2 до 7 см с перекрестием или перекладиной, а иногда с петелькой с внутренней стороны, очевидно для прикрепления их к одежде. Бляшки украшены с выпуклой стороны спиральным узором или насечками по краю. Обнаружены круглые бронзовые диски — древние зеркала, обломки бронзовых котлов «скифского типа», височные кольца, спиральные браслеты из медной проволоки. В плиточных могилах находят и бронзовые удила.

Основным источником средств существования племен бронзового века за Байкалом было скотоводство. В плиточных могилах чаще всего встречаются кости лошадей и баранов, кости крупного рогатого скота попадаются в три-четыре раза реже. Это заставляет думать, что в бронзовом веке скотоводство в Забайкалье, так же как и в позднейшие времена у монголов или бурят, было в основном связано с подножным кормом. Климатические природные условия края 2—3 тыс. лет тому назад были в основном такими же, как и теперь. В условиях малоснежной зимы скот мог круглый год пастись по падям или увалам, постепенно передвигаясь с одного пастбища на другое. При этом кони, если даже выпадал сравнительно глубокий снег, могли разгрести его своими крепкими копытами или пробить гололед, а овцы в таких случаях следовали за лошадьми.

Вполне возможно, что племена культуры плиточных могил занимались также и земледелием. Свидетельством наличия земледелия являются сосуды с многочисленными отверстиями в днище. В них было удобно готовить на пару пищу из зерен.

Особенностью инвентаря плиточных могил и стоянок бронзового века Забайкалья являются сосуды, опирающиеся на три ножки, — триподы. У некоторых триподов ножки представляют собой полые резервуары вымяобразной формы, составляющие большую часть сосуда. Обломки триподов были найдены в долинах рек Онона, Ингоды, Шилки, в бассейне р. Селенги и ее притоков. В двух случаях сосуды удалось восстановить

целиком по фрагментам — один из окрестностей с. Агинское, Читинской обл., второй — с горы Тологой (недалеко от Улан-Удэ).

Триподы Забайкалья имеют характерный орнамент, связанный с мифологией и культами плодородия племен Центральной Азии. Отсюда можно сделать вывод, что триподы явились изобретением стенных племен Монголии и Забайкалья, а от них были усвоены древними земледельцами р. Желтой. Такие сосуды тоже удобны для приготовления хлебной пищи — каши. Не исключено, следовательно, что в бронзовом веке за Байкалом существовали и зачатки оседлой жизни.

Общий рост производительных сил, в первую очередь развитие металлургии, скотоводства и земледелия, а затем развитие обмена — все это не могло не привести к важным сдвигам в общественных отношениях.

Племена культуры плиточных могил находились на ступени патриархально-родового строя. Об этом свидетельствует планировка плиточных могильников. Захоронения в них расположены цепочками и рядами; это, по-видимому, были родовые кладбища или захоронения больших патриархальных семей. Среди них встречаются отдельные погребения, выделяющиеся по своим размерам и монументальности плит, составляющих их ограду. В таких могилах, очевидно, были захоронены представители родовой знати, люди, выделявшиеся своей знатностью и богатством. Не удивительно поэтому, что даже и в разграбленных плиточных могилах попадаются предметы из драгоценных металлов — золота и серебра, спиральные браслеты, украшения в виде дугообразных полосок, бляшки. Из украшений частой находкой являются также бусы («пастовые» цилиндрические, раковинные, сердоликовые, бочонкообразные или биконической формы, яшмовые и костяные) и раковины каури. В связи с этим интересны данные, указывающие на воинственность племен культуры плиточных могил. О частых межплеменных войнах свидетельствует высокое качество боевого оружия, найденного археологами. На Иволгинском оленном камне высечено изображение полного набора военного снаряжения знатного воина: лук, два боевых топора, кинжал, пояс со свисающим с него П-образным предметом непонятного назначения, походное бронзовое зеркало. А под плитой были обнаружены кости лошади — может быть, это был боевой конь того самого человека, чье оружие изображено на камне. Вообще находки в плиточных могилах частей конской упряжи, а иногда и лошадиных костей свидетельствуют о том, что конь играл важную роль не только в хозяйстве, но и в военном деле. Судя по находкам в плиточных могилах роговых накладок, в бронзовом веке применялся составной лук. Он был коротким и имел изогнутую «сигмовидную» форму. По крайней мере именно такой лук изображен на Иволгинском оленном камне.[33] О войнах свидетельствуют также находки человеческих костяков с явными следами боевых ранений: пробитые черепа, застрявшие в костях наконечники стрел. Например, в одной плиточной могиле у дер. Сотниково (на р. Селенге, в 10 км от г. Улан-Удэ вниз по течению) был обнаружен мужской костяк с застрявшим в крестцовой кости наконечником стрелы.

Культуре плиточных могил принадлежат и так называемые оленные камни, получившие свое название от высеченных на них изображений оленей. Местное бурятское население называет оленные камни «хусээчоло» или «кошо-чило», что собственно означает «овечьи камни». Эти памятники встречаются не только в степном Забайкалье, но также и в Монгольской Народной Республике и в Туве.

---

[33] А. П. Окладников. Оленный камень с р. Иволги. «Советская археология», г. XIX, 1954, стр. 208—220; Д. Давыдов. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Верхнеудинского округа Забайкальской области. «Записки Сибирского отделения Русского географического общества», кн. II, СПб., 1856, стр. 89—101.

Оленный камень — это обычно плоская и довольно узкая, хорошо обтесанная плита длиной до 3.5 м, на которой нередко вырезаны изображения животных: оленей, лошадей, а также различные предметы и знаки (например, перекрещенные пятиугольники, круги с точкой посередине и др.). В некоторых местах оленные камни имеют в поперечном сечении почти цилиндрическую форму, но большая часть их прямоугольна в сечении и часто имеет косо срезанную вершину — «саблевидную» форму. Иногда оленный камень служит угловой плитой в ограде плиточной могилы, иногда отстоит от погребения на расстоянии нескольких метров. Впрочем, большинство обнаруженных оленных камней было найдено явно не на своих первоначальных местах — они были кем-то перемещены.

В Забайкалье оленные камни известны в нескольких местах. В Агинском национальном округе обнаружено два камня: один — недалеко от Аршана, другой — в 3 км к северо-востоку от ст. Могойтуй. В Западном Забайкалье оленные камни найдены на р. Уде, в местности Санный мыс, и возле Гусиноозерского дацана. Кроме того, в Кяхтинском музее хранится оленный камень, ранее находившийся возле Гусиного озера, а в Иркутском музее — известный Иволгинский оленный камень, обнаруженный еще в 1856 г. Давыдовым приблизительно в 22 верстах к югу от Верхнеудинска, у с. Иволгинского. Это один из наиболее замечательных памятников подобного рода.

Иволгинский оленный камень имеет в длину 3.5 м, в ширину — в среднем 0.9 м, в толщину — 0.2 м и «саблевидную» форму. На его широких плоскостях высечены стилизованные изображения оленей, с вытянутыми вперед очень узкими, клювообразными мордами, подогнутыми ногами и закинутыми на спину длинными и ветвистыми рогами. В верхней части одной из широких плоскостей высечен какой-то круглый предмет с рукояткой, в верхней части другой — на широкой грани две окружности, одна побольше, другая поменьше. На узких боковых гранях также высечены фигуры оленей и, кроме того, предметы вооружения, а также круглый диск, по мнению А. П. Окладникова, — металлическое зеркало.

Связь оленных камней с культурой плиточных могил подтверждается прежде всего тем фактом, что некоторые оленные камни, как уже было сказано, непосредственно вделаны в могильные ограды. Кроме того, в плиточных могилах найдены почти все предметы, изображенные на оленных камнях. Это, видимо, были надгробные памятники, которыми, впрочем, отмечали не все погребения, а только погребения лиц наиболее знатных и влиятельных: вождей, старейшин. Таким образом, оленные камни являются свидетелями не только художественной культуры того времени, но и социальных отношений.

Для религии забайкальских племен бронзового века характерен ярко выраженный культ мертвых — культ предков. Вещественными следами его являются прежде всего те же плиточные могилы.

Как свидетельствуют найденные в могилах предметы, покойник заботливо снаряжался на тот свет всем необходимым: оружием, утварью, украшениями, пищей. Судя по следам углей и кострищ в плиточных могилах, огню приписывалась магическая очистительная сила.

Особую группу памятников религии и искусства забайкальских племен бронзового века представляют наскальные изображения — писаницы, выполненные красной краской. Такие писаницы бронзового века встречаются как в Западном (в долинах Селенги, Уды, Джиды), так и в Восточном Забайкалье (на реках Ононе, Шилке и их притоках).

Аналогичные рисунки на скалах обнаружены также в пределах Монгольской Народной Республики, вблизи г. Улан-Батора и у оз. Косогол. Рисунки эти удивительно однообразны по стилю и содержанию. Чаще всего встречаются изображения четырехугольников или окружностей —

«оградок», которые по большей части заполнены внутри удлиненными или круглыми пятнами — точками. Иногда точки изображены и вне «оградок». Нередко неподалеку от «оградки» с точками можно обнаружить примитивные изображения человечков с расставленными руками и ногами, одного или нескольких, стоявших в ряд и как бы взявшихся за руки. Встречаются также схематические изображения лошадей и птиц. Птицы обычно изображены с распростертыми крыльями, как бы парящими в воздухе. Они несколько напоминают орла в полете. Аналогичные изображения птиц, лошадей и человечков имеются на некоторых изделиях бронзового века Забайкалья, а также на оленных камнях. Поэтому этот вид писаниц следует датировать именно эпохой бронзы.[34]

Стандартный, «канонический», набор изображений на писаницах свидетельствует о том, что они были связаны с определенным кругом религиозных представлений и обрядов, с родовыми культами. Можно думать, что нарисованные на скалах оградки должны были служить магической защитой родовой общины от сил зла. Пятна внутри оградок изображали людей, членов рода, или, может быть, скот, а человечки — духов предков, охраняющих своих сородичей. Фигуры парящих птиц на писаницах могли изображать орла — первопредка или «культового героя», который, по-видимому, также был объектом религиозного поклонения. О культе орла свидетельствуют мифы древних монголов, записанные в XII в. армянским летописцем иноком Магакией.

Культ орла в свою очередь был связан с культом солнца. О том, что солнце было божеством у людей бронзового века Забайкалья, можно судить по его изображениям в виде диска на оленных камнях. Примечательно, что на Иволгинском камне солнечный диск изображен в виде сияющего бронзового зеркала, такого же, какие найдены в скифских курганах на юге России и в Пазырыкских курганах на Алтае. Наконец, образ оленя также, как известно по материалам тагарской культуры на Енисее и древней Скифии, имел связь с культом солнца.

Богатая и яркая культура бронзового века Забайкалья развивалась не изолированно, а в тесных контактах с культурами народов того времени. В I тыс. до н. э. степную полосу Евразии, протянувшуюся от Черного моря до Хингана, населяли многочисленные скотоводческие племена. Различные по этническому происхождению и языку, они в то же время имели много общих черт в своей материальной и духовной культуре. Передвижения этих степных племен способствовали обмену культурными достижениями.

У скифов, обитавших на территории Причерноморья, эта культура достигла наибольшей выразительности. Но в Приуралье и Казахстане, Западной и Южной Сибири, в Забайкалье и Монголии и, наконец, в Маньчжурии встречаются вещи, удивительно похожие на те, которые были в употреблении у причерноморских скифов.

В Забайкалье обнаружены фрагменты так называемых «скифских» бронзовых котлов на высоком коническом поддоне. Совершенно такие же котлы бытовали у причерноморских скифов, а также и у многих других степных племен, в том числе у саков Средней Азии.

Такое же сходство наблюдается в предметах вооружения, конской сбруе и украшениях. Например, бронзовые наконечники стрел вначале повсюду имели втульчатый насад и плоское перо в виде овала, позже они везде сменяются втульчатыми трехгранными наконечниками.

Особенно характерным для скифской культуры является «звериный стиль» в прикладном искусстве. В Забайкалье этот «звериный стиль»

---

[34] А. П. Окладников. О датировке Забайкальских писаниц. «Записки Бурят-Монгольского института культуры», вып. XVI, 1952, стр. 57—62.

представлен навершиями кинжалов и изображениями на оленных камнях. Фигуры оленей на скаку с заброшенными на спину крутыми ветвистыми рогами и подогнутыми ногами (типа изображенных на Иволгинском оленном камне) живо напоминают стиль скифских мастеров Северного Причерноморья и Средней Азии.

Связующими звеньями между древними племенами Забайкалья и обитателями далеких стран были, с одной стороны, степные племена Монголии, а с другой стороны, жители Южной Сибири — носители тагарской культуры. Но забайкальские племена резко отличались по своему физическому типу от западных племен, имевших близкую культуру скифского типа. В отличие от европеоидов тагарцев и их среднеазиатских соседей они имели ясно выраженные монголоидные черты. К какой из народностей монголоидной группы они относились, сказать трудно. Однако интересно, что у позднейших обитателей Забайкалья, бурят, орел занимает видное место в мифологии, а в их орнаментальных мотивах имеются изображения птиц с распростертыми крыльями, почти точно повторяющие наскальные рисунки бронзового века.

Отсюда можно сделать вывод, что древние племена бронзового века Забайкалья, строители плиточных могил, не исчезли бесследно. Какая-то часть их, вероятно, вошла в состав предков современных бурятских племен.[35] Очень вероятно также и то, что племена культуры плиточных могил были частично ассимилированы, а частично вытеснены на север новыми пришельцами с юга — гуннами. Об этом свидетельствуют раскопки самых северных плиточных могил в долине р. Куды на горе Манхай.[36]

9. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В то время как племена большей части Сибири проходили свой бронзовый век, а металл в виде меди и бронзы стал у них основным материалом для изготовления орудий труда, у населения Приамурья и Приморья на рубеже III—II тыс. до н. э. и позже сложилась своеобразная ситуация. Здесь не было таких обильных и легко доступных месторождений меди, как например за Байкалом, в Минусе или на Алтае. Поэтому каменные орудия употреблялись дольше. Но вместе с тем очень рано в дело пошли железные орудия труда, возникла собственная черная металлургия.

Первым признаком знакомства с металлом здесь служит появление каменных, чаще всего сланцевых шлифованных изделий, имитирующих бронзовые клинки ножей, кинжалов и наконечники копий и стрел.

Одним из интереснейших и наиболее древних памятников такого рода является поселение в бухте Пхусун. Поселение это оказалось двуслойным. В самом низу непосредственно на скалистой площадке мыса лежали каменные орудия и керамика, поразительно близкие к найденным в нижнем слое Тетюхинского поселения. Здесь есть и односторонне выпуклые в поперечном сечении массивные тесла из сланца, и двусторонне ретушированные наконечники стрел из кремня, и крупные обломки сосудов, украшенные узором в виде амурской плетенки. Выше снова залегали каменные орудия, но совершенно иного облика. Вместо односторонне выпуклых тесел здесь найдены строго симметричные топоры в виде длинных прямоугольников, квадратные в поперечнике. С ними оказались

---

[35] А. П. Окладников. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят. «Советская этнография», вып. I, 1954, стр. 150—153.

[36] А. П. Окладников. История Якутской АССР, стр. 196.

обломки больших кинжаловидных клинков из шифера и даже настоящие кинжалы с рукоятями, по форме повторяющие металлические. Неожиданно появление пластинчатых наконечников стрел с черенком, таких же как в Кондоне. Совершенно иначе, чем в нижнем слое, выглядит вверху керамика: сосуды плоскодонные, тонкостенные и миниатюрные, почти нацело лишенные орнамента на тулове, с характерным утолщенным венчиком, окаймленным своеобразным карнизом. Самая любопытная особенность этого слоя — небольшие кружки, вырезанные из мягкого камня. Одна сторона их выпуклая, другая — плоская. Для чего и как употреблялись эти «шашки» каменного века, остается загадкой. Поселение это особенно интересно тем, что оно датировано радиоуглеродным способом. Его возраст — 4170 ± 60 лет тому назад.

Ко II тыс. до н. э. относится второе древнее поселение на сопке Харинской в районе оз. Ханка.

На большом расстоянии от озера в столь же дикой, как и живописной, местности, среди гор, покрытых густыми зарослями первобытного леса, уцелели остатки обширного поселения, состоявшего из нескольких десятков жилищ полуподземного типа. Все эти жилища были сооружены по одному плану. В рыхлых отложениях супеси на плоской вершине холма сначала выкапывалось углубление в виде правильной окружности или овала с крутыми, почти отвесными стенками. Иногда края котлована укреплялись еще и кладкой из плит дикого камня, выломанных здесь же, на скалистых склонах холма. Затем в центре выкладывались небольшие очажные ямы. А в одном жилище из плит камня была даже сооружена настоящая печь. По краям ямы, как обычно на Дальнем Востоке, ставились с небольшими интервалами столбы, служившие опорой для стен жилища. Вместе с каменными топорами и шлифованными наконечниками стрел в этих жилищах найдены каменный клинок, имитирующий бронзовый, а также вырезанная из камня копия полушаровидной бронзовой бляшки — «пуговицы».

Следовательно, племена Приморья уже хорошо знакомы были с металлом и состояли в каких-то контактах с теми, у кого металл прочно вошел в быт. Это была уже культура бронзового века, хотя здесь, в Приморье, металл все еще был редкостью — иначе не было бы нужды подражать ему в камне.

Древний поселок на сопке Харинской не случайно, по-видимому, оказался в таком глухом и труднодоступном месте да еще на вершине изолированного холма, огражденного от природы крутыми склонами. Это была настоящая горная крепость. Но жителям поселка и этого показалось мало: они с великими усилиями и мукой прорыли на вершине холма глубокий ров, пересекающий его поперек.

И тем не менее ни этот ров, ни крутые скалистые склоны холма, ни уединенное его расположение не спасли древний поселок от горькой судьбы. Когда была удалена земля, заполнявшая котлованы древних жилищ, и обнажены полы жилищ, исследователи увидели редкую и потрясающую картину. Перед ними лежали остатки поселка, неожиданно покинутого жителями в разгар их трудовой деятельности, — своего рода Помпеи каменного века. На полу и вдоль стен грудами лежали чаши-пиалы, из которых обитатели этих жилищ пили и ели свою пищу. Рядом находились совершенно целые, глубоко врытые в землю, большие узкогорлые сосуды для хранения запасов продовольствия. На краю «плечиков» почти в каждом доме еще лежали бегуны-куранты ладьевидной формы и плоские плиты — зернотерки. Там же лежали каменные топоры, плоские, прямоугольные по очертаниям, шиферные наконечники стрел и такие же полулунные ножи-серпы. Словом, все, чем располагала бесследно исчезнувшая община древних земледельцев каменного века. В углу одного из этих жилищ был глубоко запрятан в тайничке совершенно необычайный

клад — куча круглых галечек разноцветного халцедона — молочно-белых, янтарных, желтых, бурых, сургучно-красных и оливково-зеленых. Еще удивительнее, пожалуй, типично неолитический кремневый наконечник из халцедона, единственный во всех раскопанных на сопке Харинской жилищах. Он был поднят, должно быть, где-то вдали, а затем захоронен в тайнике вместе с остальными сокровищами-игрушками древнего ребенка.

Поселок на сопке Харинской стал, очевидно, жертвой катастрофы, скорее всего жертвой неожиданного нападения врагов, безжалостно уничтоживших все его население, не исключая детей.

Отголоски таких же, возможно бурных и трагических, событий обнаруживаются в другом районе Приморья, на этот раз неподалеку от Владивостока, у пос. Кировского в районе Артемгрэса. Здесь было обнаружено углубленное в землю основание большого полуподземного сооружения, служившего, по-видимому, кладовой или кухней древнего поселка. С двух сторон вдоль стен на возвышениях — уступах этого помещения, овального в плане, стояли целые глиняные сосуды, в одном из которых уцелели остатки обугленной пищи, может быть каши из зерен проса. Здесь же находилась скорлупа обугленного грецкого ореха и кедровых орехов: в пищу шли, таким образом, и те и другие. На тех же уступах — нарах лежали крупные плиты — зернотерки и куранты к ним, сегментовидные по форме в отличие от ладьевидных с сопки Харинской. Так же как и на сопке Харинской, каменные шлифованные топоры были квадратными в поперечнике, из шифера выделывались полулунные ножи и наконечники стрел, ретушированные мелкие изделия из кремнистых пород.

Жители поселка пользовались большими сосудами такой же в общем формы, как в поселении на сопке Харинской. Их стенки были гладкими, лишенными орнамента. Горлышки узкие настолько, что, сжав руку в кулак, ее нельзя было уже вытащить из сосуда. Это были, следовательно, типичные сосуды-вместилища для хранения запасов пищи, своего рода тара. На некоторых из сосудов уцелели следы росписи черным по красному лощеному фону.

И так же как на сопке Харинской, помещение у пос. Кировского было оставлено его хозяевами внезапно. Все их имущество, их запасы и богатства, зернотерки, горшки и куранты остались на месте. Не была даже съедена просовая каша, только что сваренная на костре. Обугленные орехи, остатки горелых деревянных конструкций — все это бросает зловещий отблеск на судьбу хозяев древнего жилища.

Исчезновение этой культуры произошло, как видно, не только быстро, но даже внезапно и более того, насильственным путем. Об этом буквально свидетельствуют пожарища, в пламени которых погибли поселки, а вместе с ними, очевидно, и их жители. Как пошли здесь события дальше, рассказывают памятники нового типа — поселения с раковинными кучами, памятники новой, сидеминской, культуры.

Древние обитатели Приморья, о которых шла речь, жили в условиях щедрой природы, где возможны были и земледелие, и контакты с передовыми для того времени очагами культуры.

Иначе сложилась во II—I тыс. до н. э. и позже жизнь их более северных соседей, например тех, что жили на Сахалине. Но и там история шла вперед, хотя и по-своему.

Отражение событий, происходивших на Сахалине, можно видеть в так называемых стоянках с раковинными кучами. Такова Сусуйская стоянка на побережье зал. Анива и Татарского пролива. Вся жизнь древнего поселка была связана здесь с морем и соседними лесами. Население стоянки занималось главным образом морским промыслом и собирательством. В раковинных кучах найдены кости сивуча, кита, медведя, пятнистого

оленя, бурого медведя, домашней собаки. Сами раковинные кучи состоят из раковин съедобных моллюсков. Обитатели стоянки оставили на ней много каменных шлифованных топоров, есть также клинки копий или гарпунов. Все это похоже на инвентарь более древних поселений. Но в каменных изделиях видны перемены, а еще важнее — расцвет костяной индустрии. Богатый комплекс костяных изделий состоит из разнообразных по типу наконечников гарпунов и стрел, шильев, проколок, орнаментированных пластинок и трубочек, мотыг и лопаток.

Главным и определяющим орудием в этом комплексе является наконечник гарпуна. Для того чтобы орудие задержалось в теле животного, гарпуны имеют особые заостренные концы, бородки, или шпоры. Они делятся на два вида — простые и поворотные.

Изменяются и глиняные сосуды — они приобретают плоское дно. И — что еще важнее — у них намечаются поддоны — признак, характерный для памятников эпохи металла в Приморье.

Если древние культуры Сахалина имели естественное тяготение к Приморью и Приамурью, то столь же понятны связи древнего населения Чукотки с Якутией и ее культурами II—I тыс. до н. э. Так, в районе о. Айон и р. Амгуэмы существовала тогда тундровая культура, которая была продолжением культуры охотников и рыболовов, обитающих на севере Якутии, и составляла вместе с нижнеленскими памятниками одну общую культурную область. Становища охотников тундры располагались на путях миграций диких оленей, как например на о. Айон, куда олени прикочевывали, чтобы полакомиться соленой морской водой и спастись от комаров, или как в горах на р. Якитикивеем, где тоже оленю летом было легче спасаться от комаров.

Могильники людей, оставивших эти стоянки, расположены на каменистых вершинах сопок, в щелях, засыпанных щебнем и плитняком, возле скальных останцов.

Другая культура, усть-бельская, очевидно несколько более поздняя, распространялась в лесотундре Чукотки.[37]

Основой существования племен — носителей этой культуры была, как и прежде, охота на дикого северного оленя, которая дополнялась, вероятно, рыбной ловлей и собирательством растительной пищи. Стоянки эти расположены преимущественно у сезонных, весенних или осенних, переправ северного оленя через реки (Усть-Белая, Камешки, Увеснования, Утесики, Вилка, Чикаево). Такова, например, стоянка в устье р. Белой, на месте, где позже был обнаружен Усть-Бельский могильник.

Вторая группа стоянок — озерные стоянки на берегах озер, богатых рыбой. Особенно наглядную картину быта континентального населения Чукотки в это время дали раскопки стоянки на берегу оз. Чирового. Кроме каменных наконечников стрел, топоров, скребков, отщепов, костяных зубцов от острог для ловли рыбы и расколотых оленьих костей, там попадались также и скопления тонких черепков посуды. В довольно толстом слое стоянки оказались даже глиняная печь вполне стационарного типа для копчения рыбы и несколько хозяйственных ям для хранения мяса. Относительная оседлость в данном случае была обусловлена

---

[37] А. П. Окладников, И. А. Некрасов. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгытхын). «Советская археология», 1957, № 2; А. К. Саяпин, Н. Н. Диков. Древние следы каменного века на Чукотке (находки на берегу озера Эльгытхын). «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. I, Магадан, 1958; A. P. Okladnikov. Ancient Cultures in the continental part of North-East Asia. XXXIII Congreso international de Amerikanistas. Costa-Rica, 1958, pp. 72—80.

отсутствием необходимых транспортных средств, невозможностью в условиях холодной тундры быстро и четко заново обзаводиться жильем.

Наличие более или менее постоянных поселений-стоянок не исключало, разумеется, передвижений отдельных охотников налегке, без семей, с промыслово-охотничьими целями или в поисках сырья для изготовления орудий. Временная оседлость была, таким образом, обратной стороной бродячей охотничьей жизни.

Культуру, в том числе духовную, древних племен лесотундры освещают находки в Усть-Бельском могильнике.

Усть-Бельский могильник находится вдали от моря, при впадении р. Белой в р. Анадырь. Его каменные насыпи сооружены были на плоской и голой вершине сопки, господствующей над пос. Усть-Белая. В одном из наиболее интересных захоронений под раздавленными костями черепа удалось расчистить множество мелких круглых бусинок, сделанных из раковин. Когда-то эти бусинки, видимо, украшали шапку погребенного. Такие украшенные бисером шапки любят носить с давних времен эвены, эвенки и другие таежные народы. Бусинки еще в неолите и в глазковское время точно таким же образом нашивали на свои шапки обитатели Прибайкалья. Справа от черепа оказались обломки глиняного горшка, в который клали при погребении для души умершего пищу. В могиле нашлось также много мелких каменных (кремневых, обсидиановых и халцедонных) изделий: скребков, наконечников, ножевидных пластинок, резцов. Тут же лежало десятка полтора самым тщательным образом сделанных наконечников стрел со слегка вогнутым насадом, очень похожих на наконечники стрел прибайкальского и приленского позднего каменного и раннего бронзового веков.

Особенно сильное впечатление производили яркие пятна красной охры возле черепа и на ребрах грудной клетки: яркие, как огонь, алые, как кровь. Очевидно, это была магическая замена огня и крови. Самой неожиданной находкой в могильнике оказались два бронзовых острия — резцы!

Обряд засыпания мертвецов красной охрой, обычай украшения шапки мельчайшими раковинными бусинками-кружочками, клыки медведя, обилие наконечников стрел, их форма и особенно бронзовые изделия подтверждают, что население Чукотского побережья в те далекие времена находилось в контакте с населением таежной зоны Сибири, в первую очередь Северной Якутии.

Вместе с тем в его культуре обнаруживаются также и признаки, сближающие эту культуру с культурой позднейших чукчей и даже эскимосов. На стоянке возле оз. Чирового был обнаружен, например, хотя и очень грубо сделанный из камня, но все же настоящий жирник — непременная принадлежность эскимосского и чукотского спального мехового полога, жировая лампа, без которой ни эскимосы, ни чукчи до самого недавнего времени не могли бы вовсе существовать в ледяных просторах своей родины. Раскопками вблизи Усть-Белой были выявлены и другие эскимоидные черты: отдельные поделки из шифера, из того камня, который впоследствии получил такое широкое и преобладающее распространение на северном тихоокеанском морском побережье у древних эскимосов и у предков береговых чукчей. Основой жизни северных тихоокеанских жителей, делавших себе ножи, скребки и метательные наконечники из подобного серого шифера, была, как известно, морская охота на ластоногих с помощью особого гарпуна с соскакивающим поворотным наконечником. После находки жирника и нескольких шиферных изделий для полноты неожиданных аналогий с приморской чукотско-эскимосской культурой недоставало найти только сам поворотный гарпун. И такой гарпун, точнее его наиболее существенная часть — наконечник, был найден под

курганом № 9 в Усть-Бельском могильнике. Наконечник поворотного гарпуна лежал на груди скелета вместе с бронзовым резцом.

В этой связи существенны результаты изучения одного хорошо сохранившегося черепа из Усть-Бельского могильника. Оно показало, что наряду с признаками, характерными для арктической расы, куда входят чукчи и эскимосы, в нем есть и признаки байкальского типа североазиатской расы. Такое сочетание характерно и для современных чукчей оленеводов.

Отсюда следует, что древняя континентальная культура Чукотки и создавшее ее население, которое уже знало бронзу, но еще не имело железа, послужили общей основой и для развития чукчей, эскимосов, древних юкагиров и их культур.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ И ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВА

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сибирь в раннем железном веке
Первые племенные союзы

1. АЛТАЙ И ТУВА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Скифское время в истории народов, которые обитали на необъятных пространствах Великого пояса степей — от пределов Венгрии на западе до Ордоса на востоке (VII—III вв. до н. э.), — является одной из важнейших исторических эпох. На рубеже скифского времени на территориях Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана совершился переход от оседлых пастушеско-земледельческих форм хозяйства к кочевому скотоводству, в результате чего возросла динамичность контактов между различными этническими группами, возник регулярный обмен, началось накопление больших масс скота у кочевых племен.

Первый этап культуры скифского времени на Алтае получил наименование майэмирского, он характеризуется вещами раннескифского типа (VII—VI вв. до н. э.). Пазырыкский этап относится, по классификации М. П. Грязнова, к V—III вв. до н. э. Далее следует, по его мнению, шибинский этап (II в. до н. э.—I в. н. э.), относящийся уже к гунно-сарматскому времени.

Раскопки курганов скифского времени на Алтае, прежде всего раскопки больших курганов в долине Пазырыка, а также в Туяхте и Башадаре, привели к открытиям мирового значения. Средоточием первоклассных по своему значению памятников явилась и соседняя с Алтаем Тува: среди прочих комплексов здесь были обнаружены и раскопаны непотревоженные могильники Саглы-Бажи II и Казылган. Замечательной сохранности вещей из дерева, кожи, войлока, тканей на Алтае и в Туве способствовала подкурганная мерзлота, на тысячелетия сковавшая древние усыпальницы.[1]

Радиоуглеродный анализ дерева из пазырыкских курганов подтвердил датировку их скифским временем (пятый Пазырыкский курган — 2240 ± 50, второй Пазырыкский курган — 2350 ± 140 лет). Окончательно «скифская» датировка пазырыкских курганов была подтверждена раскопками неграбленых саглынских курганов Тувы, где произведения пазырыкского искусства были найдены вместе с многочисленным инвентарем скифского времени.

[1] О ранних кочевниках скифского времени Алтая и Тувы см.: М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950; С. И. Руденко. 1) Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953; 2) Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960; А. Д. Грач. Могильник Саглы-Бажи II и проблемы археологии Тувы скифского времени. «Советская археология», 1967, № 3; С. И. Вайнштейн. Памятники казылганской культуры. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. II, М.—Л., 1966; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). «Вестник Московского государственного университета», серия историческая, № 4, 1958.

В целом культуру скифского времени на Алтае можно назвать пазырыкской по наиболее ярким ее памятникам в Пазырыке.

Племена пазырыкской культуры расселялись в пределах широкого ареала, охватывавшего территории Алтая, Тувы и ряда других областей Центральной Азии и Восточного Казахстана.

Судя по материалам курганов пазырыкского времени на Алтае и в Туве, основой хозяйственной деятельности пазырыкских племен было кочевое скотоводство. Основу поголовья домашнего скота у пазырыкцев составляли овцы. Разводились породы мясных овец — жирнохвостых или курдючных. Именно тогда получили широкое распространение столь характерные впоследствии для стад позднейших кочевников Центральной Азии, Южной Сибири и Средней Азии курдючные овцы. Погребальный ритуал пазырыкцев свидетельствует, что курдюк являлся одной из самых ценимых и излюбленных частей барана. Овечья шерсть шла на изготовление тканей. Из нее валяли кошмы.

Разводился и крупный рогатый скот. Кости коровы обнаружены при раскопках в Туве. Была широко распространена молочная пища.

Наконец, третьим важнейшим компонентом пазырыкского скотоводства являлась, конечно, лошадь местной пазырыкской породы, которая существенно отличалась от современной монгольской породы лошадей.

Земледелием, по-видимому, занимались если не сами пазырыкцы, то во всяком случае подчиненные им племена. В Центральной Туве в кургане скифского времени были найдены жернова. В Саглы один из погребенных в камерах-срубах оказался обильно засыпанным просом. Дорогих коней, принадлежавших вождям, кормили зерном.

Большую роль в жизни пазырыкских племен играла и охота. Судя по охотничьим амулетам в курганных усыпальницах — клыкам медведя, кабана, кабарги, атрофированным клыкам марала, а также изображениям зверей, охотились на горного козла, горного барана, марала, лося, антилопу, кабана и на хищников.

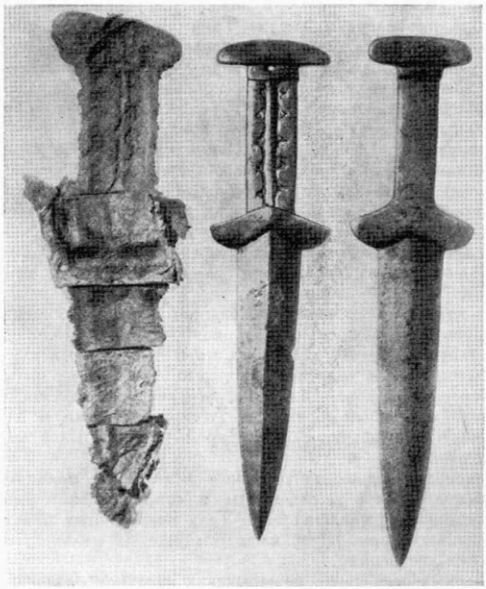
Среди петроглифов имеются изображения и таких животных, которые ныне не обитают в Туве и на Южном Алтае, — антилопы-оронго, живущей ныне в пределах Северного Тибета, дикого верблюда, обитающего ныне только в пределах Монголии, и дикой лошади, изредка попадающейся тоже только в Монголии. Как свидетельствуют петроглифы, одной из распространенных форм охоты была охота облавная и охотниками применялись ловчие ямы.

Основным видом жилищ служили для кочевников скифского времени войлочные юрты. Прутяная решетка юрты была найдена при раскопках пятого Пазырыкского кургана. Любопытно, что верх из тонких досок, образовавший крышу колесницы из этого же кургана, складывался гармошкой, так же как и стены решетчатых юрт. Существовали и бревенчатые рубленые дома. Их близкими копиями являются подземные срубы больших пазырыкских курганов Алтая и саглынских курганов Тувы. Они рублены «в угол», «с остатком». В Туве пазы срубов промазаны внизу глиной. Это спасало от зимних морозов.

Кроме верховой езды на конях, пазырыкцы пользовались повозками. В пятом Пазырыкском кургане найдены парадная четырехколесная повозка и четыре лошади, которые в нее запрягались. Верх ее имеет вид короба. Ширина повозки — около 3 м, высота — более 2.5 м. В Пазырыкских курганах обнаружены также телеги с цельными колесами. Такие телеги использовались для перевозки грузов, а запрягали в них быков.

Господствующее положение в обществе принадлежало могущественным вождям племенных объединений, похороненным в грандиозных усыпальницах типа больших пазырыкских курганов Алтая и кургана Улуг-Хорум, находящегося в одноименном урочище Саглынской долины. Соору-

жение этих усыпальниц потребовало огромных усилий, труда множества людей, огромных для своего времени материальных затрат. По подсчетам М. П. Грязнова, на сооружение первого Пазырыкского кургана потребовалось заготовить 1800 м³ камня для насыпи, около 500 бревен для монтажа камеры и перекрывавшего ее наката, вырыть могильную яму объемом в 196 м³. На это ушло не менее 2500—3000 человеко-дней. Многие ценности, обнаруженные в пазырыкских курганах, являлись приношениями людей, подчиненных умершим властителям.



Бронзовые кинжалы-акинаки. Тува, Саглы.

К племенным вождям примыкала родовая знать, аристократия, властвовавшая на более ограниченных территориях, входивших в объединение пазырыкского союза. Такие аристократы погребались в могильниках типа Саглы-Бажи II, Озен-Ала-Белиг, Казылган, меньших по размеру, не таких монументальных, как пазырыкские курганы.

Наконец, низам населения, рядовым общинникам, принадлежат курганы без инвентаря или с минимальным числом вещей. Количество таких курганов в Туве и сопредельных с нею территориях котловины великих озер Монголии огромно, и оставлены они племенами, обитавшими на этих территориях начиная с эпохи бронзы.

Войны между отдельными племенами и крупными племенными союзами велись главным образом за выгодные пастбища и сопровождались угоном больших масс скота, составлявшего главное богатство кочевых племен. Они приводили к длительным переходам обширных территорий из

рук в руки. При захвате чужих земель победители разрывали грандиозные курганные усыпальницы вождей племенных объединений и богатые захоронения родовой знати. Так, например, Пазырыкские курганы были ограблены чуть ли не сразу после их сооружения — тела погребенных не успели еще превратиться в скелеты. Грабители-чужеродцы, завладевшие этой территорией, действовали открыто и большими группами, они не пытались скрывать последствия своей работы, засыпать воронки и ликвидировать выбросы грунта. Они явно и нарочито оскверняли эти могилы. Такое осквернение могил считалось у кочевников тягчайшим оскорблением. В скифское время и позже у гуннов осквернение могил было злейшим проявлением мести. Таким именно образом отомстили ухуаньцы гуннам. Спустя много лет после понесенного ими военного разгрома ухуаньцы разрыли усыпальницы гуннских шаньюев.

Главную военную силу составляли конные воины. Характерна обстановка нерабленых захоронений в Туве: каждый мужчина, погребенный в фамильных камерах-срубах, — это воин, снабженный полным ассортиментом вооружения (чекан, кинжал-акинак, колчан со стрелами).

Соплеменники снабдили погребенных и своего рода дорожными несессерами, кожаными мешочками, проложенными изнутри войлоком, в каждом из которых хранилось бронзовое зеркало, нож с петлей, шило с деревянной оправой или оправой из фаланги животного, а иногда и человека. При погребенных лежат также охотничьи трофеи-амулеты: клыки медведя, кабана, благородного оленя, особенно в большом количестве клыки маленькой изящной антилопы — кабарги.

Одной из непременных черт погребального ритуала больших курганов Алтая являлось бальзамирование тел вождей. Столь же обязательной деталью являлась не только на Алтае, но и в Туве трепанация черепов. Обряд бальзамирования у древних пазырыкцев вовсе не являлся исключением для своего времени — известно, что секретами мумификации владели не только в древнем Египте, в Ассирии, Персии и Мидии, но и в скифском мире. У скифских племен Европы такой обычай был подробно описан Геродотом.

Могущественные вожди, погребенные некогда в больших курганах Алтая, были положены в усыпальницы в сопровождении умерщвленных женщин-наложниц или младших жен. Тела погребенных покоились в колодах — деревянных саркофагах, выдолбленных из цельных стволов могучих сибирских лиственниц.

Возле северных стен камер пазырыкских курганов располагались захоронения коней. В каждой могиле обычно находились останки от 2 до 10—14 лошадей, в зависимости от социального уровня погребенных аристократов. Пазырыкские лошади принадлежали к двум основным породам: одна местная, представленная низкорослыми выносливыми лошадьми, вторая — импортные кони, высокие, стройные, сухоногие скакуны, доставленные скорее всего из Средней Азии, где разводились прославленные лошади Парфии и Бактрианы, знаменитые «потокровные» кони. Все принесенные в жертву скакуны были убиты одним и тем же способом — метким ударом боевого чекана в висок.

Основным оружием были лук со стрелами, кинжал и чекан (клевец). Наконечники боевых стрел отливались из бронзы. Они имели три лопасти для большей устойчивости траектории полета и прикреплялись к деревянному или тростниковому древку с помощью сухожилий и клея. Имеются также наконечники стрел из кости, трехгранные в сечении. Стрелы хранились в берестяных колчанах, крытых кожей и носившихся на кожаных ремнях, снабженных бронзовыми пряжками.

Массивные бронзовые боевые кинжалы имеют форму, широко распространенную в скифском мире. Характерным их признаком является эфес,

которому придавалась крыловидная или бабочковидная форма. Кинжалы носили у пояса в деревянных составных ножнах, крытых кожей и часто украшенных аппликацией.

Грозным боевым оружием были бронзовые чеканы, массивные, насаженные на деревянные рукояти длиной до 70 см. На нижнюю часть рукояти надевался бронзовый вток, а сам чекан, носившийся, как и кинжал, у пояса, был обычно прикрыт кожаным футляром.

Защитой от оружия врага служили щиты, состоявшие из деревянных планочек, скрепленных полосками кожи.

Одним из наиболее значительных культурных достижений пазырыкских племен Алтая и Тувы явилось создание произведений искусства, выполненных в так называемом «скифо-сибирском зверином стиле». Художники Алтая и Тувы этого времени создавали свои произведения из самых разнообразных материалов — дерева и кости, рога, бронзы и золота, кожи, меха, войлока. Главное значение придавалось при этом не материалу, из которого делалось то или иное произведение искусства, а его художественной ценности. Раскопки могильника в Саглы показывают, что бережно хранились выдающиеся по мастерству исполнения предметы из рога лося и благородного оленя. Меньше ценились часто грубые по форме золотые поделки. Основное содержание этих произведений искусства — образы животных, неудержимых в беге горных козлов и баранов, благородных оленей, антилоп и косуль, тяжеловесных величественных лосей, быстроногих лошадей и различных хищников, в основном кошачьих, а также фантастических существ, например грифонов.



Изображения оленей из дерева. Алтай.

Искусство древних обитателей алтайских и тувинских гор и степей отличалось гармоничным сочетанием двух, казалось бы, противоположных особенностей — острой стилизацией и в то же время реализмом.

Центральное место в пазырыкском искусстве занимает борьба зверей — сюжетная линия, характерная для искусства скифского мира в целом. Социальные импульсы, которые побудили к созданию многочисленных изображений борьбы, — динамичность событий военного быта ранних кочевников, набеги, победы и поражения, прославление силы и беспощадности к врагу.

В ряде произведений искусства ранних кочевников Сибири (бляхи из коллекции Петра I с изображением богатырей и женщины, сидящих под деревом, и двух коней), как показал М. П. Грязнов, нашел отражение героический богатырский эпос. Это свидетельствует о том, что позднейший героический эпос тюркских и монгольских народов уходит своими корнями в эпоху ранних кочевников.

Важным источником по истории культуры племен скифского времени Тувы, Алтая, Восточного Казахстана являются петроглифы — древние наскальные изображения.[2] Первое место в Центральной Азии и Южной Сибири как по количеству, так и по разнообразию изображений занимают Овюрские комплексы Тувы — многотысячные скопления петроглифов, грандиозные святилища кочевых племен, посещавшиеся на протяжении многих столетий. Основной сюжет петроглифов — изображения диких животных и сцен охоты. Главное, что побуждало древних художников наносить на скалы эти многочисленные изображения, — стремление обеспечить максимальный успех в охоте, являвшейся одним из основных способов добывания средств к существованию.



Образцы искусства из Саглынских курганов Тувы — резные изображения горных баранов, лошадей, дзеренов, грифов (маралий рог).

Выразительными памятниками древнего искусства являются и так называемые «оленные камни» — стелы с изображениями оленей (чаще оленей, распластанных в летучем галопе) и других животных, а также предметов скифского времени. Ареал этих памятников — Тува, Монголия и Забайкалье.

В скифское время Сибирь и Центральная Азия имели широкие связи, как культурные, так несомненно экономические и политические, с отдален-

[2] А. Д. Грач. 1) Петроглифы Тувы, I. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции). Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVII, М.—Л., 1957; 2) Петроглифы Тувы, II. (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.). Там же, т. XVIII, 1958; Д. Г. Савинов. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири. (Некоторые общие вопросы изучения). «Вестник Ленинградского университета», № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, Л., 1964; Л. П. Потапов. К истории фауны Центральной Азии. (О наскальных изображениях животных в Туве). Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVII, 1957.

ными странами, с передовыми цивилизациями древнего мира. В Туву и на Алтай попадали предметы, прошедшие тысячекилометровые пути. Таковы глазчатые бусы из далеких западных земель, драгоценные шелковые ткани и бронзовое зеркало IV в. до н. э., привезенные из Китая, иранские ткани ахеменидского времени с изображениями жриц в высоких тиарах, изделия из шкуры гепарда, семена кориандра и раковины каури с берегов Индийского океана.

Одна из наиболее сенсационных находок в сокровищницах пазырыкских курганов — ковер переднеазиатской работы, древнейший из известных в мире. Такие ковры выделывались в I тыс. до н. э. в Вавилоне, Ассирии, Мидии и Персии. Они имели в античное время огромную ценность. На их приобретение Метеллий Сципион потратил 800 000 сестерций, а Нерон — еще более огромную сумму, 4 000 000 сестерций. Пазырыкский ковер имеет размеры 1.83 м × 2 м. Это ковер тонкой работы: число узлов на 1 дм^2 доходит до 3600, а на всем ковре таких узлов 1 250 000. Центральная часть — поле ковра — заполнена изображениями пятнистых оленей, затем идет пояс, покрытый орнаментальными фигурами. На предпоследнем поясе мы видим чередующиеся изображения всадников, спешившихся и едущих на жеребцах. И, наконец, окаймляющий пояс заполнен изображениями крылатых грифонов. Ковер полихромен, преобладают преимущественно мягкие тона — красный, зеленый и др.

Помимо ковра, в пятом Пазырыкском кургане были найдены переднеазиатские ткани с изображением религиозных сцен (женщин в коронах, стоящих в молитвенных позах), фигур львов и орнаментов.

Свидетельством обогащения местных кочевнических традиций являются находки двух настенных войлочных полотнищ (пятый Пазырыкский курган). Одно из этих полотнищ, сохранившееся целиком, имеет размеры 6.5 м × 4.5 м. На полотнище с помощью аппликации изображена богиня, сидящая в кресле и держащая рукой вечнорастущее дерево жизни. Перед нею — всадник на коне, по облику это типичный представитель средиземноморской расы — арменоид. На втором (фрагментарном) полотнище изображен крылатый сфинкс.

Общее сходство материальной культуры, в особенности образцов искусства, в том числе петроглифов, у племен Центральной Азии, Южной Сибири и Средней Азии в это время свидетельствует не только о связях культурного порядка. Оно сигнализирует и о движениях больших масс кочевников. Эти движения кочевых племен явились началом еще больших по масштабам событий, последовавших за скифским временем, в гунно-сарматскую эпоху и в эпоху существования древнетюркских кочевых государств.

2. ПЛЕМЕНА ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В I тыс. ДО Н. Э.

В I тыс. до н. э. в эпоху бронзы и в раннем железном веке в Приуралье и на обширных пространствах лесостепей, в лесной зоне и тундрах Западной Сибири обитали многочисленные племена, которые оставили целый ряд во многом близких, но вместе с тем своеобразных археологических культур. Это усть-полуйская культура в Нижнем Приобье, потчевашская — в тобольском Прииртышье, каменногорско-тамаюнская (сложившаяся в конце II тыс. до н. э.) и сменившие ее около середины I тыс. до н. э. исетская и иткульская — в лесном Среднем и Южном Зауралье, саргатская и гороховская — в лесостепи Прииртышья, Притоболья и Зауралья, кулайская — в нарымском Приобье, большереченская — в лесной

части Верхнего Приобья. Культуры эти обнаруживают близость к культурам позднейших угро-самоедских племен.

Исходя из этого, можно полагать, что население Прииртышья и частично Нижнего Приобья относилось тогда к праугорской ветви уральской языковой общности предков манси (вогулов) и хантов (остяков), а племена Среднего и Верхнего Приобья представляли прасамоедские этнические группы предков ненцев, селькупов, юраков. Возможно, что часть населения северной зоны тайги и арктического побережья принадлежала к пралопарским племенам, которых со временем постоянно ассимилировали угры.

Территория одной из этих культур, наиболее изученной, усть-полуйской, на севере ограничена устьем Оби, южнее ее пределы доходят до устья Иртыша, на западе в область усть-полуйской культуры входит весь бассейн Северной Сосьвы, бассейн Лозьвы и Верхней Тавды.[3] Отдельные находки известны даже из Северного Приуралья, с Печоры. Восточная граница пока неясна.

Поселения усть-полуйцев располагались на речных мысах и высоких надпойменных террасах. В ряде случаев поселения укреплялись рвом и валом. Таковы, например, Усть-Полуй и Няксимволь, Усть-Полуйское городище. Жители этих поселков вели комплексное хозяйство, основанное на рыболовстве, сухопутной охоте и зверобойном промысле. Жители Усть-Полуя охотились главным образом на дикого оленя. Об этом свидетельствует как огромное количество костных остатков северного оленя, так и то, что олений рог был поделочным материалом, из которого изготовлена подавляющая часть усть-полуйских вещей.

Надо полагать, что охота на северного оленя производилась на местах осенних переправ. Известные из Усть-Полуя длинные (около 25 см) тонкие костяные наконечники очень напоминают наконечники копий, которыми сибирские охотники бьют диких оленей во время таких поколок.

Зимой охота могла производиться «скрадом», с помощью ручного оленя-манщика, остающегося на привязи у охотника. Об этом свидетельствуют находки в Усть-Полуе остатков оленьей уздечки. Объектами охоты являлись также лось, северный олень, песец, лисица, заяц, куница, соболь, выдра, бобер и птицы. Охотились усть-полуйцы вооруженные луком сложного типа, от которого уцелели концевые пластинки из оленьего рога. Наконечники стрел были из кости и рога оленя, разнообразной формы, трехгранные или ромбические в сечении, часто с шипами, «когтистые», а также бронзовые. Имелись и гарпунные наконечники, которые могли применяться при охоте на выдру и бобра, и тупые топоры, служившие для охоты на птицу и мелких зверьков, живущих на деревьях.

Важное значение имела рыбная ловля. Так, например, в Усть-Полуе и Салехарде найдено много рыбьих костей и чешуи, а среди орудий труда имеются остроги и рыболовные крючки. Усть-полуйские остроги составлялись из трех зубцов, средний из которых был двузубым. Такая костяная острога была в прошлом у манси и хантов. Зубцы ее вставлялись в канавки в верхней лопаточковидной части древка, закреплялись смолой и обвязывались шнурком. Крючковые снасти, судя по небольшому количеству находок, были мало распространены.

Это не удивительно, так как ниже Антальского мыса Обь разбивается на бесчисленные протоки и здесь было удобно, как и теперь, ловить рыбу запорами — езами. Вероятно, были в употреблении и сети. Материалом для их изготовления, видимо, служило крапивное волокно.

---

[3] В. И. Мошинская. Археологические памятники севера Западной Сибири. Свод археологических источников, Д 3—8, М., 1965.

Крапивные стебли расщепляли заостренными лосиными и оленьими косточками, пряли волокно веретенами с пряслицами из глины и камня.

В экономике северных районов усть-полуйской культуры существенную роль играл зверобойный промысел. Обская губа богата морским зверем — нерпой и белухой, которых привлекает сюда рыба, устремляющаяся из моря в Обь. По данным И. И. Лепехина, в прошлом белухи доходили даже до Березова, до устья Северной Сосьвы.

Одежды выделывались из шкур оленей и лосей, а также из песцового меха. Из него на севере делаются опушки капюшона и в современной одежде, так как на нем не намерзает иней и он особенно хорошо охраняет лицо от стужи. Использовалась, вероятно, и рыбья кожа, из которой до недавнего времени, по указаниям Франца Белявского, изготовлялась легкая непромокаемая одежда. Шкуры обрабатывали разнообразными скребками. В большинстве усть-полуйские скребки одинаковы с орудиями, совсем недавно применявшимися обскими уграми для обработки шкур. Наряду с крупными серповидными орудиями, которые могли использоваться при первичной обработке шкур с грубой мездрой, имеется много массивных лопаточковидных орудий и Г-образных скребков, которые употреблялись при выделке беличьих и заячьих шкурок, отличающихся слабой мездрой.

С приготовлением одежды связаны проколки, а также иглы, о наличии которых свидетельствуют игольники-трубочки из длинных костей крупных птиц. Эти игольники-трубочки хорошо известны по материалам сибирской этнографии. Иглы вкладывают в полоску тонкой замши, ее протягивают через такой игольничек-трубку, который хорошо предохраняет ломкие иглы. Игольники иного рода делались из метаподия оленя, имели четырехугольное сечение и были богато украшены нарезными орнаментами. Аналогии им известны в этнографии лопарей.

Обработка шкур и волокна, изготовление одежды и ниток, так же как и гончарное производство, составляли сферу производственной деятельности женщин. Судя по этнографическим данным, обработка костей и дерева, а также металлургия были делом мужчин.

На поселениях обнаружено громадное количество железных ножей, служивших основным инструментом для обработки дерева и кости. Железо было, видимо, дорогим материалом. Об этом можно судить по изношенности усть-полуйских ножей и по тому, что костяные рукоятки ножей разламывались и из них извлекались черенки ножей. Наряду с железом применяли усть-полуйцы и бронзу. Из бронзы отливались кельты, различное оружие, а также украшения и фигурные изображения. В Усть-Полуе вскрыта раскопками бронзолитейная мастерская, в которой наряду с обломками тиглей обнаружены форма для отливки трехлопастных наконечников стрел, бракованные отливки, отлитые, но еще не законченные обработкой украшения, модели для отливки форм для украшений.

Основу питания усть-полуйцев составляли оленье мясо и рыба, немаловажную роль должны были играть также ягоды, орехи и съедобные корни. Скорее всего для выкапывания корней применялись костяные мотыговидные орудия. При еде пользовались ложками. Употреблялись ложки, изготовленные из грудных костей крупных водоплавающих птиц, вырезанные из оленьего рога, моржового или мамонтового бивня и часто украшенные скульптурными изображениями животных и птиц. Резные ложки Усть-Полуя имеют сходство с этнографическими ложками обских угров. Остяки и вогулы жидкий мясной и рыбный навар пили из чашек, а густую похлебку, заправленную ягодами или кореньями, ели ложками.

Весь облик усть-полуйской культуры свидетельствует о том, что она принадлежала оседлому населению. Наряду с наземными постройками

существовали углубленные полуземлянки. В качестве временного зимнего жилища бытовали, по всей вероятности, шалашевидные постройки, присыпанные снегом в основании, подобные тем, которые применяются охотниками субарктической полосы Сибири и Северной Америки (эскимосами). При сооружении их применялись снежные лопаты, лезвия которых найдены в Усть-Полуе.

Судя по той землянке, которая была раскопана в Салехарде, это было довольно обширное помещение, четырехугольное в плане, размером около 100 м^2, с очагом посередине и с земляными нарами, расположенными вдоль стен. Крыша опиралась на столбы, размещенные симметрично по обе стороны очага. По планировке салехардская землянка близка к современным летним жилищам обских угров, где также имеется посередине очаг, по обе стороны которого вдоль стен устроены нары. Можно полагать, что усть-полуйские жилища были близки к тем, которые в XVIII в. видел Василий Зуев.

Уже самые размеры салехардского жилища свидетельствуют о большом количестве лиц, проживавших в нем и в подобном ему доме. Надо полагать, что обитатели его — домовой коллектив, представлявший собой объединение ближайших родственников и свойственников, являлся единым хозяйственным целым и был основной хозяйственной единицей усть-полуйского общества. Наряду с жилищем имеется еще и другой источник, позволяющий составить представление о социальной структуре этого общества. Многие из вещей украшены знаками собственности — тамгами. Исследование показало, что большинство их представляет собой разновидность одного и того же знака. Это явление типично для ранних периодов разложения первобытного общества, когда из единого родового хозяйственного коллектива выделяются отдельные единицы — домовые коллективы. Тот факт, что на некоторых усть-полуйских вещах, особенно принадлежавших женщинам, имеются тамги совершенно отличных очертаний, свидетельствует о том, что женщины приходили из других родов.

Появление укрепленных городищ на севере Западной Сибири приходится на усть-полуйское время. Это свидетельствует о том, что в этот период участились военные столкновения; они были связаны, вероятно, с тем, что в руках некоторых родов накапливались крупные богатства. Должно было иметь значение и изменение в брачных нормах — переход от брака матрилокального к патрилокальному. Стремление забрать жену в род мужа встречало сопротивление со стороны ее кровных родственников, результатом чего было похищение и сопутствовавшие ему военные действия. Многочисленные примеры этого известны из фольклора обских угров. В таких условиях, естественно, получило широкое распространение оружие как наступательное, так и оборонительное. Наступательное оружие усть-полуйцев представлено секирами, клевцами, кинжалами, а также специализированными стрелами, среди наконечников которых имеются как бронзовые, так и костяные. Оборонительное вооружение составлял пластинчатый панцирь.

Искусство представлено как орнаментом, так и графикой и скульптурой. Резные изображения, плоские и объемные, обычно украшают предметы быта и утварь: рукоятки ложек, костяные рукоятки железных ножей, поясные застежки. В стилистическом отношении усть-полуйская резная кость подразделяется на две основные группы. Объемная резьба первой из этих групп выполнена в древних уральских традициях — это изображения голов зверей и птиц, ближайшие аналогии которым обнаруживаются в костяной и деревянной резьбе эпохи бронзы, известной главным образом по находкам в торфяниках Урала, Прибалтики и Финляндии. Во вторую группу входят изображения «борьбы зверей», а также геральдически противопоставленные фигуры животных и птиц.

Как в искусстве, так и во всей материальной культуре усть-полуйского времени выступают две разные струи, два ее компонента. Первый такой компонент — арктический. Таковы, например, гребни, аналогии которым имеются в археологии эскимосов и индейцев Северной Америки, или костяные игольники четырехугольного сечения, полностью совпадающие с лопарскими. Арктические элементы в усть-полуйской культуре были связаны с местным ее компонентом. Этот последний в основе своей был уральского происхождения, и появление его на севере было результатом широкого расселения уральских племен в эпоху неолита и бронзы.

Второй компонент усть-полуйской культуры — степной по его истокам. Это бронзовые котлы, от них происходят глиняные сосуды на поддонах, пластинчатые доспехи, сходные с теми, которые известны в соседних степных и лесостепных районах, например с бронзовыми латами из Потчеваша и костяными из Кокоиовских и других курганов Среднего Прииртышья и Зауралья. О тех же связях свидетельствует искусство. Это угловато-линейный орнамент, известный в Сибири еще с эпохи бронзы по орнаментации андроновской керамики. В Усть-Полуе он использовался для украшения костяных вещей. Позднее он распространился на керамику и длительно существовал на всей территории, занятой угорскими племенами. Орнамент этого типа в усть-полуйское время известен на Среднем Иртыше, где мы его знаем по украшениям металлических изделий. В усть-полуйской пластинке к чертам южного происхождения относятся сюжеты — «борьба зверей» (известен по резьбе на кости) и «свернувшиеся звери» (в бронзовом литье и гравированных изображениях на металлических бляхах).

С появлением южан связывается и распространение на обском севере в I тыс. до н. э. железа. Железо и металлургия меди и бронзы позволили носителям этой культуры далеко опередить всех своих соседей и современников в приполярной зоне.

Во многом близкой усть-полуйской была потчевашская культура, названная так по крупному комплексу памятников, известных на м. Потчеваш близ г. Тобольска, в устье р. Тобола. На юге эта культура простиралась вверх по Иртышу до низовьев Вагая и Ишима и в районе Тары и Саргатки соседствовала с саргатской культурой.

Экономика потчевашцев была комплексной, она включала наряду с охотой и рыболовством скотоводство и мотыжное земледелие. На потчевашских поселениях имеются массивные роговые мотыги с сильно заполированным рабочим краем. Эти орудия могли использоваться при возделывании почвы. В курганах обнаружены зерна ячменя.

Однако не земледелие играло основную роль в хозяйстве. Обильные находки рыбьих костей и чешуи в культурных наслоениях поселения показывают, что основным продуктом питания служила рыба. В качестве транспортного животного потчевашцы использовали лошадь. Об этом свидетельствуют находки в курганах конской сбруи и многочисленные изображения коней, вылепленных из глины, а также фигура всадника в седле.

Население лесостепного Зауралья и Западной Сибири во второй половине I тыс. до н. э. и в первых веках нашей эры делилось на три родственные этнические группы, которым соответствуют археологические культуры — гороховская, саргатская и барабинская. Племена гороховской культуры локализовались в лесостепном Зауралье, в бассейнах рек Исети и Миасса. Саргатские племена населяли Ишимскую и западную часть Барабинской лесостепи.

Ряд исследователей отождествляет эти племена с исседонами Геродота (V в. до н. э.), соседями савроматов.

Саргатское и гороховское население проживало в укрепленных поселениях — городищах и незащищенных селищах, большое количество которых выявлено в низовьях рек Исети, Миасса, Синары, по среднему течению Тобола, севернее г. Кургана. Городища были укреплены одним или несколькими валами, на гребне которых, а иногда и вокруг всей жилой площадки городища устраивался деревянный частокол. Жилищами служили прямоугольные полуземлянки, углубленные в землю на 0.5—1 м, соединенные между собой переходами. В центре жилища на глинобитном возвышении располагался очаг. Полуземлянки были одно- и двухкамерные. В последних первая камера, меньшая по величине, предназначалась для хранения различной домашней утвари и хозяйственного инвентаря. Вторая камера площадью до 100 м^2 легкими перегородками разделялась на ряд мелких помещений, предназначенных для проживания отдельных брачных пар.

Основным занятием населения было полуоседлое (не кочевое) скотоводство, развитию которого благоприятствовало обилие хороших пастбищ в лесостепи и речных долинах. Около половины состава стада составляли лошади. Кроме них, разводили крупный и мелкий рогатый скот. Находки удил в погребениях свидетельствуют об использовании лошади в качестве транспортного животного. Судя по находкам в городище Чудаки (в Курганской области), в лесостепи разводили крупных скакунов в отличие от мелких лошадей, составлявших основу стада лесных племен.[4]

Кроме скотоводства, население западносибирской лесостепи занималось земледелием. Для размола зерна использовались зернотерки, одна из которых найдена в землянке городища Чудаки. В северной части лесостепи немаловажное значение имели охота и рыболовство. Охота на крупных зверей — лося, косулю и др. являлась дополнительным источником мясной пищи. Шкурки пушных зверей употреблялись на шитье одежды и, кроме того, шли на обмен с южными племенами. Напротив, в южной части лесостепи охота и рыболовство играли незначительную роль в хозяйстве. Изучение остеологического материала с городища Чудаки показало, что только 1.4% костей принадлежало диким животным — лосю, косуле, кабану, бобру, сурку, лисице.[5] Ведущее значение в создании материальных благ здесь имело производящее хозяйство и в первую очередь скотоводство.

Население лесостепи Зауралья и Западной Сибири было знакомо с прядением и ткачеством. Часто пряслицы делались из стенок глиняных сосудов, причем преимущество отдавалось прочным фрагментам импортной среднеазиатской гончарной посуды.

Среди сосудов преобладали горшки лепной техники, шаровидной и яйцевидной формы, с отогнутым или почти прямым венчиком и суженной шейкой. Плечики и шейки сосудов украшались нарезным орнаментом в виде елочки, наклонных насечек, вписанных треугольников в сочетании с наколами концом палочки. В Прииртышье, помимо круглодонных горшков, изготовлялись небольшие плоскодонные сосуды баночной формы. Распространение этого типа сосудов в восточных районах расселения саргатских племен объясняется влиянием барабинских племен верховьев р. Оми, в быту которых употреблялась плоскодонная посуда.[6] К числу домашних производств относилась также обработка кости и рога. Этот материал шел на изготовление наконечников стрел, концевых накладок лука, пластин для панцирей воинов и других предметов.

---

[4] К. В. Сальников. Древнейшее население Челябинской области. Челябинск, 1948, стр. 43.

[5] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 108.

[6] Отчет имп. Археологической комиссии за 1894 год. СПб., 1896, рис. 220—221.

К числу важнейших занятий относилась металлургия. Из бронзы отливались трехлопастные втульчатые наконечники стрел, довольно крупные, специфичные для лесостепи, которые в литературе получили название «ключевских», а также мелкие бронзовые наконечники типа бытовавших у кочевников — сармат. Кроме того, изготовлялись различные украшения и другие предметы. Плавка металла производилась в глиняных тиглях. Литейные формы делались из глины и талька. Обработкой железа занимались сравнительно немногочисленные кузнецы-металлурги.

Война занимала большое место в жизни лесостепных племен Западной Сибири. Частые военные стычки были обусловлены стремлением обогатиться за счет грабежа соседей. Судя по инвентарю погребений, каждый взрослый мужчина являлся воином, готовым к нападению или отражению вторгшегося неприятеля. Литые бронзовые изображения таких воинов происходят из клада близ дер. Сапоговой Буринского района Челябинской обл. В состав оружия каждого воина входили длинный меч, короткий кинжал с серповидным навершием, носившийся на правом боку, конец ножен которого привязывали к бедру, а также колчан с луком и стрелами, привешенный с левой стороны, сзади. Аналогичный способ укрепления ножен кинжала применялся обскими уграми вплоть до недавнего времени. Лук саргатских племен имел на концах роговые накладки с вырезами для закрепления тетивы. Боевыми были черешковые железные наконечники стрел трехлопастной формы. Для охоты предназначались костяные черешковые наконечники стрел или трехгранные, втульчатые, подражающие по форме бронзовым.

Обитатели западносибирской лесостепи находились в разнообразных связях с соседями. Весьма тесными были эти связи с лесными племенами Урала и Прииртышья. Племена горного Урала снабжали лесостепное население медью и изделиями из нее. На уральских городищах найдены формы для отливки наконечников стрел скифского типа, широко распространенных у лесостепных племен. Население лесостепи и само широко проникало в горные районы Урала с целью добычи руды и выплавки металла. Это документируется находками фрагментов гороховской керамики на лесных уральских городищах и высоких, отдельно стоящих скалах, где велась выплавка металла, сопровождаемая жертвоприношениями, необходимыми, по существовавшим поверьям, для успеха в сложном металлургическом производстве.

Существенно иными по характеру были связи с южанами — степняками. В результате военных походов и обменно-торговых связей в обиход саргатских и гороховских племен вошли оружие и украшения сарматских форм: мечи с серповидными и когтевидными навершиями, бронзовые и железные наконечники стрел, крючки для подвешивания колчанов, бронзовые зеркала, бусы и другие вещи. Проникали сюда через степняков и такие вещи, которые происходят из еще более далеких стран. Обнаруженное в составе Истяцкого клада III—II вв. до н. э. среди местных литых и зоо- и антропоморфных фигурок бронзовое изображение Дианы было доставлено в лесное Прииртышье из Средней Азии через казахстанские и западносибирские степи. В Барабинской лесостепи (курганы у устья р. Тартаса) и в Зауралье (курган у пос. Першино, в окрестностях Челябинска) найдены бронзовые застежки-фибулы римского производства I и III вв. н. э.

Не менее интересен с этой стороны сложный лук лесостепи. Подобные луки были известны сарматам, а также применялись далеко на востоке, в степях Забайкалья, кочевниками гуннами.

В VII—VI вв. до н. э. лесная зона Верхнего Приобья и Притомья от Алтая на юге и до Томска на севере была занята оседлыми племенами

большереченской культуры. Они делились на две группы — южную и северную.

Наиболее хорошо изучен образ жизни южной группы большереченских племен благодаря исследованиям М. П. Грязновым комплекса памятников в урочище Ближние Елбаны, у с. Большой Речки на Верхней Оби.[7]

Уже в VII—VI вв. до н. э. население жило в укрепленных местах, в родовых поселениях, в полуземляночных жилищах прямоугольной формы, с открытым очагом, располагавшимся в середине жилища. Хозяйство большереченского населения было комплексным. Основными отраслями его являлись пастушеское скотоводство и примитивное мотыжное земледелие. Из домашних животных разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Мясо лошади употреблялось в пищу, использовалась она и в качестве транспортного животного, на что указывают находки роговых псалий. Мотыжное земледелие давало небольшое количество зерна, размол его производился на каменных зернотерках, части которых найдены в полуземлянках.

Серьезным подспорьем в хозяйстве были рыболовство и охота. Орудием охоты служил лук. Костяные наконечники стрел в большом количестве найдены на большереченских поселениях. Охотились на лося, медведя, косулю, марала, мясо которых шло в пищу. Практиковалась и охота на пушных зверей: бобра, зайца, соболя и других, шкурки которых шли для шитья одежды, а возможно, и на обмен с соседними степными племенами.

О занятиях металлургией свидетельствуют находки каменных и глиняных литейных форм на поселениях Притомья и Верхнего Приобья, а также своеобразный тип пластинчатых бронзовых ножей, изготовлявшихся большереченскими племенами. Как и у тагарских племен Минусинской котловины, в VII—V вв. до н. э. у верхнеобского населения господствовали медные орудия. В V—III вв. до н. э. наряду с бронзой для изготовления ножей, кинжалов, чеканов стало использоваться железо. С III—II вв. до н. э. железо полностью заменяет бронзу при изготовлении оружия и орудий труда у племен Верхнего Приобья.

К числу домашних производств относились обработка кости и рога, гончарство, прядение и ткачество. Из кости и рога делались наконечники стрел, трепала для пряжи, гребни, рукоятки ножей и другие предметы. Глиняная посуда лепилась от руки двумя способами: ленточным налепом и выдавлением горшка из целого куска глины. Первый способ применялся при выделке плоскодонной посуды, второй — при изготовлении круглодонных небольших чаш.

Большереченские племена выделывали ткани из шерсти и растительного волокна. При прядении использовались глиняные пряслица, украшенные резным орнаментом.

В целом хозяйство было натуральным. Оно было призвано обеспечивать в возможной степени все потребности общества. С небольшими изменениями такой тип хозяйства сохранялся у лесных племен Верхнего Приобья до конца I тыс. н. э.

На основании различия форм керамики, металлического инвентаря и характера погребального обряда М. П. Грязнов выделяет три этапа развития большереченской культуры: собственно большереченский — VII—VI вв., бийский — V—III вв. и березовский — II—I вв. до н. э. В VII—VI вв. до н. э. жизнь лесных племен томского и Верхнего Приобья была довольно стабильной. Их культура самобытна, в ней почти отсутствуют элементы, говорящие о проникновении на территорию большереченского населения иноплеменников. В дальнейшем это положение несколько ме-

[7] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 48, М.—Л., 1956.

няется: в V—III вв. до н. э. происходит проникновение тагарского населения в среду большереченских племен. Об этом свидетельствуют широко распространенная на большереченских поселениях керамика баночных форм, очень слабо орнаментированная вдоль венчика ямками или выпуклостями, а также многочисленные находки тагарских металлических вещей — оружия, бронзовых зеркал с фигурками архаров на ручке, предметов «звериного стиля» и украшений. Население Верхнего Приобья в этот период начинает отливать бронзовые однопетельные ножи.

Продвижение тагарских племен на запад фиксируется и распространением тагарских курганов, которые обнаружены в междуречье Чулыма и Томи и даже на левом берегу последней.[8]

Появление тагарских племен в Притомье и Верхнем Приобье не привело к смене населения этих районов. Напротив, пришельцы были ассимилированы местными лесными племенами. Более существенное воздействие на племена Верхнего Приобья оказали вторжения во II—I вв. до н. э. кочевых племен из Кулундинской степи. В результате их проникновения население Верхнего Приобья в конце I тыс. до н. э. становится смешанным.

Среднее Приобье, от низовьев р. Томи до устья р. Тыма, в I тыс. до н. э. занимали племена кулайской культуры, названной так по месту находки характерных для нее вещей на горе Кулайке, у с. Подгорного на р. Чае. Основные кулайские памятники, жертвенные места, концентрируются на нарымском левобережье Оби. На западе, по водоразделу Оби и Иртыша, кулайские племена граничили с племенами потчевашской культуры. Восточная граница расселения кулайцев пока не выяснена. На юго-востоке кулайские племена известны на Среднем Чулыме. Возможно, что они распространялись почти до Енисея, где кулайские племена соседствовали с тагарским населением.

Характерными вещами кулайской культуры являются бронзовые, довольно массивные, ажурные изображения, передающие облик натуры в стилизованном виде.[9] Отлитые в односторонних глиняных или земляных формах, они не подвергались дополнительной обработке после литья, отчего внешняя поверхность их шероховата. Изображались представители местной фауны: лось, олень, медведь, волк, птицы. Изредка встречаются композиции из нескольких фигур, а также фигурки с несколькими головами. Для антропоморфных предметов типична передача рта, носа и глаз рельефными округлыми или подпрямоугольными валиками. Как правило, ребра, а также «линия жизни» и внутренние органы изображались в виде ромба и валиков на груди.

Большинство изображений кулайского типа найдено в комплексах жертвенных мест.

Серия довольно массивных изделий из меди и бронзы свидетельствуют о том, что медь выплавляли в значительном количестве. Кулайские металлурги изготовляли своеобразные крупные, длиной до 10 см, трехлопастные наконечники стрел с шипами и открытой втулкой. Употребление стрел с такими наконечниками указывает на бытование у кулайских племен большого, тяжелого лука, отличавшегося от легкого лука номадов лесостепи и степи. При охоте на крупного зверя, а возможно, и во время жертвоприношений использовались массивные двух- и трехлопастные наконечники копий с длинной втулкой.[10] К предметам вооружения относились также

---

[8] А. И. Мартынов. О культуре II—I тыс. до н. э. в междуречье Оби и Чулыма. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 297.

[9] И. Мягков. 1) Находка на горе Кулайке. «Труды Томского краевого музея, т. I. Томск, 1927, стр. 67; 2) Древности Нарымского края. Там же, т. II, 1929; Р. А. Ушков. Кривошеинский клад. Там же, т. V, 1956, табл. I—II.

[10] В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 35, 1953, рис. 1.

бронзовые и аналогичные им по форме железные клевцы. Часть из ни имеет у основания бойка схематичное изображение лосиной головы, чт говорит о местном производстве вещей этого типа. Железные вещи подра жают по форме бронзовым образцам.

Кулайские племена поддерживали оживленные связи с соседями. Оби лие меди создавало предпосылки для широкого распространения веще кулайского типа, в частности наконечников стрел. Кулайские наконечник стрел были в быту лесного и лесостепного населения на огромном пр странстве от Прибайкалья до Приуралья.

Связи с населением Минусинской котловины документируются бронз выми котлами скифо-тагарского типа, которые использовались кулайцам как в культовых целях, так, вероятно, и в домашнем обиходе. Связи с пл менами Прикамья известны благодаря находкам в кулайских памятник пьяноборских ажурных и штампованных поясных накладов.

3. ГУННЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

В конце I тыс. до н. э. в степях Монголии и Забайкалья плиточны могилы внезапно исчезают и сменяются новыми памятниками — гуннским Памятники эти впервые открыл в конце XIX в. в Забайкалье и правильн определил их этническую принадлежность Ю. Д. Талько-Грынцеви «Не суть ли похороненные в срубах те из тюркских племен, которые в с редине III в. до р. х. сплотились в одно могущественное государств Хун-Ну?» — писал он по поводу раскопок в Ильмовой пади и други местах.[11]

Жизнь гуннов выразительно описана их современником Сыма цяно Самой характерной чертой гуннской жизни является, по описанию Сым цяна, скотоводство и притом кочевое, с постоянной переменой мест «Обитая за северными пределами Китая, они переходят со своим ското с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошаде крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лош ков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотр по приволью в траве и воде... Начиная с владетелей, все питаются мясо домашнего скота, одеваются его кожами, прикрываются шерстяным и м ховым одеянием».[12]

Письменные источники сообщают, что гунны употребляли в пищу сы и молоко, служившие, очевидно, основой питания всех кочевников позднег шего времени. Сведения о том, что основой экономики гуннов было скот водство, находят подтверждение в археологическом материале. Из 20 м гил Ильмовой пади, в которых обнаружены кости животных, кости домаш него быка содержались в 19 могилах, барана — в 13, козы — в 8, собак - в 3, кости благородного оленя — только в 2 могилах.

Один из бычьих черепов оказался близким к черепам помесей межд домашним быком и яком. О том, что гунны наряду с обычной местно породой быков разводили также яков и гибридов между той и друго породами, свидетельствует также ряд изображений яков и головы яка н некоторых изделиях из Ноин-Улы и из Дурен.[13]

---

[11] Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ил мовой пади. «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Ру ского географического общества», т. 1, вып. I, 1898, стр. 7—8.

[12] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Аз в древние времена, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 39—40.

[13] Г. П. Сосновский. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикой. «Кра кие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XIV, 1947, стр. 3

Кости лошади встречаются в могилах сравнительно редко, зато довольно часты остатки конской сбруи: удила, псалии. Кроме того, на различных предметах имеются изображения лошадей. Верхом ездили все. Железные конские удила обнаружены не только в мужских, но и в женских и детских захоронениях. Лошадей, вероятно, использовали не только для верховой езды, но также как тягловых животных, запрягая их в телеги. Таким же образом использовались и быки.

Охота и рыболовство имели в хозяйстве гуннов вспомогательное значение, что также согласуется с данными Сыма Цяня: «...во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотою и тем пропитываются».[14] Из костей диких животных в гуннских захоронениях и на стоянках Забайкалья обнаружены кости кабана, антилопы, кулана, дикого оленя, горного барана, косули, зайца и лисицы.

В стране гуннов существовало и земледелие, хотя основная масса их была скотоводами. В письменных источниках, например, говорится: «...в северных землях стужа рано наступает, и хотя неудобно сеять просо, но в земле гуннов сеяли». Там же приводится сообщение о том, что однажды в результате очень холодной зимы были падежи скота, эпидемия среди людей и «хлеб на полях не созрел».[15]

Археологический материал подтверждает эти свидетельства. Еще в 1928—1929 гг. при раскопках могильника у Ильмовой пади Г. П. Сосновскому удалось найти в захоронении зерна проса. В дальнейшем еще более убедительные доказательства земледелия у гуннов обнаружены при раскопках Нижне-Иволгинского городища. Здесь найдены не только зерна проса, но также ряд земледельческих орудий: чугунный сошник, железный серп и, кроме того, каменные зернотерки, а также ямы для хранения зерна. Оказалось, что сошники, подобные найденному в городище, имеются также и среди случайных находок на выдувах в районе Дурен. Найдена также глиняная форма для отливки сошников.

Наряду с данными о земледелии археологические материалы Забайкалья дают также ряд свидетельств о наличии у гуннов обработки меди и бронзы на основе использования местных месторождений медных и железных руд.

В Нижне-Иволгинском городище обнаружены хорошо сохранившийся сыродутный горн для выплавки железа, обломки криц, шлаки. Частые находки сошников и литейных форм для сошника также говорят о местном производстве. На Нижне-Иволгинском городище найдены куски бронзового шлака, свидетельствующие о том, что здесь изготовлялись также бронзовые изделия. Можно предполагать поэтому, что Нижне-Иволгинское поселение было гуннским ремесленным центром Забайкалья того времени.

Помимо обработки железа и бронзы, следует отметить гончарное дело, которое тоже получило широкое развитие. На гуннских стоянках, равно как и в погребениях, встречаются сосуды различных размеров и типов: большие — высотой более чем в метр — сосуды для хранения продуктов, котлы и горшки для приготовления пищи, низкие глиняные сосуды, заменявшие миски. Вся эта посуда хорошего качества, изготовлена на гончарном кругу, лощеная, украшена орнаментом. Наиболее характерные орнаментальные мотивы — волнистые линии, сетка из линий и накладной валик.

Косвенным доказательством некоторой оседлости по крайней мере части гуннов служит также обряд захоронения в срубах. Он показывает, что гуннам Монголии и Забайкалья знакомо искусство сооружения деревянных строений. Эти срубы могут дать представление о жилищах. Характерно, что даже в рядовых забайкальских погребениях бревна срубов и доски, из

[14] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 40.
[15] Там же, стр. 76.

которых сколочены гробы, хорошо обтесаны и подогнаны. В ноин-улинскнх же погребальных камерах потолки подперты деревянными колоннами с базами и капителями.

Остатки постоянных зимних жилищ оседлой части гуннов найдены на Нижне-Иволгинском городище и в районе Дурен. Это полуземлянки с земляным полом. Стены глинобитные или из сырцового кирпича и изнутри обмазаны глиной, перемешанной с нарубленной соломой. Вдоль стен для их укрепления шли деревянные столбы. Кровля состояла из балок и плах, покрытых сверху берестой и дерном.

Что касается внутреннего устройства жилищ на Нижне-Иволгинском городище, то здесь следует отметить своеобразную, характерную для суровых зим систему отопления. Дым из очага проходил через специальные проложенные горизонтально внизу у стен дымоходы и таким образом использовался для обогревания, прежде чем выйти через вертикальный дымоход наружу. Над дымоходом сооружались лежанки или нары, которые обогревались снизу.

В большей своей части гунны-кочевники жили, по-видимому, в войлочных юртах. В погребениях Ноин-Улы открыто много остатков ковров местного производства, в том числе войлочных. Ковры украшены изображениями сражающихся зверей и фантастических животных. Ковры были обычным убранством юрт, особенно у знати.

Археологический материал дает возможность представить некоторые другие особенности быта гуннов. Одежда рядовых гуннов изготовлялась из кожи и мехов, а также из грубых шерстяных тканей. Остатки таких тканей найдены в погребениях. Находки глиняных пряслиц (например, на Нижне-Иволгинском городище) свидетельствуют о прядении. Простые шерстяные ткани и войлок изготовлялись и окрашивались на месте. Но более состоятельные гунны не удовлетворялись этим и одевались в одежду из дорогих привозных тканей, шерстяных, шелковых или хлопчатобумажных, разных цветов и нередко искусно расшитых. Такими же роскошными тканями обивался и гроб богатого покойника.

Одежда гуннов состояла из кафтана или халата и штанов. Зимняя теплая одежда шилась на войлочной подкладке или подбивалась ватой или мехом. Халат подпоясывался широким поясом из материи или кожи. Богатые гунны украшали пояс золотыми, серебряными и бронзовыми бляхами и пряжками.[16]

Гунны исключительно большое внимание уделяли войне, оружию и воинским упражнениям. Источники сообщают: «...в крайности каждый занимается воинскими упражнениями... Оружие дальнего боя есть лук со стрелами, ближнего — меч и копье... Могущие владеть луком все вступают в латную конницу».[17] Конница — главный род войск у гуннов. Соответственно строилась и военная тактика. Она характеризуется следующим образом: «При удаче идут вперед, при неудаче отступают и бегство не поставляют в стыд себе».[18] «Искусно заманивают неприятеля, чтобы обхватить его... Завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц, а когда бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеиваются».[19]

Гунны умели воевать не только летучим строем. Они строили мосты и наводили переправы; укрепляли свои поселения рвами и валами, как это было, например, в случае с Нижне-Иволгинским городищем.

---

[16] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926, стр. 88; С. И. Руденко. Культура гуннов и Ноин-Улинские курганы. М.—Л., 1962, стр. 38—48.

[17] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 40.

[18] Там же.

[19] Там же, стр. 50.

Раскопки в Забайкалье и Монголии обнаружили все упомянутые в источниках виды оружия гуннов. Боевой лук был составным, с костяными и роговыми накладками, придававшими ему большую прочность и упругость. В длину он достигал до 1.5 м и был, по-видимому, большой пробойной силы. Стрелы употреблялись как с костяными наконечниками, так и с металлическими — железными. реже с бронзовыми. Железные и бронзовые наконечники стрел были по большей части трехлопастные и с черенками.[20] Нередко встречаются при раскопках так называемые «свистунки» — костяные просверленные шарики, прикреплявшиеся к наконечнику стрелы у места насадки и издававшие в полете устрашающий свист. Лук вкладывали в особый футляр и носили слева, стрелы находились в колчане за спиною справа.

В гуннском обществе были сильны черты патриархально-родовых отношений. В записках Сымацяна указывается, что «по смерти отца и братьев берут за себя жен их из опасности, чтобы не пресекся род».[21] Этот обычай, так называемый «левират», характерен для родового строя; цель его — сохранить в роде потомство и имущество. Семья у гуннов была патриархальной. Но женщины не были в приниженном состоянии.[22]

Отпечаток родового строя лежит и на внутренней организации гуннского общества. По сведениям письменных источников, гунны делились на 24 рода. Во главе родов стояли «начальники поколений», т. е. родовые старейшины. Сохранялись и такие органы родового строя, как совет старейшин и даже народное собрание. Источник сообщает, например, что «у гуннов было обыкновение три раза в году собираться в Лунци, где в первой, пятой и девятой луне, в день под названием „сюй" приносили жертву духу неба... на сих собраниях начальники поколений рассуждали о государственных делах, забавлялись конской скачкой и бегом верблюдов».[23]

Иногда совет старейшин собирался экстраординарно, чтобы решить какой-нибудь важный вопрос, например о войне и мире, или утвердить преемника умершему шаньюю.

При всем том родовой строй уже дал трещины и в недрах его созрели черты новых общественных отношений. В основе этого процесса разложения лежало развитие производства и производственных отношений.

Одной из причин, вызвавших разложение древних родовых отношений, явилось распространение обмена. Прямым свидетельством этого процесса являются археологические находки. Ювелирные изделия из золота и серебра, парча и шелковые ткани, остатки которых археологи обнаружили не только в гробницах гуннских шаньюев в Монголии, но и во многих забайкальских захоронениях, — все это несомненно говорит о возросших бытовых потребностях и о распространении привычки к роскоши среди представителей верхушки гуннского общества. Известно, что гунны «полюбили китайские шелковые ткани, хлопчатку и разные снедные вещи»,[24] среди которых на первом месте стояли рис и вино. Интересно в связи с этим, что не только в ноин-улинских курганах, но и в Забайкалье найдены костяные палочки, с помощью которых едят вареный рис.

Эти вещи попадали к гуннам различными путями. В источниках упоминаются «дары» — замаскированная форма дани, которой ханьское правительство пыталось купить у гуннских шаньюев мирную передышку. Китайские императоры пробовали «приручить» отдельных представителей гун-

---

[20] Г. П. Сосновский. Раскопки в Ильмовой пади. «Советская археология», т. VIII, 1946, стр. 62—63.
[21] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 58.
[22] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, стр. 87.
[23] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 119.
[24] Там же, стр. 57.

нской знати, наделяя их, например, почетными титулами и знаками отличия вроде парадной одежды, церемониальных зонтов, печатей с присовокуплением опять-таки определенных «даров». Но такие подарки, во-первых, носили случайных характер. Во-вторых, они доставались в основном шаньюю и его ближайшему окружению.

Регулярное удовлетворение новых потребностей гуннского общества могло быть осуществлено только путем налаженной торговли с соседями. Так же как и китайцы, гунны несомненно были заинтересованы в этой торговле, в связи с чем китайские правители неоднократно открывали в пограничных районах особые пункты, или рынки, куда съезжались кочевники и в обмен на продукты скотоводства и на меха «много брали китайских произведений».[25] При этом летописец не забывает упомянуть, что это делалось «в угождение гуннам».

Понятно, что торговля могла происходить регулярно только в мирное время, а периоды затишья были слишком редким явлением в отношениях между гуннами и их соседями. В этих условиях ни внешняя, ни внутренняя торговля не могли получить сколько-нибудь значительного развития. Тем большую роль в экономике гуннов стали играть войны.

Основным мотивом военных предприятий гуннов была корысть. «Кто в сражении отрубит голову неприятелю, тот в награду получает кубок вина и ему же предоставляется полученное в добыче. Пленные, и мужчины и женщины, поступают в неволю, а посему в сражениях каждый воодушевляется корыстью».[26]

Гуннские набеги сопровождались грабежом, уводом в плен и рабство людей, угоном скота, захватом имущества. Лучшая и большая часть военной добычи доставалась, естественно, социальной верхушке гуннов. Таким образом, развитие обмена и грабительские набеги усиливали имущественную дифференциацию внутри гуннского общества.

Материалы Ноин-Улы рисуют богатство и могущество гуннской знати. Все, что было положено в эти могилы и от чего археологам достались лишь жалкие остатки — обрывки роскошных ковров и тканей, парчи и шелка, обломки золотых изделий, — составляло, конечно, лишь малую долю имущества, которым покойники владели при жизни. Раскопки в Забайкалье свидетельствуют о том, что имущественная дифференциация у гуннов проникла глубже, в более широкие слои населения. Если одни могилы содержат и притом в небольшом количестве только вещи из железа, кости и обычную глиняную посуду, то в других встречаются украшения из золота, остатки шелковых тканей, китайские монеты, золотые или позолоченные, бронзовые пластинки с изображением зверей.

В гуннском обществе имелись и рабы. Письменные источники нередко упоминают об обращении в рабство военнопленных и населения подвластных областей. В некоторых случаях гунны даже покупали рабов у соседних племен. Существовало у гуннов и долговое рабство, а за некоторые виды преступлений (например, за кражу) обращались в рабство члены семьи преступника. Рабы использовались в домашнем хозяйстве в качестве прислуги, а также в производстве, пастухами при стадах, ремесленниками, землепашцами.

В гуннском обществе постепенно складывалась новая форма власти, которая несла на себе вполне определенную печать государственности. Во главе гуннского общества стоял верховный вождь — шаньюй. Шаньюй обладал всей полнотой власти, и эта власть стала единоличной и наследственной. Обычно шаньюй завещал свой престол старшему сыну, или младшему брату, или другому члену семьи. Совет старейшин утверждал

---

[25] Там же, стр. 63.
[26] Там же, стр. 56.

нового правителя, но шаньюй и правящая клика могли обойтись и без этой санкции.[27] Шаньюй вовсе не считал себя обязанным выполнять решение совета старейшин. Нередко, выслушав мнение совета, он поступал наоборот. Зато старейшины за несогласие с шаньюем нередко платились головами. Пример показал Модэ, который, «убив Туманя, предал смерти мачеху и младшего брата и старейшин, не хотевших повиноваться ему, и объявил себя шаньюем».[28]

Шаньюю подчинялся достаточно сложный административный аппарат. Письменные источники сообщают, что уже при Модэ у гуннов существовала система «государственных чинов».

Высшие государственные должности занимали члены царствующего дома. Вместе с должностью каждый получал в управление удел, значительность которого соответствовала степени его родства с царствующим домом.

Кроме членов шаньюйского рода (этот род назывался «Силуаньди»), привилегированное положение занимали еще три рода, «знаменитые дома»: Хуянь, Лань и Сюйбу, связанные с домом шаньюя брачными отношениями — по обычаю шаньюи брали себе из этих родов жен.

Следовательно, высшие чины и должности гуннской державы были в сущности наследственной привилегией небольшого числа «знаменитых домов». «Вельможи вообще суть наследственные сановники».

В источниках есть и немногочисленные, но исключительно ценные сведения о налогах как форме эксплуатации гуннских низов господствующей социальной прослойкой.

При Лаошане, преемнике Модэ, по предложению его личного советника Чжунхина Юе в гуннской державе был проведен кадастр — всеобщая перепись населения, скота и имущества, на основании чего провели обложение подвластного шаньюю населения налогами. Советник Юе «научил шаньюевых приближенных завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество».[29]

У гуннов своего письма не было. Новая обстановка властно потребовала введения письменности: она нужна была для дипломатических нужд, для административно-фискальных целей, и приближенным шаньюя пришлось срочно «засесть за учебу» и овладеть письмом. Тот же источник сообщает еще, что Юе также «научил шаньюя писать грамоты китайскому Двору на дщице в $1^{2}/_{10}$ фута длиною». На таких же точно дощечках писались иероглифами послания китайского Двора.

Понятно, что дело заключалось не только в советах хитроумного Юе или других совегников. Появление у гуннов примитивного бюрократического аппарата и налога, так же как распространение письменности, знаменовало собой переход гуннов к новому этапу — классовому обществу и государству.

Дополнительным стимулом к возникновению государства у гуннов являлась их борьба с Китаем, длившаяся более четырех веков. Гунны, будучи ближайшими соседями Китая, отстаивали свою независимую и свободную жизнь в степях от попыток ханьского Китая поработить их. В периоды ослабления военно-политической мощи Китая гунны сами переходили в наступление.

В период с VIII по III в. до н. э. Китай находился в состоянии упадка и раздробленности. После крушения династии Чжоу единый Китай распался на ряд независимых княжеств, которые непрерывно воевали между собой, причем каждое стремилось завоевать своих соседей и усилиться за

---

[27] Там же, стр. 84.
[28] Там же, стр. 47.
[29] Там же, стр. 49.

их счет. Междоусобные войны не только причиняли огромный ущерб экономике страны, но и ослабляли ее военный потенциал. Этим воспользовались воинственные кочевники — соседи Китая. Участившиеся набеги степняков побудили еще в IV в. правителей некоторых северных китайских княжеств приступить к строительству оборонительных сооружений — валов, стен и крепостей, которые должны были предотвратить возможность внезапных нападений со стороны конницы кочевников.

В 256 г. до н. э. Китай снова объединил бывший правитель княжества Цинь Инь-чжен, который принял затем титул императора всего Китая — Цинь Шихуанди. Цинь Шихуанди предпринял ряд походов против северных кочевников. Ему удалось вытеснить гуннов из Ордоса, и они во главе с Туманем отступили на север в район Халхи. Потери, которые они понесли, так ослабили их, что некоторое время гунны вынуждены были подчиниться и платить дань своим восточным соседям — дунху. Одновременно Цинь Шихуанди возобновил строительство оборонительной системы, в которую включили уже существовавшие линии. Эта Великая китайская стена, протянувшаяся на огромное расстояние около 4 тыс. км, должна была обезопасить северные районы Циньского государства от нашествия кочевых племен — прежде всего от нашествия тех же гуннов. Но она не оправдала ни огромных трудов и жертв, которых стоила китайскому народу, ни надежд, которые на нее возлагались. Это была ненадежная защита. Более того, успехи Цинь Шихуанди способствовали сплочению гуннских племен, которые, объединившись, выросли в грозную опасность для Китая. В этом сплочении была заинтересована гуннская верхушка, мечтавшая о возобновлении столь выгодных для нее набегов на соседние народы. Она в это время испытывала острую потребность в сильной центральной власти, которая могла бы объединить усилия гуннских племен в борьбе против соседей и в то же время поддержать и укрепить авторитет знати по отношению к рядовым членам родов.

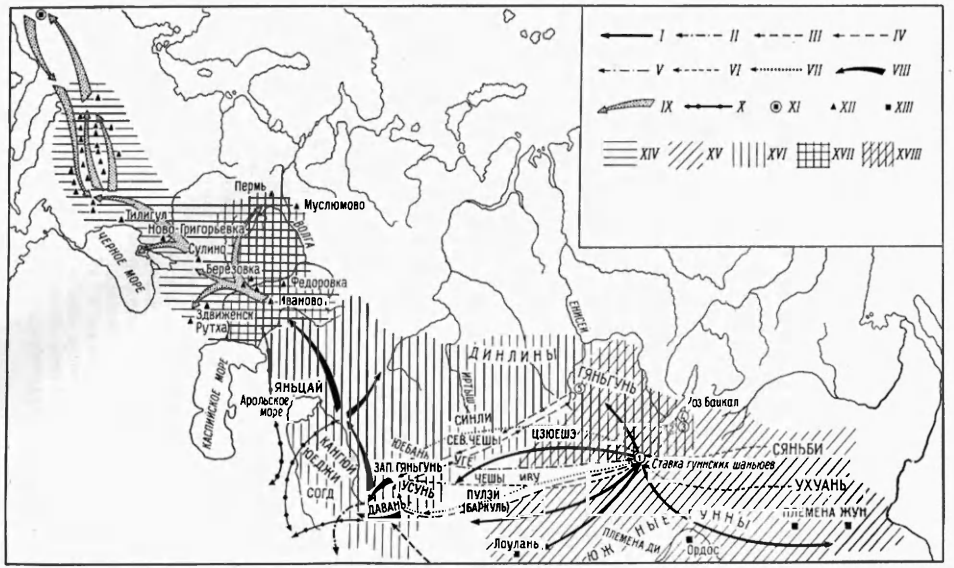
В силу этих причин в конце III в. до н. э. в степях Центральной Азии и сложилось первое крупное объединение гуннских племен государственного типа. Этот перелом в истории гуннов связан с именем шаньюя Модэ. Он пришел к власти через трупы своих близких, убив своего отца, шаньюя Туманя, и брата — второго претендента на престол. В 206 г. до н. э. Модэ объявил себя шаньюем. 24 гуннских рода признали Модэ своим повелителем. Часть племенной знати вначале оказала сопротивление узурпатору, но Модэ казнями и репрессиями удалось подавить оппозицию. Затем после того как гунны под командованием Модэ одержали ряд побед над соседями, гуннская родовая знать полностью перешла на его сторону. «Посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ шаньюю и признавали его мудрым».[30]

Придя к власти, Модэ выделил в составе гуннской армии 4 конных корпуса, они отличались по масти коней: черная, белая, рыжая и серая.

В первые же годы правления Модэ совершил ряд походов против соседних народов. На востоке в 209 г. до н. э. были разгромлены дунху, которым гунны недавно еще сами платили дань. Земля, скот и имущество дунху достались гуннам. Остатки побежденных дунху бежали в Маньчжурию, Монголию и Южное Забайкалье.

На западе Модэ совершал походы против племен юэчжи. На юге гунны нанесли ряд ударов по Китаю. В Китае к этому времени пала династия Цинь (в 207 г. до н. э.). После пятилетней свирепой гражданской войны утвердилась династия Хань. Ослабевший Китай не сразу собрался с силами и не мог оказать сильного сопротивления врагам. Гуннам в 204 г. до н. э. удалось снова завоевать Ордос. В 188 г. до н. э. после

[30] Там же, стр. 50.



Расселение племен гуннского союза и их походы (II в. до н. э.—V в. н. э.). По А. Н. Бернштаму.

I — походы гуннов; II — путь Чжаньцяня во II в. до н. э.; III — поход Лигуданя во II—I вв. до н.-э.; IV — походы против гуннов во II—I вв. до н. э.; V — походы Чжичжи шаньюя в 55—47 гг. до н. э.; VI — движение северных гуннов в 87—89 гг. н. э.; VII — поход Туньтухэ в 90 г. н. э.; VIII — движение гуннов в Среднюю Азию; IX — походы гуннов в IV—V вв. н. э.; X — движение белых гуннов или эфталитов в V в. н. э.; XI — Каталунская битва; XII — памятники западных гуннов; XIII — памятники восточных гуннов; XIV — западные гунны; XV — восточные центральноазиатские гунны; XVI — среднеазиатские гунны; XVII — район скрещений среднеазиатских и западных гуннов; XVIII — район скрещений среднеазиатских и восточных гуннов.

Памятники восточных гуннов: *1* — Ноин-Ула; *2* — Ильмовая падь; *3* — Дерестуйский могильник; *4* — Нижне-Иволгинское городище; 5 — Оглахтинский могильник.

ряда военных неудач китайский император Гаоцзу вынужден был заключить с Модэ договор о «мире и родстве», выдать за гуннского шаньюя китайскую царевну и, кроме того, обязался ежегодно присылать обусловленное количество дани.

Могущество гуннского шаньюя возросло настолько, что в 192 г. до н. э., вскоре после смерти китайского императора, Модэ направил вдовствующей императрице Гаохоу письмо с предложением выйти за него замуж. Это послание с совершенно неприкрытой дерзостью, вытекающей из сознания своей силы, полностью приведено у Сымацяна с ответом императрицы: «Сирый и дряхлый государь, рожденный среди болот, возросший в степях между лошадьми и волами, несколько раз приходил к вашим пределам, желая прогуляться по Срединному царству. Государыня одинока на престоле; сирый и дряхлый также живет в одиночестве. Оба государя живут в скуке, не имея ни в чем утешения для себя. Желаю то, что имею, променять на то, чего не имею».[31]

Смысл этого послания вполне ясен. Модэ откровенно высказывает свое желание получить в качестве приданого за царственной вдовой Китайскую империю.

Императрица, как сообщает источник, «весьма разгневалась», но ответила в смиренном тоне: «Шаньюй не забыл ветхой столицы и удостоил ее письмом. Ветхая столица пришла в страх и, вычисляя дни, заботится о себе. Она состарилась, силы ослабели, волосы линяют, зубы выпадают... в ходу теряет размер в шагах. Шаньюй ослышался, а этим нельзя запятнать себя».[32]

Отказ был заглажен ценным подарком — двумя царскими колесницами и двумя четверками лошадей. Снова был подтвержден ранее заключенный договор о «мире и родстве» между гуннами и Китаем.

Однако и в дальнейшем, и при Модэ, и после его смерти, при преемниках, гунны много раз выступали против Китая. В 162 г. при шаньюе Лаошане, сыне Модэ, опять-таки по инициативе китайского императора был заключен другой мирный договор, по которому хотя и признавалось, что «Хань и Хунну суть два смежных и равных государства», но в то же время снова была оговорена ежегодная поставка гуннам «даров»: проса, риса, шелка, парчи, хлопчатки. Это была по существу замаскированная дань.

В этот период наивысшего подъема могущества гуннов под их властью оказались вся Монголия и южные области Забайкалья.

Самым северным известным сейчас памятником гуннской культуры на территории Забайкалья является упоминавшееся неоднократно древнее укрепленное поселение на р. Селенге вблизи устья р. Иволги — Нижне-Иволгинское городище.[33] Поселение занимало площадь более 75 тыс. м^2 На территории его обнаружены остатки более 80 жилищ. Раскопки показали, что поселение окружено мощной системой оборонительных сооружений общей шириной в 26 м. Она состояла из 4 валов высотой в 1.5—2 м и 4 рвов глубиной около 1.25 м. Таким образом, общая глубина укрытия составляла 2.5—3 м. Оно служило защитой против стрел и копий, а также против внезапного налета вражеской конницы. Однако ни валы, ни рвы не помогли жителям отстоять свой поселок от врагов. Люди, жившие в нем, погибли или бежали в панике, бросив свое имущество, в том числе и ценные вещи. При раскопках повсеместно обнаружены были обгорелые бревна и другие деревянные части зданий, остатки обгорелых циновок. Везде

[31] Там же, стр. 53.

[32] Там же. — «Ветхой столицей» императрица называла себя.

[33] Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 7—8, 1935, стр. 150—156; А. В. Давыдова. Иволгинское городище. «Советская археология», т. XXV, 1950, стр. 260—299.

прослеживались следы пожара, который положил конец гуннскому укрепленному городку на далекой северной окраине их державы.

Нижне-Иволгинское городище окончило свое существование в I в. н. э. Это было, по-видимому, одним из эпизодов в истории общего упадка гуннской державы. Ослабленное борьбой с окружающими народами, раздираемое внутренними противоречиями, гуннское объединение в середине I в. н. э. распалось на две части. Южные гунны вскоре подчинились Китаю. Северная же часть продержалась еще около полустолетия, подвергаясь нападениям со стороны Китая с юга, с востока — со стороны усилившегося племенного союза сяньби, а с севера — со стороны забайкальских племен. В 80—90-х годах н. э. длительная борьба сяньбийцев с гуннами, которая велась в основном на территории современной Монгольской Народной Республики, была окончена полной победой сяньбийцев. В 93 г. н. э. гунны были разбиты. Под этими непрерывными ударами часть северных гуннов в конце I в. н. э. начала движение на запад, покоряя одни племена, оттесняя другие, втягивая в свой союз третьи. Это движение продолжалось в общей сложности более трех веков, пока наконец в первой половине IV в. н. э. гуннские орды не появились в степях Восточной Европы.

Оставшиеся в Монголии гунны, 100 тыс. кибиток, подчинились племенному союзу сяньби и влились в их состав, приняв их имя. Предками сяньби и близкого им племени ухуань считаются дунху («восточные варвары»). Их земли на запад простирались до современного Калгана, на север — до Хинганских гор, на востоке они включали бассейн Ляохэ.

Гуннское завоевание поставило дунху в очень трудные условия. Они должны были платить гуннам дань. Если дань не представляли вовремя, у должника отбирали жену и детей, которые становились рабами гуннов. Эти притеснения вызывали столкновения с гуннами, а также естественное желание избавиться от гуннского господства. Между ними и гуннами постоянно шла борьба, которую поддерживало и отчасти направляло китайское правительство, придерживавшееся по отношению к своим северным соседям политики «разделяй и властвуй». Значительная часть дунху, желая сохранить свободу, переселилась на север. Они заняли земли по Онону, Керулену, Аргуни и прилегающим к ним районам. Именно эти переселенцы были основой, на которой впоследствии сформировались северные монгольские племена.

В первые века нашей эры прямых потомков дунху китайские хроники стали называть «ухуань» и «сяньби».[34] Оба названия означают «племена, живущие у гор Сяньби и Ухуань». Ухуань и часть примыкавших к ним с севера сяньбийцев образовали южную группу, которая заняла после войны с гуннами земли, прилегавшие к южным отрогам Хинганских гор, в верховьях р. Ляохэ, а на восток расселились до верховьев р. Сунгари.[35] Ухуань вели борьбу с гуннами и империей Хань; к началу III в. н. э. они были разбиты и уничтожены как самостоятельная этническая группа.

Северные племена китайские авторы первых веков нашей эры называли «сяньбийцами». Основой хозяйства этих племен было кочевое скотоводство. Круглый год скот содержали на подножном корму, перегоняя его с одних пастбищ на другие. Их стада, в которых были лошади, крупный рогатый скот, овцы и козы, давали им основные средства жизни. Из молока и мяса приготовляли пищу, а из шерсти и шкур делали одежду. Из шерсти же катали войлоки различной толщины, вили веревки. Жилищем были юрты. Выход из юрт был обращен к востоку. На очаге юрты

---

[34] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 142—143, 149.

[35] Л. Л. Викторова. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке. «Ученые записки Ленинградского государственного университета». 1958, № 236, стр. 45—46.

висел металлический котел для приготовления пищи, пространство вокруг него было застелено войлоком, у стенок сложены постельные принадлежности из того же войлока и овчин, а также одежда. Ближе к двери находились конская сбруя, несложные предметы для домашнего ремесла, кожаные мешочки для хранения запасов пищи на зиму, деревянные высокие сосуды для приготовления кумыса. Они передвигались «с места на место, смотря по достатку в траве и воде; постоянного пребывания не знают». Скот был в собственности отдельных семей, что видно из замечания того же источника, переведенного Н. Я. Бичуриным: «От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение». Кочевали сообща, по-видимому, родовой общиной. Летописцы отмечают, что ухуаньцы селятся «стойбищами», что общину составляют от 100 до 1000 юрт, что каждое стойбище имеет одного низшего начальника, т. е. старейшину.

Имущественное и правовое положение членов общины в первые века нашей эры было равным. Старейшины были только выборными: «Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами; наследственного преемствия нет у них», — лаконично сообщает летописец. Хотя мужчины и занимали положение старейшин общины и племени, нельзя утверждать, что в начале нашей эры община ухуань и сяньби была патриархальной. С одной стороны, источниками отмечается, что «имя сильного старейшины обращают в прозвание», а «постоянных прозваний не имеют», с другой стороны, говорится: «Они по природе мужественны, но глупы. В гневе убивают один другого, но никогда не посягают на мать, потому что от матери зависит продолжение потомства. Отец и старшие братья не враждуют и не мстят друг другу».[36]

Существовали и другие обычаи, характерные для материнского рода. Девушки пользовались свободой в выборе жениха: «Кто хочет жениться, старается сойтись с девушкой за три месяца и даже за полгода до брака; потом посылают сговорные дары, состоящие из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, а после сего переселяется в женин дом».[37] Когда жених отрабатывал положенное время в семье невесты, родичи невесты выделяли ей приданое. Женщины пользовались большим авторитетом во всех делах жизни племени, кроме военных: «...в каждом деле следуют мнению жен; одни военные дела сами решают».[38]

Политическое устройство было еще несложным: каждое стойбище-курень, т. е. родовая община, имело своего старейшину, власть которого распространялась на всю общину. Родовые общины объединялись в одно племя, власть в котором принадлежала выборному старейшине. Старейшина выбирался из старших, но еще не дряхлых, а вполне зрелых и сильных членов общины. Это видно и из прямого указания источника: «Уважали молодых, презирали старых». «Всегда выдвигают и вербуют храбрых и сильных». Старейшины имели право наказывать провинившихся, разбирали споры и тяжбы из-за захвата чужого имущества, нарушений обычного права. Власть старейшины была основана на доверии общества, приказа старейшины нельзя было ослушаться.

Во второй половине II в. н. э. все сяньбийские племена были на некоторое время объединены под властью Таньшихая, сумевшего распространить свои владения на запад чуть ли не до Урала, а на восток — до Уссури. На севере его владения достигали Саян и верховьев Амура, на юге граничили с Китаем. Естественно, что завоевание прежних гуннских земель укрепило положение этих племен в Забайкалье и верховьях Амура,

[36] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 142.
[37] Там же, стр. 143.
[38] Там же.

а также дало возможность переселиться на старые родовые места тем из них, кто не прижился на чужбине. Одно из сяньбийских племен — тоба — двинулось на юг и впоследствии завоевало земли Северного Китая, основав династию Тоба-Вэй.

После смерти Таньшихая эфемерное объединение сяньби распалось. В VII—VIII вв. н. э. монгольские племена вновь выступили на арену истории под названием «кидани», но уже как государство в истинном смысле этого слова.

4. ПЛЕМЕНА ТУВЫ ВО II в. ДО Н. Э.—V в. Н. Э.

Судя по археологическим данным, во II в. до н. э. на территорию Тувы вторглись племена, культурно и, вероятно, этнически близкие гуннам. Значительная часть местного населения была, по-видимому, вытеснена с территории Тувы, а оставшиеся смешались с пришельцами. Новое население Тувы отличалось от предшествовавшего, жившего здесь в скифское время, физическим обликом,[39] хозяйственно-культурными особенностями и погребальными обычаями.[40]

Археологическая культура, сложившаяся в Туве в гуннское время и просуществовавшая до середины I тыс. н. э., получила название сыынчюрекской, или шурманской (II в. до н. э. — V в. н. э.).

Материалы, полученные из более чем 400 сыынчюрекских погребений, дают возможность достаточно полно обрисовать быт племен Тувы, сложившийся у них в гуннское время. Основным их занятием было кочевое скотоводство с преобладанием в стадах мелкого рогатого скота. Показательно, что из костей домашних животных, найденных в погребениях, свыше 90% составляют кости овец, причем в отличие от погребений казылганской культуры кости крупного рогатого скота почти совсем не встречаются. Как известно, преобладание мелкого рогатого скота у кочевых народов вызвано тем, что в условиях перекочевок содержание крупного рогатого скота затруднено.

Вероятно, именно в это время у племен Тувы совершился переход от полукочевых форм хозяйства к кочевым. Тогда это несомненно имело прогрессивное значение и создавало предпосылки для более быстрого развития скотоводства, для получения кочевниками гораздо большего прибавочного продукта. Но вряд ли все население перешло к чисто кочевому скотоводческому хозяйству. Отдельные группы сочетали скотоводство с земледелием. О занятиях земледелием свидетельствуют зерна проса и конопли, положенные в могилы.

Несомненно уделялось большое внимание коневодству. Ведь хороший конь был богатством кочевника и воина. Не случайно на петроглифах воины изображались обычно верхом на коне, а в могилы иногда клали удила — обычай, засвидетельствованный в гуннских памятниках Забайкалья.[41]

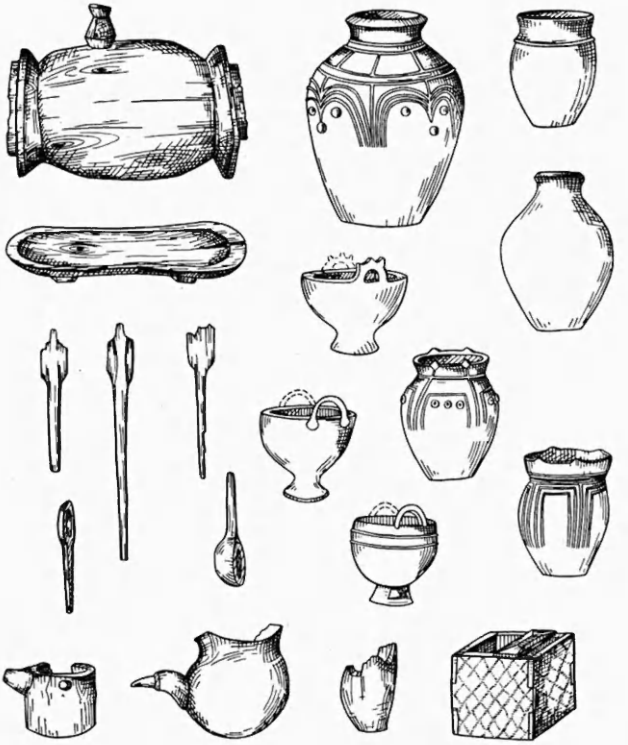
---

[39] В. П. Алексеев. Основные этапы истории антропологических типов Тувы. «Советская этнография», 1962, № 3, стр. 56.

[40] С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и искусства в 1956—1957 гг. «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и искусства», вып. VI, Кызыл, 1958; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). «Вестник Московского государственного университета», серия историко-филологическая, № 4, 1958; С. И. Вайнштейн и В. П. Дьяконова. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы. «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и искусства», вып. VIII, Кызыл, 1960.

[41] А. П. Окладников. Работы Бурят-Монгольской экспедиции в 1947—1950 гг. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XI, 1952, стр. 46.

Охота в хозяйстве, особенно для населения горно-таежных районов Восточной Тувы, имела существенное значение. В охоте применяли лук и стрелы главным образом с роговыми наконечниками. Существовали как индивидуальные, так и облавные формы охоты. На отдельных камнях и скалах Тувы сохранились относящиеся к гуннскому времени пе-



Предметы домашней утвари из могильников Тувы гуннского времени.

троглифы с яркими изображениями охотничьих сцен. На одной из скал в местности Саглы древний художник показал облавную охоту, в которой участвует группа людей, вооруженных луками, часть из них — верхом на конях. Всадники гонят испуганных животных, в то время как пешие охотники притаились в засаде. На рисунке изображена также засека, которую в Сибири в древности использовали в облавных охотах для преграждения пути зверю. Преследуемые собаками горные козлы, кабан и марал мечутся в беспорядке между охотниками и засекой.

В домашнем производстве большое значение имели изготовление войлока и обработка шкур. Обработкой шкур, из которых изготовлялась одежда и некоторые виды утвари, занимались женщины. В одном из женских погребений могильника Кокэль был найден миниатюрный ящичек, в котором лежали модели почти всех необходимых в домашнем быту орудий женского труда — железные ножи с ручками, шила и скребла с деревянной рукояткой. Железное скребло, появившееся в гуннское время, почти без изменений сохранилось у народов Южной Сибири до начала XX в. Одежду шили не только из кожи и войлока, но и из шелковых тканей, которые завозили сюда из Восточной Азии. О характере одежды — островерхих головных уборах и длинных халатах — можно судить по реалистичным изображениям на нескольких писаницах Тувы. Подобную одежду носили и гунны Монголии.

В быту применялась как железная и керамическая посуда, так и деревянная, сравнительно легкая и прочная, что делало ее особенно ценной для кочевников. Из дерева делали чашки, ложки, кубки различных размеров, а также своеобразные характерные для кочевников блюда с бортиком по краю и четырьмя низенькими ножками по углам. Из таких блюд было удобно есть, сидя на полу жилища. Кумыс и другие жидкости хранили и перевозили в приспособленных к кочевому быту кожаных сосудах и деревянных бочонках с отверстием в средней части. Плотно заткнув отверстие пробкой, жидкость можно было перевозить независимо от положения, в котором находился бочонок. Несколько таких бочонков превосходной сохранности было найдено в могильнике Кокэль. Они были, вероятно, широко распространены. Совершенно аналогичные бочонки известны также из находок в Оглахтинском могильнике в Минусинской котловине и по наскальным рисункам Боярской писаницы. Форма бочонков, изобретенных древними скотоводами, оказалась настолько хорошо приспособленной к кочевому быту, что дожила у некоторых кочевых народов Южной Сибири до конца XIX в.

Глиняную посуду для воды, хранения и варки пищи лепили ручным способом. Особенно были распространены сосуды баночной формы и вазообразные, с округлым туловом, высокой шейкой и развернутым венчиком. В курганах нередко находят положенные в могилу модели металлической посуды — котлы с поддонами и на четырех ножках, чашки и миски. Пища состояла в основном из мяса, молока и молочных продуктов (сыр, кумыс). Любимым блюдом было мясо задней части бараньей туши; им угощали почетных гостей, его обязательно клали в могилу умершего сородича. Видимо, так же как и у гуннов, у степных племен Тувы в это время «начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием».[42]

Кроме мяса и молока, в пищу употребляли просо и коноплю. Из муки, полученной при помощи зернотерки, пекли лепешки. В могилах найдены остатки разваренных зерен злаков.

Гунны, как известно, были очень воинственны. Войны становятся частыми и на периферии гуннского мира, в Туве. В сынчюрекских могилах гораздо чаще, чем в могилах скифского времени, встречаются костяки мужчин со следами насильственной смерти — с разрубленными черепами, перерубленными костями рук, впившимися в позвонки стрелами. В бою пользовались сложным гуннским луком М-образной формы. Такие луки по краям и в середине укреплялись костяными пластинками. Наряду с железными были еще в употреблении и бронзовые наконечники стрел. Металлические наконечники делали с тремя лопастями и

---

[42] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах. . ., стр. 40.

длинным черешком. В погребениях встречаются своеобразные ярусные гуннские наконечники с уступом на каждой грани, что делало стрелу более опасной для противника. У основания наконечника некоторых стрел укрепляли костяную свистунку. При выстреле она вызывала резкий свист. Подобные свистунки известны также в гуннских погребениях Забайкалья.[43] Гунны пользовались такими стрелами для сигнализации,[44] вероятно, таково же было назначение свистунок у сыынчюрекцев. При необходимости применяли в бою и стрелы с костяными наконечниками. В могильнике Кокэль, например, был похоронен воин, убитый костяными стрелами. В схватках с противником пользовались также длинными копьями с втульчатыми железными наконечниками, мечами и кинжалами. Остатки копий сравнительно часто находят в курганах, а изображения всадников с копьями в руках известны на нескольких петроглифах. Деревянные модели мечей сарматского типа и кинжалов найдены в могильнике Кокэль.

Известно, что в период возвышения гуннов у них шел процесс разложения родовых отношений и начали складываться элементы государственности. У племен Тувы в большей мере, чем у гуннов, сохранились пережитки родовых отношений. Это объясняется тем, что на окраине гуннского государства процесс разложения первобытнообщинных отношений протекал сравнительно медленно. В частности, о крепких еще родовых традициях свидетельствуют раскопанные в могильнике Кокэль большие каменные курганы. Они оказались не усыпальницами племенной знати, как предполагалось до начала раскопок, а родовыми кладбищами, включавшими десятки и сотни могил под одной каменной насыпью. Вместе с тем из материалов того же могильника Кокэль видно, что имело место определенное социальное расслоение. Это нашло отражение в существовании сравнительно бедных и весьма богатых погребений. Так, в одной из неглубоких могильных ям лежал костяк мужчины, которого сопровождали на «тот свет» лишь черепки глиняных сосудов. А в другой могильной яме того же кургана был захоронен знатный человек, с которым положили богатую утварь, разнообразное оружие и золотые украшения.

Некоторых лиц, выделявшихся своим более привилегированным положением, хоронили отдельно от своих сородичей. Пример тому — один из небольших курганов, раскопанных в том же Кокэльском могильнике. Под сравнительно небольшой округлой каменной насыпью была расположена могильная яма глубиной около 2 м, заваленная массивными валунами, лежавшими поверх навеса, под которым покоились три гроба из тщательно отесанных кедровых досок, скрепленных шипами и вязками из лыка. В среднем гробу был похоронен знатный воин, с ним в могилу были положены боевой лук, стрелы, а также деревянные, роскошно орнаментированные модели меча и кинжала. На крышке этого гроба лежали инструмент для добывания огня и обломки чашечки восточноазиатского происхождения. В гробу слева находились останки женщины, в другом гробу справа лежал костяк молодого мужчины. Женщина была положена на подстилку из гибких прутьев. Ее уши украшали красивые золотые серьги. В любовно орнаментированных ящичках ей положили обломок бронзового зеркала и другие ценные вещи.

Для племен Тувы в гуннское время было характерно своеобразное декоративно-прикладное искусство. Сосуды часто украшены арочно-лопастным орнаментом, отличающимся строгой симметрией. Подобным орнаментом гунны украшали свои бронзовые котлы.[45] Некоторые элементы

---

[43] С. И. Руденко. Культура гуннов и Ноин-Улинские курганы, табл. IV, *10, 11*.
[44] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 46.
[45] С. И. Руденко. Культура гуннов и Ноин-Улинские курганы, рис. 29, *6*.

орнаментальных мотивов сыынчюрекцев сохранились в искусстве современных тувинцев. На современных тувинских деревянных сосудах для молока встречается узор (неизвестный в современном искусстве других народов), восходящий к арочно-лопастному орнаменту гуннского времени. Для украшения деревянных предметов сыынчюрекцы наряду с орнаментальной росписью применяли декоративную резьбу.

Тем же временем могут быть датированы и многие петроглифы Тувы. В этот период рисунки на камне теряют присущие предшествовавшей эпохе черты экспрессии. Они становятся более схематичными. Наряду с изображением животных появляются изображения людей. Теперь петроглифы содержат не только изображения отдельных фигур, но и сложные в композиционном отношении групповые сцены.

В нескольких погребениях Кокэльского могильника были найдены деревянные идолы, которые несомненно были изготовлены и положены в могилы в связи с верованиями того времени. В петроглифах сыынчюрекцев встречаются силуэтные изображения мужских фигур с выступами над головой в виде рогов, сходными с шаманскими головными уборами у народов Сибири.

Был развит культ предков. Древние обитатели Тувы верили в существование души после смерти. Поклонение предкам было связано с особым обрядом сооружения поминального кургана и с принесением жертв — быков, баранов, лошадей. Вблизи поминального кургана иногда устанавливали цепочку из камней, что также было связано с культом предков.

В конце I в. н. э. гунны, властвовавшие над Тувой, были разгромлены объединенными ударами враждебных им группировок, динлинов и сяньбийцев. Значительная часть северных гуннов откочевала на запад, а оставшиеся были подчинены сяньбийцами. Судя по археологическим памятникам, поредело население и в Туве. Но оставшиеся племена продолжали сохранять и развивать свою культуру.

Сяньбийское военно-политическое объединение племен просуществовало недолго и в конце II в. н. э. распалось. В III в. складывается новый союз сяньбийских племен во главе с родом Муюн, а затем с родом Тоба. Племена, кочевавшие по северную сторону пустыни Гоби, бывшие в подчинении северогуннского государства и обобщенно именовавшиеся в китайских источниках динлинами, видимо, находились в зависимости от сяньбийцев. Однако в IV в. здесь уже жили самостоятельной политической жизнью племена гаогюй, которые позднее именовались «теле». История этих племен была связана с государством монголоязычных жужаней, возникшим в V в., и с государством древних тюкю.

5. ТАШТЫКСКАЯ КУЛЬТУРА

В конце III—начале II в. до н. э. на юге Сибири произошли значительные изменения в размещении древних племен и в хозяйстве населения. Ранее жившее в Минусинской котловине население, хорошо известное по многочисленным памятникам тагарской культуры, было подчинено и частично вытеснено на запад другим пришедшим сюда населением. Народом, сыгравшим столь значительную роль сначала в истории Азии, а позже и в истории Европы, были гунны. Известно, что к концу III в. до н. э. окончательно оформился племенной союз гуннов во главе с шаньюем Модэ. В это время, захватив Центральную Азию, они распространили свою власть далеко на запад и с 205 по 201 г. до н. э. обрушились на живших по Енисею оседлых земледельцев и скотоводов.

В борьбу вступили два различных народа с неодинаковыми по уровню развития культурами — культурой тагарцев конца бронзового века и культурой гуннов, людей железного века.

Гунны, придя в Минусинскую котловину, уже имели в своем составе значительное количество других народов, прежде всего древних тюрок, которые вместе с ними передвинулись в верховья Енисея. В результате этих событий в Минусинской котловине состав населения стал гораздо более сложным; образовалась новая культура, памятники которой получили название таштыкских (по речке Таштык).

Памятники таштыкской культуры распространены не только в Минусинской котловине. Они обнаружены и на западе от Минусинской котловины, в Кемеровской обл. В 1958 г. в северной части Кемеровской обл., около с. Тамбара, был раскопан таштыкский склеп под курганом с каменной оградой. В последующие годы исследовано большое количество таштыкских склепов и грунтовых могил еще далее на запад, по берегу р. Кии, около с. Михайловки в Кемеровской обл. Таким образом, сложившаяся во II в. до н. э. таштыкская культура занимала территорию северной лесостепной части Кемеровской обл. в районе г. Мариинска, далее на восток — территорию верховьев Чулыма, а на юге — всю Минусинскую котловину.

Хозяйство населения этих районов в таштыкскую эпоху по-прежнему было комплексным, основу его составляли скотоводство и земледелие. Но традиционные формы хозяйства существенно изменились. Скотоводство стало теперь полукочевым в отличие от пастушеского скотоводства тагарцев. Стадо стало более разнообразным — люди разводили также коз и верблюдов. В одном из склепов Изыхского чаатаса оказались кости 14 лошадей, 58 голов крупного рогатого скота и 25 голов мелкого рогатого скота.[46] Однако все же преобладали коровы и лошади. Лошадь как основное средство передвижения и корова как основной источник молока и мяса представляли основную ценность в хозяйстве. О том, что конь был спутником в жизни человека, свидетельствует погребальный обряд. В таштыкских могилах в отличие от тагарских почти в каждом погребении находят железные удила, модели седел и миниатюрные нагайки. Сжигая трупы наиболее богатых скотом людей, сопровождали их статуэтками домашних животных, прежде всего коней, бронзовыми амулетами в виде фигурок коней или парных конских головок.

В склепе № 1 Сырского чаатаса, раскопанного в предгорьях, в горно-таежной местности, найдены хорошо сохранившиеся статуи оленей с уздами на мордах. По характеру изображенных уздечек установлено, что олени использовались для верховой езды. Очевидно, у таштыкского населения, жившего в горах и предгорьях Саян и Кузнецкого Алатау, олени были обычными вьючными животными.

Любопытно, что значительное распространение в таштыкскую эпоху получило разведение кур. Куриные яйца клали в могилы с погребенными. Так, в склепе № 1 Изыхского чаатаса оказалось большое количество скорлупы от куриных яиц. Найдены и специальные булавки с головками, на концах которых помещены объемные или плоские изображения петуха. В летописи династии Тан о жителях Хакасско-Минусинской котловины — хагясах, носителях таштыкской культуры, сообщается, что они «сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне».

Развитие земледелия в таштыкскую эпоху тесно связано с общим прогрессом в области техники и прежде всего с широким применением железа. Уже во II в. до н. э. появляются железные проушные топоры, железные наконечники мотыг для обработки земли и серпы. Наряду со значительно усовершенствованной мотыгой, служившей для взрыхления

[46] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 179.

земли, применялись также сохи, в которые впрягались животные. Первая соха, появившаяся в таштыкскую эпоху в Сибири, еще очень примитивна. Деревянная ее часть состояла, вероятно, из кривой палки, на конец которой надевался железный наконечник. Такой сохой нельзя провести борозду достаточной ширины. К тому же сошник не подрезал почву, как это делает современный плуг, а лишь разрыхлял ее сверху, не переворачивая пластов. Примитивная соха в Сибири вообще нигде не вытеснила мотыгу, и она продолжала существовать здесь вплоть до XVII в.

Очевидно, в таштыкское время появились простые ручные мельницы с круглыми жерновами, о которых говорится в летописи. Что касается домашней жизни таштыкцев, то для ее характеристики интересна глиняная посуда — самый обильный элемент погребального инвентаря в таштыкских могилах. В это время широко распространяются сосуды с поддоном. Многие из них воспроизводят в глине форму скифских котлов. Появляется также посуда бомбовидной формы, с шаровидным туловом, плоским дном и высокой прямой шейкой. Новыми являются и сосуды сферической формы, с небольшим плоским дном, низкой шейкой и сильно выпуклыми боками. В домашнем быту пользовались также глиняными мисками, чашками, плошками, кружками и сосудами, очень близкими по форме к современным бутылкам.

Самой же распространенной глиняной посудой были простые глиняные сосуды баночной формы. Они очень примитивны. Очевидно, эти сосуды являлись главной кухонной утварью. Таштыкские сосуды украшались орнаментом, состоящим из валика в виде крученой веревочки или налепного валика, а также узором из полулунных вдавлений, зигзагообразной ломаной линии или оттисков гребенки с тупыми четырехугольными крупными зубцами. Вверху сосуды эти обычно украшались нарезным орнаментом в виде ломаной линии или проведенных вокруг сосуда бороздок.

Всего известно 28 различных типов керамических изделий, и большая их часть чужда предшествовавшей тагарской керамике по форме и орнаменту.

Для характеристики социальных отношений у таштыкских племен большое значение имеют могильники. Вместо однообразных родовых усыпальниц тагарской эпохи появляются могилы, в большинстве своем ничем не отмеченные на поверхности земли. Небольшая прямоугольная яма обычно укреплена деревянным срубом из бревен лиственницы или сосны, положенных в два-три венца, накрытых сверху бревнами и березовой корой. Внутри такой грунтовой могилы лежит скелет погребенного и стоят глиняные сосуды. Такие грунтовые могилы появились в самом начале таштыкской культуры.

Наряду со скромными грунтовыми могилами продолжают существовать и обширные склепы. На поверхности земли склепы обозначены земляными курганами, по краям которых выложена кольцом стена из камня. Иногда такая стена отсутствует. Кроме того, встречаются могилы, обозначенные на поверхности четырехугольными врытыми в землю плитами в виде ящиков. Они обычно заполняются мелкими обломками камней и земли. Ямы, как правило, небольшой глубины, невелики по размерам и почти квадратные в плане. Стенки таких ям укреплены деревом, камнями и березовой корой. На дне могил находятся глиняные сосуды, мелкие вещи и кучки мелких пережженных костей человека.

Особого внимания заслуживают огромные склепы. Они различны по своей конструкции, но при этом отличаются размерами от грунтовых могил и погребений под каменными кладками. Склепы представляют собой большие, почти квадратные в плане ямы размером от 4×4 до 9×9 м. В яму ведет вход. Стены могилы укреплены деревом и покрыты боль-

шими кусками березовой коры. Сверху камеру накрывает накат. Внутри склепы обожжены. В конструкции гробниц, в обряде трупосожжения очень много сохранившегося от тагарской эпохи. Однако уже в этом разнообразии могильных памятников несомненно есть что-то свое, присущее только таштыкской эпохе. Склепы таштыкской культуры — это явно усыпальницы родовой знати. Только в богатых склепах были найдены погребальные маски, сохранившие черты лиц умерших. Поражает также обилие вещей, найденных внутри камер. Среди прочих вещей в склепах оказались антропоморфные чучела, обшитые драгоценным шелком. Они, очевидно, аналогичны по своему назначению ритуальным изображениям мертвых у ряда народов Сибири в XIX в. Эти изображения заменяли умерших на некоторое время после их смерти (например, так называемая «фаня» у нанайцев). В ряде могил найдены тщательно сплетенные косы. В могилах обнаружены также различные деревянные части церемониальных зонтов, аналогичных найденным в ноин-улинских могилах гуннских вождей. Такие зонты служили знаками власти. Знатные тыштыкцы любили, очевидно, пышный и торжественный ритуал: их, как властителей далеких стран, так же как гуннских шаньюев и князей, во время торжественных выходов и приемов осеняли парадные зонты. Они появлялись перед рядовыми сородичами, одноплеменниками и перед пришельцами из других стран одетыми в роскошные одежды, сшитые из дорогих привозных шелков.

Таким образом, склепы, сохранившиеся еще от тагарской культуры, резко изменили свое назначение. Они перестали служить родовыми коллективными усыпальницами и стали усыпальницами знати. Эти пышные погребения в склепах контрастно противостоят многочисленным могилам общинников.

Выделение родовой могущественной аристократии из общей массы общинников, разложение рода — вот чем характеризуется социальная жизнь в таштыкскую эпоху. Этот естественный процесс общественного и экономического развития значительно ускорился с приходом гуннов на берега Енисея.

Во II в. до н. э. гунны поставили правителем в Минусинской котловине образованного чиновника Вэйлюя, человека «степного происхождения». Вэйлюй был советником шаньюя. В 99 г. до н. э. в страну гуннов была отправлена китайская армия под начальством полководца Лигуанли, известного своим походом в Среднюю Азию. Вместе с ним выступил против гуннов его внук Лилин, возглавлявший особый отряд пехоты в количестве 5000 чел. Гунны окружили отряд Лилина и взяли его в плен. Оставшись у гуннов, Лилин «получил во владение хягас», где он и умер в 74 г. до н. э.

Наместник гуннов жил на Енисее в роскошном дворце. Остатки этого дворца были случайно открыты вблизи Абакана при земляных работах и поразили археологов своим пышным убранством. Первое, что они увидели, — были остатки крыши дворца, покрытой черепицей, с надписями-благопожеланиями. Такой же магический смысл имели вылитые из бронзы массивные дверные ручки, украшенные маской-личиной мифического рогатого демона. Совершенно такие же литые бронзовые ручки с личинами мифических рогатых демонов можно встретить и сейчас на старинных дверях у входа в буддийские храмы и монастыри Монголии, например в древнейшем монгольском монастыре Эрдэни-Цзу, возникшем в XVI в. у развалин столицы монгольских ханов — Харахорина.

Эти маски — обереги (апотропеи) — не условная схема головы космического чудовища, а шаржированная передача реального физического типа древних европеоидов — тагарцев с их высокими горбатыми носами и большими широко раскрытыми глазами. Абаканские маски явно отлиты

местным мастером, изобразившим здесь духов своей страны так, как они представлялись местному населению. Внутри здания уцелели остатки сложной отопительной системы. Здание дворца было обнесено кругом глинобитной стеной с въездными воротами и башнями. Среди развалин обнаружены различные железные предметы — топоры, скобы, петли, болты, часть нефритового блюдца, коралловая бусина, золотая серьга, различные предметы домашнего обихода и прежде всего пряжки от ремней и ножи. Посуда, найденная в развалинах, двух типов: в основном местная, таштыкская, и, кроме того, типично гуннская, подобная раннегуннским сосудам, встречающимся в Забайкалье.

Владычество гуннов оказалось недолговечным. Восстание против них возглавил уже сын и преемник Лилина.

Наличие гуннов-завоевателей и гуннского наместника в земле древних хягасов не могло существенно изменить уклад их жизни и общественные отношения. Не случайно же «владение хягас и под властью гуннов» обладало самостоятельностью. Частная собственность, военная аристократия, нужно думать, уживались рядом с патриархальной общиной, как это наблюдалось у степных племен Сибири и много позже.

Но все же гунны и их глава, наместник шаньюя, были на Енисее представителями нового, более передового общественного уклада. Хягасы несомненно многому научились от гуннов в военном и организационно-политическом отношениях. Не исключено, как предполагал С. В. Киселев, что приемы управления, сложившиеся у гуннов, и способы эксплуатации непосредственного производителя стимулировали развитие общественного строя енисейских хягасов, способствовали укреплению местной знати. Связи с гуннами, следовательно, могли в какой-то мере подготовить возникновение в дальнейшем местной государственности потомков хягасов — енисейских кыргызов в середине I тыс. н. э.

6. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В конце II—начале I тыс. до н. э. в Приморье и Приамурье впервые распространяется металл новой индустриальной эры — железо.[47] Железо появилось на нашем Дальнем Востоке не только внезапно, но и неожиданно рано, судя по результатам радиокарбонового анализа угля из-под Семипятной, — еще перед X в. до н. э. Первые признаки употребления железа связаны с поселениями сидеминской культуры (иначе «культуры раковинных куч», или «южноприморской культуры»).

Памятники сидеминской культуры или близкие ей встречаются на территории Приморья вдоль морского побережья, близ устьев рек, на мысах или узких перешейках, а также на островах, расположенных поблизости от побережья. Особенно много поселений обнаружено на побережье Амурского и Уссурийского заливов. Самые юго-западные поселения этого типа раннего железного века на территории советского Дальнего Востока находятся в зал. Посьет, в бухте Экспедиции. На восточном побережье поселения с раковинными кучами обнаружены в районе бухты Ольги. В континентальной части Приморья они найдены в бассейне рек Майхэ и Суйфуна.[48]

---

[47] А. П. Окладников. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии. «Вопросы истории», 1964, № 1, стр. 51—54; Ж. В. Андреева. Основные этапы культуры железного века в Приморье. Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней). Владивосток, 1965, стр. 63—69.

[48] А. И. Разин. Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива. «Советское Приморье», Владивосток, 1926, № 3—4, стр. 55—69; В. П. Маргаритов. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ р. Сидеми. Изд. Обще-

У жителей этих поселений по сравнению с их предшественниками происходят важные перемены в технике. Из обихода почти полностью исчезают обсидиан, кремень и халцедон. Их место занимает шифер. Соответственно этому исчезает и старая техника отжима ретуши. Ее вытесняет шлифование. Наряду с древними односторонне выпуклыми в поперечном сечении теслами предшествовавшей эпохи появляются шлифованные, плоские, прямоугольные или трапециевидные в сечении топоры, изготовленные из темно-зеленой яшмы или кремнисто-сланцевой породы.

В широкий обиход вошли в это время и костяные изделия, почти не встречавшиеся в неолитических поселениях: полированные проколки, шиловидные острия, тонкие изящные иглы с ушком, ножи, лопаточки, рыболовные крючки, муфты для крепления к рукояткам каменных орудий. Изготовить их древние люди могли только с помощью металлических орудий, имеющих острое лезвие.

По-новому выглядит глиняная посуда. Появляются новые формы сосудов и новые узоры. До сидеминской культуры в Приморье не были известны амфоровидные сосуды и чаши на поддоне. Наиболее многочисленны горшковидные сосуды со слегка отогнутым наружу округленным венчиком и чаши. Часто сосуды покрывались ангобом малинового или светло-коричневого цвета.

Наиболее «роскошные» сосуды по красному лощеному фону украшались простыми геометрическими узорами черного цвета. Но всего важнее появление первых изделий из железа. Это литые (некованые) топоры типа кельтов, прямоугольные в поперечнике. Такие топоры найдены в жилищах поселения на п-ове Песчаный и на сопке Малая Подушечка около с. Новонежино.

Вооруженный железным топором, земледелец впервые мог в широких масштабах начать наступление на вековые заросли уссурийской и амурской тайги, строить деревни и укрепленные убежища — зародыши средневековых городов. И действительно, земледелие занимало первостепенное место в экономике населения Приморья этого времени. На п-ове Песчаный свидетельством наличия земледелия служат, например, многочисленные зернотерки и куранты. На том же полуострове 87% костей животных принадлежит домашним животным. Жители этого поселения разводили коров, но более всего — свиней. Кости свиней составляют 51% из всей массы костей домашних животных.[49] Обильную пищу в виде желудей им доставляли соседние дубовые леса.

Зимой, очевидно, свиней держали в специальных помещениях и кормили мелкой рыбой. Разводили также собак. На п-ове Песчаный кости собак составляют 35% всех костей. Следы вмятин на затылочных частях черепов собак, найденных при раскопках поселений на этом полуострове, свидетельствуют о том, что собак забивали на мясо.

В прибрежных районах, разумеется, не менее важное значение имел морской промысел: добыча рыбы, съедобных моллюсков, морской капу-

---

ства изучения Амурского края. Владивосток, 1887; Л. Н. Иваньев. Раковинные кучи Приморья. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 47, 1952, стр. 135—137; А. П. Окладников. Приморье в первом тысячелетии до н. э. (по материалам поселений с раковинными кучами). «Советская археология», т. 26, 1956; В. Е. Ларичев. Стоянки культуры раковинных куч в районе бухты Тетюхе. «Советская археология», 1958, № 1; Г. И. Андреев. Поселение на мысе Седловидном в Уссурийском заливе. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 74, 1959.

[49] Н. М. Ермолова. Остатки млекопитающих из раковинных куч п-ова Песчаного. В кн.: А. П. Окладников. Древнее поселение на п-ове Песчаный у Владивостока. М.—Л., 1963, стр. 348; В. П. Маргаритов. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ р. Сидеми.

сты, трепанга. Особенно многочисленны на поселениях каменные грузила для сетей. Среди обычных грузил, изготовленных из плоских галек с выбоинами, встречаются также опоясанные одним или двумя перекрещивающимися желобами. На п-ове Песчаный обнаружен рыболовный крючок из бивня моржа. Наконечники гарпунов изготовлялись из кости и шифера. На шиферных наконечниках имеются просверленные сквозные отверстия для линя. Они применялись при охоте на крупную морскую рыбу и на морского зверя. Во всех приморских культурах морских зверобоев вплоть до недавнего этнографического прошлого именно такие острия с просверленными отверстиями в верхней части служили носками для наконечников гарпунов поворотного типа.

Большая часть костей рыб, обнаруженных на поселениях п-ова Песчаный, принадлежала японской скумбрии (89% всех костей). Это говорит о том, что обитатели поселений с раковинными кучами ловили рыбу, уплывая далеко от берега в глубь моря. Очевидно, у них были специальные морские лодки типа алеутской байдары. Интересно наличие костей собаки-рыбы, обладающей некоторыми ядовитыми свойствами. Вероятно, жители поселка знали об этом и, так же как современные корейцы, перед употреблением в пищу снимали с нее кожу, отрезали голову и убирали внутренности. Кроме того, ловили треску, тунца, ерша. В раковинных кучах находятся раковины устриц, рапанов, мидий, петушков. Больше всего в них устриц и рапанов, меньше — мидий, так как они обитают на значительной глубине.

Охотились на изюбра, косулю, лося, на птиц, реже — на кабана и медведя. Основным оружием охоты были лук со стрелами и копья. Стрелы изготовлялись из шифера, легко поддающегося шлифовке. Из шифера делали наконечники дротиков с пером треугольных очертаний и крупные клинки кинжалов, по форме повторяющие бронзовые и медные из соседних степей.

Образ жизни племен сидеминской культуры полнее всего представлен раскопками поселения на п-ове Песчаный.[50] Поселок состоял из группы жилищ прямоугольной (четырехугольной) формы, тесно примыкавших друг к другу. Основой домов служили котлованы прямоугольных очертаний глубиной от 0.5 до 1.5 м. Вдоль стен шли столбы. Посередине дома находился коридор, а в нем было несколько очагов. Площадь жилищ варьировала от 50 до 200 м^2. Наиболее крупные сооружения были, вероятно, общественными зданиями. Наличие на поселении заготовок каменных тесел, наконечников стрел, обрезанных и распиленных кусков оленьего рога, костей со следами обработки свидетельствует, что внутри жилищ их обитатели изготовляли каменные и костяные орудия. Это было, очевидно, делом мужчин. Женщины же изготовляли глиняную посуду, растирали зерно курантами на каменных плитах и занимались различной домашней работой, в том числе производили пряжу и ткани, шили одежду. В поселениях этого времени обычны пряслица разной формы: усеченноконические, плоские, шляпковидные и небольшие пеньковидные пряслица. Многие из них украшены линейно-ямочным орнаментом. Столь же обычны тонкие костяные иглы и шилья. В связи с этим следует отметить и обилие украшений, чаще всего цилиндрических бус из яшмовидного зеленого камня.

Общественные отношения характеризовались, как и прежде, устойчивым общинно-родовым укладом. Огромные поселки с большими по площади жилищами свидетельствуют, что в них жила родовая община.

---

[50] А. П. Окладников. Древнее поселение на п-ове Песчаный у Владивостока, М.—Л., 1963.

В каждом доме жила группа родственных парных семей, состоявшая из нескольких десятков человек.

На смену сидеминской культуре приходит новая культура чапигоу. Жилища людей этой культуры на поселении около Майхинского оленесовхоза прорезали остатки домов с керамикой сидеминских типов. Поселения культуры чапигоу найдены во многих местах Приморья, например в пади Семипятной около оз. Ханка. На востоке Приморья к этой группе памятников относятся нижний слой поселения в с. Сокольчи и поселение в устье р. Судзухе, на правом ее берегу.[51] Эти поселения с помощью радиоуглеродного анализа датируются X в. до н. э. (2930±80). В них имеются остатки по крайней мере 20 жилищ. Одно из них, целиком раскопанное, имело прямоугольное в плане очертание. В центре располагался очаг из вертикально поставленных плит. По сторонам очага находились четыре ямы для столбов.

Обитатели этих поселений еще пользовались каменными топорами особого типа, с четко выделенной округлой в сечении рукоятью. Но у них несравненно чаще, чем в поселениях сидеминской культуры, встречается железо. Керамика резко отлична от сидеминской. Она представлена тремя новыми типами сосудов. Это баночные сосуды с прямыми стенками, украшенные по бокам в верхней части выступами в виде так называемых «пеньков»; чаши на высоких поддонах; сосуды с широким, резко отогнутым в горизонтальном направлении краем венчика, стенки таких сосудов почти прямые, тулово яйцевидное. В отличие от сидеминской керамики здесь полностью отсутствует орнамент. Среди украшений в Сокольчах встречены новые типы бусин — железные и халцедоновые, а также обломок небольшого полированного каменного кольца беловатого цвета с отверстием.

В это время в Приморье, должно быть, проникает новое население, скорее всего из-за р. Туманган. Но эти племена не распространялись дальше — в долину Уссури и Приамурья. Там начало железного века отмечено памятниками, близкими по некоторым особенностям сидеминской культуре, но в целом отличными от нее. Это урильская культура на Среднем Амуре. За ней следуют другие памятники, на этот раз родственные, почти тождественные тем, которые сменяют в приморье культуру чапигоу.

На Амуре наиболее характерные поселения этого типа исследованы в районе Хабаровска около Амурского санатория, в Кондоне у Комсомольска-на-Амуре, в местности Польцо у с. Кукелево Еврейской автономной области и в ряде других мест.

В Восточном Приморье сюда относятся поселения на Синих скалах близ пос. Ольги на левом берегу р. Аввакумовки, в долине р. Судзухе (Судзухе-5 и Судзухе-остров) возле с. Попельки и находки в верхнем слое поселения на Малой Подушечке, а также на Сенькиной Шапке около г. Уссурийска на р. Суйфуне. Все эти поселения принадлежат, очевидно, одной большой группе родственных племен, которая владела Приамурьем и Приморьем во второй половине I тыс. до н. э.

Эти племена по-прежнему жили в поселках из жилищ полуподземного типа. Обработка железа была у них в расцвете. На поселении Сокольчи обнаружены, например, железные шлаки, каменные молоты для дробления руды и куски железной руды. Железные орудия труда представлены топорами, кельтами, серпами, лопатами, скобелем, ножами, наконечниками

[51] А. П. Окладников. 1) Начало железного века в Приморье. «Труды Дальневосточного филиала АН СССР», серия историческая, т. I, 1959, стр. 13—35; 2) Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 154—164; Ж. В. Андреева. Поселения раннего железного века в Ольгинском и Лазовском районах Приморского края. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 86, М.—Л., 1960.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тюрки Сибири в VI—X вв. Первые государства

1. ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Из предков современных тюркоязычных народностей Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев) известны по письменным источникам и археологическим памятникам племена кочевников, обитавших в VI—VIII вв. в восточной части Центральной Азии, севернее пустыни Гоби. Их кочевья распространялись и на Хангай, Саяны, Алтай, и на районы, примыкающие к Саянским и Алтайским горам с севера (Минусинская котловина, верховья р. Оби). Главную роль в истории Центральной Азии и Южной Сибири сыграли в VI—VIII вв. н. э. два крупных объединения тюркоязычных кочевых племен — теле и тюкю. Они по своему происхождению были связаны с более ранними племенными объединениями гуннов и динлинов. Динлины являлись ветвью гуннов, хотя находились с ними в длительной вражде.[1] Они были потомками кочевых племен чи-ди, живших на территории Северного Китая, были вытеснены отсюда в степи южного Гоби (III в. до н. э.) и вначале именовались ди-ли (позднее динлинами).

Динлины делились на северных и западных. Первые жили к северу от гуннов, в районе Байкала, и отличались тем, что у них будто бы были «лошадиные голени» и они быстро бегали. Так отразился в письменных источниках один из признаков быта северных динлинов, состоявший в том, что они носили меховую обувь, сшитую из шкур, снятых с ног лошади или козули, и ходили зимой на лыжах, подбитых той же шкурой. Подобную обувь носят еще и теперь некоторые группы тувинцев, алтайцев, хакасов, шорцев, которые также пользуются такими же лыжами.

В первые же века нашей эры, когда они кочевали по северную сторону пустыни (на территории современной Монголии и Тувы), их уже именовали в летописях Бэйской и Вэйской династий «гаогюй».[2] Наименование «гаогюй» потомки динлинов получили будто бы потому, что совершали свои перекочевки на повозках с высокими колесами (со множеством спиц), в которые впрягали быков. Слово «гао-гю» означало «высокие повозки». Из летописи Вэйской династии следует, что гаогюйцы кочевали на территории современной Монголии, которая на севере смыкается с Саяно-Алтайским нагорьем. Главное гаогюйское племя юаньхэ, которое позднее стало именоваться «вэйхо», а затем «хуйхо», или «уйгур», обитало в бассейне р. Селенги, в частности в системе рек Орхона и Толы.

Наряду с названием «гаогюй» в летописях (386—581 гг.) для них употреблено название «теле», сначала в форме «чиле». Однако в то же

[1] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 144.

[2] Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, стр. 1—13.

самое время этих кочевников, переселившихся в Китай, по-прежнему называли динлинами, или гаогюйскими динлинами. Только в истории Суйской (581—618 гг.) и Танской (618—907 гг.) династий названия «гаогюй» и «чиле» заменены терминами «теле».[3] Обычно упоминаются следующие племена теле, игравшие как самостоятельную видную роль, так и в связи с историей тюкю: сеяньто, вэйхо (хуйхо, или уйгуры), паегу, тунло, пугу, аба, телеер, секие, толанко (доланьгэ), киби, атйе, хун, хусие, или хуса, фуло, фулико, тубо и гулигань. Некоторые из этих племен в китайских источниках названы как «особое поколение теле», например сеяньто, пугу, тунло, адйе, хусие, гулигань, баегу, тубо. Большинство перечисленных племен обитало на территории современной Монголии, распространяя свои кочевья на современную Туву и горный Алтай.

В летописи Суйской династии говорится, что уйгуры жили на р. Селенге, а хусие — на р. Толе. Севернее Толы обитали пугу, паегу, тунло и фуло. Около Монгольского Алтая в Джунгарии кочевали сеяньто, таки, телеер, в районе оз. Косогол — тубо. В летописи Танской династии кочевья уйгуров, толанко, хуса, пугу указаны в бассейне верхнего течения Селенги и по рекам Орхону и Толе, а тубо указаны к северу от уйгуров, к востоку от киргизов и к югу от небольшого озера, видимо Косогола. Гулигань являлись самым северным племенем теле и жили по северную сторону Байкала. Племена паегу и атйе указаны у границы Маньчжурии, а киби — на крайнем западе, в долине Юлдуса, на северо-запад от Карашара.

Некоторые из названий племен теле упоминаются и в древнетюркских рунических надписях. Таковы, например, уйгуры (уйгур), паегу (байрку), тунло (тонгра), фулико (бэкли?), атйе (адиз), гулигань (курыкан).

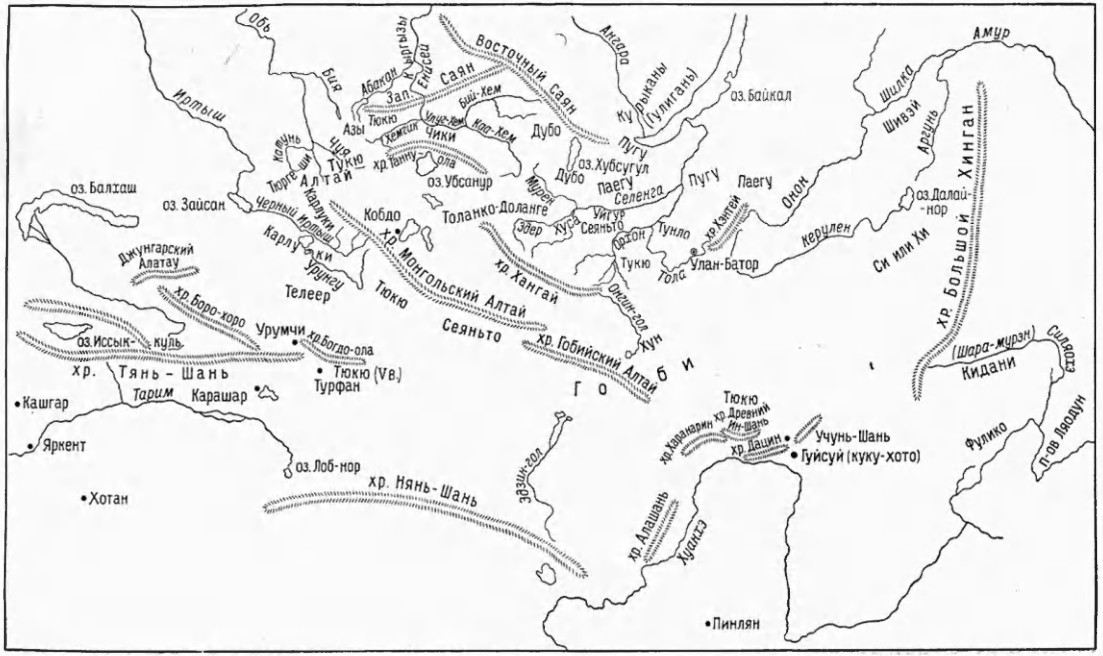
В летописях теле названы прямыми потомками гуннов, а их язык признается сходным с гуннским, хотя и с небольшой разницей. Иногда теле именуются отдельным племенем гуннов.[4]

Кроме сведений о теле, те же летописи содержат ценные материалы по племенному объединению тюркют, а в китайской передаче — тюкю. Это и есть так называемые древние тюрки. Отсюда произошло название тюркской группы языков, хотя на этих родственных языках говорили не только тюрки, но и многие племена теле, в частности уйгуры (огузы, кыпчаки и др.). Уцелел ряд генеалогических легенд и преданий, в которых говорится, что предки тюкю были связаны с государством северных гуннов. Согласно легенде, брат главы упомянутого государства был шаманом, рожденным от волчицы. Один из его сыновей превратился в лебедя, т. е., видимо, стал родоначальником рода лебедя. Его сын стал правителем на р. Чуе, а четвертый сын жил с некоторыми родными в государстве Со. Этого сына звали Нотулу-шад. У него было 10 жен, сыновья от которых носили имена матерей. Сына от наложницы звали Ашина. После смерти Нотулу-шада Ашину избрали предводителем под именем Ахиен-шада. Внука Ашина назвали Тумен. Это историческое лицо часто упоминается в китайских источниках в качестве основателя государства тюкю, тюркского каганата. В другом предании сказано, что предки тюкю были особым родом гуннов, который был разгромлен вра-

---

[3] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Tükue), Bd. II. Wiesbaden, 1958, SS. 491—492; O. Maenchen-Helfen. The Ting-ling. «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. IV, 1939.

[4] E. Hirth. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. In: W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St.-Petersbourg, 1899, S. 134; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 36—38; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 214.



Расселение племен тукю (тугю) и теле в VI—VIII вв.

гами и истреблен, за исключением одного десятилетнего мальчика. Мальчика спасла волчица, спрятав его в пещере в горах, находившихся севернее государства Каочан (Турфан). Затем волчица родила от мальчика 10 сыновей, которые потом женились на женщинах извне и произвели многочисленное потомство. Среди этих потомков назывался Ашина. Через несколько поколений тюкю вышли из этих гор и стали кузнецами у племен жужаней. Они жили и работали на южных склонах джунгарского Алтая.[5]

Суйская летопись называет тюкю варварами «смешанного происхождения», подчеркивая (как и другие летописи), что в число предков тюкю входили гунны и что обычаи тюкю такие же, как и у гуннов.

Сведения письменных источников о происхождении теле, а также тюкю от гуннов подтверждаются археологическим материалом из Тувы, где древние погребения, относящиеся к гуннскому и древнетюркскому времени, имеют много общих черт. После 265 г. вместе с другими племенами, входившими в гуннское объединение, предки тюкю продвинулись на юг. В 30-х годах V в. многие из них жили в южной части излучины р. Хуанхэ на территории современной провинции Ганьсу, в небольшом государстве Пинлян, основанном гуннским родом хэлань. Это государство существовало с 397 по 439 г. Его князья происходили из западных гуннов, имели родовое имя Чжуку, так как их предки были князьями левой (западной) стороны гуннского государства и носили титул чжуку.

После разгрома этого государства в конце 30-х годов V в. Китаем предки тюкю откочевали в горы Гаочана, находящиеся к северо-западу от Турфана (нынешнее название их Богдо-ола), которые славились богатством железа. Здесь тюкю, как и обитавшие поблизости некоторые племена теле, занимались кузнечным делом. В этих местах они и приняли наименование «тюркют», или «тюкю». Тюкю делились на восточных (или северных) и западных. Западные тюкю состояли из 10 племен, входивших в два объединения: дулу и нушаби, каждое из которых включало по 5 племен. Из отдельных племен упоминаются тюргеши (входили в объединение дулу), затем чуми, чуйе (среди них отдельная ветвь, обитавшая в каменистой пустыне к востоку от оз. Баркуль, именовалась «шато», или «шатоские тюкю», по названию пустыни Шато). К западным тюкю относятся упоминаемые в китайских летописях и древнетюркских надписях карлуки (обитавшие в Западном Алтае), тардуши, пасимн (в надписях — басмил), жившие одно время южнее Байкала, на восток от кыргызов. К тюкю, возможно восточным (северным), относилось, вероятно, и племя кыпчак, упомянутое как враг уйгуров в одной из древних рунических надписей на камне (Монголия).

Объединение племени тюкю произошло в конце 20-х и начале 30-х годов VI в., ибо их каган Шаболио в 585 г. писал императору Китая: «С тех пор как тюкю были созданы небом, прошло уже более 50 лет».[6] В то время среди кочевников Центральной Азии наиболее сильными были многочисленные племена — жужани, создавшие свое государство — каганат, их принято считать монголоязычными.

В подчинении у них были теле и в первые десятилетия VI в. — тюкю. Однако в начале VI в. жужанский каганат вступил в полосу кризиса в результате поражений, понесенных от государства эфталитов. Особенно сильный удар ему был нанесен Вэйской династией. Еще больше ослабли военная сила и политическое влияние жужан к середине VI в. в результате постоянных восстаний племен теле. В такой обстановке стали усиливаться племена тюкю (или тугю в другой транскрипции).

---

[5] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, S. 5.
[6] Там же, стр. 52.

Конница, оружие из железа и такие доспехи, как шлемы и кольчуги, делали кавалерию тюкю грозной военной силой. Недаром китайский император говорил: «Сила тюкю заключается в верховой езде и стрельбе из лука. Если они видят благоприятное положение, то продвигаются вперед, если замечают опасность, тотчас же отступают. Они бушуют, как буря и молния, и не знают устойчивого боевого порядка. Лук и стрелы являются их когтями и зубами, а кольчуги и шлемы — повседневным одеянием. Их войска не маршируют строем и не разбивают лагерей на определенном месте. Они поселяются там, где находят воду и траву, а их овцы и лошади представляют собой военный провиант».[7]

По мере того как тюкю быстро усиливались, вооруженные всадники под предводительством Тумена рыскали по степям и пустыням Центральной Азии, далеко удаляясь от южных склонов Монгольского Алтая. В 534 г., например, они появились у границы Китая, чтобы купить шелк.

По свидетельству летописи, «тюкю основали свое государство в течение лет Датун (535—551) поздних Вэй».[8] Это государство в научной литературе принято называть тюркским каганатом.

В 546 г. восставшие племена теле пошли в поход на жужаней. Тумен внезапно напал на них, разгромил и покорил 50 тыс. юрт теле, положив начало подчинения их тюкю. Это весьма усилило Тумена, и окрыленный успехом, он послал предложение жужанскому кагану Анахуаню породниться с ним и попросил руки его дочери. Ответ жужанского кагана был таков: «Ты же наш простой кузнец. Как ты мог осмелиться произнести такие слова».[9] Тумен убил жужанского посланника, принесшего такой высокомерный ответ, а в 552 г. нанес сильное поражение жужанам севернее Хуайхуана (в северо-восточной части современной провинции Суйюань). После этого поражения каган жужанов в отчаянии покончил самоубийством, а Тумен провозгласил себя в этом же году каганом. Таким образом, начало правления тюркских каганов относится к 552 г., хотя государство тюкю возникло раньше.

Тумен умер на следующий же год после того как он стал каганом, и власть перешла к его младшему брату Мухану, ставка которого, как вытекает из летописных сообщений, находилась по южную сторону пустыни Гоби, севернее Ордоса, у гор Тукин, или Дугин, вероятнее всего, в районе хребта, называвшегося еще в гуннское время Инь-Шань.

Территория от Инь-Шаня до Хуанхэ, изобилующая прекрасными пастбищами, именуется в источниках родиной тюкю, там хоронили первых тюркских каганов.[10] При кагане Мухане власть тюркского каганата распространялась с запада на восток от Средней Азии до Ляодунского залива, а с юга — от Китая до Байкала, включая Саяно-Алтайское нагорье. Племена теле оказались в подчинении тюркского каганата и широко использовались им в завоевательных и карательных походах.[11] Каганат вступил в экономические и политические отношения даже с далекими Ираном и Византией.

После смерти Мухана каганом тюкю в 572 г. стал его младший брат Тобо. При нем каганат был разделен на восточную и западную части. Управление обеими частями было передано близким родственникам кагана, при которых находились военачальники обеих сторон, носившие титул шад, но подчинявшиеся, как и правители восточной и западной частей, кагану. Во время правления кагана Тобо Китай, ослабленный

---

[7] Там же, стр. 130.
[8] Там же, стр. 231; т. II, стр. 528.
[9] Там же, т. I, стр. 7.
[10] Там же, стр. 149, 153, 204.
[11] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 301; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, S. 350.

борьбой династий за трон, искал союза с тюркским каганом. Двор Северных Чжоу ежегодно посылал тюю 10 тыс. кусков шелка, а династия Северных Ци опустошила свою казну на подарки кагану. Правление этого кагана ознаменовалось попыткой распространения у тюю буддизма. Сам каган принял это учение, на тюркский язык были переведены некоторые буддийские священные книги, однако в массы кочевников буддизм не проник.[12]

Кагану Тобо наследовал в 581 г. его сын Шету, кочевавший у гор Тукиншан, который стал каганом под именем Шаболио. Одно из племен теле, именуемое «аба», кочевало между Хангаем и Алтаем, управлялось оно Далобянем — сыном покойного кагана Мухана. Кочевья этого племени на север распространялись до Саян. Далекие потомки племени аба еще в XIX в. сохраняли свое древнее наименование (аба или абалар) и кочевали в Кузнецкой степи по северную сторону Западных Саян.

В результате междоусобиц тюркский каганат распался в 581 г. на два каганата: восточный, где правил Шаболио, и западный, каганом которого стал Тардуш-хан. В этом году в Китае воцарилась Суйская династия, которая оценила новую политическую обстановку в тюркском каганате, отметив, что у тюю «братья спорят из-за власти, отцы и дяди не доверяют друг другу», что «восточные варвары (кидани и си) жаждут отомстить тюю», что кыргызы «со скрежещими зубами поджидают свою удачу».[13] Император Суйской династии наметил политику ослабления усилившихся каганов тюю и усиления слабых, политику сеяния раздоров между восточными и западными тюю. После разделения каганата Шаболио потерпел серьезное поражение от Китая и признал Гоби границей между тюю и Китаем. На севере в это время правил его сын — Тули каган (Яньхан), который совместно со своим братом Туланом враждовал с западными тюю. В конце VI в. земли к северу от пустыни и племена теле, обитавшие там вплоть до Южной Сибири, захватили временно западные тюю. Племена теле (секйе, кун, пугу, аба и др.) в период 600—603 гг. часто восставали против господства западных тюю.

В этот период племена теле рассеялись. Однако после того как в 605 г. западный тюркский каган Чуло-хан покорил их, затем истребил почти всех их представителей и обложил тяжелой данью, племена теле (уйгуры, сеяньто, пугу, тунло, паэгу и др.) снова объединились, восстали, сбросили иго Чуло-хана и образовали на западе свой кратковременный каганат.

Власть каганата теле, возглавляемого предводителями из племени сеяньто и киби, но в котором уйгуры играли большую роль, распространялась и на некоторые государства — города Восточного Туркестана.[14] Однако в 609 г., когда у восточных тюю каганом стал Шиби, племена уйгуры, паегу, атйе, тунло, пугу, кочевавшие у гор Отукен (в районе Хангая), покорились ему. Сеяньто в это время жили у Алтая и подчинялись западным тюю. Телеские же племена, кочевавшие на западе, также были покорены в период 615—619 гг. западными тюю.

При кагане Шиби восточнотюркский каганат вновь достиг большого могущества. Все кочевники от киданей до шивэй на востоке и до Турфана на западе были в его подчинении. Он смело и решительно вмешивался в дела Китая, ослабленного в это время внутренними раздорами.

После смерти Шиби в 619 г. каганом вскоре стал его брат Хели, с именем которого связано падение первого тюркского каганата. Сила

---

[12] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, SS. 34, 37—38, 43.
[13] Там же, стр. 47.
[14] E. Chavannes. Dokuments sur le Tou-kiue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903, p. 89.

тюкю и их влияние на Китай начали падать, с одной стороны, потому, что усиливалась мощь Танской династии, с другой — опять-таки из-з восстаний подвластных тюркских племен, которых Хели облагал боль шими налогами.[15]

Племена теле восстали в 627 г. Сеяньто и уйгуры вторглись в земл тюкю. В то время усилились уйгуры наряду с сеяньто, предводитель ствуемыми Инанем.

По северную сторону пустыни, в восточной части Центральной Азии возник под главенством Инаня каганат племени теле, далеких предко современных тувинцев, алтайцев и др., возглавляемый сеяньто. К восток от главной его ставки жили некоторые группы шивэй, к западу нахо дился Алтай, к северу — Байкал. Это была, гласит летопись, прежняя территория гуннов. Союз этот назывался по-тюркски «тогуз-огуз», т. е девять огузов или девять племен, составлявших его ядро. Монголия Тува, Алтай и Минусинская котловина (кыргызы енисейские) вошли в этот каганат. Инань поставил одного из своих сыновей каганом вос точной части своих владений (Тулиш), а другого — каганом западной части (Тадуш).

В 630 г. Хели каган был разбит и пленен китайскими войскам у древнего хребта Инь-Шань. Первый тюркский каганат закончил сво существование. В это время кочевая аристократия восточных тюкю вы двинула своим предводителем Кюпи, происходившего из каганского рода Ашина (из племени тули). Кюпи, опасаясь тогуз-огузов, бежал от Ве ликой стены и разбил свою ставку севернее Монгольского Алтая, гд провозгласил себя каганом тюкю.[16] Территория Алтая и современной Тувы оказалась в его кочевьях. На западе он подчинил карлуков, жив ших в Западном Алтае, а на севере — государство енисейских кыргызо Отсюда каган совершал набеги на сеяньто и продержался здесь до 649

В 645 г. умер Инань. Вместо него каганом сеяньто стал его сы Бачжо. В 646 г. китайские войска вместе с восточными тюкю и уйгурам разгромили сеяньто севернее хребта Отукен, обезглавив более 5 тыс. че и взяв свыше 30 тыс. мужчин и женщин. Сеяньто были полностью раз биты и рассеяны. Остатки их были уничтожены в 648 г. у Алтайски гор. С этого времени сеяньто исчезли с исторической арены как самостоя тельное племя.

Среди тогуз-огузов теперь главенствуют уйгуры. В силу возросше могущества Танской империи на землях племен теле, или тогуз-огузо в 648 г. было учреждено 13 префектур или административных областей и военных губернаторств.

Восстания племен теле и тюкю в 660—663 гг. показывают, что освоб дительные идеи, идеи объединения и возрождения государственной сам стоятельности были живы в среде этих кочевников. Они нашли осущ ствление в начале 80-х годов VII в. В результате ряда крупных восст ний племен тюкю в 682 г. образовался второй тюркский каганат северны (восточных) тюкю, основателем которых был Гудулу (Ильтерес — по древ нетюркским надписям), происходивший из правящей фамилии Ашина родственник покойного Хели кагана.

Гудулу объявил себя каганом после ряда побед над тогуз-огузам Он поселился в горах, которые в древнетюркских надписях называются «Чугай-куз», а в китайской летописи — «Цзунцай-Шань», в системе хре тов древнего Инь-Шаня, т. е. по южную сторону пустыни. Его ставк была в местности «Черные пески» (в древнетюркских надписях — Кар

[15] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, S. 201.
[16] У Н. Я. Бичурина это Чеби-хан. См.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведени о народах..., стр. 263.

Кум, в летописях — Хэйша) по северную сторону Инь-Шаня, невдалеке от г. Куку-Хото (современный Гуйхуачен). Таким образом, военно-политический центр и второго тюркского каганата находился вначале по южную сторону пустыни, в районе древней родины тюкю.

Возрождение каганата происходило в окружении врагов, о чем говорится в древнетюркской надписи. На юге это была Танская империя, на востоке — кидани, хи (татаби) и отуз-татары, на севере и северо-западе — тогуз-огузы, куоыканы (гулигань), кыргызы (гегесы). Но в многочисленных сражениях Гудулу, или Ильтерес каган, при помощи своего мудрого советника Тоньюкука разбил и покорил врагов. Разгромив на севере пустыни тогуз-огузов, он захватил лесисто-гористую местность Отукен, где жили преимущественно уйгуры, которые теперь отступили в бассейн Толы. Ильтерес каган перенес свою ставку в Отукен. Преимущества этой местности воспеты в древнетюркских надписях, где она названа страной, в которой был создан второй тюркский каганат. В южной же ставке «Черные пески» правил брат Ильтереса Мочо.

После смерти Гудулу в 692 г. каганом объявил себя Мочо.[17] Мочо продолжал успешные набеги на Китай. В 696 г. он предложил императору усмирить восставших киданей в обмен за передачу тюкю, еще находившихся в Китае. Каган разбил киданей и за это вернул себе всех тюкю, рассеянных в китайских префектурах. Так было завершено освобождение тюкю из-под власти Танской династии. После этого Мочо возобновил борьбу против китайских угнетателей. За его голову императорским двором была обещана большая награда. Ставка Мочо оставалась в «Черных песках» (Кара-Кум). Обитавшие в Монголии племена теле были снова подчинены тюркам. Кидани и хи платили кагану налоги, выполняли «подневольные работы». Западные тюрки также находились в зависимости от него. В его правлении второй каганат восточных тюкю достиг расцвета.

Но часто восставали против кагана оставшиеся по северную сторону пустыни тогуз-огузы, кочевья которых распространялись и на Южную Сибирь. Осенью 715 г. Мочо нанес им сильное поражение, побив много людей и скота. В 716 г. он напал на р. Толе на племя паэгу и разбил его. Но тогда же он был случайно в лесу убит воином из племени паэгу. Его голову доставили в столицу. Таким образом, отпадение племен тогуз-огузов нанесло тяжелый удар тюркам.

Теперь старые племена тюкю объединил сын Гудулу по имени Кюль-Тегин. Он убил всех близких родственников покойного Мочо, но его советника Тоньюкука взял себе на службу. Тюркским каганом он объявил своего старшего брата Могиляна, которого орхонские надписи именуют Бильге каган. Сам Кюль-Тегин остался при кагане командующим войсками. Обстановка для каганата восточных тюрков в это время снова была неблагоприятной.

Все же военный опыт и энергия Кюль-Тегина и Тоньюкука помогли кагану не только удержаться, но и укрепить власть и политическое влияние восточного каганата.

В 720 г. Китай безуспешно пытался разгромить тюрков при помощи киданей и басими. Тоньюкук сам разбил басими около Бешбалыка, а затем тюрки нанесли поражение и китайским войскам. С этого времени власть кагана стала расти, а племена, подчиненные Мочо, признали его.

В 731 г. Кюль-Тегин, опора Могиляна, или Бильге кагана, умер. Его похоронили на р. Орхоне (правый приток Селенги), в местности, называемой ныне Кошо-Цайдамом, в 400 км к северо-западу от столицы Монгольской Народной Республики г. Улан-Батора. На могиле Кюль-Тегина

---

[17] В древних надписях он именуется Капаган.

был сооружен храм и поставлена надпись в его память, открытая в 1899 г. Н. М. Ядринцевым. Храм (10 × 10 м) из сырцового кирпича с оштукатуренными стенами был покрыт черепицей. При входе стояли мраморные фигуры баранов, недалеко от входа находилась мраморная черепаха, на спине которой была установлена каменная стела, покрытая тюркской и китайской надписями. От храма тянулась на восток на расстоянии 3 км вереница камней — балбалов, как это принято было по древнетюркскому погребальному обычаю.

Вскоре после смерти Кюль-Тегина Бильге каган был отравлен своим сановником. Ему также был воздвигнут храм и поставлен надгробный камень с надписями — эпитафией.

После смерти Бильге кагана у тюрков начались междоусобицы из-за престола. Последний каган их именовался Озмиш. В 742 г. по приказу императора Китая уйгуры, басими и карлуки напали на восточных тюрков и Озмиш бежал. Он был убит в 744 г. С этого времени прекратило существование государство древних тюрков. Его сменило государство уйгуров (745—840 гг.), восстановивших свою резиденцию в районах их старинных кочевий в Северной Монголии.

В VI—VIII вв., когда в Центральной Азии и в соседних с ней областях происходили события, связанные с историей тюркского каганата, в Южной Сибири обитали преимущественно тюркоязычные племена. На Алтае жили тюкю, о чем свидетельствуют каменные курганы с захоронением человека с конем. О связи предков тюкю с Алтаем и Енисеем свидетельствуют генеалогические легенды древних тюрков, в частности рассказ о государстве Со. Принято считать, что государство это находилось в Саяно-Алтайском нагорье, где название «со» сохранилось до нашего времени в наименовании одного из родов кумандинцев (северных алтайцев). В этой легенде говорится также, что один из сыновей предка-шамана превратился в лебедя: род лебедя (куулар) сохранился среди тувинцев и северных алтайцев. У современных народностей Саяно-Алтайского нагорья — тувинцев, хакасов, телеутов, кумандинцев — сохранились тотемистические представления о лебеде.[18]

В Западном Алтае, кроме того, обитали карлуки. Здесь кочевали кыпчаки, тюргеши. Там имеются каменные бабы, какие ставили позднее кыпчаки: изваяния, обращенные лицом на восток, которые держат «в руке перед пупком чашу», как это засвидетельствовал в XIII в. В. Рубрук у кыпчаков дешт-и-кыпчакских степей.

В долине Енисея жили чики, так как в надписи говорится, что в 709 г. будущий Бильге каган нанес им здесь поражение, переправившись через Енисей. Затем он покорил живший поблизости народ аз и, перевалив Когменский хребет (Западные Саяны), напал внезапно на кыргызов.[19] Чики после поражения продолжали жить на Енисее, ибо в другой надписи говорится, что их здесь разбил уйгурский каган в 750 г.[20] Азы находились в западной части Тувы, что следует заключить из надписи, рассказывающей о победе над ними Кюль-Тегина у оз. Кара-холь.[21] В надписи сказано, что «народ азов погиб», что следует понимать — потерял свою самостоятельность. Об азах позднее сообщали неизвестный персидский автор в работе под названием «Границы Мира», составленной в конце X в., и в середине XI в. персидский географ Гардизи. Азы составили тогда ветвь тюргешей, входивших в состав западных тюрков. К этому

[18] Л. П. Потапов. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений. (Обычай дарить убитого лебедя у хакасов). «Советская этнография», 1959, № 2.
[19] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 20.
[20] Там же, стр. 40.
[21] Там же, стр. 42.

времени азы в основной массе продвинулись на юго-запад от Енисея и жили в стране тюргешей в бассейне р. Чу. Чики, вероятно, также продвинулись в том же направлении. Однако при разгроме тюркского каганата уйгурами, а в дальнейшем при продвижении к Туве кыргызов, вероятно, какая-то часть чиков и азов осталась в районе Саяно-Алтайского нагорья и проникла в верховья Оби.

Основной отраслью хозяйства племен теле и тюкю и других соседних с ними тюркоязычных племен, обитавших в Южной Сибири, было кочевое скотоводство. Летопись определенно подчеркивает: «Судьба тюкю целиком и полностью зависит от овец и лошадей». Разводились, разумеется, не только лошади и овцы, но и крупный рогатый скот. На Алтае, судя по археологическим раскопкам, разводили еще и яков. Скотоводство было пастбищным в течение года, но заготовка сена практиковалась в небольшом количестве и примитивным способом. В одном из погребений древнетюркского времени в Туве были найдены жгуты сухого сена. Так как еще недавно современные тувинцы и алтайцы сохранили такой способ заготовки сена, то можно уверенно говорить о том, что траву рвали руками, или срезали ножом, свивали ее в жгуты и затем развешивали для просушки и хранения на деревьях. Находки зерен проса в древнетюркских погребениях, жернова от ручной каменной мельницы, а также письменные источники подтверждают наличие земледелия.

Важное значение в хозяйстве племен Южной Сибири, особенно в горах, имела охота на зверя, как на мясного, так и на пушного. Шкурками соболей и белок рядовое население Минусинской котловины платило налоги или поборы правящей верхушке. На Алтае, судя по археологическим материалам, большое значение имела охота на маралов, козуль, горных козлов и лосей. В Туве охотились не только на марала, козулю, но, судя по нескольким изображениям, также на дзерена, диких лошадей, яков и верблюдов. Кости дикого козла попадаются в погребениях описываемого времени (Монгун-тайга), а остатки одежды из шкурок тарбагана (сурка) свидетельствуют об охоте на этого зверька, который в Туве и Южном Алтае промышляет по сей день. Основным орудием охоты являлся лук. На костяных обкладках передней луки седла, найденных в могильнике Кудырге на Алтае, видны сцены охоты на копытных зверей на лошади. Всадники стреляют в животных из лука на полном скаку. Среди наскальных изображений Тувы часто встречаются сцены охоты на животных с луком. Употреблялись, видимо и составные луки (самострелы). В употреблении у охотников были лыжи, подбитые камусом (шкурой марала или козули, снятой с ног животного). О лыжах у ряда племен теле и кыргызов говорится в письменных источниках.

Железо добывалось как в Туве, так и на Алтае. В Туве обнаружены следы горных выработок в центральных районах (территория Чаа-Хольского, Улуг-Хемского и Каа-Хемского районов). Плавка руды велась в глинобитных горнах. К местам добычи руды и выплавки железа прокладывались колесные дороги, так как руду возили на больших повозках. Следы таких дорог с сохранившейся колеей и кусками руды, терявшимися при перевозке, описаны археологами. Алтайские кузнецы делали из добываемого здесь железа разнообразное оружие и предметы сбруи. Они ковали мечи (однолезвийные и двухлезвийные), наконечники стрел (главным образом трехперые, треугольных очертаний, с круглым отверстием в нижней части). Многие из этих стрел снабжались свистунками — насаженными на черенок полыми костяными шариками с отверстиями. При полете такая стрела издавала свист, что оказывало психологическое воздействие на врага. Специфическим оружием для Алтая была сабля с массивным клинком, имеющим легкий изгиб. Характерным изделием

алтайских кузнецов этого времени были железные котлы, как круглые подвесные, так и стоящие на конусообразной ножке. Традиция изготовления котлов сохранилась на Алтае до XVII в., когда северным алтайцам приходилось платить ими дань джунгарским ханам. Из бытовых железных предметов следует упомянуть еще тесло-топор, которым можно было срубить дерево и изготовить разнообразные деревянные предметы. Это орудие под названием «керги» сохранялось у алтайцев еще в XIX в., а у тувинцев под названием «кержек» — до наших дней. В Туве местные железные изделия представлены более всего трехлопастными наконечниками стрел, среди которых часто попадаются и свистунки. Колчаны делались из бересты и имели железный крюк для подвешивания к поясу. Из оружия в курганах Тувы найдены сабли, кинжалы, а из доспехов воинов — железные пластинки от панцирей. Как и на Алтае, здесь делали железные котлы, но только с округлым дном.

Для кочевой знати населения Южной Сибири местные кузнецы делали сосуды из серебра. На отдельных таких сосудах иногда имеются древнетюркские рунические надписи.

Кузнецы, видимо, являлись одновременно и ювелирами, как это было до недавнего времени у современных тувинцев, алтайцев, хакасов. Изделия кыргызских, алтайских и тувинских ювелиров из золота и серебра, бронзы, выполненные различной техникой, представляют собой главным образом украшение поясов и конской сбруи. Характерной особенностью таких украшений — бляшек является их сложная фигурная форма, в некоторых образцах как бы имитирующая очертания частей растения (цветка, листа); причем встречаются бляшки, покрытые тонким гравированным рисунком, изобилующим растительным орнаментом, иногда изображением бабочек и пчел.[22] Украшения из цветных металлов отливались в каменных и глиняных формах, а также выделывались штамповкой, при которой такой листок металла обрабатывался на болванке особым способом холодной инкрустации и даже горячим способом с применением амальгамы.

Гончарство на Алтае и Туве было примитивным. Изделия гончаров представлены здесь грубыми лепными сосудами баночной формы.

Наиболее распространенными видами домашнего производства были изготовление войлока, выделка кож и шкур домашних и диких животных и различные поделки из дерева. Войлок, остатки которого довольно часто встречаются при раскопках погребений VI—VIII вв. в южной Сибири, выделывали различных сортов, начиная от очень тонкого и плотного и кончая грубым и тяжелым. Он шел на покрытие юрт, из него шили одежду, делали постели. Тюю делали грубую ткань из волокна какого-то растения, вероятно кендыря. Ткацкие станки у кочевников были маленькими и разборными, наподобие сохранившихся до нашего времени у алтайцев, бурят, шорцев. Ни одна из частей станка не превышает размером 70—80 см, и весь станок свободно укладывается в маленькую сумку и мешочек и привязывается к седлу. Алтайцы на таких станках еще в первой половине XX в. изготовляли грубую ткань в виде холста из волокон кендыря, а буряты — шерстяную ткань.

Была развита обработка дерева для хозяйственных и домашних нужд. Из дерева делали деревянные части юрты, основу седла, повозки, различную крупную и мелкую утварь и, в частности, посуду, не говоря уже о древках стрел, черенках ножей и плетей, ножнах и разных украшениях для сбруи. В древнетюркских курганах в Туве обнаружены почти полностью сохранившиеся деревянные основы седел.

---

[22] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949, гл. VIII.

Универсальными орудиями для обработки дерева были тесло и нож. Кроме дерева, для предметов домашнего обихода употреблялась береста. Из бересты делали сосуды для жидкости, футляры для стрел, берестой обклеивали луки, покрывали жилища. Некоторые виды посуды шили из кожи. Из рога марала, лося, косули делали накладки для сложного лука, шарики-свистунки для стрел, пряжки верховой сбруи, застежки для узд и пут, псалии к удилам.

Хозяйство племен Сибири, входивших в тюркский каганат, в основном было натуральным. Но товарные отношения частично его затронули, главным образом через торговлю. Верхушка каганата и предводители племен вели торговлю с Китаем, обменивая скот, преимущественно лошадей, частично и пушнину прежде всего на шелк и золото. Получаемый из Китая шелк в результате систематического обмена и в виде подарков, носивших обязательный характер, продавался в Среднюю Азию, Персию, Рим.

Кочевой образ жизни наложил резкий отпечаток на быт и культуру скотоводческих племен тюкю и теле, в том числе и племен, населявших Южную Сибирь. Основным жилищем была разборная и легко перевозимая куполообразная юрта с решетчатым деревянным остовом из палок ивы, покрытая войлоком. Деревянные части юрты у богатых кочевников тюкю окрашивались (например, в голубой цвет). Для устойчивости в середине больших юрт ставился шест.[23] Огонь разводился посередине на земляном полу. Дверь делалась из войлока. Она была ориентирована на восток. Но такая юрта не являлась, конечно, единственным видом жилища, особенно в лесных районах Алтая, Тувы и Минусинской котловины. Здесь были распространены крытые берестой или шкурами шалаши, о которых говорят письменные источники в сообщениях о дубо и кыргызах. Были, нужно думать, как и раньше, в пазырыкское время, рубленые жилища.

Из раскопок в Туве выясняется, что здесь в VI—VIII вв. строили жилища, имеющие форму многогранника, основу которых составляли врытые в землю деревянные столбы. Из домашней утвари по раскопкам известна главным образом посуда, причем деревянная, ибо из кожаных сосудов, которые несомненно в то время были, в курганах ничего не сохранилось, а глиняная посуда встречается редко. Найденная в Туве деревянная посуда представляет собой блюда и чашки. Блюда, в том числе и на четырех маленьких ножках, использовались для мяса. На одном из них были обнаружены кости бараньей ноги (Монгун-тайга). Такие блюда на Алтае и в Туве дожили до современности. Своеобразный вид деревянной посуды представлен миниатюрными сосудами, которые похожи на сосуды из серебра. Посуду делали также из бересты. Один из таких сосудов был найден полностью. Кроме того, среди находок в Туве встречено деревянное дно берестяного туеса, которое было пришито к нему.

Основными пищевыми продуктами являлись мясо и молоко. В каждом погребении древнетюркского периода обнаружены остатки туши барана, как правило, его задней части. В пищу употреблялось, конечно, и мясо диких зверей, добытых на охоте (козули, марала, тарбагана и т. д.). Зерна проса, положенные с погребенными, говорят о том, что хлебная пища также не была им чужда. К продуктам питания относились и кедровые орехи. Их клали иногда с погребенными.

Кислое молоко составляло важную часть повседневного питания, а кумыс, приготовляемый из кобыльего молока, являлся излюбленным опьяняющим напитком. Угощая им друг друга, говорится в летописи, станови-

---

[23] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, SS. 417—472.

лись на колени и пели песни.[24] Так делали совсем недавно современные тувинцы и алтайцы. Кумыс хранили в деревянных сосудах, реже — в глиняных. Судя по позднему этнографическому материалу и средневековому эпосу, для хранения его применялись и кожаные меха, хотя ни одного кожаного сосуда среди археологических находок этого времени пока не найдено. Только на одном из каменных изваяний Южной Тувы имеется изображение маленького сосуда, подобного современным небольшим кожаным флягам для араки, бытующим у тувинцев и алтайцев.

Носили преимущественно длиннополую одежду из шкур животных, овчин и меха ценных пушных зверей, из грубой шерстяной ткани, а также из войлока и волокон какого-то дикого растения.

По материалам раскопок курганов VI—VIII вв. на Алтае устанавливается, что меховые шубы богатых людей покрывались шелком, как это делали недавно богачи у алтайцев, тувинцев, хакасов. Найдены остатки длиннополых шелковых халатов с длинными узкими (вероятно, декоративными) рукавами, фрагменты нательных рубах. Запахивали одежду тюю налево в отличие от китайцев и монголов.[25] Встречаются при раскопках курганов и остатки меховых штанов и обуви. Обувь шили из мягкой выделанной кожи, без каблуков, со слегка затянутым кверху носком и носили ее с войлочным тонким чулком, у которого подошва была прострочена ниткой. Сапоги завязывали у щиколотки ремешком, застегивающимся на пряжку.

Рисунки на костяной обкладке седла и на камне-валуне из раскопок Кудыргинского могильника на Алтае дают представление о богатой женской одежде из плотной узорчатой китайской парчи и тиарообразном «трехрогом» головном уборе знатной женщины. У всадников, охотившихся на зверей, штаны изображены широкими, стянутыми по сапогу у щиколотки.

Воины употребляли панцири (кольчуги) и шлемы. Каганы носили золотые кольчуги (например, Шаболио).

Принадлежностью одеяния почти каждого взрослого мужчины был кожаный пояс с наборными бляхами. В зависимости от достатка или чина человека пояс украшался золотыми, серебряными или бронзовыми бляхами. В древнетюркских рунических надписях — эпитафиях (из Минусинской котловины) говорится, что некоторые погребенные носили при жизни пояса с золотыми украшениями. В письменных источниках имеются сообщения о том, что тюю носили пояса с металлическими рельефными украшениями.[26]

Основным средством передвижения была лошадь (верховая и вьючная). Седло имело деревянную основу и железные стремена. Передние луки седла обивались иногда железными или костяными пластинками, украшенными по краям орнаментом или рисунками, выполненными гравировкой.

Конские удила, найденные в погребениях, обычно снабжены еще так называемыми эсовидными псалиями. Разнообразны были по форме стремена.

Некоторые племена, в частности теле (тогуз-огузы), пользовались двухколесными повозками (на высоких колесах со спицами), в которые впрягали быков. Поэтому они проявляли интерес к устройству дорог. Быков тогуз-огузы употребляли и под вьюк, как это делают современные тувинцы.[27]

---

[24] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 231.

[25] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, SS. 8, 41.

[26] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 46; St. Julien. Documentes historiques sur les Tou-kioue. Asiatique, 6 serie, III, Paris, 1864, p. 333.

[27] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 66.

Семья у родовых кочевников была моногамной с господством в ней мужчины. Положение женщины в семье было относительно свободным, ибо она играла в домашнем хозяйстве существенную роль, в то время как мужчина часто был в походах, на охоте, пас стада. Женщина в каганских семьях иногда допускалась к управлению государством.

Система родства была классификационной. Одним термином называли целую группу родственников и свойственников одной и той же категории. Некоторые термины родства древнетюркских племен, входивших в состав каганата, зафиксированные древнетюркскими надписями, сохранились без изменения у современных алтайцев (апа, сингиль, келин). Мужчины старшего поколения не могли жениться на женщинах младшего поколения, но мужчины младшего поколения женились на вдовах своих старших братьев, на мачехах, на тетках по отцу.[28]

При браках у племен теле (уйгуров) родственники жениха и невесты договаривались о взаимном обмене скотом в качестве даров. После сговора о браке родственники жениха представляли возможность выбрать каждому по любой понравившейся лошади из табуна. Но после свадьбы родственники жениха брали любую лошадь у родственников невесты. Эти обычаи сохранялись у современных тувинцев вплоть до XX в. Калыма у тюю не было, о чем говорится в одном из письменных китайских источников.

Главный вид богатства кочевников тюю и теле — скот, как рабочий (транспортный или тягловый), так и продовольственный, находился в частной собственности. Так было еще у гаогюйцев — предков теле в IV—V вв., о которых в летописи Вэй шу сказано: «...хотя скот бегает на полях (пастбищах), но его нельзя самовольно взять».[29] Про уйгуров же говорится: «...на домашнем скоте вообще кладут метки, и хотя в поле пристанет к чужому, никто не возьмет его».[30]

Имущественное неравенство у племен тюю и теле и вообще у населения Южной Сибири засвидетельствовано как письменными, так и археологическими источниками.

Древнетюркские надписи из Минусинской котловины сообщают в эпитафиях, посвященных некоторым погребенным лицам, о больших богатствах, преимущественно в виде стад, которыми обладали эти люди при жизни.

Раскопки древнетюркских курганов на Алтае дают яркую картину имущественного неравенства кочевников-скотоводов. В одних из курганов с погребенными находятся золотые и серебряные вещи (иногда с древнетюркскими руническими надписями на отдельных предметах), остатки шелковой одежды, оружие, многочисленные предметы быта. Даже сбруя захороненных лошадей в таких курганах отличается богатым убранством. В других курганах этого времени погребенные снабжены только одной лошадью и весьма скромным бытовым инвентарем.

Экономическое неравенство у кочевников каганата сопровождалось и неравенством социальным. Были феодалы-аристократы, рядовые общинники и рабы. Главный источник поступления рабов составляли военнопленные, захваченные при войнах и набегах. Однако пленные захватывались не столько ради использования их труда в хозяйстве завоевателей, сколько для получения за них выкупа. Известны случаи, когда тюркские каганы отдавали за выкуп массы пленных. В 631 г., например, китайский император выкупил у тюю за золото и шелк 80 тыс. китайцев, оказав-

---

[28] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, S. 10.

[29] Ма Чжан-шоу. Тюрки и тюркский каганат. Шанхай, 1957, стр. 7 (на кит. яз.).

[30] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 215.

шихся у тюкю в смутный период Суйской династии.[31] Несмотря на применение труда рабов в хозяйстве знатных богатых кочевников, рабский труд не составлял в описываемом обществе основы производства, не определял его экономику. Основными производителями в государстве тюкю и теле были мелкие скотоводы-кочевники различного достатка, собственники своих стад. Рядовые кочевники находились в зависимом положении от аристократической военной верхушки. Все они были закреплены за определенными владельцами и правителями, которые распоряжались их судьбой, вершили суд, применяли наказания, облагали налогами. Налоги эти были порой настолько велики и тяжелы, что вынуждали рядовое население кочевников, иногда даже целые племена, к побегам от своих владельцев, а порой даже к восстанию.

Ряд телеских племен восстал против кагана Хели, так как он обложил их непосильными налогами.[32] Известно также, что каган сеяньто собирал с подчиненных ему племен настолько большие налоги скотом, что это вызвало восстание против него.[33] Рядовые кочевники несли всю тяжесть военных походов и набегов.

Специфической особенностью классового общества тюркского каганата являлось переплетение феодальных отношений с патриархальными, вследствие чего господствующий тип общественных отношений можно именовать патриархально-феодальными отношениями.

Этот вывод следует прежде всего из того, что основным из средств производства у кочевников тюкю и теле, как и у всех племен Южной Сибири, являлась земля, главным образом зимние и летние пастбища.

Верховным собственником и распорядителем всех земель государства являлся каган. Члены каганской семьи, родственники, предводители племен, назначенные на высокие административные и военные должности в государстве, также являлись своего рода удельными собственниками и распорядителями отведенных им пастбищ и кочевий. Такая иерархическая структура земельной собственности и связанная с ней система военных подразделений давала возможность высшей аристократической верхушке кочевников удерживать власть над массами рядовых кочевников и держать их в повиновении.

В государствах кочевников, куда входило и население Южной Сибири, господствовала военная власть богатых скотовладельцев, осуществляемая при помощи государственного аппарата (эль). Каганы пропагандировали в массах кочевников «божественное» происхождение своих предков и вели длинные родословные, передаваемые изустно.

Верховная власть в государстве принадлежала кагану и передавалась по наследству в рамках правящего каганского рода. Власть эта была деспотической. Каган по своему усмотрению облагал повинностями и налогами подвластное ему население. Наряду с этим он раздавал отдельным лицам награды и пожалования, освобождал некоторых приближенных от всяких налогов, разрешал им беспрепятственный доступ в свою ставку. Каган решал вопросы войны и мира, взаимоотношения между каганатом и другими государствами, отправлял и принимал послов и иногда решал их судьбу. Конечно, у кагана имелись советники, но они были ответственны перед каганом и порой даже платились своей головой за советы, в которых каган видел причину своих неудач.

Каган являлся верховным командующим войсками каганата. Его помощниками были наследник престола (тегин) и командующие армиями (шады), должности которых занимали обычно сыновья или братья ка-

[31] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, S. 241.
[32] Там же, стр. 201.
[33] Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, стр. 46.

гана. В военных делах все важные вопросы решал сам каган. Он назначал и отстранял командующих войсками, награждал или наказывал военачальников, распоряжался военной добычей. Каган налагал воинскую повинность не только на свои, но и на завоеванные племена и народы. При военных походах покоренные племена посылали вперед, чтобы они приняли на себя первые удары противника. Известно, например, что с помощью войск покоренных теле тюркские каганы вели свои завоевания, «их силами геройствовали в пустынях севера».[34]

Так поступали и сами теле. В летописи сказано: «Всякий раз, как начинают и прекращают войну, из двух чужеземных поколений делают авангард войска».[35]

Государство делилось, как и у гуннов, на правую и левую стороны. Соответственно этому назначались не только правые и левые шады — военачальники, но и правые и левые ябгу, высшие правители этих частей. Ябгу назначались каганом из членов своей семьи и прочих близких родственников и были ответственны в своих действиях перед каганом. У тюкю было 28 классов чиновников.[36] Были должности внешних и внутренних министров. Из должностных титулов упоминаются сегины, селифа, тутунфа, причем эти должности тоже были наследственными.

Характерной особенностью древнетюркских государств было сохранение родо-племенных делений кочевников, несмотря на то что в постоянных войнах и набегах племена и роды тюкю и теле сильно перемешивались. Причина этого находится прежде всего в кочевом образе жизни, где территориальное (административное и военное) деление невозможно. Родоплеменное деление кочевого населения упрощало и облегчало его прикрепление к феодалу. Кочевнику-феодалу достаточно было знать только, какие племена и роды принадлежат ему, чтобы осуществлять на них свои владельческие права независимо от того, где находился тот или иной кочевник.

Общий уровень культуры тюкю и некоторых племен теле (уйгуры), как и кыргызов, был довольно высоким для того времени даже несмотря на кочевой образ жизни, о чем свидетельствует наличие у них рунической письменности. Письменность тюкю возникла на основе арамейского алфавита и была создана скорее всего при посредстве согдийцев, связь которых с тюкю не подлежит сомнению. Письменность у тюкю существовала уже при кагане Мухане. В 70-х годах VI в. были переведены на тюркский язык некоторые буддийские священные книги.[37]

Памятники рунической письменности известны по находкам в Монголии (древнетюркские орхонские и уйгурские надписи VIII в. на каменных стелах), на Алтае (на отдельных предметах из древнетюркских погребений), в Минусинской котловине (реки Уйбат, Абакан, Туба). В Туве известно свыше 50 рунических надписей на отдельных камнях и скалах, относящихся, вероятно, к более позднему времени, когда на территории Тувы господствовали кыргызы.

Древнетюркские надписи (особенно орхонские) содержат описание исторических событий и являются важнейшим письменным источником для истории предков современных тувинцев, алтайцев, хакасов.

Широкие массы кочевников едва ли были грамотными. Когда набирали воинов, лошадей или же собирали скот, то «делали зарубки об их количестве на дереве».[38] Эту дощечку запечатывали затем вместе с небольшой

---

[34] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 301; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, S. 350.

[35] Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, стр. 33.

[36] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, S. 89.

[37] Там же, стр. 34, 37—38, 43.

[38] Там же, стр. 9.

стрелой с металлическим наконечником воском, и тогда она служила документом.

Для определения времен года пользовались народным календарем. «Зелень травы им служила отличительным признаком», — говорится в летописи. Но каганы датировали свои письма годами, исчисляемыми двенадцатилетним животным циклом, который до сего времени сохранился у современных тувинцев и алтайцев. Исчисление ведется циклом в 12 лет, в котором каждый год носит название какого-либо животного (год лошади, год овцы, год змеи, год мыши и т. д.). Эти названия следуют в строго определенном порядке и повторяются через каждые 12 лет.

Для более полного представления о культуре населения Южной Сибири необходимо сказать и об изобразительном искусстве. При раскопках курганов часто встречаются различные орнаментированные металлические, костяные, кожаные, войлочные предметы, особенно фигурные поясные и сбруйные бляшки. Орнамент на войлоке наносился техникой стежки, на бересте вырезался ножом, а на коже наносился тиснением. Орнаментальное искусство имело прикладной характер.

Каменные изваяния (иногда на камне обозначена только голова и лицо) широко известны и описаны в литературе как «каменные бабы». Чаще всего они изображают мужчину.[39] Такие фигуры часто встречаются на территории современной Тувы и Горного Алтая и датируются преимущественно древнетюркским временем. Обычно они вкопаны с восточной стороны возле поминальных каменных оградок и лицом обращены на восток. Скульптура изображает мужчину, держащего в правой руке на уровне груди или живота или в обеих руках сосуд. На каменной фигуре показаны лицо, порой хорошо передающее антропологические признаки, детали одежды, головного убора, пояса с бляшками и подвешенными к нему предметами, в том числе и оружия. Предметы, изображенные на изваяниях, как правило, встречаются среди вещей, погребенных с умершим в древнетюркских курганах.

Учитывая шаманистские верования, можно полагать, что статую умерших делали и ставили к моменту поминок, которые совершались у специально сооруженной каменной оградки. В ней разжигали костер в момент «угощения» умершего, а по окончании зарывали в ней остатки поминальной пищи, посуды. Вполне вероятно, что каменные изваяния заказывали мастерам только для богатых умерших. Рядовым кочевникам в таких случаях ставили простые каменные стелы.

При похоронах каганов и наиболее знатных лиц строили поминальные храмы и ставили статуи людей и животных, как это видно на могилах Кюль-Тегина и Ильтерес кагана.

Большую область искусства древнего населения Южной Сибири составляют наскальные рисунки, главным образом изображения зверей, выполненные в реалистической манере техникой линейной резьбы. Большие комплексы таких рисунков известны в Туве, Минусинской котловине и в горном Алтае. Древнетюркским временем датируется в частности, известная Сулекская писаница в Хакассии, где изображены сцены верховой охоты с луком на различных, большей частью копытных зверей. Такие же рисунки характерны и для многочисленных писаниц в Туве, где тоже встречаются сцены охоты, в том числе облавной и даже с собаками. Наскальные рисунки, кроме того, содержат сюжеты, связанные с шаманскими верованиями. Во время праздников, свадеб и жертвоприношений, тюю и теле (в частности, уйгуры) пели песни.

Теле, тюю и кыргызы были шаманистами. Они верили в существо-

[39] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 24, М., 1952, стр. 72—100.

вание различных духов, наполняющих окружающий мир и влияющих на судьбу человека, в загробную жизнь, которую представляли себе по образу земной. Посредниками между духами и людьми были шаманы и шаманки, производившие моления с устройством жертвоприношений, лечившие больных, гадавшие о будущем. У кыргызов шаман назывался «кам». Этот термин для шамана сохранился у алтайцев, тувинцев и хакасов до сего времени. Имена некоторых древнетюркских божеств (Иер-су, Тенгри, Умай), известные по орхонским надписям, дожили до наших дней у тувинцев, хакасов и алтайцев. У них же сохранились (еще вплоть до первой четверти нашего столетия) жертвоприношения, существовавшие, согласно летописям, у тюкю (например, моление небу, горам). В верованиях тюкю и теле содержались элементы тотемистических представлений. Волк и волчица выступают их прародителями. О почитании волка свидетельствует обычай тюркских каганов ставить у своей юрты штандарт с золотым изображением головы волка. В летописном сообщении говорится, как божество в виде человека с волчьей головой, обитающее на священной горе Отукен, предсказало гибель сеяньто.[40]

Известны попытки распространения у тюкю буддизма в 70-х годах VI в. при кагане Тобо. Буддийские храмы собирался строить в начале VIII в. каган Бильге, но отказался от этого намерения.

Умерших тюкю хоронили по древнему шаманскому ритуалу. В летописи династии Чжоу рассказывается, что покойника помещали на возвышении в юрте, перед которой родственники покойного клали убитых в жертву умершему овцу и лошадей, затем семь раз объезжали верхом юрту по кругу. Каждый раз проезжая перед входом, разрезали себе лицо и плакали. Далее в назначенный день «брали лошадь, одежду и вещи покойного и сжигали их вместе с трупом умершего. Затем собирали пепел, чтобы захоронить его в подходящее время; если кто-либо умирал весной или летом, тогда ждали, пока трава и листья деревьев не становились желтыми; если кто-нибудь умирал осенью или зимой, тогда ждали, пока распустятся и зацветут растения. Тогда вырывали могилу и хоронили (пепел)... После похорон они накладывали камни и ставили на них памятный столб. Количество камней находилось в зависимости от количества людей, которых убил при жизни умерший. Затем вешали все головы принесенных в жертву овец и лошадей на столб».[41] В летописи Суйской династии кратко отмечено, что в жертву покойному убивают лошадей и быков, а труп умершего кладут на лошадь и вместе сжигают. Камни, отмечающие количество убитых врагов, ставят перед могилой.

Таким образом, у тюкю существовал обряд трупосожжения. Они сжигали на поле боя погибших воинов и оплакивали их.[42]

В соответствии с этим в Туве, в некоторых древнетюркских курганах, обнаружено трупосожжение и найдены остатки кальцинированных костей умершего и сожженных вместе с ним животных и различные вещи (железные трехперые наконечники стрел, удила, псалии, бляшки сбруйного украшения, остатки железного котла). Сжигали и умерших каганов. Однако похороны каганов имели существенные отличия. В Суйской летописи при описании погребального обряда тюкю есть добавление, относящееся к похоронам каганов: «В могиле они возводят помещение, в котором нарисован портрет умершего и сцены из битв, в которых умерший принимал участие до своей смерти».

Со временем погребальный обряд тюкю изменился. Они стали подобно теле хоронить умерших в земле, в ямах под курганом из камней. Одни

---

[40] Liu Mau-tsai. Die chinesichen Nachrichten..., Bd. I, S. 460.
[41] Там же, стр. 9—10.
[42] Там же, стр. 95.

курганы содержат погребение человека с конем (с ориентировкой человека головой на север или северо-восток, а лошади — в обратном направлении), другие (в Туве) — погребение человека без коня. Такая перемена погребального ритуала произошла в первой четверти VII в. К этому времени обряд захоронения в землю уже настолько был распространен среди тюкю, что это бросилось в глаза китайскому императору, который в 628 г. сказал: «То, что они своих покойников, которых по их обычаям следует сжигать, теперь хоронят и сооружают могилы, показывает, что они поступают вопреки предписаниям своих предков и оскорбляют духов».[43] Однако каган Хели, умерший в 634 г. пленником, был похоронен по старому обряду, т. е. сожжен. Иногда хоронили под курганом только вещи, принадлежащие умершему. Такие погребения — кенотафы древнетюркского времени известны по раскопкам в Туве. Можно предполагать, что вместо отсутствовавшего трупа иногда в таких кенотафах клали его изображение в виде куклы.

Время тюркских каганатов, VI—VIII вв. н. э., явилось важным этапом в консолидации тюркоязычных племен и в их этнической истории, когда возникали и развивались широкие этнические общности тюркоязычных племен на огромной территории Центральной Азии и в прилегающих к ней районах Южной Сибири. В это время укреплялись контакты с иноязычными кочевыми и оседлыми соседями, создавались основы для формирования родственных по происхождению тюркоязычных народностей. Многие современные тюркоязычные племена и народности СССР в этнических образованиях того времени имеют своих дальних предков.

2. УЙГУРЫ

Предки уйгуров были одним из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии.

В период восточнотюркских каганатов особенно сильными были уйгуры, жившие в бассейне р. Селенги. Начиная с 606 г. союз уйгурских племен, во главе которых стоял род Яглакар,[44] неоднократно пытался освободиться от зависимости тюрок — тугю и создать свое государство, но эти попытки не увенчались успехом. Только в начале VIII в., когда второй восточнотюркский каганат, раздираемый внутренними противоречиями, переживал глубокий кризис, уйгуры усилились. Они возглавили объединение племен Центральной Азии, враждебных тюркам — тугю. Наиболее сильными их союзниками были тюркоязычные карлуки, жившие в это время между Алтаем и оз. Балхаш.

После падения второго тюркского каганата они стали полными хозяевами Центральной Азии.

Главу государства, так же как это было ранее у жуань-жуаней и тюрок — тюкю, уйгуры называли каганом. Первым каганом, руководившим борьбой за создание государства уйгуров, был Пэйло, происходивший из руководящего уйгурского рода Яглакар. Уже при нем территория каганата расширилась от Алтайских гор до Маньчжурии.[45]

После смерти Пэйло в 746 г. каганом стал его сын Моюн-чур (746—759 гг.), который был смелым и искусным полководцем.

Незадолго до восстания в 756—759 гг. согдийца Ань Лу-шаня[46]

---

[43] Там же, стр. 193.

[44] Ю. А. Зуев. Киргизская надпись из Суджи. «Советское востоковедение», 1958, № 3.

[45] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 2. Л., 1926, стр. 331—400.

[46] E. G. Pulleyblank. 1) A Sogdian Colony in Inner Mongolia. T'oung Pao. vol. 41. 1952; 2) The Backround of the Rebellion of An Lu-shan. London, 1955.

дальновидный Моюн-чур и верхушка уйгурского каганата были особенно озабочены укреплением своих северных тылов. Для этого уйгурам необходимо было ликвидировать угрозу со стороны наиболее сильных северных соседей — древних хакасов, проживавших в Хакасско-Минусинской котловине к северу от Саянских гор, и их союзников — тюркоязычных чиков, которые вновь в это время возглавили племена, жившие на территории современной Тувы.

О ходе борьбы уйгуров с северными соседями известно из надписи на каменной стеле, поставленной на Селенге в честь кагана Моюн-чура в 758 г. уйгурами.

По данным этого памятника, территория Тувы была завоевана уйгурами в 750 и 751 гг., и для этого им пришлось воевать с жившими там чиками. После падения восточных тюрок — тугю в 745 г. власть в Туве вновь перешла к местным племенам, которых возглавляли чики. Чики находились в союзнических отношениях со своими северными соседями — древними хакасами. Их союз был основан на давнем стремлении народов бассейна Енисея препятствовать захвату рудных земель приходившими периодически, сменявшими друг друга кочевыми ордами из Центральной Азии. Такими завоевателями на этот раз были уйгурские войска под водительством кагана Моюн-чура, от имени которого в посвященном ему памятнике говорится: «... в год тигра (750 г.) я пошел в поход против чиков. Четырнадцатого числа второго месяца сразился я у реки Кем.[47] В тот же год чики подчинились... Потом у ключа... там я распорядился устроить себе свой беловатый лагерь и дворец (с престолом), там я заставил построить крепостные стены (заборы), там я провел лето, и там я устраивал моления высшим божествам (?). Мои знаки (тамги) и мои письмена я там приказал сочинить (и врезать в камень). После этого в тот же год осенью я продвинулся на восток. Татар я призвал к ответу».[48]

Из этой надписи ясно, что борьба уйгуров с чиками была упорной и кровопролитной. Будучи свободными в течение коротких пяти лет, чики ожесточенно боролись против новых захватчиков. На берегах Улуг-Хема тогда разыгрывались полные драматизма сцены отчаянного сопротивления чикских воинов-ополченцев грозной силе конных полчищ кагана Моюн-чура.

Недаром скупые строки памятника сообщают, что сам каган, вторгшись в Туву зимой, был вынужден провести здесь затем целое лето. Он построил во враждебной среде свои лагери и опорные военные крепости, устраивал «моления высшим божествам», испрашивая победу над новой землей. И в знак закрепления своей власти соорудил каменные столбы с врезанными в них надписями, силу приказов которых подтверждали выбитые на них личные тамги кагана.

Только глубокой осенью 750 г. Моюн-чур, оставив в Туве охранные гарнизоны, «продвинулся на восток» на р. Орхоне, для того чтобы сразу же уйти в поход против монголоязычных татар. Однако осенью 751 г. кагану уйгуров пришлось вновь принять срочные меры для того, чтобы удержать территорию Тувы в своей власти. Дело в том, что в течение года сложилась антиуйгурская коалиция племен Саяно-Алтайского нагорья, состоявшая из живших на Иртыше карлуков, оставшихся тюрок — тюкю и древних хакасов. К роду кыргызов, возглавлявшему древнехакасское государство, тюрки направили специальных послов с призывом выступить против уйгуров и поднять на восстание союзных им чиков, попавших под власть уйгуров. Согласившись с предложениями тюрок и

[47] Река Кем — современный Верхний Енисей (по-тувински Улуг-Хем) и один из его главных притоков — Малый Енисей.

[48] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности..., стр. 40.

карлуков, хакасский хан направил в Туву, чтобы поднять восстание своих союзников — чиков, специальных разведчиков и быстрые «летучие отряды» конницы. Это предприятие, однако, постигла неудача из-за предательства нескольких тюркских бегов, которые успели обо всем доложить кагану уйгуров.

Уйгуры сумели перехватить хакасских разведчиков и напали на их «летучие отряды». Осенью 751 г. Моюн-чур с большим войском вновь появился в Туве, переправился через Улуг-Хем, прошел далее на запад и в битве у р. Болчу, на левом берегу Иртыша, разгромил войско карлуков. В это время, когда результат похода уйгуров на карлуков еще не был известен, с опозданием, в одиночку восстали тувинские чики, которые были жестоко усмирены специальным «тысячным отрядом», посланным в Туву каганом. Так закончились попытки населения Тувы вернуть себе желанную свободу и начался уйгурский период в истории Тувы.

Тува и прилегающая к ней часть современной Северо-Западной Монголии стали крайними западными и северо-западными оплотами Уйгурского государства, районами, имеющими для уйгур важнейшее стратегическое значение, так как обладание ими позволяло уйгурам обезопасить себя от нападения наиболее сильных соседей — древних хакасов (с родом кыргыз во главе), алтайских тюрок и карлуков, живших в то время на территории современного Восточного Казахстана. Ни Горный Алтай, ни Хакасско-Минусинская котловина в состав Уйгурского государства не вошли. Для управления Тувой от имени кагана был поставлен военный наместник с титулом «тутук» («народу чик я дал тутука, шбаров и тарханов я тогда утвердил»).[49] Тутуку подчинялись управители отдельных районов, носившие титулы «ышбары» и «тарханы» — сборщики дани с покоренного населения. Вся эта военно-административная иерархия опиралась на уйгурские охранные войска, располагавшиеся в Туве в особых военных поселениях, и в случае нужды получала подкрепления из центральных областей древней Уйгурии.

Уйгурское господство в Туве, начавшись в 750 г., продолжалось до 840 г., т. е. до времени падения их каганата в Центральной Азии.

В уйгурское время в Туве впервые появляются монументальные архитектурные сооружения, обнесенные стенами городища, крепости и замки. Дворец и крепость Моюн-чура, о которых говорится в его надписи, были сооружены, видимо, в истоках Малого Енисея в труднодоступной высокогорной долине на острове посреди оз. Тере-Холь. Крепость носит название Пор-Бажин.[50] Стены ее достигали 10 м высотой. В середине восточной стены расположены были ворота с хорошо укрепленными привратными башнями, на которые с внутренних сторон поднимаются параллельно стенам въезды — пандусы.

Внутри крепости помещался дворец Моюн-чура. Можно представить себе, какое впечатление производил Пор-Бажин на того, кто, миновав стражу, входил между двумя высокими башнями в ворота. Он попадал в широкий двор, занимавший всю восточную часть крепости. Затем шла анфилада дворов, связанных проходами, вспомогательные и жилые постройки располагались симметрично оси дворцового комплекса. Когда же пришелец пересекал двор и проходил через узкие проходы во внутренних стенах на центральную площадь крепости, перед его глазами возникал величественный дворец с четкими линиями облицовки стилобата и белоснежными стенами. Широкие парадные лестницы в центре усиливали впечатление.

---

[49] Там же, стр. 41.

[50] С. И. Вайнштейн. Древний Пор-Бажин. «Советская этнография», 1964, № 6, стр. 103—104.

В долине Хемчика известны 14 городищ и один опорный наблюдательный пункт, сооруженные уйгурами.[51] Все городища представляют собой четырехугольники из стен, сложенных в свое время из сырцового кирпича или же глинобитых. Некоторые из них имеют остатки оборонительных башен, расположенных по углам и у ворот. Ворот обычно было двое. Снаружи все крепости были обнесены глубокими рвами, прежде наполненными водой, и лишь к воротам вели сухие въезды. Размеры внутренней площади городищ различны — от 0.6 до 5 га.

Наиболее интересным на Хемчике является третье Шагонарское городище. Это был первоначально хорошо укрепленный замок, размерами 126 × 119 м, т. е. площадью около 1.5 га. Он отличается от остальных городищ наличием внутренней квадратной цитадели (47 × 45 м).

Городища эти расположены строго продуманно, как бы по одной дугообразной линии, обращенной выпуклостью к северу, в сторону Саянского хребта, и прикрывающей центральные, наиболее плодородные районы Тувы от возможного вторжения северных соседей — древних хакасов.

В точности по этой же линии проходят отрезки длинной оборонительной стены, которая связывала городища в единую оборонительную линию. Кроме того, на перекрестке летних путей уйгуры соорудили две «выступающие» на север крепости, запиравшие выход в долину Хемчика. Это крепость на р. Ак-Суг и в урочище Ак-Ору в Суг-Холе.

Городища были центрами оседлости, земледелия, ремесла и, вероятно, торговли, а на случай военной опасности они служили убежищами для окрестного кочевого населения, жившего в юртах.

Раскопки на городищах выявили остатки зданий и длинных помещений казарменного типа. Обнаружены железные шлаки — свидетельство металлургического производства. Особенно много найдено сломанных зернотерок и жерновов каменных ручных мельниц, что говорит о занятиях населения земледелием. Находки пряслиц от веретен говорят о домашнем ткачестве, а обломки глиняных сосудов, среди которых многие сделаны на гончарном круге, позволяют заключить, что в этих городах жили и ремесленники-гончары.

Возле крепостей имеются кладбища. Погребальные сооружения и обряд резко отличаются от кладбищ и погребального обряда местных племен. Так хоронили люди, явно пришлые в Туву из другой страны. Скелеты здесь находились иногда в деревянных гробах на дне глубоких катакомб со входными ямами. Поверх могилы насыпался округлый земляной курган. В таких могилах хоронили мужчин, женщин и детей. С ними ставили питье в искусно сделанных на гончарном круге вазообразных сосудах и густую пищу типа каши в банкообразных горшках, покрытых нагаром. Ставили также круглодонные медные и железные котлы. Вареное мясо овец, коров и коней иногда помещали на деревянных корытцах. Клали даже целые головы овец. С женщинами, кроме сосудов, укладывали каменные пряслица, игольники, бусы и ножи.

Мужчин хоронили с оружием. С ними положены боевые сложные луки с костяными накладками, стрелы с железными и костяными наконечниками, ножи. От одежд сохранились лишь обрывки шелковых и шерстяных тканей, бронзовые и железные поясные пряжки. Конского снаряжения нет. Имеются следы гибели этих людей на войне. Многие черепа посечены мечами или пробиты стрелами. У иных погребенных рассечены руки или ноги, а у некоторых даже были отрублены головы.

В инвентаре обнаруженных в Туве памятников уйгурской культуры прослеживаются черты, восходящие еще к гуннскому времени. Они видны

---

[51] Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. «Советская археология», 1959, № 3.

как в керамике (вертикальное лощение поверхности, налепные рассеченные валики, загибающиеся в «усики»), так и в форме накладок на лук, которые повторяют очертания накладок гуннского лука и резко отличаются от накладок тюркских луков. Все это свидетельствует о центральноазиатских корнях этой культуры.

Вместе с тем имеется ряд черт, свидетельствующих о среднеазиатском воздействии на уйгуров. Это проявилось прежде всего в архитектуре и строительном деле, например в применении сырцовых кирпичей того размера (42 × 23 × 10 см), который характерен для архитектуры Семиречья, Чача и Согда в VII—IX вв.

Наличие среднеазиатского влияния и прежде всего воздействия согдийской культуры не может вызывать удивления. Еще в VI—VIII вв. в каганате восточных тюрок жили согдийцы.[52] Количество их колоний в Центральной Азии значительно увеличилось при господстве уйгуров.

В первое время каганы привлекали к строительству городов и крепостей непосредственно согдийских архитекторов и строителей, которые, естественно, применяли при этом свойственные им среднеазиатские приемы и строительные материалы. Весьма вероятно, что согдийцы также принимали участие в строительстве городов и крепостей в Туве, которое началось еще при кагане Моюн-чуре.

К этой работе, требовавшей больших усилий, привлекались не только согдийские колонисты, но иногда и обращенные в рабство, взятые в плен во время неоднократных походов уйгурских войск в Семиречье и Фергану.

Несмотря на то что вся власть в Туве была в руках уйгуров, преобладающим в численном отношении населением Тувы были местные племена. Это были прежде всего оставшиеся в Туве после разгрома тюркского каганата алтайские тюрки, переселившиеся сюда в середине VI в., но поддерживавшие тесные связи с тюрками Алтая и Монголии и при уйгурах.

Эта этнографическая группа и в VIII—IX вв. продолжала жить обособленной жизнью от других групп, она строго сохраняла присущие ей черты погребального обряда. Хоронили тюрки в отличие от уйгуров под круглыми каменными насыпями в больших прямоугольных ямах, куда вместе с умершим человеком обязательно клали убитого верхового коня в полном снаряжении, оседланного и в узде.

С лошадьми находятся остатки седел со стременами и подпружными пряжками (из кости и железа), а также роговые застежки от пут; на головах — узды с железными удилами. Ремни узд часто украшены бронзовыми или даже золотыми (в богатых могилах) бляшками. С умершими людьми помещали в качестве пищи только мясо овец. Глиняной посуды в этих могилах нет.

При мужских костяках обычно вдоль правого бока уложен сложный лук с костяными накладками и берестяной колчан с деревянной основой. В колчанах находят стрелы с трехлопастными наконечниками, имеющими костяные свистунки на черешках.

Из бытовых предметов обычны ножи и тесла. От одежды сохраняются обрывки тонкого войлока от халатов, остатки шелковых и шерстяных тканей. Частой находкой являются наборные пояса с бронзовыми пряжками, бляшками и наконечниками. Встречаются и железные поясные пряжки. В богатых мужских погребениях находят золотые серьги с напускными кольцами из шариков на подвеске, деревянные предметы, покрытые черным лаком, бронзовые зеркала и деревянные гребни.

Следующую группу местного населения Тувы составляли чики и другие местные племена. Они отличались присущими им особенностями обряда как от уйгуров, так и от алтайских тюрок. Вероятно, они оста-

[52] E. G. Pulleyblank. A Sogdian Colony in Inner Mongolia.

вили после себя особенно распространенные могилы, при раскопках которых выявляются многие архаичные черты, присущие местному населению еще в шурмакское и уюкское время.[53] Это одиночные захоронения в ямах с деревянными настилами, поверх которых сооружались округлые каменные насыпи. Коней нет. Скелеты людей лежат вытянуто на спине, головами на север или запад, но есть и лежащие скорченно, на боку. Один женский скелет оказался в деревянном гробу, подобном встреченным в могилах уйгуров. Конское снаряжение обнаружено трижды. В одном случае это положенная сверху на настил пара стремян, в другом — седло со стременами и костяными подпружными пряжками и узда с удилами, лежащие в ногах, в третьем — одно стремя. Иногда над настилами встречаются остатки тризны: черепа овец и лошадей.

С погребенными обычно не клали оружия, но в нескольких случаях с воинами положены луки с костяными накладками уйгурского и тюркского типов, а также обычные берестяные колчаны, украшенные костяными пластинками и наполненные стрелами с черешковыми трехлопастными наконечниками. В женских могилах найдены бронзовые зеркала, гребни, пряслица, сделанные из стенок сосудов, в том числе из ваз уйгурского типа, бронзовые кольчатые серьги, сердоликовые граненые бусы, шелковые шнурки и однажды грубый лепной горшок.

У одного из курганов с погребением этого типа, с восточной стороны насыпи, стоял каменный столб с тюркоязычной надписью, который известен в науке как памятник Уюк-Аржан.[54] Эта надпись — обычная эпитафия, из которой видно, что здесь был похоронен человек по имени Яш Ак баш. И действительно, под курганом было открыто погребение мужчины с довольно богатым инвентарем.

Отсюда ясно, что коренное население центральной части Тувы, и в первую очередь чики, было тюркоязычным и в уйгурский период уже имело письменность на енисейском алфавите, который являлся в то же время алфавитом письменности древних хакасов, союзников чиков во время нашествия уйгуров на Туву.

Следует упомянуть и еще один вид археологических памятников VIII—IX вв. — мужские каменные изваяния.[55] Это реалистические, тщательно изготовленные скульптуры мужчин, памятники особо отличившимся героям. Они устанавливались в отличие от тюркских сооружений на могилах, но по-прежнему были ориентированы на восток лицом. Каменные скульптуры этого типа найдены только в Овюрском районе, в долине Хемчика и на Улуг-Хеме (до р. Чаа-Холь на восток).

Этническая карта Тувы того периода была бы не полной без указания еще на одну этнографическую группу. Это проживавшие по отрогам Западных и Восточных Саян, на территории современной Тоджи, племена таежных оленеводов и охотников, которые, судя по дотюркской топонимике, были самодийцами по языку и происхождению.

Важнейшими отраслями хозяйственной деятельности населения Тувы в уйгурский период были по-прежнему экстенсивное кочевое скотоводство и земледелие. Основные средства производства — пашни, пастбища и скот — находились в собственности уже на основе феодального права.

По расположению городищ и поселений ясно, что уйгурские феодалы захватили в Туве у местных племен наиболее плодородные и лучше всего орошаемые земли по долинам Хемчика и Улуг-Хема (например, район Чаа-Холя и Шагонара). Земледелие было плужным с применением тягло-

[53] Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. «Вестник Московского государственного университета», историко-филологическая серия, 1958, № 4.
[54] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 13—14.
[55] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, стр. 72—100.

вой силы животных и искусственного орошения засушливых степных участков, прилегающих к речным долинам. Большинство населения занималось скотоводством. Сами уйгуры также преимущественно были скотоводами. Безусловно, многие из них и в Туве кочевали со скотом и жили в войлочных юртах, имевших так называемую колоколовидную форму (с трубообразным верхом).

Ремесло уже отделилось от земледелия и скотоводства. По находкам на городищах и в могильниках уйгуров можно сделать вывод, что среди них были металлурги и литейщики, гончары (изготовлявшие на гончарном круге великолепные вазы), кузнецы и ювелиры. Добывались различные руды, в первую очередь железная и медная, оловянный камень, золото и серебро. Каменотесы и скульпторы изготовляли каменные памятники (в том числе и скульптуры), жернова, зернотерки, бруски. Были свои резчики по кости и художники, строители и архитекторы, а также ткачи.

Важное значение в каганате уйгуров имела торговля с Востоком. Уйгуры были поставщиками лошадей и других продуктов скотоводства, а также собольего меха и даже изготовлявшейся у них белой тонкой шерстяной ткани. Обратно в степи направлялись главным образом предметы роскоши и прежде всего шелка.

Уйгуры в период VIII—IX вв. имели ту же письменность, что и тюрки в VII—VIII вв., — письменность, основанную на так называемом орхонском алфавите. В VIII—IX вв., как уже говорилось, местные племена Тувы пользовались енисейским вариантом этой письменности, который отличался иными начертаниями целого ряда знаков. Кроме памятника Уюк-Аржана, к уйгурскому периоду относится еще одна надпись на плите из Тувы, которая датируется на основании совпадения имеющихся на обеих плитах личных тамг, больше не встреченных на памятниках других периодов.

Пребывание племен Тувы в составе уйгурского каганата способствовало укреплению ранее установившихся культурных связей этой области со многими странами. Связи со Средней Азией, особенно через посредство согдийцев (живших в Согде, в Семиречье, Восточном Туркестане и уйгурском каганате), окрепли не только в результате походов уйгуров в Семиречье и Фергану, но и путем торговли. Они и привели к распространению в Туве среднеазиатской религии, манихейства.

Центральноазиатские уйгуры в большинстве своем в середине VIII в. были буддистами. Но буддизм у них все же не смог вытеснить шаманизм. С 763 г. государственной религией уйгуров становится манихейство, заимствованное через посредство согдийцев. Манихейцы изображали свое божество гордо восседающим на троне, в то время как Будда омывает ему ноги.

Борясь с буддизмом, уйгуры ревностно насаждали манихейство на землях, подвластных каганату. В этом убеждает надпись уже упоминавшегося памятника местных племен — Уюк-Аржана. В начале надписи говорится: «Мои товарищи, наши наставники, шад мой... Мой народ, я расстроился и отделился от всех вас» (т. е. умер).

Здесь «наши наставники» передано через «марымыз» от слова «мар», что по-сирийски буквально значит «учитель». Так обычно согдийцы манихеи называли своих вероучителей (миссионеров, наставников в вопросах манихейской религии).

Может быть, влиянием манихейства объясняется преобладание новой западной ориентировки, которая появилась в погребениях местного населения (чиков и др.) в уйгурский период? Например, останки того манихейца Яш Ак баша, которому посвящена эпитафия Уюк-Аржан, покоились в яме вытянуто на спине, головой на запад.

Уйгурский период в истории Тувы оставил свой след в этногенезе тувинского народа, в состав которого вошли не только чики и тюрки, но и часть оставшихся здесь уйгуров.

По тувинскому преданию, записанному в 1889 г. известным тюркологом и этнографом хакасом Н. Ф. Катановым, «уйгуры жили прежде там же, где находятся отмеченные выше городища, по р. Бом-Кемчику и Улу-Кему». Современный тувинский род «ондар-уйгур» продолжает и сейчас жить в долине Хемчика.[56]

3. КУРЫКАНЫ

Среди племен Восточной Сибири особое место по уровню развития культуры и роли в политической жизни народов Восточной Сибири I тыс. н. э. занимали курыканы (гулигань), люди страны «солнечного восхождения».[57] Согласно сохранившимся письменным источникам, земли курыкан располагались в районе оз. Байкал. Юаньская летопись уточняет их местонахождение, указывая, что курыканы жили «в округе Ангкола, носившем имя от одной реки. У жителей этого района язык существенно отличается от кыргызского. Эти земли кули...». Название Ангкола — это, конечно, Ангара.

Сравнительно подробные известия о расположении земли фури (курыкан) и ее особенностях, о дорогах к ним и образе жизни прибайкальских племен имеются у Гардизи, автора труда «Украшение известий», написанного в царствование газневидского султана Абд-ар-Рашида (1050—1052 гг.). Он писал, что из лагеря кыргызского хакана с Енисея можно попасть в страну фури (кура-курыканов) двумя дорогами, степью и лесами.

В лесах вдоль этого мрачного и тяжелого пути обитали, по словам Гардизи, настоящие дикари, обрисованные весьма подробно и обстоятельно. По его словам, они живут в болотах, ни с кем не имеют сношений, не умеют говорить на языках соседей, их языка тоже никто не понимает.

Как «самые дикие из людей», обитатели болот не имеют домашних транспортных животных, чтобы возить имущество. «Все они кладут себе на спину». Но все имущество их состоит из звериных шкур, которые являются и материалом для одежды.[58] Курыканы составляли союз трех племен. Во главе каждого племени стоял вождь — сыгин, а во главе всего союза — «главный», или «великий сыгин».

Из надписей на надгробных памятниках тюркских властителей, правивших в долине Орхона, известно, что послы курыканов в числе представителей других народов явились на погребальное торжество в честь родоначальника орхонских ханов Бумын кагана, чтобы выразить соболезнование своего народа по поводу его смерти. Это событие относится к 552 или 553 гг. н. э. и является первой точно засвидетельствованной исторической датой, относящейся к истории курыкан.

Позднее курыканы принимают активное участие в борьбе уйгурских племен и огузов с орхонскими тюрками. Как известно из источников, уйгуры стали наиболее упорными врагами орхонских тюрок после того, как каган Ильтерес, или Кутлуг, восстановивший в конце VII в. тюркское государство на Орхоне, напал на них, «ограбил 9 родов» и, «разбогатев лошадьми, объявил себя ханом».[59] В числе врагов Куглуга, с которыми он боролся, рядом с кыргызами и огуз-татарами упоминаются ку-

[56] Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и Восточного Казахстана. СПб., 1893, стр. 3.

[57] Подробно о курыканах говорится в работе А. П. Окладникова «История Якутской АССР» (т. I, М.—Л., 1955, стр. 294—325).

[58] В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 527—528.

[59] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 322.

рыканы: «На юге китайский народ был ему врагом, на севере — народ тогуз-огузов Баз-кагана был ему врагом. Кыргызы, курыканы, огуз-татары, кытайи и татаби — все ему были врагами».[60]

То обстоятельство, что в надписи Бильге кагана при перечислении врагов Кутлуга относительно немногочисленные курыканы поставлены рядом с таким значительным в то время народом, как енисейские кыргызы, объясняется, по-видимому, воинственностью и храбростью курыканской конницы. Именно такими рисуются они и в писаницах на ленских скалах — на своих боевых лошадях, со знаменами и оружием.

Сравнивая письменные известия о населении Прибайкалья VI—X вв. н. э. с археологическими памятниками того же времени, известными в литературе под названием курумчинских, А. П. Окладников пришел к заключению, что носителями курумчинской культуры являлись именно курыканы.

Памятники этой культуры — поселения, городища, могильники, стоянки, наскальные рисунки (писаницы) — распространены по обоим берегам Байкала в следующих пределах: низовья Селенги у Кабанска, долина Баргузина, Тункинский край, долина Ангары до Балаганска и несколько ниже последнего, верховья Лены до Жигалово. Основной областью курумчинской культуры являлась южная часть Приангарья и Приленского края с заключенной между ними частью Байкальского побережья и о. Ольхон.

Важное место в хозяйстве курыкан, судя по культурным остаткам, занимало скотоводство, которое было основой материального благосостояния населения и служило предметом их меновой торговли. Особенно славились они разведением лошадей, что отмечают и летописи; в них говорится, что страна гулиганей производила «превосходных лошадей, которые с головы похожи на верблюда, сильны, рослы: в день могут пробегать по нескольку сот ли».[61]

Кроме лошадей, они разводили крупный рогатый скот, овец, верблюдов, что подтверждается многочисленными остатками костей этих животных на местах поселений. Чтобы обеспечить свои стада хорошими летними пастбищами в засушливых районах и корм скоту на зиму, курыканы применяли искусственное орошение для полива полей и сенокосных угодий, возможно, оставляя их для зимних выпасов с нетронутой травой. Остатки таких оросительных систем сохранились в Кудинской степи, например около бывшего улуса Харазаргай.

Наряду со скотоводством курыканы занимались охотой на диких животных — лосей, косуль, оленей, кабанов. На писаницах изображены сцены облавных охот на кабанов, преследуемых конными загонщиками, сцены охоты конника на лося с арканом в руке. Из костей домашних и диких животных изготовлялись костяные накладки на лук, стремена, наконечники стрел, пластинки для обкладки колчанов с резными изображениями благородного оленя, проколки, заколки и многочисленные мелкие предметы хозяйственного назначения.

Некоторую роль в экономике курыкан играло собирательство. Для выкапывания корней различных растений служили небольшие железные лопаточки с черешком, насаженным на рукоятку. О сборах дикорастущих растений курыканами имеются прямые указания в письменных источниках: в стране курыкан много «лилий», которые они едят. Лилия — это сарана, ее луковицы употреблялись в пищу до недавнего времени лесными саяно-алтайскими племенами.

---

[60] П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», т. XII, вып. II—III, 1890, стр. 67.
[61] А. П. Окладников. История Якутской АССР, стр. 311.

Курыканы широко занимались земледелием. Около их городищ и поселений сохранились остатки древних пашен в виде длинных параллельных грядок.

В культурном слое Унгинского поселения обнаружены земледельческие орудия: чугунный сошник, шесть серпов, жернова из песчаника, кельтовидное тесло. Судя по размеру найденного сошника, можно предположить, что курыканы пользовались сравнительно небольшим деревянным плугом. В такой плуг могли запрягать двух—четырех лошадей (реже мулов или быков). Урожай убирали серпами трех видов. У одних серпов лезвие имеет полувтулку для насаживания серпа на короткий черенок. Вторая группа серпов на конце имеет заостренный черенок, который вставляется в деревянную рукоять, лезвие этих серпов снабжено зубцами. Третья группа — серпы без черешка.

В глиняной обмазке стен жилища и в слое поселения на Унге найдены зерна различных злаковых растений — проса обыкновенного, пшеницы крупнозернистой, ржи, ячменя, конопли.

Наиболее многочисленные находки злаков составляет просо. Его зерна находились во многих местах поселения в слое, в глиняной обмазке, в берестяных сосудах, в железном светильнике, в обломках железных сосудов. Просо было главной пищевой культурой и курыкан. Их земледелие генетически связано было с земледельческой культурой Средней Азии. Об этом свидетельствуют находки на Унгинском поселении (неподалеку от Балаганска в долине Ангары). Здесь обнаружена печать с изображением мифического животного с бычьим телом и головой человека. Это изображение популярного в Средней Азии божества — Гопат-шаха, пастуха-царя. Поселение на Унге принадлежало, как полагает А. П. Окладников, согдийской земледельческой колонии, занимавшейся здесь земледелием, а также скотоводством. Отзвуки древних связей населения Прибайкалья с согдийцами, предками таджиков и узбеков, дошли до нашего времени: в составе бурятского народа были «сартские роды», сартолы, или сартулы. Сартами назывались земледельцы Средней Азии. Их роль как основателей земледельческой культуры, пишет А. П. Окладников, среди кочевых народов Сибири и Центральной Азии нашла эпическое выражение в образе богатыря Сартактая, который совершает своим кетменем подвиги космического масштаба: прорубает в скалах гигантские канавы, ворочает целыми горами.[62]

Характерная черта курумчинской культуры — обработка железа. Поселения и стоянки курумчинцев представляют собой картину стойбища плавильщиков и кузнецов. Плавка железа производилась либо в небольших глинобитных горнах, либо в плавильных ямах диаметром 0.5—1 м и глубиной до 1 м, в которых из руды выплавлялось железо. Воздух в горны подавался кожаными мехами через глиняные трубки-сопла.

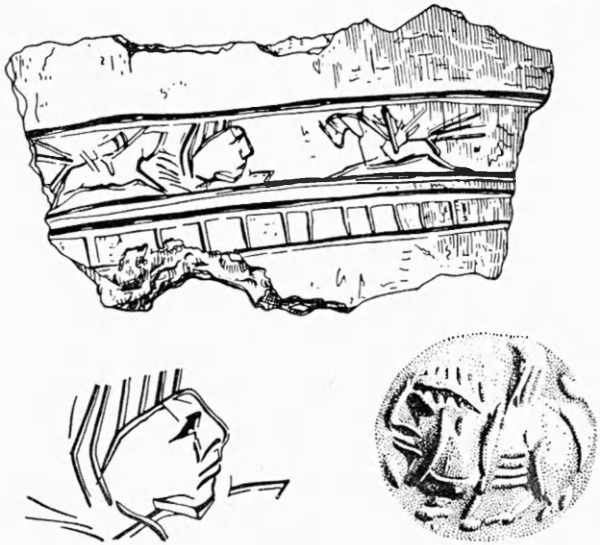
В одной из землянок на поселении курыкан в пади Уту-Елга оказались остатки небольшого горна, вделанного в стену на том месте, где в жилых землянках помещалась особая приступочка-лежанка. Горн имел вид большого толстостенного сосуда с округлым дном и двумя отверстиями для сопел. В горн-сосуд закладывали послойно руду и древесный уголь. Вокруг горнов в большом количестве находят остатки железоплавильного производства: шлаки, крицы, обломки воздуходувных трубок-сопел, тигли, льячки, каменные молоты. Сыродутное железо курумчинцев обладало высокими качествами: содержание чистого металла в нем доходило до 99.43%, потому оно было особенно ковким и прочным. Из железа

---

[62] А. П. Окладников. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время. (Согдийская колония на р. Унге). Сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 273—281; В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, стр. 527—528.

курыканы изготовляли различной формы наконечники стрел, ножи, копья, огромные остроги со втулкой для древка, топоры-кельты, крючки, кольчуги, светильники, серпы, сошники, кельтовидные тесла и другие хозяйственные предметы, за исключением котлов, привозимых с юга.

Об образе жизни курыканских племен, их строительном и фортификационном искусстве свидетельствуют остатки поселений. Поселения курыкан имели постоянный или во всяком случае полуоседлый характер. Культурный слой их бывает относительно мощным и густонасыщенным бытовыми остатками: черепками глиняной посуды, железными изделиями,



Изображения Гопат-шаха на обломке сосуда (внизу слева — деталь) и на печати (внизу, справа).

шлаками, костями домашних и диких животных. Жили курыканы в постройке типа полуземлянок и землянок. Остатки жилищ типа землянок четырехугольной формы были раскопаны в местности Уту-Елга у улуса Шохтой по р. Мурину. Землянки округлой формы, где стена и пол были выложены берестой, а крыши перекрыты лиственничной корой, раскопаны у дер. Усть-Талькин на р. Ангаре. Наземные жилища из вертикально поставленных жердей, обмазанных сверху глиной с примесью соломы проса, пшеницы, ржи, обнаружены на Унгинском поселении по р. Унге. Как правило, вблизи жилищ располагаются многочисленные хозяйственные ямы для хранения продуктов различных размеров и форм: прямые и округлые. На дне жилищ лежат разбитые глиняные сосуды, костяные проколки, альчики с насечками, обломки жерновов, пряслица из глины или богхеда, куски криц, шлаки, обломки воздуходувных трубок.

На Ангаре между Иркутском и Балаганском, по рекам Куде, Унге, Осе, Иде, Илге, известны также остатки укрепленных поселений, убежищ. Такие городища имеют обычно четырехугольные или округлые очертания.

С трех сторон они окружены валами и рвами, а с четвертой — ограничены обрывистыми склонами. Иногда рвы городища бывают дугообразными и пересекают мысовидные выступы береговых возвышенностей; там, где имеется много камня, стены сложены из него или из плит песчаника. Эти городища служили, вероятно, местом временного укрытия для людей, а также для скота в период военных столкновений с соседними племенами. Таким городищем-убежищем является городище на горе Манхай.

Гора Манхай, на вершине которой располагалось одно такое городище, находится на левом берегу р. Куды, против улуса Бозой и «священной» шаманской горы Укыр. Гора с трех сторон круто падает к реке, поэтому и городище имеет в плане вид треугольника.

В южной части городища обнаружено восемь больших ям хозяйственного назначения. В них находились в большом количестве костные остатки лошади, овцы, быка, козы, сибирской косули и остатки берестяных сосудов, сшитых конским волосом. На первом месте по количеству найденных здесь костей находится овца, затем лошадь, корова, коза, верблюд. Эти ямы-кладовые служили, очевидно, для хранения запасов питания. В восточной части городища располагались стойла для скота. Здесь, начиная от южного вала вдоль всего восточного рва, залегает слой золы толщиной 15—20 см. Зола образовалась от горелого навоза. Тонким слоем золы (4—6 см) покрыта почти вся жилая часть городища.

Бытовая утварь представлена прежде всего керамикой. Все сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины, без примесей, поверхность их серого цвета, обжиг хороший. Форма сосудов баночная, есть крупные корчаги, стенки которых полого суживаются к днищу.

Жители городища Манхай были большие мастера по обработке кости и рога. На городище найдено много заготовок и обрезков из рога оленя и козули, из костей животных. Из того же материала изготовлены наконечники стрел ромбической формы, подвески, проколки, втулки, кочедык.

Судя по керамике и изделиям из кости, поселение следует датировать VI—X вв. н. э. Обитатели поселения жили, вероятно, так же как когда-то, согласно их преданиям, жили древние якуты: «В берестяных или дерновых шатрах — „голомо" и деревянных домах — балаганах или в войлочных юртах».[63]

Обитатели городища оставили также рисунки на отвесных скалах западного склона городища и на плитах красного песчаника, которые обнаружены на валу городища и в слое поселения.

Курыканским поселениям с культурными остатками, характеризующими полуоседлый образ их жизни, соответствуют могильники на о. Ольхон. Могилы имеют вид конических юрт, сложенных из плит гнейса, высотой до 1 м. Керамика, найденная в них, по форме и орнаменту сходна с керамикой курыканских поселений. Такие могилы на о. Ольхон встречаются большими группами, иногда по 100—150 могил.

Курыканам была известна письменность. Об этом свидетельствуют древнетюркские знаки, найденные на скалах у Верхоленска, а также знаки, вырезанные на дне глиняной посуды, надписи на роликах для веретен, знаки и тамги, нацарапанные на бараньих лодыжках из пещер Байкала и на бараньих альчиках унгинского поселения. Они выполнены енисейским руническим письмом, близким к письму орхонских тюрок. Всего в Западном Прибайкалье найдено восемь древних надписей на древнетюркском языке, выполненных орхоно-енисейским руническим шрифтом.

Искусство курыкан известно по наскальным изображениям, которые обнаружены на Верхней Лене у дер. Шишкино, на Унге вблизи улуса

[63] А. П. Окладников. Происхождение якутского народа. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 83, 1951, стр. 347.

Нукут, на горах Хашхай и Манхай в долине р. Куды, в бухте Итырхей на о. Ольхон, на скалах Орсо, вблизи Байдинских пещер. Многочисленнее всего рисунки курыкан у дер. Шишкино, на Лене. Писаницы шишкинских скал отражают основу хозяйства курыкан — скотоводство и главную направленность его — табунное коневодство. На наскальных изображениях в дер. Шишкино и на плитах из Манхайского городища всадникам и лошадям принадлежит первое место. Из 63 плит в Манхае на 44 изображены кони и всадники. Лошади в основном поджарые, с длинными и сухими ногами, шея длинная и тонкая, голова легкая, удлиненная. Имеются изображения лошадей и мелкорослой породы. Лошади на этих рисунках сравнительно коротконогие, голова их крупная, шея короткая. Вероятно, эта забайкальская порода лошадей, сохранившаяся до наших дней. Забайкальская лошадь, как известно, хорошо приспособлена к суровым климатическим условиям, славится своей выносливостью и способностью совершать дальние переходы. Лошадь изображается художником в различных положениях: она спокойно пасется, бежит галопом по степи с всадником на спине. В руках всадников часто видно древко копья или лассо, иногда — знамя.

Писаницы дают представление об одежде и облике курыкан. В них отражены общественные отношения, их социальная структура, мифы и верования. По писаницам можно наглядно проследить классовое расслоение, имевшее место у курыкан. Рисунки показывают, что у курыкан была своя собственная патриархально-феодальная знать, угнетавшая и эксплуатировавшая зависимых от нее сородичей и рабов. Это всадники со знаменами в руках.

Шишкинские писаницы по стилю и содержанию близки прежде всего к кыргызским писаницам Енисея и к искусству алтайских тюрок VI—XI вв. н. э. Здесь и там передаются одни и те же образы воинственных всадников со штандартами и луками, те же охотничьи сцены, эпизоды боевых столкновений и военных действий, своего рода фрагменты эпоса, созданного воинственными племенами конников-скотоводов далекого прошлого. Искусство курыкан имеет сходство и с художественным творчеством Ирана и Средней Азии. Оно было ветвью искусства тюркских кочевников Евразии VI—X вв. Этим объясняются совпадения в сюжетах и стиле курыканских писаниц с искусством не только тюрок Алтая и Енисея, но и древних хазар, печенегов и дунайских болгар.[64]

4. КЫРГЫЗЫ

Кыргызы — один из древнейших народов Центральной Азии. Ими было создано первое объединение кочевых племен Сибири — кыргызский каганат.

Впервые название это упоминается в летописях под 201 г. до н. э. в числе покоренных гуннами племен как царство Гэгунь, или Цзянь-гунь.[65] Гяньгунь обитали тогда, по-видимому, южнее Саянского хребта, на территории теперешней Северо-Западной Монголии около озера, до сих пор носящего название Кыргыз-нур.

Когда гунны в начале I в. до н. э. захватили Хакасско-Минусинскую котловину, там обитало, как полагают, племя динлин, оставившее памятники тагарской культуры. В период 150-летнего господства гуннов племя

---

[64] А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у дер. Шишкино. М.—Л., 1959; А. П. Окладников. Очерки по истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.), Л., 1937.

[65] В. В. Бартольд. 1) Киргизы. Исторический очерк. Фрунзе, 1943, стр. 14—16; 2) Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 475—478; ср.: Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925.

гяньгунь появляется в Хакасско-Минусинской котловине; оно перебралось туда под нажимом гуннов или было насильственно переселено. С этого времени Хакасско-Минусинская котловина, где протекала р. Гянь (т. е. Кем-Енисей), стала центром расселения племени гяньгунь (кыргызов). В ней возникает новый тип населения в результате смешения динлинов и гяньгунов. Рыжеволосые и голубоглазые динлины смешались с монголоидными тюркоязычными гяньгунами.[66]

Смешанный тип населения отражен в погребальных масках таштыкской культуры. Однако и в последующие века наряду с кыргызами в Хакасско-Минусинской котловине и смежных горах продолжали жить племена, говорившие на угорских, самодийских языках, а на северо-востоке вниз по Енисею и вверх по Ангаре — на кетском языке.[67]

Возможно, что палеоазиаты — кеты являются потомками полулегендарных динлинов.[68]

Следы происхождения кыргызов от древних динлинов были обнаружены и много позже. В летописи Танской династии кыргызское государство названо Хагас (kje-kje-sze). Как поясняется в летописи, этот термин является искажением названия кыргызов уйгурами, которые называли так кыргызов за их лица, ибо кыргызы были рыжеволосые, с румяными лицами и голубыми глазами.[69]

Как говорится в летописи, их предки назывались «кыргут», или «кыркыс», что в переводе означает «красные», «краснолицые». А их земли именовались Кыргун (Цзянь-гунь).[70]

В последующих династийных хрониках слово «хагас» исчезает и заменяется термином «килигисы», что уже довольно точно передает название кыргызов.[71] Упоминание о кыргызах уже под собственным их названием имеется в памятниках орхонской письменности восточного тюркского каганата (VIII в.).[72]

Основу хозяйства кыргызов на Енисее составляли скотоводство и земледелие.[73] Скотоводство, по-видимому, носило кочевой характер. Кыргызы разводили лошадей, верблюдов, коров и овец. Корова изображена на скале близ улуса Подкамень Саралинского района. Всадники, вооруженные луками, гонят двух коров, один из захватчиков расправляется с пастухом, тут же стоит конь пастуха. Изображение верблюдов, один из которых запряжен в двухколесную повозку, а другой привязан сзади, имеется на писанице у Сулека. Мясо коней, коров и овец и кобылье молоко являлись основной пищей кыргызов.

В погребениях кыргызов в составе пищи, которую помещали вместе с покойником, чаще всего находят бараньи кости. На Копенском поселении наибольший процент среди находок костей дали кости овец.

Конь был непременной принадлежностью воина, пастуха, охотника. Он использовался при перекочевках, так же как и верблюд. Изображения всадников часто встречаются на писаницах кыргызского времени. В числе

---

[66] Л. А. Евтюхова. Южная Сибирь в древности. Сб. «По следам древних культур», М., 1954, стр. 199.

[67] Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов. «Ученые записки Хакасского института языка, литературы и истории», т. VII, Абакан, 1959, стр. 70—78.

[68] В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. I, стр. 476.

[69] W. Schott. Über die achten Kirgisen. Berlin, 1864, SS. 432, 441; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. стр. 557.

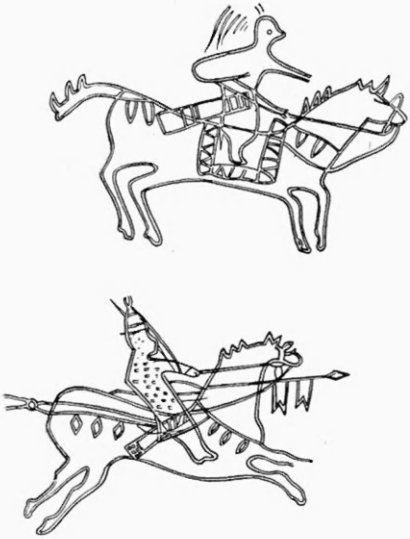
[70] История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1963, стр. 236.

[71] W. Schott. Über die achten Kirgisen, SS. 432, 434.

[72] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

[73] Сводку археологических данных об енисейских кыргызах см. в работах: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; М., 1953; Л. А. Евтюхова. 1) Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948; 2) Южная Сибирь в древности. Сб. «По следам древних культур», М., 1954.

археологических находок многочисленны предметы конской сбруи, являющиеся непременной принадлежностью мужских погребений. Табуны коней служили мерилом богатства. В надписях на погребальных стелах отмечалось: «Находящийся на земле, отмеченный клеймом скот был без числа».[74] От имени погребенного на другой стеле было написано: «Отделился от шести тысяч моих лошадей».[75] В танской хронике сообщается, что калым за невесту платили в несколько сот или тысяч коней или овец.[76]



Изображения кыргызских воинов на писаницах.

«Богатые землепашцы» имели стада коров и овец по нескольку тысяч голов.

Земледелие у кыргызов имело довольно большое значение. Танская летопись, сообщая о занятиях кыргызов, ставит его на первое место даже перед скотоводством.

На смену мотыжному земледелию в то время приходит плужное земледелие, о чем свидетельствуют неоднократные находки сошников, как чугунных привозных, так и местных железных. Кыргызы сеяли просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень и коноплю. Сеяли в апреле, убирали в сентябре—октябре.[77] Для жатвы использовали железные серпы. Наряду с серпами употреблялись и более крупные горбуши. Последние, быть может, служили для заготовки сена.

Важным показателем высоты земледельческой культуры является использование в более засушливых местах Хакасско-Минусинской котловины искусственного орошения.[78] На левобережье Енисея и Абакана сохранились остатки древних оросительных каналов, каменных плотин, водосливов и лотков. Особенно много каналов в долинах рек Уйбата, Аскыза, Тубы и др. Большие каналы достигали длины 10—30 км. От них отходили более мелкие каналы. В некоторых случаях более мелкие каналы могли использоваться для водопоя больших стад скота.[79]

Значительный объем земледелия подтверждается и находками ручных жерновов, которые пришли на смену зернотерке и повысили производи-

---

[74] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 49.
[75] Там же, стр. 19.
[76] Н. Я. Бичурин. Собрания сведений о народах..., стр. 353.
[77] Там же, стр. 351; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, стр. 58.
[78] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 570—572.
[79] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 81—82.

тельность размола зерна в пять-шесть раз. С помощью жерновов изготовляли муку и крупу, из которых варили кашу и квасили хлебное вино.

На писаницах часты изображения конных лучников, преследующих оленей, косуль, диких баранов и каких-то пушных зверьков. Ценные меха шли на шапки и одежду степной аристократии. Известно, что глава кыргызов — ажо — носил соболью шапку. Пушнина была предметом уплаты лодатей и вывоза.[80] Охотились также и на птиц.[81]

У кыргызов на Среднем Енисее было развито ремесло. На первое место следует поставить обработку металлов. Хакасско-Минусинская котловина и окружающие ее горы были богаты полезными ископаемыми: рудами железа, меди, олова, золотом. Памятниками горного дела являются многочисленные «чудские ямы».

У кыргызов на первом плане стояла добыча железа в отрогах Саян, Кузнецкого Алатау и даже в центре минусинских степей. Добывался бурый и красный железняк. Железо кыргызы называли словом «кяса», самоедским, как считал Шотт, но, возможно, родственным алтайскому «джэс» и половецкому «джас» (медь).

Выплавка железа была сосредоточена на дюнных холмах, поросших сосновыми лесами, вдоль Енисея и его притоков — Абакана и Тубы. Именно там найдено много остатков сыродутных печей. Анализ отходов плавки показал, что руда сюда привозилась из окрестностей не менее, чем за 100 км. Здесь найдены следы целых поселений кузнецов-металлургов.

Наиболее массовыми изделиями, которыми кыргызы снабжали население всей Южной Сибири, были железные наконечники стрел, трехгранные и трехлопастные, а также плоские, хорошо заточенные, с острием в виде лопаточки. Они ковали также обоюдоострые мечи, кинжалы, копья, пластинки для панцирей и различные принадлежности сбруи (удила с большими кольцами или с псалиями, стремена, подпружные пряжки и др.). Кыргызские кузнецы обслуживали также нужды сельского хозяйства и домашнего быта. Они ковали лемехи, сошники и серпы, мотыги, топоры и различные мелкие инструменты для обработки дерева, железа и цветных металлов.[82]

Наряду с кузнецами, выделывавшими изделия из железа, существовали златокузнецы — ювелиры, создававшие высокохудожественные изделия из бронзы, серебра и золота. Среди случайных находок, хранящихся в Минусинском музее, и среди вещей Тюхтятского клада были обнаружены небольшие молотки, служившие для обработки и, в частности, для чеканки цветных металлов.

В тайниках богатых курганов — чаатасов С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой найдено несколько золотых сосудов и позолоченных блюд, в их числе сосуды, украшенные растительным орнаментом с изображениями грифонов. Хотя орнаментация сосудов напоминает чужеземные художественные мотивы, своеобразие ее дает основания предположить, что это местные изделия.[83] Из бронзы, серебра и золота выделывались бляхи для украшения поясов и конской сбруи с изображениями фантастических животных, птиц, рыб и другим орнаментом. Большое количество таких изделий, украшенных изображениями человеческих лиц и растительным орнаментом, было найдено в составе Тюхтятского клада.[84] Бронзовые штампованные фигурки всадников, одетых в кафтаны и мягкие сапоги, преследую-

---

[80] Н. Я. Бичурин. Собрания сведений о народах..., стр. 352.

[81] Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, стр. 59.

[82] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, 1951, стр. 574—576.

[83] Л. А. Евтюхова. Южная Сибирь в древности, стр. 216.

[84] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники еннсейских кыргызов (хакасов), стр. 71.

щих зверей, служили украшением передней луки седла. Они, вероятно, тоже были местным изделием.

Гончарство у кыргызов достигло высокого уровня. Глиняные сосуды производились на гончарном круге. Кроме грубой кухонной посуды, изготовлялись высокие, необычайно прочные сосуды из серой глины, с яйцевидным туловом и узким внизу и широко раскрытым вверху горлом. Эти сосуды получили название «кыргызские вазы». Их украшали по плечикам штампованным елочным орнаментом. Такие сосуды, по-видимому, очень ценились, так как на некоторых из них поставлена тамга, знак собственности. «Кыргызские вазы» являются непременной принадлежностью богатых кыргызских погребений. Они находят аналогию в современных археологических памятниках Северного Китая, Монголии и Бурятии.[85]

В числе ремесленников были каменотесы и резчики, чье ремесло, очевидно, передавалось по наследству, так как в одной из древнетюркских надписей упоминаются «сыновья искусных» людей, которые занимались этим ремеслом. Они вырезали надписи на могильных стелах. Ими же создавались писаницы на скалах, отразившие бытовые и военные сюжеты из жизни кыргызов.

О торговых сношениях кыргызов с другими народами свидетельствуют как письменные, в том числе мусульманские, источники, так и привозные изделия в археологических находках. Кыргызы торговали с арабами, уйгурами, тибетцами, китайцами, карлуками. Из страны арабов к кыргызам раз в три года приходили караваны верблюдов (в 20—24 верблюда), нагруженные узорчатыми и шитыми золотом шелковыми тканями. В числе чужеземных товаров находились чугунные литые лемехи плугов, металлические зеркала, роскошно инкрустированные стремена (одно из них найдено в Уйбатском чаатасе) и другие принадлежности конской сбруи, лаковые изделия.

Из страны кыргызов вывозились изделия из железа, в частности наконечники стрел, золото, меха, мускус, березовое дерево и рог «худу», употреблявшийся для выделки рукояток ножей.

Что касается обычаев кыргызов, то, согласно письменным источникам они платили калым за невесту лошадьми и овцами. После замужества женщины татуировали шею. Мужчины, считавшиеся храбрее других, татуировали лицо. В другом источнике указывается вместо татуировки чернение лица и шеи.[86]

«Законы их, — говорится в летописях, — строги, произведший замешательство перед сражением, не выполнивший посольской должности, подавший неблагоразумный совет государю, так и за воровство приговаривается к отсечению головы».[87] Наказание смертной казнью за воровство показывает, какое значение придавалось частной собственности, закон этот был против беднейших слоев населения.

О религии кыргызов известно, что своих шаманов они называли «гянь» («кам»). Жертву духам приносили в поле. В более позднее время, как сообщает автор X в. Абу Дулеф, кыргызы имели дом для богослужения и справляли три годовых праздника. Во время богослужения употребляли мерную, т. е. поэтическую, речь и обращались к югу. «Из планет они почитают Сатурн и Венеру. На Марс смотрят, как на звезду, приносящую несчастье».[88] Кыргызы делили год на месяцы, называя первый месяц «маоши ай». Три месяца объединяли в сезон. 12 лет были объединены

[85] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, 1951, стр. 589—590.
[86] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 351; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, стр. 59.
[87] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 351.
[88] В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. I, стр. 34.

в один цикл, где каждый год назывался именем животного — тигра, мыши, собаки и пр.

На больших собраниях, вероятно, устраивавшихся по праздникам и торжественным случаям, смотрели бега верблюдов, обученных львов, конские состязания.[89] Конские бега и состязания в ловкости и силе являются непременной принадлежностью свадебного пира — тоя и постоянно упоминаются в героическом эпосе алтайцев и хакасов.

Музыкальными инструментами кыргызов были флейта, бубен, свирель, дудка и плоские колокольцы.

Погребальные обряды кыргызов описаны таким образом: «При похоронах не царапают себе лиц, только обертывают тело покойника в три ряда и плачут, а потом сжигают его и собранные кости через год погребают».[90] Этому описанию полностью соответствует устройство кыргызских могил типа чаатас, в которых находят захоронения жженых человеческих костей.

Самым замечательным достижением кыргызской культуры была их собственная письменность. О письме кыргызов упоминает, например, Абу Дулеф. Памятники кыргызской письменности дошли до нас в надписях, сделанных енисейским руническим письмом на могильных стелах, драгоценных сосудах, скалах. Вероятно, для письма использовались и другие, менее прочные материалы, например дерево. Однажды была найдена даже деревянная палочка с руническими письменами. Как полагает Л. Р. Кызласов, енисейская руническая письменность у кыргызов существовала с VII по XIII в.[91]

В хакасском фольклоре известия часто посылаются письменами, встречаются и упоминания книги, читая которую, герой узнает свое будущее.

Расслоение кыргызского общества зашло довольно далеко. Верхний слой его составляла аристократия, во владении которой были многочисленные стада и имущество, включая изделия из драгоценных металлов и деньги. Наличие такой аристократии подтверждают летописи, надписи на погребальных стелах и драгоценные сосуды в могилах знатных людей.

На другом полюсе общества были рабы. Их захватывали в плен во время набегов на соседние таежные племена. Мелкие племена, киштымы, жившие в соседних таежных районах, были подвластны кыргызам и платили им дань мехами соболей и белок.

Во главе аристократии стоял каган. Ему подчинялись беги, тарханы, затем батуры и огланы. Все они были воинами. В надписях-эпитафиях бегов, часто составленных от первого лица, они восхваляют свои воинские подвиги, богатство и называют себя владельцами земель.

Основная масса кыргызов, по-видимому, тогда еще не находилась на такой степени подчинения, чтобы можно было говорить о ее полной зависимости от кагана, бегов и батуров. Народ упоминается в надписях как самостоятельная сила наряду с каганом и аристократическим родом элем. Эль являлся объединением степной аристократии. Бегам были подчинены их «лучшие спутники» витязи, т. е. их дружина.

Народ в это время уже был затронут разложением родовых отношений и все возрастающим имущественным неравенством. Богатые кыргызы-беги, вероятно, подвергали эксплуатации не только рабов, но и своих обедневших сородичей и соплеменников, которые обслуживали своим трудом их хозяйство или приносили дань. Доказательством принесения такой дани С. В. Киселев считает надписи на сосудах: «Бегское серебро мы дали»,

[89] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 353; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, стр. 59.

[90] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 353.

[91] Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. «Советская археология», 1960, № 3, стр. 148.

«Дар народа ач». Одной из обязанностей народа было, очевидно, участие в походах бегов.

Противопоставление богатых бедным отражено и в одежде. В то время как богатые мужчины носили одежду, отделанную дорогими мехами соболя и рыси, а богатые женщины одевали платья из привозных узорных шелковых тканей и парчи, бедняки ходили в шубах из овчины.[92]

Социальное расслоение отражается и в погребениях кыргызов. В больших курганах — чаатасах диаметром в 30—40 м, устройство которых требовало труда многих людей, были захоронены вещи из драгоценных металлов. Наряду с этим имеются небольшие массовые могилы, скромный инвентарь которых свидетельствовал о бедности погребенных. В насыпях больших курганов находили погребения вовсе без вещей. Они считаются погребениями рабов.

На основании указаний орхонских памятников можно сделать вывод, что народ иногда восставал против кагана и бегов. Беги с помощью войн пытались отвлечь народ от волнений. Набеги на соседей обогащали предводителей, война давала им рабов, однако часть добычи доставалась и простым воинам.

Оружие кыргызов состояло из сложного лука и стрел с железными наконечниками и копий, на которые прикреплялись знамена-значки. Было у них и оборонительное оружие в виде щитов и небольших щитков, закрывавших руки и ноги, которые делались из деревянных палочек. Такими щитками были защищены и лошади воинов.[93] Кыргызы могли выставить от 30 до 80 тыс. воинов.[94]

Хроника династии Тан (618—907 гг.), так же как и орхонские надписи, из которых мы черпаем сведения о событиях истории кыргызов, сообщает о посольствах кыргызов в другие страны и о многочисленных войнах, которые они вели со своими соседями: китайцами, тюрками, уйгурами. В VII в. государство кыргызов простиралось от области народа гулигань (курыкан), от Байкала на востоке до Алтая на западе, от северных границ Хакасско-Минусинской котловины до Саянских гор на юге, а в некоторые периоды и еще южнее.

В начале VIII в. начинается война кыргызов с восточнотюркским каганатом, которая шла с переменным успехом. Тюркский каган Мочжо, считаясь с силой кыргызского кагана Барс-бега, выдал за него дочь кагана Ильтереса, но в последующих боях убил его. Изображение Барс-бега было поставлено у могилы Мочжо. В войне кыргызов в союзе с тюргешами против восточнотюркского каганата кыргызы зимой 710—711 гг. потерпели сильное поражение. После разгрома восточнотюркского каганата уйгурами начинается война кыргызов с ними. В 758 г. кыргызы становятся политически зависимыми от уйгуров.[95] Но в последующие годы в результате длительной и упорной борьбы верх одержали кыргызы: в 840 г. они заняли и разгромили расположенную на р. Орхоне столицу уйгуров (ныне развалины Харабалгас) и убили уйгурского кагана. На протяжении многих десятилетий они господствовали над этой территорией. Это было время наибольшего могущества кыргызского каганата. Но в дальнейшем уйгуры с помощью киданей вытеснили кыргызов обратно за Енисей. В последующие годы кыргызы воевали с киданями и кара-кытаями.[96] В течение следующих четырех веков кыргызы продолжали жить на Ени-

---

[92] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 352.
[93] Там же, стр. 351; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах..., стр. 59.
[94] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., стр. 351; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах..., стр. 59.
[95] В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 22, 26.
[96] Там же, стр. 26—27.

сее, где в XIII в. и были завоеваны монгольскими войсками Чингис-хана. Здесь они находились вплоть до XVII в., до переселения основной их массы на Тянь-Шань, где они влились в состав тяньшаньских кыргызов.[97]

5. ЛЕСНЫЕ ПЛЕМЕНА ПРИИРТЫШЬЯ И НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ В I—начале II тыс. Н. Э.

В I тыс. н. э. в степях Евразии и соседних с ними лесостепных областях происходят события огромного размаха. Началом этих событий послужило движение гуннских орд на запад из Центральной Азии в Среднюю Азию, а затем на Волгу и оттуда — в Западную Европу. Так началась эпоха великого переселения народов, всколыхнувшая старый античный мир и положившая начало феодальной Европе. Отзвуком того далекого времени явилась столь же неожиданная, как и поразительная по богатству находка в карьере Тугозвоновского кирпичного завода вблизи с. Белоглазово на Оби. Здесь был где-то в промежутке времени между II—IV вв. н. э. захоронен вождь древнего кочевого племени, сопровождавшийся варварским по великолепию воинским убранством. Пояс его был украшен золотыми и серебряными бляхами. На шее висели обручи-гривны, золотая и серебряная, позолоченная, концы которых заканчивались головками хищников. При нем находились лук, колчан, полный стрел, нож, кинжал и богато украшенный золотом и серебром прямой меч — палаш. Золотые украшения были щедро расцвечены сердоликом и кроваво-красными альмандинами. Так украшали свое оружие владыки степных сарматских племен Восточной Европы, на которых работали в своих мастерских ювелиры далекого Боспора у Черного моря. Оттуда, должно быть, происходят и сокровища Тугозвоновского погребения. А сам прежний их владелец был одним из вождей тех племен, которые тогда господствовали в степях Евразии. Об этом свидетельствует искусственно деформированный череп, длинный, как огурец, со сплющенным лбом. Этот обычай существовал у сарматов и аланов, а также у западных гуннов. Может быть, это был один из тех, кого в то время называли «савирами», или «сабирами», — племя, по которому, как полагают впоследствии, получила свое название Сибирь.[98]

В то время когда в степях происходили передвижения кочевников, в соседней лесостепи и в лесах Западной Сибири, в лесном Прииртышье и Нижнем Приобье, продолжали устойчиво жить коренные местные племена — автохтоны. Политические бури первой половины I тыс. н. э. проносились мимо них. Сохранение старых присваивающих форм хозяйства и давление суровых природных условий севера способствовали консервации древнего бытового уклада.

Поэтому здесь в развитии материальной и духовной культуры наблюдается поразительная консервативность, веками живут почти неизменно одни и те же формы сосудов и орнаментики, один и тот же «звериный стиль», а вместе с ними и верования.

Однако в I тыс. н. э. в зоне контакта лесных и лесостепных племен происходят важные события. Под давлением гуннов часть племен Северного Казахстана и Западно-Сибирской лесостепи двинулась на запад и северо-запад. В конце II—начале III в. н. э. они проникают в Башкирию и Верхнее Прикамье, где оставляют памятники бахмутинского, кушнаренковского и харинского типов. Часть их оседает вдоль южной кромки лесной полосы Западной Сибири, где смешивается с местным лесным населением.

---

[97] История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1963.

[98] А. Уманский. Современник грозного Аттилы. «Алтай», Барнаул, 1963, № 4, стр. 79—93.

Материал Козловского могильника III—V вв. (близ Тюмени), характеризующийся сочетанием черт культуры лесных и лесостепных племен, иллюстрирует смешение различных групп населения, в результате которого победили традиции культурных лесных племен, ассимилировавших степных пришельцев. Об этом свидетельствует преобладание глиняной посуды, типичной для лесных племен, а также орнаментация посуды степных форм специфичными для лесной зоны фигурными штампами, имитирующими следы зверей.

Проникновение лесостепного населения привело к широкому распространению среди племен южной части лесной полосы вещей так называемого сарматского типа — пряжек с хоботовидным язычком, браслетов, обвитых проволокой, бус. Наряду с ними употреблялись типичные для угров предметы быта и украшения — ножи с металлическими обкладками, пронизки с рубчатой насечкой, подвески в виде стилизованных фигурок медведей и птиц.[99]

Проникновение лесостепных племен на север способствовало и увеличению роли скотоводства, особенно коневодства, о чем свидетельствуют находки в погребениях Козловского могильника костей лошади, мясо которой было положено в качестве заупокойной пищи.

Наметившиеся в конце I тыс. до н. э. культурно-этнические группы четко оформляются в VI—IX вв. В бассейне рек Туры и Тавды расселяются племена, для культуры которых типична посуда, украшенная оттисками шнура и зубчатого штампа. В. Н. Чернецов считает их древнемансийскими.[100] По-видимому, в сложении древнемансийских племен активно участвовали продвинувшиеся в V—VI вв. на восток горноуральские племена, у которых украшение посуды шнуром применялось непрерывно с эпохи раннего железа. Общим для всех древних хантов и манси было широкое распространение литых бронзовых зоо- и антропоморфных изображений. Обширную территорию таежного Прииртышья и Нижнего Приобья занимали древнехантыйские племена, имевшие глиняную посуду, украшенную оттисками гребенчатого и фигурного штампов.

Южные группы манси и хантов, населявшие бассейны Туры и Среднего Иртыша, отличались от северных тем, что у них существовали довольно развитое скотоводство, земледелие, прядение и ткачество. Согласно обычаям южных хантов и манси захоронения умерших частично производились под курганными насыпями в отличие от грунтовых погребений на севере.

В VI—IX вв. в Западно-Сибирскую лесостепь из районов Алтая и Центрального Казахстана проникают значительные массы тюрок.

Немногочисленная группа лесостепных племен, оставшаяся после ухода гуннов в IV в. на запад, частично сохранила специфику своей культуры, частично восприняла культуру лесного населения в северных районах и элементы культуры тюркских племен в южных. Это были лесостепные угры VI—VIII вв., их следы известны в Северо-Восточном Казахстане, в Павлодарском Прииртышье, а также в районе Тюмени, где лесостепное население сосуществовало с лесным. Есть основания полагать, что угры лесостепи Западной Сибири относились к древним мадьярам.

---

[99] В настоящее время для Западного Приобья I тыс. н. э. выделяются четыре хронологических этапа, последовательно сменяющие друг друга: ярсалинский — II в., карымский — III—V вв., оронтурский — VI—IX вв. и кинтусовский — IX—XIII вв. Последний, кинтусовский, этап перерастает в культуру обских угров XIV—XVI вв., которую наблюдали русские в эпоху первоначального освоения Сибири.

Названия этапов даны В. Н. Чернецовым по названиям наиболее характерных памятников каждого этапа (см.: В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 58, 1957).

[100] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э., стр. 180.

Древние манси и ханты в IX—XIII вв. жили на городищах и в неукрепленных селищах, часть которых примыкала к городищам. Городища устраивались, как правило, на высоких мысах коренных берегов рек, крутые склоны которых служили естественной защитой. С напольной стороны насыпались один или реже несколько земляных валов, имеющих иногда наугольные выступы для фланкового обстрела. Для увеличения крутизны более отлогой стрелки мыса устраивался уступ высотой до 4 м, существенно увеличивающий обороноспособность городища, особенно при наличии частокола. В южной части лесного Прииртышья городища максимально приближались к расширениям поймы. Это диктовалось стремлением обеспечить быстрейшее укрытие на городищах пасущихся в пойме стад. На укрепленной площадке тесно располагались жилища в виде небольших, слегка углубленных в землю полуземлянок, соединенных между собой переходами, с очагом, находившимся обычно в центральной части.

Хозяйство на юге лесной полосы базировалось на сочетании скотоводства, земледелия, охоты и рыболовства. На севере ведущими были охота и рыболовство. В состав стада входили лошади, мелкий и крупный рогатый скот. Предпочтение отдавалось разведению лошадей мелкой породы. Охота на крупных животных — лося и косулю — давала около половины мясной пищи. Шкурки пушных зверей — бобра, соболя — шли на обмен. Во всей лесной полосе была велика роль рыболовства. Рыбу ловили как в реках, так и в озерах. Основными промысловыми видами рыбы являлись язь, стерлядь, окунь, щука. Из домашних производств были развиты обработка кости и рога, лепка глиняной посуды, варка клея, а на юге лесной полосы, кроме того, — прядение и ткачество. Местная металлургия бронзы и железа хотя и не удовлетворяла всех потребностей, но стояла на довольно высоком уровне. Угорским племенам были известны цементация железа и даже получение узорчатой стали. Из бронзы отливались украшения и антропоморфные и зооморфные изображения. Увеличение притока импортных металлических изделий привело во второй четверти II тыс. н. э. к исчезновению туземной металлургии.

Направление внешних связей угорских племен не оставалось, однако, неизменным. Если в конце I тыс. н. э. преобладали контакты с южными лесостепными племенами, то в начале II тыс. н. э. возобладали связи с Прикамьем и Русью. Среди орудий труда и украшений хантов этого времени распространяются вещи, изготовленные в Прикамье, Волжской Болгарии, Среднем Поволжье и в древнерусских городах. К ним относятся славянские топоры, серебряные височные кольца, лунницы, грушевидные и шаровидные бубенчики, прикамские и мерянские шумящие подвески, гривны, болгарские витые браслеты, серебряные бусины с зернью, замки и некоторые другие предметы. Походы новгородцев на югру и распространение новгородских владений до Печоры создали благоприятную обстановку для дальнейшего проникновения русских на Урал.

Что касается этнических процессов, имевших место во II тыс. н. э. к приходу русских, то в XIII в. происходят коренные изменения этнического состава южной части лесной полосы Прииртышья. В это время сюда вторгаются тюрки-кыпчаки, часть которых была вытеснена из степи в результате походов татаро-монголов начала XIII в. Местное угорское население было вынуждено уйти в более северные районы Нижнего Прииртышья и Нарымского края, оттеснив селькупов Приобья. Оставшиеся группы угров постепенно были ассимилированы пришельцами. Так, к XV—XVI вв. возникла новая этническая группа — тюркоязычные «татары» Западной Сибири.

Письменные источники этого времени четко отделяют тюрок сибирских от соседних с ними остяков. Смешанное угорско-тюркское проис-

хождение этих сибирских татар отразилось и в их культуре, и в их физическом типе. Одновременно происходят важные события и в жизни древних соседей угров — самоедов (ненцев), предки которых были носителями кулойской и большереченской культур. Единство типов керамики, погребального ритуала и украшений показывает, что на Томи и в верховьях Оби в то время уже сложилось ядро самоедских племен. Под давлением тюрок к VI—VII вв. они были частично тюркизированы, а часть их отступила на север или в глухие места Алтае-Саянского нагорья. Самоедские племена этого нагорья явились родоначальниками южной группы небольших самоедских народов — маторов, карагасов (тофаларов), койбалов, котов, сохранивших свой язык и до сравнительно недавнего прошлого.

В IX—X вв. тюрки Алтая и степных районов левобережья Оби проникают на север, где в начале II тыс. н. э. образуется смешанное самоедско-тюркское население. Просачивание тюрок Алтая и степного левобережья Оби в эти северные районы Западной Сибири в X—XIII вв., связанное, очевидно, с повышением внешнеполитической активности государства енисейских кыргызов, а затем и с татаро-монгольскими походами, привело постепенно в XIV—XV вв. к полной ассимиляции тюрками местного самоедского населения. Селькупские племена сохраняют свою культуру в Нижнем Причулымье и нарымском Приобье.

Часть самоедов, отступившая под давлением тюрок на север, в конце I—начале II тыс. н. э. достигает побережья Ледовитого океана. Движение самоедов на север по Обь-Енисейскому междуречью привело к расселению самоедских народов: селькупов — в Среднем Приобье, энцев — на р. Таз, нганасан и ненцев — в приполярной тундре. При своем движении на север самоеды утратили навыки, связанные со скотоводством и земледелием, они сохранили только оленеводство, зародившееся в области Алтае-Саянского нагорья.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дальний Восток в эпоху тунгусских государств Бохай и Золотая империя (чжурчжени)

1. МОХЭСКИЕ ПЛЕМЕНА ДО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА БОХАЙ

Со второй половины II в. н. э. видная роль в истории Монголии и соседних с ней областей Азии принадлежит сяньбийскому военно-племенному союзу, во главе которого встал талантливый организатор и полководец Таньшихай. Таньшихаю в сравнительно короткий срок удалось объединить под своей властью большое количество племен и овладеть огромной территорией от Великой китайской стены на юге и до Забайкалья на севере, от Восточного Туркестана на западе до Японского моря на востоке. Однако после смерти Таньшихая в 181 г. созданный им огромный и весьма неоднородный по своему этническому составу военно-политический союз распался на ряд независимых племенных объединений. Из него вышли такие племенные объединения, как муюнь, кндань, юйвынь. Из среды этих племен затем на первое место выдвинулось племя косоплётов, тоба, которым удалось даже подчинить Северный Китай, а в III в. н. э. значительно расширить свои владения на севере, в результате чего племена, населявшие в то время бассейн Амура и его южных притоков, вступают в тесное соприкосновение с тоба.

Результатом всех этих событий, связанных с племенем сяньби, было значительное перемещение и смешение различных этнических групп, исчезновение старых и появление новых этнических общностей. В частности, известно, что китайский полководец Ван Ци, преследуя в 245 г. когуреского правителя, достиг границы владений илоу, где он узнал от местных старейшин, что на их земле «имеются люди с лицами чужеземцев, которые появились лишь недавно, и вслед за тем их можно было видеть во всех концах страны».[1]

О том, что на прежней земле илоу еще в V в. продолжали жить их потомки, свидетельствуют имена местных племен — кулоу и мулоу, имеющие сходные с илоу окончания в своих названиях. Позже в источниках здесь выступают названия племен дамолоу, шивей, улохоу, кумоси. При этом письменные источники указывают, что некоторые из перечисленных родо-племенных образований являются потомками сяньби, например кидани и кумоси. Племя шивей делилось на три группы. К первой группе, говорившей на языке, близком киданьскому, следует отнести шивейцев, обитавших в бассейне р. Шилки, ко второй группе, являющейся потомками древних уваней, — шивейцев, обитавших по берегам верхнего тече-

[1] Саньгочжи, кн. 30; Вэй шу, кн. 30, раздел Дуничжуань; Э. В. Шавкунов. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I—III вв. н. э. «Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР», серия историческая, т. I, Саранск, 1959, стр. 37—74.

ния Амура. К третьей группе, т. е. к шивейским мохэ, принадлежали племена, обитавшие по берегам части верхнего и всего среднего течения Амура и его притоков, в том числе и по берегам р. Зеи.

Мохэ, согласно свидетельствам письменных источников, делились на несколько больших родо-племенных объединений, из которых наиболее крупными были объединения хэйшуй, сумо и, очевидно, шивей мохэ. Племена сумо мохэ первоначально занимали территорию верхнего течения Сунгари, захватывая северные предгорья Чанбайшаня до границ с королевством Когурё. Хэйгуй мохэ обитали в районе нижнего течения Уссури, а также по обоим берегам среднего и нижнего течения Амура и в свою очередь делились на северных и южных хэйшуй мохэ. К юго-востоку от сумо находилось племя байшань, а к северо-востоку — племя гудо. К северо-востоку от гудо обитали племена аньчэгу, а еще дальше — фуне, которые занимали территорию в районе верхнего течения Уссури, а также долины рек Имана и Бикина. К востоку от фуне, т. е. на морском побережье северо-восточной части Приморья и вблизи устья Амура, обитали племена хаоши, или гуши.

К мохэскому времени на территории советского Дальнего Востока относится большое число археологических памятников: поселений, могильников, наскальных рисунков. В этот период железо окончательно побеждает камень и абсолютно господствует в технике. Мохэские поселения постоянно сопровождаются следами плавки железной руды. Так, около с. Сергеевки Благовещенского района были обнаружены остатки горна: сверху лежал слой угля и куски обуглившегося дерева. На дне горна лежали шлаки. Сохранившаяся часть дна горна представляла собой яму с округлым обожженным дном диаметром 60 см и глубиной 16 см. Верхняя уничтоженная часть горна была в виде цилиндрической камеры, либо выкопанной в холме, либо построенной из какого-нибудь огнеупорного материала. В камеру закладывали железную руду вперемешку с топливом. Расплавленное железо стекало вниз, где оно и скапливалось, образуя крицу с округлым дном и плоской бугристой верхушкой.

Уже в V в. н. э. летописи характеризуют мохэцев как хороших земледельцев: «...землю пашут парой лошадей. Сеют просо, пшеницу и рис».

Применение в сельском хозяйстве тягловой силы лошади, так же как и применение железа, явилось переломным этапом, способствовавшим прогрессивному развитию хозяйства в целом. Плужное земледелие позволяло обрабатывать большие площади под посевы, обработка земли производилась лучше, что способствовало получению больших урожаев.

Наиболее удобными для земледелия были районы нынешней Зейско-Буреинской, Биробиджанской и Приханкайской низменностей с плодородными и легко используемыми под посевы землями. У племен, населявших эти районы, продукты земледелия были основными источниками не только питания, но, по-видимому, и торговли.

Немалую роль в хозяйственной жизни мохэских племен играло и скотоводство. Особенно большое значение в хозяйственной жизни мохэцев с переходом на плужное земледелие приобрело коневодство. О большой роли, которую играл конь в жизни мохэцев, свидетельствует обычай закалывания коня на могиле его хозяина. Конь, по представлению мохэцев, должен был так же верно, как и при жизни, служить своему хозяину после его смерти. Большой интерес представляет и находка двух глиняных конских статуэток в мохэском жилище вблизи с. Осиновки в Приморском крае. Статуэтки были спрятаны или, возможно, преднамеренно зарыты в небольшой ямке у стены землянки, что наталкивает на мысль об их ритуальном назначении.[2]

[2] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 184.

Мохэсцы разводили лошадей и для торговли с соседними племенами. Наряду с этим все летописные источники подчеркивают, что мохэсцы не имели ни коров, ни овец.

Еще с эпохи неолита и бронзы дальневосточные племена занимались разведением свиней. Мохэсцы, так же как и их предшественники, были настоящими свиноводами. Остатки костей свиньи можно встретить при раскопках любого поселения мохэ. Летом для хранения мяса в жилом помещении или по соседству с ним вырывали глубокие ямы в виде погребов. Такие ямы глубиной до 3 м с остатками костей свиньи и мохэской керамики были встречены при раскопках жилищ этого времени на Среднем Амуре у Осинового озера.

Свои поселения, как свидетельствуют письменные источники, мохэ строили на склонах гор по берегам рек и озер. Эти же источники, описывая мохэские жилища, сообщают, что мохэсцы поверх вырытого в земле углубления «составляют в козлы бревна и покрывают их землей. Внешне эти землянки похожи на курганы или могильные холмы, в которые они и помещаются на жительство. Летом они покидают их и кочуют в зависимости от достатка в воде и траве, а зимой вновь сходятся на жительство в землянки». Сверху таких землянок «проделывают отверстие, через которое по лестнице проникают внутрь или выходят».[3]

Археологическими раскопками остатки таких жилищ исследованы в различных местах по Шилке, Амуру и в Приморье. Они квадратные в плане, основание их углублено в землю в среднем на 60—90 см. В середине имеются очаги. Вдоль стен идут ямки от столбов.

Одежда шилась из свиных и собачьих шкур. Одежду и обувь выделывали также и из рыбьей кожи. Праздничные одежды делали из полотна и других тканей, богато украшали их бронзовыми подвесками. Несколько таких подвесок были встречены в Найфельдском могильнике. Особенно интересна одна из них. В этой подвеске представлен криволинейный орнамент, наиболее характерный для более раннего времени — эпохи каменного века, когда сосуды украшались различного рода спиралями. Самые состоятельные семьи украшали свою одежду шелком и жемчугом, который добывался из раковин в речках Приморья.

Волосы мохэсцы заплетали в кому — это старый тунгусский обычай. Хэйшуйские племена украшали себя ожерельями, составленными из клыков дикого кабана или медведя. При раскопках мохэских поселений встречены такие кабаньи клыки, просверленные у основания. Из фазаньих хвостов хэйшуйцы делали украшения для своих головных уборов, по которым они отличались от остальных поколений. Сумо мохэ в отличие от хэйшуй мохэ свои головные уборы украшали тигровыми и леопардовыми хвостами.

Искусство мохэских племен представлено их украшениями, глиняными скульптурами, изображающими лошадок и свиней, а также наскальными рисунками с резными изображениями лошадей, всадников и лодок. На рисунках в Сакачи-Аляне достаточно живо изображена и сцена охоты на коз. В этих изображениях чувствуется исторически вполне объяснимое влияние художественных традиций тюркского степного искусства.

Мохэсцы одушевляли окружающую их природу. Реки, озера, леса, горы они населяли злыми и добрыми духами. Все окружающее — живое и неживое — имело, по их представлению, свою душу. Существовали у них и священные места.

Об одном из них, находящемся в горах Чанбойшань, летописи сообщают: «На юге их страны имеется группа больших гор (Тоба). Вэйцы назвали их Тайбо. В них водятся тигры, леопарды, бурые медведи и

[3] Саньгочжи, кн. 30.

волки, которые не трогают людей. Людям в этих горах запрещается мочиться. Собираясь идти по дороге через горы, всегда берут с собой пищу».[4] Суй шу добавляет, что «по обычаю очень почитают и боятся» этих гор, где люди «не осмеливаются убивать» встречающуюся там дичь.

Мохэсцы особенно почитали тигра, преклоняясь перед его силой. Существовал у мохэсцев и «культ медведя», о чем свидетельствуют материалы японских летописей. Сообщая о набегах на мохэские племена в VII в., японские письменные источники упоминают в числе захваченной у мохэ добычи живых медведей,[5] которые, вероятно, специально откармливались мохэсцами к медвежьему празднику.

Летописи так описывают погребальный обряд мохэских племен: «Для умершего вырывают в земле яму и закапывают его в ней, бросая землю прямо на покойного, так как не имеют гробов. Убивают лошадь, на которой ездил (покойный). Перед покойным ставят угощение и приносят жертву».[6] Поверх могил нередко сооружался небольшой деревянный домик, «чтобы ее не мочил дождь». Так мохэсцы хоронили умерших лишь весной и летом. Умерших же осенью или зимой не закапывали в землю. Очевидно, в зимнюю пору, когда рытье могильных ям было весьма затруднительным делом, покойника клали на специально сооруженный с этой целью в лесу помост, вокруг которого ставились ловушки на хищных зверей, в том числе и на соболей. «Соболи едят мясо и попадаются в большом количестве».

Отражением этого обычая служат могильники в Найфельде и Новопокровке, где обнаружены ямки, в которых беспорядочно уложены разрозненные кости людей, а вместе с ними панцирные железные пластинки, наконечники стрел и украшения. Тут же находятся целые глиняные сосуды характерной формы в виде высоких узкогорлых ваз. Все это, должно быть, следы вторичных захоронений. Все погребения Найфельдского могильника сверху перекрыты тонким углистым слоем — остатком кострища. Это обряд очищения огнем от злых духов или остаток кострища тризны, совершаемой на могиле покойника.[7]

Для понимания общественного строя мохэсцев существен тот факт, что если раньше, у предшествующих племен советского Дальнего Востока, были большие коллективные дома, в которых обитали десятки людей, то в мохэское время происходит решительный перелом. Вместо больших домов распространяются маленькие жилища с одним центральным очагом. Происходит, очевидно, выделение из родовой общины отдельных семей. Это свидетельствует о том, что род становится патриархальным.

О том, насколько далеко зашел у мохэ процесс разложения первобытнообщинного строя, можно судить, в частности, на основании того факта, что муж в случае измены жены мог убить ее. Это говорит о развитых патриархально-родовых отношениях, которые очень скоро перерастают, как правило, в классовые отношения.

Наличие у мохэ прослойки «богатых людей» связано с появлением у них имущественного неравенства.

О развитии рабства и структуре общества у мохэ можно судить по одному рассказу, где упоминается мохэский вождь Тудицзи: «Был такой военачальник — Тудицзи. В конце династии Суй предводительствовал племенем в тысячу с лишним семей внутри своих владений... Сын (Тудицзи) Цзиньсин изумительной внешностью и воинственностью не имел

[4] Там же.
[5] Д. Позднеев. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России, т. II, ч. I. Токио, 1909, стр. 10—11.
[6] Саньгочжи, кн. 30.
[7] А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Мохэский могильник в поселении Найфельд. Сб. «Древняя Сибирь», вып. 2, Новосибирск, 1966, стр. 343—358.

себе равных среди людей... В его племени домашних рабов насчитывалась тысяча человек. Богатством, силой и воинственностью он держал в страхе пограничных инородцев».[8] Здесь, во-первых, налицо наследственная власть военачальника, в руках которого к тому же оседала значительная часть военной добычи. Недаром летописец особо подчеркивает, что богатством и силой Цзиньсин «держал в страхе пограничных инородцев». Второе, что заслуживает особого внимания, это племя, насчитывающее тысячу с лишним семей и владевшее тысячью «домашних рабов». Владельцами рабов, очевидно, были семьи родо-племенной знати и в первую очередь сам военачальник. Будучи собственником рабов, Цзиньсин смог осуществить такое грандиозное мероприятие, как постройку каменной дороги, «чтобы вести большие посольские связи». Несомненно, что на строительстве дороги использовался главным образом труд рабов. Трудно предположить, чтобы эту работу стали выполнять свободные общинники, имевшие свое хозяйство, которое, однако, не мешало им время от времени принимать участие в грабительских походах против соседних более слабых племен, о чем свидетельствуют биографические сведения летописи о Тудицзи и его сыне Цзиньсине, чья жизнь была полна военными походами и сражениями против тюрок, тунгутов и других племен.[9]

Эти процессы развития новых классовых отношений стимулировались ростом обмена, а также политическими связями с более развитыми соседними странами — киданями, уйгурами, тюрками Монголии на западе, королевством Когурё и Китайской империей на юге и юго-западе.

К началу VI в. мохэ представляли значительную политическую и военную силу, с которой вынуждены были считаться как соседние племена и государства Корейского полуострова, так и китайские императоры. Недаром древние летописцы всегда подчеркивали воинственность мохэсцев, которые «постоянно вторгаются в Когурё» и соседние страны [10] и «среди восточных иноземцев являются наиболее сильными. Все страны постоянно страдают от них».[11]

Воинственность и все возрастающее могущество мохэ вызывали серьезное беспокойство у китайских императоров, что также находит свое отражение на страницах летописей. Так, когда в начале периода Кай-Хуан (589 г.) в Китай прибыло одно из мохэских посольств, император Гаоцзу обратился к их послам со словами: «Мы слышали от ваших туземцев, что вы очень способны в военных победах. Ныне вы прибыли и мы видим друг друга. Действительность соответствует нашим мыслям». В другом месте этого же источника сообщается, что «их страна на северо-западе имеет общую границу с киданями. Постоянно грабят друг друга». В связи с этим император Гаоцзу заявил мохэскому посланнику: «Я жалею киданей в равной степени так же, как и вас. Поэтому следует каждому охранять территорию и границы своей страны. Разве не спокойнее так? К чему в таком случае взаимные нападения? Меня это удивляет!». Посланник принес извинения. Тогда Гаоцзу щедро отблагодарил его и повелел угостить и напоить прежде, чем отправить. Посланник и его сопровождающие стали танцевать. Их движения очень походили на сражение. Император обернулся к своим придворным сановникам и сказал: «Между небом и землей имеются такие, которые постоянно думают о войне. Откуда это у них? Впрочем, их страна довольно-таки далеко от Суйской империи. Только племена лимо и байшань близки».[12]

---

[8] Цзю Тан шу, кн. 199, гл. 149.
[9] Там же.
[10] Суй шу, кн. 81, гл. 46.
[11] Тун дань, кн. 186.
[12] Суй шу, кн. 8, гл. 46.

Процесс преобразования власти военачальника в наследственную королевскую власть, подготовленный всем ходом развития мохэских племен, начинает с особой силой проявляться в VII в. Как и в VI в., в этот период во главе племени или группы племен у мохэ все еще стоят военачальники, каждый из которых «независим от других и управляет самостоятельно».[13] Число дружинников в наиболее крупных племенных объединениях доходило до 7 тыс. чел., а в более мелких — до 3 тыс.[14] Самыми могущественными были объединения племен сумо мохэ и гудо мохэ. Хэйшуй мохэ, число дружинников у которых вначале достигало 3 тыс. чел., впоследствии, благодаря присоединению к ним ряда мелких соседних племен, в том числе и фуне мохэ, также начинают выдвигаться в разряд могущественных племенных объединений.[15]

Участившиеся в начале VII в. набеги на владения мохэских племен со стороны киданей, тюрок, а затем и угроза вторжения со стороны танского Китая вынудили мохэсцев пойти на заключение военного союза с Когурё, правители которого были заинтересованы в приобретении союзников в связи с агрессивными устремлениями китайских императоров. Однако несмотря на упорное сопротивление со стороны Когурё и союзных им мохэских племен, китайским войскам все же удалось нанести Когурё жестокое поражение. В 663 г. это государство прекратило свое существование. Мохэские племена «гудо, аньцзюй, гуши и другие, после того как Когурё было разбито, также потерпели поражение и разбежались, придя в упадок».[16] Вся территория Когурё была оккупирована китайскими войсками, а его население было либо уведено в неволю, либо же вынуждено было спасаться бегством в соседние страны. При этом значительное число когурёсцев нашло прибежище у сумо мохэ, которые все еще продолжали отражать натиск китайских войск. Вскоре, однако, императорские войска вынуждены были временно приостановить свои наступательные операции против мохэ, так как в период Вань-Суй-Тун-Тянь (696—697 гг.) кидани под предводительством своего военачальника Ли Цзинь-чжуна вторглись в северные районы Китая. Ввиду серьезной опасности, возникшей на северных границах Танской империи, императрица У Хоу вынуждена была сосредоточить основные свои силы для отражения киданей. Этим обстоятельством поспешили воспользоваться мохэские военачальники Цисы Биюй и Цици Чжунсян.

Укрепившись в горах Дунмо, оба предводителя начинают накапливать силы для предстоящей борьбы за возвращение отторгнутых Китаем мохэских территорий. В этом большую поддержку мохэсцам оказали бежавшие к ним когурёсцы. Чтобы нейтрализовать мохэ и привлечь их затем на свою сторону в борьбе с киданями, императрица У Хоу жалует Цици Чжунсяна и Цисы Биюйя княжескими титулами. Первому присваивается титул «гогуна» владения Чжень, а второму — титул «гогуна» владения Сюй. Вполне возможно, что присваивая обоим мохэским предводителям княжеские титулы, У Хоу надеялась вызвать у них ссору за власть и тем самым расстроить их союз. Однако план императрицы провалился. К этому времени со смертью Ли Цзинь-чжуна активизация киданей, по-видимому, несколько ослабевает, в связи с чем У Хоу решается послать против мохэ целую армию под командованием полководца Ликайгу, которому удается разбить войска Цисы Биюйя, а его самого обезглавить. Незадолго до этого умер и Цици Чжунсян, место которого занял его сын Цзожун. Искусно маневрируя, Цзожун избегает

[13] Тан шу, гл. 145.
[14] Суй шу, кн. 81, гл. 46.
[15] Там же.
[16] Цзю Тан шу, кн. 199, гл. 149.

открытых сражений с армией Ликайгу, боевой дух которой в результате длительных переходов в поисках Цзожуна начал быстро таять. Воспользовавшись этим обстоятельством, Цзожун с помощью объединенных мохэ-когурёских сил наносит Ликайгу жестокое поражение, после чего «Цзожун двинулся во главе своего народа на восток под защиту древних земель Гюйлоу», где в горах Дунмо «основал город, в котором поселился. Цзожун смело и искусно предводительствовал войсками. Мохэсцы и разбитые войска когурёсцев постепенно возвратились». Присоединив к себе бывшие племена Биюйя, Цзожун в период Шен Ли (698—700 гг.) «основал государство Чжень, провозгласив себя королем». Одновременно он направляет посольство к тюркам с целью установления с ними дружественных отношений.[17] Это имело огромное значение для мохэ, которые в лице второго восточнотюркского каганата приобрели, таким образом, мощного союзника в их общей борьбе против экспансионистской политики танских императоров, направленной как против тюрок, так и против мохэ.

2. ГОСУДАРСТВО БОХАЙ

С V—VI вв. н. э. усиливается процесс объединения в обширные военно-племенные союзы и государственные образования тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских племен, обитавших в Монголии, Маньчжурии и на нашем Дальнем Востоке. Первым государственным образованием на нашем Дальнем Востоке и в соседних с ним районах Маньчжурии явился Бохай, возникший в 698 г. в результате исторического развития тунгусских племен мохэ. Как мы уже видели, агрессия танского Китая и угроза порабощения вынудила мохэсцев пойти на быстрое объединение в большие военно-племенные союзы, а вскоре после этого и и в единое государственное целое.

Первый правитель этого государства Чжень Цзожун немедленно приступил к осуществлению ряда мероприятий с целью обеспечения безопасности границ королевства и стабилизации внутриполитического положения в стране.

К числу таких мероприятий следует отнести установление дружественных отношений с тюрками, расширение границ королевства за счет присоединения соседних племен и территорий. Цзожун «полностью овладел землями Фуюй, Воцзюй, Бьянхань, Чаосянь и всеми странами Морского Севера», в результате чего граница страны «протянулась на 5000 ли», общее число хозяйственных дворов достигло свыше 100 000, а войска — более 10 000 чел.[18]

Военная мощь молодого государства вскоре становится той реальной силой, с которой не могли не считаться правители танского Китая. Уже в 705 г. император Жуй Цзун сразу же после вступления на престол посылает к Цзожуну придворного чиновника Чжан Син-цзи с «выражениями симпатий», что означало официальное признание Цзожуна в качестве правителя мохэского королевства Чжень.

В 713 г. китайский император Жуй Цзун издает указ, согласно которому Цзожуну присваивается титул удельного князя Бохая. Присуждение этого титула — весьма примечательный факт — было вызвано, судя по всему, особыми на то обстоятельствами, которые по определенным причинам не нашли своего отражения на страницах китайских официальных династийных хроник.

---

[17] Цзинь Юй-фу. Бохай го Чжи чанпянь, кн. 1. Ляоян, стр. 1—9 (на кит. яз.).
[18] Там же, стр. 1а.

О чем же в данном случае умолчали авторы китайских династийных хроник? Дело в том, что Бохай — это название небольшого древнего удела, одноименный центр которого находился южнее нынешнего Пекина, т. е. на значительном расстоянии от основных районов расселения мохэских племен. Следовательно, присуждение Цзожуну титула удельного князя Бохая следует расценивать как признание за ним особых прав на эту территорию, которая, судя по всему, была захвачена в 713 г., когда Цзожун предпринял ряд военных операций против императорских армий, оккупировавших принадлежавшие когда-то королевству Когурё земли.[19] Поэтому-то, спасая свою репутацию «Сына Неба» и «Верховного правителя всех народов на земле» в глазах своих подданных, император Жуй Цзун вынужден был в официальном порядке представить дело таким образом, будто отторгнутая у Китая территория была добровольно пожалована Цзожуну в качестве удельного владения. Впоследствии имя вновь приобретенного удела было перенесено на всё королевство, которое на страницах китайских письменных источников иногда выступает еще под названием «Хай Дун шэн го», т. е. Цветущее государство Восточного Приморья.

В 719 г. со смертью Цзожуна на престол взошел его сын Уи, который был до этого удельным князем области Гюйлоу. Он «значительно расширил земли и небо на северо-востоке, и все варвары со страхом подчинились ему».[20] Отражением завоевательной политики Уи является, повидимому, указание летописных источников на тот факт, что наряду со всеми титулами и должностями, унаследованными им от Цзожуна, Уи имел еще должности генерал-губернатора девяти уйгурских родов и генерал-губернатора Яньжань,[21] территории которых находились в северо-восточной части современной Внутренней Монголии.

Уи был первым «варварским» правителем, который принял официальное наименование («няньхао») годам своего правления, что являлось привилегией исключительно лишь китайских и японских императоров. Следовательно, введением официального наименования годам своего правления Уи приравнивал свою власть к императорской и тем самым подчеркивал полную свою суверенность. По существу это был прямой вызов танскому двору. Как справедливо писал А. П. Окладников, поступок Уи вызвал негодование китайского двора. Но китайцы ничего не могли поделать с Бохаем и поэтому ограничились тем, что вычеркнули его из своих летописей с того момента, как Уи принял титул императора.[22]

Стремясь ослабить все возрастающую мощь молодого государства, танский двор принимает ряд мер к тому, чтобы восстановить племена хэйшуй мохэ против Бохая. Но вопреки ожиданиям китайского императора Уи довольно быстро удалось расправиться с мятежными племенами, что еще в большей степени способствовало росту его могущества и авторитета в глазах соседних народов.

Подчинив себе племена хэйшуй мохэ, Уи, отлично осведомленный через своих лазутчиков о неблаговидной подстрекательской роли китайского императорского двора в происшедших событиях, отправляет в 733 г. к берегам Китая сильный военно-морской флот под командованием военачальника Чанвэньсюя и совершает дерзкое нападение на Дэнчжоу — один из крупнейших в то время морских портов танского Китая, который

---

[19] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений по исторической географии восточной и срединной Азии. Чебоксары, 1960, стр. 585.
[20] Цзнинь Юй-фу. Бохай го Чжи чанпянь, стр. 13.
[21] Там же, стр. 33.
[22] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья, стр. 190.

был расположен в северной части п-ова Шаньдун и откуда начинался «морской путь в Гаоли и Бохай».[23]

В качестве ответной меры китайский император отправляет большую армию в королевство Силла, через территорию которого вместе с союзными силланскими войсками он намеревался вторгнуться в южные пределы Бохая. «Но, — как отмечает древний летописец, — непроходимые горы, жестокий мороз и снег глубиной в один с лишним чжан погубили свыше половины воинов, в результате чего нападение не состоялось и войска возвратились назад».[24]

В конце 727 г. Уи предпринимает первую попытку завязать сношения с Японией. С этой целью он посылает посольство в количестве 22 чел. во главе с военачальником Гаожэньи. В море они, однако, сбились с пути и пристали к Хоккайдо, где Гаожэньи и другие 16 членов посольства были схвачены местными племенами и убиты. Остальным шести членам посольства вместе с шоулином Гаоцидэ удалось бежать на о. Хонсю, где после проверки им разрешили въезд в Киото, столицу японского микадо. В начале 728 г. микадо принял бохайцев. Гаоцидэ, ставший теперь главой посольства, преподнес микадо грамоту от Уи и 300 соболиных шкурок.[25]

В дальнейшем бохайцы отправляли свои посольства в Японию сравнительно часто, причем численность состава посольств достигала порой довольно внушительной цифры — 100, а иногда и 300 с лишним человек. Одновременно из Японии в Бохай отправлялись ответные посольства. Позже японские посольства, направлявшиеся в Китай и обратно, выбирали себе новый маршрут, который проходил по территории Бохая.

В 738 г. умер Уи и на престол взошел его сын Да Циньмао. Циньмао придавал большое значение развитию культуры и просвещения в стране. Недаром после смерти Циньмао ему был присвоен посмертный титул «культурного князя».

В 70-х годах VIII в. в отношениях между королевством Бохай и танским Китаем, а также Японией наблюдаются некоторые трения. Когда же в 796 г. к японскому микадо прибыло очередное бохайское посольство, вручившее письмо от короля Да Сунлинь, которое было составлено в весьма доброжелательном тоне, то «японское правительство признало в этом добрый знак по отношению к Японии. По этому случаю самураи приходили во дворец и поздравляли правительство».[26]

Дальнейшая история Бохая после смерти в 785 г. Циньмао предстает на страницах древних хроник в основном в виде простого перечисления часто менявшихся на престоле бохайских королей.

В 905 г. на престол взошел последний, 15-й по счету, бохайский король Да Инчжуан. Годы правления этого короля ознаменовались усилением политической активизации и соседних с Бохаем киданьских племен, предводитель которых, Елюй Абаоцзи, провозгласил себя в 916 г. императором. В 918 г. Инчжуан отправляет к киданям посольство с подарками, но тем не менее уже в 919 г. кидани отторгли от Бохая часть территории на юго-западе страны. Приблизительно в это же время принадлежавшая Бохаю часть когурёской территории переходит к государству Корё, которое было образовано в 918 г. на севере Корейского полуострова.

В 924 г. кидани вновь вторглись в пределы Бохая, а в конце следующего года они осадили г. Фуюй, который был взят ими штурмом

[23] Чжан Сюань. Мореходство в древнем Китае. М., 1960, стр. 40.
[24] Цзинь Юй-фу. Бохай го Чжи чанпянь, стр. 2а и 76.
[25] З. Н. Матвеев. Бохай. «Труды Дальневосточного университета», серия 6, вып. 3, Владивосток, 1929, стр. 21.
[26] З. Н. Матвеев. Бохай, стр. 25.

в первом месяце 926 г. Чувствуя, что военная мощь киданей значительно превосходит силы бохайцев, Инчжуан снаряжает к ним посольство во главе с Мэйлаосели, который преподнес Абаоцзи в подарок 30 лошадей и сообщил о предложении бохайского короля заключить между обоими государствами договор о мире и дружбе. Однако это предложение было отвергнуто, после чего кидани осадили Верхнюю столицу Бохая, которая вскоре также была взята штурмом. Король Инчжуан попал в плен, а его сын Гуансянь вместе с полководцем Шэньдэ бежал в Корё.[27]

Из западных земель бывшего королевства Бохай указом Елюй Абаоцзи было образовано вассальное государство Восточный Дань (Дунданьго). В состав этого вновь образованного вассального государства вошли наиболее обжитые и богатые области Бохая, территория которых прилегала к району верхнего и среднего течения рек Сунгари и Муданьцзяна. Что касается окраинных владений Бохая, то они распались на ряд мелких независимых племенных и государственных объединений, в числе которых летописи упоминают государство Динань и Северо-Западный Бохай.[28] Территория советского Приморья оставалась, судя по всему, вне сферы влияния киданей.

Такое положение, когда значительная часть территории Бохая осталась не покоренной киданями, объясняется как упорным сопротивлением со стороны бохайцев, так и началом военных действий с Китаем, против которого в течение почти всего X в. были сосредоточены основные силы киданей.[29] Кроме того, дальнейшее продвижение киданей в восточные и северо-восточные районы Бохая было весьма затруднено многочисленными волнениями и вооруженными выступлениями населения оккупированных территорий. Так, например, уже на третий месяц после образования вассального государства Восточный Дань на территории трех бохайских округов Аньбянь, Моцзе и Динли вспыхнуло восстание. В седьмом месяце 926 г. на территории бохайского округа Сяньдэ поднял восстание некий Вэйцзюнь, управляющий префектурой Те. Одновременно младший брат последнего бохайского короля делает безуспешную попытку осадить г. Фуюй.

В ответ кидани еще более усиливают политический и экономический нажим на подвластное им бохайское население. Бохайцы были обложены данью, которая предусматривала ежегодные поставки в виде 1 тыс. голов коней и 150 тыс. туанов[30] полотна.[31] Однако, опасаясь новых волнений бохайцев, кидани все же не осмеливаются в течение долгого времени обложить бохайцев налогами на землю, спиртные напитки, дрожжи и соль.[32] Кроме того, кидани осуществляют в широком масштабе переселения бохайцев из одних районов в другие с целью разобщения и ослабления их сил. С этой же целью был введен и запрет на поло, старинную народную игру в мяч верхом на лошадях, так как в этой игре кидани видели возможность военных тренировок.[33]

Несмотря на жестокие репрессии, бохайцы неоднократно на протяжении всего X и частично XI в. выступали с оружием в руках против иноземного ига. Наиболее серьезным выступлением бохайцев в X в. было восстание 975 г., которое продолжалось несколько лет.

---

[27] K. A. Wittfogel and Fong Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (970—1125). «Transactions of the American Philosophical Society», New series, vol. 36, Philadelphia, 1949, p. 416.

[28] Там же, стр. 96 и 314.

[29] Л. И. Думан. К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем. «Ученые записки Института востоковедения», т. XI, М., 1955, стр. 33.

[30] Один туан равен 18.66 м.

[31] K. A. Wittfogel and Fong Chia-sheng. History of Chinese Society Liao, pp. 314 a. 416.

[32] Там же, стр. 195 и 314.

[33] Там же, стр. 404.

В 1029 г. в бывшей Восточной столице Бохая вспыхнуло новое, наиболее мощное восстание, во главе которого встал Да Янлин, далекий потомок первого бохайского короля Цзожуна. Поводом для восстания послужила попытка киданьских правителей навязать бывшим бохайским областям жестокую систему взимания налогов, которую они применяли в южных (китайских) районах. Восставшие бохайцы жестоко расправились с ненавистными им киданьскими чиновниками. Большое число важных киданьских вельмож и чиновников было заключено в тюрьму или убито, среди них оказался и сын киданьского императора Сяосяосянь с княгиней Наньян, а также большое число киданьских военачальников. Захватив власть в свои руки, Да Янлин объявил об образовании нового государства Син-Ляо. Одновременно он отправил к правителю Корё своего посланника Гаоцидэ с просьбой о предоставлении военной помощи в борьбе против киданей, в чем ему, однако, было отказано. В 1030 г. Да Янлин вновь посылает в Корё посольство с просьбой о присылке военной помощи, но опять получает отказ. Вскоре, благодаря измене одного из военачальников, который тайно пропустил в столицу киданьские войска, восстание было жестоко подавлено.[34]

Опасаясь повторения новых волнений, киданьские правители вынуждены были в течение нескольких лет проводить по отношению к бохайцам более мягкую налоговую политику. Но несмотря на это, открытые выступления бохайского населения против киданей можно было наблюдать вплоть до того момента, когда могуществу киданей был нанесен сокрушительный удар со стороны входивших ранее в состав королевства Бохай чжурчженьских племен.

Во времена наибольшего расцвета Бохая его территория достигала внушительных размеров. Северо-западной границей Бохая, по всей вероятности, служило нижнее и среднее течение р. Сунгари до ее слияния с р. Нонни, откуда граница шла прямо на юг до п-ова Ляодун, поворачивая затем на восток вдоль морского побережья до устья р. Амноккана, и дальше шла на восток, по суше, захватывая часть территории Северной Кореи. На востоке границей служило побережье Японского моря. Ближайшими соседями Бохая на севере и северо-востоке были племена хэйшуй, мохэ, шивей, сыму, кушо, или куюе, цзюаньли и моицзе.[35] Часть этих племен впоследствии была включена в состав Бохая. На западе соседями бохайцев были киданьские племена, тюрки второго восточнотюркского каганата (с 80-х годов VII в. по 744 г) и уйгурского каганата (745—840 гг.). На юге Бохай граничил с древнекорейским королевством Силла.

Население Бохая не было однородным. В его состав входили не только мохэские племена, но также когурёсцы, основная масса которых проживала на принадлежавшей Бохаю части территории бывшего королевства Когурё и в крупных административных и торгово-ремесленных центрах, затем небольшое число киданей, уйгуров и некоторые палеоазиатские племена, в том числе племена кушо, или куюе (куи[36]), т. е. айны. Однако основную массу населения Бохая составляли мохэ, родо-племенные названия которых связываются с современными родовыми и племенными названиями нанайцев, ульчей, удэ, орочей и маньчжур.[37]

В этой связи обращают на себя внимание и некоторые сохранившиеся на страницах древних письменных источников бохайские слова, которые

[34] Там же, стр. 404—405, 419—420.

[35] Цэинь Юй-фу. Бохай го Чжи чаипянь, стр. 9б и 70а.

[36] П. Попов. Первый Тырский памятник. «Записки Восточного отделения Российского археологического общества», т. XVI, вып. I, СПб., 1904.

[37] Э. В. Шавкунов и Ю. А. Сэм. Мохэские родо-племенные названия и их связь с этнонимами XVII—XX вв. «Вторая научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. (Тезисы докладов и сообщений)», Владивосток, 1960, стр. 50.

находят аналогию в маньчжурском языке. Так, согласно «Синь Тан шу», своих королей бохайцы называли «кэду», а отдаваемые ими распоряжения — «цзися».[38] Бохайскому слову «цзися» (в современной китайской транскрипции) соответствует маньчжурское слово «чжисэ», означающее в переводе «казенная бумага, письмо»,[39] а слово «кэду» имеет, очевидно, общее происхождение с маньчжурским «кадала», т. е. «управляю, главноначальствую».

Первоначально в Бохае не существовало административного районирования страны. «Их страна протянулась с севера на юг на 2000 ли. Не имеют ни окружных, ни уездных постоялых дворов. Повсеместно имеются поселения. Все это мохэские становища. Их простой народ из числа мохэ составляет большинство местного населения. Меньшинство же составляют сельские старейшины. Старейшины больших поселений называются «дуду», за ними следуют цыши, а тех, которые стоят еще ниже их, простой народ называет „шоулин“». Таким образом, хотя здесь мы уже и имеем упоминание наряду с родо-племенными вождями (шоулин) некоторых должностных чинов, т. е. дуду и цыши, которые являлись официальными представителями королевской власти на местах, в целом же особой надобности в сложном чиновничье-административном аппарате вначале еще не ощущалось. Однако по мере роста городов, главным образом в южных районах страны, и ремесленного производства, по мере увеличения расходов на содержание королевского двора, а также большой армии и флота все более сказывалась необходимость в сложном управленческом аппарате, который и был создан при короле Циньмао. При нем вся страна была разделена на 15 округов, из которых 5 были столичными округами. Все округа в свою очередь были разделены на 62 префектуры, а последние — на 125 уездов. Причем почти все эти округа были учреждены на территории того или иного племени, а на некоторые из них к тому же было перенесено и имя этих племен. К числу таких округов относятся Тели, Моцзе, Шуайбинь. Центр последнего округа, областная столица бохайского государства, находился на месте нынешнего г. Уссурийска, где к бохайскому времени, возможно, относится нижний культурный слой в бывшем Гарнизонном саду, обнаруженный раскопками Дальневосточной археологической экспедиции в 1955 г. Владения племени юйлоу были преобразованы в два округа — Динли и Аньбянь. Округа Аньюань и Хуайюань были учреждены на землях племени фуне.

Наиболее развитыми в экономическом и политическом отношении в Бохае были его южные и юго-западные округа, составившие на первых порах ядро этого государства. Именно здесь находились пять его столиц, отсюда же брали свое начало основные магистральные дороги, которые связывали столичные округа с окраинными владениями Бохая, а также с соседними странами. Южные округа Бохая являлись также основными центрами ремесленного производства и земледелия.[40]

Северные и северо-восточные округа, вошедшие в состав Бохая в результате завоевательной политики его правителей, представляли собой наиболее отсталые районы страны. Население этих округов занималось скотоводством, охотой, рыбной ловлей, морским и таежным промыслами.[41]

Согласно данным письменных источников, в Бохае во главе государства стоял кэду, или король, указы которого имели силу закона.

Следующее после короля место по своему социально-экономическому положению принадлежало представителям так называемых «сильных»,

---

[38] Цзинь Юй-фу. Бохай го Чжи чанпянь, стр. 9а.
[39] И. В. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
[40] Цзинь Юй-фу. Бохай го Чжи чанпянь, кн. 1, гл. 17.
[41] Там же.

т. е. знатных, фамилий, которые обычно занимали наиболее крупные и хорошо оплачиваемые посты в государственном аппарате. Внизу сословной лестницы, согласно летописным источникам, находились буцюй, нубэй и бесфамильные.[42] В Бохае к буцюй относились, очевидно, рядовые члены родо-племенных объединений, свободные общинники, а также определенные слои ремесленников и земледельцев. Нубэй означает «раб, рабыня, прислуга». Положение бесфамильных, по-видимому, почти ничем не отличалось от положения рабов. Они не имели права носить родовые имена, находились вне родо-племенной организации и, следовательно, не имели права на защиту с ее стороны.

В настоящее время на территории советского Приморья и соседних с ним районов Маньчжурии открыт ряд археологических памятников бохайского времени. Изучение этих памятников, в первую очередь развалин Восточной столицы Бохая на р. Муданцзяне, в Дунцзинчене, а также замечательных храмов вблизи Уссурийска в долине р. Чапигоу, подтверждает, что Бохай был мощным культурным центром своего времени.

Кроме буддийских храмов, на территории Приморского края в настоящее время известно несколько городищ бохайского времени, из которых наибольший интерес представляют два, Краскинское и на Круглой сопке. Краскинское городище находится вблизи устья р. Яньчихэ на берегу бухты Экспедиции, у пос. Краскино в Хасанском районе. Судя по предварительным данным исследований, здесь находился административный центр бохайской префектуры Янь и одновременно морской порт, откуда бохайские корабли начинали свой путь к берегам Корейского полуострова и к Японским островам.

Другое бохайское городище, представляющее собой остатки крупного торгово-ремесленного центра Бохая в его восточных районах, расположено на северном склоне Круглой сопки, одиноко стоящей на правом берегу р. Даубихэ в Анучинском районе.

Формирование бохайской культуры проходило во взаимодействии с культурами соседних стран и народов. Заметное влияние на культуру бохайцев оказали конгурёсцы, с которыми мохэские племена еще задолго до образования государства Бохай поддерживали политические и экономические связи. После того как в 713 г. бохайцам удалось одержать победу над войсками китайского императора и в результате этого присоединить к себе часть бывших владений Когурё, в Бохае при содействии когурёских ремесленников утверждается смешанный когурёско-танский стиль в архитектуре и декоративно-изобразительном искусстве. Благодаря влиянию тех же когурёсцев среди привилегированной части бохайского населения широкое распространение получает буддизм, а вместе с ним буддийская литература и иероглифическая письменность.

Впоследствии, когда между Бохаем и Китаем были установлены мирные отношения, дальнейшее развитие бохайской культуры проходило при взаимном обмене достижениями с культурой танского Китая.

В культурном взаимодействии с Бохаем были и другие его соседи — тюрки, монгольские племена, японцы. Влияние бохайской культуры обнаруживается далеко за пределами Бохайского государства. В частности, в свое время бохайцы оказали заметное влияние на развитие японской поэзии и музыки. Японский театр в середине VIII в. испытал влияние бохайской театральной культуры: при посещении императорским двором монастыря Тодайдзи в 749 г. во время празднеств было исполнено боккайгаку — «бохайская музыка». «Боккайгаку — театральное искусство, занесенное в Японию из этой страны», — пишет об этом академик Н. И. Кон-

[42] Там же, стр. 53а.

рад.[43] Бохайцы передали также киданям слоговую систему письма, полученную ими самими от тюрок. Кидани создали по ее образцу свою письменность, получившую известность под названием «большого киданьского письма». От бохайцев киданями была заимствована и так называемая система «пяти столиц», которую затем заимствовали также чжурчжени и монголы.

В целом созданное тунгусскими племенами мохэ государство Бохай, будучи на протяжении более чем двух столетий независимым, сильным королевством с высокой по тем временам самобытной культурой, сыграло важную роль в истории Восточной Азии и оказало существенное влияние на последующую историю населения южной части советского Дальнего Востока.

3. ЗОЛОТАЯ ИМПЕРИЯ (ЧЖУРЧЖЕНИ)

Разгром государства Бохай киданями не мог остановить естественный ход развития тунгусо-маньчжурских народов, их стремления к консолидации. Напротив, непосредственная угроза завоеваний со стороны соседних государств только ускорила неизбежность и неотвратимую историческую закономерность возникновения нового национального государства у северных чжурчженьских племен, преемников культурных и политических традиций Бохая. Экспансию Ляо на восток остановили не войска государства Корё и тем более не наполовину разгромленный сунский Китай, выплачивающий дань киданям. На пути Ляо в установлении гегемонии в Восточной Азии стала новая военная и политическая сила, союз чжурчженьских племен северо-востока.

Впервые название «чжурчжени» появляется в источниках первой половины VII в. н. э.[44] Чжурчжени заселяли земли по рекам Сунгари, Уссури, Нонни, Ялу и Амуру, горную систему Чанбайшань и отроги Сихотэ-Алиня. Это была богатая страна, которая славилась далеко за своими пределами разнообразными природными ресурсами и продуктами хозяйства туземных племен: превосходными лошадьми, коровами, овцами, кабанами, тонким холстом, ондатрами и осетрами. Мастера по изготовлению оружия хорошо знали медь и железо страны севера, а ювелиры помнили, что в долинах таежных и горных речек древней страны сушень можно найти богатые россыпи золота и много серебра. В укромных уголках тайги Маньчжурии встречался таинственный корень жизни — женьшень и там же можно было подстрелить оленя, чтобы из пантов приготовить чудесный эликсир, продлевающий жизнь.

Это край, откуда во многие страны востока расходились экзотические товары севера — моржовый клык и зрачки кита, кедровые орехи и красная яшма, крабы и жемчуг, арбузы и воск. Охотники императорских дворов гордились соколами и кречетами «страны восточного моря», а придворные красавицы мечтали о нарядах, украшенных нежным мехом соболей и белок, добытых в тайге чжурчженями. Вместе с тем северо-восток — край суровой природы. Глубокие снега надолго покрывали его

---

[43] Н. И. Конрад. О театральном искусстве Японии VII—VIII вв. Сб. статей «Театр и драматургия Японии». М., 1965, стр. 30.

[44] При написании главы автор, кроме своих переводов из «Цзинь ши», использовал следующие материалы: Н. Я. Бичурин. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829; Г. Розов. История дома Цзинь. Пер. с маньчжурского. Архив Института народов Азии, раздел I, оп. II, № 3; В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии. СПб., 1857; А. Г. Малявкин. «Цзинь ши», гл. I. Отдельный оттиск из «Сборника научных работ пржевальцев», Харбин, 1942; История Кореи. М., 1960; А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; Е. И. Кычанов. Чжурчжени в XI в. Сб. «Древняя Сибирь», вып. 2, Новосибирск, 1966.

землю, сильные морозы могли вынести только привычные к холоду коренные обитатели северных стран. Даже вода в речках здесь необычна: если возьмешь ее в пригоршню, то она кажется черного цвета.

Но больше всего удивительных рассказов ходило о коренных обитателях страны — чжурчженях. Все поражало в них средневековых путешественников, оказавшихся в северных землях: внешний вид, одежда, прическа, пища, образ жизни, обычаи и общественная жизнь. Это народ большого мужества и благородства, необыкновенной отваги и выносливости, свободолюбия и воинственности. «Чжурчжени — простоватые безыскусные люди, храбрые и свирепые, не знающие в должной мере цену жизни и смерти. Они отважны и дерзки. Каждый раз, отправляясь на войну, одевают многослойный панцирь». Летучая конница чжурчженей, как вихрь, проносилась по речным долинам и спускалась «как бы летая» с гор, наводя ужас на врагов. Воины чжурчжени терпеливо сносили невзгоды походной жизни — голод, жажду, тяжелые и длительные переходы. К удивлению врагов отряды чжурчженей, не останавливаясь и не наводя мостов и паромов, вплавь на лошадях форсировали такие широкие реки, как Амур и Хуанхэ.

В обычное мирное время чжурчжени жили в поселках или крепостях, построенных на возвышенностях или в долинах, запирающих горные проходы. Их жилища представляли собой деревянные полуподземные постройки с дверью, обращенной на юго-восток. Холодный климат страны заставлял заботиться о максимальном утеплении жилища. Оно наполовину уходило в землю. Дверь полуземлянки утеплялась травой или паклей, а внутри устраивалась сложная, но удобная отопительная система из центрального очага и лежанок — канов, по которым циркулировал теплый дым и воздух. При входе в жилище меховая одежда сбрасывалась, и обитатели его ели, спали и занимались хозяйственными делами на теплых широких лежанках.

В сильные холода рядовые члены рода одевались в шерстяную одежду и шубы из шкур лошадей, коров, свиней, баранов и собак. Они шили также халаты из рыбьей и змеиной кожи. Нижняя теплая одежда — штаны, рубашки и чулки — изготовлялась из оленьих шкур или шкурок кабарги и кошки. Это старая национальная одежда чжурчженей, приспособленная для холодов при жизни и работе в тайге и горах. Вместе с тем родовая аристократия — племенные и родовые вожди, а также члены их семей зимой одевались в шубы из меха соболей, лисиц и белок или в теплые шелковые халаты на подкладке. Кроме меховой одежды, широко были распространены изделия из белого холста. Платье из белого материала — самая любимая одежда чжурчженей.

Рядом с поселком располагались пашни и огороды. Основное занятие большинства племен чжурчженей — земледелие и огородничество. Они разводили лошадей, коров, овец, свиней и собак. В зимнее время и ранней весной охотники с собаками уходили в тайгу, где охотились на оленей, лосей, медведей и пушного зверя. Особенно популярна была у чжурчженей охота на оленя с помощью берестяного рожка. Зверя выслеживали по следу, а затем приманивали рожком, подражая реву самца. Летом, в особенности в период массового хода рыбы, они занимались рыболовством, а в лесу — собирательством диких плодов, ягод и кореньев. Любимая еда рядовых чжурчженей — похлебка из гороха и вареное пшено, которое употреблялось в недоваренном виде с приправой из чеснока и сырой собачьей крови.

В новый год чжурчжени поклонялись солнцу и приносили жертву «великому небу». Шаман представлял в племени вторую после вождя фигуру. Он же в случае болезни являлся лекарем, который изгонял из больного злых духов и приносил в жертву, чтобы ускорить выздоровле-

ние, свинью или собаку. Если на выздоровление не было никакой надежды, то больного увозили на телеге в одну из дальних от селения горных долин и там оставляли. Такой больной, которого не покидали, несмотря на заклинания шаманов, злые духи, считался опасным для соплеменников.

Умершего родича оплакивали, сопровождая погребение «слезными и кровавыми проводами». Участники погребальной процессии делали на лбу надрезы ножом, и кровь из ран струилась по лицу, смешиваясь со слезами. Особенно торжественно хоронили родовых вождей и членов богатых и влиятельных семей. В жертву им приносили любимых слуг и служанок, а также оседланных лошадей. И тех и других сжигали, а остатки помещали в могилу. Кроме того, для покойника и его загробного путешествия приносили в жертву свиней и собак, вместе с едой в могилу помещали сосуды с питьем. Весь этот церемониал носил название «варить кашу для умершего».

Торжественными и сложными обрядами сопровождалась свадьба чжурчженей. Состоятельные семьи посылали родственников сватать невесту. Их сопровождал обоз повозок, нагруженных напитками и разнообразными кушаньями, и десятки лошадей, предназначенных для родителей невесты. В доме невесты начинался пир, в котором прислуживали родственники жениха. Они трижды разносили в золотых, глиняных или деревянных сосудах вино, затем угощали салом, а под конец пили чай или молоко. После пира сваты и родители обменивались подарками. Жених представлял возможность отцу невесты выбрать лучших из приведенных им лошадей, а взамен за каждую взятую лошадь получал одежду.

К моменту столкновения с киданями каждое чжурчженьское племя занимало строго определенную территорию. Во время опасности или для военных мероприятий они объединялись в союз для отражения или предупреждения действий врага. Родовых или племенных вождей выбирали на общих собраниях, но выборы превратились в формальный акт, пережиток старых времен, так как власть вождей к X—XI вв. стала наследственной. Она переходила от старшего брата к младшему, а после последнего из братьев — к сыновьям старшего брата. Вожди назывались «боцзиле» («боцзинь» — от маньчжурского «бейле») или «цзедуши». Они стояли во главе родов, которые насчитывали от тысячи до нескольких тысяч человек.

Киданьский император Амбагянь сразу оценил грозную опасность, которую представляли для Ляо новые противники. Он не рискнул сразу включить новые земли в свою империю, а создал в 926 г. особое буферное государство Дунданьго для управления бохайцами и чжурчженями.

Амбагянь, считая, что чжурчжени, несмотря на принятые меры, все же будут производить «беспорядки» на его границах, «завлек и переселил» несколько тысяч «наиболее знатных и сильных семейств» к югу от современного города Ляояна и на северо-восток от округа Сяньчжоу. Это те чжурчжени, которые известны в истории как «покорные нюйчжи пяти провинций», или Хэсукуань.

Вторая группа чжурчженей жила в северо-востоку от Мукдена до р. Сунгари. Кидани «приписали» их к округу Сяньчжоу и министерству, заведующему военными лошадьми. Степень зависимости их от Ляо была значительно меньшей, чем у «покорных чжурчженей».

Третья группа чжурчженей была наиболее многочисленна. Они жили в своих коренных землях к северо-востоку от рек Сунгари и Нонни. Согласно сведениям из письменных источников, количество их превышало 100 тыс. Княжество их называлось Шуниюйчжи («дикие нюйчжи»). Они были полностью независимы от киданей.

Кроме того, выделяется еще группа племен, которая называлась «нюйчжи Восточного моря». Они заселяли прибрежные районы Японского моря от границ Кореи и почти до Среднего Амура.

Каждая из перечисленных выше групп делилась на племена. Всего у чжурчженей насчитывалось 72 племени.

Конец X в. — период коренного переворота в судьбах чжурчженьских племен. Агрессия киданей на востоке поставила их лицом к лицу с сильным и коварным врагом. Никогда еще враг не стоял так близко к границам земель, издавна населенных чжурчженями и их предшественниками — мохэскими племенами. Политическая обстановка стала тем более критической еще и потому, что государство Корё, вместо того чтобы поддержать чжурчженей в их борьбе с Ляо, решило ударить с тыла и захватить земли своих старых союзников.

Чжурчжени, живущие по р. Ялу, оказались между двух огней. На западе участились стычки с киданями, в то же время на востоке за р. Ялу корейцы неприкрыто вели подготовку к войне с целью отторжения чжурчженьских земель. В начале 80-х годов правитель Кореи Сончжон, вытеснив чжурчженей, расширил свои границы на северо-западе от бассейна Ялу. Воспользовавшись нападением киданей на чжурчженей в 983 г., Сончжон приказал построить ряд крепостей уже на берегу р. Ялу, в землях чжурчженей. Однако чжурчжени, покинутые союзниками, нашли в себе силы отразить нападение киданей, а корейцев заставить прекратить строительство крепостей на Ялу.

В 985 г. вновь повторяется нападение киданей на чжурчженей. На этот раз им удается захватить на время часть территории по среднему течению р. Ялу и в бассейне р. Тунцзяна. Устье р. Ялу переходит в руки киданей, и чжурчжени оказываются в особенно тяжелом положении. В 989 и 991 гг. кидани снова нападают на чжурчженей, и им удается, наконец, укрепиться на берегу Ялу. Они строят здесь три крепости — Вэйкоу, Чженьхуа и Лайюань и готовятся к решительному вторжению на территорию Корё. Оно начинается через два года, в 993 г., когда огромная 880-тысячная киданьская армия под руководством генерала Сяо Сюн-иина переходит Ялу и, захватывая многие крепости, построенные корейцами в землях чжурчженей, стремительно двигается на юг. Эти события привели к изменению тактики чжурчженей. Вести войну на два фронта им явно не хватало сил. Тогда они решили использовать войска могущественной Ляоской империи против государства Корё, которое превратилось в основного врага чжурчженей. В то время как кидани довольствовались в основном формальным признанием подданства, корейцы проводили ярко выраженную агрессивную политику тотального вытеснения чжурчженей из районов, которые никогда не принадлежали Корё. Постоянные стычки на новой границе заставили все же корейский двор дать строгие инструкции военным воздержаться от провокаций.

В 1010 г. 400-тысячная армия киданей вновь вторглась в Корё. Формальной причиной войны, кроме жалобы чжурчженей, являлось убийство короля Мокчжона генералом Канчо. Но любопытно, что одним из основных требований киданей стало возвращение чжурчженьских земель с шестью городами, расположенными к северу от р. Чхончхонгана! Напоминание корейцев о том, что не кто иной, как кидани, позволили захватить чжурчженьские земли и вытеснить отсюда их племена, было пренебрежительно оставлено без ответа. Требование о возвращении чжурчженьских земель повторялось киданями в 1012, 1013, 1015, 1018 и 1019 гг. Они даже захватывали их иногда на короткое время. В нападении 1012 г. вместе с киданями участвовали чжурчжени. Они вторглись за Ялу и опустошили пограничные районы. То же повторилось в 1013 г.

С описанными выше событиями связано переселение ряда чжурчженьских племен из района постоянных столкновений и борьбы в бассейне р. Ялу в более спокойные центральные районы Маньчжурии и северо-восточные приморские области. Среди них особо выдающуюся роль в последующей истории чжурчженей сыграло племя братьев Ханьпу и Баохоли, предков правящего дома империи Цзинь (Золотой).

Переселение их произошло, по-видимому, в 20-е годы X в., в период первых столкновений чжурчженьских племен с Ляо и образования буферного государства Дунданьго. Прародители династии Цзинь входили в ту самую группу «сильных семей» чжурчженей, которых «заманил» Амбагянь и, поселив на юг от г. Ляояна, назвал «покорными». Но не все оказались «покорными» и подчинились приказу Амбагяня. Ханьпу и Баохоли, принадлежавшие к семейству Ши, увели свои племена на северо-запад и северо-восток. В среде «покорных» шести племен остался только их старший брат Агунай со своим племенем.[45]

Ханьпу дошел до рек Пухаль и Бухори и расположился в землях, соседних с племенем Ваньянь. Географически это место было наиболее выгодным для защиты от корейцев и киданей — оно было защищено труднопроходимыми горами от Корё и Ляодуна. В еще более отдаленные и безопасные места ушел Баохоли. Он поселился в бассейне истоков Уссури, в 500 км от Суйфуна, в долине р. Елани (Уссури), т. е. на территории Приморья.

Новых переселенцев встретили неприветливо. Во время переговоров Ханьпу с вождями племен Ваньянь, в ходе которых, очевидно, хотели урегулировать отношения пришельцев и аборигенов р. Пуганьшуй, люди Ханьпу убили одного из ваньяньцев. Мирные переговоры прервались, и между племенами начались «ожесточенные столкновения». Новые убийства еще больше накалили и запутали обстановку. Через некоторое время, однако, племя Ваньянь выступило инициатором новых переговоров. Посол Ваньянь ради прекращения вражды призвал Ханьпу породниться и объединить оба племени. Ханьпу согласился. Новое объединение приняло название «Ваньянь», поскольку счет родства потомков Ханьпу велся по материнской линии. С этих пор члены дома Ваньянь разделились на две группы — более близкие правящему дому (потомки прародителя Ханьпу) и более дальние (потомки Баохоли и Агуная).

Один из потомков Ханьпу, его внук Суйкэ, покинул старые места племени Ваньянь и переселился «ближе к морю», на земли р. Альчук, притока Сунгари. Здесь выстраивались не временные полуземлянки, а капитальные наземные дома. Низины разрабатывались под пашни.

Начало процессу консолидации чжурчженей положил Шилу, человек «прямого и решительного характера». Он начал с того, что первый из родо-племенных вождей Ваньянь попытался «постепенно» ввести «законы и распоряжения» сначала среди соплеменников, а затем и среди остальных нюйчжи. Шилу для управления племенами должен был, очевидно, прежде всего ограничить власть, свободу и самостоятельность вождей остальных чжурчженьских племен, заставить их блюсти интересы племенного союза в целом. Эти мероприятия по объединению чжурчженей вызвали беспокойство киданей. Как и следовало ожидать, первое, более декларативное, чем действительное, племенное объединение не оказалось прочным. Через некоторое время после провозглашения Шилу общеплеменным вождем тайши, против него поднялись восстания, из числа которых наиболее мощным было выступление «восточных племен». В летописи занесен рассказ

[45] Агунай — второй брат Ханьпу. По преданию, он был ревностным буддистом и не пожелал переселяться с братьями на север. Род Агуная остался на старых чжурчженьских землях в бассейне Ялу.

о том, как «иньгуанские» племена Приморья и соседних с ним территорий «по древнему обычаю не захотели признавать законов и распоряжений». Для усмирения их Шилу вынужден был совершить длительный и тяжелый поход на восток, в ходе которого «заходил» также на территорию Приморья («посетил Субинь и Елань»).

Более гибкую политику по отношению к свободолюбивым восточным племенам занял сын Шилу Угунай (1021—1074 гг.). Угунай постепенно подчинил все племена, потерянные Шилу. Он прежде всего обратил особое внимание на перевооружение армии. Слабость ее была главной причиной поражения Шилу. «Всеми средствами и высокой ценой» Угунай, а также его братья приобретали в обмен на домашние изделия у купцов «соседних княжеств» железо, латы, шлемы. После этого началась заготовка стрел и луков. Перевооруженная, одетая в доспехи армия Угуная «стала сильной».

При всем том в отношении восточных племен Угунай вынужден был ограничиться формальными выражениями их покорности. К нему приходили из Хэлани руководители племен. Угунай «записывал дату, фамилию, имя и немедленно отсылал, чтобы возвращались на родину». Благодаря своей гибкой политике, Угунай без кровопролития «постепенно подчинил» восточные племена. «Все подчинялись его приказаниям», — отмечает «Цзинь ши».

Но особенно важные события для судеб восточных племен, а также в целом племенного объединения чжурчженей произошли в результате установления контакта ваньяньских племен Центральной Маньчжурии с племенем Ваньянь, жившим в Елани, т. е. в Приморье. Контакт этот впервые восстановился, вероятно, после похода в Приморье Шилу. Но особенно тесным он стал при Угунае. Чжилихай, четвертый внук Баохоли, направил своего посла Мяосуня на Альчук с пожеланиями установить сношения «с родственным государством». Мяосунь был встречен Угунаем с большим почетом и провел у него год.

Когда в Елани случился голод, то Угунай в помощь Чжилихаю направил партию лошадей и быков. Восстановив почти забытые родственные связи с ваньяньскими племенами Приморья, Угунай приобрел, таким образом, на востоке надежного союзника в борьбе за объединение чжурчженей. Эту линию Угуная продолжал сменивший его 19-летний Хэлибо (1074—1092 гг.), которому пришлось вести напряженную борьбу за укрепление единства чжурчженьских племен. Особо важное значение в этом имела для него поддержка племен Приморья, еланцев.

Хэлибо посетил еланьские племена и побывал в гостях у Шитумыня, сына Чжилихая, по-видимому, еще до вступления его в должность главы племенного союза. В Приморье Хэлибо заболел, и Шитумынь проявил большую заботу о родственнике. Он день и ночь не отходил от него и после выздоровления Хэлибо осыпал его милостями. Между ними установилась прочная дружба. Когда Хэлибо стал во главе чжурчженьских племен, в лице Шитумыня он приобрел преданного союзника. «Соседние племена не возрадовались».

Вряд ли Хэлибо удалось отстоять единство союза в борьбе с восстаниями вождей, если бы ему пришлось также усмирять недовольные восточные племена. Эту миссию взял на себя Шитумынь. Недовольные вожди приморских племен, объединившись, напали на Шитумыня, в лице которого они видели прямого проводника ненавистной им политики централизации и уничтожения самостоятельности племен. На территории Приморья разгорелась ожесточенная борьба. Враждебные Шитумыню племена возглавил Валибэнь. Шитумынь с основными силами из 5000 чел. напал на армию Валибэня и разгромил ее, несмотря на отчаянную храбрость и самоотверженность последнего. Разгром Шитумынем войск мятежников

оказался настолько сокрушительным, что в течение трехлетнего правления Полашу (1092—1094 гг.) племена Приморья почти не упоминаются. Однако это спокойствие было обманчиво.

В 1094 г. на престол вступает Ингэ. При нем борьба за объединение чжурчженьских племен вступила в решающую стадию. Для того чтобы окончательно лишить племенных вождей самостоятельности, Ингэ предпринимает важный шаг, на который не осмеливались пойти его предшественники. По его указу отменялись и ставились «в зависимость от закона» до сих пор «произвольно устанавливаемые племенные значки», а вместо выборных вождей во главе племени ставились лица, которые направлялись центральной властью. Тем самым закладывались первые серьезные основы будущего государственного образования чжурчженей и окончательно подрывался сепаратизм отдельных племен. Ими стали «управлять» с помощью «законов племени (Ваньянь)».

Нововведение Ингэ, которое он провел, «пользуясь мыслью Агуды», будущего императора чжурчженей, вызвало единодушное недовольство племенных вождей. Центром борьбы и последней надеждой старой родоплеменной верхушки чжурчженей и родственных им племен вновь становится далекий «консервативный угол», восточные приморские племена. Вожди племен Хэлани и Суйфуна явно были недовольны новыми распоряжениями, которые положили конец их самостоятельности. Во главе оппозиции стал Асу — вождь племени хэшиле, пограничного с Корё.

Положение к 1096 г. стало очень тяжелым. На юге приморской области Асу и Маодулу собрали большое войско и перерезали дорогу. На севере возникла вторая большая группировка, поддерживающая Асу. В нее входили Люкэ и Чжиду из племени угулунь и ута, а также суйфунские племена под руководством Дигудея и Дунэня, сына Нагэньне.

Люкэ выступил инициатором восстания племен. Он, согласно летописи, «соблазнив, поднял бунт против народов двух племен — вачжунь и уда». Как Люкэ, так и его союзник Дунэнь характеризуются летописью разнообразными нелестными эпитетами. Такое отношение ваньяньских вождей к руководителям восставших не случайно. Составители официальных документов старались представить очередное восстание восточных племен как обычное, рядовое, вызванное недоразумениями или «злым умыслом» отдельных лиц. На самом деле причины и характер «беспорядков» на востоке являлись другими. Это было хорошо организованное восстание с четкой программой и целями. Речь шла об уничтожении гегемонии ваньяньских племен. В биографии Люкэ сохранился пересказ дерзких, «самодовольных» речей руководителей нового союза племен. В него входили три группы племен. Первую из них составляли племена Угулуньской группы. Она состояла из 14 племен. Такое же количество племен входило в состав Тушаньской группы. Ее составляли племена Суйфуна. Семь племен входило в состав группы Пуча. Под ними, очевидно, подразумевалась группировка племен, возглавляемая Асу. Всего, таким образом, в новый племенной союз входило 35 племен. Руководители его, сравнивая свои силы с объединением племен Ваньянь, «самодовольно говорили — 35 племен будут сражаться с 12 племенами. Каждые три человека (нашего союза) будут сражаться против одного человека (племен Ваньянь)».

Достаточно сравнить соотношение сил, чтобы понять опасность, которая нависла над ваньяньским племенным союзом и в целом над чжурчженьским объединением. Заявление Люкэ и Дунэня о том, что «мы одержим верх непременно», не звучало пустой угрозой. Опасность для ваньяньских племен стала тем более велика, что кидани если сами не инспирировали новое восстание на востоке, то, бесспорно, открыто сочувствовали ему.

Противниками нового племенного союза выступили все ваньяньские племена. Это объединение составляли центральные войска под общим командованием Ингэ и северные, оставшиеся ему верными приморские отряды под руководством Шитумыня и Маньдухэ. Исход борьбы зависел теперь от того, удастся или нет восставшим племенам объединить свои значительные, но разрозненные силы.

Ингэ направил прежде всего свой удар против Асу. Во главе армии, которая составляла половину всего войска Ингэ, был поставлен племянник Сагай. Другой половиной командовал сам Ингэ. Они направились разными дорогами, надеясь соединиться под стенами Асучена — ставки Асу. Асу вынужден был бежать под защиту ляосцев, бросив свою крепость на произвол судьбы.

В тот же период активизировались действия войск Люкэ, Чжиду, Дигудея и Ута. К ним вскоре присоединился Дунэнь. Войска всех восставших племенных вождей соединились около крепости Милимишихань. Ингэ, взволнованный создавшейся тяжелой обстановкой, определил Сагая главнокомандующим всех войск, участвовавших в усмирении восточных племен. Его помощниками были назначены талантливые военачальники Вадай, Цибуши и Алихумань. Одновременно он приказал Шитумыню и Маньдухэ «наказать» Дигудея.

В ходе борьбы часть восставших вождей изменила своим союзникам и покинула их, стремясь всячески показать свою лояльность к Ингэ. Они даже просили его послать им на помощь солдат, как это сделал Элибао. Но положение по-прежнему оставалось напряженным. Армия Сагая оказалась между двумя огнями. С одной стороны, ему необходимо было взять наконец Асучен и покорить восставшие пограничные с Кореей крепости, с другой — опасно было дальше оставлять безнаказанными племена Хэлани и Суйфуна. Растерявшийся Сагай собрал военный совет, чтобы спросить мнение своих полководцев. Одни военачальники считали, что необходимо сначала покорить пограничные крепости и взять Асучен, другие, напротив, советовали прежде захватить Люкэчен — ставку Люкэ. Общего решения военачальники не приняли.

Трудно сказать, как бы развивались дальше события и в чью пользу закончилась борьба, если бы не разобщенность восставших племенных вождей и их отступления от выработанного заранее плана. Они допустили ошибку. Вместо того чтобы как можно теснее объединить свои силы, один из вождей, Дунэнь, не пошел, как намечалось планом, на помощь Люкэ, а направился против отрядов Маньдухэ. Маньдухэ, согласно приказу Ингэ, продвигался в это время к городу Милимишихань. Около его стен он должен был соединиться с отрядами Шитумыня. Дунэнь, соблазнившись неподготовленностью к сражению отрядов Маньдухэ, их малочисленностью и отсутствием войск Шитумыня, напал на него. Но в решительный момент отряды Шитумыня пришли на помощь к Маньдухэ. Армию Дунэня разгромили, а сам он попал в плен. Вслед за этим Шитумынь и Маньдухэ захватили город Милимишихань, уничтожив войска Дигудея. Суйфунская группировка восставших была, таким образом, разгромлена. Усмирение суйфунских племен сыграло решающую роль в дальнейшей борьбе хэланьских племен с чжурчженями.

В то же время Агуда с подкреплением, перевалив хребет Пэнниолин, соединился с Сагаем. Объединенные силы чжурчженей, руководство которыми принял Агуда, направились против Люкэчена, резиденции главного из оставшихся противников хэланьских вождей — Люкэ. Люкэ, потеряв надежду на успешный исход борьбы, бежал в Ляо. Город его взяли штурмом, всех «начальников убили». Затем армию возвратили назад и окружили город Утачен — ставку Ута. Ута бежал в Ляо, а город его

сдался войскам Сагая и Агуды. Агуда, сражаясь с Люкэ и Ута, одержал, кроме того, одну бескровную победу. Он призвал боцзиня Пуцзяну «признать обман и хитрости». Пуцзяну «немедленно покорился».

Последний из восставших вождей Хэлани Чжиду подчинился переметнувшемуся на сторону Ингэ Пуцзяну. Вскоре войска Хэчже захватили Асучен.

Несмотря на поражение вождей приморских племен, Ингэ не осмелился провести в жизнь свое постановление о замене «племенных значков» и назначении чиновников для управления восточными племенами. Протест, вызванный его указом, оказался настолько сильным, что указ пришлось отменить, по крайней мере по отношению к приморским племенам. Ингэ обратился к Агуде со специальной просьбой не назначать чиновников в четырех восточных областях — Тумынь, Хунчунь, Ехуэй, Синсян, «а также у племен к востоку от гор». Ингэ, испуганный размахом борьбы, неспособный подавить ее окончательно, вынужден был пойти на уступки. По сути дела согласие не назначать чиновников являлось капитуляцией Ингэ перед родо-племенной верхушкой восточных племен. Силы Ингэ оказались слишком слабыми, чтобы держать в подчинении даже разрозненные и разгромленные в ходе карательного похода племена.

Летопись сообщает, что при Ингэ «в конце концов умиротворили всех отколовшихся и управляли при помощи законов племени». Однако тенденциозность летописца очевидна. Последние годы правления Ингэ, напротив, снова стали тревожными. Вновь, как при Хэлибо, встал вопрос о судьбе чжурчженьского племенного союза. Немалое значение приобретает теперь и внешнеполитическая обстановка: Ингэ приходилось лавировать между Ляо и Корё.

Корейцы с нескрываемой тревогой наблюдали за деятельностью своего опасного конкурента и соперника на севере.

Хэлань и Суйфун вновь становятся ареной острых противоречий и борьбы. Вместо Ляо активной сдерживающей силой чжурчженей здесь становится Корё, заинтересованное как в безопасности своих границ, так и в пресечении возможности усиления Ингэ за счет восточных племен. Корейцы менее всего желали иметь своим непосредственным соседом мощное объединение чжурчженьских племен. Направив послов к Ингэ, они, стремясь обезопасить свои границы, одновременно посылают войска с целью подчинения соседних пограничных племен. В результате в сферу влияния Корё переходят племена лигулин и пусань. Вождь племени хешиле также подчиняется корейцам.

Уясу, сменивший Ингэ на посту вождя чжурчженей, сразу же в 1103 г. направил Шидихуаня «убеждать хэланьские племена».

Корейцы отправляют к Уясу специальных послов императора Хэйхуаня и Фаньши с приветствиями по случаю его вступления в должность вождя. С ответными благодарностями Уясу направляет посла Бэйлу. Но ни та, ни другая сторона не скрывают за актами дипломатической вежливости своих настоящих намерений в Хэлани.

В качестве основных аргументов «убеждения» хэланьских племен Шидихуань вынужден был захватить с собой войска! Ко времени подхода войска Шидихуаня Хэлань снова оказалась объятой восстанием. В нем не последнюю роль сыграли, очевидно, корейцы. Когда Шидихуань, пополнив свою армию у гор Илигулунь, подошел к р. Фоне (очевидно, бассейн Суйфуна), ему пришлось вступить в борьбу с семью «мятежными городами». Корейцы, по-видимому, не оказались подготовленными к войне. Шидихуань захватил восставшие города.

Корейцы направили к нему посла с просьбой начать переговоры и уладить недоразумения мирным путем. Шидихуань направил на переговоры своего посла. Начавшиеся переговоры корейцы, однако, вскоре

прервали, вероломно захватив посла чжурчженей. Затем в ходе войны наступил резкий перелом. Войска Корё захватили и присоединили к себе почти все племена Пятиречья. Во время военных действий они «взяли в плен 14 чиновников княжества нюйчжи».

Однако на следующий год Шидихуань снова нападал на корейцев, наголову разбил их войска и захватил много пленных. Корейские войска преследовались вплоть до границы. Шидихуань сжег и уничтожил большое количество городов и крепостей и расположился с крупными силами в районе укрепления Чонпхёна.

Новый главнокомандующий корейской армией генерал Лимган пытался атаковать Шидихуаня около Чонпхёна. На военном совете, который предшествовал новому сражению, мнения военачальников разделились. Лимган, выполняя предписание императора, предлагал начать решительное сражение и «покарать» чжурчженей. В то же время один из военачальников — Лиюн — советовал придерживаться более осторожной тактики и не выводить войска за пределы крепости: «Войска наши увлечены в слишком опасную и жестокую войну. Несомненно не стоит ввязываться в решительное сражение. Желательно только сохранять войска и не допускать больших жертв!».

Тем не менее верх на совете одержали сторонники решительного сражения, и войска были выведены за пределы Чонпхёна. Лимган потерпел страшное поражение — половина его войска осталась в поле или была взята в плен войсками Шидихуаня.

Судьба Хэлани, казалось, была решена окончательно. Чжурчженьские войска захватывают крепости и «убивают и грабят без счета». Сместив Лимгана и его помощников, король назначил новым главнокомандующим армией северо-востока Юнгвана. Однако и он не смог оттеснить чжурчженей. В 4-м месяце 1103 г. корейцы во главе с Юнгваном атаковали Шидихуаня. Основное сражение развернулось на берегах р. Пидэншуй, где Шидихуань закрепился с отрядом численностью в 500 чел. Юнгван наголову был разбит и потерял больше половины армии, в то время как чжурчжени оставили на поле боя всего 30 чел. Корейцы вновь «униженно запросили мира» и, согласно его условиям, вернули чжурчженям 14 чиновников, захваченных в ходе предшествующих столкновений.

Дальнейший ход событий отмечен новыми волнениями на Суйфуне — вспышкой племенного сепаратизма, на этот раз быстро ликвидированной. «Цзинь ши» сообщает, что в первые годы правления Уясу народ Суйфуна «не слушался приказаний». У них появились «противные замыслы». Уясу послал военачальников Вадая, Васая и Валу, которые управляли территорией Суйфуна, «наставить их». Вождям племен приказали собраться к Холо и Хайчуаню. Однако на намеченное совещание явились не все. Вождь племени ханьго Вахо отказался явиться. Прибывшие племена вачжунь и чжидэ вскоре убежали. За ними послали Ута, который настиг их в горах Мацзилинь, захватил и вернул обратно. Вадай со своими помощниками Васаем и Валу после усмирения вачжунь и чжидэ направился с войсками против города Вахо. Город «был взят, (вождь) Вахо подчинился».

Победы на востоке поставили на очередь дня основную задачу, подготовку к решению которой чжурчжени вели в течение последних десятилетий, — разгром Ляо. Между племенными вождями рода Ваньянь проводились «советы» об организации борьбы с киданями.

Не последняя роль в предстоящей войне в планах чжурчженьских руководителей отводится восточным приморским племенам. В Приморье в это время умирает младший брат Шитумыня Асымэнь. На похороны его съезжается большое количество близких и далеких родственников. Среди

них находится также Агуда со своими приближенными. Не только выражение соболезнования и траур привели его сюда. Агуда совещается с Шитумынем «о войне с Ляо». Летопись рассказывает о характерном эпизоде, который произошел во время жертвоприношений. Над родственниками пролетела птица, направляющаяся на восток. Агуда выстрелом из лука подстрелил ее. Поскольку мысли собравшихся были захвачены идеями о предстоящей войне с киданями, удачный выстрел все расценили как хорошее предзнаменование благополучного решения задуманных планов.

Однако непредвиденные обстоятельства отсрочили момент решительной схватки с Ляоской империей. Несмотря на усмирение суйфунских племен, положение на востоке продолжало оставаться напряженным. Корейцы не собирались мириться с потерей влияния среди восточных племен. Они накапливали силы и готовились к войне. Чжурчжени понимали, что предстоит ожесточенная борьба.

Дело в том, что Юнгван, возвратившись в столицу после своего поражения в боях с чжурчженями, решил провести серьезную подготовку к предстоящей войне. Он предложил королю увеличить количество солдат, уделив особое внимание обучению конницы, так как основную ударную силу чжурчженей составляли конники. Поскольку война могла затянуться, на складах накапливались большие запасы продовольствия. Но самое главное заключалось в новой военной реформе Юнгвана. Он ввел по сути дела обязательную воинскую повинность. Из мобилизованных создавалось несколько особых военных формирований (пёльмабан). Все, имеющие лошадей, включались в конные части — «непобедимую конницу» (синьгикун). В нее зачислялись гражданские и военные чиновники, купцы и даже крепостные. Безлошадные образовывали отряды «непобедимой пехоты» (синбокун). Мобилизация приняла поистине всеобщий характер, если даже из буддийских монахов начали формировать военные соединения. Наконец после прихода к власти Ечжона корейцы, в 1107 г. стянув значительные военные силы, насчитывающие, если верить летописи, около 170 тыс. чел., спровоцировали войну. Послов чжурчженей Агу и Шэнгуня неожиданно убивают, а договор о мире расторгается в одностороннем порядке.

170-тысячная армия корейцев, разделенная на пять корпусов, вышла за пределы «Великой стены» в районы крепости Хамчжу и начала стремительно продвигаться на север, оккупируя сначала хеланьские, а затем суйфунские земли. Армию возглавил Юнгван, его заместителем назначили Оёнчхона. Кроме сухопутных частей армии, которые обрушились на города и укрепленные заставы чжурчженей, в состав армии входил специальный морской корпус, очевидно, высадивший десанты в Приморье, в тылу основной армии чжурчженей.

Войска Уясу не смогли сдержать натиска отрядов Юнгвана. Около 5 тыс. чжурчженей было убито, а более 5 тыс. взято в плен. На отторгнутых у чжурчженей землях корейцы лихорадочно вели приготовления к будущей борьбе: сооружали оборонительные валы и заставы, запирающие горные проходы. Летопись сообщает, что корейцы возвели в долине Хэлани и в Приморье девять крепостей, выдвинутых вперед против чжурчженей. Шесть из них (Хамчжу, Енчжу, Унчжу, Кильчжу, Кокчжу, Ичжу) представляли собой крупные укрепления типа областных центров, а три крепости были меньшего размера, типа застав или рядовых укрепленных пунктов (Тхонжхэчжин, Пхёнюнчжин и Конхомчжин). Последний из пунктов являлся пограничным — здесь был установлен пограничный столб.

В крепостях расположились военные гарнизоны. Корейцы, однако, не ограничились военной оккупацией Хэлани и Елани. Вытеснив из этих

районов коренных жителей — «чжурчженей восточного моря», они с целью более прочного присоединения и освоения захваченного края начали переселять сюда из южных районов земледельческое население.

Юнгван, считая, что Уясу не удастся вернуть отнятые у него земли, в 1108 г. вернулся в Корё.

Сложившаяся в Хэлани и на Суйфуне ситуация оказалась настолько катастрофически угрожающей и запутанной, что Уясу вынужден был лично отправиться на восток. Он направился в район хребта Мацзилинь. После постройки корейцами девяти городов состоялся военный совет, на котором решали основной вопрос: следует ли мириться с потерей Хэлани. Положение Уясу осложнялось в значительной мере еще и тем, что на западе участились конфликты с киданями и в случае объединения сил Корё и Ляо чжурчженьскому племенному союзу грозил неминуемый разгром. Чжурчжени не могли вести одновременно борьбу на два фронта. Их армию уничтожили бы корейцы и кидани, а дело объединения чжурчженей стало бы проблемой далекого будущего. Поэтому на вопрос Уясу: «Стоит ли поднимать войска против Гаоли (Кореи)?» — многие отвечали отрицательно. Вожди говорили Уясу, что в случае войны с Корё «Ляо могут причинить зло», ударят с тыла.

Единственным, кто выступил против всех остальных, оказался Агуда. Ход его рассуждений был прост — завоевание корейцами приморских территорий повлечет за собою потерю соседних районов. В таком случае нечего думать о борьбе с основным противником чжурчженей — империей Ляо. Корейцы, боясь усиления чжурчженей, всегда будут угрожать им с тыла. Следует поэтому до начала борьбы с основным противником разгромить корейцев, укрепить тыл и, используя восточные и центральные области как базу, обрушиться на Ляо. «Если потеряем Хэлань, — говорил Агуда, — значит потеряем все».

Уясу «признал его мнение справедливым», и чжурчжени в 1109 г. начали «поднимать войска». На борьбу с Корё бросили все имеющиеся силы, «собрали все внешние и внутренние войска», т. е. к основной армии чжурчженей присоединили отряды союзных племен. Во главе войск поставили Васая, а его помощниками назначили Валу и Вадая. Характерно, что руководителями армии оказались полководцы, которые в предшествующие годы не один раз выступали против суйфунских племен. Васай разделил свою армию на 10 отрядов и начал наступление на Приморье и Хэлань. Разгорелась «большая война». Основным районом военных действий стало, по-видимому, центральное Приморье, район рек Даубихэ и Улахэ. Корейцы были «сильно разгромлены», но в 6-й месяц снова появились. После этого из-за болезни матери Васай покинул армию. Ее возглавил его помощник Валу, который осадил построенные корейцами города. Началась длительная позиционная война. Против девяти корейских городов Валу построил девять своих крепостей. Борьба шла с переменным успехом. Чжурчжени или «атаковали или (сообразуясь с обстоятельствами) оборонялись».

В особенно тяжелом положении оказалось переселенное земледельческое население. Войска Валу, плотно блокировавшие корейские крепости, не позволяли населению выходить за пределы городских стен и вести сельскохозяйственные работы. Гарнизоны новых городов оказались переназеленными беженцами из окрестностей, которые искали здесь спасения от конницы Валу. Земледельцы, призванные пополнять запасы продовольствия военных гарнизонов, напротив, сделали невозможным сколько-нибудь длительное отсиживание за крепостными стенами. Связи же с Корё оказались прерванными.

Не удивительно поэтому, что Валу вскоре удалось захватить крепости и в 7-й месяц корейцы запросили мира. Уясу выразил согласие при усло-

вии возвращения корейцами захваченных территорий, перебежчиков и девяти крепостей. Корейцы приняли условия мира и сообщили об этом посольству Уясу, прибывшему в Корё. Приморье снова оказалось в руках чжурчженей. Граница между нюйчжи и Корё прошла, по-видимому, по линии «Великой стены». Все крепости к северу от границы корейцы ликвидировали согласно условиям мира. Суйфун и большую часть Хэлани снова стали контролировать чжурчжени.

Со времени окончания корейско-чжурчженьской войны упоминание о племенах Хэлани и Елани почти полностью исчезает со страниц «Цзинь ши». После вступления на престол Агуды чжурчжени начинают борьбу с Ляо. События на западе надолго отвлекают внимание руководителей ваньяньских племен от восточных приморских провинций.

Таким образом, восточные приморские племена, проживающие на территории советского Приморья, представляли собой значительную политическую и военную силу в начальный период истории чжурчженей, когда закладывались основы их государства. Приморье во время наиболее активной борьбы ваньянь за единый чжурчженьский союз на десятилетия, вплоть до решающих сражений с Ляо, стало основной областью, где велась ожесточенная борьба вождей ваньяньского племени за единство чжурчженей. Сущность происходивших здесь событий заключается не только в том, что приморские племена составляли все это время наиболее опасную оппозицию, но и в том, что до укрепления тыла и создания базы на востоке нечего было и помышлять о разгроме Ляо, а затем и о борьбе с Китаем. Поэтому Приморье стало ключевым районом для решения основных проблем, поставленных ваньяньскими руководителями.

После изгнания корейцев наступил момент решительной схватки с Ляоской империей. Открытый вызов императору Ляо бросил уже Уясу. Но особенно напряженная ситуация сложилась после прихода к власти в 1114 г. Агуды. Он начал военные приготовления и после отказа киданей возвратить Асу приказал войскам двинуться к границам Ляо. Засыпав пограничный ров, 2500 воинов Агуды напали на пограничный отряд на р. Ляйлюхэ и разбили его. Обрадованные военачальники торопили Агуду принять сразу же императорский титул, но он не согласился, ответив им, что одной победы для этого недостаточно.

Первую серьезную победу над многочисленной армией киданей чжурчжени одержали на р. Яцзы в борьбе против 100-тысячной армии полководцев Сяофули и Табуе. Неожиданно форсировав реку, Агуда с 3700 воинами в бурю напал на киданьский лагерь, и застигнутый врасплох враг бежал, оставив огромные трофеи. Вслед за тем чжурчжени захватили ряд сильных пограничных крепостей, в том числе Биньчжоу и Саньчжоу.

В 1115 г. Агуда официально принимает титул императора, а новую империю и династию называет «Золотой». При этом он произносит речь, в которой, намекая на название династии киданей Ляо — «железная», говорит: «Хоть железо Биньчжоу и прекрасно, оно ржавеет и может быть изъедено ржавчиной! Только золото не ржавеет и не может разрушиться. Сверх того род Ваньянь, с которым я связан через вождя Ханьпу, всегда любил блестящие цвета вроде золота, и я решил взять это название для моей императорской фамилии. Поэтому даю ей название „Золотая“».

Император Ляо, который до сих пор беспечно относился к событиям на востоке, заволновался. Сюда двинулась огромная армия с земледельческим населением, которые должны были организовать постоянные пограничные округа для отражения нападений чжурчженей. В армейских обозах, кроме военного снаряжения и провианта, везли несколько тысяч земледельческих орудий. Вместе с тем император предложил Агуде мир,

но в его послании владения чжурчженей по-прежнему были включены в пределы границ Ляо, а уже принявшего императорский титул Агуду он называл только по имени. Агуда отверг оскорбительное послание и, напав на «пораженную страхом» 270-тысячную армию киданей, после упорного сражения разбил ее. Наступил по сути дела переломный момент в войне. Ляоская армия с тех пор не могла оправиться от поражения. Она начала отступать, теряя одну крепость за другой. В руки Агуды вскоре перешли Верхняя, Восточная и Средняя столицы, а неоднократные предложения ляоского императора о мире, в которых Агуда не признавался законным императором, решительно отвергались чжурчженями. Только в 1119 г. владыка киданей прислал Агуде печать и послание, подтверждающее его императорское достоинство.

В конце правления Агуды пали две последние столицы некогда могущественной империи, и чжурчжени объединили под своей властью почти все земли, принадлежавшие некогда их заклятым врагам.

Вместе с тем спешно создается государственный аппарат. При императоре возникает специальная комиссия для составления законов и сочинения указов. Ее состав комплектуется из людей «сведущих и способных», которые разыскиваются по всей стране. Агуда приказывает также создать чжурчженьское письмо. Его успешно разрабатывает Ваньянь Сиинь. Для централизованного руководства армией при императоре создается военный совет. Армия реорганизуется.

Агуда проводит активную внешнюю дипломатическую борьбу, при этом его особое внимание привлекает политика сунского Китая. Агуда демонстративно подчеркивает полную независимость своих действий и суверенитет страны. Когда один из послов к сунскому императору осмелился принять от него титул, то после возвращения из Китая по указанию Агуды его избили палками и лишили незаконно принятого титула.

После смерти Агуды на престол вступает его брат Укимай, который при жизни первого чжурчженьского императора занимал пост его первого помощника и заместителя. Его поддерживают все ведущие военачальники армии чжурчженей, которые, «накинув на него желтую одежду и вложив за пояс печать», сделали его, несмотря на сопротивление, новым императором.

При Укимае полностью завершается разгром Ляоской империи. Все старые киданьские земли, вплоть до р. Хуанхэ, переходят в руки чжурчженей. Вассальную зависимость от чжурчженей признает Корё и Тангутское государство.

Правление Укимая характеризуется началом борьбы с Сунской династией. Постоянные волнения на границах с Сун приводят к тому, что Укимай по совету руководителей армии начинает прямые действия против сунских войск. Вскоре все земли к северу от Хуанхэ прочно переходят в руки чжурчженей. Они во главе с полководцем Ханьлибу форсируют Хуанхэ и осаждают сунскую столицу Бянь. Император отказывается от престола в пользу сына, который безоговорочно принимает все требования Ханьлибу.

Наследником Укимая явился сын Фынвана и внук Агуды — Хэла (Сицзун), который занял престол в 1134 г.

Первые годы правления Сицзуна был сравнительно мирные. После ряда переговоров с представителями сунской администрации с помощью подкупов и дворцовых интриг удалось убедить императора передать Сунской династии район провинции Хэнань. Однако уже в 1139 г. после измены и бегства главнокомандующего Далая, которому сунские чиновники тайно присылали подарки, чтобы он действовал на Сицзуна в пользу передачи Хэнани, вновь на очередь дня встал вопрос о войне с Сун.

На юго-запад в Шаньси и Хэнань, а также на юг отправляются армии чжурчженей под руководством Учжу, Вабэня и Салиха. Сунские войска терпят поражение за поражением. В канцелярию Сицзуна отовсюду поступают победные доклады, а придворные поэты сочиняют в честь императора стихи.

В 1141 г. по мирному договору, условия которого продиктовали чжурчжени, Сунская династия признала законность границы по р. Хуай, обязалась выплачивать огромную ежегодную контрибуцию, а сунский император признал себя вассалом Сицзуна. В 1142 г. послы Сицзуна вручили ему шапку, платье и грамоту на право владения остальными землями Сунской империи. Золотая империя достигла своего высшего расцвета.

В правление императора Сицзуна на политическую арену выступает, кроме того, новая сила — союз североприморских и нижнеуссурийских племен мангу.

Мангу, или мангузцы, стали известны еще в период расцвета Ляоской империи. Кидани называли их «мэнгу», или «мэну» (иногда «мэнгусы»). Они жили к северо-востоку от чжурчженьских племен, занимая, очевидно, район бассейна Нижнего Амура. Чжурчжени называли их «мэну» и «мэнгу». Очевидно, это самоназвание ряда племен по имени реки, на которой они жили. Ульчи, или мангуны, и сейчас называют Амур Мангу, что значит река или вода. Следовательно, название «мангу» означало «поречане», а сами мангу являлись, возможно, союзом ульчских племен, территория расселения которых в средневековье была значительно более обширной, чем в настоящее время.

Мангу описываются в источниках как люди, имеющие восемь футов высоты. Они не употребляли в пищу вареного мяса, а питались сырой олениной. Охотники мангу обладали исключительно острым зрением — их глаза, не продымленные чадом костров для приготовления пищи, видели вдаль на несколько километров, отличая малейшие предметы. Они даже имели способность видеть ночью. Воины мангу умели изготовлять латы из рыбьей кожи, которые не пробивали стрелы. От чжурчженей мангу отделяла «большая река».

Вначале отношения между чжурчженями и мангу оставались дружественными. В тяжелые годы борьбы с киданями чжурчжени «часто занимали» войска у мангу, которые храбро сражались с Ляо. Очевидно, это была не простая помощь подчиненного вассала, а равноправного партнера и союзника. Не исключено также, что помощь мангу обусловливалась определенными обещаниями чжурчженей, которые они должны были выполнить после победы над Ляо. По крайней мере дальнейшие трагические события и война на севере прямо связываются с тем, что «Золотое государство, укрепившись, не наградило их по условию, почему между ними родилось неудовольствие». Мангу не забывали обещания чжурчженей и помнили об их коварстве, «все поколения отложились в душе от них». Они не просто «отложились», но постоянно тревожили северные границы Золотой империи, вторгаясь за «большую реку» и опустошая пограничные районы. Строительство крепостей и застав на границе не избавляло от набегов. Чжурчженям приходилось постоянно откупаться от беспокойных соседей посылками «рабов, драгоценностей и материй», после чего они обычно «располагались к согласию и возвращались с войском назад». Наконец, в 1135 г. с вступлением на престол Сицзуна полководцы решили разгромить мангу неожиданным ударом. Войска чжурчженей под руководством Учжу напали на земли мангу, «когда они не ожидали», и разгромили их воска. Это событие и год стали переломными в отношениях между бывшими союзниками. Цель чжурчженей присоединить к своей империи амурские земли окончательно «лишила привязанности (к ним) мангусцев». Началась открытая война. Сицзун направил на север большой

экспедиционный корпус во главе с темником Хушаху. Борьба Хушаху с мангу продолжалась около трех лет. В 1139 г., после того как «у него истощился провиант», Хушаху вынужден был вернуться назад. Однако вряд ли эта причина заставила его воротиться. Судя по военному эпизоду, который разыгрался в районе Верхней столицы, он со своим войском бежал из страны мангу, не решив поставленных перед ним императором задач. Около Кайлиня (к северо-западу от Шаньцзиня) остатки армии Хушаху были настигнуты мангу и окончательно разгромлены.

Императорский двор охватил ужас. Его войска легко расправлялись с прославленными полководцами киданей и китайцев, но ничего не могли поделать с народом мангу. Имя их вводило в трепет военачальников Золотой империи, которые терпели поражение у стен одной из ее столиц!

В это же время произошли события, которые еще больше укрепили силы и престиж мангу. Один из сыновей полководца Далая, став во главе племени отца, поднял восстание и перешел на сторону единственных непобедимых в то время врагов чжурчженей — мангу, которые «от этого сделались еще сильнее». Во главе новой армии, брошенной на север, снова стал Учжу. Судя по количеству посланных солдат (80 тысяч!), Сицзун решил, наконец, полностью разделаться с мангу. Но Учжу «не успел ничего сделать в несколько лет».

В 1147 г., т. е. после 12 лет войны, происходит то, что делает имя мангу еще более страшным для чжурчженей. В 8-й луне император отправляет посла Сюбао Шоуну заключить с мангу мир. Но такой мир чжурчжени еще никогда и ни с кем не заключали. Это своего рода капитуляция перед мангу. По условиям договора чжурчжени уступали им 27 крепостей к северу от р. Сипинхэ, а император Сицзун обязался выплачивать ежегодную дань коровами, баранами и хлебом! Правда, император попытался сделать хорошую мину при плохой игре: он пожаловал вождю племени мангу боцзиню Аоло, который возглавлял нижнеамурские племена, титул государя Мэнфу. Но Аоло хорошо знал, что значит принять почетный титул от Сицзуна. Так же как некогда вожди диких нюйчжи отвергали печать и почетное звание, которое жаловал им киданьский император, Аоло «не принял титул». Мало того, Аоло к великому негодованию императора Золотой империи и его двора поставил себя в один ранг с Сицзуном. Он объявил себя императором Цзуюанем, а свои земли назвал Великим мангуским государством. Как и подобает настоящему императору, он объявил девиз своего правления, назвав его Тяньсин.

Это не значит, однако, что Сицзун смирился с поражением. «Чжурчжени несколько раз сражались, но никак не могли победить». В свою очередь Цзуюань «постоянно производил беспокойства на границе». В конце концов чжурчжени вынуждены были послать на север особо отборные и надежные войска, чтобы «занять важные места». По утверждению Мэнхуна, составителя первого варианта цзиньской истории, откуда В. П. Васильев выбрал все сведения, связанные с мангу, вскоре после этого Великое мангуское государство пало. Однако оно упоминалось еще в 1200 г.

В чжурчженьском обществе в этот период происходят коренные изменения, которые приводят к формированию стабильного государственного аппарата, становлению нового феодального государства. Старые родо-племенные отношения нарушаются, и на базе родовых групп возникают территориальные общины, которые объединяют определенное количество общинников. Им выделяются участки земли определенного размера, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь, а после окончания года с каждой группы взимается натуральный налог. Имеются также сведения, правда скудные и отрывочные, о развитии типичной для феодализма формы эксплуатации — оброка. Так, члены императорской фамилии, сдавая

для обработки общинникам принадлежавшую им землю, взимали с них оброк.

Вместе с тем в чжурчженьском обществе сохраняются сильные пережитки первобытнообщинного строя и рабства. Рабы наряду со свободными общинниками чжурчженей и значительным, по-видимому, слоем населения, находившегося в непосредственной зависимости от владельцев огромных участков земли и членов императорского двора, составляют одну из главных источников рабочей силы. Во второй половине XII в. шестую часть от общего количества населения чжурчженей составляли рабы. Рабами оказывались не только военнопленные, преступники и их семьи, но также свободные чжурчжени, которые не могли содержать семьи, выплачивать тяжелые налоги и вынуждены были продавать себя в рабство.

После образования империи налоги и повинности выплачивали все чжурчжени. Ими облагались жилища и люди, обрабатываемая земля, казенная и частная соль, вино, чай, лошади, коровы и овцы.

Эти подати не были натуральным налогом и назывались «ули» (денежная повинность). От нее не избавлялись ни князья, ни простые общинники. Ули накладывалось на возвращающихся из иностранного государства послов и воинов после их удачного похода. Государственными налогами облагались также почта, речные работы и «военные издержки». Все население империи по характеру уплачиваемых налогов разделялось на ряд категорий: рабы, повинные, неповинные, двойные. Налог с обрабатываемой земли взимался натурой — хлебом, причем с чжурчженей подать получали «с сохи или быка». За год в закрома империи поступало до 9 млн мешков зерна. Из них расходовали 8 или 7 млн мешков, а остальные сохраняли как запас. В 1162 г. было собрано 20 млн 790 тыс. мешков зерна. Быстрыми темпами развивалось имущественное неравенство и расслоение, зачатки которого стали очевидными еще до образования империи. С одной стороны, оформлялась господствующая группа родо-племенной аристократической верхушки, приближенные императора, концентрирующие в своих руках основные богатства страны, а с другой — разоряющаяся масса свободных общинников. На страницах истории постоянно встречаются упоминания о голоде и нищете простого народа, многочисленных толпах нищих и рабов, бегствах и волнениях их, а также отдельных восстаниях, которые подавляются с большим трудом.

Потомки Агуды забыли время, когда их предшественники, вожди племен, старались по возможности делить невзгоды и трудности боевой жизни своих армий. Чжурчженьский император стал особой священной, а его двор, полностью отделенный от народа, отличался богатством и роскошью. Каждый его выход обставлялся с возможно большей торжественностью и блеском. Перед колесницей, в которой восседал император, несли его черное знамя с изображением солнца. Если же он совершал церемониальный выход на носилках, то рядом с ним по сторонам несли два больших знамени, на каждом из которых были вышиты солнце и луна. От солнца императора предохранял цветной зонт с золотым драконом наверху. Не менее пышным был двор императрицы. Она следовала с императором на носилках, богато украшенных золотом и нефритом. Ее зонт украшался золотым фениксом. Такие же золотые фениксы ставились на четырех углах ее колесницы.

Ко времени Сицзуна сформировался в общих чертах государственный аппарат. Главным административным рабочим органом являлся Высший государственный совет во главе с председателем, который направлял работы «левых» и «правых» советников. Совету подчинялись шесть министров — чинов, финансов, церемоний, военных дел, общественных работ и уголовных дел. Специальные казенные палаты регулировали сбор податей и создание запасов продовольствия.

Вся территория империи разделялась на 19 областей, или «дорог». В их число входили пять столичных областей — Южная, Северная, Восточная, Западная и Центральная. Столицей империи при Сицзуне считалась Шаньцзинь (Хойнинфу). Она была украшена пышными и величественными дворцами и храмами. Внутри ее располагались также обширные парки «для рассеяния дум царских», а в окрестностях — императорские охотничьи угодья. Кроме столичных городов, у чжурчженей насчитывалось 14 областных городов.

«Дороги» в свою очередь делились на пограничные ведомства, правления и уезды. На территории Приморья располагались три большие области — Хэлань, Елань и Субань. Впоследствии Елань и Субань были объединены в одну Еланьскую область.

Регулярная чжурчженьская армия больше не основывалась на родоплеменных делениях. Объединение из 300 семейств составляло мукунь (сотню), а десять мукуней составляли мангань (тысячу). Основной ударной силой армии чжурчженей являлись стремительные конные отряды, которые непрерывными атаками выматывали силы врага. Они освоили также тактику осады крупных городов и крепостей, успешно применяя новейшую военную технику того времени — камнеметные машины. Вместе с тем чжурчжени в случае необходимости умели цепко обороняться, строить крепости и заставы, умело используя для этого горные позиции.

Законы, регулирующие жизнь в государстве и взаимоотношения между отдельными группами населения, были составлены сначала на основании киданьского уголовного законодательства. Однако уже при Сицзуне разрабатывается новая система законов, состоящая из более чем тысячи статей. Разного рода мелкие преступления регламентировались разнообразными видами наказаний от обрезания ушей и носов и ссылок на каторгу на пять лет до определенного количества ударов палками или кожаным мешком. Осужденные на каторгу заковывались в кандалы и выполняли тяжелые земляные или кузнечные работы. Преступников сажали также в тюрьмы, представляющие собой глубокие ямы, вырытые в земле. За серьезные преступления полагалась смертная казнь; семьи преступников отдавали в рабство.

Чжурчжени унаследовали и развили дальше культурное наследие бохайского государства. При Сицзуне Уе написал три книги по ранней истории чжурчженей и преподнес их императору.

Последние годы правления Сицзуна характеризуются рядом репрессий против его ближайших помощников. Император все меньше интересуется государственными делами. Он пристрастился к вину и по ложным доносам убил несколько ученых и крупных чиновников. Жертвами подозрительности и дворцовых интриг стали сын Вэй Вана — Даоцзи и императрица Пэймань. Против Сицзуна возник заговор во главе с внуком Агуды — Дигунаем. Среди его участников оказались люди из дворцовой стражи, которые пропустили заговорщиков в спальню императора. Сицзуна убили князья Хуту и Агуто. Глава заговора Дигунай, который провоцировал Сицзуна на поступки, вызвавшие недовольство приближенных, не оставил в покое и мертвого императора. Он рубил его тело мечом так яростно, что «кровь лилась струями на лицо и одежду Дигуная».

На престол в 1149 г. взошел Дигунай. Он постарался прежде всего освободиться от всех наиболее близких старому императору государственных деятелей. В 1149 г. были преданы казни министры, близкие Сицзуну. В том же году по подозрению в заговоре убили его сына Цзунбэня вместе с близкими ему людьми. В 1150 г. произошли особенно кровавые события. Дигунай, раскрыв очередной заговор, почти полностью уничтожил представителей наиболее влиятельных родов — полководцев

ными словами на служителей иноземных религий — буддистов утверждая, что «учению буддистов совершенно не следует вер гия даосов «представляет собой ересь». Поэтому он прика кратить воздвигать «капища божеству Фо», т. е. строить храмы и кумирни. Шицзун вообще выступает против непроиз трат средств и требует максимальных забот прежде всего с и скотоводстве. Среди придворных искореняются привычки одежде и богатому столу. «Зачем непременно показывать вс ность?» — спрашивает Шицзун. Беспощадно наказываются взяточничества, злоупотреблений и воровства.

С приходом к власти внука Шицзуна — Мадагу (118 вновь началась война с Китаем. Сунские войска, нарушив перешли Хуайхэ и вторглись в пределы Цзиньской территор удалось захватить несколько чжурчженьских крепостей. Од жени через некоторое время вновь перешли в наступление и вторгшуюся армию.

При преемнике Мадагу — императоре Юньцзи (1209—1 чалась роковая для чжурчженьской империи война с монгол привела ее к гибели. Темучин, объединив монгольские племе себя ханом и принял имя Чингис. Армия Чингис-хана начала для войны с чжурчженями. Вряд ли она завершилась успех против Чингиса объединились силы тангутов, чжурчженей Но каждое из государств, опасаясь усиления противников, равнодушным к судьбе соседей. Поэтому Чингис-хану удалось разгромить сначала тангутское царство Ся, а затем чжурчж ский Китай. Безмерные страдания и горе несли с собой пол лов; эти страдания нельзя сравнить ни с чем известным до си тории Востока. Весь Северный Китай и Маньчжурия бы кровью и покрыты пепелищами.

Чжурчженьские войска, которые около полувека не вел военных операций, не могли противостоять бурному нат Чингиса и Чжэбе, вторгшейся в западные пределы Золото Часть городов и крепостей сдавалась без боя. Население, охва сом от почти поголовного уничтожения гарнизонов и жител разбегалось в горы и леса. В армии участились измены и п сторону монголов. К восстаниям в войсках к тому же добав новые интриги, которые завершились переворотом. Главноко Хушаху организовал заговор против императора Юньцзи. Е на престол возвели Удабу (1213—1223 гг.).

В это же время Чингис-хан, пользуясь замешательством ностью, начал генеральное наступление в глубь Золотой им его армии под руководством Чжучи, Чагатая, Угадая и Тулуя по разным направлениям к опорным оборонительным пунктам ней. Вскоре 90 областных центров и крепостей оказались в рук Он захватил провинции Хэбэй, Хунань и Шаньдун. Все окку территории подверглись невиданному и чудовищному по же бесчеловечности разгрому. Города были разрушены до основан дворцы и храмы, были разграблены и безжалостно уничтоже произведения культуры и искусства, созданные на протяже веков. Десятками и сотнями тысяч вырезалось население на пу телей. Пленных также не щадили и убивали тысячами.

В 1215 г. монгольские войска прорвались далеко на восто тили центральную столицу чжурчженей — Пекин. Император менно оставил город и перенес свою резиденцию на юг, в Бянь. месяцев горели варварски уничтоженные дворцы и храмы стол раторские сокровища разграбили, большинство жителей уничт

ными словами на служителей иноземных религий — буддистов и даосистов, утверждая, что «учению буддистов совершенно не следует верить», а религия даосов «представляет собой ересь». Поэтому он приказывает прекратить воздвигать «капища божеству Фо», т. е. строить буддистские храмы и кумирни. Шицзун вообще выступает против непроизводительных трат средств и требует максимальных забот прежде всего о земледелии и скотоводстве. Среди придворных искореняются привычки к роскошной одежде и богатому столу. «Зачем непременно показывать во всем пышность?» — спрашивает Шицзун. Беспощадно наказываются и любители взяточничества, злоупотреблений и воровства.

С приходом к власти внука Шицзуна — Мадагу (1189—1208 гг.) вновь началась война с Китаем. Сунские войска, нарушив перемирие, перешли Хуанхэ и вторглись в пределы Цзиньской территории. Им даже удалось захватить несколько чжурчженьских крепостей. Однако чжурчжени через некоторое время вновь перешли в наступление и разгромили вторгшуюся армию.

При преемнике Мадагу — императоре Юньцзи (1209—1213 гг.) началась роковая для чжурчженьской империи война с монголами, которая привела ее к гибели. Темучин, объединив монгольские племена, объявил себя ханом и принял имя Чингис. Армия Чингис-хана начала подготовку для войны с чжурчженями. Вряд ли она завершилась успехом, если бы против Чингиса объединились силы тангутов, чжурчженей и китайцев. Но каждое из государств, опасаясь усиления противников, оставалось равнодушным к судьбе соседей. Поэтому Чингис-хану удалось поочередно разгромить сначала тангутское царство Ся, а затем чжурчженей и сунский Китай. Безмерные страдания и горе несли с собой полчища монголов; эти страдания нельзя сравнить ни с чем известным до сих пор в истории Востока. Весь Северный Китай и Маньчжурия были залиты кровью и покрыты пепелищами.

Чжурчженьские войска, которые около полувека не вели активных военных операций, не могли противостоять бурному натиску армии Чингиса и Чжэбе, вторгшейся в западные пределы Золотой империи. Часть городов и крепостей сдавалась без боя. Население, охваченное ужасом от почти поголовного уничтожения гарнизонов и жителей городов, разбегалось в горы и леса. В армии участились измены и переходы на сторону монголов. К восстаниям в войсках к тому же добавились дворцовые интриги, которые завершились переворотом. Главнокомандующий Хушаху организовал заговор против императора Юньцзи. Его убили и на престол возвели Удабу (1213—1223 гг.).

В это же время Чингис-хан, пользуясь замешательством и растерянностью, начал генеральное наступление в глубь Золотой империи. Три его армии под руководством Чжучи, Чагатая, Угадэя и Тулуя двинулись по разным направлениям к опорным оборонительным пунктам чжурчженей. Вскоре 90 областных центров и крепостей оказались в руках Чингиса. Он захватил провинции Хэбэй, Хунань и Шаньдун. Все оккупированные территории подверглись невиданному и чудовищному по жестокости и бесчеловечности разгрому. Города были разрушены до основания, пылали дворцы и храмы, были разграблены и безжалостно уничтожены великие произведения культуры и искусства, созданные на протяжении многих веков. Десятками и сотнями тысяч вырезалось население на пути завоевателей. Пленных также не щадили и убивали тысячами.

В 1215 г. монгольские войска прорвались далеко на восток и захватили центральную столицу чжурчженей — Пекин. Император заблаговременно оставил город и перенес свою резиденцию на юг, в Бянь. Несколько месяцев горели варварски уничтоженные дворцы и храмы столицы. Императорские сокровища разграбили, большинство жителей уничтожили.

Но и без того тяжелое положение Золотой империи ухудшилось к концу правления Удабу тем, что сунский двор решил нанести удар в спину чжурчженям и атаковал с юга их армии. Обливающаяся кровью и изнемогающая в неравной борьбе страна вынуждена была вести войну на два фронта. Характерно при этом, что сунские полководцы даже в тяжелый для Золотой империи момент так и не смогли добиться сколько-нибудь крупного успеха. Их армия была разгромлена чжурчженьскими полководцами, а сунскому императору оставалось только уповать на то, что земли, на которые он претендовал, ему вернут монгольские завоеватели.

После смерти Удабу на престоле оказался последний чжурчженьский император Нингясу (1223—1234 гг.). Он продолжал войну с монголами. Чингис, умирая, завещал Угадэю завершить разгром чжурчженей, причем советовал при выработке плана дальнейшей борьбы использовать китайцев: «Нужно использовать проход через Сун. Эта держава, находясь в вечной вражде с чжурчженями, легко согласится на наше предложение».

В начале 30-х годов наступил последний и решающий этап войны с монголами. Новый поход против Ляояна и последней столицы чжурчженей — Бянь возглавил Субудай вместе с другими видными полководцами — Тулуем и Мунка. Вскоре после падения Бянь монголы захватили Ляоян. Войска под руководством Тацира осадили последнее пристанище цзиньского императора — Цайчжоу, где укрылись остатки его разгромленной армии. К этому же городу спешили боявшиеся опоздать к дележу войска сунского императора. Началась осада, а вместе с нею в город пришел голод. За три месяца до падения в нем уже почти не было продовольствия. Население и воины ели сапоги и седла. «Сверх того дозволено есть старых и слабых. Войска питались тестом, составленным из человеческих и скотских костей с зеленью. Нередко съедали целые отряды разбитых войск». Несмотря на упорное сопротивление и чудеса храбрости солдат, которыми руководил Хушаху, монголам удалось с помощью осадных орудий пробить бреши в крепостных стенах и ворваться в город. С другой стороны в город проникли сунские солдаты. Вечером того же дня, накануне решительного сражения, император Нингясу отрекся от престола и передал императорскую печать Ваньянь Чень-цину.

На следующий день начался решительный штурм. От криков осаждающих «небо и земля поколебались». Последняя надежда императора, тысяча солдат во главе с верным полководцем Хушаху, вела обреченную борьбу на улицах города. Не желая живым сдаться врагу, император повесился, приказав своим подчиненным после смерти сжечь его тело.

Золотая империя пала, но вряд ли торжествующий сунский полководец Мынгун мог представить, что конец господства чжурчженей означал начало конца Сун. Недаром В. П. Васильев, рассматривая нелепость и противоестественность союза Сун с монголами, метко замечает: «Этот союз делает больше чести тому, против кого он был направлен», т. е. чжурчженям!

Монголы и не думали возвращать китайцам отнятые у чжурчженей земли. Они начали подготовку к походу на юг и к установлению своего безраздельного господства над всей территорией Китая. Сунова, как некогда после разгрома чжурчженями киданей, сунским руководителям не удалось воспользоваться плодами чужих успехов и побед, а грубые политические просчеты и слепая ненависть к чжурчженям привели к тому, что гегемония в Восточной и Центральной Азии снова перешла к тем, кого они называли «варварами».

Сложная политическая борьба, которая велась на протяжении десятков лет на территории Приморья и Приамурья, оставила здесь много-

численные памятники в виде крепостей, застав, сельских поселений, больших городов, могильных сооружений, храмов и дорог.

Особенно интересные памятники открыты в ключевом районе Приморья, в бассейне Суйфуна, там, где находится сейчас г. Уссурийск. Две большие крепости были расположены здесь на левой стороне реки. Одна из них построена на террасе р. Суйфуна и занимает огромную площадь. Остатки зданий, от которых сохранились только фундаменты, и несколько курганов окружены высоким крепостным валом, который виден и сейчас. Второе городище было расположено в 2 км к западу от первого. В юго-западном углу его возвышались два холма, представляющих собой остатки разрушенных храмов. В одном из них найдено изображение дракона, изготовленного из глины. Он украшал крышу храма.



Скульптурное изображение головы дракона чжурчжэньского времени. Уссурийск.

Самым интересным в окрестностях Уссурийска является могильный памятник, расположенный к востоку от крепости на берегу небольшого притока Суйфуна р. Славянки.

В центре обнесенной высоким валом площадки рядом друг с другом находились два кургана. На южном из них было поставлено каменное изваяние черепахи со стелой на спине и каменным навершием с извивающимися драконами, которые венчали стелу. Над курганами возвышались храмы. Внутри северного холма находилась каменная гробница с останками похороненного в ней воина. От кургана с черепахой на юг тянулась аллея каменных изваяний. Она начиналась двумя многогранными колоннами, за которыми следовали изваяния двух гражданских чиновников, двух военных с мечами, четырех каменных баранов и двух львов. Прежде чем вступить на южный холм и пройти в храм, чтобы прочитать на стеле жизнеописание погребенного полководца, необходимо было пройти сквозь аллею этих каменных изваяний. Как удалось установить недавно, памятник был поставлен князю Дигунаю (Эсыкую), брату полководца Шитумыня.[46] В 1118 г., после смерти Шитумыня, вождем племени Ваньянь в Елани стал его брат Эсыкуй, любимец Агуды, видный полководец, участвовавший в качестве его советника на совещании, где решался вопрос о войне с Ляо. Речь Эсыкуя, согласно его биографии, окончательно сломила колебания вождя чжурчженей, и война с Ляо началась. Эсыкуй сыграл важную роль в разгроме Гао Юн-чана, который пытался восстановить государство Бохай и принял в 1115 г. императорский титул. Смерть Шитумыня заставила Эсыкуя вернуться в Елань. Одним из первых важных его мероприятий стала организация переселения еланьского племени Ваньянь на Суйфун. Старые земли считались «солонцеватыми» и

[46] В. Е. Ларичев. Тайна каменной черепахи. Новосибирск, 1966.

неплодородными, поэтому еланьцы решили переселиться в новые места. Эсыкуй жил на Суйфуне в течение 30 лет и усердно занимался хлебопашеством, превратив округу в богатый земледельческий район. Следы пашен до сих пор сохранились в пойменной долине Суйфуна.

Сооружение гробницы Эсыкуя рядом с западным городищем на левобережье реки не является случайным. Крепость, которую П. Кафаров называл «станом чжурчженьским», является, вероятно, резиденцией Эсыкуя.

Если заключительный период истории этого города связан с именем Эсыкуя, то ранний относится, очевидно, ко времени ожесточенной борьбы чжурчженей с вторгшимися в Приморье корейцами. Расположение «стана» рядом с восточным городом, который П. Кафаров называл Фурданьченом, заставляет вспомнить заключительный этап первой войны чжурженей с корейцами, когда главнокомандующий Валу против девяти корейских крепостей построил девять своих и долго осаждал неприятеля. Корейцы, вторгшись в Приморье, реконструировали старый город Фурданьчен и построили вокруг него сельские и военные поселения. Город Фурданьчен был взят, вероятно, войсками Валу и разрушен. С первым вторжением корейцев в Приморье связаны, очевидно, также другие крепости, аналогичные по устройству оборонительных сооружений Фурданьчену. К ним относятся городища около Горных хуторов и на Известковой сопке. Для всех них характерны высокие валы с башнями, площадки для камнеметных машин и защита ворот специальными траверсами.

В Уссурийске, кроме описанных выше двух крепостей, на правом берегу Суйфуна, на Красноярской сопке, расположено городище, самое огромное не только в Приморье, но и, по-видимому, на всем северо-востоке. Высокие валы, протянувшиеся более чем на 10 км, опоясывают сплошным кольцом всю сопку. В некоторых наиболее опасных местах сооружалось несколько рядов высоких валов, дополнительно укрепленных глубокими рвами. Около валов в ряде мест еще в 1953 г. лежали скопления каменных ядер для камнеметных машин.

Естественно, что не вся огромная площадь города, на территории которого можно разместить половину современного Уссурийска, была застроена зданиями. Они сосредоточивались только в определенных местах, дополнительно укрепленных еще одним рядом валов. Характер и тип построек не всюду одинаков. В южной части по склонам одного из отрогов сопки располагался «Запретный город». Здесь на искусственно насыпанных и врезанных в склоны сопки площадках возвышались храмовые и дворцовые постройки, покрытые черепицей и украшенные драконами. Около одного из храмов стояли две каменные стелы, открытые во время раскопок в 1956 г. В другой части городища находились жилища типа полуземлянок. В них жили рядовые жители или военный гарнизон. На территории города было вырыто несколько водоемов для запасов воды на случай длительной осады. Въезд в город находился в южной части сопки.

Кроме городищ, к монументальным памятникам средневековья Приморья относится ряд императорских трактов и военных дорог, которые пересекали Еланьскую провинцию во всех направлениях, связывая наиболее важные центры, а также грандиозные оборонительные валы на юге, построенные для защиты от нападения корейцев. Остатки таких дорог прослеживаются в районе Уссурийска. Они связывали город Эсыкуя, который, очевидно, стал центром провинции Елань, с югом Приморья, а на западе — с одной из столиц Золотого государства, вероятно с Шаньцзинем. Дорога уходила также на северо-восток и на север, к старым местам еланьских ваньянцев.

Смерть Эсыкуя в 1147 г., разгром Аоло и последующая затем война Дигуная с Китаем привели к тому, что Еланьская провинция начала

терять свое первостепенное значение и превратилась в глухой провинциальный угол. Большая часть населения его в связи с перенесением резиденции чжурчженьских императоров на юг Маньчжурии стала переселяться из Елани. Война с сунским Китаем, а затем вторжение монголов и падение чжурчженьского государства окончательно опустошили Приморье. Обезлюдели его города, заросли травой дороги, разрушились кумирни, храмы и дворцы. Когда русские в начале первой половины XIX в. появились в Приморье, они не застали здесь никого, кроме немногочисленной группы уда, возможно потомков племени ута, некогда боровшихся против чжурчженей.

4. ПЛЕМЕНА СЕВЕРО-ВОСТОКА

В то время как на Амуре и в Приморье в первой половине I тыс. н. э. уже полностью победило железо, на Севере, в Арктике, на Камчатке и на островах Тихого океана длился каменный век, хотя железо изредка проникало и в эти далекие суровые края. По-прежнему существовал здесь и первобытный общинный строй.

На Камчатке в это время складываются три локальные культуры, каждая из которых принадлежала особой этнической группе. Многочисленные городища по берегам р. Камчатки принадлежат, очевидно, предкам ительменов.[47] Их землянки устроены также, только они прямолинейной, иногда почти квадратной в плане формы с закругленными углами. Обитатели этих городищ вместо глиняной посуды пользовались деревянной и берестяной. Воду кипятили в такой посуде, бросая в нее раскаленные камни. Городища часто укреплялись рвами и валами, нередко двойными и даже тройными. Одна из землянок, как и на Сивуйском мысу, имела более крупные размеры.

Все это доказывает, что уже по крайней мере в начале I тыс. н. э. вполне сложился тот быт ительменов, о котором так красочно пишет С. Крашенинников в своей знаменитой книге «Описание земли Камчатки».

Ительмены жили, по его словам, в больших полуподземных домах, в которые входили через дымовые отверстия. «Внутри юрты подле стен делают они полки, на которых спят семьи подле семьи рядом. Только не бывает полков против очага: ибо там обыкновенно стоит домовая посуда их, чаши и корыта деревянные, в которых и себе и собакам есть варят. А в которых юртах полков нет, там вкруг мест, где спят, положены бревна, а самые места устланы рогожами. Украшения в юртах никакого нет, кроме того, что у некоторых стены обвешаны бывают плетенными из травы рогожами, а по их званию чирелами».[48]

Жилища такого рода обнаружены в Никольском городище в самом центре Камчатского полуострова при впадении р. Николки в р. Камчатку, в наиболее обильном рыбой месте. Городище находится на крутом заросшем лесом мысе и ограждено рвом и валом. Из 14 составляющих его округлых жилых ям — «юровищ» (от 4 до 9 м в поперечнике) 10 расположены парами и одна из них (тоже парная) отличается особенно крупными размерами (9 × 7 м).

Раскопки такого сдвоенного жилища показали, что маленькая землянка, передняя в паре, была устроена так же, как те земляные жилища, которые видел у ительменов Крашенинников: с двумя входами — со стороны реки и через дымовое отверстие в крыше — и с центральным очагом;

[47] В. И. Иохельсон. Археологические исследования на Камчатке. «Известия Русского географического общества», т. 1 (12), вып. 3—4. Л., 1930.
[48] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949, стр. 376.

стропила ее перекрытия покоились на четырех центральных столбах. Короткий и широкий коридор вел из этой землянки в смежную, более крупных размеров. Судя по характеру находок, маленькая землянка служила для работы, в ней оказалось много отходов производства и недоделанных орудий.

Пол землянки был устлан корой березы и обгоревшей травой, из которой были сплетены циновки. В большом соседнем жилище вещей было очень мало.

Обитатели Никольского укрепленного городища, так же как и других камчатских городищ-острожков, переживали несомненно последние фазы родового строя, вступали в бурную пору своей истории. Крашенинников рисует непосредственно с натуры картину междоусобиц, столь характерных для разлагающихся родовых отношений. Камчадалы, пишет он, «столь часто между собой воевали, что году не проходило, в котором сколько-нибудь острожков разорено не было. Главное намерение браней их состояло в том, чтоб получить пленников, которых они в тяжкие работы употребляли, а особливо женского пола, которых они брали в наложницы и в супружество, а о причине, была ли она или нет законна или незаконна, не много они рассуждали».[49]

На крайнем юге Камчатского полуострова по берегам рек и озер большими деревнями жили в это время рыболовы, вероятно предки айнов. Во всяком случае их глиняные плоскодонные котлы со своеобразными внутренними ушками поразительно напоминают айнские. Своим землянкам они придавали прямоугольную форму. Дымоход у них использовался мужчинами в качестве входа. Особый тупелевидный ход существовал специально для женщин, детей и «коекчучей», так называемых перерожденцев, т. е. мужчин, принимающих обычаи женщин. Типичная деревня подобного рода, раскопанная Иохельсоном на Сивуйском мысу, на берегу окруженного вулканами Курильского озера, состояла из 15 таких жилищ. Одно из них своими размерами значительно превосходит остальные. Орудий труда в нем почти не оказалось. Вероятно, оно было сооружено специально для общинных празднеств и собраний. В меньших землянках сохранилось много шлифованных каменных топоров, обсидиановых и кремневых ножей, скребков и наконечников стрел, битой глиняной посуды, а также 10 железных и один медный предмет и три японских монеты XI в. или даже более позднего времени, как полагает японский археолог Баба.

На севере Камчатки и Охотском побережье жили предки коряков. Вдоль Охотского побережья поселения эти тянутся на протяжении более 1000 км, от района Магадана (поселение Атарган) до п-ова Тайгонос. В сферу распространения древнекорякской культуры входили и острова Тауйской горы (о. Завьялова и о. Спафарьева).

Близость моря, обильная морская фауна способствовали развитию промысла на морского зверя. Морские млекопитающие давали все необходимое для жизни: пищу, одежду, топливо, материал для изготовления орудий. Как показали раскопки, на каждый квадратный метр жилищ приходится в среднем 50—70 экземпляров костей, причем кости морских млекопитающих составляют 90% от общего количества.

Охотились также на наземных животных, занимались рыболовством, собирали моллюсков. Вблизи жилищ и их заполнений обычно встречаются значительные напластования раковин съедобных моллюсков. Местами мощность их слоя достигает 40—45 см.

Добыча морского зверя обусловила оседание прибрежных племен в определенных местах, там, где существовали наиболее благоприятные

[49] Там же, стр. 402.

условия для охоты на тюленей или моржей. Все поселения этой группы располагаются в удобных, защищенных от ветра небольших бухточках, вблизи горных речек и мест лежбищ ластоногих. Поселения включают от 2 до 20 жилищ, расположенных близко одно от другого. Размеры жилищ различны — от 8 до 30 м в диаметре.

Жилища представляли собой полуземлянки, основанием которых служили ямы глубиной 1—1.5 м. Стены ямы укреплялись вертикально поставленными в виде частокола лиственничными жердями так, чтобы в разрезе получался восьмиугольник. Каждый угол соединялся вверху балкой с поставленными в центре жилища четырьмя опорными столбами. Сверху настилались жерди, иногда китовые ребра. Затем вся постройка перекрывалась дерном, засыпалась землей.

В летнее время выходом из жилища служил коридор длиной около 1.5—2 м и шириной до 85 см, сооруженный на обращенной к морю стороне жилища. В зимнее время в качестве выхода использовалось дымовое отверстие. Внутри жилища по трем его сторонам располагались невысокие, до 40 см, земляные нары. В некоторых жилищах на нарах были обнаружены остатки грубой, крупноячеистой ткани из растительных волокон, по-видимому, это остатки циновок. Они встречаются иногда и на глиняном полу жилищ.

В центре жилища, несколько ближе к стене с коридором, находился очаг, сооруженный из вертикально поставленных каменных плит. На некоторых поселениях (Атарган, Сиглан) с внешней стороны к жилищу пристраивались хозяйственные сооружения с небольшим очагом.

В хозяйстве обитателей поселений широко использовались каменные орудия. Это прежде всего многочисленные скребки и тесла. Из наконечников стрел и копий имеются удлиненно-ромбические и листовидные, реже — черешковые. Из других каменных изделий здесь встречаются небольшие долота, вкладыши для оснащения гарпунов, грузила для рыболовных сетей, пестики.

Из кости выделывались проколки, шилья, в том числе шилья с отверстием у основания, стерженьки рыболовных крючков, остроги, мотыжки, лопатки, ложки, наконечники стрел, тесла, обоймы для тесел, ножи, панцирные пластинки, наконечники гарпунов, простые и поворотного типа, орнаментированные пластинки, гребни, трубочки.

Определяющими орудиями для древнекорякской культуры, для культуры морских зверобоев, являются наконечники гарпунов. Они подразделяются на две группы: наконечники гарпунов поворотного типа с закрытым гнездом и простые с бородками. Простотой оформления они резко отделяются от щедро украшенных узорами и сложных по форме древнеэскимосских гарпунов.

Находки на древнекорякских поселениях дополняются керамикой. Она состоит из фрагментов круглодонных сосудов различной окраски — от светло-желтых и красных до темно-бурых и даже черных тонов. Встречается в основном два вида орнаментации: первый — оттиски ложнотекстильного штампа, покрывающие всю поверхность сосуда; второй — горизонтальные налепные валики с поперечными насечками (тип витого шнура), располагающиеся в верхней части сосуда. Были в употреблении и гладкостенные сосуды. Памятники древнекорякской оседлой культуры могут быть разделены на три хронологических этапа, причем на втором из них, примерно в VII—X вв. н. э., впервые распространяется железо, продолжающее сосуществовать с каменными орудиями. А. П. Окладников, проводивший в 1946 г. работы в районе Магадана, отмечал, что предки коряков, издавна заселявших узкий прибрежный коридор между Америкой на востоке и Якутией на западе, представляли звено в единой цепи культур приморских зверобоев каменного века, тянувшихся от айнов

на Курильских островах, Сахалине и Хонсю, а также от алеутов к эскимосам и чукчам. В то же время они исторически связаны были, по-видимому, с глубинными культурами двух величайших континентов, испытывая их влияние.

Следующий большой культурно-этнический район Арктики, с которым всегда находились в ближайшем соседстве древние коряки, начинался к северу от Камчатки. Это был беринговоморский район, страна эскимосов и чукчей.

Когда первые русские путешественники-землепроходцы проникли на крайний северо-восток Азии, они обнаружили, что обитатели Чукотского полуострова по их хозяйственно-бытовому укладу делятся на две особые группы.

Одна группа, как мы уже видели, тысячелетиями вела более или менее подвижный образ жизни в глубине тундры и лесотундры в континентальных районах Чукотки. Сюда входили оленеводы — чукчи и пешие охотники и рыболовы — юкагиры, а также «пешие тунгусы» в районе Охотского побережья.

В жизни бродячих охотников лесотундры решающий сдвиг произошел тогда, когда они приручили северного оленя. С приручением северного оленя в тундре возникло кочевое оленеводство — тип хозяйства, гораздо более выгодный, чем охота. Сложился тот кочевой и при всех своих преимуществах перед старой жизнью охотника все же невероятно тяжелый оленеводческий быт, который даже теперь является единственным способом освоения огромных ягельных пастбищ Чукотки.

Время и пути возникновения оленеводства на северо-востоке Азии точно не определены. Его распространение было ознаменовано полосой войн в истории народностей Чукотки. Захватывая стада у юкагиров, вытесняя их, чукчи расселились с территории собственно Чукотского полуострова, а также со стороны Нижней Колымы и Чаунской горы по всему внешнему Чукотскому округу.

Развитие кочевого оленеводства вносило в общественную жизнь народностей Чукотки элементы неравенства, расшатывало первобытно-общинный строй. На местах старинных побоищ можно и сейчас еще найти человеческие кости, остатки костяных лат, наконечники стрел и различное другое оружие. Все это приметы новых отношений между людьми, расшатывавших древний, первобытнообщинный уклад.

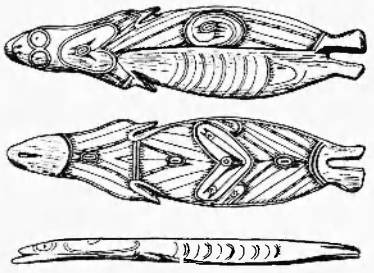
Вторая группа по-прежнему была привязана к морю. Это были оседлые морские зверобои — эскимосы и сидячие чукчи.

На рубеже нашей эры в районах Арктики вдоль обоих берегов Берингова пролива развивается эскимосская культура, которая делится на ряд этапов.[60] Первый ее этап — древнеберингоморский. Он датирован радиокарбоновым анализом III в. н. э. Люди древнеберингоморского этапа в основе, как мы видели, оставались в пределах техники и культуры развитого неолита. Они, как и их соседи на континенте, широко использовали для изготовления своих орудий и утвари камень. Древние берингоморцы умели шлифовать сланец, но большинство каменных орудий у них изготовлялось путем оббивания и ретуши. В каменном инвентаре древнеберингоморской культуры обильны наконечники копий и дротиков, как оббитые, так и шлифованные. Многочисленны различные по величине и форме сланцевые ножи, укрепленные в роговой или деревянной рукоятке. В большом количестве обнаружены изделия из кости, скребки, шлифованные тесла, концевые копьеца стрел и выполненные с большим искусством миниатюрные

[60] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Л., 1948. F. Rainey and El. Ralph. Radiocarbon dating in the Arctic. «American Antiquity», vol. 24, № 4, 1959, p. 373.

боковые вкладыши гарпунов. В Эквенском могильнике найдено несколько фрагментов сосудов с шахматно-шашечными отпечатками. Одним словом, это была в целом типичная неолитическая культура. Однако для нанесения узоров наряду с каменными резцами употреблялись уже тончайшие резцы из драгоценного тогда на севере железа. Такой резец был найден в Ипиутакском могильнике на мысе Хоп на Аляске. Микрохимический и спектральный анализы показали, что железо это не метеоритного происхождения.[51]

Одинаковые резцы из железа были обнаружены вместе с древнеберингоморскими и бирнирскими гарпунами в древнеэскимосских землян-



Изображение нерпы из древней эскимосской землянки. Яндогай.

ках на Барановом мысе, вблизи устья Колымы.[52] При раскопках на Уэленском могильнике также был найден гравировальный инструмент, оснащенный железным лезвием.[53]

Охота на северного оленя, белого медведя, добыча птиц и рыбы занимали важное место в экономике древнейших эскимосов. Охотник был вооружен луком со стрелами, наконечники которых выделывались из твердого камня. У него были в распоряжении также и специальные птичьи дротики с острыми зубьями, загнутыми назад, простые и сложные остроги для промысла крупных лососевых рыб. Морскую рыбу ловили удочками, от которых уцелели тяжелые грузила и костяные жальца от сложных крючков. Но основным источником существования был морской зверобойный промысел. Это видно из расположения древнейших эскимосских селений. Все они расположены по пути движения морских животных и вблизи моржовых лежбищ, на выдающихся в море намывных косах или на склонах скалистых мысов над морем.

Для промысла морского зверя, в первую очередь тюленя, применялись гарпуны весьма сложной конструкции с соскакивающими наконечниками.

---

[51] H. Larsen and F. Rainey. Ipiutak and the Arctik whale hunting culture. «Anthropological papers of the American Museum of Natural History», vol. 42, 1948.

[52] А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, М., 1955, стр. 199.

[53] М. Г. Левин, Д. А. Сергеев. К вопросу о времени проникновения железа в Арктику. (Первая находка железного орудия в памятниках древнеберингоморской культуры). «Советская этнография», 1960, № 3, стр. 116—122.

Сбоку помещались острые каменные лезвия-вкладыши, чтобы лучше разрывать мясо моржей и тюленей. Внизу были заостренные шипы-шпоры, назначение которых состояло в том, чтобы удерживать наконечник гарпуна в ране и не позволять ему выпасть. Это обеспечивалось и тем, что такие наконечники, привязанные к бичеве-линю, поворачивались поперек раны. Они застревали в теле зверя под слоем мяса и сала. Поэтому такие гарпуны называются поворотными. Как моржей, так и тюленей добывали у лунок, через которые они дышат. Эта охота требовала большого терпения и выдержки. Охотник долгое время поджидает моржа или тюленя, лежа неподвижно в маскировочной одежде. Дождавшись, когда морж, чтобы сделать очередной вдох, высунется из лунки, охотник вонзал в него гарпун.

Велась охота на морского зверя и в открытом море. Для этого использовали искусно сконструированные кожаные лодки — каяк и уммиак. Уммиак имеет вид большой открытой лодки и вмещает многих людей. Каяк приспособлен для одного охотника. Он плотно затягивается сверху. Даже перевернувшись вниз головой, охотник может без вреда для себя снова принять прежнее положение.

Море обеспечивало жителей Арктического побережья мясной пищей, тюленями и моржами. Мясо и сало морских животных употреблялось в пищу. Шкуры морских зверей шли на одежду, на устройство жилища, использовались для обтяжки остовов каяков и байдар. При недостатке хорошего дерева кость, особенно челюсти, позвонки и ребра кита, использовалась не только для изготовления орудий труда, но и в качестве строительного материала. Из нее сооружали каркасы землянок. Сало моржей и тюленей, горевшее в лампах, выдолбленных из камня или вылепленных из глины, согревало и освещало хижины.

В местах, богатых морским зверем и водной дичью, на мысах, которые выдаются в море, по островам и бухтам, обильным наносным деревом — плавником, густо разместились многочисленные поселки берингоморцев, от которых уцелели вырытые в земле основания жилищ и обвалившиеся ямы для запасов мяса. Внутри полуподземных жилищ их хозяева проводили долгую полярную ночь. Женщины при скудном свете ламп — жирников готовили пищу и шили одежду. Мужчины в свободное от охоты время выделывали различные вещи, чинили охотничье вооружение и утварь.

С утомительно длинной полярной ночью связано и поразительное обилие художественных изделий берингоморского времени, в которых находила свое выражение живая творческая фантазия и жажда деятельности сильных, ловких и находчивых охотников Арктики.

Древние берингоморцы свой многовековый технический опыт обработки кости вложили в художественную резьбу. Они создали своеобразных орнаментальный стиль, разработали оригинальный криволинейный орнамент, который щедро покрывает даже самые обыкновенные вещи и прежде всего наконечники гарпунов. Узор берингоморского времени состоял из глубоко врезанных плавных кривых линий, окаймленных пунктиром из выпуклых овалов или кружков, часто концентрических, с точкой внутри. Орнамент связан с формой вещи и подчинен ее очертаниям. Но древний мастер с полной свободой размещал детали рисунка на объемном теле предмета. Он с большим декоративным чувством стилизовал изображения человеческих лиц — масок, животных. Особенно необычное впечатление производят по контрасту вполне реалистические фигуры животных, например белого медведя, сплошь покрытые абстрактным криволинейным узором.

Возможно, что, так же как у северо-западных индейцев, орнамент в виде «глаз» имел определенный внутренний смысл. «Глаза», изображен-

ные на гарпуне или другом предмете, а также лица людей и фигуры зверей одушевляли его, придавали ему в глазах древнего охотника жизнь и, следовательно, особую силу, а заодно делали и самого охотника владельцем этой могущественной и таинственной силы, которую он мог применить в своих интересах и целях. Гарпун с таким узором был уже не просто мертвым предметом, а живым, разумным существом, действующим активно и по собственной воле.

Наличие на древнем Уэленском кладбище «бедных» и «богатых» инвентарем погребений говорит о том, что родовой строй в это время начинает вступать в фазу своего длительного разложения. Налицо имущественное неравенство, вероятно, связанное с выделением шаманской верхушки. Некоторые наиболее богатые вещами древнеберингоморские погребения принадлежат шаманам. В таких могилах преобладают предметы культа, настоящие шедевры косторезного мастерства: всевозможные тотемные значки, скульптурные изображения женщин, которым нередко придан вид полузверя-получеловека, как например на костяной бляшке, изображающей бобриху с детенышем.



Скульптура женщины. Древнеберингоморская культура.

Вообще, как правило, погребенного сопровождает богатый инвентарь. В мужских погребениях это прежде всего предметы, связанные с морским зверобойным промыслом: наконечники поворотных гарпунов, их колки, ледовые пешни, затычки для ран, гарпунные упоры и другие предметы из моржового клыка. Есть и орудия сухопутной охоты: наконечники стрел, копий и дротиков, выполненные из шиферного и кремнистого сланца. В ряде погребений обнаружены каменные ножи, тесла, резцы и гравировальные инструменты.

В женских захоронениях встречаются сланцевые ножи — уло, иголь-ники с иглами, мотыги, скребки-корытца из моржового клыка, фрагменты керамики.

Древнеберингоморскую культуру сменяет оквикская (датирована радиокарбоновым методом V в. н. э.).[54] Памятники оквикской культуры, как это ни неожиданно, обнаруживают более примитивный облик. Каменные орудия изготовлялись древнейшим способом оббивки и отжима; шлифованные вещи из сланца очень редки. Искусство ограничивалось реалистическими, но очень простыми фигурами людей, животных и столь же простым узором из прямых или кривых врезанных линий.

Следующий, бирниркский, этап (VIII в. н. э.) характеризуется новыми формами наконечников гарпунов и своеобразными чертами орнамента.

---

[54] F. Rainey and El. Ralph. Radiocarbon dating in the Arctic, p. 373.

На рубеже I и II тыс. н. э. (X в. н. э.) в Арктике существует пунукская культура.[55] В пунукский период развивается охота на китов. Китовые кости использовались при строительстве ям для хранения мяса, а также для постройки жилищ. Об этом свидетельствуют развалины древних эскимосских жилищ — ныналю. Из челюстей кита строились сушила для хранения байдар, сушки мяса, рыбы и других хозяйственных нужд. Результатом развития китобойного промысла явилось увеличение количества жителей в прибрежных поселках и соответственно с этим строительство больших жилищ. Особенно показательны в этом отношении жилища в Сиринках, где для постройки одного жилища, хотя, быть может, и многосемейного, использовалось до 80 одних только черепов кита, не считая нижнечелюстных костей, ребер и позвонков кита.

В пунукское время совершенствуется охотничье оружие. Улучшается лук. Вместо простых луков появляются усиленные обмоткой из сухожилий. Были изобретены специальные защитные пластинки для рук, чтобы по ним не ударяла тетива, отскакивающая во время стрельбы, новые виды наконечников стрел. Оббитые орудия вытесняются шлифованными, более совершенными, преимущественно сланцевыми. Искусство упрощается: орнаментика представлена простыми геометрическими узорами, прямыми линиями, кружками с точкой внутри. «Крылатые предметы» трансформируются в загадочные «трезубцы».

Распространение в это время усовершенствованного вооружения, в том числе костяных лат, дает право вспомнить эскимосские старинные легенды, в которых рассказывается о межплеменных столкновениях и войнах, а также об обмене с чужеплеменниками, часто переходившем в грабеж и разбой. Согласно преданиям, во время торгов между чукчами обе стороны являлись на место торга в полном вооружении и предлагали друг другу свои товары на конце копий или держали связки шкур в одной руке, а в другой — обнаженный нож, они были в полной готовности вступить в бой при малейшей тревоге.

Борьба старого и нового нашла также яркое выражение в обычаях и мифологии, в том числе в мифах о морской владычице Седне. Хотя Седна является властительницей жизни и смерти эскимосов, поскольку она владеет морским дном, в представлениях о ней обнаруживается характерная струя. Седна изображается в мифах в отталкивающем и отвратительном образе. Ее наделяют уродливыми физическими и нравственными чертами. Седна — мужененавистница, она не хочет вступать в брак с мужчиной и находится в связи со злыми духами и домашним псом. Собственная семья, ее отец, страстно ненавидит Седну. Но Седна опережает их сама, истребляя своих родных.

В. Г. Богораз считал, что в таких представлениях о женских божествах нашла свое отражение древняя «борьба мужчин с женщинами», закончившаяся, как известно, «всемирно-историческим по своим последствиям поражением женского пола», победой патриархально-родового строя.[56]

Самые западные поселения древних эскимосов на территории СССР имеются в районе устья Колымы. Они характеризуется находками поворотных гарпунов типа бирнирк и туле. Наконечники поворотных гарпунов бирниркского типа найдены на о. Четырехстолбовый, на Барановом мысе, в Ванкареме, в Наукане, Чегитунском, Уэленском могильниках и в других более южных районах Чукотского полуострова. Как правило, наконечники поворотных гарпунов типа бирнирк невелики по размерам и предназначены

[55] J. L. Giddings. The Archaeology of Bering Strait. «Current Anthropology». № 2, 1960, p. 123.

[56] В. Г. Богораз. Социальный строй американских эскимосов. «Труды Института антропологии, археологии и этнографии», т. IV, М.—Л., 1936, стр. 244—254.

исключительно для охоты на тюленей. Сравнительно невелики и гарпуны типа туле (они встречены в Ванкареме, Экичувееме, Чегитуне и далее на юг вплоть до Анадыря).[57]

Раскопки на Барановом мысе, к востоку от Колымы, впервые произведенные еще в 1764 г. русским мореплавателем Г. Сарычевым, а в 1946 г. А. П. Окладниковым, раскрыли картину жизни самой западной группы этих приморских оседлых племен.[58] Поселение состояло из остатков жилищ — «юрт», как их назвал Сарычев. Крыша их была засыпана толстым слоем земли, а стены сооружены из наклонно вкопанных в глинистую почву тундры и плотно примыкавших друг к другу в виде «частокола» тонких столбов. Древние строители оставили на них следы не острого металлического, а тупого каменного топора. Такие же постройки нашел в XVIII в. на соседних Медвежьих островах сержант С. Андреев, по образному выражению которого дерево было там скорее «зубами грызено», чем рублено в нашем смысле этого слова. Тем не менее древние обитатели бухты Сарычева сумели построить своими каменными топорами достаточно внушительные по тем временам жилища. Одно из них по своей площади превышало в общей сложности 100 м^2 и состояло из главного помещения, собственно жилища, и двух хозяйственных пристроек, расположенных по бокам тунелеобразного входного коридора. Внутри жилища, не считая бесчисленных костей животных, остались сотни различных предметов — остатки домашней утвари, охотничьего снаряжения и оружия.

Больше всего здесь было найдено в 1946 г., как и 160 лет тому назад при раскопках Г. Сарычева, черепков глиняной посуды. Жители Баранова мыса имели у себя в домах большие и тяжелые, с очень толстыми стенками глиняные сосуды. Дно сосудов было не плоским, а круглым, стенки же покрыты снаружи широкими рубчиками и штрихами, которые иногда образовывали характерные узоры в виде вписанных друг в друга дуг. Часто попадались шиферные и шлифованные ножи, о которых писал Сарычев. Они двух видов: для домашних работ — полулунные, принадлежащие женщинам, для охоты — кинжаловидные, мужские. Нашлись здесь и многочисленные каменные скребки для обработки шкур типа употребляемых до сих пор еще кое-где на севере и каменные тесла и топоры. Едва ли не самыми замечательными находками среди всего этого множества вещей являются целиком сохранившиеся тяжелые деревянные рукоятки для каменных и костяных топориков или тесел. Из костяных вещей первое место принадлежит наконечникам поворотных гарпунов типа бирнирк и туле, с острыми вставными лезвиями из камня, закрепленными в специальных боковых желобках.

Нельзя не отметить, наконец, и еще одной своеобразной группы находок — миниатюрного лучка с тетивой, таких же стрел и блюд-корытцев, а также крошечной юлы-волчка. Как свидетельствует последняя находка, эти маленькие по размерам изделия, должно быть, и на самом деле служили детскими игрушками.

При раскопках в бухте Сарычева были обнаружены также костяные рукоятки, в боковых пазах которых вместо каменных лезвий оказались металлические, железные. Лезвия эти были небольшого размера и закреплены, подобно каменным пластинам — вкладышам, сбоку рукояти. Они лишь слегка выступали одним краем из паза.

Что касается образа жизни и занятий прежних хозяев всего этого разнообразного имущества, то достаточно было одного только взгляда на

---

[57] Н. А. Береговая. Археологические находки на острове Четырехстолбовом. «Советская археология», т. XX, 1954.

[58] Н. А. Береговая. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса. «Материалы и исследования по археологии СССР». № 39, М., 1953, стр. 421—445.

него, чтобы стало сразу ясно, что здесь жили морские охотники-зверобои. Повсюду валялись кости тюленя и моржа. Иногда же, очевидно, жители этих поселков на Барановом мысе питались и мясом кита. В одном жилище нашелся позвонок кита, в другом — целое китовое ребро, заменявшее стропило или балку. Во всех жилищах встречались куски китового уса и сделанные из него вещи.

В низовьях Колымы, следовательно, в начале железного века встретились две различных по культуре и по происхождению племенных группы. Одна из них уже с древнейших времен расселилась в лесотундре Якутии. Это были охотники на дикого оленя и рыболовы. Позднее вдоль берегов океана и по морским островам с востока на запад, в пустынном до этого приморском пространстве, стали расселяться охотники на морского зверя, предки эскимосов и оседлых чукчей. Появившись в районе Баранова мыса и на Медвежьих островах, предки оседлых морских зверобоев этой территории имели уже вполне сложившуюся культуру, основанную на морском промысле, с характерным для нее сложным гарпунным снаряжением, с широким применением клыков моржа для изготовления орудий труда, вооружения и различных бытовых предметов. Во многих случаях из-за отсутствия или редкости привычного сырья в виде клыков моржа они вынуждены были заменять их другим, близким по характеру материалом — бивнями мамонта. Из бивня мамонта, а не из моржовых клыков, как это обычно бывает у Берингова пролива, на Барановом мысе изготовлены были такие орудия, как большие тяжелые кирки, а также фигурка белого медведя. Важное значение в их жизни имела и охота на дикого северного оленя, удельный вес которой здесь, очевидно, был значительно выше, чем в восточных областях, изобилующих моржом и тюленем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Народы Сибири перед присоединением к Русскому государству

1. ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В XIII—XVI вв.

На территории Западной Сибири население было редким, разбросанным по берегам многочисленных рек, речек, озер, пестрым по этническому составу и языку.

На Крайнем Севере, в прибрежной полосе Ямальского полуострова, сохранились небольшие группы древнейших поселенцев — арктических охотников за морским зверем. Они ловили моржей, тюленей, жили в землянках, группировавшихся вдоль берега в небольшие селения.

Ближайшие их соседи, самодийские племена (из которых сформировались ненцы, энцы, нганасаны), занимались оленеводством и охотой. Хозяйственными ячейками самодийского общества в XIV—XVI вв. по-прежнему оставались родовые общины. О господствующем положении мужчин в родовых коллективах говорят старинные ненецкие сказки.

Большая группа самодийских родов занимала северные склоны Уральских гор и п-ов Ямал. Русским современникам она была известна под названием «каменской самояди». На восток от нее в бассейне р. Таза сосредоточивались кочевья мангазейской «самояди». По соседству с ними обитал самодийский род бай.

Наиболее высокого уровня общественного развития в XIV—XVI вв. достигли самодийцы, занимавшиеся преимущественно кочевым оленеводством. Самодийские племена состояли из патриархальных родов.

Каждый род кочевал в определенной местности, но иногда заходил и далеко в сторону от мест своих обычных кочевок. Развитие кочевого оленеводства у самодийцев и военные набеги на соседей способствовали накоплению богатства в руках отдельных родов и их старейшин.

Южными соседями самодийцев на склонах Уральских гор и в лесном Приобье были угроязычные племена, составившие основу для формирования хантов и манси. Русские люди до XVI в. называли район расселения угорских групп и жителей его — «югрой».

Название «вогулы» впервые появляется в летописях в 1136 г.[1] Так обозначалось население, жившее в бассейнах Туры, Тавды и Конды, в Зауралье и в бассейне Камы к западу от Урала. Вогул обычно связывают со словом «вэгуд», что в языке коми значит «дикий».

В XVI в. в источниках широкое распространение получает название «остяки». Под ним были известны не только ханты, но и некоторые группы манси (ляпинские и сылвинские вогулы). «Остяками» в источниках XVI—XVII вв. назывались также селькупы и кеты.

Манси жили по обоим склонам Среднего Урала. На западных склонах Урала они занимали территорию по верховьям Печоры и притокам

[1] Полное собрание русских летописей. СПб., т. II, стр. 165.

Камы — Вишеры, Косьвы и Чусовой с притоками Сылвой и притоком последней Иренью; на восточных склонах Урала их поселения располагались по притокам Тобола — Тавде и Туре. Они жили также по рекам Сосьве, Ляле, Лозьве, Пелыму, Тагилу, Мугаю, Салде, Нейве и Ницe. Частично по Туре и в районе Аятского озера (близ Нейвы) манси жили смешанно с татарами и сами отатарились. Они жили также по Тавде и Конде, притоку Иртыша.

Если исключить «ляпинских и сосвинских остяков», а также «сылвенских и иренских остяков», которые по всей совокупности данных XVIII—XX вв. являлись не хантами, а манси, то территория, занятая хантами к концу XVI в., определяется следующим образом. Ханты жили по Оби и ее притокам, от устья Иртыша вниз по Оби до ее устья и по ее левым и правым притокам (Куноватн, Казыму, Ендыру), а также от устья Иртыша вверх по Оби и по притокам Салыму, Бардаковке, Югану, Ваху (с Ларьяком), Васюгану. На Иртыше ханты заселяли территории ниже устья Тобола, а также по притокам Иртыша — Демьянке и Конде.

Главными занятиями хантов и манси были рыболовство и охота. Удельный вес этих занятий в разных районах был неодинаков и зависел от природных условий. Население, жившее по рекам, особенно по Оби и ее притокам, главным образом занималось рыболовством. Население, жившее по лесистым склонам Уральского хребта, а также по верховьям рек, занималось охотой.

Рыбу ловили при помощи «морд», сделанных из прутьев, сетями из крапивной пряжи и запорами из жердей. Рыбу употребляли в сыром, сушеном и вареном виде. Из нее вываривали также «рыбий клей». Из кожи рыб осетровых пород делали одежду — «рыбьи кожанишки» и обувь. «А одеяние и обувь имеют с рибих кож, с осетров, стерлядей, с налимов... и со всяких птиц; продельывают же те кожи рыбьим жиром, аки рогдугу мяхкостию, которые отнюдь дожжа не боятся».[2] По рекам передвигались на долбленых лодках, украшенных изображениями зверей и птиц. Некоторые из них были «крытыми», с крышей из бересты. Имелись и берестяные челноки.

В «лесных промыслах» основное значение имела охота на лося и оленя. Ставили «изгороди» и зверя загоняли в «ловчие ямы». Охотились также на лесную и водяную птицу. На пушного зверя и птицу ставили ловушки («слопцы», «перевесы»). Мясо употреблялось в сыром и вареном виде. Оленье и лосиное сало считалось лакомством.

Известное значение имело бортничество. Найдя «жилую борть», охотник становился хозяином борти, ставя на бортном дереве свою тамгу. Всюду было распространено собирательство. Как сообщают сибирские летописи, местные жители Западной Сибири «траву и коренне едяху».[3]

В низовьях Оби у северных хантов имелись домашние олени. По А. М. Золотареву и М. Г. Левину, в X—XII вв. угры еще не знали оленеводства.[4] Возможно, что оно возникло не ранее XV в.[5] Ханты заимствовали оленеводство у ненцев, о чем свидетельствует связанная с ним терминология. Во всех районах держали собак, которые использовались и для охоты, и для передвижения. «Сыроядцы же остяки ездят на псах, впряжены бывают в нарты, на дальное расстояние».[6]

---

[2] Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 378.
[3] Там же, стр. 112.
[4] А. М. Золотарев и М. Г. Левин. К вопросу о древности и происхождении оленеводства. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, М.—Л., 1940, стр. 184.
[5] В. И. Мошинская. Материальная культура Усть-Полуя. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 36, М., 1953, стр. 102.
[6] Сибирские летописи, стр. 242.

В южных районах расселения хантов и манси было развито скотоводство, возникшее под влиянием башкир и татар. Источники второй половины XVI в. указывают в некоторых местах (в бассейне Туры и Южной Сосьвы) пастбища для скота и покосы для заготовки сена. Здесь же наблюдались зачатки земледелия. На Тавде и Пелыме у манси имелось примитивное земледелие, являвшееся дополнением к охоте и рыболовству. Пашню пахали «наездом». Сеяли быстро зреющие злаки, не требовавшие длительной обработки земли (ячмень, полбу и овес).

У угров были хорошо развиты обработка кожи, меха и дерева. Из звериных и оленьих шкур изготовляли одежду и обувь. Для этой же цели использовались шкурки пушных зверей, птиц (лебедей, гусей). Из крапивного волокна изготовляли нитки, выделывали сети и ткали грубое крапивное полотно. Из «крапивного холста» делали рубашки, украшая их различными узорами («пестротами»). Выделывали шкурки налима, осетра, стерляди и шили из них обувь и одежду.

Угры жили в полуземлянках («мыг-хот», буквально «земляной дом»), представлявших собой четырехугольную яму, иногда имевшую деревянный сруб. Крыша делалась из жердей и крылась дерном.

Окон не было, свет проникал через небольшое отверстие в крыше, оно же служило и для выхода дыма и прикрывалось небольшой дощатой дверью. В некоторых жилищах пол и стены обшивались деревом. Вдоль стен жилища ставились деревянные скамьи. Около жилищ выстраивали деревянные амбарчики на сваях, в которых хранились пищевые продукты и различные вещи домашнего обихода и промысла. Кроме зимних жилищ («землянок»), имелись в урочищах близ рек летние юрты, в которых угры жили во время летнего промысла. «А живут в лесах темных над водами; зимние юрты деревянные в землях, аки в погребах, от великих мразов, а летние юрты имеют в иных местех над водами великими».[7]

Археологический и фольклорный материал дает сведения и о так называемых «городках» угров («вош» — по-хантыйски, «уш» — по-мансийски) или «городищах» («вош-пай»), укрепленных поселениях, обычно возникавших на крутых берегах рек. С. К. Патканов насчитывал в Тобольском округе более 60 таких «городков», Н. А. Абрамов в Березовском округе насчитал более 40.[8] Некоторые из них были раскопаны. В пределах бывш. Тобольского округа находились Тапар-вош, Карыпоспат-урдат-вош («богатырский город у стеряжьей протоки»), Емдер-вош. Городки были небольшими (70—180 кв. сажен), но имели валы и рвы. Близ городков находились неукрепленные селения («пугот» — по-хантыйски; «паул» — по-мансийски), состоящие из полуземлянок, описанных выше.[9] В русских источниках эти селения обозначаются термином «юрты». В устье р. Демьянки, притока Иртыша, располагался хантыйский «Демьянский городок». На Иртыше, близ Цингалинских юрт, имелся еще один «городок», расположенный на вершине большой горы.

Данные хантыйского и мансийского героического эпоса не содержат ни малейших намеков на наличие классового феодального общества у обских угров в рассматриваемый период.[10] Героический эпос обских угров —

---

[7] Там же, стр. 378.

[8] С. К. Патканов. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. «Живая старина», вып. III—IV, 1891, стр. 97; Н. А. Абрамов. Описание Березовского края. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», кн. XII, СПб., 1857, стр. 388, 391, 392, 396, 397.

[9] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая. Древняя история Нижнего Приобья. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 35. М., 1953, стр. 248, 268.

[10] С. К. Патканов. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям... — В Финляндии и Венгрии издан ряд сборников угорского фольклора, где широко представлен героический эпос.

это эпос о подвигах богатырей (истребление фантастических зверей — мамонтов, соревнование богатырей, войны с ненцами).

Героический эпос хантов и манси сообщает ряд ценных реальных деталей, обрисовывающих мансийско-хантыйское общество. В былинах упоминается «глава города» («воч-ух», «вочум-ворт-ига»), очевидно старейшина. Наряду с ним фигурируют «седоголовые старцы», слово которых особо весомо в народных собраниях. Народное собрание устраивалось по различным поводам. Имелось большое помещение «для собрания воинов, для собрания сватов». По словам былины, народ набивался в них, «как окуни и плотва в морды». Собрание начиналось жертвоприношениями и общим пиром. После пира старейшие открывали народное собрание: «многочисленные седоголовые старцы открыли тогда начало речи, открыли начало слова». Народное собрание решало вопрос о войне. Важную роль в этом вопросе играли богатыри, которые выступали как военачальники, предводители набираемого войска.

В угорском обществе были «бедные» и «богатые». Имелись и рабы. Рабы и рабыни из числа пленных обычно выполняли домашние работы в доме богатыря, военачальника. Они прислуживали богатырям, готовили кушанья, заготовляли для дома дрова, ловили рыбу, смотрели за оленями. Число рабов в хозяйстве было невелико. Отношения между свободными и рабами были патриархальными. Рабыня легко могла обозвать свою хозяйку «оленья самоедка с иловатыми глазами», а раб мог назвать своего хозяина «лентяем».[11]

В производственной жизни принимали участие военачальники (богатыри) и члены их семей. Старших сыновей «старого богатыря» «богатырского города при Стерляжьей протоке» называли «трое юношей, спускающихся к воде и крючащих рыбу». В мансийской былине «О Лорножском соре» рассказывается характерный эпизод. Сыновья Лор-уз одыра (Лор-уз богатыря) ловили рыбу колданом на Оби. «Съехавшись вместе, братья сказали: „Рыбы добыли много, и ее хватит надолго, чтобы прокормить и себя и слуг. Можно возвратиться домой". Но младший брат, недовольный уловом рыбы, говорил, что если они вернутся домой с лодками, наполненными рыбой не с верхом, всякий слуга обзовет их лентяями и будет над ними смеяться. Братья приняли во внимание слова брата и стали продолжать добычу рыбы колданом».[12]

Примечательно, что в русской документации нет указаний на деление обских угров на роды, нет и названий родов. Видимо, к этому периоду род как социально-экономическая единица у обских угров уже не существовал. Он распался на отдельные «большие семьи».

Вместе с тем имела место экзогамия, которая прослеживается и в XVIII в. В. Ф. Зуев писал: «У остяков за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилиею прозывается, которая по мущинам и у них считается, а не по женщинам».[13] Для семейно-брачных отношений характерно многоженство, покупка жены за калым. Калым платили оленями, оружием, рабами, котлами. В былинах рассказывается о заключении браков путем похищения женщин и о военных столкновениях, происходивших из-за этого.

Материалы ясачного обложения содержат данные о «юртах» и «волостях». «Юрт», видимо, представлял «большую семью», так как в состав его входили братья, дети, племянники со своими семьями. Численность

---

[11] S. Patkanov. Die Irtisch-Ostjaken und Ihre Volkspoesie. St.-Peterabourg. 1900, t. II, S. 41.

[12] «Сибирская торговая газета», 1905, № 216.

[13] В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. М—Л., 1947, стр. 60.

населения «юрта» была различной — от 2—3 чел. (мужчин) до нескольких десятков.

«Юрты» объединялись в «волости». «Волость» в некоторых районах заменила собой более раннее подразделение — «сотню». На «сотни» ханты и манси подразделялись только в южных районах Приуралья и Западной Сибири, где до прихода русских манси и ханты были зависимы от татар. «Волость» в конце XVI—начале XVII в. представляла собой довольно крупную территориальную единицу. Население в ней доходило иногда до 100—300 чел. ясачных людей (т. е. взрослого мужского населения).

Границы некоторых «волостей» совпадали с границами диалектов обских угров. Так, Ляпинская «волость» совпадала по территории с казымским диалектом хантыйского языка. Такое совпадение встречалось, однако, не всюду, и многие «волости» представляли собой просто территориальные объединения. Во главе «волостей» стояли «князья». «Князья» и «мурзы» хантов и манси представляли родо-племенную верхушку, сосредоточившую в своих руках значительные богатства. Верхушка, стоявшая во главе «волости», не являлась, однако, феодальной. Документальные и фольклорные источники не дают указаний на феодальные элементы в общественном строе хантов и манси.

Источником обогащения родо-племенной верхушки являлись межродовые и межплеменные войны. Войны между племенами, а также борьба с ненцами составляют основной сюжет героического эпоса хантов и манси. В былинах содержится большой материал о вооружении (кольчуги, мечи, луки и стрелы и т. д.), схватках вождей, наступательных и оборонительных действиях отрядов. Характерны названия вождей в героическом эпосе: «Звенящую кольчугу из блестящих колец носящий богатырь», «Богатырь с остроконечным мечом», «Кольчугу с сотней торчащих рожков носящий богатырь».[14] Вооружение к уграм попадало в результате торговых связей: с юга — от татар, с запада — от русских. Частично угры сами делали оружие.

На севере ханты вели войны с ненцами. На западе они вместе с манси нападали на русские владения в Прикамье, в частности на владения Строгановых. Эти нападения совершались совместно с другими народами, особенно часто с татарами, так как ханты были подвластны тогда татарским князьям. Так, в 1572 г. приходили на Каму в район городков Канкора и Кергедана ханты совместно с черемисами и башкирами и «побиша русских торговых людей 87 человек».[15] В 1573 г. к городкам на Чусовой приходили ханты в составе татарского войска во главе с царевичем Маметкулом.[16] Нападения на русское население в Приуралье вынудили московское правительство в 1596 г. запретить торговцам продавать хантам оружие.

Военные столкновения происходили и между отдельными племенами угров. Важнейшим стимулом в этих нападениях являлась жажда наживы и грабежа. В 1600 г. пелымские манси жаловались на кодских хантов во главе с «князем» Игичеем Алачевым, что те нападали на них «и юрты де их разорили, и животы и статки все поймали, и жены де их, и дети, и род, и племя поймали к себе князь Игичей Алачев; и у него де Курманака князь Игичей убил своими людьми отца его и матерь, а жену де и его и дети свез к себе в юрты».[17] Пленников обращали в рабов, положение которых со временем становилось все более тяжелым. В той же жалобе

---

[14] S. Patkanov. Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, S. 11.
[15] Сибирские летописи, стр. 5.
[16] Там же, стр. 6.
[17] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 385—386.

пелымских манси указывалось, что «и дети, и сестры, и братья, и племянники» того же Курманака «у князь Игичея и у его людей его с работы, и с нужи, и с голоду, и с наготы, и босоты в конец погибли, и помирают нужною смертью».[18]

Межплеменные войны с целью грабежа содействовали росту имущественного неравенства у обских угров. Источники конца XVI в. указывают на наличие, с одной стороны, «лучших» и «мощнейших в имении» и, с другой стороны, «бедных».

Взаимоотношения с соседними народами у обских угров складывались и по линии обменных, торговых связей. Источники раскрывают в первую очередь торговые связи с ненцами, татарами и русскими. На севере одним из пунктов межплеменного обмена служил Войкарский городок, куда приезжали ненцы. Ханты обменивали сухую рыбу, рыбий жир и оленей на пушнину. От татар в южные районы шли оружие, хлеб и другие товары. Все важнее становился обмен с русскими, особенно оживленный в Приуралье. Угры покупали у русских торговцев «для промыслов топоры и котлы и платьишко».[19] В обмен шли меха.

Ханты по нижнему течению Иртыша и его притоку Демьянке и манси по притокам Тобола — Тавде и Туре находились в зависимости от Сибирского татарского ханства. Зависимость выражалась в уплате ясака и в военной помощи. По словам летописи, сибирский хан «брал дань со многих низовых язык».[20] Прочной связи между хантами и татарами не было. Попытка татар насадить магометанство среди угров не имела успеха.[21] После разгрома Кучума в решающей битве с Ермаком «данные» ханты и манси «от Кучумова поселения и рамента отступиша».[22]

Что же касается характера отношений обских угров и татар, то последние вряд ли оказывали положительное влияние на угров.

Золотая Орда и ее обломки — Казанское и Астраханское ханства — отрицательно влияли на жизнь народов Поволжья, задерживали их экономическое развитие. Сибирское татарское ханство образовалось позже других политических татарских государственных образований, но его строй, традиции были те же. Результаты его господства в отношении развития зависимых народов были отрицательными.

Религия угров соответствовала уровню их социальных отношений. Характерными чертами их религии были анимизм и фетишизм. Широко распространен был культ «идоложертвенных» деревьев, на ветвях которых вешались «серебро, и злато, и шелк, и ширинки, и вся бесовские приветные кожни». У пелымских манси известна была священная лиственница. У нее «молили» и приносили жертвы. При убийстве медведя совершались особые обряды, а клятва на шкуре медведя считалась особенно священной. Почитались места погребения, многие из них обращались в «мольбища». Такое «мольбище» описано в «Житии Трифона Пермского». На нем, по словам хантов, «отцы наши и мы по них по нашему обычаю на кладбищах под древесы жертвы приносили».[23]

В каждом «юрте» имелись свои «особливые болванчики» — домашние боги и фетиши. Они были самой различной формы: «вырезанные болваны серебряные, и медные, и деревянные, и всякие», а другие просто «лежа-

---

[18] Там же.

[19] С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. «Научные труды», т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 94.

[20] Сибирские летописи, стр. 319.

[21] Н. Ф. Катанов. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаметданских проповедников в гор. Искер. «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. 7, Тобольск, 1897.

[22] Сибирские летописи, стр. 331.

[23] С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. стр. 105.

щие в зыбках древища, повитые кожею, сукном и холстом, посреди же часть стекла зерцального уложена».[24]

Имелись также общепризнанные боги, почитавшиеся целым племенем, а зачастую и несколькими племенами. Их изображения хранились в особых религиозных центрах. Такие религиозные центры известны в Белогорье, на Сосьве и в других местах. На Белогорье, близ устья Иртыша, было «молбище большее... богыне древней, имеша бо жрение и съезд великий». Здесь же хранился медный идол священного гуся. Сюда приезжали «от далечейших селений», «скверная своя совершающе жертвы, единым обычаем скотов, а наипаче лошадей приношаху». Большим почитанием пользовался «старик обский» — бог воды. Его местопребыванием служили два капища, одно — на устье Иртыша, другое — на Оби, и каждом из них он находился по очереди по три года.[25] Известно было также «Рачево городище», куда угры собирались «со всех юрт на молбище к шейтану Раче».[26]

После похода русских в 1483 г. на Обь в 1485 г. был заключен мир. При заключении мира были совершены магические обряды и клятвы, где фигурировали ель, шкура медведя, жаба, рыба, хлеб и оружие.

Восточными и юго-восточными соседями угров Приобья были селькупы. Они занимали относительно большой район Приобья, от устья Тыма на севере до устья Чулыма на юге, распространяясь по всем притокам Оби. Для района проживания селькупов обычны названия рек с окончанием «ка», «га», «джа». Эти окончания являются русской переделкой селькупских слов «кы», «гы», «ге» в значении «река». В бассейнах Оби, Тыма, Кети, Чулыма, Васюгана, Парабели сохранилось множество названий рек и речек с селькупскими окончаниями. Селькупские названия рек распространены значительно шире той территории, где жили селькупы к концу XVI в. Угры потеснили селькупов и в левобережной части Оби, где преобладают хантыйские окончания названий рек: «еган», «юган», «игай», они представляют собой русскую переделку хантыйского слова «река» — «йоган» (например, Васюган, Кульеган, Ипалангай и др.). Селькупы по языку близки к ненцам и энцам, все они принадлежат к самодийской группе языков. По хозяйственной деятельности, материальной культуре и быту они ближе всего к обским уграм и кетоязычным жителям бассейна Енисея.

Жили селькупские группы в лесном Приобье оседло. В течение лета и осени занимались рыбной ловлей и обеспечивали себя запасами рыбы на остальную часть года. При помощи лука и стрел, различных ловушек охотились на пушных зверей (соболя, лисицу, росомаху, бобра, выдру), ловили для пополнения съестных припасов лососей, диких оленей. В больших количествах добывали боровую и водоплавающую птицу. Селькупы умели изготовлять глиняную посуду, обрабатывали шкурки зверей и шили из них одежду.

Жилищем селькупов служили землянки — корамо. Они представляли собою выкопанные в земле четырехугольные ямы. Корамо располагались на крутых обрывистых берегах реки. Селькупы подъезжали к своему жилью на лодке, которая втаскивалась в глубь подземного входа. Около задней стены корамо устраивалась постель, хранились одежда, домашняя утварь, все вещи, необходимые в быту рыболовческо-охотничьего населения. Очаг делали у передней стены землянки, сбоку от входа. Дым от очага выходил наружу через подземный коридор.[27] Патриархальный род

[24] Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884, стр. 47.
[25] Там же, стр. 56—58.
[26] Сибирские летописи, стр. 334—335.
[27] Е. Д. Прокофьева. Селькупы. В кн.: Народы Сибири. Этнографические очерки. М., 1956, стр. 666—667.

у селькупов сохранился в течение длительного времени. Селькупский род обычно носил имя птицы или животного (медведя). Члены родовой организации считали себя потомками птицы или медведя, чьим именем был назван данный род. Для членов рода существовали запреты охоты на тотемное животное или птицу. Каждый род имел строго очерченную родовую территорию, считавшуюся его собственностью. Родовая территория включала не только промысловые угодья в лесу, но и водоемы — реки и озера. Поэтому в местности, заселенной селькупами, многие реки носили родовые названия: Глухаринная река (Сангель-кы), Воронья река (Кула-кы), Орлиная река (Лампыль-кы), Журавлиная река (Караль-кы).

Выше других по уровню общественного развития стояла южная группа обских селькупов. Объясняется это тем, что южные селькупы имели более развитый охотничий промысел, который у них давал продукцию не только для потребления патриархальных семей, но и для обмена с соседними народами. В Пачанганском могильнике (Пачанга — небольшая речка, приток Оби, около устья ее расположено современное с. Молчаново Томской обл.) в погребальном инвентаре могил XVI в. обнаружены привозные предметы: стеклянные бусы, серебряные пуговки, металлические орнаментированные пластинки, войлок (кошма), кости лошадей. Эти предметы, очевидно, были приобретены обскими селькупами в обмен на пушнину у южных соседей — тюркоязычного населения.

На селькупские территории претендовали соседние племена. С юга селькупов тесинли тюркоязычные группы (барабинцы, чаты, телеуты, томские татары). Часть селькупской земли была ими захвачена. С юго-востока на селькупов оказывали давление кеты, правда, отодвинутые тюрками к Енисею и по Среднему Чулыму значительно отюреченные. Позднее с востока на селькупские промысловые угодья переселялись с Енисея эвенки. Но самое сильное наступление на селькупскую территорию шло с северо-запада, со стороны угорских групп.

Борясь против угров, обские селькупы создавали племенные объединения. Одним из таких объединений и была в 80—90-е годы XVI в. Пегая Орда с ее военачальником Воней. Центр Пегой Орды находился на Оби, где-то выше устья р. Парабели, левого притока Оби, может быть, в районе позднее построенного русского укрепленного пункта — Нарымского острога. Кроме Пегой Орды, известны Парабельский союз селькупов (в бассейне Парабели) и объединение в низовьях р. Васюгана.

Восточными соседями селькупов были кетоязычные племена. К началу XVII в. кетоязычные племена преимущественно сосредоточивались по Верхнему и Среднему Енисею (арины, котты, ястынцы, енисейские «остяки»). Широкое распространение кетских названий рек в праобережной части среднего течения Оби и особенно по Чулыму и Кети говорит о длительном пребывании кетоязычных элементов в этом районе.

В южной лесной, лесостепной и степной полосе Западной Сибири жили разрозненные племена, по языку в подавляющем большинстве своем тюрки. Они сложились из угроязычных, кетоязычных и самодийских групп, подвергшихся смешению между собою и тюркизации с трех сторон: со стороны Алтая, где с древних времен обитали тюрки, со стороны Енисея, где до монгольского завоевания имелось объединение тюркоязычных енисейских кыргызов, и с верховьев Оби, где обитали кыпчак-

Это смешение отразилось в их физическом типе, языке, материальной и духовной культуре. Так, например, отличие культуры северных алтайцев от южных объясняется влиянием пешей охоты, таежного рыболовства, мотыжного земледелия и собирательства диких съедобных растений. Родственные связи северных алтайцев с кетами подтверждаются данными топонимики. На Северном Алтае ряд рек имеет в своих назва-

сохраняли независимое от хана положение. Но если с захватом власти в Сибирском ханстве Кучумом в положении татарской знати не произошло больших изменений, то положение массы трудящихся резко ухудшилось в связи с повышением поборов в пользу центрального правительства. Теперь уже все рядовые жители татарских улусов должны были платить, кроме обычных «даров» владельцам улуса, тяжелый ясак завоевателям — шейбанидам. Болезненно отзывались на местном населении военные предприятия Кучума против правителей казахских орд и Русского государства, которые отрывали работоспособных мужчин (охотников, рыболовов, скотоводов) от производственной деятельности.

Сибирское ханство при Кучуме представляло собой непрочный государственный организм, состоящий из отдельных единиц — улусов, между которыми отсутствовали сколько-нибудь развитые экономические связи. Поэтому оказалось достаточным нанести сильное военное поражение Кучуму, чтобы поддерживаемое им силой оружия и принуждения государственное «единство» сибирских татар перестало существовать.

Коренное население Северо-Западной Азии имело давние связи с жителями европейского севера и особенно с русскими. Русские поморы и землепроходцы с конца XI в. начали свое знакомство с Зауральем. По словам К. Маркса, жители Новгородской Земли «сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь».[35] Русские литературные памятники (летописи, «Сказания о человецех незнаемых в Восточной стране») упоминают в Северном Зауралье «полунощные страны», где живет «самоядь», Югру с угорским населением. В XV в. появляются сведения о «Сибирской земле» по нижнему течению Тобола и Иртышу (выше устья Тобола), жителями которой были тюркизированные «сипыры».

Русских людей привлекали в Зауралье возможности меновой торговли с местным населением и богатые морские и пушные промыслы. Полярные мореходы отправлялись на восток за рыбой, тюленьим жиром, моржовыми клыками, дикой птицей, пушниной. Они обследовали острова Вайгач и Новую Землю, берега Карского моря, освоили морской путь до устья Оби.

По путям, проложенным мореходами и землепроходцами, новгородские феодалы направляли вооруженные отряды для сбора пушнины с местного населения Северо-Западной Азии. Уже со второй половины XI в. Югорская Земля в Зауралье официально считалась одной из «волостей» Великого Новгорода.[36]

Походы военных дружин новгородских феодалов не всегда для них были удачными. Часто они встречали сильное сопротивление югры, засевшей в своих укрепленных «городках». Так, в 1187 г. печорскими и югорскими данниками было убито сто именитых новгородцев.[37] Из повествования Новгородской летописи известно, то еще менее удачным для новгородцев был поход воеводы Ядрея в 1194 г.[38]

Пушные богатства Зауралья привлекали внимание феодалов других русских земель. Между Новгородской республикой и князьями северо-восточных княжеств развернулась длительная борьба за новые земли за Уралом. У устья р. Юга на пути новгородцев в Печорскую и Югорскую земли ростовские князья в 1218 г. основали г. Устюг, сыгравший важную роль в этой борьбе. Из Устюга стали совершаться набеги на новгородских сборщиков печорской и югорской дани.[39] Новгородские бояре для

[35] Архив Маркса—Энгельса, М., 1946, т. VIII, стр. 156.
[36] Памятники русского права, вып. 2. М., 1953, стр. 136, 137, 139.
[37] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 229.
[38] Там же, стр. 40—41.
[39] Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 45.

ков стрел, железными латами, и тут же находились три корнекопалки.[30] Такие корнекопалки (озуп, оз-ых, озып) — обычная вещь у населения Саяно-Алтая: шорцев, сагайцев, качинцев, телеутов.

Тюркоязычному населению Северного Алтая, отдельным этническим группам, живущим по верхнему течению Кии, было известно и примитивное мотыжное земледелие. В качестве земледельческого орудия труда у северных алтайцев использовалась мотыга — абыл. Обработка земли под посев начиналась в мае, поэтому май, ранее называвшийся у шорцев «месяцем собирания кандыка», стал называться «месяцем битья пашни» (разбивания, разрыхления земли абылом). Уборка урожая происходила в августе. Созревшие колосья выдергивали с корнем из земли, связывали в небольшие пучки, затем корни обрубали топором. Именно поэтому август назывался месяцем «срубания хлеба» или «месяцем выдергивания». Тюркоязычные группы Приобья и Причулымья земледелия даже в примитивной форме не знали.

Скотоводство кочевого и полукочевого типа было распространено в степной полосе Западной Сибири и на Южном Алтае, где оно являлось основной отраслью хозяйственной деятельности населения. Шорцы и некоторые другие жители Северного Алтая славились умением плавить в примитивных горнах железную руду, получать из нее железо и изготовлять из него котлы, таганы, тазы, удила, стремена, ножи, наконечники стрел, сабли, панцири и другие металлические предметы. Железными изделиями северные алтайцы платили дань кочевникам, обменивали их на скот и продукты скотоводческого хозяйства. От жителей Северного Алтая железо и железные изделия попадали в лесостепные и южные таежные районы Притомья, Приобья и Причулымья.

Широко применялись в быту алтайцев изделия из бересты. Почти во всех погребениях Тургайского и Балагачевского могильников на Чулыме обнаружены берестяные сосуды местного производства. Они использовались не только для хранения пищи (различных размеров туесы), но и как ларцы-коробки, куда складывались мелкие и наиболее ценные вещи. Из бересты делались футляры для ножей, колчаны для стрел. Береста служила основным покрытием жилища. Из нее шили лодки. Большую роль береста играла и в погребальном обряде. Она использовалась и как подстилка, и для покрытия покойников, и как подстилка и покрытие одновременно. Из бересты шили особые берестяные футляры-чехлы, в которых покоился труп умершего.

Берестяные подстилки и покрытия особенно часто встречаются в погребениях на Чулыме (Тургай, Балагачево). Кроме того, там в ряде случаев покойника укладывали в берестяной погребальный чехол. Берестяные футляры-чехлы в головной части украшались очень красивым резным орнаментом на полосах бересты.

Из дерева (осины, сосны, березы, кедра) вырезали чаши, миски, блюда, поварешки, долбили лодки, ступы, изготовляли кожемяки, нарты, лыжи, луки, самострелы, различного рода капканы и другие нужные в хозяйстве и в быту предметы. Из ивовых ветвей плели «морды», устраивали на речках «запоры».

О существовании прядения и ткачества свидетельствуют находки в могилах глиняных и костяных пряслиц. Пряжу местные жители получали из волокон крапивы и дикорастущей конопли. Из пряжи вязали сети, ткали ткани. Во многих погребениях Басандайского могильника можно наблюдать следы грубой, мешочного типа, ткани на железных частях огнива и других металлических предметах. Обнаружены остатки толстой ткани в погребениях на Чулыме.

[30] Сб. «Басандайка» (Труды Томского университета, т. 98), Томск, 1947.

По уровню общественного развития тюркоязычные племена лесного и лесостепного Приобья, Притомья и Причулымья, а также насельники Северного Алтая отставали от своих южных соседей — степных кочевников.

Рост производительных сил тюркоязычного населения лесостепной части Приобья и Северного Алтая сдерживался грабительскими вторжениями кочевнических орд. На протяжении ряда столетий тюрки Саяно-Алтая были на положении «кыштымов» (зависимых людей). Производимая шорцами («кузнецкими татарами») продукция шла не столько на обмен с соседними народами, сколько на уплату дани различным завоевателям.

Уровень социально-экономического развития различных групп тюркоязычного населения не был одинаков. Более развитое хозяйство имели чаты и томские татары (зуштинцы). Кроме охоты и рыболовства, оно включало скотоводство и мотыжное земледелие. Выделившаяся верхушка все более эксплуатировала труд зависимых людей, тем самым увеличивая свое богатство и влияние.

Отдельные общины у чатов и томских татар объединялись в небольшие территориально-племенные союзы. Предводители этих союзов в русских документах названы князцами и мурзами. В конце XVI—начале XVII в. известны такие объединения у чатов, живших по среднему течению Оби и в низовьях ее притока р. Чик, под руководством князцов Куземенкея и Токкаша, а также мурзы Кожбахтыя. Во главе объединений томских татар стояли князцы Тоян, Евага, Басандай и Ашкеней. Немаловажную роль в упрочении положения знати играли войны с соседями, приносившие военную добычу и расширявшие промысловые угодья и пастбища. Сохранившиеся сказания томских татар повествуют о постоянных военных столкновениях между отдельными союзами из-за промысловых угодий и пастбищ (например, они рассказывают о вражде и военных действиях между Тояном и Басандаем).

Военная организация и опыт чатов и томских татар были использованы в начале XVII в. царским правительством, которое включило часть чатов и томских тюрок в состав служилых людей, привлекая их к военной службе по охране русских границ в Западной Сибири.

Разрозненные группы тюркоязычных насельников, живших к западу от Оби в лесостепной и степной полосе, в исторической литературе носят названия барабинцев, теренинцев, иртышских, ишимских и тобольских татар. Их называют общим, не совсем точным именем — «западносибирские татары». Уровень экономического развития татар был более высоким, нежели у их соседей — угров, селькупов, тюркоязычных групп Среднего Приобья. В степных районах, особенно в Барабинской степи, у них было развито скотоводство: разводили лошадей, крупный рогатый скот.

Еще до прихода русских существовало и земледелие, правда лишь примитивное. Пахали пашню «наездом», живя во время обработки земли «в летних юртах». Сеяли быстро созревающие злаки — ячмень, полбу и овес.

Татарские поселения (улусы) строились по территориальному принципу. Это были соседские общины, включавшие в себя семьи, жившие по соседству и сообща пользовавшиеся пастбищными, охотничьими и рыболовными угодьями. Внутри общины уже не было равенства. Обедневшие общинники попадали в «захребетники» к богатым и работали на них, отдавая им большую часть промысловой добычи.

Во главе улусов стояла знатная верхушка (беки, мурзы, тарханы и др.). Трудовое татарское население — «черные люди» — приносило «дары» улусной верхушке и несло военную службу по требованию знати.

Разложение первобытно-общинного строя у западносибирских татар привело к выделению сильной местной знати, эксплуатирующей труд

зависимых людей. Упрочение ее экономического положения, начавшийся процесс феодализации привели к тому, что еще в XIV в. был сделан первый шаг к образованию государства. Это раннее татарское политическое объединение занимало среднее течение р. Тобола и междуречье его притоков Туры и Тавды. Центр его назывался Чимга-тура, объединение — Тюменью. Первое время во главе правительства в Тюмени стояли представители или ставленники золотоордынских ханов и само Тюменское ханство было в какой-то мере подчинено Золотой Орде. О зависимости Тюменского ханства от золотоордынских правителей говорит то обстоятельство, что в самом конце XIV или в начале XV в. в Чимга-туру бежал изгнанный из Золотой Орды после ряда поражений, нанесенных Тимуром, потомок чингисидов Тохтамыш и стал искать опоры у местной татарской знати в борьбе со своими врагами. На короткий промежуток времени правление Тюменским ханством оказалось в руках Тохтамыша. После гибели Тохтамыша правителем Тюмени становится на некоторое время Чегра, ставленник эмира Едигея.

В дальнейшем на судьбах сибирских татар сказываются события, происходившие в соседних степях, где идет непрерывная борьба между кочевниками. С 20-х годов XV в. их область входит в состав территории, где идет борьба между правителями «Белой Орды» и потомками Шейбани-хана, брата Батыя, — узбеками. В конце концов один из участников этой борьбы, внук убитого узбекским ханом Абу-л-Хайром Хаджи Мухаммеда, кочевавшего по Ишиму, Ибак при поддержке ногайских мурз Мусы и Ямгурчея захватил в свои руки Тюменское ханство, где правили после Абу-л-Хайра представители местной татарской знати. С приходом Ибака к власти территория Тюмени выросла за счет присоединения степных районов по Тоболу. Татарские улусы по Нижнему Тоболу и Среднему Иртышу в состав Тюменского ханства, по-видимому, не входили. Здесь правили потомки «тайбугина рода».

Во второй половине XV в. тайбугины вели ожесточенную борьбу с притязаниями на господство в южной части Западной Сибири со стороны потомков Чингис-хана — шейбанидов, со стороны ногайских мурз и потомков Абу-л-Хайра, стремившихся закрепить в своих руках кочевья по Тоболу, Ишиму и Иртышу.

Чтобы упрочить свои позиции в Тюменском ханстве, шейбанид Ибак вступил в родственные отношения с тайбугинами, выдав замуж за одного из них (князца Мара) свою сестру. Закрепившись в Чимга-туре, Ибак умертвил Мара и овладел значительной частью его улуса. Сыновья убитого Адер и Яболак бежали на Тобол в неподвластные хану татарские улусы. Около 1495 г. Ибак погиб в борьбе с татарскими князьками «тайбугина рода». По татарским преданиям, Ибака убил один из родственников Мара Мамет (или Махмет). Он объединил татарские улусы по Тоболу и Среднему Иртышу и сделал своей ставкой старинное укрепленное селение угров на берегу Иртыша, носившее название «Сибирь», или «Кашлык». Политический союз татарских улусов по имени главной ставки стал называться Сибирским ханством.

Потомки хана Ибака (шейбаниды) некоторое время продолжали сохранять в своих руках земли в бассейне р. Туры. Наследником Ибака оставался его брат Мамук. Потеряв значительную часть территории Тюмени в борьбе с Маметом, Мамук пытался овладеть Казанским ханством. После Мамука правителем в Тюменском ханстве был Кудук-салтан. Он являлся последним шейбанидом в Чимга-туре. В первом десятилетии XVI в. Тюмень перестала существовать. Ее земли вошли в состав Сибирского татарского ханства. Сибирское ханство состояло из мелких улусов, возглавлявшихся беками или мурзами, которые находились в той или иной степени зависимости от верховного правителя ханства. Класс эксплуа-

таторов (беки, тарханы, мурзы) сосредоточил в своих руках право распоряжаться кочевьями и промысловыми угодьями и постепенно прибирал в частную собственность лучшие из них. Правители ханств, салтаны, тарханы, владельцы отдельных улусов — беки и мурзы широко использовали в хозяйстве труд рабов — «ясырей» и обедневших (зависимых) общинников.

Масса трудового татарского населения называлась «черными» улусными людьми. На их обязанности лежала военная служба в отряде улусного предводителя по требованию правителей Сибирского ханства и уплата ежегодных «даров» мурзе, беку, тархану продуктами промыслового хозяйства (рыбой, пушниной) или скотоводства. Кроме того, с улусных людей взимались поборы в пользу правителей ханства. «Черные люди» покоренных сибирскими ханами татарских улусов, хантыйских и манси́йских территориально-племенных объединений обязаны были платить ежегодный ясак в пользу хана, главным образом пушниной, и поставлять воинов для ханских военных походов. Практика взимания ясака (т. е. принудительной дани с завоеванных покоренных групп сибирского населения) была введена чингисидами еще в период установления монгольского господства и формирования Западного улуса Джучи — Батыя. Эту практику в XIV—XV вв. продолжали шейбаниды, предводители Узбекской Орды Абу-л-Хайра и его потомков.

Тайбугины Сибирского «юрта» (как называли иногда Сибирское ханство) взимали ясак с тех татарских улусов, владельцев которых они покорили силой в результате военного набега, и с угорских союзов, завоеванных правителями Сибирского ханства.

От уплаты ясака освобождались жители тех улусов, владельцы которых были союзниками и помощниками сибирских правителей. Эти мурзы и беки получали особые привилегии и назывались «тарханами». Тарханы в своих улусах использовали труд зависимых людей — «захребетников», комплектовавшихся как из обедневших сородичей, так и из пришлых в улус людей. Снабжая «захребетников» орудиями охоты, рыболовства, тарханы забирали у них большую часть промысловой добычи.

Аппарат государственной власти в Сибирском ханстве состоял из хана, ясаулов, направляемых ханом в улусы, вельмож — советников и карачи (визиря). Имелся небольшой штат сборщиков «даров» и ясака. Сборщики назывались «даругами». Владельцы отдельных улусов по отношению к правителям ханства были в служебно-вассальном положении. Они участвовали со своими отрядами во всех военных походах хана, получая за это часть военной добычи, обязаны были поставлять хану «дары» с «черных людей» улуса. В пределах подвластной территории мурзы и беки сохраняли почти полную независимость в эксплуатации улусных людей, в организации административно-полицейского управления. Центральная власть во внутреннюю жизнь улусов, как правило, не вмешивалась.

Кроме центральной ставки Сибирского ханства, укрепленного городка Сибири, или Кашлыка, расположенного на правом берегу Иртыша при впадении в Иртыш речки Сибирки, имелись и другие укрепленные пункты. Они находились главным образом у границ ханства и выполняли роль военно-сторожевых и опорных центров. К числу их следует отнести Тон-туру на берегу р. Оми, которая во второй половине XVI в. являлась резиденцией кучумова наместника Буян-бия. Археологам известно татарское укрепление на одном из островов оз. Чаны (Чинеевское городище).[31] С. У. Ремезов называл ряд татарских «городков». Он упоминал

[31] В. П. Левашова. О городищах Сибирского юрта. «Советская археология», т. XIII, 1950, стр. 342, 348.

«Княжев городок большого князя Бегиша» на Иртыше, который был укреплен земляными валами; городок Кулары «опасный, крайный кучумовский от калмык и во всем вверх Иртыше крепче его нет»; Ташатканский городок на Иртыше, Агитский на Вагае, городок Аттика мурзы, Карачин городок и другие.[32]

Эти селения являлись административными и военно-опорными пунктами господствовавшего класса феодалов. Они использовались в борьбе с внешними врагами, были опорными базами в междоусобной войне владельцев отдельных улусов, являлись центрами угнетения массы «черных людей».

Политическая история Сибирского ханства заполнена постоянными усобицами владельцев улусов за расширение подвластной им территории. Правители Сибирского ханства вели завоевательную политику, пытаясь увеличить количество ясачных людей. Границы Сибирского «юрта» расширялись за счет включения некоторых башкирских племен на восточных склонах Урала, за счет завоевания угроязычных и тюркоязычных насельников Прииртышья и бассейна р. Оми.

К середине XVI в. Сибирское ханство охватывало значительную часть лесостепи Западной Сибири от бассейна Туры на западе до Барабы на востоке. Чатские татары левобережья Оби были в какой-то зависимости от сибирского хана.

В то же время не прекращалась упорная борьба за овладение Сибирским ханством со стороны шебанидов, ногайских мурз и правителей узбекских орд. Она особенно обострилась в середине XVI в. Постоянные вторжения южных кочевников ослабляли непрочное татарское государство и были крайне разорительны для массы трудового населения. На ханский престол в Сибирском «юрте» в это время претендовал шейбанид Кучум, сын узбекского правителя Муртазы. Русские документы называют Кучума внуком тюменского хана Ибака.[33]

Используя помощь ногайских правителей, Кучум в 1563 г. захватил власть в Сибирском ханстве, свергнув правителей из династии тайбугинов Едигера и Бекбулата. Все близкие родственники Едигера и Бекбулата, как и они сами, были истреблены. В живых оставался только спасшийся бегством сын Бекбулата Сейдяк. Кучуму оказали сопротивление татарские мурзы в Чимга-туре и Епанчинских «юртах», а также некоторые мансийские и хантыйские князьки, включенные при тайбугинах в состав Сибирского ханства. Кучум опирался на узбекские и ногайские вооруженные отряды и относительно быстро сломил сопротивление местной татарской знати. Овладев Кашлыком, Кучум обложил ясаком татарские улусы, хантыйские, мансийские и башкирские племена. Ясак выплачивался шкурками соболей и лисиц, рыбой и другими продуктами хозяйства местного населения.

Жители Сибирского ханства смотрели на Кучума, который именовал себя ханом тюменским и сибирским, как на пришельца и завоевателя. А. Н. Радищев писал, что Кучуму «чужестранцу, опричь пришедших с ним, повиновался из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных странах».[34]

От своих вассалов, владельцев отдельных татарских улусов, Кучум требовал исправного сбора ясака с «черных людей» и участия в военных походах. Как и представители династии тайбугинов, шейбанид Кучум делился с мурзами и беками военной добычей. В улусах вассалы Кучума

---

[32] Сибирские летописи, стр. 327, 329, 341, 343.

[33] Абулгазы. Родословное дерево тюрков. М., 1914, стр. 196.

[34] А. Н. Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири. «Полное собрание сочинений», т. 2, М.—Л., 1941, стр. 151.

борьбы с конкурентами объединились в особую торговую корпорацию, известную под названием «югорщины».

Одновременно с крестьянским продвижением в Заволочье, Пермь, Печору московские феодалы начали колонизацию бассейна р. Вычегды (районы Малой Перми). В конце XIV в. устюжский монах Стефан, позднее прозванный Пермским, при поддержке московского князя развернул активную миссионерскую деятельность среди племен коми и родственных им пермяков. В 1383 г. была учреждена Пермская епархия, которая стала опорой московской великокняжеской власти в борьбе с новгородским боярством за обладание землями Севера, Приуралья и северной части Зауралья.

После Яжелбицкого договора (1456 г.) между Новгородской республикой и московским великим князем походы новгородских феодалов в Югорскую землю за пушниной прекратились. Прибирая к своим рукам «волости» Великого Новгорода, правительство Ивана III распорядилось об отправке отряда ратных людей в Югорскую Землю. Организация похода была поручена устюжанину Василию Скрябе. Сформированный в Устюге из добровольцев («хотячих людей») отряд отправился в путь 9 мая 1465 г. В результате похода два угорских князька Калпик и Течик приняли русское подданство;[40] на правах «пожалования» со стороны сюзерена за ними были оставлены подвластные им ранее угорские группы. Как вассалы московского государя Калпик и Течик обязывались собирать дань с угорских племен в казну Ивана III. Однако для подчинения всей Югорской Земли потребовалось длительное время. Ряд предводителей угорских территориально-племенных объединений («княжеств») организовывал набеги на селения коми и русских. Коми в свою очередь вторгались в пределы Зауралья, наносили удары мансийскому (вогульскому) «княжеству» Асыки, расположенному в бассейнах рек Лозьвы и Пелыма. Враждебность угорских военачальников усиливалась тем, что они видели в правительственных отрядах прежних новгородских ушкуйников, грабивших промысловое население.

В 1483 г. Иван III направил в Зауралье отряд под командой князя Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка Травнина, чтобы привести в русское подданство угорские племена, которые не были подвластны правительству Ивана III или числились в составе Русского государства только номинально.

Отряд прошел через земли Прикамья, поднялся вверх по притоку Камы р. Вишере, перевалил Уральские горы и на восточных склонах их вступил на территорию мансийского «княжества» Асыки. Около устья Пелыма произошло сражение, окончившееся поражением манси.

После этой победы отряд под командованием царских воевод двинулся вниз по р. Тавде мимо Тюменского ханства в Сибирскую землю. В 80-е годы XV в. с тюменским ханом чингисидом Ибаком у русского правительства были установлены дипломатические отношения, русский отряд прошел пограничные владения тюменских татар и, продвигаясь от устья Тавды по р. Тоболу, оказался в Сибирской земле, т. е. на территории, издавна заселенной угорскими группами, подвергшимися сильной тюркизации, но еще сохранившими свое давнее наименование «сыпыр». Здесь существовали независимые и полузависимые от Тюменского ханства улусы, которые в самом конце XV в. объединились в Сибирское ханство. По Иртышу ниже устья Тобола находились владения угорских племен, менее затронутых влиянием южных кочевников и сохранивших свой язык.

[40] Там же, стр. 86.

По рассказу летописца, русские воины в 1483 г. «от Сибири шли по Иртышу реце вниз, воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую Землю».[41] На Оби отряд захватил в плен «большого» угорского князя Молдана и двух сыновей князька Екмычея.

Весной следующего года в Москву приехали представители угорской знати: Юмшан и Калпа от мансийских объединений, Лятик от Сибирской земли и Пыткей от хантыйского Кодского «княжества», расположенного по нижнему течению Оби. Они привезли подарки Ивану III и просили его отпустить в Югру плененного Молдана и сыновей Екмычея.

Угорские представители признали себя вассалами русского государя и обязались поставлять ежегодно в его казну дань с населения подвластных им районов.

Однако установившиеся данические отношения ряда угорских «княжеств» с Россией оказались непрочными. В конце XV в. правительство Ивана III предприняло новый военный поход на восток. В конце 1499 г. более 4 тыс. воинов под руководством московских воевод Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Бражника Гаврилова двинулись на лыжах в далекий путь. Они шли вверх по притоку Печоры — р. Щугору. Дойдя до гор, отряд разделился. Одна часть его во главе с Бражником Гавриловым двинулась через Уральский хребет так называемым Югорским переходом (т. е. дорогой, хорошо известной жителям Зауралья и русским промысловикам). Другая часть рати с Курбским и Ушатым направилась через «Камень щелью».[42]

Первые столкновения с местными жителями начались на перевале через горы. Здесь во время сражения с самодийцами ратники захватили 200 оленей и в дальнейшем использовали их в качестве тягловой силы. От перевала отряд двинулся вдоль течения р. Сыгвы (притока Северной Сосьвы) и спустя неделю достиг укрепленного угорского «городка» Ляпина. Взяв эту крепость, отряд пошел вниз по Северной Сосьве. Вскоре русские воины встретили делегацию местной знати, прибывшую на оленях от устья Оби, участники которой заявили о своем желании принять русское подданство. В общей сложности ратные люди заняли свыше 40 укрепленных угорских поселений, пленили 58 местных военачальников и в марте 1500 г. вернулись в европейскую часть России.

Сборы дани и доставка пушнины в казну лежали на обязанности «князцов» угорских объединений и старейшин самодийских родо-племенных групп. Итальянец Рафаэль Барберини, побывавший в Москве в середине XVI в., сообщал: «Я разговаривал и даже ел с двумя такими звероловами, которые были при дворе по случаю привоза своей обычной дани государю. Дань эта состояла в разном пушном товаре в большом количестве».[43]

С середины XVI в. начали практиковать посылку в Югорскую Землю особых правительственных сборщиков — «данщиков»,[44] которые доставляли собранную местной знатью дань в Москву. Ответственность за их безопасный проезд по территории Зауралья возлагалась на местную знать.

Размеры дани еще не были точно определены. По свидетельству современника Генриха Штадена, русский данщик не имел права «требовать с этих народов ничего сверх того, что они дадут ему по доброй воле».[45]

---

[41] Там же, стр. 94.
[42] П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 25.
[43] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 134.
[44] Г. Ф. Миллер. История Сибири, приложения документов, док. № 1, стр. 331.
[45] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, стр. 161.

Данщики привозили в Москву столько пушнины, сколько удавалось ее собрать князькам с местных охотников.

Русских административных центров в Зауралье еще не было, как не было и постоянных представителей царской власти и постоянного русского населения. Поэтому царское правительство по необходимости и сохранило в неприкосновенности те общественно-политические объединения, которые имелись у хантов и манси к началу XVI в. Продолжали существовать территориально-племенные союзы, называемые в письменных источниках весьма неточно «княжествами». Привлекая представителей местной знати на свою сторону подарками, закрепляя господствующее положение их над трудовым населением особыми «пожалованиями» издавна подвластной им территории, царское правительство пыталось осуществлять господство над угорскими жителями силами князьков, предоставляя им полноту власти и не вмешиваясь во внутреннюю жизнь хантов и манси.

В XVI в. движение русских и комизырянских промысловиков на восток возросло. Шкипер английского корабля Стифен Берро, плававший в 50-е годы XVI в. в водах Северного Ледовитого океана, рассказывал о встречах в океане у берегов Новой Земли с русскими поморами, знавшими морской путь к устью Оби и неоднократно совершавшими туда путешествия.[46] Об освоении русскими людьми островов и побережья океана рассказывали и другие английские и голландские мореплаватели второй половины XVI в.[47]

Для связей с жителями Северо-Западной Азии сложилось несколько путей. Наиболее северный из них шел с северо-запада Руси, из Поморья, и проходил по юго-восточной части Баренцова и Карского морей. Он заканчивался в низовьях Оби и Енисея. Этот путь был хорошо известен на Руси и в странах Западной Европы. Река Обь, Обская губа изображены уже на карте А. Вида, изданной в Польше и Голландии в 1555 г. Западноевропейские географы и картографы второй половины XVI—первого десятилетия XVII в. (А. Дженкинсон, Г. Меркатор, О. Брюнель, Л. Вагнер, И. Масса) уже более подробно описывают северную часть Азии. В их сочинениях появляются названия рек Енисея, Пясины и даже сведения о Таймыре. Знакомство Западной Европы с этим районом в основном базировалось на сведениях, полученных от русских. Промышленное освоение побережья Западной Сибири началось задолго до официального включения страны в состав Русского государства.

В XVI в. торговые связи русских с жителями Зауралья становятся более постоянными, чему способствовало русское заселение Северо-Восточного Поморья и активная эксплуатация местных природных богатств. Вдоль дорог, ведущих в Зауралье, возникли русские селения, жители которых занимались промыслами (охотой, рыбной ловлей). Такими селениями в европейской части страны были Пустозерский острог, Усть-Цилемская слобода, Роговой городок и др. Возникали селения промышленных людей и в Зауралье, но, по-видимому, они первоначально носили характер промысловых зимовий и были временными. На месте таких зимовий позднее (в конце XVI—начале XVII в.) были поставлены русские остроги Березовский, Обдорский и др. Самодийское и угорское население начало приезжать для менового торга в Пустозерский острог и Роговой городок. Русские торговые люди отправлялись с товарами в Зауралье, выменивая в селениях местных жителей пушнину.

---

[46] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с английского Ю. В. Готье. М., 1937, стр. 109—110.

[47] Там же, стр. 154; М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1952, стр. 443, 444.

Трудность пути из Поморья на Обь, суровые климатические условия часто заставляли поморов зимовать в Сибири. Некоторая часть русских торговых и промышленных людей жила там не одну зиму, оставалась в этом районе надолго. Поэтому строились не только простые зимовья, а острожки, пригодные для длительного и безопасного жилья. Подобные острожки были своеобразными местами торга, где шел обмен русских товаров на «остяцкую и самоядскую руку» и производилась закупка сибирской пушнины.

Постоянное общение с жителями Северо-Западной Азии привело к тому, что русские промышленные люди стали использовать для езды оленей и собак, заимствовали приемы охоты, практикуемые нерусскими жителями. В свою очередь привозимые русскими железные изделия (наконечники стрел, ножи, топоры и др.) помогали сибирскому населению совершенствовать приемы охоты, рыбной ловли и морского промысла. Длительное общение русских со своими северо-восточными соседями приводило к тому, что среди промысловиков, ездивших в Зауралье, появились умеющие говорить на самодийском и угорском языках. В свою очередь самодийцы и угры овладевали русской разговорной речью.

Южным соседом Югры в XVI в. было Сибирское ханство. До середины XVI в. между Русским государством и Сибирским ханством непосредственных связей, по-видимому, не было. Установлению их мешало лежавшее на Волге Казанское ханство. Присоединение народов Поволжья и Приуралья к России и разгром казанских ханов в 1552 г. произвели большое впечатление в Сибирском «юрте». Правившие в нем тайбугины (представители местной татарской знати) братья Едигер и Бекбулат решили завязать с русским правительством дипломатические отношения.

В это время тайбугинам с юга угрожал сын узбекского правителя Муртазы Кучум. Используя военные силы узбекских, ногайских, башкирских кочевников, он начал борьбу за подчинение Сибирского ханства. Едигер и Бекбулат рассчитывали получить поддержку в Москве и склонны были стать вассалами русского царя.

В январе 1555 г. послы сибирских правителей Тягруд и Панъяды прибыли в Москву. Они поздравили Ивана IV со взятием Казани и с успешными действиями царских отрядов в районе Астрахани. На приеме у царя сибирские послы «били челом государю ото князя Едигера и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял на свое имя, и от сторон ото всех заступил, и дань свою на них наложил, и дорогу своего прислал, кому дань собирать».[48]

Принятие этого предложения означало включение территории Сибирского ханства в число земель, зависимых от царского правительства. Эта зависимость подкреплялась обязательством Едигера и Бекбулата вносить в царскую казну дань с жителей ханства.

Размер дани первоначально был определен в 1000 соболиных шкурок в год. Царским представителем («дорогой») в ставке Едигера Иван IV назначил Дмитрия Курова Непейцина. Непейцин отправился в столицу Сибирского ханства Кашлык с «жалованным ярлыком» русского царя, где привел к присяге (шерти) на верность Ивану IV сибирских правителей Едигера и Бекбулата и др.

Вассальные отношения между сибирскими правителями и Россией оказались непрочными. Постоянные усобицы между татарскими улусами, набеги на земли ханства кочевников из ногайских и других орд, притязания узбекских чингисидов на власть в Сибирском «юрте», нарастающее недовольство «черных людей» и покоренных угорских и башкир-

[48] Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина. Летописный сборник, именуемый Никоновской летописью. СПб., 1904, стр. 248.

ских племен делали положение Едигера и Бекбулата неустойчивым. Этим воспользовался Кучум, который в 1563 г. разгромил войска Едигера и захватил власть в Сибирском ханстве. Провозгласив себя сибирским ханом, Кучум обложил данью в свою пользу башкирские и угорские племена, ранее подчиненные сибирским правителям, завоевал угорские группы по нижнему течению Иртыша и его притоку Конде и тюркоязычное население Барабинской степи.

Кучум уничтожил прежние вассальные отношения сибирских правителей к России. Правда, на первых порах дело не доходило до открытых столкновений, шел обмен посланиями между Иваном IV и Кучумом. Занятый борьбой с местными татарскими мурзами, мансийскими и хантыйскими князьцами, а также с казахскими военачальниками, Кучум пытался упрочить свое положение в Сибирском ханстве, выиграть время и собрать вооруженные силы для борьбы против России. В 1571 г. он даже прислал в Москву свое посольство, которое подтвердило договор, заключенный Едигером, и принял в своей ставке царского представителя Третьяка Чубукова, обязавшись внести дань в царскую казну и подписать присяжную грамоту.

К 1572 г. позиции Кучума в Сибирском ханстве упрочились, сопротивление местной знати было сломлено. Он стал концентрировать вооруженные отряды на восточных склонах Урала, готовиться вместе с ногайскими мурзами к вторжению в пределы России.

Назревала серьезная угроза для жителей Приуралья, Среднего Поволжья и Прикамья, и как раз в тот момент, когда южные районы России были разорены и опустошены крымскими отрядами Девлет-Гирея, а на западе шла напряженная Ливонская война.

2. ТУВА

В 1207 г. старший сын Чингис-хана Джучи прошел через территорию Тувы во главе многочисленного войска на завоевание «лесных народов». Среди так называемых «лесных народов» были не только таежные жители, но и население степных районов Верхнего Енисея и Прибайкалья.

Среди покоренных «лесных народов» древнемонгольская хроника «Сокровенное сказание» упоминает тубасов, издавна населявших Восточные Саяны, включая современную Северо-Восточную Туву. Китайская летопись «Тан шу» называет их «дубо».[49] Мусульманским средневековым источникам население Восточных Саян было известно под названием «лесных урянкатов». Жители этой части Тувы занимались главным образом охотой, рыболовством и собирательством. Основным объектом охоты были копытные животные — олень, лось, косуля, марал. Разводили оленей, которых использовали главным образом как вьючных животных, но были знакомы и с коневодством. Жили в чумах, которые летом покрывали берестой, а зимой шкурами животных. Когда выпадал глубокий снег, пользовались лыжами. Этнически жители Восточных Саян в монгольское время вряд ли были однородны, они включали, по-видимому, самодийскоязычные, кетоязычные и тюркоязычные группы. Но тюркоязычные группы, этнически близкие уйгурам, по всей вероятности, доминировали. Господствующий у населения Восточных Саян этноним «туба» позднее стал самоназванием всех тувинцев (туба-тува-тыва).

Население степных районов Тувы вело скотоводческое кочевое хозяйство, сочетавшееся с земледелием (в небольших размерах) и охотой.

[49] История Тувы, т. I. М., 1964. А. Р. Кызласов. Города Монголии. «Советская археология», 1959, № 3.

В стадах преобладал мелкий рогатый скот. Основным жилищем служила переносная юрта, покрывавшаяся войлоком. На зимниках жили в примитивных срубах. Степное население Тувы было преимущественно тюркоязычным и состояло из нескольких племен, в числе которых были как местные племена, так и потомки алтайских тюрков — уйгуров и кыргызов, завоевавших Туву во второй половине I тыс. н. э. У тувинцев до недавнего времени сохранились древние этнические названия — «тюлюш», «уйгур», «кыргыз», «соян». Эти и другие этнические группы с подобными названиями населяли Туву в XIII—XVI вв. Туматы — одно из крупных и воинственных племен в XIII в. — жили, по всей вероятности, на территории Юго-Восточной Тувы. Туматы дважды поднимали восстание против завоевателей, но были почти поголовно перебиты монголами. Память о некогда населявших Туву туматах поныне хранит название одного из хребтов в Юго-Восточной Туве — Тумат-тайга.

Во время нашествия монголов население Тувы и Минусинской котловины составляло, по-видимому, государство, названное в летописи Рашид-ад-дина одним владением «Киргиз и Кэм-кэмджиут». Кэм-кэмджиут — это несомненно Енисей (его древнее название Кэм, или Хем). В этих областях, писал Рашид-ад-дин о стране Киргиз и Кэм-кэмджиут, было много городов и селений. Говоря о них, Рашид-ад-дин имел, вероятно, в виду оседлые поселения, появившиеся в Туве еще в VIII—IX вв. в период господства здесь уйгуров, а также военно-пахотные поселения, созданные в Туве монголами из насильственно переселенных ими на Верхний Енисей земледельцев. Для того чтобы закрепиться, завоеватели не только уничтожали и высылали непокорных местных жителей, но уже в начале XIII в. стали насильственно колонизировать захваченные территории. С этой целью создавались военно-пахотные поселения, в которых поселяли значительные количества захваченных в плен и угнанных на север земледельцев. Ряд военно-пахотных поселений был создан на территории современной Тувы. Первые сведения о них относятся к 1220 г. Чанчунь, будучи в то время на р. Орхоне в Монголии, писал о стране Кянь-чжоу, где, по его словам, добывалось хорошее железо и водилось много белок; жители этой страны также сеяли пшеницу. В ней было много ремесленников, которые изготовляли шелковые материи, парчу и цветные ткани. Так появились в Туве при монголах уже в самом начале XIII в. поселки земледельцев.

Областью Кянь-чжоу (т. е. «Енисейской») в XIII—XIV вв. назывались, по всей вероятности, Улуг-Хемский и Чаа-Хольский районы современной Тувы. Главным центром ее был, по-видимому, город, остатки которого исследованы в урочище Оймак, в 25 км к юго-востоку от г. Шагонара, на левом берегу Улуг-Хема.

Второй такой район назывался Илан-чжоу, т. е. «Змеиная область», которая, вероятно, располагалась по берегам р. Элегеста, где исследованы остатки четырех разновременных городов. Из них два города находятся в районе современного пос. Кочетово (городища Ден-Терек и Межегейское). Кроме того, поселение того же времени обнаружено к востоку от с. Бай-Хака у дер. Сосновки.

Города эти не имели крепостных стен. Отсутствие укреплений, как свидетельствуют источники, закономерно для городов, сооружавшихся монголами на завоеванных землях.

Жилищем рядового поселенца служил прямоугольный дом каркасной (столбовой) конструкции с деревянными стенами, обмазанными с обеих сторон глиной и оштукатуренными алебастром. По трем его стенам располагалась обогреваемая лежанка — кан, внутри которой проходили сложенные из плит каналы-дымоходы. На канах лежали тростниковые циновки. Пол таких помещений глинобитный, а потолок перекрыт крышей из тро-

стника и соломы или из желобчатой черепицы. У зажиточных горожан дома имели крышу из хорошо обожженной черепицы в виде желобов и узких полуцилиндров, а на белой штукатурке их стен встречаются росписи.

Наиболее богатые здания имели от трех до пяти смежных комнат, расположенных анфиладой. Каркасные стены зданий возводились на кирпичном фундаменте, а их колонны опирались на квадратные каменные базы с круглыми «подушками» сверху. Такие здания имели спальни с кирпичными каналами и приемные залы, обогреваемые жаровнями. Кухни размещались в особых пристройках.

Административные здания состояли из одного парадного зала с колоннадой из деревянных столбов, опиравшихся на каменные квадратные базы с круглыми «подушками». Как и буддийские храмы, они имели входные портики с южной стороны и крыши из богато украшенной черепицы. По краям крыша состояла из черепичных желобов и полуцилиндров с круглыми налепами, на которых были оттиснуты штампами личины рогатых и клыковых демонов. Коньки и углы крыш украшались скульптурными группами из обожженной глины в виде больших извивающихся драконов с разверстыми пастями, фениксов — «птиц счастья», изображений холодного пламени и разнообразных животных. Стены таких зданий поверху покрывались облицовочными плитами с рельефными изображениями драконов.

В городах располагались также металлургические, кузнечные, гончарные и другие мастерские.

Посреди центральных площадей городов стояли четырехгранные каменные стелы на искусно изваянных из песчаника черепахах. На таких стелах вырезались тексты указов.

Почти во всех городах находились буддийские храмы, часовни и пагоды, чаще всего в особых дворах с глинобитными стенами и пристройками, в которых жили буддийские монахи. В XIII—XIV вв. буддизм впервые проник в Туву с поселенцами. Храмы имели квадратные залы (с колоннадами) для богослужений. Здесь на особых пьедесталах восседали вылепленные из глины статуи буддийских божеств, расписанные по алебастровой подгрунтовке различными красками с преобладанием позолоты. На городище Оймак найдены остатки статуи Будды, изваянной из серого гранита, а также высеченная из песчаника буддийская львинообразная химера.

К этому же времени, по-видимому, относится высеченная в скале близ устья р. Чаа-холь буддийская часовня в виде ниши с изображением Будды, двух бодисатв и двух стражей, стоящих в устрашающих позах. В других районах Тувы известны нарисованные красками на скалах изображения будд и субурганов.

Возле двух городов (Дей-Терек и Оймак) обнаружены кладбища с наземными каменными статуями чиновников, львов и баранов, стоящих парами и образующих проход, ведущий к могилам. На одном из них (Чурумал близ Оймака) найден развитый граненый обелиск с надписью, вероятно с биографией умершего. Известны многочисленные находки иероглифических и монгольских надписей на уйгурском алфавите на скалах, обелисках и других предметах.

В раскопанных жилищах обнаружен каменный уголь, которым отапливались зимою каны. При остатках металлургических мастерских найдено много кокса, выжженного, как показали анализы, из элегестинского угля. В заброшенных ныне Межегейских шахтах на правом берегу р. Элегеста были обнаружены древние штольни, которые по найденной там посуде относятся к XIII—XIV вв., и, кроме того, остатки поселка, в котором жили шахтеры того времени. Уголь добывали тогда и открытым способом в горах по правому берегу Улуг-Хема близ Эрбека.

Анализы найденных кусков железной руды и металлургических шлаков показали, что использовались разные руды, добывавшиеся рудокопами в рудниках Тувы. Это соответствует указанию Чанчуня, что в стране Кянь-чжоу «добывается доброе железо».

Рудокопы в то время уже добывали соль в Дус-Даге (Соляной горе) близ оз. Убсанур, которую через перевалы в верховьях Элегеста и Торгалыка доставляли в Кянь-чжоу и Илан-чжоу.

Многочисленные находки, обнаруженные при раскопках городищ XIII—XIV вв., свидетельствуют, что это были центры ремесленного производства. Металлурги не только получали железо в глиняных сыродутных горнах, но, вероятно, выплавляли чугун в небольших домницах с использованием кокса. Они же плавили золото и серебро в особых небольших глиняных тиглях. Кузнецы изготовляли разнообразные железные изделия, начиная от гвоздей, ножей и ножниц до оружия и земледельческих орудий. Гончары применяли ножной круг, на котором в большом количестве изготовляли серые сосуды разных форм, от больших глиняных бочек до изящной столовой посуды. В быту горожан были разнотипные по форме и привозные разноцветные глазурованные сосуды, а также чаши из высококачественного селадона, фарфоровая и стеклянная посуда.

Каменотесы изготовляли жернова для мельниц разнообразных размеров (диаметром от 14 см до 2 м), статуи божеств, надмогильные статуи людей, животных, обелиски и стелы с надписями, высекали в скалах буддийские ниши. Большое развитие получило ткацкое ремесло, тканье «шелковых материй, флера, парчи и цветных материй». Работали также мастера-косторезы.

Сеяли пшеницу, ячмень, просо и другие культуры. Земледелием здесь занимались и местные тюркоязычные племена, у которых земледелие, основанное на искусственном орошении, было развито в предшествовавший период (IX—XII вв.). По летописи «Юаньши», земледелием в Кянь-чжоу занимались местные кыргызы, жившие в тех же военно-пахотных поселениях, созданных монголами. К тому времени относятся находки железных кетменей, удобных для расчистки каналов и пуска воды на поля. Пахали плугами с железными и бронзовыми лемехами и чугунными чечевицеобразными отвалами. На одном из поселений найдены два бронзовых лемеха и четыре отвала от плугов, один из них имеет надпись с датой изготовления — 1286 г. Найдены также обломки железных серпов. Для помола употребляли различной величины ручные жернова (плоские с насечками), а также местные небольшие зернотерки, вероятно, для изготовления толокна. Есть и каменные большие песты для ступ-крупорушек, подобные современным хакасским и тувинским.

Население городов и поселений занималось также животноводством, охотой и рыбной ловлей. При раскопках найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, верблюдов, собак, сибирской косули, оленей, лисиц, рыб и однажды домашнего осла. Особенно следует отметить кости свиньи.

В ходу были медные монеты, преимущественно выпущенные в конце XII в. чжурчженьской династией Цзинь.

В большом количестве представлены находки железных шестеренкообразных цунов (втулок к осям) от характерных тогда для монголов больших телег, на которых у них часто стояли перевозившиеся с места на место юрты. На них перевозилось также армейское снаряжение.

Таким образом, жители городов и поселений производили в значительном количестве различные материальные блага, которыми пользовались монгольские феодалы. Все это было необходимо для материаль-

ного обеспечения их новых завоевательных походов и, конечно, для удовлетворения их потребностей.

В Туве в начале XIII в. появились и торговые фактории мусульманских купцов, которые в XII—XIV вв. развили торговую деятельность в Центральной Азии и Южной Сибири. Чанчунь, находясь на Орхоне, писал, что мука приходит сюда из-за северных гор, более чем за 200 ли, ее доставляют вьюками на верблюдах. В урочище Саадак-Терек на правом берегу Хемчика (близ устья Бардыка) археологами обнаружено и исследовано кладбище стоявшей здесь фактории. Все погребения совершены по мусульманскому обряду, а погребенные по антропологическому типу оказались европеоидами.

Нашествие монгольских феодалов причинило большие бедствия населению Тувы: было истреблено и выселено из Тувы много ее коренных жителей; отдельные племена, выступавшие против завоевателей, были почти целиком уничтожены. Утратились многие достижения культуры домонгольского времени. Вместе с тем в XIII—XVI вв. в Туве произошли крупные этнические изменения. Местные племена восприняли многие черты монгольской материальной культуры, в язык местного населения вошло значительное число монгольских слов. Ряд монгольских этнических групп, поселившихся на территории Тувы, смешался с местным населением. В XIII—XVI вв. в Туве начинает преобладать центрально-азиатский антропологический тип.

В конце XVI в. тувинцы оказались в зависимости от небольшого монгольского государства Алтын-ханов, возникшего на территории Халхи в процессе феодального дробления монголов. Тувинские племена кочевали тогда не только в пределах границ современной Тувы, но и южнее — вплоть до Кобдо, а восточнее — до оз. Косогол. Некоторые из них, как например мады, кужугеты (по-русски кучугуты), оортаки (по-русски орчаки), появились в степях неподалеку от Томска, близ Кузнецка, в бассейне правобережья верхнего течения Оби, где вступили в контакт с телеутами. Другие из них проникали на Алтай в окрестности Телецкого озера. Положение тувинцев в составе государства Алтын-ханов было очень тяжелым. Они платили феодалам большие натуральные налоги (скотом, пушниной, изделиями домашнего производства), были обязаны нести воинскую и гужевую повинности. Алтын-хан считал себя полным хозяином не только имущества, но и жизни подвластных ему племен.

Основой хозяйства тувинцев продолжало оставаться пастбищное скотоводство в сочетании с орошаемым земледелием и охотой. Разводили лошадей, овец, коз, крупный рогатый скот, в том числе и сарлыков (яков), а северо-восточные тувинцы разводили оленей. Сеяли в небольшом количестве просо и ячмень близ весенних и осенних пастбищ, обрабатывали землю примитивной деревянной сохой, снабженной железным наконечником. Промышляли пушного зверя и крупных животных — козуль, маралов, лосей, оленей, а в горных степях — тарбаганов (сурков). Основным оружием были лук и стрелы. Жили главным образом в войлочных юртах, а в лесных районах — в конических шалашах, покрытых берестой или корой лиственницы. Одежда была запашной, в виде длинополого халата из различной ткани, покупаемой у приезжавших сюда торговцев из Средней Азии, Китая. Зимней одеждой служила длинополая шуба из овчины, подпоясываемая кушаком. Характерной обувью были кожаные сапоги с острым загибающимся вверх носком, на толстой подошве, без каблука, внутрь вкладывались чулки из войлока. Молочная пища в летнее время была главной. Она употреблялась в виде кислого молока, сыра, масла. Зимой преобладала мясная и хлебная пища в виде похлебки из зерен ячменя, приправленной мясом. Верховой и вьючный транспорт был существенным способом передвижения. Вьючили не только

лошадей, верблюдов, оленей, но и быков, особенно сарлыков. Лодок не делали, но при переправах через реки иногда пользовались наспех скрепленными плотиками.

Общий уровень культуры рядовых тувинцев был довольно низким. Оседлые поселения уже полностью исчезали. Население жило небольшими аилами и было поголовно неграмотным. Своей письменности и литературы не было. Однако весьма развито было устное народное творчество (фольклор), особенно героический эпос, в сказаниях которого ярко отражалась народная жизнь во всей ее полноте. Накопленные народные знания передавались из поколения в поколение изустно и практическим путем. У тувинцев был хорошо развит народный календарь, суточное исчисление времени по солнцу, исчисление времени года по фенологическим наблюдениям. Развито было народное изобразительное орнаментальное искусство, отдельные памятники которого обнаруживаются иногда при археологических раскопках. По религии тувинцы в рассматриваемое время были шаманистами, хотя к ним уже начинал проникать ламаизм, который насаждался феодальной верхушкой западномонгольского государства Алтын-ханов. Однако в среде рядовых тувинцев он не привился.

Лишенные политической независимости, угнетаемые захватчиками и своими феодалами, трудовые слои тувинцев вступили в полосу длительного экономического и культурного застоя.

3. ЕНИСЕЙСКИЕ КЫРГЫЗЫ

В русских исторических документах енисейские кыргызы упоминаются уже в начале XVII в.[50] Они разделялись на несколько небольших феодальных улусов, власть которых в то время распространялась по долине Енисея от Саянского хребта на юге до Большого порога (ниже Красноярска) на севере. Основные кочевья кыргызов находились в бассейне верхнего течения Чулыма и образующих его рек — Черного и Белого Июсов. Эта территория захватывала долину Урюпа (левого притока Чулыма), районы, прилегающие к Божьему и Белому озерам, и на севере доходила до современного г. Ачинска. На запад от Енисея границей кыргызской земли считалась р. Кия (левый приток Чулыма). Политический центр кыргызов был на Белом Июсе, где располагались ставки наиболее влиятельных кыргызских людей и стоял «каменный городок» на расстоянии одного дня пути от современного Божьего озера. Здесь происходили съезды кыргызских князей, на которых решались общие дела. В этническом отношении енисейские кыргызы представляли собой небольшую тюркоязычную группу (в 4—5 тыс. чел.), являвшуюся потомками средневековых енисейских кыргызов, государство которых упомянуто в китайской летописи Танской династии под названием «Хагяс». Политическое устройство кыргызов в начале XVII в. характеризовалось иерархической структурой. Во главе всех кыргызов стоял главный князь, который считался главой кыргызских улусов. Каждый улус возглавлялся своим князем, который имел зависимых от него «улусных людей» из кыргызов и кыштымов.

Собственно кыргызскими по составу населения в рассматриваемое время были улусы Езерский, или Исарский (Десары), кочевья которого распространялись до р. Качи под Красноярском, она называлась Изырсу — озерская река, а также улус Алтысарский, его княжеская ставка была

[50] О кыргызах (киргизах) на Енисее в XVI—XVII вв. см.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1964, стр. 520—525; С. В. Бахрушин. Енисейские киргизы в XVII в. «Научные труды», т. III, ч. II, М., 1955, стр. 176—224; Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925.

в Белом Июсе. Позднее (во второй половине XVII в.) в составе кыргызской земли русские документы называют еще Аатырский улус, именуемый иногда «верхними кыргызами», население которого обитало в основном в долине Абакана. Кроме того, к кыргызам стали причислять еще Тубанский улус, расположенный на правобережье Енисея в бассейне р. Улсы (или Тубы). В качестве зависимых от кыргызских князей киштымов русские документы называют тюркоязычных качинцев, агинцев, кызыльцев, аргунов, шустов, сагайцев, шорцев; кетоязычных аринцев, ястынцев, тинцев, коттов, асанов; самодийскоязычных моторов, кашинцев, камасинцев.

В хозяйственном отношении кыргызы были скотоводами-кочевниками, разводившими лошадей и овец, крупный рогатый скот и даже верблюдов. Скотоводство было пастбищным в течение всего года. Подсобное значение имела горно-степная охота, но не таежная, ибо сами кыргызы рассказывали: «... живем в степи, а по лесу на лешних не зверуем и соболей не добываем». Земледелием кыргызы не занимались. Они жили в переносных войлочных юртах и носили овчинные шубы, меховые шапки — «малахаи», а также армяки-халаты из грубой шерстяной ткани. Молоко и мясная пища были основным видом питания, но ели и рыбу, которую в некотором количестве добывали сами. Главным видом транспорта была верховая лошадь, на которую вьючили и груз, как и на верблюда. Лыжами кыргызы почти не пользовались: «...а лыжной де нам ход не за обычай», — говорили они русским людям. Оружием были лук, стрелы и копья. Носили и воинские доспехи — шлем, панцири, куяки. Железное холодное оружие и другие предметы воинского снаряжения кыргызы получали в виде дани от своих киштымов, главным образом шорцев.

В социальном отношении кыргызы были неоднородны. Основным трудовым слоем населения были рядовые скотоводы — улусные мужики. Племенная верхушка состояла из князей, власть которых была наследственной. Князья держали в качестве рабов пленных, захваченных во время набегов. Жестокой эксплуатации подвергались киштымы-данники, за счет которых обогащалась кыргызская верхушка. Кыргызские князья враждебно встретили появление русских людей на Енисее и совершали набеги на мирное русское население.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что по религии кыргызы были шаманистами. У них отмечен обычай — при принесении клятвы рассекать собаку и проходить через нее. Был развит обряд трупосожжения, как и у их далеких предков.

Упомянутые выше кыргызские киштымы, большинство которых является ближайшими историческими предками современных хакасов, находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. Качинцы, как свидетельствуют их предания, в некоторой своей части были потомками тюркоязычных татар, пришедших под Красноярск с Тобола и Иртыша после освобождения их из-под ига Кучума. Они были скотоводами-кочевниками, которые занимались понемногу и земледелием, сея ячмень и дикую гречиху (курлак). Большую роль в их хозяйстве играли охота на пушного таежного зверя и заготовка корней сараны. Они жили сначала преимущественно по р. Качи, по соседству и вперемежку с аринцами. Аринцы расселялись по Енисею ниже р. Качи, затем в верховьях Кети, по рекам Ускату и Бузиму. Это были скотоводы-«коники», и жизни которых большое значение имели охота на пушного зверя и примитивное земледелие с мелкими посевами ячменя и гречихи. Кызыльцы и ачины, как и некоторые другие мелкие группы бассейна Чулыма, занимались скотоводством, земледелием и охотой на пушного зверя. По преданиям, сохранившимся у кызыльцев, они пришли на Чулым с рек Ишима и Тобола после падения Сибирского ханства, где они находились под властью Кучума. Скотоводческая группа тюркоязычных сагайцев кочевала в верховьях

Июса и Томи. Котты и асаны говорили на языке, родственном языку современных кетов. Это были типичные таежные охотники. Котты жили в бассейне р. Кана, а асаны — в близком с ними соседстве по р. Усолке, впадающей в р. Тасееву. По р. Мане обитали самодийскоязычные камасинцы, основным занятием которых была охота. Они разводили для верховой езды оленей, при помощи которых передвигались по горной тайге в поисках зверя. По религии все эти группы были шаманистами.

Енисейские кыргызы оставались на своих местах только до начала XVIII в. С этого времени большая их часть была насильственно переселена в Джунгарию (в долину р. Или) по приказу джунгарского хана Цэван-Рабтана, считавшего их своими данниками.

4. БУРЯТЫ

После разгрома государства Ляо чжурчженями северные соплеменники киданей стали независимыми, так как чжурчжени, занятые борьбой с Китаем на юге, не были заинтересованы в завоевании земель своих северо-западных соседей. Из среды этих северо-западных по отношению к чжурчженям степных племен и вышли племена, объединившиеся вокруг Темучина, Чингис-хана, а затем уничтожившие под его предводительством государство чжурчженей — Золотую империю.

Ранние события истории новой центральноазиатской империи, как известно, происходили на той части территории Монголии, которая граничит с Забайкальем, и на самой забайкальской земле. На Ононе и родился сам Чингис-хан, в местности Делюн-Болдок.

Замечательными памятниками ранней истории монгольской империи на территории Забайкалья являются Кондуйский и Хирхиринский «городки».[51] Кондуйский «городок» (на берегу р. Баруи-Кондуй, Читинской обл.) оказался развалинами крупного дворцового комплекса. Дворец был выстроен не ранее второй половины XIII в. Он окончил свое существование в результате пожара; при раскопках повсеместно были обнаружены следы огня — обугленные куски дерева, оплавившиеся кирпичи и черепица, обожженные железные изделия.

Как по всей планировке, так и по архитектурным деталям он во многом напоминал дворец великого хана Угэдэя в древней столице чингисидов Харахорине (Каракоруме).

Дворец возвышался на искусственной платформе из битого камня и глины высотой около 2 м, которая в верхней своей части составляла два уступа (террасы), обложенных каменной кладкой и вымощенных серым кирпичом. Главное здание дворца имело в длину около 100 м и в ширину около 60 м и состояло из нескольких залов. Несколько рядов колонн поддерживали потолочные перекрытия. Колонны были деревянными, но стояли на гранитных базах. Они были покрыты ярко-красным лаком, и таким же лаком были покрыты и деревянные части балюстрады, огибавшей снаружи весь дворец. Нижние брусья балюстрады опирались на вделанные в стены снаружи каменные изваяния драконовых голов. Крыша дворца, вероятно парусного типа, была покрыта поливной черепицей зеленого и желтого цветов. По краю крыши черепицы заканчивались дисками, украшенными рельефными изображениями драконов. Эти диски составляли сплошной блещущий золотом и зеленью фестон вдоль края крыши. Кроме того, дворец и внутри и снаружи был украшен росписью и лепными изображениями мифологических грифонов, драконов, а также львов и орлов.

---

[51] Сб. «Древнемонгольские города», М., 1965.

В целом дворец с его переливающейся золотисто-желтым и ярко-зеленым цветами крышей, алыми колоннами и балюстрадой, фантастическими изваяниями драконов на фоне безоблачного забайкальского неба должен был представлять собой яркое и впечатляющее зрелище. По сравнению с харахоринским дворцом Угэдэя кондуйский дворец, по-видимому, отличался и большей величиной, сложностью планировки и изысканностью отделки.

Если кондуйские развалины оказались остатками дворца феодала, то расположенное неподалеку от них в той же Читинской обл. Хирхиринское городище является остатками сравнительно крупного поселения городского типа.

Остатки жилищ тянутся рядами с востока на запад на протяжении почти полутора километров. В центре городища сохранились остатки цитадели. Она была окружена крепостной стеной толщиной около 3 м и рвом. Внутри цитадели находилось несколько строений. Одно из них, дворцового типа, было, вероятно, резиденцией правителя города. В других жили воины и служащие.

За пределами цитадели находились жилища горожан. Некоторые из них представляли собой довольно обширные укрепленные усадьбы, в каждой из них было несколько строений. Это были, очевидно, городские усадьбы феодалов и богатых горожан. По окраинам лепились дома бедноты, от которых сохранились только мелкие холмики.

Город на Хирхире был не только укрепленным пунктом, но и ремесленным и торговым центром. При раскопках на территории городища были обнаружены остатки кузнечной мастерской, железные шлаки и крицы. Были, вероятно, и другие мастерские. Город на Хирхире также просуществовал недолго. Об этом свидетельствует незначительность культурного слоя. Он также, как кондуйский дворец, погиб от пожара.

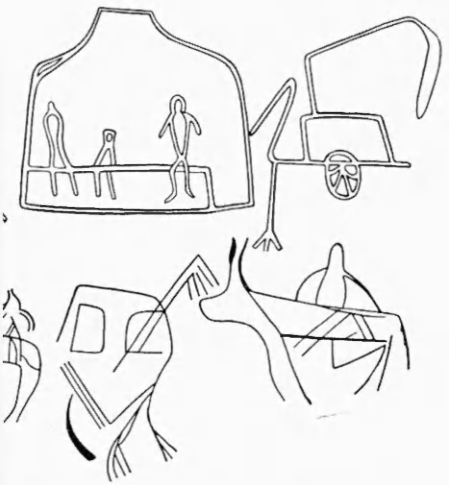
В 1832 г. из Забайкалья в Петербург была вывезена большая каменная стела с монгольской надписью на ней, которая сейчас хранится в Государственном Эрмитаже. Эта плита первоначально, по сведениям местных жителей, стояла, по-видимому, на Хархиринском городище. Надпись на камне была прочитана и переведена на русский язык первым бурятским ученым Доржи Банзаровым. Она гласит: «Когда Чингис-хан после нашествия на народ Сартагул (хивинцев) возвратился и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Чучигае, то Исунке получил в удел триста тридцать пять воинов хонгодорских».[52] Вполне возможно, что хирхиринский город одно время был ставкой этого монгольского князя — племянника Чингис-хана, центром его удела.

В 2 км к северу от Хирхиринского городища на горе Оьошки обнаружен могильник. Это было, по-видимому, городское кладбище. Судя по сохранившимся обрывкам шелковых узорчатых тканей, остаткам лаковых изделий и посуды в захоронениях, в них были погребены представители монгольской знати. Один из курганов оказался не тронутым грабителями. В нем уцелел сбитый из лиственничных досок и окованный железными полосами небольшой ящикообразный гроб. На крышке гроба лежали седло с костяными стременами, узда с железными удилами, лук и берестяной колчан со стрелами. Гроб изнутри был обтянут желтым шелком. В нем покоились останки мальчика лет шести. Одежда его состояла из штанов, юбочки, шубейки, легкой шапочки, все из желтого шелка. На ногах мягкие кожаные сапожки. Тут же лежал пояс, украшенный серебряными бляхами, к которому был прикреплен кисет с кресалом и трутом. Некоторые предметы, лежавшие при этом мальчике, происходившем, очевидно, из богатой и знатной семьи, связаны с ламаистской религией и

[52] Доржи Банзаров. Собрание сочинений, Улан-Удэ, 1955, стр. 204.

і. Это живая картина перекочевок, как они опи-
і эпосе и в сочинениях западноевропейских путе-

XI—XIII вв., обитавшие на землях вокруг Бай-
были единым целым, говорили на разных племен-
или различной степенью культуры. Рашид-ад-дин
е» разделяют их на две группы: лесные зверо-



сцена перекочевки древнемонгольских племен.
Писаницы Прибайкалья.

тране Баргуджин-Тукум и в некоторых других
степные скотоводческие, кочевавшие по степным
границ Китая до Алтайских гор. К числу лесных
акие, в именах которых слышны этнические тер-
ейшими бурятами.
нии» в числе других монгольских племен, обитав-
н-Тукум или по соседству с ней, упоминаются
архуны (баргуты) и буряты (булия). Рашид-ад-
гов, булагачинов, кэремучинов, икиресов и бар-
тописях XVIII в. Худуха-беки назван вождем

» монголов, то первые монголы, проникшие на
в Сэгэнутском могильнике, были типичными степ-
ими же, какими изображены древние монголы

в „Сокровенн
ров XIII—XI
племен, остави
мал конь. Для
положение, чт
посвященный
и ангарских б
летиях XX в.
гатый скот. В
крестец или ст
Погребальн
лась яма окру
2 м. На дно я
в которой нах
вдоль тела. П
засыпалась зе
диаметром от
очевидно, соде
метами домаш
ные сосуды. И
наются слова
путь, на войн
с молоком для
С женщин
стрижки овец,
Что касает
бири в X—X
Но его можно
ском обществе
гольского общ
хальная семья.
талось собстве
территории, о
семья входил
архальным и
В монгольс
имущественная
разлагался. В
низацию, сост
чужеродных
данного рода,
ложение в род
«господа»).
Археология
нии предков б
панных Б. Э.
гребенного сод
сти барана. Из
седел, покрыты

[53] А. П. О к
в Прибайкалье. С
ских народов», М.
[54] Путешестви
ского географиче
стр. 37—88.
[55] Б. Я. В л а

в „Сокровенном сказании" и в известиях европейских и восточных авторов XIII—XIV веков».[53] В хозяйстве древнебурятских или монгольских племен, оставивших Сэгэнутский могильник, первостепенное место занимал конь. Для коня была выкопана особая могила. Было высказано предположение, что, «может быть, это был не простой ездовой конь, а особый, посвященный шаманским божествам, подобный тем, какие были у ленских и ангарских бурят — шаманистов еще в конце XIX и в первых десятилетиях XX в. Кроме лошадей, древние сэгэнуты разводили мелкий рогатый скот. В могилу вместе с покойником клали баранье мясо, обычно крестец или стегно.

Погребальный ритуал сэгэнутов типично кочевнический. Выкапывалась яма округленной в плане формы глубиной до 1 м, диаметром около 2 м. На дно ямы опускалась массивная колода (или ящик для ребенка), в которой находился труп, положенный на спину, с руками, протянутыми вдоль тела. Покойник ориентировался на северо-восток. Сверху могила засыпалась землей и закладывалась сплошным кругом из каменных плит диаметром от 2 до 3 м. Покойник сопровождался глиняными сосудами, очевидно, содержавшими пищу, а также мясо барана, и некоторыми предметами домашней утвари. В сэгэнутском могильнике найдены круглодонные сосуды. Их форма необычна, но это явно походные горшки. Вспоминаются слова Марко Поло о татарах: «Когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья да глиняный горшок варить мясо».[54]

С женщинами клали в могилу большие железные ножницы для стрижки овец, подобные ножницы и сейчас употребляются бурятами.

Что касается общественного строя монгольских племен Восточной Сибири в X—XIII вв., то прямых исторических свидетельств о нем нет. Но его можно реконструировать на основании общих данных о монгольском обществе того времени.[55] Основную экономическую единицу монгольского общества XI—XIII вв. составляла индивидуальная патриархальная семья. Все имущество — скот, юрты, орудия производства — считалось собственностью семьи, оно передавалось по наследству. Пастбищные территории, однако, считались общим владением рода. Индивидуальная семья входила в состав рода (обог), который был агнатным, патриархальным и экзогамным. Роды объединялись в племена (ирген).

В монгольском обществе XI—XII вв. наблюдается резко выраженная имущественная дифференциация. Монгольский род в X—XII вв. быстро разлагался. В XII в. он представлял собой уже довольно сложную организацию, состоявшую из кровных родовичей, из унган боголов, т. е. чужеродных групп, находившихся в непосредственной зависимости от данного рода, из простых рабов прислужников. Господствующее положение в роде и племени занимала степная аристократия (нойоны — «господа»).

Археология свидетельствует о значительном имущественном расслоении предков бурят уже в XII—XIV вв. В богатых погребениях, раскопанных Б. Э. Петри в Тункинском районе Бурятской АССР, скелет погребенного содержался в выдолбленной колоде. Вместе с ним лежали кости барана. Из инвентаря в могилах находили бронзовые зеркала, остатки седел, покрытых лаком, жемчуг, серебряные и золотые украшения, остатки

---

[53] А. П. Окладников. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. Сб. памяти акад. Б. Я. Владимирцова «Филология и история монгольских народов». М., 1958, стр. 200—213.

[54] Путешествие Марко Поло. Перевод со старофранцузского текста. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. 26, СПб., 1902, стр. 37—88.

[55] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934.

конской сбруи с бронзовыми накладками, стремена и удила, фрагменты сложного лука, наконечники стрел со свистункой, шелковые ткани и серебряные чаши на высокой ножке. В то же время погребения из долины р. Обусы и дер. Окниной (Приангарье) дали инвентарь значительно беднее: остатки грубой шерстяной одежды, унтов, пряслица, берестяные коробки, наконечники стрел и зерна проса. В погребении у с. Зарубино на Селенге в аналогичных по характеру могилах были обнаружены зерна гречихи.

Погребения отражают быт двух социальных групп населения Прибайкалья. Комплекс из Тунки дает представление об образе жизни верхушки древнебурятского нойонства. Это богатые скотоводы, имевшие большие табуны лошадей, любимое занятие их составляли охота и игры. Погребения в Обусе и Зарубино (XII в.) рисуют быт основной массы предков бурят. Это простые родовичи — харачут. Они занимались земледелием, скотоводством и домашней промышленностью (ткачество, обработка продуктов скотоводства).[56]

Когда в Монголии возникло государство Чингис-хана и начались его завоевания, одними из первых жертв нашествия монгольских завоевателей стали предки бурят и енисейские кыргызы, не желавшие попасть в зависимость от Темучина и сопротивлявшиеся ему.

В «Сокровенном сказании» рассказывается о походе монголов против лесных племен страны Баргуджин-Тукум: «В год Зайца (1207) Чжучи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Проводником был Буха. Прежде всех явился с выражением покорности ойратский Худухабеки со своими тумен-ойротами. Явившись, он стал провожатым у Чжочия. Проводил его к своим тумен-ойротам и ввел в Шихшит. Подчинив ойротов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжучи подступил к тумен-кыргызам. Тогда к Чжучи явились кыргызские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами — шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжучи принял под власть монгольскую все лесные народы».[57]

В этом сообщении в числе врагов Чингис-хана впервые названы буряты как этническая единица, также бархуны (т. е. баргуты), частично вошедшие в состав позднейших бурят. Энергичное сопротивление оказали хори-туматы. Подчинившись вначале, они после ухода основных монгольских войск подняли восстание, захватили монгольского наместника Хорчи-нойона и предавшего «лесные народы» Худуха-беки, отправленного ему на выручку. Тогда на усмирение хори-туматов отрядили одного из ближайших сподвижников Чингис-хана Бороула. Но он попал в засаду и был убит хори-туматами. Такой резкий отпор хори-туматов мог поставить под угрозу завования монголов на севере.

Чингис-хан направил на север новые войска, предводителем которых был назначен на этот раз дербет Дорбо-Докшин (из ойратов), который с величайшими трудностями провел монгольские войска по звериным тропам и вывел их в тыл хори-туматов. Успешно проведенный обходной маневр и внезапность удара на этот раз обеспечили монголам победу. Пленные монгольские военачальники были освобождены, а туматов разделили между победителями. Нойон Хорчи получил часть туматских девушек. Часть туматов отдали в «кормление» семье погибшего Бороула.

Таким образом, имела место борьба древнебурятских племен с войсками монгольского хагана, которые разоряли их кочевья, грабили лесные племена и стремились лишить их свободы. Несмотря на значительные

---

[56] А. П. Окладников. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л., 1937.
[57] С. А. Козин. «Сокровенное сказание», т. I. М.—Л., 1941, стр. 61—62.

усилия монгольских завоевателей, их победы вряд ли сопровождались прочным и длительным успехом. Лесные племена, постоянно боровшиеся за свою независимость, не желали быть рабами Чингис-хана и покорным орудием в его руках. Они уходили от завоевателей в глубь своих лесов. Есть основание полагать, что после нападений монголов на земли, заселенные предками бурят, некоторые предбайкальские племена, в том числе отдельные группы хора-туматов, частично откочевали на север, в нынешнюю Якутию, и вошли в состав якутской народности.

Оставшиеся в соседстве с землями Монгольской империи или на ее территории лесные народы Прибайкалья, в том числе бурятские племена, не принимали, по-видимому, прямого участия в завоевательных походах монгольских феодалов на запад и восток. Они находились только в номинальной зависимости от монгольских ханов, ограничиваясь уплатой дани. Это сказалось и в языке бурят, несомненно принадлежавшем к монгольской группе языков. В то время как халхасский язык довольно далеко отошел от единого монгольского языка XIII—XIV вв., диалекты бурятского языка сохранили в основном словарном фонде много таких слов, которые характерны для памятников монгольской речи XIII—XIV вв. и не встречаются сейчас в других монгольских языках. Ассимиляция тюркских племен монголоязычными предками бурятского народа тоже наложила известный отпечаток на язык бурят. Наряду с монгольскими архаичными словами и формами в бурятском языке имеется немало тюркских слов, отсутствующих в лексическом составе других монгольских языков.

Основой хозяйства у бурят к приходу русских было скотоводство. У западных бурят (в Предбайкалье) скотоводство было полуоседлого типа, с заготовкой корма на зиму, у восточных (в Забайкалье) — типично кочевое, пастбищного типа, сходное с монгольским. Буряты разводили крупный и мелкий скот, лошадей и верблюдов. Скотоводство доставляло пищу, одежду и материал для устройства жилищ — войлочных юрт. Излишки скота служили предметом меновой торговли с эвенками и другими лесными племенами, занимавшимися преимущественно охотой. У западных бурят существовало и примитивное земледелие. Сеяли просо, гречу, ячмень. Основным орудием древнего бурята-земледельца была землекопалка, мотыга.

Существенную роль в хозяйстве и общественной жизни бурят, как рассказывают предания о зэгэтэ-аба, играла охота. Объектами охоты были соболи, бобры, белки, козы, изюбри, лисы. Охотились с помощью лука и стрел. На охоте и войне употребляли сложный монгольский лук. Стрелы имели железные наконечники четырехгранной или плоской формы, иногда с костяной свистункой. Судя по сообщениям Саган-Сэцэна и Рашид-ад-дина, монголоязычные племена Прибайкалья любили соколиную охоту.

Как и другие монгольские племена, буряты в древности знали два вида охоты: индивидуальную (агнал) и коллективную (зэгэтэ-аба). М. Н. Хангалов, основываясь на бурятском танце хатарха и шаманских призываниях, а также на некоторых обычаях и обрядах, подробно реконструировал организацию коллективной охоты у древних бурят. С целью добыть возможно большее количество зверя устраивалась коллективная облавная охота, число участников которой доходило до 1000 чел. В облавной охоте участвовало несколько родов и племен. Наравне с мужчинами в ней принимали участие женщины. Руководил артелью начальник — галши. Он указывал места как для руководителей, так и для рядовых охотников. Два путеводителя (газарши) разделяли участников на два равных по числу охотников крыла. Каждый газарши становился во главе своего отряда. В середине шел один из главных начальников зэгэтэ-аба, который назывался «тобши». Он служил соединительным зве-

ном между крыльями зэгэтэ-аба. Начальники двух крыльев облавы, договорившись о порядке действий во время охоты, передавали приказания загонщикам. Когда все было готово к облаве, тобши становился в середине между крыльями облавы. По его сигналу начальники правого и левого крыла начинали двигаться вперед, описывая полукруг. За ними шли их рядовые охотники, растянувшись в цепь, на определенном расстоянии друг от друга. Дойдя до заранее условленного места, начинали сходиться, пока не замкнется круг. Как только он смыкался, круг облавы по сигналу тобши постепенно начинал суживаться. Окруженные звери бросались во все стороны в поисках выхода. Крупных зверей — медведей, сохатых и других — убивали рогатинами, более мелких — стрелами.[58] Изображения таких облавных охот имеются среди многочисленных наскальных рисунков, сохранившихся во многих местах Прибайкалья и Забайкалья, часть которых несомненно оставлена предками бурят.

Предки бурят умели добывать металл и являлись хорошими мастерами по его обработке. Кузнечное искусство считалось почетным занятием и божественным даром. Оно имело большое значение в жизни предков бурят. Их кузнецы изготовляли вооружение для воинов, орудия охоты, топоры, ножи, котлы для варки пищи и соли, принадлежности конской сбруи с серебряной чеканкой и различные металлические изделия, необходимые для домашнего обихода, хозяйства, а также украшения. Бурятские металлические украшения для одежды и сбруи, ножи и оружие имели широкое распространение у соседей, а позже охотно использовались и русскими.

Почти все, что нужно было для несложного хозяйства, буряты изготовляли сами: женщины катали войлок, обрабатывали шкуры животных, дубили кожи, делали ремни, шили обувь. Находка пряслиц в Обусинских могильниках свидетельствует, что буряты знали в старину ткачество. Мужчины изготовляли веревки, деревянные остовы юрт, несложную деревянную обстановку юрт, повозки (арбы), домашнюю посуду, седла, сбруи, луки и стрелы. Пищей древним бурятам служили главным образом продукты скотоводства и охоты, реже рыба, просо, гречиха, различные коренья и ягоды. Одежда шилась обычно из шкур зверей и домашних животных. Богатые употребляли шелковые ткани, привозившиеся из Средней Азии и других стран. Вооружение состояло из сложного лука и стрел, кольчуги, шлема, налучника, железного копья, длинных ножей, палицы и топоров. Средствами передвижения служили лошади, быки, коровы, а в восточных районах — верблюды. Кладь перевозилась либо вьюками, либо на двухколесных телегах типа арбы.

Потребность в предметах, которые не производились и не могли производиться на месте, удовлетворялась путем меновой торговли как с различными народностями Сибири (эвенками, тувинцами, киргизами), так и с более далекими странами Средней Азии и с Монголией. Предки бурят имели наиболее оживленный обмен с эвенками и тувинцами. От эвенков и других охотничьих племен предки бурят в обмен на просо, скот, железные изделия получали пушнину. Скот и пушнину при посредстве среднеазиатских купцов они сбывали в Среднюю Азию и Китай, получая взамен серебро, драгоценности, различного рода ткани.

Коренные монголоязычные предки бурят подвились в Прибайкалье и Забайкалье задолго до образования Монгольской империи. Основные бурятские племена — булагаты, эхириты и хори-туматы обитали здесь с глубокой старины. К XVII в. население Прибайкалья этнически становится

[58] Д. А. Клеменц и М. Н. Хангалов, Общественные охоты у северных бурят. «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1910, стр. 137—138; М. Н. Хангалов, Собрание сочинений, т. I, Улан-Удэ, 1958, стр. 67.

более однородным. Связь между племенами укрепляется. Племенное имя «буряты», ранее относившееся к небольшой части племен, теперь начинает объединять все монголоязычные племена края. К этому времени в составе бурят были уже племена, в прошлом входившие в состав ойратов, например икинами, нойот, зунгар, бухут и др. Значительную прослойку в составе бурятского народа составляют собственно монголы. Одним из таких монгольских племен являются хонгодоры, переселявшиеся из Хахси в течение всего XVI в. и расселившиеся отдельными группами в аларских и тункинских степях.

Бурятские племена делились на родовые группы, во главе которых стояла родо-племенная знать. Они занимали обширную территорию по обе стороны оз. Байкал, по долинам рек Ангары, Лены, Баргузина и Селенги. Самыми крайними пунктами расселения их на западе были реки Бирюса и Чуна. К моменту первоначального соприкосновения с русскими буряты представляли собой самую многочисленную и сильную в экономическом и военном отношении народность Восточной Сибири. Еще в 1625 г. атаманы Поздей Фирсов и Василий Тюменец доставили в Енисейск известия о том, что у бурят более 20 тыс. чел. «на конь садится», что это «люди пашенные». Спустя год пришли новые известия, подтверждавшие эти первые сведения, в которых бурятские племена контрастно противопоставляются их ближайшим соседям — тунгусам и палеоазиатам (кетам). Максим Перфильев, человек, который сыграл важную роль в дальнейших событиях на Ангаре и Илиме, рассказывал со слов бурятских кыштымов, «шаманских людей» (шамагиров?), что буряты — люди сидячие, имеют «коней, коров, верблюдов бесчисленно», сеют ячмень (курлык) и гречиху. В бурятской земле имелось много дорогих мехов и чужеземных товаров, в том числе бухарских хлопчатобумажных и шелковых тканей: «дорогов», «зенденей», «киндяков», а также «серебра де добре много» было.

Известно было также и то, что буряты брали «ясак со многих с малых земниц».

5. ЯКУТЫ

На северо-востоке Сибири к приходу русских видное место по уровню развития культуры и численности среди других племен занимали скотоводы якуты (саха). К моменту прихода русских основная группа якутов заселяла треугольник, образуемый средним течением Лены, Алданом и Амгою. Небольшие группы их жили на реках Яне, Олекме, в устье Вилюя и в районе Жиганска. Всего якутов по русским документам насчитывалось 25—26 тыс. чел.[55] По наиболее полному списку в ясачной книге насчитывалось 35 «волостей», что соответствовало числу якутских родов и племен. К приходу русских якуты представляли собой этническое целое с единым языком, общей территорией и культурой. По языку и культуре якуты представляют собой как бы островок тюркоязычных народов, самую северную в мире тюркскую народность. В их легендах, в том числе записанных еще в начале XVIII в. Яковом Линденау, говорится о бегстве предков якутов из Прибайкалья на север. По легендам, последние переселенцы с юга явились сюда в конце XVI в. во главе с Баджеем, дедом известного в преданиях тойона Тыгына.

В борьбе с суровой природой новой своей родины якуты потеряли многое из того, что имели раньше. Они имели на юге овец (хой), верблюдов (тэбиен), но, как известно, в Якутии овцы и верблюды не выдерживают

[55] История Якутской АССР, т. II. М., 1957, стр. 14; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 360.

местный климат. Якуты потеряли также свою письменность, о которой говорят легенды. По одним вариантам легенд Элляй-Боотур потерял свои письмена во время бегства вниз по Лене, а по другим — Омогой-бай хранил свои письмена в мешочке; когда он плыл по Лене в темную ночь, во время бури они утонули в реке.

О том, что предки якутов знали письменность, свидетельствуют писаницы на скалах р. Лены. А. П. Окладниковым обнаружены писаницы с руническими знаками на правом берегу Лены на Шишкинских скалах, вблизи «Якутского взвоза», они есть и севернее, недалеко от Верхоленска, против дер. Давыдово. Писаница у дер. Давыдово расшифрована А. Н. Бернштамом как якутское слово «алкатим» — «Я благословил».[60] Писаницы почти такого же содержания имеются на правом берегу Лены, против о. Писаный. Самый северный в мире памятник рунической письменности обнаружен А. П. Окладниковым на левом берегу р. Лены, ниже с. Синска, в 200 км от г. Якутска, у дер. Петровской, уже в Центральной Якутии.

В героическом эпосе якутов — олонхо народными певцами создан образ Сэркэна Сэсэна. В большинстве сказаний Сэркэн Сэсэн представлен многоопытным и многоумным, седовласым и седобородым стариком. Он происходил из племени айыы аймаха. Сказители представляли его сидящим за каменными скрижалями или пишущим орлиным пером. Богатыри из племени айыы в трудных и запутанных случаях обычно обращались к нему за советами и получали от него исчерпывающий ответ. В олонхо выведен образ Усун Дьурантайы Суруксут (писец Длинный Дьурантайы). Он одет в белое. Его одежда украшена растительным орнаментом. Он был писарем Юрюнг Айыы-тойона, «верховного богосоздателя» (дословно: белого создателя — тойона). Во многих олонхо решение богов и небесные предначертания пишут кровью на трехгранных или четырехгранных каменных столбах. Эти каменные скрижали вызывают в памяти стелы с древнетюркскими руническими надписями. В языке якутского народа имеются термины «письмо» и «буквы» — «сурук» и «бичик». Оба слова в том же значении сохранились и у других тюрко-монгольских народов.

На севере якуты потеряли не только письменность, но земледельческие навыки, которыми владели их предки, обитавшие около оз. Байкал. Однако и в глубине Якутии они сохранили свои стада рогатого скота и табуны лошадей, свой язык и свою культуру.

Якуты выплавляли железо из руды и умели изготовлять топоры, ножи, пальмы, котлы, наконечники копий и стрел, кольчуги (куяхи), кузнечные принадлежности (молот, наковальню) и другие орудия труда и предметы домашнего обихода. Кузнечное дело выделилось в особое профессиональное ремесло.[61] Кузнец у якутов был окружен почетом, и он считался сильнее шамана. Якуты верили, что его ремесло и искусство созданы более могущественными духами, чем шаманские, что кузнец владеет могучей силой огня и может убить шамана.

Основным богатством у якутов был скот. На лошадях ездили верхом и запрягали их в сани. Из кобыльего молока изготовляли кумыс. Рогатый скот и лошадей убивали на мясо. Из молока рогатого скота делали масло и другие молочные продукты. Кожа рогатого скота и лошадей употреблялась на выделку одежды и обуви. Из нее изготовляли посуду, веревки, ремни и другие предметы. Широкое применение находил конский волос.

В условиях длинной и жестокой зимы скот не может обходиться без сена, и якуты должны были производить заготовку корма для рогатого

---

[60] А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. 1, стр. 338.
[61] Сб. «Якутия в XVII веке», Якутск, 1953, стр. 73.

скота, но лошади зимовали на подножном корму. Сено косили железными и костяными косами (хотур). Заготовка сена заставляла якутов вести полуоседлую жизнь. Летом выезжали на сайылыки, т. е. на летние пастбища. Зимой перекочевывали на кыстыки (зимники), которые строились поблизости от покосных мест. Некоторые якуты имели, кроме летних пастбищ, еще весенние и осенние пастбища. Жили якуты рассеянно, строили юрты на большом расстоянии одна от другой.

Важными отраслями хозяйства якутов были охотничий промысел и рыболовство. Многие бедные якуты, не имеющие скота, питались только



Старинные якутские стрелы, шлемы и колчан.

рыбой, мясом зверей и птиц. Рыбу ловили волосяными сетями и неводами. Применялись также «морды» и запоры. Бескрайние леса Якутии были богаты дичью. Якуты добывали соболей, лисиц, белок, горностаев, зайцев и других пушных зверей. Они шили теплые одежды из собольих, лисьих, волчьих, заячьих и других мехов. Также была развита охота на лося, медведя, диких оленей и других зверей. В якутском эпосе большинство героев не только скотоводы, но и охотники. В якутском пантеоне одно из главных мест занимал бог охотников, дух — хозяин леса Бай Байанай. Способы охоты были разнообразны. Часть из них была заимствована от извечных охотников тайги — тунгусов, юкагиров и других народов Севера.

Материалы археологических раскопок рисуют домашний быт якутов. Жилища древних якутов — кыргыс-ётеки — располагались около богатых рек и озер. В них обнаружены кости лошади и коровы, северного оленя, крупных рыб. Жилища эти были сходны с поздней якутской юртой-балаганом. Снаружи древняя юрта имела вид усеченной четырехгранной пирамиды. Каркас юрты состоял из столбов с балками, служившими опорой для стен из наклонно поставленных жердей или плах. Потолок был со

скатами на две стороны. Снаружи юрту летом обмазывали глиной, а зимой — коровьим навозом или обкладывали дерном, на потолок сверху насыпали землю. Внутри юрты-балагана помещался обмазанный глиной очаг или камелек из глины и жердей. Рогатый скот помещали в той же юрте, отгородив его от жилой части жердями или плахами. Наряду с юртами-балаганами у якутов были берестяные жилища — урасы и легкие шалаши, в которых они жили в летнее время.

Во время раскопок древних жилищ якутов найдена и старинная якутская керамика. Ни тунгусы, ни юкагиры, ни ламуты (эвены) и даже буряты, жители Прибайкалья, до прихода русских не изготовляли глиняную посуду. Одни только якуты делали горшки и другую посуду из глины.

В языке и эпосе якутов имеются намеки на наличие у них в отдаленном прошлом элементов государственности или во всяком случае на то, что они входили в орбиту древних степных государств. Таковы слова «бай» («богатый»), «дархан» («тархан»), «хан», «тыгын»(от слова «тегин»). Все это дало основание А. П. Окладникову сделать вывод о том, что предки якутов еще на южной родине знали ханов, баев, дарханов, тегинов и других людей в роде, отличавшихся своим богатством, знатностью, могуществом и имевших титул «тегинов». А. П. Окладников допускает возможность, что вначале существовала племенная организация — союз племен, во главе которого стояли потомки Баджея, последним из них был Тыгын и его потомки, кангаласские князьцы. Однако к приходу русских союз этот, по его мнению, распался. Тыгын, как полагает А. П. Окладников, пытался насильственно возродить союз якутских племен, но безуспешно.[62] Воспоминаниями об его войнах с другими племенами являются легенды о «времени войн» — кыргыс юйэтэ.

Якуты к приходу русских делились на племена и роды. Большие группы, как кангаласцы, мегинцы, батурусцы, борогонцы и намцы, состоявшие из 2—5 тыс. чел. каждая,[63] вероятно, были племенами, а меньшие, такие как бетюнцы, чериктейцы, накарцы, дюпсинцы (дубчинцы), баягантайцы, — родами. Якутские роды были экзогамными. Главой семьи являлся мужчина. Господствующей формой брака у якутов был парный, патрилокальный брак, когда жена переходила в род мужа. Мужчина давал калым скотом за жену ее родителям. Основной хозяйственной ячейкой была отдельная малая семья. Не запрещалось многоженство.

В героическом эпосе якутов — олонхо, исторических преданиях и в русских документах XVII в. нет указаний на существование родового управления и родовой власти, кроме власти тойона — родоначальника. Однако, возможно, существовали родовые органы управления, в частности власть старейшин рода.[64] Устная традиция сохранила многочисленные рассказы и легенды о межродовых столкновениях, о битвах героев, кровавых войнах и об участниках исторических событий. Конечно, в этих рассказах и легендах много сказочного, преувеличенного и приукрашенного, но в их основу положены подлинные события из жизни народа.

Каждый род и племя воспевали и прославляли своих витязей, своих героев. Кангаласцы рассказывали такие легенды о Тыгыне, борогонцы — о Бэрт-хара, амгинцы — об Омоллоне, чериктейцы — о Лаха Батыре, намцы — о Чорбогор Батыре, бетюнцы — о Тиитэйбит Боотуре. Особенно много преданий о Тыгыне.

Причинами межродовых войн были кровная месть, личные оскорбления, вражда и соперничество между богатырями, захваты скота и женщин.

---

[62] А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, стр. 422—424.
[63] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, стр. 144.
[64] Там же.

Нередко они кончались единоборством богатырей, признанием превосходства — «аат ылыы» («отобранием имени и славы»). Битвой руководили родоначальники (тойоны), главными воителями были богатыри. С юных лет богатырей обучали военному делу и тренировали. Перед битвой шаманы совершали обряды призывания духа войны — илбис тардыы, вселения воинственного духа в богатырей и обряд обмывания оружия кровью — сэби ханныы.

Исторические предания рассказывают, например, о межродовой войне бетюнцев с нахарцами. Бетюнская шаманка призвала дух войны и вселила его в богатыря Тиэтэйбит Боотур. Богатырь стал одержимым, с большим трудом накинули на него аркан, прикрутили его к одной лиственнице и надели панцирь, дали в руки копье и пальму, затем отпустили. Освободившись, Тиэтэйбит Боотур «побежал до местности Харыйалаах, где застиг спавших на ночевке нахарцев, и начал всех с краю убивать и резать».[65] Так же стал одержимым после вселения в него духа войны богатырь байагантайцев Мадыгы Тёрёнёй: «Привязали его и прикрутили веревками к семи деревьям. И, надев на него панцирный шлем и полагающуюся одежду, дав ему в руки все потребное вооружение, отпустили, и человек побежал в ту сторону, где предполагалась битва».[66] Участники битв были вооружены луками разного размера, стрелами в колчане, железными копьями, пальмой. Богатыри носили панцирь и шлем, латами покрыты были и боевые кони. В русских документах встречаются указания, что якуты строили из дерева и земли оборонительные сооружения.

В целом родо-племенной строй якутов перед приходом русских находился на стадии разложения. Род состоял из родовой верхушки, свободных членов рода — рядовых общинников и рабов. Во главе рода стоял родоначальник — тойон. Он выделялся из родовой верхушки, причем, по-видимому, в племенах и крупных родах родоначальниками становились не по выбору, а по праву наследования. Нередко тойонами становились военные предводители, витязи рода, которых шаманы и собрания рода посвящали на богатырские подвиги; торжественно надевали на богатыря боевые доспехи, приносили в жертву богу войны Ильбис скот или даже пленных врагов. Тойоны имели до 300—900 голов скота,[67] пользовались авторитетом и обладали властью. Их окружала челядь — чахардар, которая состояла из рабов и домашних слуг.

Рабов якуты знали, по-видимому, и до переселения на Среднюю Лену. Якутское слово «кулут» (раб) лингвисты и историки производят от слова «кул», которое часто встречается в древнетюркских рунических текстах, что означает то же самое, что в якутском языке «кулут», т. е. «раб», «рабыня». Рабов имели герои якутского эпоса — олонхо, кулуты упоминаются и в исторических преданиях и легендах.

Превращение в раба своего обедневшего сородича, захват врагов во время межродовой войны, выдача в рабство сородича, родственника в качестве выкупа за кровь, т. е. кровная месть заменялась передачей в рабство родственника, — все это являлось источниками рабовладения. Имело место и «искормленничество», когда зажиточные якуты кормили и одевали сирот или бедных. Такой «вскормленник» был близок к рабу. Рабы выполняли хозяйственные работы, ходили на охоту и принимали участие в межродовых войнах, выполняли различные поручения господина. Господин имел право продать раба, отдать его в качестве приданого невесты (эннэ кулут), наносить ему побои. В большинстве случаев рабы

---

[65] Исторические предания и рассказы якутов, ч. 1, стр. 202—203.
[66] Там же, стр. 216.
[67] Сб. «Якутия в XVII веке», стр. 135.

не имели никакого хозяйства, жили в юрте господина или около него. Однако имеются факты, свидетельствующие, что в ряде случаев рабы имели свои семьи и жили отдельно от господина. Отсюда следует, что рабство у якутов носило характер семейного патриархального рабства. Рабов у якутов было в общем немного. По ясачной книге 1648—1649 гг., из 1497 плательщиков ясака рабов оказалось всего 57.[68] Примитивное скотоводческое хозяйство не могло послужить базой для массового использования рабского труда, а тем более для превращения его в основу производства. Древнее патриархальное рабство не могло перерасти в рабство античного типа. Оно, как полагает А. П. Окладников, оставалось укладом «и к тому же не первостепенным по удельному весу в производственных отношениях».[69]

Основными производителями материальных благ были рядовые общинники. Среди них существовало имущественное неравенство, и они не составляли однородную социальную группу. Зажиточные члены общины были близки к тойонам. Бедные сородичи, не имевшие скота, жили около таежных озер и занимались охотой и рыболовством; их в русских документах середины XVII в. называли «балыксытами». Находясь под властью родоначальника — тойона, они состояли в экономической зависимости от него, хотя и были лично свободными. В документах XVII в. упоминается о «хасаасе» — отдаче богачами молочного скота беднякам на доение и «уостуур» — на прокорм; это одна из наиболее распространенных форм эксплуатации у степных народов.

Родовой собственности на скот, который составлял главное богатство якутов, не было, и «скот у якутов играл настолько преобладающую роль в обмене, что он в сущности уже превратился во всеобщий эквивалент, т. е. получил функцию денег».[70]

В якутском фольклоре и документах первой половины XVII в. нет указаний на частную собственность на промысловые и охотничьи угодья и на пастбища. Ими пользовались свободно не только все члены рода, но и чужеродцы. Например, на соболиных угодьях в середине XVII в. охотились свободно якуты и тунгусы, даже из Центральной Якутии выезжали охотиться на Вилюй, Яну, в Олекминск, промышляли в бассейнах рек Зеи, Индигирки и Амура. Иначе обстояло дело с сенокосными угодьями. Родоначальник самолично или совет старейшин выделяли из земли рода отдельным семьям сенокосные участки. В исторических преданиях говорится, что предводитель эргисцев имел девять сыновей, они были расселены по указанию отца: сына Сабырыкы поселили в местности Кытыл, Нёрюнгнэна — в Алар, Тюэрэйя — в Саадахыйаабыт. Предок мальжегарцев «повелел своим пяти сыновьям жить в разных местах. Старшего сына Кэлтээки Сабыйа определил жить на о. Тойон Арыы, второму сыну Соххор Дурую предложил взять четверть о. Тойон Арыы и поселиться на речках Кэтэмэ, Харыйалаах и Бэстээх. Двум сыновьям указал жить на Хатыи Арыы и Хара Арыы. Пятого сына заставил поселиться дальше братьев, на побережье Лены в местностях Исит и Кытыл Дьура.[71]

Древний якут одухотворял природу, его окружало бесчисленное количество духов. Горы и леса, озера и реки, деревья и травы, звери и домашние животные, огонь и юрта и т. д. — все имеет иччи — духов. По представлению человека того времени, одни духи злые — абаасы, а другие добрые — айыы, покровители и защитники человека и домашних живот-

[68] Там же, стр. 171.
[69] А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, стр. 399.
[70] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 85.
[71] Г. У. Эргис. Землепользование у якутов по их историческим легендам, преданиям и рассказам. «Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР», вып. 3, Якутск, 1955, стр. 111.

ных. И тем и другим надо угодить и добиться милости духов. Чтобы не тревожить и не сердить их, человек должен соблюсти огромное количество запретов. Чтобы не тревожить духа земли, духов трав и деревьев, нельзя кричать и шуметь весной. Чтобы не взбудоражить злых духов, нельзя громко кричать ночью и поздно вечером зимой. Чтобы не напугать духов озера и рыб, нельзя выражать громко свой восторг, увидев много рыбы в сети, «морде» и неводе. Чтобы не обидеть духа огня, нельзя плевать и бросать грязное в огонь. Проходя большое дерево, проезжая реку, поднимаясь в гору, надо оставлять что-нибудь в дар духам (трость, палку, веревку, конские волосы, шерсть), иначе в пути будет несчастье. Существовали различные запреты в еде, в охоте, в разговоре, в отношениях между людьми, в семье, в работе.

Посредниками между миром людей и духами были шаманы и шаманки, белые и черные. Белые шаманы общались с добрыми духами и служили светлым божествам-покровителям, а черные шаманы общались со злыми духами. В одном из описаний начала XVIII в. читаем: «Якуцкой народ по своему обыкновению имеет шаманов. А у шаманов платье, которое при шаманстве обвешено вокруг железными трубцами; и промеж трубок, и по долу, и по рукам веслые ремешки по полуаршину; да они ж и за болящих отдают жертву бесам, скот бьют, не источая кровь, мясо едят сами, а кожи с костями вешают на деревья».[72]

Каждый род имел свой культ. Сохранилась пережиточно древняя форма религии — тотемизм. «Каждый род, — писал Страленберг, — имеет и держит в качестве священной особую тварь, как лебедя, гуся, ворона, и то животное, которое род считает священным, он не употребляет в пищу, другие же могут его есть».[73]

Мертвых хоронили на деревьях и в надземных гробницах. Покойники лежали в выдолбленной колоде. Снаружи строили четырехугольный сруб. Когда захоронение производилось в земле, мертвых клали в колоду и накрывали большими кусками берестяной юрты (урасы).[74] Якуты хоронили своих умерших в самой лучшей и дорогой одежде. Рядом с покойником клали лук, стрелы в колчане, пальму, пику, мясо в железном котле, масло в берестяной посуде, чороны для кумыса, седло — все, что может понадобиться покойнику в его загробной жизни. В исторических преданиях говорится о захоронениях с лошадью и рабом, но такие могилы еще не обнаружены.

Величественным памятником древней культуры якутов являются героические поэмы о подвигах богатырей — олонхо. Олонхо, по-видимому, сложились в то время, когда предки якутов жили на юге в тесном соприкосновении с предками саяно-алтайских племен и с древними монголами. Разные олонхо бытовали раньше во всех якутских улусах. Народные рапсоды знали по нескольку десятков олонхо размерами в 10—20 тыс. строк. В олонхо яркими красками создается величественный образ природы. Во многих олонхо борьба титанов кончается созданием миров — верхнего, среднего и нижнего. В верхнем мире живут боги во главе с Юрюнг Айыы-тойоном, местами — абаасы (людоеды, чудовища). В среднем мире живет человеческое племя (айыы дьоно), местами — абаасы. В нижнем мире обитают только племена абаасы во главе с Арсаан Дуолайем. Среди небожителей упоминаются Дьылга-хан, божество судьбы и

---

[72] Н. Бакай. Историко-этнографические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII в. «Известия Восточносибирского отдела Русского географического общества», т. XXV, № 4—5, Иркутск, 1895, стр. 94.

[73] F. J. Strahlenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730, S. 378.

[74] Э. В. Гоголев Раскопки якутских могил XVII века. «Труды Якутского филиала АН СССР», вып. 1(8), Якутск, 1958, стр. 69, 73, 77.

рока (иначе называли Чынгыс-хан, или Одун-хан), Ийэхсит — богиня-покровительница людей и скота, Айысыт — богиня чадородия, Илбис-хан — бог войны и его дети Илбис кыыса и Осол уола, божество грома — Сюнко-хаан Сюгэ тойон. Жизнь небожителей похожа на жизнь людей среднего мира. В некоторых олонхо Юрюнг Айыы-тойон (верховное божество) созывает собрания богов, а во многих олонхо он принимает решение единолично. Кроме перечисленных, наиболее почитаемыми были Аан Алахчын хотун — богиня родовой земли (родины), Байанай — бог леса и охотников, Аан Дархан-тойон или Хатан Тимиерийэ — бог огня, Хомпоруун Хотой айыы — бог птиц, Кыдай Бахсы — бог кузнецов.

В олонхо изображается скотоводческое хозяйство якутов, их домашний быт, труд и заботы, их семейная жизнь. В олонхо фигурирует парная семья, экзогамный и патрилокальный брак. Главный герой олонхо — богатырь, идеализированный образ витязя или родоначальника. По решению богов, или Дьылга-хана — бога судьбы, или самого Айыы-тойона богатырь из племени айыы обязан защищать свое племя от богатырей абаасы. Основными причинами битв являются защита богатыря айыы своего рода, своей невесты или сестры от богатыря абаасы, кровная месть и выполнение решения богов. Во многих олонхо герой едет добывать себе жену. В пути он преодолевает огненные моря, высокие горы, вступает в борьбу с мифологическими существами и другими препятствиями, наконец, приезжает в страну своей будущей жены и вступает в борьбу со своим соперником — богатырем абаасы.

Олонхо отражает период родового строя у якутов и период его разложения. Богатыри не имеют ни войска, ни военной организации, в большинстве случаев бой происходит в виде поединка двух богатырей. В отличие от феодального эпоса богатыри олонхо в результате победы не захватывают земли, скот и не становятся властелинами других народов и племен. Победив своих противников, богатырь женится. На обратном пути он едет с женой вдвоем или с ними идут рабы, слуги и скот его жены в качестве приданого. Часто по пути на родину богатырь встречает различные препятствия и совершает подвиги. По возвращении на родину он разводит много скота и производит на свет большое потомство, живет богатой и мирной жизнью, его богатство наследуют потомки.

Богатое устное творчество якутов не ограничивалось только богатырскими поэмами — олонхо. Бытовали и сказки, и исторические предания, и легенды, песни, пословицы, поговорки, загадки. Якуты любили расшивать красивыми узорами одежду и обувь, украшать орнаментом посуду и мебель, боевое оружие и орудия труда, конские сбруи и берестяную юрту-урасу. Весною и летом якуты собирались на праздник — ысыах в честь духов — хозяев природы и небесных богов. Во время этого праздника устраивались различные состязания и спортивные игры, песни и танцы.

Якутский народ находился в постоянном общении с окружающими его тунгусскими племенами. Якуты вели с ними торговлю. Часто между ними заключались браки, взаимно перенимались производственные навыки.

На громадной территории Якутии темпы экономических и социальных процессов были неодинаковы. Но если бросить общий взгляд на якутское общество перед приходом русских, то станет ясным, что патриархальный родовой строй находился уже на последней стадии разложения. Выделение семьи, частная собственность на скот, пользование отдельных семей сенокосными участками рода, наследование имущества детьми, возникновение наследственной знати приводили к тому, что род распадался на классы, на эксплуататоров и эксплуатируемых, на родовую верхушку и свободных общинников.

Таково было якутское общество, когда произошло чрезвычайно важное историческое событие в жизни якутов — присоединение их к Российскому государству.

6. ТУНГУСЫ

Едва переправившись через Енисей, русские встретились с одним из наиболее широко распространенных племен горной тайги и лесотундры — с тунгусами. Им принадлежала особая и важная роль в истории Сибири и соседних с ней стран Азии. Они создали свою собственную оригинальную культуру.

Тунгусы, как называли в XVII в. предков современных эвенков, эвенов и негидальцев, являются основным ядром всех народов, объединяемых в тунгусо-маньчжурскую лингвистическую группу.

Название «тунгус» известно русским с XVI в., а самоназвание «орочен» в Приамурье[75] («орочел» — на Охотском побережье и «эвен» — в Приангарье[76]) известно с XVII в. К моменту первоначального соприкосновения с русскими тунгусы освоили почти всю сибирскую горную тайгу от Енисея до Охотского моря, часть лесотундры и тундры к западу от Лены.

О глубокой древности расселения тунгусов по енисейской тайге свидетельствует тунгусское происхождение названия Енисей, которое существовало еще до XVII в.[77] Позаимствовав это название, самоеды (ненцы) только лишь добавили к нему обозначение «ям» — «большая река» (Енисям). Кроме того, три четверти названий рек в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок, которые по-эвенкийски называются Катангами, также имеют тунгусское происхождение. Р. Сым в XVII в. записана эвенкийским названием Чиромбу. Название Турухан также эвенкийское. Группы тунгусоязычных племен обитали в Нижнем и Среднем Приамурье, где они смешивались с местными аборигенами. Замечательно, что еще в XVII — XVIII вв. у ряда тунгусоязычных групп сохранились пережитки древнего дооленеводческого уклада их предков, пеших охотников и рыболовов тайги, не имевших оленей.

Охота производилась преимущественно в одиночку. Группой в два-три человека охотились на крупного зверя, когда надо было гнать его на стрелка, а также на переходах через речки мелких парнокопытных, когда те переходили на новые места. Основная охота была на мясного зверя, пушного били попутно. Первая охота кормила, поэтому и отношение к ней было особое. Рассказы об удачливых охотниках, которые хватали на бегу зверя за ногу или, заколов медведя, перебрасывали его через голову и колоди другого, распространялись далеко по тайге. Про такого охотника сказания говорят, что он «четвероногому зверю не даст мимо пробежать, крылатой птице не даст над ним пролететь». Мясной зверь нужен был для существования, а пушной — для обмена и получения отсутствовавших у них предметов, без которых можно было и обойтись, а также для уплаты дани бурятам (Приангарье), монголам (Забайкалье) и якутам (Лена). Мясо, как и излишки рыбы, вялили на солнце и сушили над огнем, чтобы потом превратить их в муку.

На охоте тунгусы пользовались луками, рогатиной и устанавливали самострелы и петли. За зверем гонялись или били его на водопойных тропах из засады на деревьях и в лодках. Для выслеживания зверя

[75] Du Halde. Description geographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la chine et dela Tartaru chinoise. Paris, 1735, t. IV, pp. 64—68.
[76] Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Л., 1936, стр. 95.
[77] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 184; т. II, 1941, стр. 39.

маскировались, накидывая на себя шкуру с головы оленя, а иногда и целую. Всякого рода деревянные ловушки, связанные с полусидячим образом жизни, были для них не характерны (пасти заимствовали группы озерных эвенков, которые вели сидячий образ жизни).

Бродячие охотники добывали рыбу с помощью лука и остроги. Зимой старики кололи рыбу через лунки, а летом рыбаки занимались лучением с лодки. На небольших речках устраивали запоры и устанавливали в них корыта и «морды». В рыбалке участвовало много мужчин. Пешие тунгусы, попавшие в озерные районы (Забайкалье, Байкал, озера к западу от верховий Вилюя), на большие реки (Енисей, Ангара, Лена, Олекма, Амур) и на реки охотского побережья, богатые рыбой, оседали и начинали заниматься рыболовством, не оставляя охоту. Но эти тунгусы составляли лишь небольшую часть, и их образ жизни не мог быть характерным для всех. В горной же тайге рыболовство имело такое же значение, как и собирательство: рыбой лакомились, как и ягодами, в определенные сезоны. Поэтому ни в сказаниях, ни в преданиях, ни в народном календаре рыболовство и оленеводство не получили своего отражения.

Домашние занятия всех тунгусов делились на мужские и женские. К мужским относились изготовление изделий из дерева, кости и металла, а также изготовление лодки-берестянки (бересту шили женщины), лодки-долбленки и нарт. Женщины выделывали шкуры, шили из них одежду, обувь, покрышки для чума, предметы домашнего обихода. Они обрабатывали бересту и шили из нее посуду, а также «тиски» — берестяные полотнища для чумов и для лодок-берестянок. Мужчины умели украшать узорами деревянные, костяные и металлические вещи, женщины — ровдугу, бересту и меха. На женщинах лежали обязанности ухода за детьми и приготовление пищи.

Охотники жили в конусообразных жилищах, остов которых был покрыт корой лиственницы и полотнищами, сшитыми из бересты ровдуги (чум-дю). По сказаниям, у восточных эвенков более древним жилищем, характерным для быта жены, был чум-чорама, в котором дымовое отверстие зимой служило и входом. Как говорят более поздние предания, традиция выхода через дымовое отверстие сохранилась только во время военных столкновений, когда герой выскакивает через него из чума. В местах, где тунгусы жили поблизости от скотоводов и коневодов, с которыми они были чаще во враждебных отношениях, рядом с конусообразным жилищем ставили свайное жилище. В нем помещались члены семьи во время отсутствия охотника. Они втягивали наверх бревно-лесенку, защищая себя от нападения врагов, которые часто выкрадывали жен и детей охотников.

Бродячий образ жизни и охота оказали влияние на характер и многие стороны жизни тунгусов. Они обусловили любовь к новым местам и легкость передвижения и расселения, развили наблюдательность, умение ориентироваться в чужой местности, выносливость, смелость и силу, без которых нельзя было передвигаться в горной местности. С охотой связана привычка ничего не накапливать, поэтому у тунгусов не было войн с захватнической целью. В сказаниях подчеркивается, что жене не нужно брать одежды, когда она направляется в места мужа, — он легко добудет зверя для одежды. После победы над врагом победители не брали никакого имущества. Это же отмечается арабскими источниками X (Гардизи) и XII вв. (Марвази) у охотников с правых притоков Ангары, где проходила дорога из земли киргизской в курыканскую.[78] Бродячий образ

[78] Сб. «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору». Л., 1936, стр. 41—44; А. П. Окладников. Восточная Сибирь в IX—XII веках. «Очерки истории СССР». М.—Л., 1958, стр. 461—479; Marvazi. China on the Turks and India. Translation von Minorsky. London, 1942; В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927.

жизни отразился и на костюме, который должен был быть легким, не стесняющим движений и быстро просыхающим. Поэтому он был составным (кафтан с нагрудником, покрывающим грудь, натазники с ноговицами и унты). Любую часть его можно было отдельно просушить у костра. Пищей было то, что добывал охотник (мясо птиц и диких зверей). Для общественной организации были характерны парные объединения частей родов и больших семей, дожившие у алданских и среднеамурских эвенков до XX в.[79]



Пешие тунгусы на Ангаре.

[79] S. Shirokogoroff. Social organization of the northern Tungus. Shanghai, 1929.

В парных объединениях семей господствовали родовые традиции и родовые институты. Первым законом была экзогамия, поэтому, согласно преданиям, при встрече двух человек сначала спрашивали о месте рождения, о имени, о происхождении и имени отца. Брак был обменным, также женились на женщинах, выданных в качестве виры после победы над противниками. Были случаи, когда женились на женщинах противника, взятых после столкновения. У всех охотников восточной тайги существовал крепкий запрет на браки их женщин с западными врагами, конными металлургами. «Когда это было, чтобы житель тайги выдал женщину за врага Чулуро Сэлэргуна», — говорится в сказаниях.[80] Расселение по тайге отдельными семьями заставляло молодых людей пускаться в далекие путешествия, чтобы найти себе «сотрапезника», «друга» из чужого рода или другого племени. Например, по сказаниям, охотники из Верхнего Приамурья находили себе жен на востоке у разных племен: у сивиров и киданей, а также у других аборигенов, живших у моря.

Вторым законом была взаимопомощь как между членами одного рода, так и между семьями, находящимися в отношениях свойства. Человек, взявший себе жену, брал на себя обязанность защищать брата и отца жены, если на них нападет враг.

В каждом парном объединении, по преданиям, выделялся самый сильный, смелый охотник — гатакта, который мог своей добычей прокормить всю группу. Если он удовлетворял всем требованиям (был умен, находчив, имел жизненный опыт), то во время столкновения он становился военным вождем (сонингом, иничоном, куривоном).

Кроме того, в каждом объединении был один или два шамана. Назначение шамана — лечить больных, узнавать, кто «убил» человека, когда тот умер естественной смертью (естественная смерть представлялась всегда как насильственная: умершего человека якобы убил член другого рода). Шаман указывал на убийцу, и отряд мужчин шел мстить: требовалось убить только одного человека, члена рода, указанного шаманом. «Убивать» людей мог и шаман, он «съедал» души врагов. И такой случай тоже приводил к военному столкновению.

В сказаниях говорится также о религиозных представлениях тунгусов. Упоминаются духи — хозяева мест и дома. Есть представление о слове, как о чем-то живом, имеющем духа — мухун (мухулкэн турэн), который может сделать все, что пожелает произнесший слово.

Кузнец, он же изготовитель луков, жил один на равных расстояниях от семей рода, «посредине» объединения. Он изготовлял луки, стрелы, мечи, броню и металлические украшения по заказу. Во время его работы заказчик добывал ему питание. Подростки и старики выполняли роль сторожей, которые, сидя на деревьях или на скале, следили за подходом врага, когда могли ожидать, что он придет.

Войны между такими объединениями были частыми, поэтому предания о столкновениях сохранились почти у всех групп эвенков в большом количестве. Причин для этого было немало. Наиболее частыми причинами были невыдача просватанной девицы, отказ в сватовстве или убийство свата; совсем редкими причинами были ссора, оскорбление и порча шаманского костюма.

О сражениях ради захвата имущества упоминают только самые поздние предания, которые возникли в XIX в.

Наиболее древней формой борьбы был поединок двух сонингов. После этого шел бой между отрядами лучников и мечников. За поединком двух

---

[80] Исторический фольклор эвенков. Л., 1966; Сб. «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», Л., 1936.

сонингов, по преданиям сымских эвенков, наблюдали все воины. Иногда они помогали своему сонингу; например, в одном из преданий говорится: «Поставили мечи сонингов Нары и Шинтавуля. Меч Нары воткнули в землю крепче. Сонинги с определенного расстояния побежали к мечам. Пока Нара выдергивал из земли меч, Шинтавуль выхватил меч, рубанул его по руке».

Частые стычки привели к выработке целого ряда правил: женщин, детей и стариков не убивали, бой могли вести только мужчины, случайно попавшие под стрелу старики и женщины вызывали досаду.

Победители должны были взять на свое попечение женщин и детей, если все мужчины противников перебиты.

Уходя, они оставляли на своем пути метки на деревьях, чтобы мститель в будущем мог найти их.

Сонинги, состарившись, старались найти способы, чтобы быть убитыми своими противниками. Некоторые из них даже передавали врагам свои стрелы, а другие предлагали съесть сердце, чтобы сила и ловкость перешла на них. «Меня убейте, сердце мое съешьте. Съев мое сердце, станете сильными, подобно мне, и никто вас не убьет», — говорит сонинг Шинтавуль.

Перед тем как начать поединок или столкновение, необходимо было предупредить противника, затем раздразнить его обидными словами или жестами, чтобы вызвать злобу. Перед началом сражения отрядов пускали специальную стрелу, объявляющую войну, и выкрикивали слова, значение которых давно уже забыто («Химилган! Хавун!»). Некоторые из восточных тунгусов, по преданиям, перед поединком менялись стрелами и договаривались о расстоянии для стрельбы друг в друга. Увертывались от пущенной стрелы по-разному. Западные тунгусы отскакивали от пущенной стрелы, восточные — ловили ее серединкой лука. Было характерным такое заявление воинов перед поединком: «Если я должен тебя убить, то убью без сожаления. Если я должен быть убитым, то умру, не прося пощады». Эта традиция относилась и к бою между отрядами, когда они перед боем предлагали биться до тех пор, пока всех не перебьют. По преданиям западных тунгусов, запрещалось убивать раненого противника, не закрыв его открытые глаза. На лежащего надо было что-либо набросить и тогда уже убивать.

При столкновении отрядов назначалось место боя на реке. Один отряд помещался на высоком берегу, другой — на низком. Отряды перед боем разводили костры. В преданиях, отразивших более поздние столкновения, говорится, что отряды перед боем устраивали защиту в виде изгороди из нарт, покрытых меховыми коврами, а для удобства боя стволы всех деревьев на площадке, где шел бой, очищались от коры (это наблюдалось у потомков ангарских тунгусов). Площадку окапывали валом (баргуэнские и баунтовские тунгусы) или окружали изгородью (амгунско-охотские). В середине площади, защищенной оградой, оставались семьи.

И, наконец, согласно преданиям, когда нападение совершалось на стойбище одного хозяйства, то, завидев приближающегося врага, мужчина с берестой в руке прыгал в реку и отпускал там бересту, а сам под водой выплывал в противоположную сторону и выжидал, сидя в кустах. Зимой мужчина с семьей откочевывал, прорубая на своем пути лед и маскируя проруби. Противник, преследуя беглеца, попадал в прорубь. Иногда, уходя от противника, вешали на пень кафтан и шапку, и сами сворачивали в другую сторону. Женщины, уведенные победителями, зная, что оставшиеся мужчины придут им на выручку, почью перерезали тетивы луков у врагов, дырявили их лодки, «убегали под снегом», прятались в дуплах, в пустотах каменных осыпей, на сучьях деревьев. Они вешали на деревьях сухую обувь и еду для мужчин, которые придут им на выручку. Многое

из приведенного здесь перекликается со случаями, записанными в русских письменных источниках XVII в.

Предания рассказывают и о приамурских соседях пеших тунгусов — сивирах и киданях, по языку близких тунгусам. Они жили в деревянных айгурских домах с несколькими покоями, но рядом с домом имели чорамовый чум (с выходом через дымовое отверстие) и свайное жилище для женщин. Они тоже были охотниками горной тайги, но имели коней, а некоторые из них содержали для мяса и оленей, которые только летом жили недалеко от стойбищ, спасаясь от гнуса у дымокуров. Оленей доили. Некоторые охотники сивиры имели и верховых оленей, которых эвенки обычно убивали, принимая за диких.

Между эвенками, сивирами и киданями существовали контакты, тогда как браки с западными конными племенами, употреблявшими металл, запрещались для всех охотников. Охотник, женившись на девице киданей или сивиров, проводил в ее семье года два, затем отправлялся с женой в свои места. Жена всегда вела к мужу караван оленей. Таким образом, пеший охотник становился оленным. У себя он часто ставил два чума: для себя — конусообразный и для жены — чорамовый (по конструкции яранговый). Предания, сохранившиеся у потомков древних ангарско-прибайкальских тунгусов, рассказывают о нападениях на них племени корендо (возможно, курыкан), жившего около Байкала и уводившего в плен эвенков. Делая пленниц женами, они оставляли их жить на пути от корендо к тунгусам. След тунгусского названия этого народа остался в названии одного из верхних притоков ангарской Ии — Корендо.

Следующей группой, с которой имели взаимоотношения ангарские тунгусы, были енисейцы: кеты, асаны, котты (в преданиях дяндри, няндри, нгамэндри; дяндри по-кетски «люди»). Жили они рядом с тунгусами. Об этом свидетельствует и топонимика. А на севере находились низкорослые чури, которые снимали шкуру с оленя чулком, были охотниками и рыболовами, держали много собак и ели собачье мясо. От связей с ними у потомков ангарских тунгусов осталось в языке много слов и грамматических элементов. От них же остались следы культа ворона, некоторые детали предметов в материальной культуре, ряд общих сюжетов в фольклоре и общая топонимика.

Бродячий образ жизни охотников-тунгусов еще на пешей стадии привел их к расселению вниз по Ангаре—Енисею и по Лене из Приангарья—Прибайкалья. Расселение это происходило до появления суффикса «ки» в самоназвании «эвенки» (термин «эвен» у потомков ангарских тунгусов сохранился еще в XIX в., а у сымских был в памяти в 1930 г.). Уходя на север, они унесли с собой наименование «ламуды» или «ламкан ~ намкан», буквально «прибайкалец», позже — «приморец». А название самого Байкала — Ламу было перенесено на Ледовитый океан и Охотское море. В низовья Лены и на Охотское побережье было унесено наименование родов: «Шалган» — «пеший», «Шаман» (в якутской огласовке «Самай»), «Баякшин» (на Индигирке и Охоте в XVII в.).[81]

Исключительное значение в жизни тунгусов имело возникновение оленеводства, вызвавшее распространение оленеводов по тайге.

Верхнеамурские тунгусы, осваивавшие местность Оро (выше Албазина), издавна назывались «ороченые» (т. е. жители Оро). Согласно легендам, часть их приручила дикого оленя и научила его стоять у костров, спасаясь от таежного гнуса. Таким образом, как рассказывают сказания,

---

[81] Г. М. Василевич. 1) Очерки диалектов эвенкийского языка. Л., 1948; 2) Этнографические наблюдения и лингвистические записи А. Л. Чекановского. Сб. «А. Л. Чекановский». Иркутск, 1962, 3) Этноним саман → самай у народов Сибири. «Советская этнография». № 3, 1965.

олени стали полудомашними. Летом они жили около человека, а на зиму уходили в глубь лесов. Эти сказания распространены в среде эвенков и эвенов из рода Эджен, на восток от линии Алдан—Учур—Селемджа. Однако данные языка показывают, что верховая езда у тунгусов возникла под влиянием скотоводческих монгольских племен. Так, «седло» в эвенкийском языке — эмэгин, в эвенском — эмгун, в монгольском — эмэгэл, эмэл. «Обшивка седла», «седло, зашитое в мешки», «мешки» в эвенкийском языке — комдан, хомдан, ком, в монгольском языке хом — «потник под седлом верблюда». «Коврик под необшитое седло» в эвенкийском языке — тэнинэ, в монгольском языке тэн — «потник». «Метка» у эвенков — хим ~ им, в монгольском языке — им. «Холостить» в обоих языках — акта.

Оленеводы могли кочевать только в горной части Приамурья, так как географические условия долины Амура непригодны для оленеводства. Олени, вытаптывая моховые пастбища, переходили дальше по отрогам Хингана, Яблонового и Станового хребтов на новые пастбища, за ними должны были идти и их хозяева. Таким образом, расположение горных цепей определило направление расселения оленных групп тунгусов — орочен. Оленеводы вступали во взаимные браки с пешими охотниками — эвенками и эвенами (ламкан ~ намканами) и передавали им оленей. Это также отражено в сказаниях эвенов. Одни из орочен вышли на Сахалин и, сохранив оленеводство, вошли в состав ороков. Другие, выйдя на Амур через Амгунь и утеряв оленей, перешли на Анюй и дальше на Тумнин. Здесь они вошли в состав орочей.[82]

Распространяясь по отрогам Верхоянского хребта, оленеводы дошли до Лены и в тундре перешли ее. Якуты в XIII в. столкнулись на Лене уже с оленными тунгусами. Если оленные группы расселились по бассейну Средней Лены задолго до прихода русских в Сибирь, то на Оленек и в бассейны всех трех Тунгусок оленеводы проникли незадолго до прихода русских. Здесь, как и на севере, оленные тунгусы были сначала врагами (булэшал) коренных.

Распространение оленных тунгусов на запад от Оленека и Вилюя отразилось в преданиях: среди этих эвенков в начале нашего века еще были в памяти два периода — время чангитов-людоедов и время войн, когда появились олени. Приход оленеводов внес в этнографический комплекс и язык коренных эвенков немало черт, характерных для тунгусов Среднего Приамурья.

Если пешие охотники передвигались пешком даже в тех случаях, когда у них были олени, на которых перевозили только домашний скарб (детей в колыбелях переносили матери), то оленные передвигались на оленях верхом или на нарте. Такую нарту у якутских торговцев видел И. Идес в XVII в. Рисунок этой нарты и посадка на ней те же, что у эвенков Южной Якутии в наше время. Поскольку эта ездовая нарта у них низкая и короткая, на двух и трех парах дугообразных копыльев, можно думать, что она была заимствована тунгусами от собаководов-аборигенов и приспособлена для оленей.

В Забайкалье, где тунгусы соприкасались с монголами и бурятами, в языках которых суффикс «чен» образует имя деятеля, появилось название «мурчен» («коневод»), наряду с этим название «орочен» приняло здесь значение «оленевод». Под влиянием степных скотоводов-монголов группы тунгусов орочены, видимо, и перешли от пешего образа жизни к скотоводству. Это следует из лексики, относящейся к нему

[82] Г. М. Василевич. 1) Самоназвание орочен, его происхождение и распространение. «Известия Сибирского отделения АН СССР», серия общественных наук, № 3, 1963; 2) Типы оленеводства у тунгусов в связи с проблемой расселения их по тайге. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

У монголов тунгусы познакомились с тканями, которые первоначально употреблялись только для орнаментировки рондужной одежды, с горячей перековкой металла и с таким инструментом, как кузнечные меха. Став скотоводами, забайкальские тунгусы начали охотиться на конях и утеряли «понягу» — заспинную дощечку и лыжи. От южных соседей орочены заимствовали кожаный чехол, который натягивали на каркас во время переправы через речки, и переправлялись в кожаной лодке. По степям они совершали постоянные перекочевки с летников на зимники. Под влиянием соседей — монголов и бурят эти тунгусы в степях Приамурья стали заниматься облавной охотой на коз, когда выезжало от 50 до 200 чел. Они окружали табуны коз и били их стрелами. К мясной пище скотоводы добавляли рыбную и растительную. Из высушенных клубней сараны делали муку. Как и монголы, они приготовляли из кобыльего квашеного молока вино — араку. Из коровьего молока делали творог и сыры.

Скотоводство стало толчком для расселения тунгусов на юг по степным местам. Продолжая сохранять свои первоначальные самоназвания — «эвенки» и «орочены», они получили новые названия — «онкоры», «солоны», «хамниганы».

Движение тунгусских племен из Забайкалья на восток привело к большим переменам в населении низовьев Амура, вероятно, начавшимся еще до организации государства чжурчженей. В состав аборигенных племен здесь постепенно вливались представители разных родов тунгусов-эвенков (Эджен, Самар, Килен). Пришельцы утратили оленей, усвоили от аборигенов Нижнего Амура оседлый образ жизни и многие элементы их культуры, но сохранили основу языка, некоторые элементы религии и основные предметы общетунгусской культуры — конусообразный чум на промысле, лыжи, лодку-берестянку, обувь, некоторые элементы кафтана с нагрудником, уцелевшего в качестве ритуальной одежды, и колыбель.

Таким образом, к моменту первоначального соприкосновения с русскими тунгусы, рассеянные на огромных пространствах Сибири, сохраняя в той или иной мере исходную общность языка и культуры, делились на ряд групп, отличавшихся особенностями хозяйства и быта. Что же касается их социального строя, то все тунгусы не выходили за пределы патриархально-родовых отношений.

7. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В XIII—XVI вв.

Район Дальнего Востока, являвшийся последним оплотом чжурчженей в их борьбе с монголами, подвергся особенно сильному опустошению, в связи с чем он надолго утратил свое былое политическое и экономическое значение, превратившись в далекую захолустную окраину обширной монгольской империи Юань.

Лишь в конце XIII в. на территории Южного Приморья в долинах рек Суйфуна и Туманган (Тюмень-ула) были учреждены военно-земледельческие поселения. Гарнизоны этих поселений должны были нести здесь караульную службу на случай предупреждения ответного вторжения японцев после неудавшихся двукратных попыток (1274 и 1281 гг.) Хубилая завоевать Японские острова. Остатки таких поселений были обнаружены в 1963 г. вблизи с. Осиновки и против пос. Раздольного на правом берегу р. Суйфуна вблизи ее устья. Этой же цели служил, очевидно, и земляной вал, перегораживающий всю долину Суйфуна в районе пос. Раздольного.

Начиная с 1292 г. на территории Маньчжурии было учреждено пять темничеств и семь «дорог», или областей, откуда военная и гражданская администрация осуществляла власть монгольского хана над войсками и местными племенами. «Все эти темничества имели под своим заведо-

ванием особые участки, находившиеся на юг и север от Хуньтунаяна (Сунгари и Амур); жители все принадлежали к шуй-дада и нюйчженям (чжурчженям) и все по древнему обычаю не имели оседлости, а занимались звериной ловлей; приставленные чиновники управляли народом сообразно с обычаями».[83]

По другим данным, монголами было учреждено только одно темничество с пятью округами: Таовань, Хулигай, Одолинь, Доолинь и Бокушаян, которые управляли южными и северными шуй-дада («речными» инородцами) и нюйчженями (чжурчженями); имелись «дороги» (области) Хэлань-фу, Шуй-дада и др.[84]

Из семи областей письменные источники приводят название только трех: Кайюань, находившаяся севернее Мукдена, Хайлань (Хэлань) и Шуй-дада. По поводу двух последних говорится, что «земли дорог Хайлань, Шуй-дада и прочие обширны; обитатели живут рассеянно».[85]

В «Юань ши» имеется упоминание об области Нургань в связи с сообщением о поставках оттуда охотничьих соколов — хайдунцинов. «Хайдунцины прилетают из-за моря и достигают Нургани. Местные жители ловят их сетками и представляют в качестве туземной дани».[86] Монголы, по словам П. Попова, превратили область Нургань в место ссылки.[87] П. Кафаров сообщает, что Нижний Амур во времена правления чжурчженей был сравнительно густо населенным районом. «При монголах страна эта была местом ссылки и называлась Нургань. Но что земледелия там не было, видно из того, что продовольствие для гарнизонов и ссыльных доставлялось туда из Южной Маньчжурии; для того устроены были станции на собаках».[88]

Области Хэлань, Шуй-дада и Нургань, судя по всему, включали в себя в монгольское время и часть территории советского Дальнего Востока.

Одновременно с организацией местной администрации монголы осуществляли массовые переселения местных жителей с целью освоения запустелых территорий. Так, например, в местности Чалагань и Лалинь, входившие в состав округа Таовэнь, было переселено 300 семейств маней и 190 семейств чжурчженей. Около «тысячи семейств из нового монгольского войска поселены в запустелой стране Хасхань». Еще одно поселение было образовано в окрестностях Чжаочжоу, куда было переселено 220 семейств наин-булгачи (слово «булгачи» означает «соболевщики», т. е. охотники за соболями), «80 семейств шуй-дада и 300 семейств покорившихся чжурчженьских солдат».[89]

Этой мерой монголы стремились, по-видимому, облегчить снабжение продовольственными продуктами как своих войск, находившихся на захваченной ими территории, так и администрации вновь созданых областей и темничеств. Кроме того, массовые переселения местного населения в различные пункты в значительной степени разобщали племена, что облегчало монголам более эффективно осуществлять контроль над подвластным им населением.

Вскоре после свержения в Китае монгольской династии Юань (1280—1367 гг.) новая китайская по происхождению династия Мин (1368—1644 гг.) стала проводить активную внешнюю политику с целью подчи-

---

[83] В. Панов. Тырские памятники. «Дальний Восток», 1865, № 6, стр. 2.
[84] Там же.
[85] Там же.
[86] «Юань ши», гл. 59, стр. 442.
[87] П. Попов. О тырских памятниках. «Записки Восточного отдела Русского географического общества», т. XVI, 1906.
[88] В. Панов. Тырские памятники, стр. 2.
[89] Там же, стр. 2—3.

нения соседних с Китаем территорий. По приказу Тайцзу (1368—1399 гг.), основателя минской династии, вдоль границ Китайской империи были учреждены многочисленные военные управления и опорные стратегические пункты, т. е. караулы, откуда китайские войска могли бы осуществлять контроль над местными племенами, а также предпринимать военные экспедиции против последних.

Уже в 1371 г. в районе Ляодуна мины учредили первое военное управление. К 1375 г. владения Мин простирались на север до современного г. Кайюаня (пров. Ляонин).[80]

К этому времени относится первая безуспешная попытка минцев проникнуть в низовья Амура. Эта экспедиция, по-видимому, была связана с общим планом подчинения южных областей Маньчжурии династии Мин. Правитель этого района старый юаньский чиновник Нахачу первоначально не подчинился минам, и потребовалась специальная экспедиция, чтобы заставить его в 1387 г. признать власть китайцев.[81]

В том же 1387 г. был создан караул Саньвэй (в районе Кайюаня) и одновременно с ним военно-административный приказ, ведавший делами по управлению племенами учжэ, ежень, нюйчжи и цилеми;[82] причем если с большинством перечисленных выше племен поддерживался прямой контакт, то с племенами цилеми в XIV в. минцы могли иметь связь лишь через чжурчженьские племена. Следовательно, помимо военно-политических причин, создание в 1404 г. караула Нургань, расположенного ближе всех к районам Приамурья, преследовало и чисто экономические цели.

Создание караула Нургань связано с именем чжурчженьского старшины Баладата из Хулавэнь. После его визита во втором месяце 1404 г. было объявлено об учреждении сторожевого поста Нургань, ведавшего северо-восточными землями. Четверо чжурчженьских старшин, в том числе Баладата и Аласунь, были назначены командирами-управляющими в ранге чжихуй-туньчжи. Старшину Гуляйя и ряд других старшин определили тысячниками и сотниками. Всем подчинившимся чжурчженьским старшинам минские власти пожаловали предписания, печати, шапки, пояса, одежды, бумажные деньги и соответствующие их положению среди местных племен ранги.[83]

В 1405 г. минцы, заинтересованные в торговле с местными племенами, открыли в г. Кайюане для чжурчженей конский рынок. Затем рынки для торговли с местными племенами были открыты в Фушуне и Дуннине.[84]

В 1409 г. Нургань был преобразован в пограничное военно-административное управление. Главой управления был назначен Кан Ван, бывший начальник караула Дуннин. Ему выдали охранную печать и выделили в его распоряжение 200 солдат. От управления Нургань должна была поступать в казну ежегодная взимаемая с местных племен дань, состоящая из соколов и собольих мехов. Дань привозилась на собаках, и для обеспечения регулярного движения были учреждены станции.[85]

Управление Нургань формально стало центром громадной территории, фактически не контролируемой минами. В минскую эпоху территория Маньчжурии, кроме деления на западную и восточную половины, четко подразделялась еще на две неравные части — южную и северную. Южная часть фактически входила в состав минских владений и находилась под управлением китайской администрации. Северная часть подчинялась 384 караулам: 3 караулам в западной части Маньчжурии и 381 караулу

[80] «Мин ши», гл. 41, стр. 283 (издано в серии «Сы бу бай яо»).
[81] Там же.
[82] Ли Бинь. Лю бянь цзи люе, гл. 2, стр. 66.
[83] «Мин ши», гл. 41, стр. 284.
[84] Янь Бинь. Лю бянь цзи люе, гл. 3, стр. 4а.
[85] Там же, гл. 2, стр. 66.

в восточной части. Это были так называемые «удерживаемые округа». Общепризнано, что более половины караулов были фиктивными и их подчиненность минам определялась настроением их командиров, местных племенных старшин. Караулы, собственно говоря, и создавались лишь только в том случае, когда старшина того или иного племени был вынужден или считал для себя выгодным в данный момент признать власть минов. Так возник, например, караул Нургань. Точно так же за год до него появился другой важный для минов караул Цзяньчжоу, когда подчинился чжурчженьский старшина Ахачу.

Поставленный во главе караула старшина управлял подвластной ему территорией, на которой в неприкосновенности продолжали сохраняться старые родо-племенные порядки.

Зависимые от него или связанные с ним старшины носили обычно древние чжурчженьские и даже бохайские звания, а в основу управления были положены племенные традиции и обычное право. Правда, монгольское нашествие уничтожило основные культурные и экономические центры чжурчженьской империи в Маньчжурии и Приморье, в результате чего чжурчженьская народность вновь превратилась в группы разрозненных племен. Однако сильнейшие из них хранили традиции эпохи Цзинь и Бохая. По сведениям минского автора Тянь Жу-чана, цзянь-чжоуские чжурчжени считали себя потомками правящего бохайского рода Да, а чжурчжени, жившие в низовьях Сунгари и близ Амура, — потомками правящего цзиньского рода Ваньянь.[96] В минскую эпоху чжурчжени, по-видимому, еще помнили и знали свое национальное письмо, и именно с этой, а не с какой-либо другой целью в минской школе переводчиков китайцы обучались чжурчженьскому языку и письму, а в изданную этой школой серию словарей XV в. вошел и чжурчженьско-китайский словарь.

После основания управления Нургань минское правительство предприняло ряд попыток проникнуть на северо-восток. Именно с этим этапом деятельности минов связано и появление тырских памятников в низовьях Амура.

Судя по первому тырскому памятнику, первая военная экспедиция минов была отправлена в низовья Амура во главе с чиновником Ишиха в 1410 г. Это была значительная по своим масштабам экспедиция, состоявшая из 1000 чел. правительственного войска и 25 больших лодок, которая, судя по данным письменных источников, отправилась из г. Цзяньчжоу (современный Дуньхуа в пров. Гирин) и сначала плыла по р. Муданьцзян (древняя Хурха-бира), а затем по Сунгари и Амуру. Цель этого мероприятия — посетить страну Нургань и уговорить местные племена принять подданство минов. Зимой 1412 г. Ишиха достиг низовьев Амура, а осенью 1413 г. по его приказу на утесе в местности Тыр (Дили, Тэли) был сооружен храм «Вечного спокойствия». «Около храма был поставлен памятник с надписями на китайском..., монгольском и чжурчженьском языках. В них говорилось об экспедициях Ишиха и построении храма, пространно восхвалялся минский император и превозносилась его политика по отношению к подвластным народам».[97]

В восьмом месяце 1412 г. к минам прибыли нурганьские цилеми и чжурчжени из местностей Пули, Циулатан, Цзяргулу, Шидуха и Ушицзи, всего 178 чел., и представили предметы местного производства.[98] О приезде представителей племен с низовьев Амура к минским властям в этот период сообщается и в тексте второго тырского памятника.

---

[96] Тянь Жу-чан. Лаоцзи, стр. 56 (Издано в серии «Ляохай цун шу»).
[97] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 289.
[98] Янь Бинь. Лю бянь цзи люе, гл. 2, стр. 116.

Сразу же после возвращения Ишиха или накануне этого, в 1414 г., минские власти отдали распоряжение увеличить численность войск в Ляодуне.

В 1428 г. было отдано распоряжение Кан Вану, Ван Чжао-чжоу и Тундалаху отправиться в земли Нургани и основать там областное военное управление. В 1433 г. жена Тундалаха, руководителя управления Нургань, прибыла к минским властям с подарками, состоявшими из предметов местного производства и лошадей. В этом же году должности престарелых руководителей управления Нургань Кан Вана и Ван Чжао-чжоу были переданы на правах наследства их сыновьям Кан Фу и Ван Гуйю. Последнему для прокормления было назначено жалованье тысячника. Тогда же был учрежден 381 караул по управлению и контролю над нургаиьскими землями.[99]

Второе рождение управления Нургань совпадает по времени, очевидно не случайно, со второй экспедицией Ишиха в низовьях Амура. Во второй экспедиции принимал участие и некий Кан Чжэнь, по-видимому, член семьи Кан, руководившей Нургаиьским управлением.

Императорский указ о втором походе Ишиха, судя по тексту второго тырского памятника, сохранившегося крайне плохо, был отдан в 1432 г. Отряд в 2000 чел. во главе с Ишиха и «провинциальным военным начальником» Кан Чжэпем на 50 больших лодках отправился в Нургань. То, что они увидели там, повергло их в печаль. От храма «Вечного спокойствия», сооруженного в 1413 г. на утесе Тыр, осталось только основание. Все было разрушено местными жителями, которые тем самым вопреки тексту первого тырского памятника высказали свое истинное отношение к попыткам минских властей подчинить племена Амура своему влиянию.

Разрушение храма не было случайным явлением. Племена, населявшие низовья Амура, которые несомненно были вне всякого контроля со стороны минских властей, а также племена, обитавшие непосредственно вблизи управления Нургань, не могли мириться с чужеземным игом. Они лишь выжидали благоприятного момента, чтобы навсегда выйти из-под влияния минских властей. Поэтому минам для возобновления активной деятельности управления Нургань постоянно приходилось прилагать немалые усилия, которые, однако, уже не могли принести ощутимого успеха. Земли к югу от Амура в низовьях Сунгари и к востоку от Уссури фактически никогда не входили в сферу влияния Мин.

Примерно к середине XV в. наблюдается начало политической активизации цзяньчжоуских чжурчженей, в связи с чем система 381 караула исчезла вскоре же после объявления о ее создании,[100] и минским властям, в конце концов, пришлось окончательно отказаться от попытки присоединить к себе земли Маньчжурии и тем более соседних с ней районов Приморья и Приамурья.

В конце XV в. связи минского Китая с северо-востоком окончательно ослабли, что было вызвано общим упадком внешнеполитической активности Мин. Во всяком случае в источниках не сообщается о каких-нибудь значительных событиях этого периода даже в соседних с Ляодуном областях Маньчжурии.

В свое время, комментируя тексты тырских памятников, П. Попов справедливо писал, что экспедиции Ишиха были вызваны тщеславием минских императоров, считавших себя повелителями вселенной, владыками всех народов, живущих под небесами.[101] Но была и другая причина, тесно связанная с первой. Минский двор стремился насильственно овла-

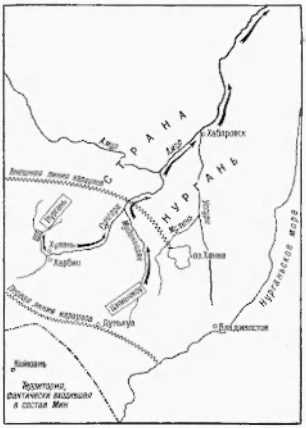
[99] Там же.

[100] G. Gilbert. Dictionnaire Historique et Geographique de la Mandchourie. Paris, 1934, p. 677.

[101] П. Попов. О тырских памятниках, стр. 17.

деть бассейном Амура и закабалить его народы. Что из этого вышло, рассказывают тырские памятники. Амур как был до этого, так и остался независимым. Экспедиция Ишиха на Амур и цели, которые были поставлены перед ней, потерпели полный провал.

В XVI в. в центральных областях Маньчжурии происходит процесс централизации местных племен и усиления их военной мощи под главен-



Приморье и Маньчжурия в XV—XVI вв.

ством одного из племен цзяньчжоуских чжурчженей — маньчжур.[102] К этому времени мины окончательно потеряли свой контроль над большей частью территории современного Северо-Восточного Китая. И когда в 1592 г. огромная японская армия, вторгшаяся в пределы Кореи, перешла на левый берег р. Туманган (Тюмень-улы), чжурчженьские племена, обитавшие к северу от Туманган, выступили уже как самостоятельная политическая сила. Территория, которую занимали чжурчжени в конце XV в., была известна тогда под названием Урянхай (японское Оранкай). В связи с нависшей угрозой корейцы, как это явствует из японских письменных источников, призвали на помощь чжурчженьские племена (ораикайцев), которые оказали японской армии упорное сопротивление.[103]

[102] Янь Бинь. Лю бянь цзи люе, гл. 3, стр. 16.
[103] В. Панов. Вторжение японцев за Тюмень-улу в 1592 г. «Дальний Восток», 1892, № 16, стр. 8—9.

Наряду с описанием этого эпизода источники приводят сведения, характеризующие некоторые стороны политической и военной организации чжурчженей XVI в. Чжурчжени (оранкайцы) были «искусные наездники и стрелки из лука». У них имелись укрепленные поселения. Об одном из них сообщается: «Город был расположен на склоне горы; с тыла он защищался крутизною, а с фаса — высокою каменною стеною и глубоким рвом, так что оказался неприступным». На стенах этого укрепления были расставлены стрелометные машины.[104] Упоминается и «столица» оранкайцев, которая «была гораздо обширнее древней японской столицы, и в ней стояло несколько десятков тысяч войска». В «столице» жил оранкайский «король» Макиду со всеми приближенными. Впоследствии эта столица была захвачена японскими войсками и полностью сожжена.

К концу XVI в. какая-то часть чжурчженьских племен организационно оформляется в единое политическое целое во главе с общеплеменным предводителем, называвшим себя ханом. Одному из таких ханов, Нурхаци, и принадлежит роль основателя маньчжурской династии Цин. Имя этого хана, а позднее кагана, т. е. императора, говорит о том, что он был родом из местности Нургань (Нулухань, Нурухань). Учитывая то обстоятельство, что костяком новой государственности были цзяньчжоуские чжурчжени, обитавшие на территории современной провинции Гирин в Северо-Восточном Китае, можно предположить, что центр Нурганьского управления находился также где-то на территории провинции Гирин.

При Нурхаци территория соседнего с Маньчжурским государством Приморья несколько раз подвергалась опустошительным набегам, которые были совершены между 1607 и 1615 гг. Во время этих набегов с территории Приморья «было выведено одних пленных свыше 14 000 душ и сверх того около 2500 семейств, т. е. в общем не менее 25 000 душ, не считая истребленных. После того весь край этот окончательно запустел на долгий период».[105]

Эпизодические набеги маньчжур на территорию Приморья свидетельствуют о том, что не все чжурчженьские племена и занимаемые ими земли вошли в состав Маньчжурского государства. Кроме того, сам варварский разрушительный характер набегов, которые сопровождались уничтожением или массовым переселением местного населения в глубинные районы Маньчжурии, показывает, что сами маньчжуры считали этот район Дальнего Востока, не своей, а независимой территорией, каковой она и оставалась вплоть до присоединения Приморья к России. Из числа чжурчженьских племен, обитавших на территории Приморья и Приамурья и не вошедших в состав Маньчжурского государства, впоследствии выделились такие народности, как нанайцы, ульчи, удэгейцы. Кроме того, здесь с незапамятных времен обитали многочисленные палеоазиатские племена.

8. НАРОДЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА

Целый мир разноязычных племен и своеобразных хозяйственно-бытовых культур существовал к приходу русских на северо-востоке Азии. О жизни племен северо-востока Азии перед приходом русских можно судить по русским архивным материалам XVII—XVIII вв., известиям путешественников того времени и археологическим данным. Эти сведения могут быть распространены и далеко в глубь прошлого этих племен, поскольку русские застали их на уровне каменного века.

---

[104] Там же.

[105] В. Панов. Историческая справка о Хунчуне. «Дальний Восток», 1900, № 91, стр. 3—4.

Юкагиры

Материковые районы, огромную территорию от низовий Лены до Анадыря, занимали юкагирские племена. По сибирским масштабам юкагиры были тогда многочисленным народом.

В середине XVII в. юкагиров было около 4500 чел. Они состояли из 12 племенных или территориальных групп. В бассейне Лены обитало около 450 юкагиров, в бассейне Индигирки — около 1000, на Алазее и Колыме — около 1600, а на Анадыре — 1300.[106]

В древности юкагиры были расселены еще шире.[107] Это подтверждается и данными их языка, который занимает обособленное положение среди окружающих языков.[108] Очевидно, он формировался на большой замкнутой территории. Близость юкагирского языка к самодийским языкам указывает на то, что в древности юкагирские племена соприкасались с предками самодийцев.[109] Узкий коридор между самодийскими и юкагирскими племенами, занятый ламутами и тунгусами, образовался в результате сравнительно позднего вторжения этих племен в низовья Лены и Оленека.

О том, что на Оленеке жили недавно юкагиры, свидетельствует фольклор: противник Урэн-Хосуна, героя оленекских героических сказаний, Уккэбил-Хосун прямо назван в одной из легенд «юкагиром». Юкагиры заходили в низовья Лены и в середине XVII в.[110]

Наиболее древним хозяйственным укладом у юкагиров был уклад пеших охотников на дикого оленя. Юкагиры в низовьях Индигирки своих предков представляют как охотников за дикими оленями. Зимой они преследовали свою добычу на нартах. Осенью охотились на нее с помощью манщиков. Летом загоняли небольшие стада диких оленей в озера, где подстерегавшие животных охотники приближались к оленям на лодках и кололи их копьями. Для всех групп тундровых юкагиров огромное значение имела охота на мигрирующих диких оленей на речных переправах, на так называемых «оленных промыслищах» или «звериных плавежах».[111] «Для переправы обыкновенно спускаются олени к реке по руслу высохшего или мелководного протока... в несколько минут вся поверхность реки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на них охотники, скрывавшиеся на своих лодках за камнями и кустарниками и обыкновенно под ветром от оленя, окружают их и стараются удержать. Между тем двое или трое опытных промышленников, вооруженные длинными копьями и поколюгами, врываются в табун и колют с невероятной скоростью плывущих оленей. Хороший опытный охотник менее нежели в полчаса убивает до ста и более оленей».[112]

---

[106] В. И. Огородников. Очерки истории Сибири от начала XIX столетия, ч. II, вып. I. Завоевание русскими Сибири. Владивосток, 1924, стр. 54, 61; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. «Труды Института этнографии», новая серия, т. 55, М., стр. 379—442.

[107] А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, стр. 288—293; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XXXVI, М., 1958, стр. 153—154, 204.

[108] В. И. Иохельсон. 1) Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора. «Известия Академии наук», т. IX, № 2, СПб., 1892; 2) Одульский (юкагирский) язык. Сб. «Языки и письменность народов Крайнего Севера», ч. III, № 1, Л., 1934.

[109] Y. Andere. Die Uralo-Yukagirische Frage. Stockholm, 1956; Ю. А. Крейнович. Юкагирский язык. Л., 1958, стр. 228—237.

[110] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.—Л., 1952, стр. 276—277.

[111] Центральный государственный архив древних актов, ф. 214, ст. 274, лл. 172—173; ф. 1177, оп. 2, ст. 6, л. 15.

[112] Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири. М., 1948, стр. 221.

Так рисовал охоту «на плавах» спутник Ф. П. Врангеля Ф. Ф. Матюшкин. Но не всегда промысел был удачен, тогда юкагиры голодали, вымирали целыми родами.

Такая добыча диких оленей на переправах производилась в низовьях Алазеи, Индигирки, Колымы, Анадыря. В тех районах, где было много рыбы, в низовьях северных рек, важное значение как подспорье к охоте имело рыболовство.

Группы пеших юкагиров обитали не только в низовьях рек. В верховьях Колымы, Яны также встречаются места, где осенью скапливается рыба, направляющаяся к нерестилищам. Скопления рыбы настолько значительны, что, используя самые примитивные невода типа бредней, местное население успевало за несколько дней заготовить рыбы на целый год. Такой способ добычи рыбы современные верхнеколымские юкагиры называют «черпаньем», а места скопления рыбы — «чемка», «монер».

Характерно, что остатки жилищ — полуземлянок, приписываемых местным населением какому-то вымершему народу («омокам»), располагаются не на берегах самой Индигирки, а вдоль небольших притоков, проток. Очевидно, именно здесь (на основных водных магистралях рыба идет по фарватеру) юкагиры могли сооружать заездки с «мордами» или другие ловушки, устанавливать сети. Во время рунного хода рыба заполняла и эти протоки, и тогда своими примитивными орудиями лова юкагиры могли обеспечить себя рыбой.

Сами по себе названия рек, где жили пешие юкагиры, — Колыма, Индигирка, Анадырь — «собачьи», — указывают на ту важную роль, которую играла в их жизни собака — их единственное домашнее животное, на котором они перевозили свое скудное имущество. Это были настоящие собаководы. Так, в низовьях Индигирки русские служилые люди встретили в 1639 г. оседлых юкагиров рыболовов-собаководов. «Люди сидячие, — рассказывали о них казаки, — а ездят де они на собаках».[113] Однако в отдельных хозяйствах пеших юкагиров были и домашние олени. «Того же дня, — сообщал в ясачной книге Федор Гаврилов в 1648 г., — великого государя ясаку с колымского пешего князца и с оленных под аманата его Кандангу и со всего роду (взяли) 46 соболей».[114] В 1659 г. сын индигирского юкагира Ландыя-Чеча подрядился к торговым людям в проводники со своими оленями.[115] Олени были и у верхнеколымских юкагиров. Значительные стада оленей находились в XVII в. в руках юкагиров — ходынцев и чуванцев. На оленях этих юкагиров двигались на Камчатку первые отряды служилых людей.

Тундровые оленеводы-юкагиры знали упряжное оленеводство. В документах неоднократно упоминаются сани, нарты.

Материальная культура юкагиров была значительно более примитивной, чем культура их соседей — якутов и эвенов. Сами юкагиры так рисовали свое прошлое: «Юкагиры были, с каменными топорами были, с костяными стрелами были, с ножами из реберных костей были... Так жили».[116] Вооружением юкагиров служили луки со стрелами, копья, каменные топоры.[117]

---

[113] Сб. «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в.», М., 1951, стр. 143.

[114] Центральный государственный архив древних актов, ф. 1177, оп. 4, кн. 260, л. 1.

[115] Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Л., 1936, стр. 185.

[116] В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I. СПб., 1900, стр. 74.

[117] Там же, стр. 93.

Правда, это не значит, что юкагирам вовсе не было известно железо. В юкагирском языке имеется даже своя терминология, относящаяся к обработке железа. Но его было так мало, что, согласно преданиям, до прихода русских железный топор, величайшая ценность, был собственностью всего рода. Он использовался всеми его членами только в тех случаях, когда нужно было разрубить толстое крепкое дерево, что трудно было сделать каменными топорами.

Есть и другая легенда, где образно рассказывается о первых топорах, полученных от русских. В ней говорится: «Русские сказали: „Этим дерево рубите". Все начали рубить. Некоторые, ноги отрубив, умерли. Свои каменные топоры все бросили. Ножей (русские) дали».[118]

К приходу русских юкагиры подразделялись на отцовские роды. Однако сохранились и сильные пережитки материнского рода, такие как матрилокальный брак, — муж переходил на жительство в дом жены и за невесту работал в ее роде. Женщины пользовались у юкагиров большой самостоятельностью, а девушки до брака — большой свободой.

Согласно преданиям, наибольшим почетом пользовался в роде удачливый опытный охотник хангича — кормилец. Во главе рода стояли старейшины. В каждом роде был свой родовой жрец шаман (алма), совмещавший в себе знахаря и предсказателя. В некоторых группах юкагиров обожествляли умерших шаманов.

«А вера у них юкагирей будет: в котором же роду помрет шаман, то взяв его, обрезав тело от ева кости, жилы высушив, облача в платье, веруют в него и возят с собою на оленях», — сообщали служилые люди Г. Ф. Миллеру.[119] Кости умершего шамана служили семейным амулетом-охранителем. По ним гадали о результатах промысла.[120]

В 1652 г., когда от какой-то болезни погибли юкагирские аманаты, их родичи обратились к казакам с просьбой сохранить «костие», за что они обещали доставить ясак.[121] Наряду с шаманизмом широкое распространение среди юкагиров имел промысловый культ. Юкагиры верили в существование «духов-хозяев» мест и зверей и считали, что у каждого существа имеется свой дух-хозяин. Из зверей особым почетом пользовался лось.

Чукчи

Ближайшими соседями юкагиров на северо-востоке Сибири были чукчи. В одном из ранних донесений ленских казаков сообщалось: «...а живут те чюхчие промеж Алазейскою и Колымою реками на тундре, сказывают их человек с 400 и больше».[122] Они же занимали устье р. Колымы.[123] К востоку от Колымы чукчи были встречены у мыса Шелагского,[124] откуда далее на восток их поселения располагались по побережью Ледовитого океана вплоть до мыса Дежнева. На побережье Берингового моря поселки чукчей находились начиная от мыса Дежнева на севере и до зал. Креста на юго-западе. На всем этом пространстве чукотские оседлые поселения перемежались с эскимосскими. По всей ви-

---

[118] W. Jochelson. Material culture and social organisation of the Koryak. New York, 1905, p. 611.

[119] Центральный государственный архив древних актов, ф. 199, д. 481, ч. VII, л. 313.

[120] В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. стр. 110—112.

[121] История Якутской АССР, т. II. М.—Л., 1957, стр. 107.

[122] Сб. «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в.», стр. 442.

[123] Б. П. Полевой. Находка челобитья первоткрывателей Колымы. Сб. «Сибирь периода феодализма», вып. 2, Новосибирск, 1965.

[124] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 100.

димости, уже тогда были поселки со смешанным чукотско-эскимосским населением. К югу от зал. Креста лишь в низовьях р. Анадыря, в устье р. Канчалана жили чукчи.[125] Эти данные подтверждаются также археологическими находками.[126] В XVII в. на самой р. Анадыре, по-видимому, не было постоянных поселений чукчей. Следовательно, на юго-востоке граница расселения чукчей начиналась у устья р. Канчалана, на северном берегу Анадырского лимана. Следуя на северо-запад, граница их расселения проходила примерно по среднему течению рек, впадающих в Анадырь слева (Танюрэр, Белая). Далее она проходила северо-восточнее верховьев Большого и Малого Анюя, спускаясь ближе к Чаунской губе через вершины рек, впадающих в нее, и выходила к р. Колыме ниже устья Анюя. На всем очерченном пространстве внутренних районов сохраняется чисто чукотская топонимика, тогда как на побережье Беринтова и Чукотского морей — и чукотская, и эскимосская. Никаких статистических данных о количестве чукчей в середине XVII в. нет. Однако, опираясь на сведения начала и середины XVIII в., можно предположить, что всех чукчей тогда было около 8—9 тыс.[127]

Авторы первых известий о чукчах XVII в. делят их по роду занятий на оленеводов и оседлых морских охотников и в то же время указывают на то, что обе эти группы чукчей усиленно занимались охотой на диких оленей. Однако уже тогда четко обозначилась специализация одной части чукчей в области оленеводства, а другой — в области морского зверобойного промысла.

В 1647 г. М. Стадухин так характеризовал хозяйственные занятия чукчей: «Чукчи таковже, что и самоядь, оленные, сидячие ж». Несколько ниже в том же сообщении говорится, что чукчи переезжают на оленях на Медвежьи острова и там «они побивают морской зверь морж».[128] Судя по сообщению М. Стадухина, западные чукчи вели тогда комплексное хозяйство. У них сочеталось оленеводство с морским зверобойным промыслом и, видимо, сухопутной охотой. К востоку от Колымы было более отчетливым разделение между оленными чукчами и оседлыми морскими зверобоями. Последние в течение всего года жили на побережье моря, где вели охоту на морских млекопитающих: моржей, тюленей и китов. В летние месяцы они предпринимали дальние охотничьи экспедиции на Колыму, Амгуему, Анадырь и другие реки, где охотились на диких оленей во время переправы их с одного берега на другой. Известно, что огромные стада диких оленей совершали регулярные миграции с юга на север и обратно. Весной они двигались на север и переходили реки по льду, а в августе—сентябре, возвращаясь с Севера, переплывали реки в определенных местах. Особенно много было таких промысловых мест на реках, текущих в меридиональном направлении (Анадырь и его притоки). К таким местам и собирались чукчи. Они приплывали на больших байдарах вместе со своими семьями в сопровождении маленьких одноместных байдарок, в которых плыли охотники. По данным середины XVIII в., к концу июля на Анадырь приплывали чукчи в «байдарах во сте в пятидесяти и более, в каждой человек по 15 и по 20 и больше».[129] Таким образом, на Анадырь приплывало с побережья Берингова моря

[125] В. И. Огороднико в. Покорение юкагирской земли. «Труды Государственного университета народного образования в Чите», кн. 1, Чита, 1922, стр. 270; Архив Академии наук, ф. 21, оп. 4, кн. 31, л. 277.

[126] А. П. Окладников, В. В. Нарышкин. Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове. «Советская этнография», 1953, № 1.

[127] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1935, стр. 158, 161, 179.

[128] Дополнения к актам историческим, т. III, док. 24.

[129] Центральный государственный исторический архив Ленинграда, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 12.

более 2 тыс. чукчей, включая сюда женщин и детей. К этому же времени собирались на побережье Анадырского лимана оленные чукчи. Они также принимали участие в этом большом коллективном промысле. Охота производилась в тот момент, когда стадо диких оленей переплывало реку. Когда олени достигали середины реки, из засад стремительно выезжали чукчи на одноместных байдарках, окружали оленей и кололи их специальными «поколючками» на «плаву». Покольщиками были сильные и ловкие мужчины, тогда как другие чукчи, в том числе и женщины, ловили уносимые течением туши убитых и раненых оленей. По-видимому, добывали оленей много. По данным первой половины XVIII в., «когда хорошая плавь бывает, то, не выключая и младенцев, на каждого достается оленей по двадцати».[137] Осенняя охота давала мясо, высокого качества шкуры, необходимые для зимней одежды, обуви и для изготовления частей жилища. Мясо оленей отделяли от костей и вялили. Кости оленей мелко дробили и вытапливали из них костный жир, который шел в пищу вместе с вяленым мясом и употреблялся для освещения. Занимались чукчи охотой на диких оленей и в другое время года, применяя при этом лук и стрелы.

Охота на диких оленей была занятием как кочевых, так и оседлых чукчей. Это их традиционное занятие, уходящее своими корнями в глубокую древность. К середине XVII в. оно уже начало утрачивать свое былое значение как для оленных чукчей, так и для тех, которые жили преимущественно за счет морского зверобойного промысла. Оленеводство чукчей было еще слабо развито. Оно только приобретало характер пастушеского оленеводства. Стада оленей у чукчей того времени были небольшие. Олени использовались главным образом как средство передвижения и в охотничьих целях. Существовали же оленеводы главным образом за счет охоты, отчасти рыболовства.

К середине XVII в. чукчи, заселявшие побережье Берингова и Чукотского морей, жили преимущественно за счет морского зверобойного промысла. От охоты на морских млекопитающих они получали основные продукты питания (мясо, жир); кожи моржей шли на обтяжку каркасов байдар (кожаных лодок), на приготовление ремней, нужных для упряжи, для такелажа байдар, для линей к гарпунам, использовались для кровли летних яранг. Из кишек моржа шились дождевики. Шкуры тюленей (нерп, лахтаков) использовались для пошивки одежды, обуви, мешков для хранения разных хозяйственных предметов и некоторых продуктов, бурдюков для хранения жира; из них же вырезались разного сечения ремни, которыми крепились части нарт, вязались ременные сети для промысла тюленей, изготовлялись лини для гарпунов.

Жир морских животных употреблялся в пищу, шел на освещение и отопление жилища. Из клыков моржа изготовлялись орудия охоты, наконечники стрел, гарпунов, пешней, насады для гарпунов, охотничьи санки, части парусного такелажа для байдар, некоторые предметы домашнего обихода (черпаки, ложки). Моржовый клык служил также материалом для изготовления предметов искусства (костяная скульптура).

Китовый ус использовался для подбивки полозьев нарт, из его волокон пряли сети и лески для удочек. Из китового уса изготовляли чашки, вкладыши для наконечников гарпунов. Кости китов использовались в качестве строительного материала (балки и перекладины землянок, вешала, лабазы).

Охота на китов и отчасти на моржей производилась с байдары при помощи гарпунов и носила коллективный характер, в то время как охота

---

[137] Центральный государственный архив древних актов, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 19, л. 32.

на тюленей и белых медведей была индивидуальной. Орудиями охоты на морских животных являлись в основном разные по размерам и назначению гарпуны, копья, ножи.

Наибольшее значение в жизни приморских чукчей имел моржовый промысел; моржи, помимо мяса и жира, давали высокой прочности шкуры. Особенно ценными для приморских охотников были клыки моржей. Уже в первых сообщениях о приморских чукчах подчеркивалось значение моржового клыка в качестве материала для изготовления орудий. В 1647 г. Исай Игнатьев и Семейка Алексеев на коче дошли до Чаунской губы, «а в губе нашли людей, а называются чукчами, а с ними торговали небольшое место... вывезли к ним товарцу на берег, положили, и они в то место положили кости рыбья зуба (так называли тогда моржовые клыки) немного, а не всякой зуб цел; деланы у них пешни да топоры из той кости».[131]

Рыболовством, как видно, чукчи занимались мало. Рыбу ловили костяными крючками, короткими сетями, сплетенными из сухожилий оленя или волокон китового уса. Сети ставили с берега.

При охоте на сухопутных животных чукчи использовали сложные луки, стрелы с различными наконечниками и копья. При охоте на морских млекопитающих пользовались метательными копьями (гарпунами) с отделяющимися наконечниками, к которым были прикреплены длинные линя. Лук со стрелами и копье составляли также вооружение чукотских воинов.

Широкое применение в качестве материала для орудий и предметов хозяйства имели рога и кости оленей. Из них делали наконечники стрел, проколки, части упряжки, рукоятки, копылья для оленных нарт, ложки, крючки для подвешивания, ножи, пластинки для панцирей и многое другое.

Основным средством передвижения чукчей по суше в XVII в. служили олени. Они запрягали их в нарты. Оседлые чукчи, по-видимому, использовали и собак. Тогда у них был распространен веерный тип упряжки собак, который сохранился до недавнего времени.

У чукчей было два типа жилищ — переносное и постоянное. Переносным жилищем пользовались оленные чукчи во все времена года, а оседлые — только летом. В зимний период они жили в полуземлянках, тип и конструкция которых были позаимствованы ими от эскимосов. Строительным материалом служили челюстные кости и ребра китов, дерево, дерн.[132] Не случайно один из видов полуземлянки назывался «валкаран» — жилище из челюстей. В полуземлянках жило по нескольку семей близких родственников. Летние жилища были наземными. Их остов покрывался шкурами моржей или оленей. Внутри они имели полога, сшитые из шкур оленей, а у оседлых чукчей — из шкур белых медведей. В пологах горели лампы-жирники. Они освещали жилище и давали тепло.[133]

Домашняя утварь чукчей отличалась простотой и немногочисленностью предметов. Лампы-жирники выдалбливались из песчаника или делались из глины. Необходимые для варки пищи котлы изготовлялись из глины с примесью грубого песка. Как рассказывается в чукотских преданиях, глина и песок замешивались на крови добытых животных, для большой вязкости в эту смесь добавлялась собачья шерсть. Помимо глиняной, они имели деревянную посуду, главным образом блюда, на кото-

[131] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 110.
[132] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, стр. 69, 108.
[133] И. С. Вдовин. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965, стр. 44—47.

рые выкладывалось мясо. Огонь добывали трением с помощью специального лучкового снаряда. Приморские чукчи зимой пищу готовили на лампах-жирниках, а летом — в специальных помещениях, где жгли кости китов, поливая их жиром.

Основной общественной ячейкой как кочевых, так и оседлых чукчей в середине XVII в. была большая патриархальная семья со многими пережитками более древних общественных отношений, в частности с пережитками группового брака, левирата, сорората, многоженства и т. д. Уже тогда у них уживались одновременно частная и общинная собственность: частная собственность на оленей, общинная — на пастбища, охотничьи угодья, жилища и т. п. Они переживали процесс разложения первобытнообщинного строя. Судя по данным фольклора, у них существовала начальная форма патриархального рабства.

По представлениям чукчей, окружающий мир был одухотворен. Каждый предмет жил жизнью, подобной жизни человека, хотя имел другую материальную форму. Окружающая чукчей природа была наполнена благожелательными к человеку существами — ваыргыт и элыми, вредоносными, духами — кэлет. Благожелательные существа помогали человеку в его трудовой деятельности, а элые вредили ему. Они, например, вызывали падежи оленей, вселялись в человека, приносили ему болезни и смерть. Солнце и звезды — это благожелательные ваыргыт. Наиболее важнейшим существом считалось наргынэн («вселенная», буквально «все наружное пространство»). Представления об этих существах были неопределенны, расплывчаты. У них искали покровительства, помощи и защиты. Поскольку успехи или неудачи в трудовой деятельности, в охоте зависели от благожелательного расположения ваыргыт, чукчи задабривали их путем жертвоприношений, практиковавшихся по самым различным поводам. Моржи, киты, олени служили наиболее распространенными среди чукчей объектами культа. Едва ли не самое раннее сообщение по этому поводу дошло до нас от 1647 г., составленное известным землепроходцем северо-востока Сибири М. Стадухиным. Он рассказывает, что около р. Чукочьей (к западу от р. Колымы) живут чукчи. «И те чукчи по сю сторону Калымы от своего жилья с той речки зимою переезжают на оленях на тот остров одним днем, и на том острову они добывают морской зверь морж и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, а по своему они тем моржовым головам молятца».[134]

Следы широкого распространения культа моржей и китов прослеживаются по настоящее время не только на побережье Ледовитого океана, но и Тихого. Следы культового собирания моржовых голов И. С. Вдовину удалось наблюдать около мыса Шелагского, у селений Рыркайпий (мыс Шмидта), Энурмин (мыс Сердце-Камень) и в других местах. Таким образом, этот культ был широко распространен не только среди чукчей и эскимосов, но также среди коряков.

Коряки

К югу от Анадыря[135] по побережью Берингового моря до р. Уни, а по западному побережью Камчатки от р. Тигиль на юге[136] до северного угла Пенжинской губы жили оседлые коряки. Оседлые коряки занимали также северо-западное побережье Охотского моря вплоть до р. Олы.[137] «Острожки» оседлых коряков находились не только на ниж-

[134] Дополнения к актам историческим, т. III, док. № 24.
[135] Там же, т. IV, док. № 7.
[136] И. И. Огрызаков. Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII века. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. 222, Л., 1961, стр. 173—174.
[137] Дополнения к актам историческим, т. V, док. № 73.

нем, но и на среднем и верхнем течениях более или менее крупных рек Камчатки (например, на реках Тигиле, Палане, Караге, Русанове и др.).[138] Все внутреннее пространство Камчатского полуострова от р. Большой на юге[139] вплоть до правых притоков Анадыря — рек Великой и Майны, долины нижнего и среднего течений рек Пенжины, Гижиги, Парени, Ямы, Олы, а также п-ов Тайгонос занимали оленные коряки.

Численность коряков в XVII в. была совершенно неизвестна. Даже С. П. Крашенинников писал, что «о людстве коряцком подлинного известия получить невозможно было».[140] По подсчетам Б. О. Долгих, предполагаемая численность коряков к концу XVII в. составляла 10 785 чел.,[141] а по расчетам И. С. Гурвича, коряков было больше — около 13 тыс.[142] Таким образом, вопрос о численности коряков в конце XVII в. требует еще дополнительного изучения.

Наиболее близкое соприкосновение русских с коряками началось с 80-х годов XVII в. Почти одновременно началось продвижение русских из Охотска на север по морскому побережью и из Анадырского острога на юг в камчатскую сторону.[143]

Подобно чукчам, коряки разделялись на оседлых и кочевых. В свою очередь оседлые коряки делились на несколько территориальных групп, отличавшихся одна от другой по языку и некоторым элементам культуры. «А на Пенжине, — сообщал Вл. Атласов, — живут коряки. . . говорят своим особым языком. . . А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них оленьи и ровдужные. . . А за теми коряками живут иноземцы люторы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобные остяцким юртам».[144]

Оседлые коряки занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом и охотой на горных баранов, диких оленей и медведей. Больше всего они были рыболовами. Как известно, реки Камчатки, а также реки, впадающие в Охотское и Берингово моря, изобиловали лососевыми породами рыб. Рыболовство было основным источником существования коряков. Рыбу ловили в реках и озерах на нерестилищах сетями, связанными из сухожилий оленя или из ниток, сделанных из крапивы. В основном из рыбы делали юколу, которая хранилась в специальных сооружениях (балаганах) на высоких сваях. Юкола была основным зимним пищевым продуктом оседлых коряков.

Чем дальше на север по побережью Камчатского перешейка, тем большее значение в жизни коряков приобретал морской зверобойный промысел. Они охотились на тюленей, китов, а на побережье Берингового моря — на моржей.

На суше коряки охотились на диких оленей, которые водились в северной части Камчатского полуострова, и на горных баранов. Их добывали при помощи лука и стрел, а также с помощью петель, которые устанавливались на звериных тропах. Повсеместно на территории расселения коряков водились бурые медведи, которые также были предметом их охоты.

Ко времени соприкосновения с русскими у коряков уже было развитое пастушеское оленеводство. Стада некоторых патриархальных общин

---

[138] И. И. Огрызко. Расселение и численность ительменов. . ., стр. 189—192.
[139] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., стр. 31.
[140] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 726.
[141] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 561.
[142] И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966, стр. 109.
[143] М. И. Белов. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку. «Летопись Севера», т.—М., 1957.
[144] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., стр. 31; С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 448.

были многочисленны. Олени составляли частную собственность отдельных членов общины. У коряков существовало имущественное неравенство, которое резко бросилось в глаза первым русским наблюдателям.

Олени давали корякам не только пищу, но и материал для одежды, обуви, жилища; излишки оленеводческой продукции шли к оседлым корякам, в обмен на них оленеводы получали продукты морского зверобойного промысла (ворвань, шкуры и кожи морских млекопитающих). «Платье все носят из оленьих кож, — писал С. П. Крашенинников, — в котором нет никакой отмены от камчатского, ибо камчадалы от них же получают оленье платье, как уже выше объявлено».[145] Олени также служили средством передвижения. Их запрягали в грузовые и легковые нарты, ездили на них только зимой.[146]

Орудия труда и охоты коряков изготовлялись из дерева, камня и кости. Интересно то, что их топоры (тесла), наконечники стрел, копий, мужские и женские ножи (пакул) обнаруживают почти полное сходство с аналогичными предметами чукчей и сибирских эскимосов. Оружие коряков имело также много общего с оружием чукчей и эскимосов. «Военное их оружие состоит в луках, стрелах и копьях, которые прежде сего из костей же и из камней делали... Топоры и ножи прежде бывали у них каменные и костяные, а огнива деревянные, которые и поныне больше употребляют», — писал С. П. Крашенинников.[147] Говоря об алюторских оседлых коряках, В. Атласов отмечал: «...ружье у них, луки и стрелы костяные и каменные».[148]

Средством передвижения по суше оленным корякам служили олени, а оседлым — собаки, которых они тоже запрягали в нарты. Как отмечал С. П. Крашенинников: «...есть олени и у сидячих коряк, токмо у редких и не помногу, а употребляют они их токмо для выезду».[149] На оленях, запряженных в нарты, коряки вступали в бой с противником. «На бой выходят коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет».[150] По рекам они ездили на батах (в южных районах расселения), а по морю — на байдарах. Последние отличались своими размерами, особенно у пенжинских коряков. «У пенжинских иноземцев для морского ходу бывают вместо лодок байдары, — сообщал Вл. Атласов, — сшиты из нерпичей кожи, в длину сажен 6, а поперек сажени 1½, и в тех байдарах человек по 30 и по 40 на море плавают для нерпичьего и жирового промыслу».[151]

Оленные коряки жили в переносных жилищах, остов которых составлялся из легких жердей и покрывался полотнищами, сшитыми из оленьих шкур. Внутри такого жилища ставились пологи, также сшитые из оленьих шкур. Их ставилось столько, сколько жило семей под одной крышей. Посередине шатра горел костер, на котором готовили пищу. Пологи освещались и отапливались лампами-жирниками, в которых горел либо костный жир, либо жир морских животных. Летние шатры крылись полотнищами из ровдуги.[152]

Оседлые коряки имели особые зимние и летние жилища. Зимою они жили в полуземлянках, с входным отверстием наверху, которое одновременно служило и дымоходом. В таких полуземлянках жило по нескольку семей ближайших родственников. Летом они селились в конусообразных

---

[145] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 453.
[146] Там же, 453—454.
[147] Там же, стр. 460. 729.
[148] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., стр. 26.
[149] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 455.
[150] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., стр. 32.
[151] Там же, стр. 32—33.
[152] Там же, стр. 31.

балаганах, которые строились на высоких столбах и крылись травой. Каждая семья имела свой балаган. Эти же балаганы служили складами, где зимой хранилась заготовленная летом юкола.

Питались коряки рыбой, мясом оленей, горных баранов, морских млекопитающих, собирали кедровые орехи, ягоды, некоторые виды съедобных корней.

Они пользовались глиняной, берестяной и кожаной посудой, плели из травы циновки, корзины, мешки для хранения запасов кедровых орехов, ягод, кореньев съедобных растений.

Общественные отношения коряков, видимо, принципиально ничем не отличались от общественных отношений чукчей. Основной общественной единицей коряков была большая патриархальная семья с сохранившимися пережитками материнского рода. У оленных коряков такой хозяйственной и общественной единицей была стойбищная община, объединявшая ближайших родственников, — патриархальная семья. «В одном месте юрты по четыре и по пяти бывают, но больше по одной», — отмечал С. П. Крашенинников.[153] У оседлых коряков это была группа родственников (большая патриархальная семья), объединенных вокруг основного средства охоты — байдары, — байдарная община. Члены такой общины жили в одной полуземлянке. «Начальных людей у них прежде не бывало, но кто в котором роду оленьми богат, тот в том роду и начальствовал, потому что все бедные и скудные оленьми около того сродственника его живут, а они их кормом и платьем снабдевают, а они табун его караулят».[154] Как видно, имущественное неравенство на почве владения оленями у коряков зашло далеко. «У жен и детей особливые табуны».[155] У них уже сложились зачатки патриархального рабства. Рабами были иноплеменники. «Холопей имеют чюкоцкого и камчаткого народов».[156]

У коряков практиковалось многоженство, особенно среди богатых. «Женятся богатые на богатых, а скудные на скудных... Жен имеют по две и по три, и содержат их по разным местам, дав пастухов и табуны особливые».[157] Экзогамных норм брака у коряков, как и у чукчей, уже не существовало. «Жен берут наиболее из своего роду, двоюродных сестер, теток и мачих, токмо не женятся на матерях, на родных дочерях, на родных сестрах и на падчерицах».[158] За невесту отрабатывали по три-пять лет.

В основе религиозных представлений коряков лежал анимизм. Они одухотворяли явления природы. Приносили жертвы «духам» гор, рек, моря и т. п., чтобы вызвать с их стороны благодеяние в виде удачливой охоты, промысла, благополучия. Были у них и шаманы, которые при помощи игры в бубен вызывали духов-помощников» и с их помощью вели борьбу со злыми духами.[159] Среди оседлых коряков были шаманы, которые «почитались за лекарей». Однако больных они «лечили» только игрой на бубне, якобы «отгоняя духов» болезни.

Вместе с тем коряки, как и чукчи, имели много практических навыков, связанных с охотой, рыболовством, со знанием местных природных условий, их особенностей. Их жилища, одежда, средства передвижения, орудия труда и оружие были хорошо приспособлены к суровой природе и представляли собой весьма совершенные изобретения, какие только

---

153 С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 729.
154 Там же, стр. 726.
155 Там же, стр. 731.
156 Там же, стр. 726.
157 Там же, стр. 458.
158 Там же.
159 Там же, стр. 455.

можно было сделать в этих условиях. Поражает их удивительное умение использовать рационально все продукты оленеводства, морского промысла, рыболовства, окружающей скудной растительности.

Эскимосы

Классическими представителями уклада морских зверобоев Арктики являются эскимосы.

Эскимосы, как мы видели, — самый северный в мире народ, сумевший приспособиться к специфическим условиям жизни в высоких арктических широтах. Их история интересовала поколения ученых прежде всего потому, что эскимосы создали своеобразную культуру арктических охотников-зверобоев, а так же еще и тем, что они явились одной из последних волн переселенцев из Азии в Америку. Это единственный народ, который заселяет как арктические берега Старого Света, так и Нового, Американского континента. История эскимосов складывается из грандиозных по масштабам переселений, в ходе которых они освоили не только Аляску, но достигли со временем берегов Гренландии, где викинги еще в IX в. н. э. встретили малорослых «скрелингов», закутанных в тюленьи и оленьи шкуры.

Следы древней жизни эскимосов прослеживаются на огромных пространствах по побережью Берингова моря и Берингова пролива, вдоль арктического побережья Ледовитого океана до устья р. Колымы на западе, по северным берегам Аляски, островам Канадского арктического архипелага и на побережье Гренландии.

В XVII—XVIII вв., когда азиатские эскимосы вступили в контакт с русскими, они жили прежней жизнью морских зверобоев каменного века и сохраняли в основе ту культуру, которая складывалась у них тысячелетиями. Ее называют на Аляске «протоисторической».

Эскимосы жили в полуподземных жилищах. Основой их хозяйства были охота на моржа и кита, а также рыбная ловля, собирательство и охота на птиц и тундровых животных.

Охота на моржей, судя по этнографическим данным, начиналась с конца апреля и продолжалась до ноября—декабря с незначительными отклонениями в сроках, связанными с ледовой обстановкой. Весной, в конце апреля и в мае, моржи устраивают лежки на дрейфующих вдоль побережья льдах. Охотники подвозили байдары на специальных санках к кромке берегового припая, спускали их в воду и выходили в море на промысел. Заметив льдину с лежащими на ней моржами, зверобои бесшумно, чтобы не спугнуть дремлющих животных, подплывали к ней и высаживались на лед. Подкравшись к моржам, охотники копьями, оснащенными каменными или костяными наконечниками, били животных.

С исчезновением льдов охота на моржей продолжалась в открытом море с байдар при помощи гарпунов. Некоторое затишье в охоте наступало в июне месяце, когда моржи отходили от берегов. С августа моржовый промысел вновь оживлялся, так как в это время животные опять приближались к берегу.

Охота на китов велась с байдар. Загарпуненное и обессилевшее животное добивали специальной пикой, стараясь попасть ему прямо в сердце. Эскимосы охотились в древности преимущественно на гренландского кита. Всплывшее у байдары животное опытный специалист-гарпунер поражал в сердце с одного удара пикой. Охота на гренландского кита несмотря на его грандиозные размеры была сравнительно безопасна, так как гренландский кит менее подвижен, чем обитающий в водах Берингова моря меньший по величине серый кит, охота на которого сопряжена с большими трудностями. Прежде чем добить серого кита, в него бросали несколько

гарпунов, в котором линем были прикреплены специальные воздушные мешки «пых-пых», сделанные из цельноснятой шкуры нерпы. Бывали случаи, когда загарпуненный несколько раз серый кит, таская на себе до 10 поплавков «пых-пых», все же уходил, так как на веслах было трудно подойти к нему для последнего завершающего удара пикой.

Охота на моржа и особенно на кита требовала большого коллектива охотников, организованности и специализации труда каждого члена такого объединения. Этнографические материалы с достаточной убедительностью показывают, что таким объединением у азиатских эскимосов являлся отцовский род.

Пережитки первобытнообщинных патриархально-родовых отношений, судя по данным этнографии, сохранились у эскимосов вплоть до начала XX в.[160] Родовая община состояла из ряда малых семей. Важнейшим признаком рода была экзогамия. В рамках одного рода брак между его членами до этого категорически запрещался. В эскимосском преданию рассказывается, что юноша, вступивший в брачные отношения с своей двоюродной сестрой, дочерью младшего брата его отца, был убит своим отцом.

Преобладающей формой брака был брак с отработкой за невесту. Бытовали случаи заключения брачного договора между родителями малолетних детей, а иногда и до их рождения. Еще в недавнем прошлом существовали обычай обмена женами, а также и многоженство. Имели место случаи, когда человек из другого рода, женившийся и оставшийся в роде жены, усыновлялся родом, и его называли «игныкак» — «приемный сын», от слова «игнык» — сын. Если же членом рода усыновлялся ребенок — сирота из этого же рода, то его называли «анлисягак» — «приемный сын, воспитанник». Во главе рода еще в начале XX в. стоял родовой старейшина — нуналихтак. Это был обычно старик или пожилой мужчина. В его обязанность входило регулирование общественно-производственной жизни рода. Он открывал и закрывал промысловый сезон, определял время поездок в целях обмена, руководил выполнением праздничных церемониалов. Вместе со стариками своего рода и родовыми старейшинами других родов он разбирал ссоры и тяжбы своих односельчан. Обязанности родового старейшины не были выборными — они переходили по мужской линии обычно от отца к сыну. Зачастую родовой старейшина одного из наиболее сильных и уважаемых родов осуществлял руководство всем поселком. Каждый род занимал в поселке свою строго определенную территорию, где располагались их жилища. В пос. Сиреники до сих пор сохранились развалины двух громадных нынлю (землянок), в которых еще в конце XVIII в. жили роды Силякшагмит и Сяйгогмит. По преданиям, из нынлю рода Силякшагмит выходило в море на промысел семь байдарных артелей, а из нынлю рода Сяйгогмит — восемь байдарных артелей. В каждой байдарной артели было по 12 охотников. По словам информаторов, в каждой землянке жило от 250 до 400 чел. Кроме того, места, где находились сушила с байдарами и располагались ямы для хранения мяса, строго разграничивались между родами. Следует отметить, что охотничья территория у всех родов во всех поселках была общей.

На базе родовых отношений формировалась основная производственная единица — байдарная артель. Каждый род имел одну, две, три и более байдарных артелей в зависимости от величины рода. Обычно байдарная артель состояла из 12 чел. Кроме охотничьих байдар, каждый род

---

[160] Д. А. Сергеев. Пережитки родового рода у азиатских эскимосов. «Советская этнография», 1962, № 6, стр. 35—42.

имел большую транспортную байдару на 40 гребцов и более для дальних поездок с торговыми и военными целями.

Распределение добычи морского зверобойного промысла производилось между всеми членами рода поровну. Детям умершего члена рода выдавалось такое же количество мяса, жира, шкур, как и остальным членам рода.

У каждого рода были свои особые праздники и родовые предания. Существует, например, легенда о том, что в Наукане у охотника из рода Нунагмит жена родила китенка. Когда ребенок-китенок стал взрослым, его отпустили в море, и он ежегодно приводил к берегу, где жили охотники из рода Нунагмит, морских зверей. Это возбудило злобу охотников из рода Мамрохпагмит, и они убили кита. Легенда отражает существовавшую некогда вражду между родами Нунагмит и Мамрохпагмит. В дальнейшем эта вражда прекратилась.

У рода Имтугмит был особенно сложный праздничный ритуал с различными заговорами, песнями, танцами, с соблюдением многих запретов на празднике в честь убитого гренландского кита, который проводился в декабре. В конце праздника бригада, добывавшая кита, стриглась особым образом, и только после коллективной стрижки охотники приступали к общей трапезе, трапезе дружбы. Дальше следовал обряд очищения. До завершения этих обрядов на протяжении всего праздника охотникам рода запрещалось не только выходить на промысел, но даже появляться на берегу.

Во время праздника женщины в специальном праздничном жилище зажигали родовой огонь. По яркости и ровности пламени определялись возможные успехи и неудачи в предстоящем промысле. Передача огня из одного рода в другой категорически запрещалась.

Запрещалось также переносить горячую пищу, приготовленную на родовом огне, из жилища в жилище. Аналогичный запрет существовал и на промысле: здесь во время охоты на кита нельзя было передавать оружие, весла, а также любые предметы с байдары одного рода на байдару другого рода.

У азиатских эскимосов до недавнего времени сохранялись и родовые кладбища. Так, над пос. Наукан на сопке расположено кладбище, где каждый род имел свое определенное место для захоронений. Наиболее удобные для погребений места были заняты родами, считавшимися аборигенами данного поселка.

В XVII в. произошла первая встреча эскимосов с русскими.

Весьма близко к оседлым народам северо-востока примыкали по образу жизни и нравы. Основными занятиями у них были рыболовство, морской зверобойный промысел и охота. Они занимались изготовлением одежды из рыбьей кожи и звериных шкур, обработкой железа (изготовление орудий охоты, рыболовства, утвари, оружия). Жили в селениях «улусами», зимой — в землянках, летом — в «клетах» на сваях. Ездили на собаках. Делились на патриархальные роды и имели выборных старейшин.

Камчадалы-ительмены

С. П. Крашенинников указал, что слова «Камчатка», «камчадал» перешли к русским через коряков, а сами себя камчадалы называли ительменами. По В. Атласову, в последние годы XVII в. камчадалы занимали всю Камчатку от Тигиля и Уки на севере до р. Голыгиной на юге. По словам Атласова, 25 тыс. камчадалов жили в одной только долине р. Камчатки. Но это явно преувеличенная цифра. Из бесед со стариками-камчадалами, из преданий и легенд выясняется, что поселков на Камчатке раньше было больше, но сами поселки были гораздо меньше: по две-четыре юрты в каждом.

В. Атласов впервые сообщил, что «юрты у них зимние земляные, а летние — на столбах, вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам».[161] Большинство построек в селении камчадалов составляли хозяйственные постройки, балаганы для просушки рыбы. Иногда при одной большой юрте стояло до 20 и даже более балаганов. Короткое лето камчадалы жили, точнее ночевали, в балаганах под корьевыми или травяными крышами на настилах из жердей, покрытых травой.

Уже из первых сообщений отряда Атласова стало известно, что у камчадалов «луки усовые, китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родится», что «камчадалы у соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтобы глину с шерстью вязало, а из иных шьют наушки».[162]

«Сражаясь, камчадалы из-за укреплений метали камни из пращей, а большие камни прямо с острогов руками бросали, бились палками и заостренными кольями... А на бой выходят зимой камчадальцы на лыжах..., а летом на бой выходят пешком, наги, а иные в одежде».[163]

Атласов застал камчадалов в одежде, сшитой из шкур соболей, лисиц и оленей, с опушкой из собачьего меха. Женским домашним платьем были хоньбы, надевались хоньбы с ног. Мужчины дома и летом на промыслах ограничивались лишь рубашкой набедренной повязкой. В дождливую погоду носили накидку, плетеную из травы в виде бурки.

Верхнюю одежду и обувь камчадалы заимствовали у коряков: глухая кухлянка, шапка, штаны и торбаза из оленьего меха и камуса — шкурок с ног оленя. В дорогу зимой поверх кухлянки надевали двойную меховую парку. Прежде чем обуть торбаза — сухи, на ноги натягивали меховые чулки (памьяи) мехом к ноге. Зимняя промысловая обувь у камчадалов шилась из рыбьей кожи, ногу завертывали тошничем — мятной травой. Тошнич свертывали в виде стельки и вкладывали для тепла в торбаза.

При Крашенинникове лучшим женским головным убором считался парик из травы. Некоторые женщины сами волосы сшивали в виде парика.

Основной пищей камчадалов во времена Крашенинникова была вяленая рыба — юкола (ноз) из рыб семейства лососевых: чавычи, кеты, красной, горбуши и кижуча. Ранней весной в реках ловили гольца. Позднего осеннего кижуча чаще всего замораживали и так сохраняли на зиму. Часть рыбы коптили. От рыбы отделяли головку с позвоночной костью и внутренностями и вялили отдельно для собак. Для собак рыбу заготавливали на зиму в ямах («кислая рыба»).

На рыбалках рыбу, очищенную от чешуи и кишек, закладывали между двумя палочками тальника, перевязывали лыком тальника и помещали ее над костром на четырех палочках-подпорках. К рыбе подсыпали мелко нарубленных листьев крапивы. Икру сушили на солнце и ели всегда с березовой и ивовой корой, настругайной мелко, как лапша. Икру заготовляли впрок в толстых полых стеблях трав — «дудках» и высушивали. Считали, что в таком виде ее лучше хранить и брать с собой на охоту.

Видное место в пище камчадалов-ительменов занимали мясо и жир медведей, баранов и ластоногих: нерпы, акибы, сивуча и лахтака. Добывали в тундре и оленя. Мясо жарили и варили; в сыром виде употреб-

---

[161] Н. Оглоблин. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки. «Чтения общественной истории и древностей российских», кн. 3, отд. 1, 1891, стр. 14. — Вл. Атласов первый посетил Камчатку в 1697—1699 гг. и дал описание вновь открытой страны.

[162] Центральный государственный архив древних актов. Сибирского Приказа, стлб. 1422, лл. 1—12.

[163] Н. Оглоблин. Две «сказки» Атласова..., стр. 14.

ляли только почки, печень, мозги и ласты животных. Еще Дитмар в середине XIX в. повсеместно наблюдал архаический способ приготовления мяса горного барана в ямах, вырытых в земле; в яме разводили костер и в горячую яму с золой клали целую тушу освежованного горного барана, завернув его предварительно в травы (баранник, крапива), сверху тушу закрывали землей, и она тушилась в собственном соку.

Стеллер называл ительменов «всеядущими животными, которые не брезгают даже мухоморами и зато имеют колоссальные познания в области ботаники... Обычно им известны все туземные растения как по их именам, так и по их свойствам».

Крашенинников, говоря о пище ительменов, сообщил, что они питаются кореньями, рыбой и морскими животными. Не случайно он поставил на первое место пищу растительную, так как видел, что растительной пищей «недостаток в хлебе, так же почти как рыбою, награждается».[164]

Ранней весной, как только сходил снег, собирали в неограниченном количестве черемшу — полевой лук. В конце лета и осенью заготовляли впрок и ели свежими и вареными клубни кемчиги, сараны, овсянки, стебли кипрея, шеломайника, баранника, «сладкой травы». Ели и заготовляли впрок, замораживая, ягоды шикши; ели жимолость, голубику, морошку и бруснику и кое-где черемуху.

Существовал ореховый промысел, им занимались женщины, уходя на некоторое время в стланцевые кедровники; они заготовляли орехи на зиму. Клубни растений чаще выбирали из гнезд-магазинов, которые на зиму делали в земле мыши-экономки. Женщины выкапывали их из земли особыми крюками — коз-коз. Вообще сбор и заготовка впрок растительной пищи лежали на плечах женщины.

Ительмены употребляли в пищу яйца птиц — чаек, уток, гусей. Собирали по 1000 яиц и больше на хозяйство и заготовляли их на зиму.

Крапиву использовали для сучения ниток, которыми шили одежду и обувь, и из них же вязали сети. Из лыка черной ольхи делали веревки.

До прихода русских камчадалы-ительмены встречались с коряками-оленеводами, кочующими в горах полуострова, и в обмен на нерпичьи шкуры получали от них оленье мясо, зимнюю глухую одежду из меха оленя, обувь, шапки и рукавицы. Коряки же от них заимствовали собачью упряжку. Смешанных браков, с коряками не было. Камчадалы, жившие к югу от р. Ичи, встречались с курилами и вступали с ними в брак. Через курильцев получали глиняную посуду, даже японскую, и ткани. Но эти связи были слабо налажены, так как мешали бури и сильные морские волнения в проливах, отделяющих мыс Лопатку от Курильских островов. И хотя язык курилов сильно отличался от ительменского, эти народности друг друга понимали.

Крашенинников отмечал, что войны они вели «не для чести или славы или для расширения границ своих владений, так как богатства, славы и чести не ведают, а для отмщения обиды, из-за съестных припасов, но больше всего для девок, которых они могли в жены брать с меньшим трудом, нежели добровольно, ибо им жены весьма доставались дорого».[165]

Ссор из-за имущества или жилья никогда не было, потому что для всех хватало земли, воды, растений и животных.

До прихода русских ительмены жили родами. Обычно в бассейне одной реки или крупного притока жили представители одного рода. Если роду становилось тесно в одном селении, то одна-две семьи выселялись вверх или вниз по течению этой реки и основывали новый поселок. На-

[164] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 207.
[165] Там же, стр. 366.

чальства над собой не имели, «никто никем повелевать не мог». Первые сведения об устройстве общественной жизни камчадалов сообщил тот же В. Атласов во второй «скаске». Камчадалы, писал он, укрепляют свои остроги потому, что «род с родом часто вступают в бой; что никуда ясаку не плачивали...державства великого над собой не имеют, только кто у них в котором роду богатее, того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся... А жен имеют по своей мочи — по одной и по 2, и по 3, и по 4». Брак был экзогамным. Положение женщин в камчадальской семье было привилегированным: в присутствии женщин не начинали драк и битв. Помимо рыболовства и охоты, мужчины занимались постройкой жилищ, приготовлением пищи, греблей и ходили на ботах по рекам с шестами. Женщина принимала участие в обработке рыбы, собирательстве, работала по дому: шила, изготовляла нитки для сетей.

Крашенинников и Стеллер, отмечая многобожие ительменов, сообщали, что бога камчадалы называли Дусшейхтич. В честь его на равнинах ставили столб, обвязывали его тоншичем и, проходя мимо, всегда бросали ему в жертву кусочки пищи. Около такого «святого» места не собирали ягод и не убивали ни зверя, ни птицы. Бога моря представляли в виде птицы-рыбы и называли Митг. Хозяином всех животных считали Пилячуча, или Билюкая, который якобы жил на облаках с камулами и производил гром, молнию, дождь.

Стеллер сообщил, что камчадалы признавали злого духа Канну. Его жилищем считали очень старую ольху возле Нижне-Камчатского острога. «Камчадалы ежегодно в нее стреляли, отчего она вся стрелами изнатыкана». Богом загробного, подземного мира считали Гаеча. Землетрясение производил Туил, когда его собака Козей стряхивала с себя снег.

В легендах о Кутхе раскрывается история сотворения мира. Создатель земли Кутха сначала жил на небе, потом переселился на землю, где родил сына и дочь от своей жены. Дети выросли, вступили в брак и родили сына и дочь, и так постепенно Камчатка была заселена. Кутха, его жена и дети носили платье, сшитое из листьев, питались березовой и таловой корой, зверей в это время не было, а рыбу ловить они еще не научились. Кутха изобрел лодку, а второй сын Кутхи изобрел способ вязать сети из крапивы и ловить рыбу, он же сотворил зверей и начал шить теплую меховую одежду.

Камчадалы «ни страха, ни уважения, ни любви к творцу не испытывали и считали, что все на земле можно было бы устроить гораздо лучше, что не от бога исходит счастье или несчастье, а от человека зависит все; считали, что в жизни на земле все постепенно становится хуже и всего становится меньше».[166]

Понятие о хорошем и плохом у камчадалов было своеобразным: все, что требуется человеку и нравится ему, добродетельно; все, что не нравится и отпугивает, вредно. Самым большим грехом камчадалы считали скуку и тоску и предпочитали им даже смерть. Смертным грехом для них было спасение утопающих или засыпанных снегом, подъем на вулканы. Ругаться над кислой рыбой, варить в одном котле мясо различных зверей и рыб, соскабливать ножом снег с обуви также считалось грехом.

Существовали праздники и религиозные церемонии для обеспечения удачной охоты и рыболовства — китовой и медвежий праздники. Самым большим праздником был осенний праздник, завершавшийся «очищением» — прохождением сквозь обручи из березовых прутьев.

Разнобой в номенклатуре мифологических существ и большая разница в словаре разных групп камчадалов показывают, что камчадалы, — по-ви-

[166] Там же, стр. 410.

димому, конгломерат племен и народов, пришедших на Камчатку с разных сторон и в разное время. Сближение между отдельными группами народностей произошло уже на Камчатке в силу ее изолированного положения среди громадных морских пространств.

Алеуты

На самом краю света, по дороге из Азии в Америку, жили алеуты — племена, родственные по языку эскимосам.

Алеуты исстари жили на п-ове Аляска и на Алеутских островах. При открытии Витусом Берингом в 1741 г. Командорских островов они были необитаемыми. Тем не менее для Командорских островов у алеутов имеется свое название — Танамас, что в переводе значит «Земля наша».

Алеуты — народность островная, жившая в тесном соприкосновении с морем и получавшая от него все необходимое для жизни. Основным занятием алеутов был морской зверобойный промысел, который снабжал их пищей и одеждой. В напряженной борьбе за существование в суровых природных условиях алеуты выработали в себе стойкость, мужество, отвагу и ловкость, способность противостоять стихии в любой шторм. Они славились как отважные, бесстрашные мореходы. Выдержка, выносливость и терпение — основные черты их характера.

И. Е. Вениаминов предполагал, что «народонаселение алеутов в лучшие времена простиралось до 25 000 человек», другие считают, что алеутов было всего 12—15 тыс. чел.

Алеуты строили свои селения на берегах островов. Селения, как правило, были небольшими — по пять—восемь юрт. На больших островах бывало по нескольку селений. Алеуты имели зимние и летние жилища, резко отличающиеся друг от друга. Зимнее подземное жилище — улягамах — всегда было общее, большое. Постройки ориентировались по направлению ветров, дующих преимущественно с востока на запад. Улягамах имел вид сарая, разделенного на камеры для каждой семьи. Обычно в таком жилище жили родственные семьи. Некоторые семьи внутри стены делали особые каморки, где помещали детей или хранили свое имущество и пищу. Летом алеуты семьями переходили жить в небольшие бараки — улях, которые служили для хранения орудий промысла и домашней утвари. И. Е. Вениаминов отмечал в свое время, что «все богатство алеута состояло в юрте, байдарке, парке и камлейке».

Самыми необходимыми предметами в жизни алеутов были байдарки и гарпуны. Раньше у них была большая 12-ти весельная байдарка (улухтах) для коллективной охоты в море с двойной кожаной обтяжкой, на которую шло 6—8—12 шкур сивучей, и бесподобная по мореходным качествам байдарка (экьях) с одним люком, на которой обычно охотник и выходил на охоту в море. Байдарки с двумя люками служили для обучения мальчиков морской охоте; байдарки с тремя люками — более позднее изобретение. Каркасы для байдарок делали мужчины, а обшивки для них раскраивали и сшивали коллективно женщины.

Снаряжаясь в море на охоту, алеуты поверх теплой парки, сшитой из птичьих шкурок, надевали камлейку с капюшоном, сшитую из сивучьих кишек. Из одной кишки большого сивуча выходило две камлейки для взрослых людей. В ненастную погоду поверх сивучьей камлейки одевали вторую камлейку, сшитую из кожи котиков, и такие же штаны. На ногах носили торбаза, сшитые из кожи разных животных: голенища — из кожи котика, переда — из нерпичьей кожи, а подошвы — из кожи сивуча. На голову надевали деревянную шляпу с вытянутой в виде клюва передней частью для защиты от ветра и брызг. Садясь в байдарку в таком костюме, охотник обтягивал себя под мышками поясом-обтяжкой (того) и

смело выходил в море при дожде, ветре и даже в шторм. В случае, если байдарка с охотником опрокидывалась, он ставил ее на место взмахом своего двухлопастного весла, и ни одна капля воды не просачивалась ни за рукава камлейки, ни за капюшон. Охотник мог встать в байдарке во весь рост, если это было нужно.

Парки, т. е. теплые и легкие шубки без разреза спереди, алеутки шили из шкурок птиц топорков. Колыбели для детей алеуты обтягивали шкурой орла с выщипанными перьями, но с плотным пуховым покровом. Одежда и шапка, сшитые из птичьих шкурок, были очень легкими и теплыми.

Воду носили и держали дома не в ведрах, а в сивучьих пузырях; для хранения жира морского зверя и юколы, вяленой рыбы, тоже употребляли пузыри и желудки котиков, нерп и сивучей. Желудок — санхух — маленького сивуча вмещает 50—60 штук юколы, а в санхух большого сивуча при умелой укладке входило 500—600 штук. Закончив укладку юколы, воздух из санхуха высасывали и горловину туго завязывали ремешком. В таком сосуде юкола сохранялась и не портилась целый год и дольше; санхух защищал ее от пыли, мух, плесени и другой грязи.

Алеутки славились исключительной способностью плести из морской травы циновки для застилки земляных полов в жилищах, корзины, сумки для домашних надобностей и маленькие сумочки, украшенные орнаментами из цветной травы, а позднее — из каруса. Кость резали для наконечников гарпунов для охоты на морского зверя и водоплавающую птицу.

Алеуты питались главным образом мясом и жиром морских животных (котика, сивуча, нерпы, моржа), рыбой (свежей, копченой и вяленой — юколой), мясом птиц и яйцами уток, гусей, чаек, гагар, топорков, ипатох. Каждое хозяйство запасало на зиму по две-четыре бочки яиц. В пищу широко употребляли «икру» морских ежей, моллюсков, морские водоросли, морскую капусту, которые в изобилии встречаются у берегов Командорских островов. С ранней весны и до самых заморозков собирали дикорастущие растения и питались ими, преимущественно черемшой, луком, сараной. Кривым ножом выкапывали из земли луковицы сараны и других съедобных растений, очищали их от земли, сушили на циновках и подстилках на солнце и ветру. Перед тем как варить, клубни и луковицы тщательно мыли в нескольких водах и ели, как картофель. Впрок запасали на зиму по нескольку бочек вареной и толченой сараны, плотно утрамбованной в бочках, залитой сверху нерпичьим жиром и засыпанной ягодами, преимущественно шикшей. Ранней весной собирали на холмах корни травы хагелис, парили их, отчего они становились вкусными, сладкими. Хагелис ели с кислым жиром нерпы или сивуча. Собирали и запасали впрок ягоды (жимолость, шикшу, рябину) и грибы — белые, подосиновики, солянки (в отличие от других народов севера).

Алеутское общество разделялось на три группы сословия, как писал И. Е. Вениаминов: почетных, простолюдинов и рабов. Право владеть рабами (калгами) имели только почетные, простолюдины очень редко имели рабов. Калга не мог иметь своей собственности: все приобретенное им принадлежало его хозяину. Цена калги была такова: «...за байдарку и за хорошую парку давали по паре калгов, т. е. мужа и жену; за каменный нож, за пару луклей (циновок) и за бобровую парку давали по одному рабу».[167] Калги появились в результате постоянных междоусобных войн. Это были военнопленные алеуты, индейцы, эскимосы. Дети калгов становились тоже калгами и передавались по наследству из рода в род.

Каждое алеутское селение состояло непременно из родственников. Старший в роде (туккух) имел власть над всеми, но при обсуждении

[167] И. Е. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. I. СПб., 1840, стр. 165.

важнейших вопросов старшина созывал судилище из всех почетных членов рода и стариков. Изложив дело, он выяснял общее мнение, что считалось обязательным для вынесения окончательного решения. В редких случаях алеуты применяли смертную казнь. Самыми тяжкими и неисправимыми преступниками считались убийца, злоязычный болтун и изменивший общественной тайне. Эти преступления карались смертью.

Из этих правовых норм алеутов видно, насколько сильны были военная напряженность, опасность постоянных междоусобных войн и стычек с соседями — эскимосами и индейцами, во время которых уничтожалось почти все мужское население.

Женщины в алеутском обществе занимали почетное положение, так как у них был матриархат, пережитки которого дожили до наших дней. Девушек никогда не принуждали к замужеству, они самостоятельно выбирали мужей, и если брак получался неудачным, женщина могла свободно уйти от мужа.

Главной рабочей силой по дому были мальчики. Женщины вели хозяйство, выделывали шкуры животных, шили одежду, обувь, утварь, добывали растительную пищу, делали запасы на зиму. Мужчины несли все тяжести морского зверобойного промысла, охоты, рыболовства, изготовляли байдары; постройка юрт тоже была их делом.

У алеутов существовали богатая мифология и красочное своеобразное искусство.

Другую островную цепь Тихого океана, Курильскую гряду, издавна заселяли айны.

Заключение

Теперь можно окинуть «Историю Сибири» в рамках нашего тома одним взглядом.

Весь обобщенный в томе документальный материал наглядно опровергает расистские взгляды на всемирную историю, на взаимоотношения и место в ней «малых» и «больших» народов.

Народы Сибири внесли оригинальный вклад в мировую культуру. Их история — нераздельная и существенная часть истории советского народа, а вместе с ней и всемирной истории человечества. Она начинается с освоения человеком пространства между Уралом и Тихим океаном. Первоначальное проникновение человека в Северную Азию произошло, возможно, значительно раньше, чем принято думать, еще задолго до последнего, сартанского, оледенения. 20—25 тыс. лет тому назад на берегах Ангары, Енисея, Селенги и Лены уже существовали общины палеолитических охотников, добывавшие себе пищу охотой на мамонтов, носорогов и северных оленей. Палеолитические люди при этом проникали сюда не из одного какого-либо центра, а из различных областей Европы и Азии, в первую очередь из приледниковой зоны Европы, а также из Средней Азии и, вероятно, из Центральной Азии — Монголии.

Освоение новых областей в глубине Азии было вместе с тем процессом возникновения новых очагов культуры, в том числе искусства. Об этом свидетельствуют замечательные образцы реалистического в своей основе художественного творчества охотников на мамонтов, найденные сначала у Военного госпиталя в Иркутске, а затем — в Мальте и Бурети, такие же в основном, как в Дордони, в Моравии, на Дону в Костёнках или в Мезине на Украине.

Культура палеолитических племен Сибири, какой она окончательно сложилась к концу ледникового периода, обнаруживает удивительную устойчивость. Здесь не произошло такого крутого перелома, каким была «микролитическая революция» на западе. Минуя ее, древние племена Сибири вступили в новую, неолитическую, эру своей истории. Это объясняется, нужно думать, с одной стороны, стабильностью этнического состава местного населения на протяжении тысячелетий, а с другой — тем, что еще в недрах палеолита и особенно на том этапе, который можно назвать сибирским мезолитом или с одинаковым правом эпипалеолитом, здесь были заложены основы дальнейшего прогресса.

В это время появляются вкладышевые орудия, а затем и гарпуны. Рано было приручено и первое в истории домашнее животное — собака.

В Сибири 4—5 тыс. лет тому назад потомки палеолитических людей, люди неолита, все еще в подавляющем своем большинстве находились на уровне древнего охотничье-собирательского и рыболовецкого хозяйства. Однако это хозяйство уже нельзя было назвать примитивным. У охотников Прибайкалья появляется, например, первый в мире серовский лук

усиленного или даже сложного типа. Они создают богатый набор орудий, обслуживающих потребности их охотничьего производства. У них складывается оригинальный тип легкой распашной одежды и, должно быть, появляются лодки-берестянки и лыжи. Развивается и реалистическое искусство, анималистическое в основе. Одним словом, возникает своеобразный этнографический комплекс культуры пеших охотников тайги, определявшийся жизнью человека в новых ландшафтных условиях: открытые пространства степей и тундр ледниковой эпохи теперь сменила тайга, безбрежное зеленое море. Одновременно возникают не менее развитые и специализированные культуры дальневосточных рыболовов и морских охотников, а в Приморье и на Среднем Амуре — также и земледельцев — представителей принципиально нового производящего хозяйства.

На фоне этого прогрессивного развития в области материальной культуры и хозяйства происходят не менее важные события в иной сфере исторического процесса — этнической. К западу от Урала и до Енисея выступает целостным массивом группа неолитических памятников, для которых характерны такие признаки, как ямочный и струйчатый орнамент на сосудах и образ птицы (утки) в искусстве. К востоку от Енисея в Восточной Сибири распространены своеобразные памятники байкальской неолитической культуры и других родственных ей культур таежных охотников. Третий большой мир неолитических племен начинается в верховьях Амура и может быть назван дальневосточным, или тихоокеанским. Внутри каждой такой области можно проследить более мелкие локальные подразделения, которые нередко переслаиваются и мозаичным образом перекрывают друг друга. За взаимоотношениями групп неолитических памятников — археологических культур прослеживаются еще более сложные отношения конкретных этнических образований.

Между Уралом и Енисеем развертывался процесс становления угро-самоедской этнической общности. В восточносибирской тайге и верховьях Амура возник тот этнокультурный комплекс, который сохранился до недавнего времени у северных тунгусов и их двойников по культуре (но не по языку) — юкагиров. На Амуре и в Приморье жили группы племен, культура которых, как свидетельствует археология и этнография, пережиточно уцелела у амурских племен XVIII—XIX вв. — нивхов, ульчей и нанайцев. У ительменов же и у оседлых коряков, а также у эскимосов древняя неолитическая культура устойчиво жила и господствовала вплоть до соприкосновения с европейцами.

Неолитическая эпоха явилась, таким образом, решающим этноисторическим рубежом в прошлом народов Сибири и Дальнего Востока, периодом первоначального оформления тех этнических групп и культур, которые так или иначе дошли до нашего времени и являются в полном смысле этого слова аборигенными — исходной основой для дальнейшего развития сибирских народностей.

В дальнейшем, в эпоху бронзы и в раннем железном веке, когда камень в технике сменяется металлом, происходят *новые большие перемены* в хозяйстве ряда сибирских племен, в первую очередь тех из них, которые заселяли плодородную Минусинскую котловину, Туву, степи Западной Сибири и степные области Забайкалья. Уже во II тыс. до н. э. у андроновских племен складывается комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, классическим образцом которого стал затем в I тыс. до н. э. уклад жизни тагарских племен в Минусинском крае. Затем в степях Евразии и на Алтае распространяются скотоводы, конные кочевники с их войлочными юртами, «звериным» стилем и первыми эпическими поэмами, с хищной воинственной аристократией во главе. Передвижения кочевых племен и их социальный строй, все возрастающие потребности степной аристократии к роскоши способствовали резкому расширению политиче-

ских, экономических и культурных связей с другими странами, в том числе со скифами-саками и древними цивилизациями классического Востока. Вместе с тем начинается экспансия степняков, преимущественно иранцев по языку и культуре, в области, занятые носителями древней охотничье-рыболовческой культуры. Так возникает, в частности, удивительно «гибридное» искусство усть-полуйской культуры.

Если сначала эти культурные и политические связи были ориентированы в основном на запад, то в конце I тыс. до н. э. происходят существенные перемены. В степях Центральной Азии возникает мощное племенное объединение гуннов. Развертывается экспансия гуннов на запад. В I тыс. н. э. руководящая роль в степях переходит к тюркам. Начинается новый, тюркский, период в истории Центральной Азии и на всем протяжении «степного пояса» Евразии. Складываются первые степные империи, первые государства кочевников — тюркские каганаты, в которых определяющее место занимают новые, феодальные в основе, социальные отношения. Отражение этих событий обнаруживается в Сибири повсюду, где могли кочевать степняки со своими стадами, — от Хингана и Кореи до Урала.

В то же время возникают первые государства дальневосточных племен. В Маньчжурии, в Приморье и отчасти на Амуре появляются сначала государства Бохай и империя киданей Ляо, а затем — еще более могущественная Золотая империя чжурчженей (Цзинь). Эти государства были созданы в одно время с Киевской Русью, в XI—XIII вв., тунгусскими (Бохай и Цзинь) и монгольскими народами (Ляо). Социально-политическая эволюция и экономика дальневосточных племен достигают на этом этапе своей высшей точки.

Но все было прервано новыми событиями катастрофического масштаба, надолго оставившими свой след не только в истории Сибири, но и в мировой истории. В степях по Онону и Керулену под знаменами Чингис-хана собираются монгольские племена. Завоеватели монголы устремляются сначала против своего извечного врага — чжурчженей, а затем против Китая. Монгольское завоевание уничтожило государство и культуру чжурчженей. После упорной борьбы под властью монгольских завоевателей на долгое время оказались и многие восточносибирские племена, начиная с «лесных монголов», а также степные кочевники Западной Сибири.

В дальнейшем началась новая агрессия из глубин Азии маньчжурских феодалов, создавших в XVII—XVIII вв. свое столь же могущественное, как и воинственное государство. Маньчжуры на 300 лет покорили Китай и Монголию. Они насаждали в захваченных ими странах, в том числе и в соседней с Сибирью Монголии, свои азиатские порядки и жестоко порабощали покоренные народы.

Их политика способствовала углублению застоя в развитии производительных сил и у тех народов, которые не входили в сферу непосредственного господства маньчжуров. Застой этот на Дальнем Востоке и в Маньчжурии был вызван сначала тем тяжелым ударом, которым явилось вторжение монголов и гибель государства чжурчженей. Возникновение маньчжурской империи не способствовало прогрессивному развитию даже и самой родины Цинской династии, Маньчжурии. Она служила лишь источником, откуда маньчжурскими феодалами черпались людские и материальные резервы для новых завоеваний. Приморье же и Приамурье, никогда не принадлежавшие Китаю и маньчжурам, вообще оставались в стороне от всего, что происходило за их пределами: там по-прежнему сохранялись старые первобытнообщинные порядки и сложившиеся веками древние формы хозяйства.

На остальных пространствах Сибири остро сказывалось отрицательное влияние суровых природных условий. Достигнув определенного уровня

в развитии производительных сил, население тайги и тундры исчерпало свои возможности. Оно уже не могло пойти дальше на уровне охотничье-рыболовческого хозяйства, опираясь только на собственные силы и ресурсы, без прогрессивных стимулов, без поддержки извне. Здесь повсюду безраздельно господствовало древнее натуральное хозяйство, существовали архаические общественные отношения, не поднимавшиеся выше уровня первобытной общины. В лучшем случае наблюдалось переплетение первобытнообщинного строя с элементами феодализма. Решающее значение для дальнейшей истории Сибири имело поэтому то обстоятельство, что агрессия маньчжурских феодалов столкнулась со временем с мощной встречной силой Русского централизованного государства и захлебнулась у его границ, простиравшихся уже в XVII в. до Тихого океана.

Включение Сибири в состав России имело свои глубокие причины и соответствовало исторически складывавшейся необходимости. Как писал В. И. Ленин, «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии».[1] Вся история Сибири, начиная с палеолита, свидетельствует о тесной связи между Сибирью и пространствами, лежащими к западу от Урала, который больше соединял, чем разъединял народы Восточной Европы и Азии. Такие контакты начинаются уже в те отдаленные времена, когда охотники за мамонтами начинают освоение освобожденных от льда северных пустынь. Они продолжаются и позже, когда по обе стороны Урала складываются этнические общности финских, самоедских и угорских племен. Затем родственные скифам Причерноморья, сакам Памира племена и их культуры распространяются вплоть до глубины Центральной Азии. Со временем на берегу Ангары обосновывается согдийская колония, а тюркские племена, по словам летописи, «геройствуют» от Дуная до р. Желтой.

Во времена Монгольской империи русские земли испытали общую судьбу с Сибирью и в то же время стали заслоном на пути завоевателей, грозивших всему остальному миру.

300 лет тому назад этот заслон был отодвинут на Восток до берегов Амура и Саянского хребта, на этот раз против новых претендентов на господство в Азии — маньчжурской династии Цин. И тогда же народы Сибири навсегда, навеки, объединяются в пределах одного могущественного государства с русским народом и другими народами нашей Родины. Это был для них новый путь в будущее, сложный и противоречивый, но в целом с точки зрения общей исторической перспективы, безусловно, прогрессивный. Войдя в состав Русского государства, народы Сибири на всем ее пространстве подпадали под власть царизма. Но в то же время они вошли в прямой контакт с русским народом, приобщились к передовой цивилизации, к высокой культуре русского народа, нашли в ней мощный стимул для своего дальнейшего развития. Началась их совместная борьба за лучшее будущее.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 326.

Именной указатель[1]

Аан Алахчын хотун 394
Аан Дархан-тойон (Хатан Тимиерийэ) 394
Абаоцзи Елюй 315, 316
Абд-ар-Рашид 291
Абрамов Н. А. 355
Абрамова З. А. 11, 31, 49, 71
Абу Дулеф 300, 301
Абулгази 366
Абу-л-Хайра Ходжа Мухаммед 364, 365
Агу 330
Агуда 326—328, 330—333, 336—338
Агунай 324
Агуто 337
Адер 364
Адрианов А. В. 18, 25, 190
Айысыт-тойон 394
Айыы-тонон см. Юрюнг Айыы-тойон
Аксенов М. П. 11, 31, 80
Аласунь 404
Алдиер 384
Александр Македонский 13
Алексеев В. П. 117, 166, 170, 253
Алексеев М. П. 13, 28, 369
Алексеев С. 414
Алихуманъ 327
Алпысбаев Х. 71
Алтын-ханы 376
Амбагянь 322, 324
Анахуань 270
Андерсон И. 184
Андреев А. И. 5, 14, 15
Андреев Г. И. 33, 262
Андреев С. 351
Андреева Ж. В. 11, 33, 261, 264
Андриевич В. К. 6
Анисимов А. Ф. 26, 27
Анучин Д. Н. 19
Ань Лу-шань 284
Аоло (Цзуюань) 335, 342
Аристов Н. Я. 19
Арсаан Дуолай 393
Арсеньев В. К. 22
Арутюнов С. А. 33
Асада 7
Ассияк 54
Асу 326, 327, 332
Асыка 368
Асымэнь 329
Атласов В. В. 416, 417, 421, 422, 424
Аттила 303
Ауэрбах Н. К. 25, 26, 63, 69
Ахачу 405
Ахиен-шад см. Ашина
Ашина (Ахиен-шад) 267, 269
Ашкеней 363

Баба 344
Багауддин 19
Баджей 387, 390
Баз-каган 292
Бай Байанай 389, 394
Бакай Н. 393
Баладата 404
Банзаров Д. 380
Баохоли 324, 325
Барберини Р. 369
Барс-бег 302
Бартольд В. В. 27, 291, 293, 296, 297, 300, 302, 373, 377, 396
Басандай 363
Батый 364, 365
Бахрушин С. В. 5, 28, 358, 377
Бачжо 272
Баякшин 400
Бегиш 366
Бекбулат 366, 371, 372
Белов М. И. 416
Белявский Ф. 235
Берг Л. С. 73
Береговая Н. А. 44, 351
Беринг В. 425
Бернштам А. Н. 32, 249, 388
Берро С. 370
Биллингсгаузен Ф. Ф. 16
Бильге каган см. Могилян
Билюкай см. Пилячуч
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 17, 18, 242—245, 251, 252, 255, 256, 265—267, 270, 272, 278, 279, 281, 290, 291, 298, 299, 300—302, 314, 320
Биюй 313
Богданов М. Н. 21, 28
Богораз-Тан (Богораз, Тан-Богораз) В. Г. 23, 26, 27, 54, 95, 350
Бороул 384
Бояршинова З. Я. 11, 30
Брюшель О. 370
Будда 290, 372—374
Бумын каган 291
Буссе Ф. Ф. 21, 142

[1] В указатель включены названия некоторых родов, племен и династий.

Буха 384
Бушен А. 20
Буян-бий 365
Бай 266
Бйала 328, 365
Барт-хара 390

Вабань 334
Вагнер Л. 370
Вадай 327, 329, 331
Вадецкая Э. Б. 11, 165
Вайнштейн С. И. 11, 32, 227, 253, 286
Валибань 325
Валу 329, 331, 342
Вангенгейм Э. А. 11, 61
Ван Гюй 406
Ван Ци 307
Ван Чжао-чжоу 406
Ваньянь 324—326, 329, 332, 405
Ваньян Сиинь 333
Васай 329, 331
Василевич Г. М. 11, 27, 32, 206, 400, 401
Васильев В. П. 22, 320, 335, 340
Васильевский Р. С. 11, 33
Вахо 329
Вдовин И. С. 11, 33, 414, 415
Вельяминов-Зернов В. В. 19
Вениаминов И. Е. 17, 425, 426
Вербов Г. Д. 26, 27, 29
Вид А. 370
Викторова Л. Л. 11, 251
Виташевский Н. А. 23
Витзен Н. 5, 14
Витковский Н. И. 20
Владимирцов Б. Я. 27, 383
Воня 360
Воробьев М. В. 33
Врангель Ф. П. 409, 410
Вай 266, 269, 270, 279
Вай Ван 337
Вайлюй 260
Вайцзюнь 316

Гаврилов Василий Бражник 369
Гаврилов Ф. 410
Гаеч 424
Гаожаньи 315
Гаохоу 250
Гаоцзу 250, 311
Гаоцида 315, 317
Гао Юн-чан 341
Гардизи 274, 291, 396
Гаррут В. Е. 38
Геденштром М. 16, 17
Георги И. И. 16
Герасимов М. М. 25, 44, 46, 56
Геродот 103, 230, 237
Глусская З. К. 118
Гмелин И. Г. 15
Гоголев Э. В. 11, 393
Голубев В. А. 33
Гопат-шах 293, 294
Горский В. 23
Готье Ю. В. 370
Грач А. Д. 11, 30, 227, 232
Гребенщиков А. В. 23
Григорьев А. А. 76
Гришин Ю. С. 213
Громов В. И. 26, 38, 44, 47, 57, 58, 61, 62
Грум-Гржимайло Г. Е. 27, 244, 245, 284
Грязнов М. П. 11, 29, 30, 117, 168, 170, 184, 227, 229, 232, 240
Гуансянь 316
Гудулу см. Ильтерес каган
Гуляй 404
Гурвич И. С. 11, 33, 416
Гурьев Н. А. 153
Гюрята Рогович 13

Давыдов Д. 215, 216
Давыдова А. В. 31, 250
Да Инчжуан см. Инчжуан
Далай 333, 335
Далобянь 271
Даоцзи 337
Да Сунлинь см. Сунлинь
Да Цяньмао см. Цяньмао
Да Янлин см. Янлин
Дебец Г. Ф. 25, 27, 33, 205
Девлет-Гирей 372
Деревянко А. П. 11, 33, 145, 310
Джезуп 23
Дженкинсон А. 370
Джучи 365, 372
Дигудей 326—328
Дигунай 337, 338, 343
Дигунай см. Эсыкуй
Диков Н. Н. 11, 31, 33, 93, 212, 221
Дитмар К. 423
Длинный Дьурантайы 388
Дмитриев А. А. 20
Долгих Б. О. 27, 31, 33, 387, 409, 416
Дорбо-Докшин 384
Дравертт П. Л. 25
Дульзон А. П. 29, 98, 361
Думан Л. И. 316
Дунань 326, 327
Дусшейхтич 424
Дыренкова Н. П. 27
Дыылга-хан 393, 394
Дьяконова В. П. 253

Евага 363
Евтюхова Л. А. 25, 282, 289, 297—299
Еди 384
Едигей 364
Едигер 366, 371, 372
Екмычей 369
Ермак 5, 10, 13, 19, 358
Ермолова Н. М. 262
Ефименко П. П. 58
Ечжон 330

Желубовский Ю. С. 33
Жуй Цзун 313, 314

Забелина Н. Н. 33
Залкинд Е. М. 32
Запорожская В. Д. 55, 200, 296
Захаров И. В. 318
Зеленин Д. К. 26, 27
Знаменский Н. С. 18

Золотарев А. М. 26, 27, 354
Зуев В. Ф. 236, 356
Зуев Ю. А. 284

Ибак 364, 366, 368
Иван III 368, 369
Иван IV 371, 372
Иваньев Л. Н. 25, 262
Игичей Алачев 357
Игнатьев И. 414
Идес И. 401
Иер-су 283
Ийехсит 394
Илбис кыыса 394
Илбис-хан 391, 394
Ильтерес каган (Гудулу, Кутлуг) 272, 273, 282, 291, 292, 302
Имтугмит 421
Инал 384
Инакь 272
Инга 326—328
Инчжуан (Да Инчжуан) 315, 316
Инь-чжен 248
Ионов В. М. 23
Иохельсон В. И. 23, 132, 153, 343, 344, 409, 410, 411
Исунке 380
Ишиха 405—407

Петмар К. 184

Калпа 369
Калпик 368
Кан 406
Кан Ван 404, 406
Кан Чж[illegible]
Канда[illegible]у 410
Канну 424
Кан Фу 406
Канчо 323
Капаган (Мочо, Мочжо) 273, 302
Карлгрен Б. 184
Карцов В. Г. 25, 28, 203
Кастрен А. М. 17
Катанов Н. Ф. 19, 291, 358
Катков А. Ф. 203
Кафаров П. 22, 342, 403
Кащенко Н. Ф. 13, 61
Кеннан Д. 7
Килен 402
Киселев С. В. 24, 25, 29, 30, 159, 168, 184, 187, 191, 261, 276, 297—301
Клеменц Д. А. 18, 19, 21, 23, 386
Кожбахтый 363
Козин С. А. 27, 28, 384
Козлов П. К. 20
Козырева Р. В. 11, 33
Козьмин Н. Н. 28, 296, 377
Комарова М. Н. 98, 99, 165, 170, 178, 204
Кон Ф. Я. 23
Конрад Н. И. 320
Крашенинников С. П. 6, 15, 17, 131, 132, 343, 344, 416—418, 421—423
Крейнович Ю. А. 409
Кривцова-Грекова О. А. 174
Кропоткин Л. А. 21
Ксенофонтов Г. В. 27
Кудрявцев Ф. А. 28
Куземенкей 363
Кузнецов А. К. 20
Кузнецов С. К. 18
Кулук-салтан 364
Куприянова Э. Н. 29
Курбский С. 369
Курбский Ф. (Черный) 368
Курманак 357, 358
Куров Д. Н. 371
Кутлуг см. Ильтерес каган
Кутх 424
Кучум 358, 366, 367, 371, 372, 378
Кыдай Бахсы 394
Кызласов Л. Р. 11, 29, 227, 253, 258, 287, 289, 297, 301, 372
Кычанов Е. И. 11, 320
Кэлтээки Сабыйа 392
Катлин 64
Кюдзо Като 8
Кюль-Тегин 20, 273, 274, 282, 292
Кюнер Н. В. 27, 267, 280, 281, 297—302
Кюпи (Чеби-хан) 272

Ландый-Чеха 410
Лань 247
Лаошань 247, 250
Ларичев В. Е. 10, 11, 31, 33, 262, 341
Латкин П. А. 18
Лауфер Б. 137
Лаха Батыр 390
Левашова В. П. 25, 365
Левенталь А. Г. 23
Левин М. Г. 8, 33, 347, 354, 409
Ленгиель Э. 8
Ленин В. И. 431
Лепехин И. И. 235
Лёр М. 184
Леснер Э. 8
Лигуанли 249, 260
Линайгу 312, 313
Лилин 260, 261
Лимган 329
Линденау Я. 15, 387
Липский А. Н. 29, 30, 66, 168, 170
Ли Цзинь-чжун 312
Лиюн 329
Ломоносов М. В. 6, 7, 370
Лопатин И. А. 132
Лор-уз одыр 356
Люкэ 326—328
Ляо 316, 320, 322—324, 327—334, 338, 341, 379, 430
Лятик 369

Магакия 217
Мадагу 339
Мадьыгы Тереней 391
Майков А. Н. 14
Майнов И. И. 23
Макиду 408
Максименков Г. А. 11, 165
Малов С. Е. 32, 274, 278, 285, 289, 297, 298
Мальцева Н. А. 11
Малявкин А. Г. 320

Мамет (Махмет) 364
Маметкул 357
Мамрохпагмит 421
Мамук 364
Маньдуха 327
Маодулу 326
Мар 364
Марваан Т. 381, 396
Маргаритов В. П. 21, 261, 262
Марко Поло 381, 383
Маркс К. 367
Мартин Ф. 18
Мартынов А. И. 10, 11, 241
Мартьянов Н. М. 25
Масса И. 370
Матвеев З. Н. 27, 315
Матюшин Г. Н. 11
Матюшкин Ф. Ф. 410
Матющенко В. И. 11, 100, 170, 179
Махмет см. Мамет
Ма Чжан-шоу 279
Медведев Г. И. 11, 31, 80
Мелморанский П. М. 20, 292
Мерк К. 16
Меркатор Г. 370
Мерхарт 26
Мессершмидт Д. Г. 14, 187
Метелий Сципион 233
Миддендорф А. Ф. 134, 135
Миллер Г. Ф. 5, 6, 15, 16, 357, 369, 395, 411
Милюков П. Н. 369
Мин 22, 403, 404, 406, 407
Митг 424
Могильников Г. М. 11
Могилян (Бильге каган) 20, 273, 274, 283, 292
Модэ 247, 248, 250, 257
Мокчжан 323
Молдан 369
Морган Л. Г. 26
Мочанов Ю. А. 33, 119
Мочжо см. Капаган
Мочо см. Капаган
Мошинская В. И. 11, 29, 234, 354, 355
Моюн-чур 284—286, 288
Муика 340
Муртаза 366, 371
Муса 364
Мухан 270, 271, 281
Муюн 257
Мынгун 340
Майлаосели 316
Мэнхун 355
Мягков И. 241
Мяосунь 325

Нагэньне 326
Наньян 317
Нара 399
Нарышкин В. В. 412
Насонов А. Н. 367
Нахачу 404
Некрасов И. А. 151, 221
Нельсон Н. 89, 90
Нерон 233
Нёрюнгин 392
Нингясу 340
Новицкий Г. 14, 97, 359
Нотулу-шед 267
Нунангмит 421
Нурхаци 408

Овчинников М. П. 20
Оглоблин Н. Н. 422
Огородников В. И. 8, 28, 409, 412
Огрызко И. И. 415, 416
Одун-хан (Чынгыс-хан) 394
Оёнчхон 330
Озмиш 274
Окамото Р. 133
Окладников А. П. 7, 8, 10, 11, 25, 27, 30, 31, 33, 44, 46, 47, 55, 87, 88, 104, 118, 119, 127, 128, 136, 137, 141, 145, 151, 153, 196, 203, 204, 207, 215—218, 221, 253, 261—264, 291—293, 295, 296, 308, 310, 314, 320, 345, 347, 351, 383, 384, 388, 390, 392, 396, 405, 409, 412
Оксенов А. В. 20
Олебек-дигин 384
Омдо 338
Омогой-бай 388
Омоллон 390
Орлова Е. П. 11
Осмоловский Г. 23
Осол уола 394
Оссовский Г. О. 18

Павлинов Д. М. 23
Паллас П. С. 15, 16
Панчкина М. З. 65
Панов В. А. 23, 403, 407, 408
Паньяды 371
Патканов С. К. 20, 355
Пекарский Э. К. 23
Передольский В. В. 203
Пермский Трифон 358
Перфильев М. 387
Петр I 5, 232
Петри Б. Э. 21, 25, 26, 60, 65, 383
Петрунь В. Ф. 87
Пигнатти В. 19
Пилячуч (Билюкай) 424
Пинга 54
Плиний 103
Позднеев А. М. 21
Позднеев Д. 266, 310
Пол[illegible]у 326
Полевой Б. П. 411
Поляков И. С. 18
Попов А. А. 26, 27
Попов Г. А. 28
Попов П. 23, 317, 403, 406
Потанин Г. Н. 21
Потапов Л. П. 11, 26—28, 30, 274
Потапов Р. Л. 232
Пржевальский Н. М. 63
Прокофьева Е. Д. 359
Пронина Г. И. 11
Пуцзяну 328
Пыткей 369
Пэйло 284
Пэймань 337
Пяткин Б. Г. 11

Равский Э. И. 11, 61
Радищев А. Н. 6, 16, 20, 366
Радлов В. В. 19, 20, 30, 159, 187
Разин А. И. 261
Рашид-ад-дин 373, 382, 385
Редриков Д. Н. 25
Ремезов С. У. 5, 14, 365
Рижский М. И. 11
Розов Г. 320
Рубрук В. 274
Рубцова Е. С. 33
Руденко С. И. 8, 30, 32, 227, 244, 256, 346, 414
Румянцев Г. Н. 11, 32
Руст А. 43
Рыгдылон Э. Р. 185
Рычков К. М. 26, 27
Рябушинский Ф. П. 23

Сабырыкы 392
Савенков И. Т. 18, 25, 118
Савинов Д. Г. 232
Сагай 327, 328
Саган-Сэцэн 385
Салиха 334, 338
Сальников К. В. 179, 238
Самар 402
Сапунов Б. С. 33, 74
Сартактай 293
Сарычев Г. А. 16, 351
Саяпин А. К. 221
Свинин В. В. 31
Северные Ци 271
Северные Чжоу 271
Седна 54, 550
Селякина Е. Ф. 11, 31
Сейдяк 366
Сергеев Д. А. 11, 33, 347, 420
Серошевский В. 24
Силуэньди 247
Силяшагмит 420
Сицзун (Хэла) 333—337
Скряба В. 368
Словцов П. А. 5
Слюнин Н. 128
Сончжон 323
Сорокин В. С. 174, 178
Сосновский Г. П. 24—26, 44, 62, 69, 213, 242, 243, 245, 250
Соххор Дурай 392
Спасский Г. И. 17
Спафарий Н. Г. 13
Стадухин М. 412, 415
Стеллер Г. В. 15, 32, 131, 423, 424
Степанов Н. Н. 10, 11, 34
Стефан Пермский 368
Страленберг И. Ф. 14, 393
Строгановы 357
Субудай 340
Суй 267, 271, 280, 283, 310, 311
Суйбу 247
Суйка 324
Сун 333, 334, 338, 340
Сунлинь (Да Сунлинь) 315
Сымацян 242, 243, 245, 250
Сэм Ю. А. 317
Сэаркаэн Сэсан 388
Сюбао Шоуку 335
Сюнко-хаан Сюгэ тойон 394
Сягогмит 420
Сяо Сюн-нин 323
Сяосяосянь 317
Сяофули 332
Сяоюй 338

Табус 332
Тадуш 272
Тайцзу 404
Талицкая И. А. 355
Талько-Грынцевич Ю. Д. 20, 242
Тан 267, 273, 297, 302, 312, 377
Тан-Богораз В. Г. см. Богораз-Тан
Таньшихай 252, 253, 307
Тардуш-хан 271
Татищев В. Н. 14, 15
Тацир 340
Темучин см. Чингис-хан
Тенгри 283
Теплоухов С. А. 24, 25, 159, 184, 187
Течик 368
Тимур 364
Тиэтэйбит Боотур 390, 391
Тоба 257
Тоба-Вэй 253
Тобо 270, 271, 283
Токарев С. А. 26—28, 29, 32, 390, 392
Токкаш 363
Толстов С. П. 183
Томсен В. 16, 20
Тоньюкук 273
Тохтамыш 364
Тоян 363
Травнин И. С. 368
Тугаринов А. Я. 63, 123
Тудицзи 310, 311
Тунл 424
Тулан 271
Тули (Яньхан) 271
Тулиш 272
Тулуй 339, 340
Тумань 247, 248
Тумен 267, 270
Тундалах 406
Туньтуха 249
Тыгын 387, 390
Тэйлор Э. 26
Тюменец В. 387
Тюэрэй 392
Тигрул 371
Тянь Жу-чэн 405

Уваров А. С. 48
Угунай 325
Угэдэй 339, 340, 379, 380
Удабу 339, 340
Ус 337
Ун 314, 315
Укимай 333
Улагашев Н. У. 27
Улу (Шицзун) 338, 339
Умай 283
Уманский А. П. 303
Уикэбил-Хосун 409
Ураев Р. А. 241
Урэн-Хосун 409
Усун Дьурантайы Суруксут 388
Ута 327, 328

У Хоу 312
Учжу 334, 335
Ушатый П. 369
Уэллс Г. 94
Уясу 328—332

Фаньши 328
Федоров А. Э. 22
Федосеева С. А. 11, 39, 119
Фирсов Поздей 387
Фо 339
Фушэху 338
Фынван 333

Хвлла 54
Хамзина Е. А. 31
Хангалов М. Н. 21, 385, 386
Ханьлибу 333
Ханьпу 324, 332
Хатан Тимнерийэ см. Аан Дархан-тойон
Хейхуань 328
Хели 271, 272, 280, 284
Хлобыстина М. Д. 181
Ходукин Я. Н. 25, 60
Хомпоруун Хотой айым 394
Хороших П. П. 25, 31
Хорчи 384
Храмова В. В. 361
Хубилай 402
Худуха-беки 382, 384
Хуту 337
Хушэху 335, 339, 340
Хуянь 247
Хэла см. Сицзун
Хэлибо 325, 328
Хэтт Г. 151
Хэчже 328

Цейтлин С. М. 61
Цзинь (Золотая империя, [illegible]) 11, 307, 320, 324, 332—335, 33[illegible], 340, 342, 375, 379, 405, 430
Цзиньсин 310, 311
Цзинь Юй-фу 313—315, 317, 318
Цзожун 312—314, 317
Цзунбань 337
Цзуюань см. Аоло
Цибуши 327
Цин 248, 408, 430, 431
Цинь 248
Цинь Инь-чжен см. Цинь Шихуанди
Циньмао (Да Циньмао) 315, 318
Цинь Шихуанди (Цинь Инь-чжен) 248
Цисы Биюй 312
Цици Чжунсян 312
Цаван-Рабтан 379

[illegible]й 339
Чанв[illegible]й 314
Чанчунь 373, 375, 376
Чеби-хан см. Кюли
Чегра 364
Чекановский А. А. 20, 59, 60, 400
Ченьлинь 340
Чернецов В. Н. 25—27, 29, 96, 100, 241, 304, 355
Чернышев Н. А. 100
Черский И. Д. 20, 48, 59, 60
Чжан Син-цзи 313
Чжан Суань 315
Чжан[illegible]а 338
Чжан ц[illegible] 340
Чжиду 326—328
Чжилихай 325
Чжичжи 249
Чжоу 247, 271, 283
Чжунхин Юе 247
Чжучи 339, 384
Чжэбе 339
Чингис-хан (Темучин) 16, 303, 339, 340, 364, 372, 379—381, 384, 385, 430
Чорбогор Батыр 390
Чубуков Третьяк 372
Чугунов С. М. 18
Чуло-хан 271
Чулуро Сэлэргун 398
Чынгыс-хан см. Одун-хан

Шаболио (Шету) 269, 271, 278
Шакуров Э. В. 11, 33, 307, 317
Шалган 400
Шаман (Самай) 400
Шарден Т., де 89
Шахматов А. А. 13
Шейбани-хан 364
Шенгунь 330
Шету см. Шаболио
Ши 324
Шиби 271
Шилихуань 328, 329
Шилу 324, 325
Шинтавуль 399
Шитумынь 325, 327, 329, 330, 341
Шицзун см. Улу
Шлецер А. 6
Шмидт П. П. 22
Шнейдер Е. 168
Шотт В. 299
Шренк А. И. 22, 131, 132, 135, 156
Штаден Г. 369
Штернберг Л. Я. 22, 26, 131, 133, 138
Шэнгунь 330
Шаньда 316

Щег[illegible]в И. В. 5

Эджен 401, 402
Эйхвальд Э. И. 17
Элибао 327
Эллай-Боотур 388
Энгельс Ф. 86, 367
Эргис Г. У. 32, 392
Эсыкун (Дигунай) 341, 342

Юань 381, 402, 403
Юмшан 369
Юнгван 329—331
Юньцзи 339
Юрюнг Айым-тойон 388, 393, 394

Яболак 364
Ягдакар 284

Ядрей 367
Ядринцев Н. М. 20, 21, 274
Ямгурчей 364
Яновский М. И. 21
Янлин (Да Янлин) 317
Ян Чжун-цзян 89
Яньхан см. Туан
Ястремский С. В. 23
Яш Ак баш 289, 290

Andere Y. 409
Bogoras W. 23, 26
Castren M. A. 17
Chavannes E. 271
Fong Chia-sheng 316
Gibert G. 406
Giddings J. L. 350
Haldn, Du 395
Hirth F. 267
Ikawa F. 90
Jochelson W. 23, 131, 411
Larsen H. 347
Lehrberg A. 20
Lengyel E. 8
Lessner E. 5
Levin M. G. 8
Liu Mau-tsai 267, 269—272, 277—281, 28
Maenchen-Helfen O. 267
Maringer J. 89
Marvazi T. 396
Messerschmidt D. G. 14
Michael H. N. 8
Minato M. 90
Munro N. I. 142
Nelson N. C. 89
Okladnikov A. P. 8, 221
Patkanov S. 356, 357
Ponosov V. V. 89
Potapov L. P. 8
Pulleyblank E. G. 284, 288
Radloff W. 267
Ramey F. 346, 347, 349
Ralph E. 346, 349
Rudenko S. I. 8
Schott W. 297
Senzawa Ch. 90
Shirokogoroff S. 397
Strahlenberg F. J. 393
Teilhard de Charbin P. 89.
Vitsen N. 5
Wittfogel K. A. 326
Yong C. C. 89

Географический указатель

Абакан, г. 260
Абакан, р. 14, 68, 166, 268, 281, 298, 299, 378
Абаканская степь 19, 190
Абаканский острог 15
Аввакумовка 264
Агинский национальный округ 216
Агинское 213
Агинский городок 366
Азия 6, 7, 9, 10, 26, 40, 43, 44, 49, 59, 72—76, 85, 90, 92, 93, 97, 139, 144, 151, 154, 200, 257, 307, 310, 314, 370, 381, 395, 419, 425, 428, 430—432, 443
Аин 66
Айон 221
Ак-Ору 287
Ак-Суг 287
Аладин 409, 410, 411
Алар 392
Алашеевы 268
Абазин 400
Алдан 33, 95, 119, 120, 122, 207, 209, 282, 401
Алексеевское поселение 178
Алеутские острова 23, 91, 154, 425
Алтае-Саянское нагорье см. Саяно-Алтайское нагорье
Алтай (Алтайские горы) 11, 13, 15—19, 29, 30, 40, 41, 44, 65—67, 69—71, 78—80, 85, 159, 161, 162, 172, 186, 194, 196, 211, 217, 218, 227, 228, 230—233, 239, 266, 268, 269, 271, 272, 274—279, 281, 282, 284, 288, 296, 302—304, 306, 360, 376, 381, 382, 429
Алтырский улус 378
Алтысарский улус 377
Альчук 324, 325
Аляска 32, 89, 90, 93, 151, 347, 419, 425
Амга 209, 387
Амгуеи 221, 412
Амгунь 401
Америка 26, 38, 93, 139, 141, 151, 154, 345, 419, 425
Аминокан 317
Аму-Дарья 40, 96, 179, 185
Амур 7, 22, 28, 32, 42, 66, 69, 72, 86, 89—91, 94, 95, 116, 126—141, 145, 147—149, 153, 156, 252, 264, 265, 268, 307—309, 320, 321, 334, 343, 392, 396, 401—407, 429—431
Амурский залив 261, 262
Амурский край 21—23, 132, 135, 262
Амадырский лиман 412, 413
Амадырский острог 416
Амадырь 151, 222, 350, 409, 410, 412, 415, 416
Ангара 20—28, 31, табл. 38—39, 41, 44, 45, 47, 49, 51, 56—61, 65—67, 70—72, 79, 80, 82, 84, 85, 88, 94, 104, 105, 107, 111, 113, 117, 119, 120, 124, 125, 132, 199, 201, 206, 210, 211, 268, 291, 292—294, 297, 387, 396, 400, 428, 431
Ангкола см. Ангара
Андреевская стоянка 96
Андреевское озеро 96, 100
Андроново 24, 178
Анива 220
Ангдинский мыс 234
Анучино — р-н 319
Авнбинь 316, 318
Аньюань 318
Аньян 184, 185
Аной 401, 412
Аральское море 249
Аргунь 213, 251, 268
Арктика 38, 39, 64, 76, 95, 127, 343 346—348, 419
Арктическое побережье 348
Артемграс 142, 220
Аршан 216
Аскыз 298
Аспа 179
Ассирия 230, 233
Астрахань 91
Астраханское ханство 358
Астрахань 371
Асучен 327, 328
Атаргаи 344, 345
Афанасьева гора 24, 161, 162, 164
Афонтова II, III табл. 38—39, 58, 62—64, 69
Афонтова гора 18, 25, 44, 62, 63, 65, 68, 70, 71, 78, 79, 85, 105, 119, 203, 425
Африка 42, 43, 68, 77
Ачинск 71, 377
Аятское озеро 354

Балай 44, 65
Базаиха 18, 117, 118, 203—205
Байкальские недоры 296

Байкал 13, 21, 28, 31, 39, 44, 49, 59, 61, 65, 72, 94, 184, 196, 206, 210—212, 214, 215, 218, 249, 266—270, 272, 291, 292, 295, 302, 381, 382, 387, 388, 396, 400
Байкальское побережье 292
Байраки 381
Бай-Хаа 373
Бактриана 230
Балаганск 31, 44, 60, 292—294
Балагачево 361, 362
Балтийское море 103
Балтика 76, 94, 133
Балхаш 268, 284
Барабинская степь (лесостепь; Бараба) 19, 237, 239, 363, 366, 372
Баранов мыс 16, 347, 350—352
Баргузин-Тукум 382, 384
Баргузин 292, 387
[illegible] а 354
Баренцево море 370
Баркуль 269
Барлык 376
Барсово городище 18
Барун-Контуй 379
Басандайка 361, 362
Батени 24, 25, 117, 170
Башадар 227
Башадарские курганы 30
Башкирия 303
[illegible] ий край 87
[illegible] ер, в 42
[illegible] ево 213
[illegible] 44
Белая, р. 31, 44, 45, 57, 58, 65, 79, [illegible], 84, 86, 151, 221, 222, 412
Белоглазово 303
Белогорье 359
Белое, оз. 377
Белоруссия 78
Белый Июс 377, 378
Белькачи 120, 122
[illegible] а 161
Березов 235
Березовка табл. 38—39, 249
Березовский край 355
Березовский округ 355
Березовский острог 370
Берингово море 32, 346, 411—416, 419
Берингов перешеек 26
Берингов пролив 46, 89, 90, 95, 151, 207, 346, 352, 419
Бешбалык 273
Бея 25
Бибиково 74
Бий-Хем 268
Бикин 308
Билир 122
Биньчжоу 332
Бирма 75
Биробиджанская низменность 308
Бирюльское 44
Бирюса 18, 79, 387
Бирюса В 62
Бирюсинская стоянка 79
Бия 268
Благовещенск 9, 89, 148
Благовещенский р-н 308
Ближние Елбаны 29, 240
Ближний Восток 40
[illegible] я (Гаечан) 268, 269
Боготу-юл 361
Божье озеро 377
Бовой 295
Богурдан 403
[illegible]-Одзеда 134
Бодру 286
[illegible] 416
[illegible] Ренга 240
[illegible] тундра 94
Большой Анюй 412
Большой город 377
Большой Хинган 21, 268
Бом-Кемчик 291
Бодо-коро 268
Босюр 303
Боты 212
Бохай (Бохайское государство) 11, 27, 307, 313—320, 337, 341, 405, 430
Братск 7, 31, 111, 119, 124
Братская ГЭС 6, 28, 31
Братский Камень 106
Брита [illegible] а 37
[illegible] а 208, 209
Буга-Чучугай 380
Будулан 212
Бузим 378
Букорюг 381
Буреть 25, 41, 44—51, 57—61, 65, 66, 68, 70—72, 79, 86, 428
Бурзинский р-н 239
Бурятия 28, 32, 44, 184, 300
Бурятская АССР 7, 383
Бухоры 324
Бянькань 313
Бястах 392
Вань 333, 339, 340
Вавилон 233
Вагай 237, 366
Вайгач 367
Вакарем 350, 351
Васюган 354, 359, 360
Вах 354
Великая, р. 416
Великое монгушское государство 335
Вена 43
Венгрия 227, 355
Вепюково 91
Верхнее Приамурье 140, 398, 401
Верхнее Приамье 303
Верхнее Приобье 99, 170, 234, 239—241
Верхнеудинск 216
Верхнеудинский округ 215
Верхние Чемы 99
Верхний Амур 89
Верхний Вилой 119, 123
Верхний Енисей 117, 268, 285, 286, 289, 291, 360, 372—374
Верхняя Лена 55, 65, 72, 295
Верхняя Обь 29, 98, 99, 100, 169, 170, 240
Верхняя стоянка (Бохай; Хойшифу, Шанфанцзы) 316, 333, 335, 337, 338, 342
Верхняя Тавда 234
Верхоленск 295, 388
Верхоленская горя 17, 26, 31, 44, 60, 65, 67, 69, 80, 82, 83, 88, 105

Верхоянский хребет 401
Византия 270
Вилка 221
Вилюй 28, 33, 95, 119, 123—125, 207—210, 387, 392, 396, 401
Вишера 354, 368
Владивосток 9, 28, 32, 88, 94, 141, 142, 220, 263, 407
Внутренняя Азия 39
Внутренняя Монголия 116, 314
Военный госпиталь 20, 44, 48, 59, 60, 63, 428
Вознесенское 138
Войкарский городок 358
Волга 249, 303, 371
Волго-Окский р-н 104
Волжская Болгария 305
Воробьево 113
Воронья река (Кула-кы) 360
Восточная Азия 40, 43, 74, 75, 82, 91, 92, 116, 127, 131, 144, 145, 201, 213, 255, 314, 320, 340
Восточная Европа табл. 38—39, 41, 49, 59, 76, 96, 104, 194, 211, 251, 303, 431
Восточная столица (Бохая) 317, 319, 333, 338
Восточное Забайкалье 212, 216
Восточное море 323
Восточное Приморье 264, 314
Восточное Приуралье 85, 96
Восточные Саяны 117, 268, 289, 372
Восточный Алтай 30
Восточный Дань см. Дунданьго
Восточный Казахстан 228, 232, 286, 291
Восточный океан см. Тихий океан
Восточный Тибет 21
Восточный Туркестан 271, 290, 307
Воцзюй 313
Вычегда 368
Вьетнам 74, 92
Вэйкоу 323

Ганьсу 269
Гаоли см. Когурё
Гаочан см. Богдо-ола
Гарнизонный сад 318
ГДР 14
Гельгяй 121
Гижига 416
Гималаи 40, 71
Гирин 405, 408
Гладкая, р. 143—145
Гладкая I 144
Глазковский могильник 20
Глухариная река (Сангель-кы) 360
Горы 40, 89, 90, 141, 257, 266, 268, 270, 271
Гобийский Алтай 268
Голландия 370
Голыгина 421
Горная Шория 66
Горноалтайск 40—42
Горные хутора 74, 342
Горный Алтай 30, 227, 266, 282, 286
Горькое, оз. 24, 25
Гренландия 37, 151, 419
Громатуха, поселение 148
Громатуха, р. 148
Гуйсуй см. Гуйхуанчен
Гуйхуачен (Куку-Хото, Гуйсуй) 268, 273
Гусиное озеро 216
Гыда табл. 36—37
Гюйлоу 313, 314
Гянь см. Енисей

Давыдово 388
Далай-нор 268
Дальневосточный край см. Дальний Восток
Дальний Восток 7, 8—11, 18, 22, 27, 30, 32, 33, 42, 72—75, 80, 87, 90, 94, 116, 117, 127, 128, 132—134, 136, 138—141, 144, 145, 148, 168, 170, 184, 185, 201, 213, 218, 219, 241, 251, 261, 267, 280, 281, 297, 299—301, 307, 308, 310, 313, 320, 381, 402, 403, 408, 409, 429, 439
Даубиха 319, 331
Дации 268
Девятка 130, 139
Дежнева, мыс 411
Делюн-Болдок 377, 379
Демьянка 354, 355, 358
Демьянский городок 355
Денби 151
Ден-Терек 373, 374
Дерестуйский Култук 20
Дерестуйский могильник 249
Десары см. Езерский улус
Джасыбай 25
Джебел 82, 96
Джезказган 183
Джида 214, 216
Джунгария 267, 379
Джунгарская степь 19
Джунгарский Алатау 268
Дили см. Тыр
Динань 316
Динли 316, 318
Дон 428
Доолинь 403
Дордонь 428
Древняя Греция 138
Дугин см. Тукин
Дунай 431
Дунайка 145, 149, 150
Дунбай 307
Дунданьго (Восточный Дань) 316, 322, 324
Дунмо 312, 313
Дунинн 404
Дунцзянчен 319
Дуньхуа (Цзяньчжоу) 405, 407
Дурен 242—244
Дус-даг (Соляная гора) 375
Дындыбай 183
Дянчжоу 314

Евразия 57, 74, 158, 165, 187, 217, 303, 429, 430
Еврейская автономная область 264
Европа 26, 37, 38, 40, 43, 44, 50, 52, 53, 58, 59, 68, 72, 76, 77, 82, 83, 85, 86, 97, 127, 139, 230, 257, 303, 428, 431

Египет 230
Ермаковский (Изерский) улус (Десаул) 377
Екатерининская станица 100
Екатеринские, с. 142
Елань (Еланьская обл., Еланьская провинция) 325, 330, 332, 337, 341—343
Елань, р. 324
Елизарова табл. 38—39.
Еловка 186
Елдер-пол 355
Елдыр 354
Елзяям («большая река») см. Енисей
Енисей 7, 11, 13, 14, 18, 28, 29, 32, табл. 38—39, 40, 41, 44, 59, 61, 63, 65—68, 70, 72, 76, 79, 80, 85, 94, 95, 104, 105, 116—119, 123, 159, 162, 165, 166, 168—170, 172, 177, 178, 180, 183—187, 189, 191, 194, 196, 203—205, 217, 241, 249, 257, 258, 260, 261, 274, 275, 285, 291, 296, 297—299, 302, 359, 360, 361, 370, 373, 377, 378, 395, 396, 400, 428, 429
Енисейск 361, 387
Енисейский край 71, 116
Енисейский кряж 117
Енчжу 330
Епанчинские юрты 366
Ерень 354
Ермолаевское городище 117, 203
Ехуэй 328

Желтая (Хуанхэ), р. 140, 211, 215, 268—270, 321, 333, 339, 431
Жека 184
Жигалово 292
Жиганск 125—127, 387
Жилкова 125
Журавлиная река (Карааль-кы) 360

Забайкалье 11, 13, 15, 17, 20, 73, 82, 83, 86, 88, 116, 145, 184, 185, 210—218, 232, 239, 242, 243, 245, 246, 250, 252, 253, 256, 261, 307, 379, 380, 381, 385, 386, 395, 396, 402, 429
Забайкальская обл. 215
Забочка-Кокорево I 64
Заволочье 368
Завьялова, с. 344
Задниепье 249
Зайсан 268
Зайсановка 143, 144
Западная Европа 13, 26, 49, 58, 76, 87, 122, 303, 370
Западная Монголия 27, 244, 245, 284
Западное Забайкалье 213, 216
Западное Прибайкалье 295
Западное Приобье 304
Западное Полуралье 40
Западно-Сибирская лесостепь 303, 304
Западно-Сибирская обл. 96
Западные Саяны 268, 271, 274, 289
Западный Алтай 269, 272, 274
Западный Казахстан 178
Западный улус (Сибирское ханство) 365
Заполярье 63
Зарубино 83, 381, 384
Зауралье 233, 237—239, 353, 367—371
Заярск 31
Зейская долина 42
Зейско-Буреинская низменность 308
Зея 41, 43, 145, 148, 308, 392
Золотая Орда 364

Ивановка 142
Ивановское 249
Иволга 31, 215, 250
Иволгинское, с. 216
Иволгинское городище см. Нижне-Иволгинское городище
Игарка 58
Ида 294
Известковая гора 342
Изырыхский мыс 258
Иман-жоу 373, 375
Илга 294
Или 379
Илимуланъ 328
Илим 31, 387
Илимпейская дань 20, 242, 243, 245, 249
Илимпейский волок 74
Иман 308
Ингода 20, 67, 214
Индигирка табл. 38—39, 94, 392, 400, 409, 410
Индийский океан 233
Индия 140
Индокитай 75, 265
Индонезия 75
Инь-Шань 268, 270, 272, 273
Ипалинтай 359
Ипшутакский могильник 347
Иран (Персия) 230, 233, 270, 277, 295
Иранское плато 40
Ирба 100
Иремь 354
Иркутск 9, 17, 20, 41, 44, 48, 59, 60, 65, 88, 115, 124, 196, 294, 428
Иркутская губ. 17
Иркутская ГЭС 28, 31
Ирмень 99, 186
Иртыш 13, 18, 25, 97, 234, 237, 241, 249, 268, 285, 354, 355, 358, 359, 361, 364—369, 372, 378
Иртыш Черный 268
Изарский улус см. Еверский улус
Исеть 237, 238
Исин 392
Искер 19, 358
Испания 38
Иссык-куль 268
Италия 49
Итуруп 157, 158
Итчул 361
Ихархей 296
Ичжу 330
Иччилях 208, 209
Ишим 237, 364, 378
Ишимская лесостепь 237
Июс 16, 379

Кал-Хем см. Верхний Енисей
Кал-Хемский р-н 275

Кабинск 292, 381
Казанское ханство 358, 364, 371
Казань 371
Казахстан 77, 172, 173, 179, 180, 183, 185, 217, 227
Казачье 31
Казахстан 229
Казмы 334
Кайлинь 335
Кайрак-Кумы 40
[illegible]ань 403, 404, 407
Калан[illegible] пать 31
Калган 251
Кама 353, 354, 357, 368
Каменные острова 20, 31, 113
Каменный Лог 182
Каменный Мыс 153
Камешки 221
Камчатка (Камчатский полуостров) 11, 15, 17, 23, 28, 33, 93, 128, 129, 132, 134, 153, 154, 156, 343, 344, 346, 410, 412, 415, 416, 417, 421, 422, 424, 425
Камчатка, р. 93, 343, 416, 421
Камчатская обл. 33
Камчатский перешеек 416
[illegible]а 166
Кан 379
Канадский арктический архипелаг 419
Канкор 357
Канск 118
Канчалан 412
Каочан (Турфан) 268, 269, 271
Каповая пещера 40
Карага 416
Каракорум (Харахорин) 20, 260, 379
Кара-Кум («Черные пески», Хэйша) 272, 273
Кара-Курган 190, 195
Караль-кы см. Журавлиная река
Карасук 24, 162, 167, 182
Карасук III 161, 164
Кар[illegible]ь 274
Карачин городок 366
Карашар 267, 268
Карелия 104, 125
Карское море 367, 370
Карыпоспат-урдат-вош 355
Касатка 157
Касаткинское побережье 157
Каспийское море 249, 381
Катанга см. Тунгуска Средняя, Тунгуска Нижняя
Катунь 44, 78, 79, 268
Кач 377, 378
[illegible]р 268
Кашлык (Сибирь) 364, 365, 366, 371
Кем см. Енисей
Кем-Енисей см. Енисей
Кемерово 9
Кемеровская обл. 258
Керчедан 357
Керулен 251, 268, 381, 430
Кеть 359, 360, 378
Киевская Русь 430
Кильчжу 330
Киото 315
Киприно 99
Киргизия 32, 297, 303, 397
Киргизская степь 19
Киреи[illegible] 61
[illegible] 142, 220
Китай 13, 41, 73, 89, 233, 242, 247, 248, 250—252, 265, 267, 269—274, 277, 311—316, 319, 320, 332, 333, 338—340, 343, 376, 379, 382, 386, 403, 404, 406, 430
Китайская империя см. Китай
Китой 20, 125
Кия 258, 361, 362, 377
Княжев городок 366
Кобдо 268, 376
Когурё (Гаоли) 308, 311, 312, 314, 315, 317, 319, 331
Кодское княжество 369
Козлова перейма 96
Козловский могильник 304
Кокоповские курганы 237
[illegible] I, IV табл. 38—39, 62—64, 78
Кок[illegible]у 330
[illegible] 255—257
Колыма 16, 94, 126, 151, 347, 350—352, 409—412, 415, 419
Кольский залив 210
Командорские острова (Танамас) 128, 425, 426
Комсомольск-на-Амуре (Комсомольск) 89, 134, 150, 264
Конда 25, 89, 150, 353, 354, 372
Кондом 66
Кондон (Почта) табл. 38—39, 89, 129, 130, 133—135, 137, 139, 150, 219, 264
Кондуйский городок 21, 379
Конхомчжин 330
Копенское поселение 297
Копет-Даг 40
Корейский полуостров 311, 315, 319
[illegible]о 400
Корея 73, 129, 141—145, 265, 320, 323, 327, 331, 407, 430
Корё 315—317, 320, 323, 324, 326, 328, 329, 331—333, 338
Косогол 216, 267, 376
Костенки I 53, 59, 60, 428
Косьва 354
Котокель 212
[illegible]о 25
Кочетово 373
Кошо-Цайдам 273
Краскино 319
Краскинское городище 319
Краснотуранск 187
Красноярск 18, 25, 44, 62, 79, 95, 117—119, 169, 179, 185, 203, 377, 378, 381
Красноярская ГЭС 28, 30
Красноярская [illegible]
Красноярская [illegible] 342
Красноярский [illegible]й 30
[illegible]ный Яр (Ангара) 44, 60, 71, 84
Красный Яр (Обь) 186
Креста, зал. 411, 412
Кривинское 24
Кривой ключ 87
Кротово, II, VII 100, 170
Крулая сопка 319
Крузенштерна, мыс 151
Куда 41, 218, 294—296
Кудинская степь 292

Кудырге 275, 278
Кузедеево 66
Кузнецк 376
Кузнецкая степь 271
Кузнецкий Алатау 17, 258, 299
Кузнецкий могильник 100, 104
Куйбышевск (Рубетсу) 158
Кукелево 33, 264
Куку-Хото см. Гуйкуачен
Кулайка 241
Кула-ны см. Воронья река
Кулары 366
Куллаты, поселение 120—122, 207—209
Куллаты-Юрях, р. 121, 208
Култук 20, 153, 154
Кулундинская степь 241
Кульегаз 359
Кунгурская пещера 14
Кундат-юл 361
Кункур 212
Куковать 354
Курган 238
Курганская обл. 6, 7, 238
Курильск 157
Курильские острова (Курильская гряда, Курилы) 11, 28, 33, 91, 154, 156—158, 346, 423, 426
Курильское озеро 344
Курота 30, 161
Кусянтун 90
Кыларса I 122
Кыргыз-кур 296
Кытыл 392
Кытыл-Дзура 392
Кэм см. Енисей
Кэм-камджут см. Енисей
Кэтэмэ 392
Кянь-чжоу 373, 375
Кяхта 20, 61

Лабуя 151
Лагерный сад 98
Ладейки 117, 185
Ладейское городище 203
Лазовский р-н 264
Лайюань 323
Лалинь 403
Лампыль-кы см. Орлиная река
Ламу см. Байкал
Лаптевых, море 38, 71
Ларьяк 354
Ледовитое море см. Северный Ледовитый океан
Ледовитый океан см. Северный Ледовитый океан
Лена 44, 55, 61, 65—67, 70, 72, 76, 77, 84, 94, 95, 104, 113, 119, 123, 125—127, 151, 201, 206—209, 211, 292, 296, 381, 382, 387, 388, 392, 395, 396, 400, 401, 409, 428
Ленинабад 40
Ленинград 9, 16, 94, 204, 380
Ленинский р-н 33
Ленковка 31, 67, 79—81, 83
Литва 78
Лоб-нор 268
Лозьва 234, 354, 368
Лопатка 423
Лоулань 249
Лунци 245
Люкачен 327
Ляйлюхэ 332
Ляла 354
Ляодун 268, 317, 324, 404, 406
Ляодунский залив 270
Ляонин 404
Ляохэ 251
Ляоян 313, 322, 324, 340
Ляпин городок 369
Ляпина 97
Ляпинская волость 357

Магадан 344, 345
Май 136
Майна 416
Майхэ, дер. 74
Майхэ, р 74, 143, 261
Макарово 65
Малайский архипелаг 145
Малая Дербина 119
Малая Пермь 368
Малая Подушечка 262, 264
Малая Хета табл. 38—39
Малые Копёны 24, 164
Малый Анюй 412
Малый Енисей 285, 286
Малый Кот 41
Малый мыс 178
Мальта 25, табл. 38—39, 41—52, 55—61, 65, 66, 68, 71, 72, 79, 86, 428
Мамонта, пещера 48
Мангазея 29
Мангу см. Амур
Манзурка 381
Манхай, гора 218, 295, 296
Манхайское городище (Манхай) 295, 296
Маньчжурия 22, 89, 145, 217, 248, 265, 267, 284, 313, 319, 320, 324, 339, 343, 381, 402, 404—408, 430
Маня 379
Мариинск 258
Мариинский округ 18
Марха 125
Мархачан 44, 65
Мацзилинь 329, 331
Медвежьи острова 351, 352
«Медвежьи щеки», ущелье 136
Межегейское городище 373
Межегейские шаги 373
Мезин 58, 428
Мереть I, II 99
Миасс 237, 238
Мидия 230, 233
Милимишихань 327
Минусь 218
Минусинск 18
Минусинская (Хакасско-Минусинская) котловина 10, 16, 18, 20, 24, 25, 29, 30, 44, 62, 117, 159, 165, 170, 172, 176, 181, 184—187, 189, 196, 204—206, 240, 242, 255, 257, 258, 260, 266, 272, 275, 277—279, 281, 282, 285, 286, 296—299, 302, 373, 429
Минусинский край 24, 27, 159, 172, 210, 212, 213, 429
Минусинский р-н 25
Михайловка 258

Мо 74
Могильники 98
Могойтуй 216
Моисеика 161
Молуккские острова 201
Молчаново 29, 360
Монголия 5, 20, 21, 32, 38, 40, 41, 59, 63, 66, 69, 75, 86, 89, 116, 141, 145, 180, 184, 211, 215, 217, 218, 228, 232, 242, 243, 245, 248, 250, 251, 255, 260, 266, 267, 269, 272, 274, 281, 282, 288, 289, 300, 307, 311, 313, 372, 373, 379, 381, 382, 384, 386, 428, 430
Монгольская империя 385, 386, 431
Монгольская Народная Республика (МНР) 44, 89, 215, 216, 251, 273
Монгольский Алтай 40, 267, 268, 270, 272
Моравия 428
Морайка 170
Москва 9, 369, 370—372
Московское государство см. Русское государство
Моховая, р. табл. 38—39
Моцзе 316, 317
Мугай 354
Муданьцзян (Хурха-бира) 316, 319, 405, 407
Мукден 322, 403
Мулинь 407
Мунку 120—122
Мурен 268
Мурин 294
Муслюмово 249
Монгун-тайга 275, 277

Наа-Хем см. Малый Енисей
Назарово 19
Найфельд 309, 310
Нарымский край 241, 305
Нарымский острог 360
Наукан 350, 421
Находка, бухта 73
Недоразумения, о. 151—153
Нейва 354
Нерчинск 13, 212
Нерчинский уезд 15
Нижнее Приамурье 395
Нижнее Прииртышье 305
Нижнее Приобье 11, 29, 96, 97, 232, 234, 241, 303, 304, 355
Нижнее Причулымье 306
Нижнее Середкино 31
Нижне-Иволгинское городище 243, 244, 249, 250, 251
Нижне-Камчатский острог 424
Нижнеколымск 151
Нижний Амур 128, 133, 134, 139, 141, 142, 145, 147, 150, 157, 334, 401—403
Нижний Тобол 364
Нижняя Ангара 123
Нижняя Березовка 212
Нижняя Буреть 44
Нижняя Колыма 346
Нижняя Лена 122, 151
Нижняя Обь 14, 99
Николка 343
Никольское городище 343, 344
Ница 354
Новая Земля 367, 370
Новгород (Великий) 367, 368
Новгородская Земля 367
Новгородская республика 367, 368
Ново-Григорьевка 249
Новокусковская стоянка 98
Новопетровка 33, 145, 146, 148—150
Новопетровка I, II, 146, 149, 150
Новопокровка 150, 310
Новоселово 176
Новосибирск 8, 9, 29, 186
Новосибирские острова 63
Ноглики 154, 156
Нони-Ула 20, 242, 244, 246, 249
Нони-Улинские курганы 256
Нонни 317, 320, 322
Ноху 122
Нукут 296
Нургань (Нулухань, Нурухань) 403—407
Нурганьское море 407
Нюя 65
Никсимволь 234
Няньги 65
Нянь-Шань 268

Обдорский острог 370
Обская губа 235, 370
Обуса 384
Обусинские могильники 386
Обь 11, 17, 18, 25, 29, табл. 38—39, 44, 94, 96, 97, 165, 172, 177, 180, 185, 186, 190, 234, 235, 241, 266, 268, 275, 303, 306, 354, 356, 359—361, 363, 366, 367, 369—371, 376
Обь-Енисейское междуречье 306
Овюрский р-н 289
Оглахтинский могильник 249, 255
Одолинь 403
Озен-Алла-Белиг 229
Ойман 373, 374
Ойротия [illegible]
Окинава 384
Окошки 380
Окс 183
Окунев улус 165
Окуневский могильник 168
Ола 415, 416
Олекма 387, 396
Олекминск 120, 125, 209, 392
Оленек 95, 401, 409
Оленеостровский могильник 210
Оленесовхоз (на Майхе) 143
Ольга, бухта 261
Ольга, пос. 264
Ольгинский р-н 264
Ольгинский, о. 151, 152
Ольхон 292, 295, 296
Омск 9
Омь 238, 365, 366
[illegible] 268
Онежское озеро 125, 127
Онон 20, 212—214, 216, 250, 268, 379, 381, 430
Орак 24
Ордос 61, 116, 184, 185, 227, 248, 249, 270
Орлинское 100
Оренбургский край 15

Орлиная река (Лампыль-кы) 360
Оро 400
Орсо 296
Орхон 20, 59, 266, 268, 273, 285, 291, 302, 373, 376, 381
Оса 294
Осиновка 73, 74, 88, 91, 143, 308, 402
Осиновое озеро 149, 150, 309
Осиновский холм 73—75, 142
Осиновское поселение 87
Отукен 271—273
Охоты 400
Охотск 416
Охотское море 154, 395, 400, 415, 416
Охотское побережье 11, 33, 151, 153, 344, 346, 395, 400
Ошурково 65, 67, 68, 71, 82, 105

Пазырык 217, 227—230, 233
Пазырык, р. 227
Палана 416
Памир 40, 431
Парабель 359, 360
Парень 416
Парфия 230
Пачанга 360
Пекин 23, 314, 339
Пелым 354, 355, 368
Пенджаб 42
Пенжина 416
Пенжинская губа 415
Переселенческий пункт 44, 203
Пермь 249, 368
Персия см. Иран
Першино 239
Песчаный, п-ов 22, 32, 33, 262, 263
Петербург см. Ленинград
Петра Великого, зал. 32, 90
Петровская 388
Петропавловск (Камчатский) 134, 153
Печора 234, 305, 353, 368, 369
Печорская Земля 367
Пиданшуй 329
Пинляи 268, 269
Писаная, дер. 100, 101
Писаный, о. 388
Пле[illegible] 122
Поволжье 184, 358, 371
Подгорное 24, 241
Подкамень 297
Подсуханиха 161
Покровское 120, 208, 209
Полинезия 139
Польцо 264, 265
Поляна 370
Полярное побережье 76
Полярный круг 95, 125
Поморье 370, 371
Попельки 264
Попигай 94
Пор-Бажин 286
Посьет 261
Потчеваш 237
Почта см. Кондон
Предбайкалье 385
Приамурье 32, 33, 72, 92, 116, 127, 129, 132, 135, 137, 218, 221, 261, 264, 340, 395, 401, 402, 404, 406, 408, 430
Приазовье 104, 292, 384, 395, 400
Приаралье 103, 104, 183
Прибайкалье 10, 20, 25, 27, 31, 44, 71, 76, 79, 80, 82—84, 86—88, 95, 96, 104, 105, 107—109, 111, 113—121, 123, 124, 127, 133, 139, 148, 153, 196—198, 200, 201—205, 207—211, 222, 242, 292, 293, 372, 381—387, 390, 400, 428
Прибалтика 76, 236
Прииртышье 11, 233, 234, 238, 239, 303—305, 366
Прикаспийская низменность 40
Прикамье 305, 357, 368, 372
Приморский край 72, 141, 142, 308, 319
Приморье 21, 22, 32, 33, 73, 87, 88, 90, 93, 94, 127, 130, 132—135, 141—145, 150, 153, 156, 157, 218—221, 261, 262, 264, 265, 308, 309, 314, 316, 319, 320, 324—326, 329—332, 337, 340, 341—343, 406—408, 429, 430
Приобье 29, 97, 104, 241, 305, 353, 359, 362, 363
Притоболье 233
Притомье 239—241, 362, 363
Приуралье 13, 24, 78, 85, 118, 172, 217, 233, 242, 357, 358, 368, 371, 372
Прихаикайская низменность 308
Причерноморье 165, 190, 217, 431
Причулымье 362, 363
Пуганьшуй 324
Пули 405
Пунук 52
Пустозерский острог 370
Пухаль 324
Пхёнюнчжин 330
Пхусун 218
Пвинполин 327
Пясина 370
Пятиречье 329

Раздольное 88, 90, 402
«Рачево городище» 359
Рим 277
Рогожей городок 370
Российская империя см. Русское государство
Российское государство см. Русское государство
Россия см. Русское государство
РСФСР 104, 204, 210
Рубетсу см. Куйбышевск
Русанова, р. 416
Русская равнина 40
Русское государство 6, 7, 9, 13, 14, 16, 18, 19, 22, 23, 28, 30—33, 48, 187, 217, 305, 310, 353, 367—372, 381, 386, 395, 408, 410, 431
Русь см. Русское государство
Рутха 249
Рыркайпий 415
Рюкю 129
Рютино 111

Саадак-Терек 376
Саадах мйаабыт 392
Саглы 228, 231, 254

Сагалы-Бажи II (Сагалыкские курганы) 227, 229, 232
Сагалыкская долина 228
Сайн-Шанд 141
Сакачи-Алян 136, 137—140, 309
Салбык 191
Салбыкские курганы 195
Салда 354
Салехард I, II 25, 234, 236
Салым 354
Самусь, с. 100
Самусь I, II, III 98, 100, 101, 169—172, 178
Самусьская 100
[illegible]гар-Хая 208
Самсе-Юрях табл. 38—39
Сангель-кы см. Глухариная река
Санный мыс 61, 65, 66, 72, 216
Саньвэй 404
Сапсачюр 332
Сарагаш 25
Саралинский р-н 297
Саратка 237
Сароль 139
Сахалин 11, 22, 28, 33, 128, 133, 154—156, 220, 221, 346, 401
Саяно-Алтайское нагорье (Саяно-Алтай, Алтае-Саянское нагорье) 117, 159, 166, 170, 186, 266, 270, 274, 275, 285, 306, 362, 363
Саянская ГЭС 28, 30
Саянский остров 15
Саяны (Саянские горы, Саянский хребет, Саянское нагорье) 14, 17, 18, 86, 165, 172, 252, 258, 266, 271, 285, 287, 296, 299, 302, 377, 431
Свирск 31, 109—111
Северная Азия 30, 44, 53, 59, 69, 71, 76, 82, 94, 116, 121, 126, 127, 141, 154, 207, 428
Северная Америка табл. 38—39, 89, 91, 236, 237
Северная Европа 26, табл. 38—39, 80, 83, 112, 127, 136
Северная Индия 40
Северная Корея 307, 317
Северная Маньчжурия 14
Северная Монголия 75, 274
Северная Скандинавия 211
Северная Сосьва 25, 97, 234, 235, 369
Северная Якутия 77, 222
Северная Япония 90, 310
Северное Зауралье 367
Северное Приморье 142
Северное Приуралье 234
Северное Причерноморье 218
Северный Алтай 27, 360, 362, 363
Северный Казахстан 71, 303
Северный Китай 21, 38, 140, 253, 266, 300, 307, 339
Северный Ледовитый океан (Ледовитый океан, Ледовитое море) 5, 16, 47, 72, 76, 94, 126, 207, 211, 306, 370, 400, 409—411, 414, 415, 419
Северный Тибет 228
Северо-Восточная Азия 7, 9, 10, 22, 26, 33, 46, 73, 93, 131, 132, 150, 151, 346, 408
Северо-Восточная Тува 372
Северо-Восточное Поморье 370
Северо-Восточный Казахстан 304
Северо-Восточный Китай 407, 408
Северо-Западная Азия 20, 367, 370, 371
Северо-Западная Америка 132
Северо-Западная Европа табл. 38—39
Северо-Западная Индия 71
Северо-Западная Монголия 21, 286, 296
Северо-Западная Якутия 95
Северо-Западный Бохай 316
Седловидный, мыс 262
Семенде-а 401
Се[illegible] 22, 44, 61, 65—70, 72, 84, 104, 106, 206, 211—216, 250, 266—268, 273, 284, 285, 292, 381, 384, 387, 428
Селенгинский уезд 15
Сема 79
Семеновка 31
Семипятная, падь 261, 264
Семиречье 288, 290
Сенькина Шапка 143, 264
Сергеевка 148, 149, 308
Сердце-Камень 415
Серовский могильник 31
Сибирка 365
Сибирская земля 369, 371
Сибирское ханство (Сибирский «юрт») 13—15, 19, 358, 364—368, 371, 372, 378
Сибирь, сказ. м. Кашлык
Сидзу-[illegible]ни с 343, 344
Сига, г. 345
Сидзи 21, 261, 262
Сихтахи 207, 209
Сила 315, 317
Сильгумажа 209
Силяоха см. Шара-муран
Синцзян 296
Синие скалы 264, 265
Син-Ляо 317
Синск 388
Синсин 328
Синьцзянь 89
Сипинхэ 335
Сираваки 90
Сиринин 32, 350, 420
Сихотэ-Алинь 87, 320
Скандинавия 14, 127, 211
Скифия 196, 217
Славянка 341
Со 267, 274
Собакина, р. 117
Советский Союз (СССР) 5—7, 9, 28, 33, 34, табл. 38—39, 44, 47, 78, 205, 219, 284, 350
Согд 288, 290
Соединенные Штаты Америки (США) 6, 8
Сокалачи 264
Соленое озеро (Харлюк-коль) 66
Сорокинье 93
Сосьвинка 373
Сосьва 354, 359
Сотницкого 215
Сотницкий [illegible]ров 121
Спафарьева, о. 344
Средиземноморье 40
Среднее Зауралье 233
Среднее Поволжье 305, 372

Среднее Приамурье 72, 116, 145, 395, 401
Среднее Прииртышье 237
Среднее Приобье 234, 241, 306, 363
Средне-Сибирское плоскогорье 72
Средний Амур 11, 33, 74, 145, 148—150, 264, 309, 323, 429
Средний Енисей 62, 64, 79, 116—119, 169, 185, 187, 299, 360
Средний Иртыш 237, 304, 361, 364
Средний Урал 353, 355
Средний Чулым 241, 360
Средняя Азия 17, 22, 24, 38, 40, 41, 71, 77, 78, 82, 86, 96, 103, 104, 144, 165, 179, 185, 211, 217, 218, 228, 230, 233, 239, 242, 249, 260, 266, 270, 277, 290, 293, 296, 303, 320, 376, 386, 428
Средняя Лена 72, 119—122, 124, 125, 391, 401
Средняя Обь 25
Средняя столица (Бохая) 333
Сретенск 212
Сростки 44
Становой хребет 401
Стародубское II 155, 156
Старое мусульманское (татарское) кладбище (Томск) 98—100
Старый Сиктях 122
Стрелки 119
Субань 337
Субинь 325
Суг-Хол 287
Суджи 242, 284
Судзухе, поселение 264
Судзухе, р. 264
Суйфун 88, 136, 143, 261, 264, 324, 326—329, 331, 332, 341, 342, 402
Суйюань 184, 270
Сулек 297
Сулино 249
Сумангин 122
Сук 91
Сунгари 72, 251, 308, 316, 317, 320, 322, 324, 403, 405—407
Суруктах Хая 125
Сусуйская стоянка 220
Сучан 21, 45, 73, 142, 145
Сучу 131, 133, 135, 137, 139
Сыгва 369
Сыда 24, 25
Сылва 354
Сым (Чиромбу) 395
Сыр-Дарья 40, 185
Сырский чаат с 258
Сягзнутский могильник 382, 383
Сюй 312
Ся см. Тангутское царство
Сяньби 251
Сяньдэ 316
Сяньчжоу 322

Такла 304, 353—355, 358, 364, 368
Татарский, п. 18
Татарское озеро 25
Тагил 354
Тагискен 183
Таджикистан 78
Тадуша 87, 88, 90, 91, 148
Таз 306, 353
Таиланд 75
Тайгонос 344, 416
Таймырский полуостров (Таймыр) 94, 95, 370
Талицкого, поселение 71
Тамбара 258
Танамас см. Командорские острова
Тангутское царство (Ся) 333, 338, 339
Танну-ола 268
Танюрар 412
Таовань 403
Тапар-нош 355
Тара 237
Тарим 268
Тартас 239
Тарукиси 90
Тарья 134, 153
Тасеева, р. 20, 379
Тасты-бутак 174, 178
Тас-Хаза 168
Татарский пролив 220
Тауйская гора 344
Ташатканский городок 366
Ташкент 40, 179
Таштык 25, 258
Те 316
Телецкое, оз. 376
Тели 317
Тере-Холь 286
Тесь 24, 161
Тетюхе, бухта 32, 262
Тетюхе, р. 134, 141, 142
Тетюхе (Тетюхинское поселение) 142, 144, 153, 218
Тетюхинский мыс (холм) 141
Тешик-Таш 133
Тибет 63, 71
Тибетское нагорье 40
Тигиль 415, 416, 421
Тилигул 249
Тихий океан 5, 9, 16, 33, 71, 76, 91, 94, 96, 145, 154, 343, 409, 411, 414, 415, 427, 428, 431
Тоба (Тайбо) 309
Тоба Вэй 316
Тобол 237, 238, 354, 358, 361, 364, 367, 368, 378
Тобольск 13, 18, 237, 358
Тобольский округ 355
Тодайдзи 319
Тоджа 289
Тойда 90
Тойон Арыы 392
Тола 59, 266—268, 273
Тологой 215
Томь 122
Томск 9, 18, 61, 98—100, 170, 172, 178, 179, 186, 239, 361, 376
Томская обл. 29, 360, 361
Томский могильник 18, 98, 99, 204
Томь 13, 14, 17, 101, 170, 179, 186, 204, 241, 306, 361, 379
Тон-тура 365
Торгальык 375
Тоянов городок 361
«Труба» 117, 119, 204, 205
Туба (Улса) 189, 281, 298, 299, 378
Тубанский улус 378
Тува 8, 11, 28, 30, 71, 194, 215, 227—

233, 253—257, 266, 267, 269, 272, 274—277, 281—291, 372—376, 429
Туговзоновское погребение 303
Тукин (Дугин) 270
Туманган (Тюмень-ула) 142, 264, 402, 407
Тумат-тайга 373
Тумнин 401
Тумынь 328
Тунгуска Нижняя 123, 395
Тунгуска Средняя (Подкаменная) 123, 395
Тунка 17, 384
Тункинский край 292
Тункинский р-н 383
Тунцзян 323
Туой-Хая 123—125
Тура 304, 353—355, 358, 364, 366
Тургай 361, 362
Тургайский могильник 362
Туркмения 78
Турукта 121
Турухан 395
Турфан см. Коачан
Турфанский оазис 89
Туэкта 30
Туяхта 227
Тхонжхачжин 330
Тым 154, 241, 359
Тыр (Дили, Тэли) 405, 406
Тэли см. Тыр
Тюменская обл. 6, 7
Тюменское ханство 364, 368
Тюмень 96, 304, 364
Тюмень-ула см. Туманган
Тянь-Шань 40, 268, 303

Убсанур 268, 375
Увесновавин, р. 221
Уда 44, 61, 216
Уэун-оба 190, 195
Уйбат 18, 19, 166, 281, 298
Уйбатская степь 19
Уйбатский чаатас 25, 300
Уйгурское государство (Уйгурия, Уйгурский каганат) 286, 317
Ука 421
Украина 78, 428
Укулан 209
Укыр 295
Улалинка 41—43
Улан-Батор 61, 216, 268, 273
Улан-Удэ 9, 10, 31, 40, 212, 215
Улан-Хада 21, 26, 118, 204
Улаха 331
Улса см. Туба
Улуг-Хем см. Верхний Енисей
Улуг-Хемский р-н 275, 373
Улуг-Хорум 228
Улу-Кем см. Верхний Енисей
Уна 415
Унга 31, 293—295
Унгинское поселение 293, 294
Унчжу 330
Уолба, оз. 125
Уолба, стоянка 122
Уолбинский кырдал 126
Уральские горы (Урал, Уральский хребет) 5, 9, 10, 13, 14, 37, 69, 71, 72, 78, 85, 94, 96, 98, 103, 104, 180, 236, 238, 239, 252, 305, 353, 354, 366—369, 372, 428, 429, 430, 431
Урильский, о. 33
Урожайная 44, 78, 79
Урсул 30
Урумчи 268
Урунгу 268
Урюп 377
Урянхай (Оранкай) 407
Урянхайский край 22, 27, 244, 245, 284
Уснат 378
Усолка 379
Уссури 91, 136, 137, 150, 252, 264, 308, 320, 324, 406
Уссурийск 21, 22, 32, 73, 74, 136, 141—143, 145, 264, 318, 319, 341, 342
Уссурийский залив 261, 262
Устиновка 87, 148
Усть-Алданский р-н 121
Усть-Белая (бассейн Ангары) табл. 38—39, 80, 82—84
Усть-Бельский могильник (Чукотка) 151, 210, 221—223
Усть-Ерба 178
Усть-Иль 213
Усть-Канская пещера 41, 44, 71
Усть-Куренга 97
Усть-Куренгское погребение 104
Усть-Куюм 161
Усть-Кяхта 65
Усть-Мая 122
Усть-Полуй 234—237, 354
Усть-Полуйское городище 234
Усть-Семинская стоянка 44, 70
Усть-Собакинская стоянка 203, 205
Усть-Талькин 294
Усть-Теси 25
Усть-Тимптон 122
Усть-Удинский могильник 31
Усть-Цилемская слобода 370
Устюг 367, 368
Ута и 327
Утесяки 221
Уту-Елга 293, 294
Уфа 40
Ухуань 251
Учур 401
Ушицзи 405
Ушканка 251
Ушковское, оз. табл. 38—39, 93, 153
Уэлен 32
Уэленский могильник 347, 349, 350

Фед[illegible] 249
Федяево 44
Фергана 288, 290
Филимошки 41, 43
Финляндия 236, 355
Фоминская, стоянка 44
Фоне 328
Фофаново 201, 211, 212
Франция 6, 53, 54, 58
Фурдаьчен 342
Фушун 404
Фуюй 313, 315, 316
Фербенкс 89

Хабаровск 91, 92, 134, 136, 138, 264; 407
Хабсагай 381
Хагас 297
Хай Душэнго см. Бохай
Хайчуань 329
Хакассия 24, 165, 282
Хакасская автономная область 25
Хакасско-Минусинская котловина см. Минусинская котловина
Халха 248, 376, 387
Хамчжу 330
Хангай 268, 271
Ханка 74, 91, 141, 219, 264, 407
Хара Арыы 392
Хара-Балгасун (Харабалгас) 20, 302
Хара-Бусун 213
Харазаргай 292
Харанарин 268
Харахорин см. Каракорум
Харбин 407
Харинская сопка 219, 220
Харлоне-кель см. Соленое озеро
Харыйалаах 391, 392
Хасанский р-н 319
Хасхань 403
Хатанга 94
Хатын Арыы 392
Хем см. Енисей
Хашхай 296
Хемчик 268, 287, 289, 291, 376
Хинган (Хинганские горы) 217, 251, 401, 430
Хиньская падь 82, 84—86, 118
Хирхира 380
Хирхиринский городок 379, 380
Хоабин 92
Ходжикентская пещера 40
Хойнинфу см. Верхняя столица
Хоккайдо 90, 140, 156, 315
Холо 329
Хонсю 315, 346
Хоп 347
Хор 136
Хоринск 61
Хоро-Юрэгэ 122
Хотан 268
Хуай 334, 338
Хуайхуань 270
Хуайюань 318
Хуайян 338
Хуанхэ см. Желтая
Хубсугул 268
Хулавань 404
Хулань 407
Хулигай 403
Хулюм-Сунт 97
Хунань 339
Хунгари 138
Хунчунь 328
Хуньуцзян 403
Хурха-бира см. Муданьцзян
Хэбэй 339
Хэйша см. Кара-Кум
Хэлань (Хэланьшань, Хэланьфу, Хэланьлин) 32, 135—332, 337, 403
Хэланьшань, р. 330
Хэнань 333, 334
Хэнтэй 268
Цанчжоу 340
Цейлон 75
Центральная Азия 21, 38, 40, 41, 62, 63, 66, 70, 71, 76, 82, 86, 89, 90, 93, 116, 127, 136, 210, 211, 215, 227, 228, 232, 233, 248, 257, 266, 267, 269, 270, 272, 274, 280, 281, 284—286, 288, 293, 295—301, 303, 340, 376, 381, 428, 430, 431
Центральная Европа табл. 38—39, 43
Центральная Маньчжурия 325
Центральная Монголия 21
Центральная Тува 228
Центральная Чукотка 94
Центральная Якутия 69, 77, 95, 123, 388, 392
Центральный Алтай 30, 227
Центральный Казахстан 71, 183, 184, 304
Центральный Тянь-Шань 179
Цзянь-гунь (Гэгунь, Кыргуи) 296, 297
Цзяньчжоу см. Дуньхуа
Цзэргулу 405
Цигеновский (Сэгэнутский) улус 381
Циклодром (Локомотив) 31, 115
Цинганлинские юрты
Циулатан 405
Чаа-Холь 289, 374
Чаа-Хольский р-н 275, 373
Чай 241
Чалатань 403
Чанбощань (Чанбайшань) 308, 309, 320
Чаны 365
Чаосянь 313
Чапигоу 145, 319
Часовенная гора 381
Частинская 61, 66, 72
Частые, падь 31, 82, 84—86, 118
Чатыр-Куль 179
Чаунская гора 346
Чаунская губа 412, 414
Чач 288
Чегитун 350, 351
Чекуровка 126
Челябинск 239
Челябинская обл. 238, 239
Черемушник 44, 65, 81
Черниговка 74
Черновая, р. 165, 166, 168, 169
Черновая VI 161, 164
Черное море 217, 249, 303
«Черные пески» см. Кара-Кум
Черный Июс 377
Четырехстолбовый, о. 350, 351
Чехословакия 58
Чжаочжоу 403
Чжень 312, 313
Чженьхуа 323
Чжоукоудянь 75
Чик 363
Чикаево 221
Чикой 44, 242
Чимга-тура 364, 366
Чиняевское городище 365
Чиркуо 123
Чировое, оз. 221, 222
Чиромбу см. Сым
Чита 40, 94, 214

Читинская обл. 215, 379, 380
Чичк[illegible]л 361
Чона 123, 124
Чонпхен 329
Чох-чур-Муран 77
Чу 179, 275
Чугай-куз (Цзунцай-Шань) 272
Чудаки 238
Чукотский округ 346
Чукотский полуостров (Чукотка) 11, 17, 28, 32, 33, 46, 93, 151, 210, 221, 223, 346, 350, 412, 416, 417
Чукотское море 412, 413
Чукотское побережье 222
Чукочья, р. 415
Чулым 16, 19, 29, 186, 241—258, 359—362, 377, 378
Чулымо-Енисейская котловина 187
Чулымо-Енисейская равнина 62
Чуна 387
Чуру 124
Чурумал 374
Чусовая 71, 354, 357
Чуя 267, 268
Чхончхонган 323
Чэстый-яг 97

Шагонар 287, 289, 373
Шаж 97
Шаньдун 315, 338, 339
Шаньси 334
Шаньцзинь см. Верхняя столица
Шара-мурэн (Силиоха) 141, 268
Шелагского, мыс 411, 415
Шереметьево 136, 137, 139
Шидуха 405
Шилка 116, 212, 214, 216, 268, 307, 309
Шилкинская пещера 116
Шилк[illegible] [illegible] 116
Шикшит 384
Шишкино 33, 35, 65, 113, 153, 295, 296
Шишкинские скалы 381, 388
Шмидта, мыс 415
Шория 28
Шохтой 294
Шуайбинь 318
Шуй-дада 403
Шуйдунгоу 61
Шуннюйчжи 322

Щегор 369

Ымыяхтаах, оз. 121
Ымыяхтаах, стоянка 122

Эворон 130, 140
Эдзин-гол 268
Эквенский могильник 347
Экичуверяеем 350
Экспедиции, бухта 261
Элегест 373—375
Эльгыгытхын 151, 221
Энурмин 415
Эрбек 374
Эрдзин-Цзу 260

Юг, р. 71, 367
Юган 354
Юго-Восточная Азия 40, 41, 73—75, 91, 121, 201
Юго-Восточная Тува 373
Юго-Западная Туркмения 96
Югорская Земля (Югра) 20, 367—369, 371
Юедейская стоянка 120
Южная Азия 43, 75, 77
Южная Маньчжурия 403
Южная Сосьва 355
Южная Тува 278
Южная Франция 49
Южная Якутия 123
Южное Забайкалье 248
Южное Зауралье 179, 233
Южное Приморье 87, 402
Южный Алтай 228, 275, 362
Южный Олений остров 125, 127
Юлдус 267

Яблоновый хребет 401
Яйский могильник 100
Якитикивеем 94, 221
Яксарт 183
Якутск 9, 77, 120—122, 185, 207—209, 388
Якутская АССР (Якутия) 7, 11, 28, 31, 76, 116, 119—127, 148, 153, 207—211, 218, 221, 291, 292, 345, 347, 352, 385, 387, 388, 390—392, 394, 395, 409—411
Якутская губ. 23
Якутская обл. 393
«Якутский взвоз» 388
Якутско-Вилюйская котловина 77
Ялу 320, 323, 324
Яма 416
Ямал табл. 38—39, 353
Яна 387, 392, 410
Яндогай 347
Янцзы 338
Янь 319
Яньжань 314
Яньчжэ 319
Япония 7, 8, 73, 83, 90, 93, 134, 140, 145, 315, 319, 320
Японские острова 90, 91, 132—134, 142, 144, 145, 156, 158, 265, 319, 402
Японское море 87, 141, 154, 307, 317, 323
Яркент 268
Яцзы 332

Список иллюстраций

Стр.

1. Распространение трупов ископаемых животных и палеолитические местонахождения 39
2. Усть-Канская палеолитическая пещера во время раскопок 41
3. Каменное изделие (скребло) из Улалушки 42
4. Скульптурки птиц из Мальты 45
5. Статуэтка женщины из Бурети 50
6. Рисунки животных на Шишкинских скалах (бык и олень, лошадь). Верхняя Лена 55
7. Рубящее орудие (чоппер). Усть-Семинская стоянка, Алтай 70
8. Каменные изделия и гарпун эпохи мезолита 81
9. Неолитические культуры Сибири 95
10. Медведь. Скульптура из Самусек 101
11. Тесло с ушками. Устье Чоны, Якутия 124
12. Наскальное изображение — «личина». Сакачи-Алян 136
13. Глиняная фигурка женщины. Кондон . . . . . 138—139
14. Культуры эпохи бронзы Сибири 160
15. Глиняные сосуды из могильников афанасьевской культуры 163
16. Изображения животных на плитах из могильника окуневской культуры на р. Черновой 169
17. Керамика андроновской культуры 175
18. Типы могил и вещей четырех последовательных этапов тагарской культуры . . . . . 192—193
19. Реконструкция костюма глазковского времени (выполнена В. Д. Запорожской) 200
20. Бронзовые кинжалы-акинаки. Тува, Саглы 229
21. Изображения оленей из дерева. Алтай 231
22. Образцы искусства из Саглынских курганов Тувы — резные изображения горных баранов, лошадей, дзеренов, грифов (маралий рог) . . 232
23. Расселение племен гуннского союза и их походы (II в. до н. э.—V в. н. э.). По А. Н. Бернштаму 249
24. Предметы домашней утвари из могильников Тувы гуннского времени 254
25. Погребальная маска из Уйбатского чаатаса . . . . . 260—261
26. Расселение племен тукю (тугю) и теле в VI—VIII вв. 268
27. Изображения Гопат-шаха на обломке сосуда (внизу слева — деталь) и на печати (внизу, справа) 294
28. Изображения кыргызских воинов на писаницах 298
29. Скульптурное изображение головы дракона чжурчженьского времени. Уссурийск 341
30. Изображение нерпы из древней эскимосской землянки. Яндогай . . . 347
31. Скульптура женщины. Древнебернигоморская культура 349
32. Изображения юрт и сцена перекочевки древнемонгольских племен. Писаницы Прибайкалья 382
33. Старинные якутские стрелы, шлемы и колчан 389
34. Пешие тунгусы на Ангаре 397
35. Приморье и Маньчжурия в XV—XVI вв. 407

Оглавление

Стр.

Редакции 5

Часть первая. *История изучения древнейшего прошлого Сибири* 13

Раздел первый

ЭПОХА ПЕРВОБЫТНОЙ ОБЩИНЫ

Часть вторая. *Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита* 37

1. Природа Сибири в ледниковое время и пути заселения ее человеком . 37
2. Мальта и Буреть 44
3. Поздний палеолит Сибири 59
4. Древнейшие культуры Дальнего Востока 72
5. Переход от палеолита к неолиту 76

Часть третья. *Сибирь в новокаменном веке. Эпоха неолита* 94

1. Неолит Западной Сибири 96
2. Неолит Восточной Сибири 104
3. Неолитические племена Якутии 119
4. Неолит Дальнего Востока 127
5. Неолитические племена северо-востока Азии 150

Часть четвертая. *Сибирь в бронзовом веке* 159

1. Афанасьевская культура 159
2. Окуневская культура и ее соседи на Оби 165
3. Андроновское время в Южной Сибири 172
4. Карасукская культура 180
5. Тагарская культура 187
6. Племена восточносибирской тайги в бронзовом веке 196
7. Бронзовый век Якутии 207
8. Бронзовый век Забайкалья 211
9. Дальний Восток в эпоху бронзы 218

Раздел второй

ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ И ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВА

Часть пятая. *Сибирь в раннем железном веке. Первые племенные союзы* . . . 227

1. Алтай и Тува в скифское время 227
2. Племена лесостепной и лесной полосы Западной Сибири в I тыс. до н. э. 233
3. Гунны в Забайкалье 242
4. Племена Тувы во II в. до н. э.—V в. н. э. 253
5. Таштыкская культура 257
6. Дальний Восток в раннем железном веке 261

Часть шестая. *Тюрки Сибири в VI—X вв. Первые государства* 266

1. Тюркские народы Южной Сибири 266
2. Уйгуры 284
3. Курыканы 291
4. Киргизы 296
5. Лесные племена Прииртышья и Нижнего Приобья в I—начале II тыс. н. э. 303

Глава седьмая. *Дальний Восток в эпоху тунгусских государств. Бохай и Золотая империя (чжурчжэни)* 307
1. Мохэские племена до образования государства Бохай 307
2. Государство Бохай 313
3. Золотая империя (чжурчжэни) 329
4. Племена северо-востока 343
Глава восьмая. *Народы Сибири перед присоединением к Русскому государству* 353
1. Западная Сибирь в XIII—XVI вв. 353
2. Тува 372
3. Енисейские кыргызы 377
4. Буряты 379
5. Якуты 387
6. Тунгусы 395
7. Дальний Восток в XIII—XVI вв. 402
8. Народы северо-востока 408
Заключение 428
Именной указатель 432
Географический указатель 439
Список иллюстраций 452

ИСТОРИЯ СИБИРИ, Т. I

Древняя Сибирь

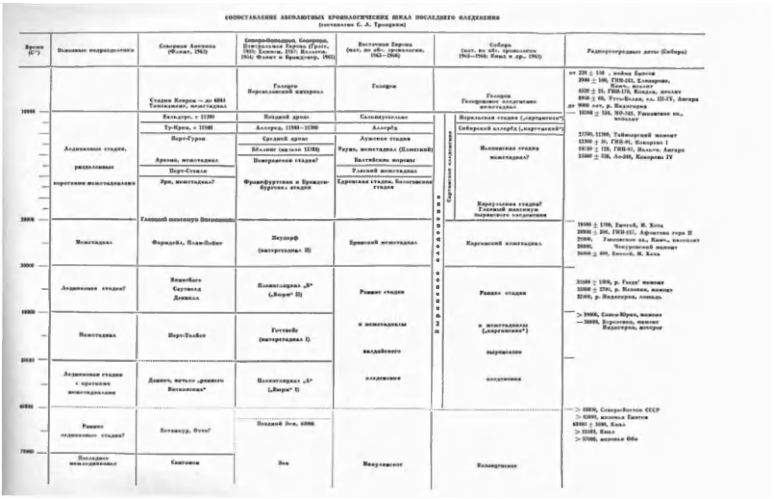
Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии
Сибирского отделения Академии наук СССР

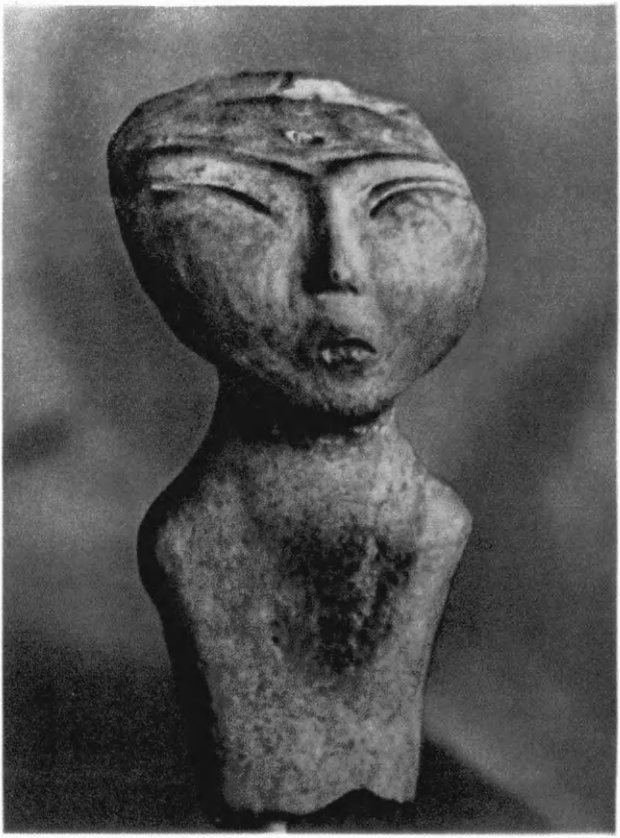
Редактор издательства *Г. А. Альбова*
Художник *М. И. Рождественский*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Н. П. Кизим, Н. Э. Петрова и Г. И. Яковлева*

Сдано в набор 20/III 1967 г. Подписано к печати 18/XII 1967 г. РИСО АН СССР №121—159В. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 14¹/₂. Печ. л. 28¹/₈ + 3 вкл. (¹/₈ печ. л.) = 40,6 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 40,72. Изд. № 3235. Тип. зак. № 177. М-59045. Тираж 21350. Бумага типографская № 2. Цена 3 р. 50 к.

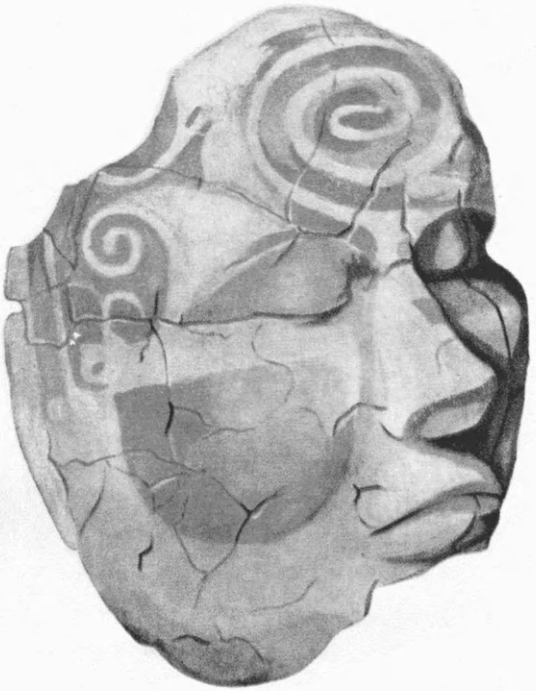
Ленинградское отделение издательства „Наука". Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука". Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12


СОПОСТАВЛЕНИЕ АБСОЛЮТНЫХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ШКАЛ ПОСЛЕДНЕГО ОЛЕДЕНЕНИЯ
(составлено С. А. Тушинским)
Время (L⁻¹)
Основные подразделения
Северная Америка (Флинт, 1963)
Северо-Западная, Северная, Центральная Европа (Гросс, 1955; Зоненн, 1961; Кольшюттер, 1963; Флинт и Брюкнер, 1965)
Восточная Европа (мат. по палеогеографии, 1962—1964)
Сибирь (мат. по палеогеографии (1963—1966; Кинд и др., 1965)
Радиоуглеродные даты (Сибирь)
Голоцен
Голоцен Перигляциальной материка
Голоцен
Голоцен Геологических плейстоцен-монтаньи
от 220 ± 110 — водна Байкал
2000 ± 100, 7370-255, Елизарово, Ленинград
6320 ± 35, ГИН-170, Кинда, ледник
8950 ± 60, Усть-Вилюй, гл. III-IV, Лагерь
от 9000 лет, р. Индигирка
10360 ± 350, 310-345, Таймырское оз., моллюск
Ледниковые стадии, расположенные короткими межстадиалами
Вальдерз, с 11200
Ту-Кроз, с 10500
Перт-Турни
Аренал, межстадиал
Перт-Стоунз
Ирл, межстадиал?
Главный пассорус Вотонвуд
Позднеи дриас
Аллерёд, 11000–11200
Средний дриас
Бёллинг (около 12100)
Позднеледниковая стадия?
Франкфуртская и Брендербургская стадии
Салаирогольская
Аллерёд
Лужская стадия
Рауна, межстадиал (Ленинград)
Балтийские моренны
Ульский межстадиал
Карповская стадия, Белорусская стадия
Карговская
Нормальная стадия („карговская“)
Сибирский аллерёд („карговский“)
Ыллинская стадия межстадиал?
Кирсутьинская стадия? Главный максимум Зырянского оледенения
Карговский межстадиал
10100 ± 1700, Ергачей, М. Хета
10900 ± 200, ГИН-107, Афонтова гора II
11100, Таймырское оз., Кинд., таллоид
11600, Чекурдахский максимум
11650 ± 400, Ергачей, М. Хета
Межстадиал
Фарндейл, Плам-Пойнт
Пеулерф (интерстадиал II)
Ермаковский межстадиал
Ледниковая стадия?
Вашингтонского Скуэмиш Дивайд
Плейстоцен „Б“ („Вюрм“ II)
Ранние стадии
Ранняя стадия
11500 ± 1000, р. Гыда' полигон
12500 ± 2700, р. Колыма, монтаж
12600, р. Индигирка, лошадь
Межстадиал
Перт-Толбот
Готтвейг (интерстадиал I)
и межстадиалы
ермаковского
оледенения
и межстадиалы (Ленинградье?)
зырянского
оледенения
> 30000, Северо-Юрск, полигон
—32000, Буреполом, полигон Индигирка, интерьер
Ледниковая стадия с крупным межстадиалом
Дивять начало „древнего Висконсина“
Плейстоцен „А“ („Вюрм“ I)
> 43000, Северо-Восток СССР
> 45000, полигон Ергачи
48000 ± 3500, Кинд
> 50000, Кинд
> 57000, полигон Обь
Раннее ледниковье стадии?
Последнее межледниковье
Беттендорф, Отто?
Сангамон
Поздний Эем, 60000
Эем
Микулинское
Казанцевское
Карговский интерстадиал
Ермаковский интерстадиал
Ермаковское оледенение
Зырянское оледенение
Сартанское оледенение
Верхнеплейстоценовые оледенения
Среднеплейстоценовые оледенения
Нижнеплейстоценовые оледенения
10000
5000
0
70000



Глиняная фигурка женщины. Кондон.



Погребальная маска из Уйбатского чаатаса